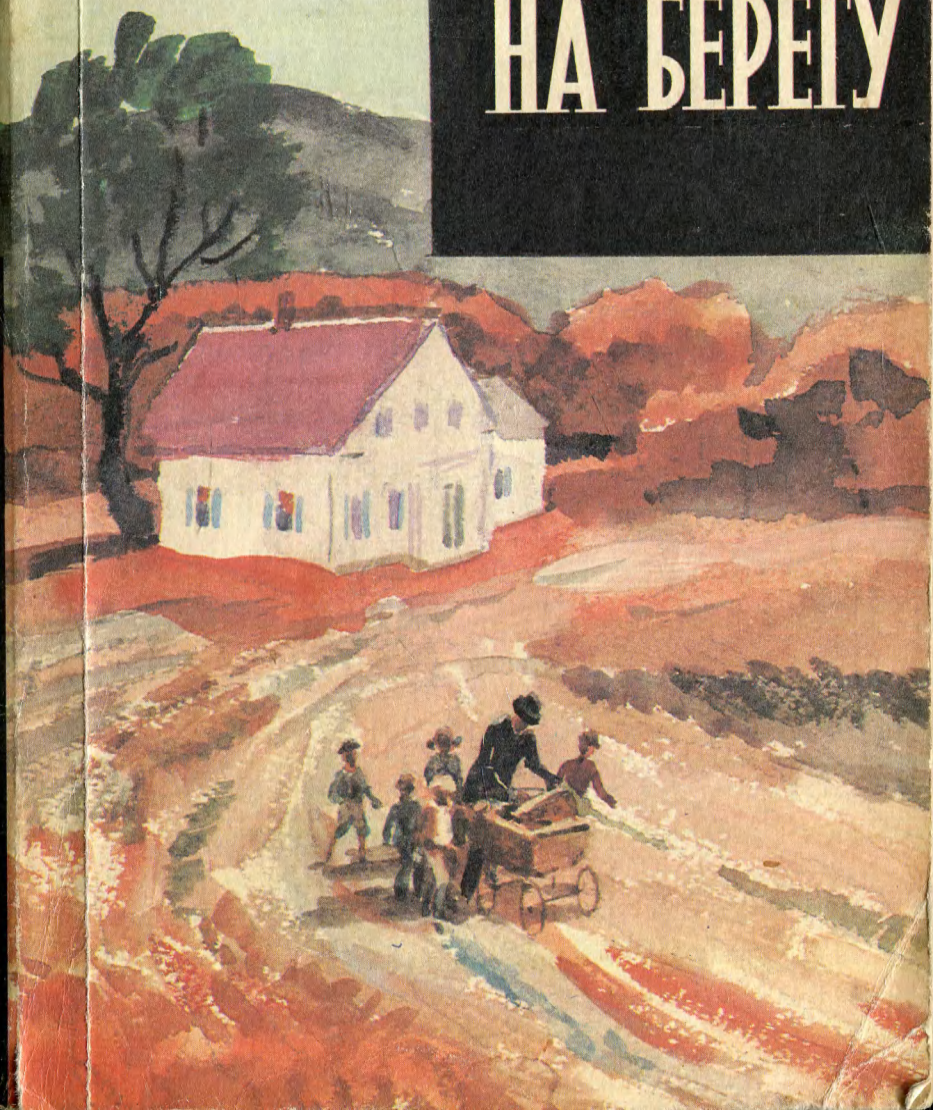

НЕВИЛ ШЮТ

КРЫСОЛОВ и НА БЕРЕГУ

**Редакционная коллегия серии
«Зарубежный роман XX века»:**

**Т. В. БАЛАШОВА, Д. В. ЗАТОНСКИЙ, В. Б. ЗЕМСКОВ, В. С. МОДЕСТОВ,
С. В. НИКОЛЬСКИЙ, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, В. А. СКОРОДЕНКО, Е. П. ЧЕЛЫШЕВ**

НЕВИЛ ШЮТ

КРЫСОЛОВ

Роман

НА БЕРЕГУ

Роман

Перевод с английского
НОРЫ ГАЛЬ

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1991

ББК 84.8
Ш99

NEVIL SHUTE

PIED PIPER

1942

ON THE BEACH

1957

Вступительная статья

В. СКОРОДЕНКО

Иллюстрации художника

Ю. ИГНАТЬЕВА

Оформление художника

Ю. БОЯРСКОГО

Ш $\frac{4703050100-102}{028(01)-91}$ КБ-22-20-90

ISBN 5-280-01848-1

- © Вступительная статья. Скоро-
денко В., 1991 г.
- © Переводы. Галь Нора, 1991 г.
- © Иллюстрации. Игнатъев Ю.,
1991 г.
- © Оформление. Боярский Ю.,
1991 г.

НЕВИЛ ШЮТ, ТВОРЕЦ БЕСТСЕЛЛЕРОВ

Невил Шют — литературное имя Невила Шюта Норвея (1899—1960). Он родился в пригороде Лондона в семье государственного служащего среднего достатка, умер в Австралии в машине скорой помощи, которая увозила его с сердечным приступом из собственного поместья в мельбурнскую больницу. Умер очень богатым человеком — американский журнал «Тайм» назвал его в некрологе «самым широко продаваемым автором из всех нынешних британских писателей». Отпущенные ему годы — а их было не так уж много, он скончался на пороге старости — Невил Шют заполнил трудами, причем не только литературными.

Он с детства увлекался механикой, техникой, конструированием машин; авиация же была его истинной страстью. Он выучился на военного летчика, несколько лет проработал в частной самолетостроительной компании и в правительственной группе по проектированию новой модели самолета, основал и возглавил компанию «Эйрспид» по производству небольших самолетов для пассажирских линий. В годы войны (1940—1944) мистер Норвей возглавил инженерный отдел Адмиралтейства, хотя еще в 1938 году подал в отставку с поста директора «Эйрспид» и стал профессиональным писателем Невиллом Шютом.

В 1948 году он на собственном самолете совершил перелет в Австралию, где собрал материал для новой книги, и тем же способом вернулся назад в 1949-м. А еще через год переселился в Австралию со всей семьей — в июле 1950-го. Тому, видимо, было несколько причин.

До самой смерти он оставался убежденным консерватором, будучи таковым по семейным корням, воспитанию и социальному окружению. Лейбористов он не жаловал, их приход к власти после войны, как и политика лейбористского правительства, вызвали у него резкое неприятие. В Австралии же правительство было стабильно консерватив-

ное. К тому же и в чисто психологическом плане новый континент не только пришелся ему по душе, но и таил в себе возможности нового опыта, открытия иных горизонтов; вот что он сам писал по этому поводу: «...прожить в Австралии ближайшие двадцать лет само по себе уже будет захватывающим приключением. Для меня, возможно, это станет последним и самым захватывающим приключением всей жизни...»

В Австралии он продолжал писать книги, одновременно уделяя должное хозяйственным заботам по усадьбе и ферме. Из-за прогрессирующей болезни сердца постепенно отказывался от любимых развлечений — сперва от самолета, потом от гоночной машины, самолет заменившей. Но жизнь он вел столь же насыщенную, что и в Англии, да и окружение его существенно не изменилось. Джулиан Смит, автор очерка жизни и творчества писателя (1976), свидетельствует: «В числе самых близких знакомых Шюта писатели не числились; он явно предпочитал общество инженеров, руководителей, бизнесменов, профессионалов, военных, фермеров...» Люди этого типа и выступают героями почти всех его книг.

От любого писателя принято ожидать известного представления о том, о чем он берется писать. Шют возвел это требование в абсолют. Писал ли он об авиаторах, солдатах или фабрикантах, о рыбной ловле, археологии или градостроительстве, он досконально знакомился с предметом, если уже не знал его по собственному жизненному опыту. Механика трудовых и бытовых процессов была для него не менее интересна и достойна, чем анатомия характеров и чувств. Его книги выделяются точностью и конкретикой в воссоздании, условно говоря, производственных сфер жизни и специфики «производственного» сознания, психологии профессионалов. В этой связи любопытны данные, к которым Дж. Смит привлекает внимание в связи с романом «Нет пути», фабула которого строится вокруг расчета новой модели самолета и феномена усталости самолетного сплава. Роман был написан в 1947 году, опубликован в следующем; в марте 1949-го ученые впервые выдвинули гипотезу усталости авиаметалла, а в июле того же года взмыл в небо самолет, напоминающий по конструкции описанный Шютом в романе. Наконец, в 1953—1954 годах катастрофы, подобные выведенным в книге, начали происходить с самолетами класса «Комета», построенными фирмой де Хавилленда, где в свое время начинал молодой самолетостроитель Норвей.

Еще более поучительная история произошла с романом «Совершенно секретно», законченным в 1942 году, а опубли-

ликованным из-за вмешательства военной цензуры только в 1945-м. Показанные в нем военные действия англичан по поднятию боевого духа в оккупированной Франции, с точки зрения цензоров, слишком предвосхитили некоторые направления стратегических разработок британского командования. Прогнозы Шюта на ближайшее будущее вообще обнаруживали настораживающую тенденцию к воплощению в действительность. Атомная война, из-за которой гибнет человечество в романе «На берегу» (1957), отнесена Шютом к 1962 году — тому самому, когда разразился Карибский кризис и мир в прямом смысле балансировал на грани, как мы понимаем сейчас, всеобщего уничтожения.

Дело тут, разумеется, не в мистическом откровении, а в основательном представлении автора о всех обстоятельствах действия, происходящего в его книгах. Качество, между прочим, обязательное для бестселлера, в том числе и такой его разновидности, как «производственный» роман, в каноническом виде представленный в творчестве столь популярного в СССР американца Артура Хейли.

В сюжетах книг Шюта ярко выражено динамическое начало; в них много действия, персонажи все время находятся в движении, напряжении, куда-то устремлены. Перелет, плавание, поездка, одним словом, перемещение в пространстве присутствует во всех его романах. Даже там, где персонажи ведут обычную жизнь и их существование во многом определяется бытом и привычным делом, сюжетный динамизм придает повседневности дополнительную остроту и напряженность, как, допустим, в романе «Пастораль» (1944), где нарисованы будни и отдых молодого военного пилота.

У Невила Шюта почти не найти пассивных, рефлектирующих героев. Автор наделяет действующих лиц свойственной ему самому жаждой жизни, активной жизненной позицией. Последняя подразумевает в его глазах твердую нравственную позицию. Оставаясь, как было сказано, консерватором до мозга костей, он с оправданным опасением относился к новомодным веяниям в области морали, гуманизм считал неделимым и не допускающим разнесения по классовой принадлежности и определенно полагал, что ничего лучше и бесспорней старых надежных библейских заповедей человечество на путях своего долгого и еще не завершившегося нравственного «взросления» не придумало. В равнении на общечеловеческие ценности существуют его герои, этими ценностями автор поверяет современную ему историю — политическую, социальную, духовную: из двадцати трех романов Шюта, увидевших свет, один — исторический, в другом

время действия передвинуто на тридцать лет вперед («В сезон дождей», 1953), события же остальных разворачиваются в современной писателю действительности, которая воссоздается на письме с предельной убедительностью, чему не мешает незначительный сдвиг хронотопа в ближайшее «завтра» («Нет пути», «На берегу»).

То, о чем до сих пор велась речь,— хорошее знание предмета, увлекательный сюжет, определенность моральной и гражданской позиций автора и персонажей, общеинтересная тема — суть необходимые слагаемые бестселлера. Массовый читатель, пожалуй, еще может простить автору фактические ляпы, но пренебрежение другими компонентами не проходит безнаказанно. Практика свидетельствует, что еще лучше, когда к этим слагаемым прибавляется любовь, все вместе замешено на мелодраме и венчается пресловутым «хэппи эндом». Роман Шюта «Город как Элис» (1950), имевший в 1950-х феноменальный успех, да и сегодня отнюдь не забытый, удовлетворяет этому рецепту по всем статьям.

Не в том суть, что рецепт плох или что прицел на создание бестселлера сам по себе ущербен. В бестселлеры может выйти и книга-веха вроде набоковской «Лолиты», и просто добротное литературное произведение, как «Поющие в терновнике» Колин Маккаллоу или многие книги Шюта, и весьма серенькая беллетристика («История любви» американца Э. Сигала), и вовсе расхожее чтиво. Настораживает то, что бестселлер можно как бы «рассчитать», «сделать» и получить результат, в литературном плане совпадающий — при всех явных достоинствах бестселлера и при всей парадоксальности и невероятности такого сближения — с характерным воплощением метода социалистического реализма. Это сходство, в основе которого лежит «рецептурный» принцип, уловил автор анонимной рецензии на «Город как Элис», помещенной 16 июня 1950 года в литературном приложении к лондонской «Таймс»: «Мистер Шют со своими высокими нравственными целями и счастливой развязкой, возможно, напомнит нам автора дидактических романов XIX века или нынешнего русского советского писателя, который видит свою задачу скорее в том, чтобы «улучшить» действительность, нежели в том, чтобы честно ее показать».

Воистину неисповедимы пути писательские.

Невил Шют писал о том, о чем хотел, однако принимал во внимание законы книжного рынка и психологию массового читателя. Он работал не то чтобы по рецепту, отнюдь, но менял эстетическую установку в зависимости от того, как рисовал себе дальнейшую судьбу своего детища. Здесь

он обнаруживал тот же трезвый подход, что и в других случаях жизни. «Порой мне сдается, что при создании книги автору приходится исходить из самого главного решения: пишет ли он для собственного удовольствия или на потребу публике? Если вы пишете для собственного удовольствия, вы, возможно, сотворите шедевр, каковой студенты будут изучать и через тысячу лет; но не спешите ругать публику, если она не пожелает тратить на него деньги при вашей жизни, поскольку вы ведь и писали его не для того, чтобы доставить ей удовольствие».

Можно с большой долей уверенности утверждать, что Шют знал себе цену как писателю и, не обольщаясь на собственный счет, такой подход к творчеству рассматривал как отвечающий природе и возможностям своего дарования. Как его коллега англичанин Грэм Грин разделяет свои романы на «развлекательные» и «серьезные», так и Невил Шют делил произведения на написанные им для публики и написанные для себя; приступая к очередной книге, он заранее знал, в какую из двух категорий она предназначена.

У Грина с этим делением возникали несообразности: «развлекательные» сочинения вошли в число тех серьезных, в кавычках и без, что составили признанный гриновский канон. Так было с «Доверенным лицом» (1939) и «Нашим человеком в Гаване» (1958). У Шюта многие романы, писавшиеся для себя и рассчитанные на коммерческий провал, скажем, «Сдвиг по фазе» (1951) или «На берегу», также попадали в круг бестселлеров и начинали конкурировать с «Крысоловом» (1942), «Пасторалью» или «Городом как Элис». По складу таланта и в силу эстетических вкусов Шют тяготел к социально-психологической прозе с выраженной фабульной основой, а не к углубленному аналитическому письму. Как писатель он сложился и обрел свою манеру еще до войны и, начиная с первого коммерческого успеха, романа «Одинокая дорога» (1932), выпускал книги, написанные примерно на одном и том же добротном беллетристическом уровне. Однако если Шюту что-то по-настоящему удавалось, то удавалось крепко и бесспорно. Две таких творческих удачи, имевшие в свое время огромный успех и, думается, ни в коей мере не устаревшие морально — напротив, сегодня, может быть, звучащие еще актуальней, чем в год выхода, — сейчас перед вами.

*

Средневековый сказочный сюжет о Крысолове из Гаммельна, который, наигрывая на дудочке, сманил и увел из

города детей, после того как горожане отказались выдать награду, обещанную за изведение крыс, не раз с тех пор возникал в литературе, причем в разных, подчас весьма далеких от первоначальной схемы, вариациях и литературных «одеждах». Из русских писателей первой половины нынешнего столетия его, например, разрабатывали Марина Цветаева в поэме «Крысолов» и А. Грин в одноименной новелле. Невил Шют дал свою интерпретацию сюжета, вероятно, наиболее отвлеченную от канонического из всех имеющихся, переосмыслил легенду в совсем иных нравственных категориях; какую именно и как переосмыслил — это читатель поймет, прочитав роман.

Сюжеты подобного типа, как правило, складываются и оформляются в смутные времена потрясений, кризисов, углубления социального неблагополучия. Роман Шюта создавался в годы второй мировой войны и на материале войны. Это Франция, захваченная фашистской Германией.

Фабула строится на драматической истории бегства от оккупантов маленькой группы людей, детей и взрослых, во главе которой по прихоти обстоятельств оказывается человек, совершенно непригодный для роли лидера, — отдыхавший на континенте старик англичанин Джон Сидней Хоуард. Таким образом, структура «Крысолова» имеет точки соприкосновения с поэтикой «романа большой дороги», жанра, распространенного в европейских литературах XVII—XVIII веков и давшего неподражаемый образец в виде бесмертных «Приключений Тома Джонса, найденыша» английского писателя Генри Филдинга. Правда, роман Шюта от этого жанра все время отступает и его пародирует. Так, персонажам Шюта тоже выпадает на долю много приключений, но далеко не веселых; не мирные веси и очаровательные ландшафты открываются перед ними — дезорганизованная разгромом и захватом страна; место традиционного героя такого романа — молодого, красивого, чувственного, вольного как птица, занял у Шюта пожилой невзрачный господин, связанный по рукам и ногам данным им обещанием и чувством морального долга.

Есть в «Крысолове» сильные эпизоды, сделавшие бы честь любому автору-баталисту, — бомбежка беженцев на дороге, разбитая армия в Дижоне, некоторые другие; но не они все же определяют трактовку войны в этой книге. Для Шюта, как обычно озабоченного сопоставлением ценностей и противоположением добра и зла, важнее было осуществить это на уровне привычного, повседневного. Поэтому он укрупненно прорисовывает вторжение войны в быт, показывает

перерождение оккупации в это самое привычное и повседневное, хотя она и не становится от того более приемлемой. Герой Шюта приглядывается к немцам на французской земле: «Хоуард не заметил в их поведении ничего такого, на что пришлось бы пожаловаться, вот только лучше бы их тут вовсе не было. А так — что ж, они сдержанные, старательно вежливы, явно не уверены, что им здесь рады».

Что во Франции или Норвегии захватчики держались по-другому, чем в Польше или Советском Союзе, понятно. Тем не менее оккупация — всегда оккупация, и автор находит краски, чтобы читатель хорошенько прочувствовал и горький вкус поражения у французов, и синдром хозяев у победителей. То и другое сливаются в «новом порядке», принесенном немцами, который Шют поворачивает к читателю то трагической, то фарсовой стороной. Вот, к примеру, страшноватый по смыслу образчик фашистской пропагандистской демагогии, вложенный в уста немецкому офицеру: «Вы должны благодарить не меня, мой друг... Не меня, а Германию. Мы, немцы, принесли вам мир, чистоту и порядок, и это есть истинное счастье. Больше не будет войны, больше вы не будете скитаться. Мы, немцы, — ваши друзья... То, что Германия сделала для этого мальчика, она сделает для всей Франции, для всей Европы. Наступил новый порядок».

Жутковато; однако в контексте эти славословия порабощению звучат комично: во-первых, Германия не сделала для мальчика ничего особенного — в военном лазарете его помыли, подстригли и смазали ссадины; во-вторых, выданную ему новую одежду немцы наглым манером изъяли из французской лавки, причем об этом знают и слушающий, и говорящий, но офицер не догадывается, что англичанин был свидетелем мародерства.

Роман Шюта не просто, вернее — не только антивоенная книга. Морально-философская позиция автора здесь далеко неоднозначна. С одной стороны, он солидарен, как можно заключить из сюжета, с патриотической позицией, которую облекает в слова девушка-француженка, невеста убитого летчика — сына Хоуарда: «Каждый человек — или француз, или англичанин... Нельзя быть сразу и тем и другим. Когда родина в беде, надо оставаться на родине и помогать ей, чем только можешь». Шют безоговорочно выступает за сопротивление и, как подсказывает его другой военный роман, «Совершенно секретно», готов оправдать уничтожение супостата любыми средствами, коль скоро это поведет к торжеству справедливого дела.

С другой стороны, патриотизм включен автором в более широкую систему общечеловеческих ценностей и, нетрудно заметить, занимает в ней подчиненное место; есть вещи и поважнее, например, свобода и жизнь человека. В изображении Шюта тяготы оккупации оттеняют, резче прорисовывают незыблемость и непререкаемость древних заветов веры, надежды, любви, олицетворением которых выступают дети. Утверждение человечности вопреки всему, рождающаяся из перипетий сюжета мысль о том, что жизнь одного отдельного человека так же свята, как существование всего человечества, можно, очевидно, назвать главным философским итогом «Крысолова».

Среди иллюзий, с которыми расстается герой романа, одной из первых гибнет такая: все плохое, страшное, гибельное, что случается в мире, происходит где-то там и с другими, здесь и со мной этого быть не может. В подтексте книги проводится идея сопричастности судьбы одного человека судьбам человечества в целом. С особой силой тема неделимости цивилизованной вселенной, Земли как обжитого человеком космического дома звучит в самом знаменитом романе Невила Шюта — «На берегу».

Это книга о вымирании человечества после третьей мировой, она же первая ядерная, войны.

Американский режиссер Стенли Крамер в 1959 году выпустил фильм, снятый по этому произведению. Невила Шюта картина в восторг не привела (ряд сюжетных линий романа претерпел в ней изменения), однако собрала толпы зрителей во многих странах. Торжественная премьера ленты, которая трактовалась у нас тогда только как антивоенная, состоялась одновременно в нескольких столицах мира, в том числе в Москве, хотя картина и была запрещена для проката в Советском Союзе. В ряду многочисленных произведений-предупреждений и так называемых ядерных антиутопий «На берегу», книга и фильм, твердо занимает первое место и, видимо, будет занимать еще долго.

Роман писался задолго до трагедии Чернобыля, в ту далекую, на нынешний взгляд, эпоху, когда две противоборствующие в мире системы всерьез прикидывали, как с наибольшей «отдачей» использовать друг против друга ядерные арсеналы; когда жизнь на Земле после атомного смерча казалась вполне возможной, хотя и нелегкой, и ни ученые, ни политики еще по-настоящему не задумывались о глобальной угрозе, заключенной в самом существовании и накоплении ядерного оружия.

Верный правилу находиться на уровне обыденной жиз-

ни, а не вне или над нею, Шют нарисовал апокалипсис, протекающий в простых житейских масштабах, обставленный милыми и не очень милыми мелочами повседневного быта, на которые люди по привычке даже не обращают внимания. Конец человечества происходит у него не только в узнаваемой, но в знакомой до последней частности обстановке, и в этом, по всей видимости, источник в полном смысле шокового воздействия книги на читателя.

Сравнение «На берегу» с такими каноническими произведениями в этом жанре, как переведенные на русский язык повесть англичанина Олдоса Хаксли «Обезьяна и сущность» (1948)¹ и роман француза Робера Мерля «Мальвиль» (1972), обнаруживает принципиальное различие между авторами в подходе к теме. Шют не живописует кошмара бомбардировки (Мерль) или чудовищных извращений постъядерного мира (Хаксли). Этот мир в его описании предстает либо со следами успевших несколько зарубцеваться разрушений, либо вообще нетронутым, даже красивым на расстоянии, как вымерший австралийский город Кэрнс: «Только и виден был затихший порт, в точности как бывает по воскресеньям или в праздники, разве что тогда здесь сновали бы ялики и яхты». О самой же войне, помимо эпизода, когда персонажи пытаются на основании догадок и сопоставлений выстроить для себя ее ход, сказано предельно лаконично, но с емкостью, дающей читательскому воображению щедрую возможность поработать и содрогнуться: «...короткая, загадочная война, та война, история которой не была и уже не будет написана, пламя ее охватило все северное полушарие и угасло с последними показаниями сейсмографов, отметившими взрыв на тридцать седьмой день».

«На берегу» представляет собой самое житейски и научно достоверное обоснование конца человечества из всех, имеющих место в художественной литературе.

Шюту не нужно громоздить ужасы.

Нет нужды выписывать inferнальные ландшафты.

Незачем прибегать к натурализму.

Он добивается максимального воздействия на чувства простейшими средствами — повествуя об угасании жизни на планете с тем же эпическим спокойствием и вниманием к подробностям, с каким другие авторы и сам он в других произведениях живописуют ее течение в смене

---

¹ Повесть издана «Прогрессом» в 1990 г. в составе тома английских антиутопий «О дивный новый мир».

поколений. У него сильнее всего впечатляют даже не сцены болезни и ухода из жизни главных действующих лиц в конце романа (достаточно страшные сцены), но выверенная логика в описаниях материального окружения героев и работы их сознания.

В книгах Шюта следствия жестко вытекают из причин и развитие общей картины во времени изначально мотивировано. В данном случае гибель — к началу действия — подавляющей части человечества и исчезновение связей между государствами и континентами закономерно меняет привычную картину цивилизованной жизни в Австралии. Облик мира на этой картине расползается по швам, фрагменты действительности вступают друг с другом в противостественные, невозможные сочетания, как на полотнах Сальвадора Дали, но персонажи воспринимают это как должное. Вот характерный пример сюрреальной метаморфозы вещей в эпоху конца времен — оригинальное использование гаража не по назначению:

«Вместо машин тут оставляли лошадей, лошадей держали главным образом деловые люди, которые жили за городом; они приезжали верхом, в бриджах и пластиковых плащах, лошадей оставляли в бывшем гараже, а к центру добирались на трамвае. Бензоколонки заменяли им коновязь. По вечерам они возвращались трамваем из центра, седлали лошадей, привязывали портфели к седлам и верхом отправлялись по домам».

В романе «На берегу» нет изощренного психологизма, зато есть особая точность диалога и жеста, верно рассчитанные человеческие реакции. С приближением конца человека, показывает Шют, меняют свой привычный облик даже вещи, но сознание консервативно, оно не желает меняться, принимать неизбежное. Шют словно угадал, что восприятие жизни человеком до самого конца и жизни, и человека будет идти по накатанной колее, нести печать обыденности и в исключительных обстоятельствах. Из этого несоответствия писатель извлекает большой эмоциональный эффект.

Комичны, скажем, подсчеты отставного генерала — успеют ли они с коллегами прикончить клубные запасы марочного портвейна, прежде чем их самих прикончит радиация? А вера капитана подлодки ВМС США в то, что, погибнув, он непонятным образом возвратится на нетронутую войной родину, чтобы воссоединиться с живыми — в том, другом, измерении — и ожидающими его женой и детьми, напротив, отмечена высокой патетикой. Но из контекста можно понять, что это особые случаи, тогда как общее правило — инерция

жизни в планах, что действующие лица строят на ближайшее и отдаленное (!) будущее.

Люди в романе о близком конце рода человеческого ведут себя так, словно тотальный приговор человечеству не произнесен и жизни предстоит править свои циклы до бесконечности. Если б автор нарисовал другую картину, если б люди у него только торопились жить, ловить удовольствия, потакать порокам, искать забвения, короче, вели себя, как «положено» вести перед концом света, это было бы понятно и не так страшно. Но то, что они держатся нормально, что через них неспособная примириться с биологическим финалом жизнь празднует свой будничныи ритуал и утверждает свои ценности,— это, повторим, оказывает на воображение воздействие, родственное шоковому.

Последовательно исключавший саму возможность неопределенного, тем более двусмысленного «прочтения» нравственного смысла того, что изображает, Шют и здесь называет вещи своими именами. Один из персонажей, допустим, комментирует: «Бывает тупоумие, которое ничем не остановишь. Я хочу сказать, если сразу несколько сотен миллионов человек вообразят, будто их национальное достоинство требует сбросить на соседей кобальтовую бомбу... ну, тут и ты, и я мало что можем сделать. На одно только можно было надеяться — просветить людей, отучить их от тупоумия». Другой выводит из завершающегося катаклизма нелестный для человечества «урок»: «Никакой это не конец света. Конец только нам. Земля останется такой, как была, только нас на ней не будет. Смею сказать, она прекрасно обойдется без нас... Быть может, мы были слишком глупы и не заслужили такого прекрасного мира». И т. д. По логике вещей, во всем этом нет никакой необходимости: показанное говорит само за себя красноречивее любых пояснений и комментариев к нему. Если такие формулы и имеют смысл, то, видимо, на правах прямого назидания в рамках романа-предупреждения. Правда, все подобные суждения переданы действующим лицам, воспринимаются как их личная эмоциональная реакция на события и поэтому не производят впечатления чего-то неорганичного, чужеродного для поэтики романа.

Наконец еще одна немаловажная особенность. Гибель человечества дана в романе крупным планом, через описание последних месяцев жизни и ухода в небытие нескольких людей если и не идеальных, то, безусловно, симпатичных, достойных и по-своему прекрасных, потому что в каждом из них персонифицированы простые, исконные и пока единственные в мироздании человеческие ценности. Исчезновение

человека, по Шюту,— это прежде всего исчезновение целой телесно-духовной вселенной, нравственно-интеллектуального космоса. Интуитивная догадка, что это так, и лежит, возможно, в основе странных, на взгляд нормального человека, поступков некоторых действующих лиц — вроде верности сгинувшей в северном полушарии жене. Дух так же противится уничтожению, как и плоть, и так же торопится запечатлеть себя вопреки неминуемому: «Просто я до самого конца хочу поступать, как должно».

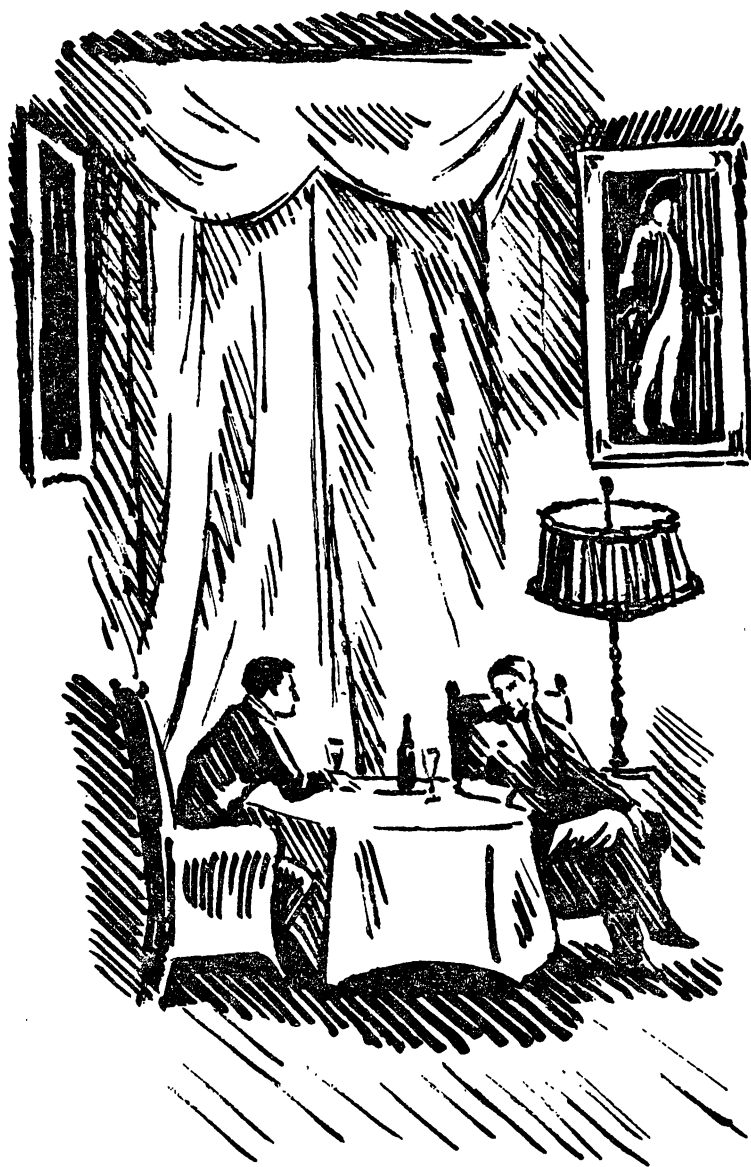
В книге о настоящей войне («Крысолов») перед героями маячит надежда на спасение, развязка их судьбы непредсказуема. В книге о войне вымышленной («На берегу») конец однозначно предвидим и неизбежен, выхода нет, надежды тоже. Обозримое будущее представлялось писателю чудовищней всех ужасов пережитого прошлого и длящегося настоящего. Глядя из сегодняшнего дня, можно, разумеется, видеть, что Невил Шют не был свободен от известных иллюзий и стереотипов политического мышления своего времени — читатель их отметит, но проницательности ему было не занимать. Впрочем, малый налет сентиментальности и старомодной чистоты рисунка с течением лет придает его лучшим книгам своеобразное очарование, а уж мастерство рассказчика и честность художника не дают им кануть в забвение. Бестселлеры тем хороши, что их читают многие. Можно надеяться, что романы Шюта будут читать и тогда, когда обе мировые войны еще больше отдалятся во времени, а ядерное противостояние отойдет в глубокое прошлое: как-никак, люди во всех поколениях любят драматические истории и страшные сказки.

Если же читать его будет некому, значит, здравый смысл не сумел, говоря словами персонажа из романа «На берегу», «просветить людей, отучить их от тупоумия». В таком случае Невилу Шюту останется лишь грустно поздравить самого себя с воплощением еще одного его провидения — там, откуда он наблюдает за нашей маленькой Землей.

В. Скороденко

КРЫСОЛОВ

Роман

1

Его зовут Джон Сидней Хоуард, мы с ним члены одного и того же лондонского клуба. В тот вечер я пришел туда ужинать около восьми, усталый после долгого дня и нескончаемых разговоров о моих взглядах на войну. Он входил в клуб впереди меня — высокий изможденный человек лет семидесяти с несколько нетвердой походкой. В дверях он зацепился за коврик, споткнулся и чуть не упал; швейцар подскочил и подхватил его под локоть.

Старик посмотрел на коврик и ткнул в него зонтом.

— Черт, зацепился носком, — сказал он. — Спасибо, Питерс. Видно, старею.

Швейцар улыбнулся.

— Многие джентльмены спотыкаются тут в последнее время, сэр. Я только на днях говорил об этом управляющему.

— Ну, так скажите еще раз и повторяйте до тех пор, пока он не наведет порядок, — сказал старик. — В один прекрасный день я упаду мертвый к вашим

ногам. Вам же этого не хочется, а? — Он чуть усмехнулся.

— Совсем не хочется, сэр,— сказал швейцар.

— Надо думать. Очень неприятно, когда такое случается в клубе. Не хотел бы я умереть на коврике у порога. И в уборной не хотел бы. Помните, Питерс, как полковник Макферсон умер в уборной?

— Помню, сэр. Это был весьма прискорбный случай.

— Да...— Старик немного помолчал. Потом прибавил: — Да, в уборной я тоже не хочу умереть. Так что смотрите, пускай коврик приведут в порядок. Передайте от меня управляющему.

— Непременно, сэр.

Старик двинулся дальше. Я ждал, пока их беседа кончится, надо было получить у швейцара письма. Он вернулся за перегородку, подал мне мою почту в окошко, и я стал ее просматривать.

— Кто этот старик? — спросил я от нечего делать.

— Это мистер Хоуард, сэр,— ответил швейцар.

— Он, кажется, очень озабочен тем, какая именно кончина его ждет.

Швейцар не улыбнулся.

— Да, сэр. Многие джентльмены говорят так, когда начинают стареть. Мистер Хоуард очень много лет состоит членом нашего клуба.

— Вот как? — сказал я более почтительно.— Не помню, чтобы я его тут встречал.

— Кажется, он провел последние месяцы за границей, сэр,— объяснил швейцар.— А как вернулся, сильно постарел. Боюсь, его не надолго хватит.

— В его возрасте эта проклятая война дается нелегко,— сказал я, отходя.

— Совершенно верно, сэр.

Я прошел в клуб, повесил на вешалку свой противогаз, отстегнул портупею, повесил туда же и увенчал все это фуражкой. Потом подошел к витрине и просмотрел последнюю сводку. Ничего особо хорошего или плохого. Наша авиация все еще крепко бомбила Рур; Румыния все еще отчаянно грызлась с соседями. Сводка была такая же, как все последние три месяца после оккупации Франции.

Я пошел ужинать. Хоуард был уже в столовой; кроме нас там почти никого не оказалось. Ему прислуживал официант чуть ли не такой же старый, как он сам,

и пока он ел, официант стоял подле и разговаривал с ним. Я невольно прислушался. Они говорили о крикете, заново переживали состязания 1925 года.

Я ужинал в одиночестве, а потому кончил раньше Хоуарда и подошел к конторке уплатить по счету. И сказал кассиру:

— Этот официант... как его...

— Джексон, сэр?

— Да, верно... Он давно здесь служит?

— Очень давно. Можно сказать, всю жизнь. По моему, он поступил сюда то ли в девяносто пятом, то ли в девяносто шестом.

— Срок немалый.

Кассир улыбнулся, отдал мне сдачу.

— Да, сэр. Но вот Порсон, тот служит у нас еще дольше.

Я поднялся в курительную и остановился у стола, заваленного газетами. От нечего делать начал листать список членов клуба. Хоуард, увидел я, стал членом клуба в 1896 году. Значит, он и тот официант провели бок о бок всю свою жизнь.

Я взял со стола несколько иллюстрированных еженедельников и заказал кофе. Потом направился в угол, где стояли рядом два кресла, самые удобные во всем клубе, и собрался часок отдохнуть, домой вернуться успею. Через несколько минут рядом послышались шаги, и в соседнее кресло погрузился долговязый Хоуард. Служитель, не ожидая заказа, принес ему кофе и коньяк.

Чуть погодя старик заговорил.

— Просто поразительно,— сказал он негромко.— В нашей стране нельзя получить чашку приличного кофе. Даже в таком вот клубе не умеют приготовить кофе.

Я отложил газету. Если старику хочется поговорить, я не против. Весь день я проторчал у себя в старомодном кабинете, не поднимая головы читал отчеты и составлял докладные записки. Приятно отложить на время очки и дать отдых глазам. Я изрядно устал.

— Один сведущий человек говорил мне, что молотый кофе не сохраняется в нашем климате,— сказал я, нащупывая в кармане футляр от очков.— Из-за сырости или что-то в этом роде.

— Молотый кофе портится во всяком климате,— наставительно сказал старик.— Вы никогда не выпьете

порядочного кофе, если покупаете молотый. Надо покупать зерна и молоть только перед тем, как варить. Но здесь этим не занимаются.

Он еще порассуждал о кофе, о цикории. Потом, вполне естественно, заговорили о коньяке. Старик одобрил тот, что подавали в клубе.

— Я сам когда-то занимался винами,— сказал он.— Много лет назад, в Эксетере. Но оставил это вскоре после прошлой войны.

Я решил, что он, должно быть, состоял в клубной комиссии по винам.

— Вероятно, это довольно интересное дело,— заметил я.

— Ну, еще бы,— сказал он со вкусом.— Разбираться в хороших винах очень интересно, можете мне поверить.

Мы были почти совсем одни в просторной комнате с высоким потолком. Разговаривали негромко, откинувшись в креслах, порой надолго замолкали. Когда очень устанешь, вот такая мирная беседа — большое удовольствие, ее смакуешь понемножку, словно старый коньяк.

— Мальчиком я часто бывал в Эксетере,— сказал я.

— Я-то прекрасно знаю Эксетер,— сказал Хоуард.— Прожил там сорок лет.

— У моего дяди был дом на Старкросс,— и я назвал фамилию дяди.

Старик улыбнулся.

— Я вел его дела. Мы были большими друзьями. Но это было очень давно.

— Вели его дела?

— То есть наша фирма вела. Я был компаньоном адвокатской конторы «Фулджеймс и Хоуард».

Тут он пустился в воспоминания и немало порассказал мне о моем дядюшке и его семействе, о его лошадях и арендаторах. Разговор все больше превращался в монолог; я вставлял два-три слова, и этого было довольно. Старик негромко рисовал почти забытые мною картины, дни, что ушли безвозвратно,— дни моего детства.

Я откинулся в кресле, спокойно покурил, и усталость моя проходила. Поистине мне повезло, не часто встретишь человека, способного говорить о чем-то, кроме войны. Сейчас почти все только и думают если не о нынешней войне, так о прошлой, и любой разговор с каким-то болезненным упорством сводят к войне.

А этого высохшего старика война словно обошла стороной. Его занимали самые мирные предметы.

Потом речь зашла о рыбной ловле. Оказалось, он страстный рыболов, я тоже удил понемножку. Почти все морские офицеры берут на корабль удочку и ружье. В свободные часы мне случалось ловить рыбу на побережьях всех частей света, но обычно не с такой наживкой, какая полагается, и без особого успеха; зато Хоуард был настоящий знаток. Он побывал с удочкой во всех уголках Англии и чуть ли не на всем континенте. В былые дни деятельность провинциального адвоката отнимала не слишком много времени и сил.

Мы заговорили о рыбной ловле во Франции, и я припомнил собственный опыт.

— Я видел, французы очень занятным способом ловят на муху,— сказал я.— Берут длиннющую бамбуковую жердь, футов этак в двадцать пять, с леской, но без катушки. Для наживки пользуются мокрой мухой и ведут ее по бурной воде.

— Правильно,— с улыбкой подтвердил Хоуард.— Именно так и делают. Где вы видели такую ловлю?

— Около Гекса,— сказал я.— Собственно, в Швейцарии.

Он задумчиво улыбнулся.

— Мне хорошо знакомы эти места... очень хорошо. Вы знаете Сен-Клод?

Я покачал головой:

— Юру я не знаю. Это, кажется, где-то возле Мореза?

— Да... недалеко от Мореза.— Он помолчал; мы остались вдвоем, в комнате было тихо, спокойно. Потом старик сказал: — Этим летом я хотел испробовать такую ловлю на муху в тамошних ручьях. Неплохое развлечение. Надо знать, куда рыба идет кормиться. Нельзя просто забрасывать муху как попало. Нужно вести ее так же осторожно, как искусственную.

— Стратегия,— сказал я.

— Вот именно. В сущности, стратегия в том и состоит.

Мы снова мирно помолчали. Потом я сказал:

— Не скоро мы опять сможем ловить рыбу в тех краях.

Так на сей раз я сам перевел разговор на войну. Нелегко обойти эту тему.

— Да... и это очень жаль,— сказал старик.— Мне

пришлось уехать, когда рыба еще не ловилась. До самого конца мая клев никудышный. Ручьи еще совсем мутные и слишком полноводные — снег тает, понимаете. Позже, в августе, ручьи мелеют, да и жара. Лучшее время — середина июня.

Я повернулся к нему.

— Вы ездили туда в этом году? — Конец мая, о котором он упомянул вскользь, это время, когда немцы через Голландию и Бельгию вторглись во Францию, когда мы отступали к Дюнкерку, а французы были отброшены к Парижу и за Париж. Казалось бы, не слишком подходящее время для старика удить рыбу посреди Франции.

— Я выехал в апреле, — сказал он. — Думал провести там все лето, но пришлось уехать раньше.

Я удивленно посмотрел на него, невольно улыбнулся.

— Трудно было возвращаться?

— Нет, — сказал он, — не особенно.

— Наверно, у вас была машина?

— Нет, — сказал он. — Машины не было. Я плохой водитель, несколько лет назад пришлось от этого отказаться. Глаза уже не те.

— Когда же вы уехали из Юры? — спросил я.

— Одиннадцатого июня, — сказал он, подумав. — Как будто так.

Я в недоумении поднял брови:

— И поезда шли по расписанию?

По моей работе мне хорошо известно было, что творилось в те дни во Франции.

Хоуард улыбнулся, сказал задумчиво:

— С поездами было неважно.

— Как же вы оттуда выбрались?

— По большей части пешком.

В эту минуту послышалось мерное *трах... трах... трах... трах...* четыре разрыва подряд не больше чем в миле от нас. Прочное каменное здание клуба качнулось, полы и оконные рамы закрипели. Мы молча, напряженно ждали. Потом протяжно завывли сирены и резко затрещали зенитки. Начался очередной налет.

— Черт подери, — сказал я. — Что будем делать?

Старик невозмутимо улыбнулся:

— Я останусь здесь.

Это было разумно. Пренебрегать опасностью только ради того, чтобы избежать неудобств, глупо, но ведь

над нами три солидных перекрытия. Мы порассуждали об этом, разглядывая потолок и прикидывая, выдержит ли он, если обвалится крыша. Но с места не двинулись.

Вошел молодой официант с фонарем и каской в руках.

— Убежище внизу, ход через кладовую, джентльмены,— сказал он.

— А это обязательно — идти в убежище? — спросил Хоуард.

— Нет, только если пожелаете.

— А вы пойдете вниз, Эндрюс? — спросил я.

— Нет, сэр. Я иду на свой пост, вдруг зажигательная бомба попадет, мало ли что.

— Ну, идите,— сказал я.— Делайте свое дело. А когда найдется свободная минутка, принесите мне марсалы. Но сперва идите на пост.

— Неплохая мысль,— сказал Хоуард.— Между зажигательными бомбами принесите и мне стакан марсалы. Я буду здесь.

— Хорошо, сэр.

Он ушел, а мы опять откинулись на спинки кресел. Было около половины одиннадцатого. Официант погасил все лампы, кроме настольной позади нас, и мы оказались в маленьком овале мягкого золотистого света посреди большой темной комнаты. За окнами шум уличного движения, и так не очень оживленного в Лондоне тех дней, совсем утих. В отдалении слышались два-три полицейских свистка, промчался автомобиль; потом Пэлл-Мэлл всю, из конца в конец, окутала тишина, только вдалеке стреляли зенитки.

— Как вы думаете, долго нам придется тут сидеть? — спросил Хоуард.

— Пока это не кончится, я думаю. Последний налет продолжался четыре часа.— Я помолчал, потом спросил: — Кто-нибудь о вас будет беспокоиться?

— Нет-нет,— как-то даже торопливо ответил он.— Я живу один... в меблированных комнатах.

Я кивнул.

— Моя жена знает, что я здесь. Я бы ей позвонил, но не годится занимать телефон во время налета.

— Да, в это время просят не звонить,— сказал он.

Вскоре Эндрюс принес марсалу. Когда он вышел, Хоуард поднял бокал и посмотрел вино на свет.

— Что ж, это не самый неприятный способ пережить налет,— заметил он.

— Да, верно.— Я не сдержал улыбки. Потом повернулся к нему.— Значит, когда все это началось, вы были во Франции. Пришлось там пережить много налетов?

Он отставил почти полный бокал.

— Не настоящие налеты. Несколько бомбежек и пулеметных обстрелов на дорогах, но ничего страшного.

Он сказал это так спокойно, что я не сразу его понял. Потом решился заметить:

— Видно, вы были большим оптимистом, если в апреле этого года отправились во Францию удить рыбу.

— Да, пожалуй,— ответил он задумчиво.— Но мне хотелось поехать.

Он сказал, что весной этого года потерял покой и его мучила неодолимая потребность уехать, переменить обстановку. Он не стал объяснять, отчего им так завладела жажда перемен, сказал только, что хотел в военное время быть полезным, но никакого дела найти не удалось.

Вероятно, его никуда не принимали, потому что ему было под семьдесят. Когда разразилась война, он пытался поступить во Вспомогательную полицию; ему казалось, на этой службе пригодится его знание законов. В полиции думали иначе, там требовались стражи порядка помоложе. Потом он обратился в противовоздушную оборону и потерпел еще одну неудачу. Напрасны оказались и другие попытки.

Война — тяжелое время для старых людей, особенно для мужчин. Им трудно примириться с тем, что от них слишком мало пользы; они терзаются сознанием своего бессилия. Хоуард всю свою жизнь приспособил к передачам последних известий по радио. По утрам вставал к семичасовой сводке, потом принимал ванну, брился, одевался и шел слушать восьмичасовой выпуск, и так весь день, вплоть до полуночной передачи, после которой он укладывался в постель. В перерывах между передачами он тревожился из-за услышанного и прочитывал все газеты, какие только мог достать, пока не подходило время опять включить радио.

Война застала его за городом. У него был дом в Маркет-Сафроне, неподалеку от Колчестера. Он переехал туда из Эксетера четырем годами раньше, после смерти жены; когда-то, в детстве, он жил в Маркет-Сафроне, и у него еще сохранились кое-какие знаком-

ства среди соседей. И он вернулся туда, думая провести там остаток жизни. Купил участок в три акра с небольшим старым домом, садом и выгоном.

В 1938 году к нему приехала из Америки замужняя дочь с маленьким сыном. Она была замужем за нью-йоркским дельцом по фамилии Костелло, вице-президентом страхового общества, очень богатым человеком. И отчего-то с ним не поладила. Хоуард не знал всех «отчего и почему» этой размолвки и не слишком на этот счет беспокоился: втайне он полагал, что дочь сама во всем виновата. Он любил зятя. И хоть совершенно его не понимал, все равно Костелло был ему по душе.

Так он жил, когда началась война, с дочерью Инид и ее сынишкой Мартином; отец упорно называл мальчика не по имени, а «Костелло-младший», что приводило старика в полнейшее недоумение.

Грянула война, и Костелло стал слать телеграмму за телеграммой, настаивая, чтобы жена с сыном вернулись домой, на Лонг-Айленд. И в конце концов они уехали. Хоуард поддерживал зятя и торопил дочь, убежденный, что женщина не может быть счастлива врозь с мужем. Они уехали, а он остался один в Маркет-Сафроне; изредка на субботу и воскресенье к нему приезжал его сын Джон, командир авиаэскадрильи.

Длиннейшими телеграммами по несколько сот слов Костелло старался убедить старика тоже приехать в Америку. Но тщетно. Старик боялся оказаться лишним, боялся помешать примирению. Так он сказал, но тут же признался, что настоящая причина была в другом: он не любит Америку. В первый год после свадьбы дочери он пересек Атлантический океан и погостил у них, и ему вовсе не хотелось проделать это еще раз. Почти семьдесят лет он прожил в более ровном климате, а в Нью-Йорке ему докучали то невыносимая жара, то отчаянный холод, и недоставало мелких условностей, к которым он привык в нашей старозаветной Англии. Ему нравился зять, он любил дочь, а их мальчик занимал в его жизни едва ли не главное место. Но ничто не заставило его променять комфорт и безопасность Англии, вступившей в смертельную борьбу, на неудобства чужой страны, наслаждавшейся миром.

Итак, в октябре Инид с мальчиком уехали. Хоуард проводил их до Ливерпуля, посадил на пароход и вернулся домой. С тех пор он жил совсем один, только его вдовая сестра провела у него три недели перед

Рождеством, да изредка его навещал Джон, приезжал из Линкольншира, где командовал эскадрильей бомбардировщиков «веллингтон».

Конечно, старику жилось очень одиноко. В обычное время ему было бы довольно охоты на уток и сада. В сущности, объяснил он мне, сад куда интереснее зимой, чем летом, ведь это — время, когда можно что-то менять и совершенствовать. Если хочешь пересадить дерево, или завести новую живую изгородь, или убрать старую, это надо делать именно зимой. Работа в саду доставляла ему истинное наслаждение, вечно он затевал что-нибудь новенькое.

Война все испортила. В мысли поминутно врывались сообщения с фронта, и мирные сельские занятия уже не радовали. Тяготила бездеятельность, Хоуард чувствовал себя бесполезным и едва ли не впервые в жизни не знал, как убить время. Однажды он излил свою досаду перед викарием, и этот целитель страждущих душ посоветовал ему заняться вязаньем для армии.

После этого он три дня в неделю стал проводить в Лондоне. Снял маленький номер в меблированных комнатах, а питался главным образом в клубе. На душе немного полегчало. Поездка в Лондон по вторникам отнимала почти весь день, возвращение в пятницу — еще день; тем временем накапливались разные дела в Маркет-Сафроне, так что и на субботу и воскресенье хлопот хватало. Он внушал себе, что все-таки не сидит сложа руки, и почувствовал себя лучше.

Потом, в начале марта, что-то случилось и перевернуло всю его жизнь. Он не сказал мне, что это было.

Тогда он запер дом в Маркет-Сафроне, переселился в Лондон. И почти безвыходно жил в клубе. Недели на две, на три дел хватило, а потом снова стало непонятно, куда девать время. И все еще не удавалось найти место, где он был бы полезен в дни войны.

Настала весна — чудо что была за весна. Словно распахнулась дверь после той нашей суровой зимы. Каждый день Хоуард шел погулять в Хайд-парк или Кенсингтон-Гарденс и смотрел, как растут крокусы и нарциссы. Клубный распорядок жизни вполне ему подходил. Той чудесной весной, гуляя в парке, он думал, что жить в Лондоне совсем неплохо, если можно куда-нибудь изредка и уехать.

Чем жарче грело солнце, тем неотступней становилось желание хоть ненадолго уехать из Англии.

В сущности, казалось, почему бы и не уехать. Война в Финляндии закончилась, и на западном фронте, похоже, все замерло. Во Франции жизнь шла вполне нормальная, только в иные дни был ограничен выбор блюд. Вот тогда-то он начал подумывать о поездке на Юру.

Горные альпийские долины стали уже слишком высоки для него; тремя годами раньше он ездил в Понтрессину, и там давала себя знать одышка. Но весенние цветы так же хороши во Французской Юре, как и в Швейцарии, а с высот над Ле Рус виден Монблан. Старика неодолимо тянуло туда, где видны горы. «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя»¹, — процитировал он. Такое у него тогда было чувство.

Он думал, что приедет как раз вовремя и увидит, как из-под снега пробиваются цветы; а если провести там месяца два, солнце станет пригревать и наступит пора рыбной ловли. Он заранее предвкушал, как будет удить рыбу в тамошних горных ручьях. Они очень чистые, сказал он, очень светлые и спокойные.

Он хотел в этом году видеть весну, хотел насытиться созерцанием весны. Жаждал увидеть, как приходит новая жизнь на смену тому, что прошло. Жаждал все это впитать. Увидеть, как зацветает боярышник по берегам рек, увидеть первые крокусы в полях. Увидеть, как сквозь мертвую прошлогоднюю поросль пробиваются у кромки воды молодые побеги тростника. Жаждал ощутить тепло обновленного солнца и свежесть обновленного воздуха. Жаждал насладиться всем, что несла весна, — всей весной сполна. После того, что с ним случилось, он этого жаждал больше всего на свете.

Потому-то он и поехал во Францию.

Выехать из Англии оказалось легче, чем он предполагал. Он обратился в агентство Кука, и там ему сказали, как действовать. Нужно разрешение на выезд, и получить это разрешение он должен сам, лично. Чиновник спросил его, почему он хочет уехать за границу.

Старик Хоуард откашлялся.

— Весной для меня в Англии погода неподходящая, — сказал он. — Я провел зиму взаперти. Доктор мне предписал более теплый климат.

Он заранее запасся свидетельством, которое дал ему любезный врач.

---

¹ Псалтирь, 120, I (Песнь восхождения).

— Понимаю,— сказал чиновник.— Вы собираетесь на юг Франции?

— Не прямо на юг,— ответил Хоуард.— Я проведу несколько дней в Дижоне, а на Юру поеду, как только растает снег.

Чиновник выписал разрешение выехать на три месяца для поправки здоровья. Не так уж это было сложно.

Потом старик провел два бесконечно счастливых дня в магазине Харди на Пэлл-Мэлл, где торгуют рыболовной снастью. Он проводил там неторопливых полчаса утром и полчаса вечером, а в промежутке перебирал покупки, мечтал, как будет удить рыбу, и прикидывал, что еще купить...

Он выехал из Лондона утром десятого апреля, в то самое утро, когда стало известно, что немцы вторглись в Данию и Норвегию. Он прочел газету в поезде по пути в Дувр, и новость не взволновала его. Месяцем раньше он был бы вне себя, кидался бы от радио к газетам и снова к радио. Теперь это его словно и не касалось. Куда больше его занимало, достаточно ли он везет с собой крючков и лесок. Правда, он хотел остановиться на день-два в Париже, но французская леса, сказал он, просто никудашная. Французы в этом ничего не понимают, делают лесу такую толстую, что рыба непременно ее заметит, даже при ловле на муху.

До Парижа ехать было не слишком удобно. Хоуард сел на пароход в Фолкстонском порту около одиннадцати утра, и они простояли там чуть не до вечера. Траулеры и катера, ялики и яхты, сплошь выкрашенные в серое и с командой из военных моряков, сновали взад и вперед, но пароход, крейсирующий через Канал, все стоял у пристани. Он был переполнен, за завтраком не хватало стульев, а для тех, кто нашел место, не хватало еды. Никто не мог объяснить пассажирам, из-за чего такое опоздание, но можно было догадаться, что где-то рыщет подводная лодка.

Около четырех часов с моря донеслось несколько тяжелых взрывов, и вскоре после этого пароход отчалил.

Когда прибыли в Булонь, уже совсем стемнело и все шло довольно бестолково. Из-за тусклого света досмотр в таможне тянулся бесконечно, к пароходу не подали поезд, не хватало носильщиков. Хоуарду пришлось доехать на такси до вокзала и ждать ближайшего, девятичасового поезда на Париж. А этот поезд был пе-

реполнен, еле тащился, останавливался на каждой станции. Только во втором часу ночи наконец прибыли в Париж.

Путешествие вместо обычных шести часов отняло восемнадцать. Хоуард устал, устал безмерно. В Булони его начало беспокоить сердце, и он заметил, что окружающие на него косятся — наверно, выглядел он неважно. Но на такие случаи у него всегда при себе пузырек; в поезде он сразу принял лекарство и почувствовал себя много лучше.

Он направился в отель Жироде, маленькую гостиницу у начала Елисейских полей, он и прежде там останавливался. Почти всех служащих, которых он знал, уже призвали в армию, но его встретили очень приветливо и прекрасно устроили. В первый день он почти до самого обеда оставался в постели и не выходил из комнаты почти до вечера, но на другое утро уже совсем пришел в себя и отправился в Лувр.

Он всегда очень любил живопись — настоящую живопись, как он это называл в отличие от импрессионизма. Милее всего была ему фламандская школа. В то утро он посидел на скамье перед шарденовским натюрмортом, разглядывая трубки и бокалы на каменном столе. Потом пошел взглянуть на автопортрет художника. Очень приятно было смотреть на мужественное и доброе лицо человека, который так хорошо поработал больше двух столетий тому назад.

Вот и все, что он видел в то утро в Лувре — только этого молодца-художника и его полотна.

Назавтра он направился к горам. Он все еще чувствовал слабость после утомительного переезда, так что в этот день доехал только до Дижона. На Лионском вокзале мимоходом купил газету и просмотрел ее, хотя и утратил всякий интерес к войне. Ужасно много шуму подняли из-за Норвегии и Дании, — ему казалось, они вовсе того не стоят. Они так далеко.

Обычно это путешествие отнимало часа три, но теперь на железных дорогах был отчаянный беспорядок. Ему сказали, что это из-за воинских эшелонов. Скорый вышел из Парижа с опозданием на час и еще на два часа запоздал в пути. Только под вечер Хоуард добрался до Дижона и рад был, что решил здесь остановиться. Он велел доставить свой багаж в маленькую гостиницу как раз напротив вокзала,

и тут в ресторане его накормили отличным ужином. Потом здесь же в кафе он выпил чашку кофе с рюмочкой куантро, около половины десятого уже лег, не слишком усталый, и спал хорошо.

На другой день он чувствовал себя совсем хорошо, лучше, чем все последнее время. Помогла перемена обстановки, и перемена воздуха тоже. Он выпил кофе у себя в номере и не спеша оделся; на улицу вышел около десяти часов, сияло солнце, день был теплый и ясный. Хоуард прошел через город до ратуши и решил, что Дижон остался такой же, каким запомнился ему с прошлого раза,— он тут побывал около полутора лет назад. Вот магазин, где они тогда купили береты, вывеска «*Au pauvre diable*»¹ опять вызвала у него улыбку. А вот магазин, где Джон купил лыжи, но здесь Хоуард не стал задерживаться.

Он пообедал в гостинице и сел в дневной поезд на Юру; оказалось, местные поезда идут лучше, чем дальние. В Андело он сделал пересадку, отсюда вела ветка в горы. Всю вторую половину дня маленький паровозик, пыхтя, тащил два старых вагона по однопутной колежке среди тающих снегов. Снег таял, стекал по склонам в ручьи — и они ненадолго обратились в бурные потоки. На соснах уже появились молодые иглы, но луга еще покрывало серое подтаявшее мховое. На местах повыше в полях уже пробивалась трава, и Хоуард кое-где заметил первые крокусы. Он приехал как раз вовремя и очень, очень этому радовался.

Поезд простоял полчаса в Морезе и отошел на Сен-Клод. Приехали в сумерки. Из Дижона Хоуард отправил телеграмму в гостиницу «У Высокой горы» в Сидотоне, просил прислать за ним машину, потому что от станции одиннадцать миль, а в Сен-Клоде не всегда найдешь автомобиль. И машина гостиницы встретила его — старый «крайслер», правил им *conciège*², в прошлом ювелир. Но о прежней его профессии Хоуард узнал позднее: когда он приезжал сюда в прошлый раз, этот человек еще не служил в гостинице.

Консьерж уложил вещи старика в багажник, и они двинулись к Сидотону. Первые пять миль дорога

---

¹ «У бедолаги» (букв. «У несчастного черта», *фр.*).

² Консьерж, привратник (*фр.*).

шла ущельем, взбиралась крутыми извивами по горному склону. Потом, на возвышенности, она потянулась напрямик через луга и лес. После лондонской зимы воздух здесь показался неправдоподобно свежим и чистым. Хоуард сидел рядом с водителем, но так прекрасна была эта дорога в предвечернем свете, что разговаривать не хотелось. Они обменялись лишь несколькими словами о войне, и водитель сказал, что почти все здоровые мужчины из округи призваны в армию. А его не взяли, алмазная пыль въелась ему в легкие.

Гостиница «У Высокой горы» — старое пристанище туристов. Там около пятнадцати спален, и зимой туда обычно съезжаются лыжники. Сидотон — крошечная деревушка, всего-то пятнадцать или двадцать домишек. Единственное здание побольше — гостиница; горы обступают деревушку со всех сторон, по отлогим склонам пастбищ там и сям рассеяны сосновые рощи. Очень мирный и тихий уголок этот Сидотон даже зимой, когда в нем полно молодых французских лыжников. Ничего не изменилось с тех пор, как Хоуард был здесь в прошлый раз.

К гостинице подъехали, когда уже стемнело. Хоуард медленно поднялся по каменным ступеням крыльца, консьерж следовал за ним с багажом. Старик толкнул тяжелую дубовую дверь и шагнул в прихожую. Рядом распахнулась дверь кабачка при гостинице, и появилась мадам Люкар, такая же веселая и цветущая, как год назад; ее окружали дети, из-за ее плеча выглядывали улыбающиеся служанки. Сам Люкар ушел воевать, поступил в отряд альпийских стрелков.

Хоуарда встретили шумными французскими приветствиями. Он не ждал, что его так хорошо запомнили, но здесь, в сердце Юры, англичане — не частые гости. Его засыпали вопросами. Как он себя чувствует? Не устал ли от переезда через Manche? ¹ Значит, он останавливался в Париже? И в Дижоне тоже? Это хорошо. Очень утомительно стало путешествовать из-за этой sale ² войны. На этот раз он приехал не с лыжами, а с удочкой? Это хорошо. Не выпьет ли он с хозяйкой стаканчик перно?

---

¹ Ла-Манш (фр.).

² Гнусной (фр.).

— Ну, а monsieur votre fils? ¹ Как он поживает?

Что ж, они должны знать. Хоуард отвел невидящий взгляд.

— Madame,— сказал он,— mon fils est mort. Il est tombé en son avion, au-dessus de Heligoland Bight ².

2

В Сидотоне Хоуард устроился совсем неплохо. Свежий горный воздух воскресил его, вернул ему аппетит и спокойный сон по ночам. Притом его занимали и развлекали немногочисленные местные жители, которых он встречал в кабачке. Он хорошо разбирался во всяких деревенских делах и свободно, хотя, пожалуй, чересчур правильно говорил по-французски. Он был приветлив, и крестьяне охотно принимали его в компанию и, не стесняясь, обсуждали с ним свои повседневные заботы. Быть может, то, что он потерял сына, помогло сломать лед.

К войне они, видно, относились без особого пыла.

Первые две недели Хоуарду было невесело, но, вероятно, лучше, чем если бы он остался в Лондоне. С горных склонов еще не сошел снег, и они населены были слишком горькими для него воспоминаниями. Пока не стали доступными лесные тропы, он совершал короткие прогулки по дороге — и на каждом заснеженном склоне ему чудился Джон: вот он вылетает из-за гребня холма, зигзагами мчится вниз и, окутанный белым вихрем, исчезает в долине. Иногда в том же снежном вихре с ним проносится Николь, светловолосая француженка из Шартра. И это видение — самое мучительное.

Солнце грело все жарче, вскоре снег стаял. Всюду звонко лепетала вода, и трава зеленела на склонах, где еще недавно было белым-бело. Появились цветы, и прогулки обрели новую прелесть. Вместе со снегом исчезли и тягостные видения: в зелени цветущих полей не таилось никаких воспоминаний. Чем ярче расцветала весна, тем спокойней становилось у него на душе.

---

¹ Ваш сын (фр.).

² Сударыня, мой сын погиб. Его самолет сбили над Гельголандом (фр.).

А еще ему помогла миссис Кэвено.

Поначалу, застав в этой захолустной гостинице, куда обычно не заезжали туристы, англичанку, он и огорчился и рассердился. Не затем он приехал во Францию, чтобы говорить и думать по-английски. В первую неделю он упорно избегал ее и двух ее детей. Да и не обязательно было с ними встречаться. Они почти весь день проводили в гостиной; других постояльцев в это межсезонье не было. Хоуард оставался больше у себя или же играл партию за партией в шашки с завсегдатаями кабачка.

Кэвено, сказали ему, чиновник Лиги наций, квартирует в Женеве, до Сидотона оттуда по прямой всего миль двадцать. Он, видно, опасается, как бы в Швейцарию не вторглись немцы, и из осторожности отправил жену и детей во Францию. Они в Сидотоне уже месяц; каждую субботу он навещает их, пересекая границу на своей машине. Хоуард увидел его в первую субботу своего пребывания здесь, — это был рыжеватый человек лет сорока пяти с вечно озабоченным лицом.

Через неделю Хоуард немного с ним поговорил. Этот Кэвено показался старому юристу на редкость непрактичным. Он был предан Лиге наций даже теперь, во время войны.

— Многие говорят, будто Лига себя не оправдала, — объяснял он. — По-моему, это очень несправедливо. Посмотрите отчеты за последние двадцать лет, такими успехами не может похвастать ни одна организация. Посмотрите, сколько сделала Лига в области снабжения медикаментами!

И так далее в том же духе.

О войне он сказал:

— Лигу можно упрекнуть только в одном, она не сумела внушить государствам — своим членам веру в свои идеалы. Для этого нужна пропаганда. А пропаганда стоит денег. Если бы каждое государство тратило на Лигу десятую долю того, что оно тратит на вооружение, войны бы не было.

Послушав с полчаса, старик Хоуард решил, что мистер Кэвено скучнейший малый. Он терпел эти рассуждения по присущей ему учтивости и потому, что собеседник был явно искренен, но сбежал, едва позволили приличия. Как велика эта искренность, Хоуард понял, лишь когда встретил однажды в лесу

миссис Кэвено и прошел с нею добрую милю до гостиницы. Она оказалась верным эхом мужа.

— Юстас никогда не оставит Лигу,— сказала она.— Даже если немцы вступят в Швейцарию, он не оставит Женеву. Там столько важной работы.

Старик посмотрел на нее поверх очков.

— Но если немцы вступят в Швейцарию, позволят ли они ему продолжать эту работу?

— Почему же, конечно, позволят,— сказала она.— Лига — международное учреждение. Да, я знаю, Германия уже не член Лиги. Но она ценит нашу деятельность, мы вне политики. Лига гордится тем, что способна работать одинаково хорошо в любой стране и при любом правительстве. Ведь иначе ее нельзя было бы назвать подлинно международной организацией, не правда ли?

— Да, пожалуй, что так,— согласился старик.

Несколько шагов они шли молча.

— Ну, а если немцы действительно войдут в Женеву, ваш муж там останется? — спросил наконец Хоуард.

— Конечно. Не может же он изменить своему долгу,— сказала миссис Кэвено. И, немного помолчав, прибавила: — Поэтому он и отослал меня с детьми сюда, во Францию.

Она пояснила, что с Англией они не связаны. Уже десять лет живут в Женеве; здесь родились их дети. За это время они даже на каникулы редко ездили в Англию. И вовсе не думают, что теперь ей нужно уехать с детьми в Англию, так далеко от мужа. Сидотон совсем рядом, через границу — и то уже далеко.

— Все это только на две-три недели,— сказала она спокойно.— А потом положение прояснится и можно будет вернуться домой.

Домом она называла Женеву.

У входа в гостиницу они расстались, но на другой день за завтраком миссис Кэвено улыбнулась Хоуарду, когда он вошел в комнату, и спросила, доволен ли он прогулкой.

— Я дошел до Пуэн де Неж,— ответил он учтиво.— Сегодня утром там чудесно, просто чудесно.

После этого они часто обменивались двумя-тремя словами, и у Хоуарда вошло в привычку по вечерам, после ужина, проводить с нею четверть часа в

гостиной за чашкой кофе. Познакомился он и с детьми.

Их было двое. Рональд, темноволосый мальчик лет восьми, всегда раскладывал по всему полу гостиной рельсы игрушечной железной дороги. Он был большой любитель техники и застывал, как замороженный, у входа в гараж, когда консьерж с трудом заводил старую, уже десять лет прослужившую машину.

Однажды старик Хоуард подошел к мальчику.

— А ты умеешь править такой машиной? — мягко спросил он.

— Mais oui — c'est facile, ça ¹. — Мальчик охотнее говорил по-французски, чем на родном языке. — Надо влезть на сиденье и вертеть баранку.

— А завести машину можешь?

— Надо только нажать вон ту кнопку, et elle va ². Это электрический стартер.

— Правильно. Но этот автомобиль, пожалуй, слишком велик для тебя.

— Большим автомобилем легче править, — возразил мальчик. — А у вас есть машина?

Хоуард покачал головой.

— Теперь нет. Раньше была.

— А какой марки?

Старик беспомощно посмотрел на него.

— Право, я забыл. Кажется, «стандарт».

Рональд поднял на него недоверчивые глаза:

— Неужели вы не помните?!

Но Хоуард не мог вспомнить.

Пятилетнюю сестренку Рональда звали Шейла. Ее рисунки валялись по всему полу гостиной, такая сейчас ею овладела страсть — она не расставалась с цветными карандашами. Однажды, спускаясь по лестнице, Хоуард увидел Шейлу на площадке; присев на корточки, она усердно рисовала что-то на титульном листе книжки. Первая ступенька лестницы заменяла ей стол.

Старик остановился подле нее.

— Что ты рисуешь?

Она не ответила.

— Ты не покажешь мне? — продолжал Хоуард. —

---

¹ Да, конечно, это очень легко (фр.)

² И она пойдет (фр.).

Очень красивые у тебя карандаши.— Он с трудом опустился на одно колено, ревматизм давал себя знать.— Похоже, это у тебя дама.

Девочка подняла глаза.

— Дама с собакой.

— Где же собака? — Хоуард вглядывался в пеструю мазню. Девочка молчала.— Хочешь, я нарисую собаку на поводке, она пойдет за хозяйкой?

Шейла усиленно закивала в знак согласия. Хоуард наклонился над рисунком, колени ныли. Но рука давно утратила былые навыки, и собака вышла похожа на свинью.

— Дамы не водят свиней гулять,— сказала Шейла.

Чувство юмора не изменило старому юристу.

— А эта дама повела,— возразил он.— Помнишь, как в стихе: «Хрюшка-свинюшка на базар пошла»?

Девочка минуту подумала.

— Тогда нарисуйте и хрюшку, у которой дома дела,— сказала она.— И еще поросенка-детку, он кушает котлетку.

Но коленям Хоуарда стало невтерпеж. Он с трудом выпрямился.

— Их я нарисую завтра.

Только теперь он заметил, что изображение дамы, ведущей на прогулку свинью, украсило собою титульный лист «Детства Иисуса».

На другой день после завтрака Шейла ждала его в прихожей.

— Мама позволила угостить вас помадкой.

И она протянула ему бумажный кулек с клейким комом на дне.

— Весьма благодарен,— серьезно сказал Хоуард. Пошарил в кульке и, отщипнув кусочек, отправил в рот.— Спасибо, Шейла.

Девочка повернулась и побежала через бар в просторную кухню гостиницы. Слышно было, как она зашебетала по-французски с мадам Люкар, предлагая ей помадку.

Старик обернулся и увидел на лестнице миссис Кэвено. Он украдкой в кармане вытер пальцы носовым платком.

— Ваши дети прекрасно говорят по-французски,— заметил он.

— Да, правда? Они ходят в здешнюю школу, а учат здесь, конечно, по-французски.

— Вероятно, они усваивали язык так же незаметно и просто, как дышали,— сказал Хоуард.

— Да, их совсем не пришлось учить.

После этого он узнал детей Кэвено немного лучше и проводил с ними некоторое время всякий раз, как встречал их одних; а они добросовестно говорили ему «Доброе утро, мистер Хоуард», будто отвечали заученный урок,— разумеется, их научила мать. Хоуард охотно познакомился бы с ними поближе, но по стариковской застенчивости не решался. Смотрит, бывало, как они играют в саду под соснами в загадочные игры, правила которых он не прочь бы узнать, и это задевает в памяти струны, что молчали уже шестьдесят лет.

Но ему все-таки удалось подняться в их глазах.

Солнце грело все жарче, лужайка подсохла, и теперь Хоуард после завтрака выходил в сад посидеть полчасика в шезлонге. Так он сидел однажды и украдкой наблюдал за детьми; они играли под деревьями. Они, видимо, затеяли игру, которая называлась *attention*¹, для нее требовался свисток, а свистка у них не было.

— Я могу свистеть просто ртом,— сказал мальчик, и ему в самом деле удалось свистнуть.

Сестренка вытянула пухлые губы, но только и сумела чмокнуть ими. Старик неожиданно вмешался:

— Хотите, я вам сделаю свисток? — предложил он. Дети молча, с сомнением уставились на него.

— Ну, как, сделать вам свисток? — повторил Хоуард.

— Когда? — спросил Рональд.

— Сейчас. Из сучка вон того дерева.— Он кивнул на куст орешника. Оба смотрели удивленно, недоверчиво. Хоуард поднялся с шезлонга и срезал сучок толщиной в мизинец.— Вот так.

Он снова сел и перочинным ножом, которым обычно чистил трубку, начал мастерить свисток. Этот фокус он проделывал в жизни не раз, сперва для Джона, потом для Инид, когда они были детьми, а не так давно — для юного Мартина Костелло. И вот маленькие Кэвено стоят подле него и следят за работой медлительных стариковских пальцев; на лицах — смесь недоверия и любопытства. Хоуард снял

---

¹ Внимание (фр.).

с орехового сучка кору, ловко надрезал маленьким лезвием и надвинул на прежнее место. Поднес игрушку к губам, раздался пронзительный свист.

Оба пришли в восторг, и Хоуард отдал свисток девочке.

— Ты умеешь свистеть просто губами, а она не умеет,— сказал он Рональду.

— А завтра вы мне тоже сделаете?

— Хорошо, завтра я и тебе сделаю такой же.

Дети убежали, и свист раздавался по всему дому и по всей деревне, пока не треснула кора, зажатая в горячей руке. Но свисток был еще достоин того, чтобы его уложили спать вместе с плюшевым мишкой и куклой по имени Мелани.

— Спасибо вам за свисток,— сказала вечером после кофе миссис Кэвено.— Это так мило с вашей стороны. Дети просто в восторге.

— Все дети любят свистульки, особенно когда сами видят, как их делают,— просто сказал старик.

Это была одна из незыблемых истин, которые он усвоил за свою долгую жизнь, вот он ее и высказал.

— Они говорили, что вы очень быстро это сделали,— сказала миссис Кэвено.— Наверно, вы очень часто мастерили такие игрушки.

— Да,— сказал Хоуард,— я сделал немало свистулек на своем веку.

Он задумался, вспоминая все дудочки, которые мастерил столько лет назад для Джона и Инид в мирном саду в Эксетере. Инид выросла, вышла замуж и уехала за океан. Джон вырос и стал военным летчиком. Джон.

Он заставил свои мысли вернуться к настоящему.

— Я рад, что позабавил ваших детей,— сказал он.— Я обещал Рональду сделать завтра свисток и для него.

Назавтра было десятое мая. Пока старик в шезлонге под деревьями мастерил свисток для Рональда, германские войска, смяв сопротивление голландской армии, хлынули в Голландию. Голландская авиация бросила все свои силы — сорок боевых самолетов — против германского воздушного флота. Тысяча предателей развила бешеную деятельность; весь день с неба сыпались парашютисты. В Сидотоне единственный радиоприемник как раз был выключен — и Хоуард мирно строгал ветку орешника.

Его покой не слишком нарушился и после того, как радио включили. Из Сидотона война казалась очень далекой; от немцев деревню отделяла Швейцария, и на войну смотрели безучастно. В Бельгию опять вторглись враги, так было и в прошлую войну; *sale Boche* ¹! На этот раз вторглись и в Голландию; тем больше союзников будет у Франции. А может быть, до Франции на этот раз и не дойдут, ведь сперва надо завоевать и переварить Голландию.

Хоуард со всем этим соглашался. Он ясно помнил ход прошлой войны. Он и сам тогда был короткое время в армии, добровольцем в территориальных частях, но недолго — его быстро демобилизовали из-за ревматизма. Главный удар тогда пришелся на Бельгию, вечно она — арена боев, это не ново. А в Сидотоне ничего не изменилось. Время от времени Хоуард рассеянно, без особого интереса слушал радио. Скоро начнется сезон рыбной ловли; снег в низинах растаял, и горные ручьи с каждым днем становятся спокойнее.

Отступление из Брюсселя тоже не очень задело его; так было и в прошлый раз. Он слегка встревожился, когда немцы достигли Абвиля, но стратег он был неважный и не понял, что это значит. Впервые по-настоящему потрясло его 29-е мая, когда бельгийский король Леопольд сложил оружие. Такого в прошлую войну не было, и Хоуард расстроился.

Но в тот день ничто не могло расстроить его надолго. На другое утро он в первый раз собирался удить рыбу — и весь вечер заботливо разбирал свои снасти, смачивал лески и сортировал наживку. На завтра он отшагал шесть миль и поймал трех голубых форелей. В гостиницу вернулся около шести, усталый и счастливый, поужинал и сразу же лег в постель. Так он упустил первое сообщение по радио об эвакуации Дюнкерка.

Наутро его благодущию настал конец. Почти весь день он просидел в кабачке у радиоприемника, встревоженный и подавленный. Героическое отступление с побережья взволновало его, как ничто за последние месяцы; впервые потянуло домой, в Англию. Да, конечно, ему все равно не найдется там работы, но теперь он хотел вернуться. Хотел снова быть в гуще событий, видеть британские мундиры на улицах, де-

---

¹ Гнусные боши (фр.).

лить общее напряжение и тревогу. Сидотон раздражал его истинно крестьянским равнодушием к войне.

Четвертого июня последние английские войска оставили Дюнкерк, Париж подвергся первому и единственному воздушному налету, и Хоуард принял решение. Вечером он сказал об этом миссис Кэвено:

— Не нравится мне создавшаяся обстановка. Совсем не нравится. Думаю поехать домой. В такие времена человеку место на родине.

Она посмотрела с изумлением.

— Неужели вы боитесь, что сюда явятся немцы, мистер Хоуард? Им не пройти так далеко.

И успокоительно улыбнулась.

— Нет,— сказал он.— С нынешних позиций они далеко не продвинутся. Но все равно, думаю, мне следует вернуться домой.— Он помолчал и прибавил с надеждой: — Может быть, я пригожусь в противовоздушной обороне.

Миссис Кэвено не выпускала из рук вязанье.

— Мне будет не доставать бесед с вами по вечерам,— сказала она.— И дети будут без вас скучать.

— Мне очень приятно было познакомиться с вашими детьми,— сказал Хоуард.— Мне тоже будет скучновато без них.

— Шейла в восторге от сегодняшней прогулки с вами. Она поставила цветы в воду.

Было не в обычае старика действовать наспех, но в тот же вечер он предупредил мадам Люкар, что уедет через неделю, одиннадцатого июня. Он сказал ей это в кабачке, и там разгорелся оживленный спор — вправе ли он так поступить? В споре участвовали чуть ли не все местные жители, длился он добрый час, немало было выпито перно, и под конец общественное мнение сложилось в пользу Хоуарда. Нелегко мадам Люкар потерять своего лучшего постояльца, сказал местный жандарм, и всем сидотонцам жаль расстаться со своим английским *samagade*¹, но, конечно, в такие времена старому солдату положено быть у себя на родине. Мсье совершенно прав. Но, может быть, он вернется?

Хоуард сказал, что надеется вернуться очень скоро — через считанные недели, как только минует опасное положение на фронте.

---

¹ Товарищем (фр.).

Назавтра он начал готовиться к путешествию. Готовился не спеша, ведь впереди еще целая неделя. И выдался еще один удачный денек с удочкой у ручья, и он поймал еще двух голубых форелей. После отступления из Дюнкерка в военных действиях на несколько дней наступило затишье, и Хоуард провел день в нерешительности, но потом немцы двинулись в наступление на Сомме, и он опять стал готовиться к отъезду.

Девятого июня явился Кэвено, неожиданно приехал из Женевы на своей маленькой машине. Он казался еще более озабоченным и рассеянным, чем обычно, и скрылся вместе с женой в их комнатах. Детей отослали в сад.

Через час Кэвено постучался к Хоуарду. Старик перед тем читал в кресле и задремал, уронив книгу на колени. Когда в дверь снова постучали, он надел очки и сказал:

— Войдите!

Он с удивлением посмотрел на посетителя и встал.

— Очень рад,— сказал он учтиво.— Как это вы приехали посреди недели? Получили отпуск?

Похоже, Кэвено был несколько смущен.

— Я взял отпуск на день,— сказал он не сразу.— Разрешите войти?

— Конечно, конечно.— Старик засуетился и снял со второго кресла (их всего-то было два) грудку книг. Потом предложил гостю сигарету.— Не угодно ли присесть?

Тот неуверенно сел.

— Что вы думаете о войне? — спросил он.

— По-моему, это очень серьезно,— сказал Хоуард.— Мне совсем не нравятся сводки.

— Мне тоже. Я слышал, вы собираетесь домой?

— Да, возвращаюсь в Англию. Я чувствую, что в такое время мое место там.

Наступило короткое молчание. Потом Кэвено сказал:

— У нас в Женеве полагают, что Швейцария будет оккупирована.

Хоуард посмотрел на него с любопытством.

— Вы так думаете? И скоро?

— Думаю, что скоро. Очень скоро.

Помолчали. Потом Хоуард спросил:

— Что же вы тогда будете делать?

Рыжий человечек из Женевы поднялся и отошел к окну. Постоял минуту, глядя на луга и на сосны. Потом повернулся к Хоуарду.

— Придется мне остаться в Женеве,— сказал он.— Я должен делать свое дело.

— По-вашему, это... разумно?

— Нет,— признался Кэвено.— Но я так решил.

Он прошелся по комнате и снова сел.

— Я уже говорил с Фелисити,— сказал он.— Я должен остаться там. Даже при германской оккупации у нас будет много работы. Будет не очень-то приятно. Будет нелегко. Но дело того стоит.

— Разве немцы позволяют Лиге продолжать работу?

— Нам твердо обещано, что позволят.

— А что думает об этом ваша жена? — спросил Хоуард.

— Думает, что я правильно решил: Она хочет вернуться со мной в Женеву.

— Вот как!

Кэвено повернулся к нему.

— Правду сказать, потому я к вам и пришел,— сказал он.— Должно быть, нам придется трудно, пока война не кончится. Если союзники победят, то победят только применив блокаду. В странах, занятых немцами, будет довольно голодно.

— Да, наверно.— Хоуард смотрел на Кэвено с удивлением. Не думал он, что в этом рыжем человечке столько спокойного мужества.

— Но вот дети... виновато сказал тот.— Мы подумали... Фелисити пришла мысль... Вы не могли бы взять их с собой в Англию? — И продолжал торопливо, прежде чем Хоуард успел вставить хоть слово: — Надо только отвезти их к моей сестре в Оксфорд. Нет, лучше я дам телеграмму, и сестра встретит вас в Саутгемптоне с автомобилем и отвезет их к себе в Оксфорд. Боюсь, мы просим невозможного. Если вам это слишком трудно... Мы, конечно, пойдем.

Хоуард растерянно посмотрел на него.

— Дорогой мой, я бы рад помочь вам. Но, признаться, в мои годы я плохой путешественник. На пути сюда в Париже я два дня был совсем болен. Мне ведь почти семьдесят. Было бы вернее, если бы вы поручили детей кому-нибудь покрепче.

— Может быть,— сказал Кэвено.— Но ведь никого другого нет. Тогда придется Фелисити самой отвезти детей в Англию.

Помолчали. Потом Хоуард сказал:

— Понимаю. Она не хочет ехать?

Кэвено покачал головой.

— Мы с ней не хотим расставаться,— сказал он почти жалобно.— Ведь это, может быть, на годы.

Хоуард широко раскрыл глаза.

— Поверьте, я сделаю все, что в моих силах,— сказал он.— А насколько разумно отправлять детей со мною, это уж вам решать. Если я умру в дороге, это, пожалуй, доставит много беспокойства и вашей сестре в Оксфорде и детям.

— Я вполне готов пойти на такой риск,— с улыбкой сказал Кэвено.— Он невелик по сравнению со всем, чем мы сейчас рискуем.

Старик медленно улыбнулся.

— Ну что ж, я прожил семьдесят лет и пока еще не умер. Пожалуй, протяну еще несколько недель.

— Так вы их возьмете?

— Конечно, возьму, раз вы хотите.

Кэвено пошел сказать об этом жене, оставив старика в смятении. Он-то думал останавливаться на ночь в Дижоне и в Париже, как сделал на пути сюда; теперь, наверно, разумнее поехать напрямик до Кале. В сущности, для этого ничего не нужно менять, ведь он еще не заказал номера в гостиницах и не взял билет. Изменились только его планы; что ж, надо освоиться с новой мыслью.

А справится ли он с двумя детьми, может быть, разумнее нанять в Сидотоне какую-нибудь деревенскую девушку, пускай доедет с ними до Кале в качестве няни? Еще неизвестно, найдется ли такая девушка. Может быть, мадам Люкар знает какую-нибудь...

Только позже он сообразил, что Кале уже заняли немцы и лучше всего переправиться через Канал из Сен-Мало в Саутгемптон.

Потом он спустился в гостиную и застал там Фелисити Кэвено. Она сжала его руку.

— Вы очень, очень добры, вы так нас выручаете,— сказала она.

Хоуарду показалось, что она недавно плакала.

— Пустяки,— сказал он.— Мне веселей будет ехать с такими спутниками.

Она улыбнулась:

— Я только что им сказала. Они просто в восторге. Ужасно рады, что поедут домой с вами.

Впервые он слышал, что она называет Англию домом.

Он поделился с нею своими соображениями насчет няни, и они пошли поговорить с мадам Люкар. Но оказалось, в Сидотоне не сыскать девушки, которая согласилась бы отправиться в такую даль, как Сен-Мало или хотя бы Париж.

— Ничего,— сказал Хоуард.— В конце концов, через двадцать четыре часа мы будем дома. Я уверен, что мы отлично поладим.

Миссис Кэвено посмотрела на него.

— Хотите, я поеду с вами до Парижа? Провожу вас, а потом вернусь в Женеву.

— Пустяки,— сказал он,— пустяки. Оставайтесь с мужем. Только расскажите мне, как их одевать и что они говорят... м-м... когда им нужно выйти. И можете за них не беспокоиться.

Вечером он пошел с нею взглянуть, как дети укладываются спать.

— Ну, как, поедешь со мной в Англию к тетушке? — сказал он Рональду.

Мальчик посмотрел на него сияющими глазами:

— Да, пожалуйста! Мы поедем поездом?

— Да, мы долго будем ехать поездом,— сказал Хоуард.

— А нас паровоз повезет или электричка?

— Э... м-м... паровоз, я думаю. Да, конечно, паровоз.

— А сколько у него колес?

Но на это старик уже не умел ответить.

— И обедать будем в поезде? — пропищала Шейла.

— Да,— сказал Хоуард,— вы пообедаете в поезде. И выпьете чаю и, надеюсь, позавтракаете.

— О-о! — недоверчиво протянула девочка.— Завтракать в поезде?

Рональд посмотрел удивленно:

— А где мы будем спать?

— В поезде, Ронни,— вмешался отец.— В отдельной кровати.

— Правда, будем спать в поезде? — Ронни повернулся к старику. — Мистер Хоуард, можно мне спать поближе к паровозу?

— И мне. Я тоже хочу поближе к паровозу, — сказала Шейла.

Мать оставалась с ними, пока они не уснули. Потом спустилась в гостиную к мужчинам.

— Я попросила мадам Люкар приготовить для вас корзинку с едой, — сказала она. — Вам будет проще накормить их в спальном вагоне, чем водить в вагон-ресторан.

— Очень признателен, — сказал Хоуард. — Это гораздо удобнее.

Миссис Кэвено улыбнулась:

— Я-то знаю, каково ездить с детьми.

В тот вечер он поужинал с ними и рано лег спать. Усталость была приятная, и он отлично выспался; проснулся, по обыкновению, рано, полежал в постели, перебирая мысленно, о чем еще надо позаботиться. Наконец он поднялся; чувствовал он себя на редкость хорошо. Причина была проста — впервые за много месяцев для него нашлось дело, — но об этом он не догадывался.

День прошел в хлопотах. У детей было совсем мало вещей на дорогу, только одежда в небольшом портпледе. С помощью матери старик изучил все сложности их одевания, и как укладывать их спать, и чем кормить.

В какую-то минуту миссис Кэвено остановилась и посмотрела на него.

— По совести, — сказала она, — вы бы предпочли, чтобы я проводила вас до Парижа, правда?

— Совсем нет, — ответил Хоуард. — Уверяю вас, детям будет вполне хорошо со мной.

Короткое молчание.

— Не сомневаюсь, — медленно сказала она. — Не сомневаюсь, конечно же, с вами им будет хорошо.

Больше она о Париже не заговаривала.

Кэвено уехал в Женеву, но к ужину вернулся. Отвел Хоуарда в сторону и вручил ему деньги на дорогу.

— Не могу выразить, как мы вам благодарны, — пробормотал он. — Совсем другое дело, когда знаешь, что малыши будут в Англии.

— Не тревожьтесь о них, — сказал старик. — Вы

их отдаете в надежные руки. Мне ведь приходилось заботиться о собственных детях.

Он не ужинал с ними в тот вечер, рассудил, что лучше оставить их одних с детьми. На дорогу все уже приготовлено: чемоданы уложены, удочки упрятаны в длинный дорожный футляр. Делать больше нечего.

Он пошел к себе. Ярко светила луна, и он постоял у окна, смотрел за поля и леса, вдаль, на горы. Было так безмятежно, так тихо.

Он с досадой отошел от окна. Несправедливо, что здесь, на Юре, так спокойно. За двести или триста миль севернее французы отчаянно сражаются на Сомме... Спокойствие Сидотона вдруг показалось ему неприятным, зловещим.хлопоты и новая ответственность за детей заставили его на все посмотреть по-другому: скорей бы вернуться в Англию, быть в гуще событий. Хорошо, что он уезжает. Мир и покой Сидотона помогли ему пережить тяжкую пору, но настало время уехать.

Следующее утро прошло в хлопотах. Он встал рано, но дети и родители Кэвено поднялись еще раньше. Завтракали в столовой все вместе; напоследок Хоуард учился размачивать для детей сухарики в кофе. Потом к дверям подкатил старый «крайслер», готовый отвезти их в Сен-Клод.

Прощанье вышло короткое и неловкое. Хоуард уже раньше сказал Кэвено-родителям все, что надо было сказать,* а детям не терпелось забраться в машину. Они не понимали, что расстанутся с матерью, быть может, на годы; впереди столько удовольствий: ехать в автомобиле до Сен-Клода, провести целый день и всю ночь в самом настоящем поезде с паровозом,— только это их и занимало. Отец и мать, оба красные, неловкие, поцеловали детей, но те просто не понимали, что значит это прощанье. Хоуард, смущенный, стоял рядом.

— Прощайте, мои милые,— пробормотала миссис Кэвено и отвернулась.

— Можно, я сяду рядом с шофером? — спросил Рональд.

— И я хочу рядом с шофером,— сказала Шейла. Тут вмешался Хоуард.

— Вы оба сядете рядом со мной.— Он усадил их на заднее сиденье. Потом обернулся к матери.— Им

хорошо и весело,— сказал он мягко,— а ведь это главное.

Он уселся в машину; она тронулась, и с тягостным расставанием было покончено.

Хоуард усадил детей по обе стороны от себя, чтобы им одинаково хорошо видна была дорога. Порой кто-нибудь из них замечал козу или осла и сообщал об этом, мешая английские слова с французскими, тогда другой карабкался через колени старика и спешил тоже посмотреть на такое чудо. Хоуард с трудом водворял их на места.

Через полчаса подъехали к станции Сен-Клод. Консьерж помог им выбраться из машины.

— Славные детишки,— сказал он Хоуарду.— Думаю, отец с матерью будут очень тосковать.

— Да, верно,— по-французски ответил старик.— Но во время войны детям спокойнее на родине. Я думаю, что их мать решила разумно.

Тот пожал плечами, он был явно не согласен:

— Да неужто война дойдет до Сидотона!

Он перенес их вещи в купе первого класса, помог Хоуарду сдать в багаж чемоданы. И вот маленький поезд, пыхтя, пополз по долине, и Сен-Клод остался позади. Это было в то утро, когда Италия объявила войну союзникам, а немцы перешли Сене севернее Парижа.

3

Уже через полчаса после того, как проехали Морез, дети заскучали. Хоуард этого ждал и приготовился. В саквояже у него были припрятаны кое-какие игры, которыми его снабдила миссис Кэвено. Он достал бумагу, цветные карандаши и усадил детей рисовать пароходы.

За три часа, пока доехали до Андело, они успели перекусить; купе засыпано было обертками от сэндвичей и апельсиновыми корками; пустую бутылку от молока водворили под сиденье. Шейла уснула, прикорнув подле Хоуарда, головой у него на коленях; Ронни большую часть пути стоял у окна и тихонько напевал французскую считалку:

Раз, два, три,
В лес гулять пошли,
Четыре, пять,
Вишни собирать...

К тому времени, как доехали до Андело, Хоуард прочно усвоил премудрость порядкового счета.

На маленькой станции, где предстояла пересадка, ему пришлось разбудить крепко спавшую Шейлу. Она проснулась вся красная, недовольная и ни с того ни с сего немножко поплакала. Старик утер ей глаза, вышел из вагона, снял детей на платформу и вернулся в вагон за вещами. Носильщиков на платформе не оказалось — наверно, во Франции в военное время это неизбежно. Ничего другого он и не ждал.

Он пошел по платформе, нагруженный багажом; дети медленно шли рядом, и он умерял шаг, принаравливаясь к ним. В конторе сидел черноволосый толстяк — начальник станции.

Хоуард спросил, не опаздывает ли скорый из Швейцарии.

Скорый не придет, ответил начальник станции. Никаких поездов из Швейцарии не будет.

Ошеломленный Хоуард возмутился. Почему же об этом не сказали в Сен-Клоде? И как теперь добраться до Дижона?

Начальник станции сказал, что мсье может быть спокоен. Будет поезд на Дижон от пограничной станции Валлорб. Его ждут с минуты на минуту. Его ждали с минуты на минуту уже два часа.

Хоуард вернулся к детям и вещам, раздосадованный и встревоженный. Раз нет скорого, значит, нельзя из Андело ехать напрямик до Парижа, понадобится пересадка в Дижоне. А попадут они в Дижон только к вечеру, и неизвестно, сколько придется ждать поезда на Париж и удастся ли достать спальные места для детей. Будь Хоуард один, это было бы только досадно; с двумя детьми, о которых надо заботиться, положение становилось серьезным.

Он попробовал их развлечь. Ронни с любопытством разглядывал товарные вагоны, стрелки, семафоры, маневровый паровоз, сыпал вопросами, на которые Хоуард не умел ответить, но сверх этого почти не доставлял хлопот. Не то с Шейлой. Девочку, знакомую Хоуарду по Сидотону, словно подменили, — она стала капризная, беспокойная, без конца хныкала. Старик на все лады старался ее развлечь, но безуспешно.

Через час сорок минут, когда он совсем извелся, к станции подошел дижонский поезд. Он был пере-

полнен, но Хоуарду удалось найти место в вагоне первого класса; он усадил Шейлу к себе на колени, и она скоро уснула. Ронни стоял рядом, глядел в окно, болтал по-французски с толстой старухой в углу.

Вдруг эта женщина наклонилась к Хоуарду.

— У вашей девочки лихорадка, да? — спросила она.

Удивленный, он ответил по-французски:

— Нет, что вы. Просто она немножко устала.

Старуха уставилась на него круглыми, как бусинки, черными глазками.

— У ней лихорадка. Не годится брать в поезд больного ребенка. Это не по правилам. Мне ни к чему сидеть рядом с больным ребенком.

— Уверяю вас, мадам, вы ошибаетесь, — сказал Хоуард, но ужасное подозрение шевельнулось в нем.

Старуха обернулась к соседям по вагону.

— Это я-то ошибаюсь! — возмутилась она. — Нет, сударь, уж я не ошибусь. Ничего подобного. Коли кто ошибается, сударь, так это вы. Говорю вам, ваша девочка больна, зря вы ее везете в поезде со здоровыми людьми. Глядите, какая она красная! У ней скарлатина, а может, ветряная оспа или еще какая поганая хворь. Кто живет в чистоте, такой гадостью не хворает. — Старуха совсем разошлась, повысила голос. — Это ж надо додуматься, везти в поезде хворого ребенка!

Заворчали и другие пассажиры. Кто-то сказал:

— Не по правилам это. Такое нельзя допускать.

— Мадам, — сказал Хоуард старухе, — у вас, наверно, тоже есть дети?

Она фыркнула ему в лицо:

— Пятеро. Только я сроду не брала в дорогу хворого ребенка. Куда это годится.

— Мадам, я прошу вашей помощи, — сказал старик. — Это дети не мои, а моих друзей, и я должен отвезти их в Англию, потому что в такое время лучше детям быть на родине. Я не знал, что девочка больна. Скажите, как бы вы поступили, будь это ваша дочка?

Сердитая старуха пожала плечами.

— Я? Меня это не касается, вот что я вам скажу. Малым детям надо оставаться при матери. При матери — вот где им место. Сейчас время такое, жара, да еще в поезд ребенка взяли, вот вам и лихорадка.

Сердце Хоуарда сжалось, он подумал, что в этих

словах есть доля истины. С другого конца вагона кто-то сказал:

— У англичан дети часто болеют. Матери не смотрят за ними, как положено. Оставят ребенка на сквозняке, как тут не схватить лихорадку.

Все вокруг были того же мнения. Хоуард опять обратился к старухе:

— Вы полагаете, это заразно? Если так, мы сойдем на ближайшей станции. Но я думаю, девочка просто устала.

Старая крестьянка так и впилась в него глазами.

— Есть у ней сыпь?

— Кажется, нет... Право, не знаю.

Старуха презрительно фыркнула.

— Дайте-ка ее мне.— Она перехватила у него Шейлу, пристроила на могучих своих коленях и ловко сняла с девочки пальто. Проворными пальцами расстегнула платье и тщательно осмотрела малышку со всех сторон.— Сыпи нету,— сказала она, снова одевая Шейлу,— но у ней лихорадка... вся горит, бедняжка. Не годится брать больного ребенка в дорогу, мсье. Ей место в постели.

Хоуард взял Шейлу на руки; несомненно, французенка права. Он поблагодарил ее.

— Да, я вижу, когда приедем в Дижон, надо будет уложить ее в постель,— сказал он.— Наверно, и врачу надо показать?

Старуха пожала плечами.

— Незачем. Возьмете у аптекаря микстуру, и все пройдет. Только не давайте вина, покуда у ней лихорадка. Вино горячит кровь.

— Понимаю, мадам,— сказал Хоуард.— Вина я ей не дам.

— Ни с водой не давайте, ни с кофе.

— Понимаю. А молока ей можно?

— Молоко не повредит. Многие говорят, детям надо пить столько же молока, сколько вина.

Тут все заспорили, что полезно малым детям, а что вредно, и спорили до самого Дижона.

Дижонский вокзал был битком набит солдатами. С огромным трудом Хоуард извлек детей и вещи из вагона. У него были при себе саквояж, чемодан и металлический футляр с удочками; остальной свой багаж и портплед с платьем детей он, выезжая, отправил прямиком в Париж. Теперь, с Шейлой на ру-

ках, ведя за руку Ронни, он уже не мог взять ничего из вещей; пришлось оставить все в углу платформы и пробиваться с детьми к выходу через густую толпу.

Площадь перед вокзалом была запружена грузовиками и солдатами. Хоуард с трудом пробрался к гостинице, где останавливался прежде; его пугало и сбивало с толку, что в городе такой беспорядок. Все-таки он протолкался с детьми в гостиницу; девушка за конторкой узнала его, но сказала, что все номера заняты военными.

— Но у меня на попечении больной ребенок, мадемуазель, — и он объяснил, в чем дело.

— Да, ваше положение трудное, мсье, — сказала девушка, — но что же я могу?

Хоуард слабо улыбнулся.

— Вы можете пойти и позвать хозяйку, и, пожалуй, мы все вместе что-нибудь придумаем.

Через двадцать минут в его распоряжении был номер с широчайшей двуспальной кроватью, и он извинялся перед негодующим французским лейтенантом, которому капитан приказал разделить номер с другим офицером.

Неопрятная толстуха горничная, на которой едва не лопалось платье, хлопотала, наводя в комнате порядок.

— Ваша малышка заболела, да? Будьте спокойны, мсье. Наверно, она немножко простыла или, может, съела что-нибудь плохое. Через денек-другой все пройдет. Будет ваша девочка совсем здорова. — Она расправила постель и подошла к Хоуарду, который сидел в кресле с Шейлой на руках. — Вот, мсье. Теперь все готово.

— Благодарю вас, — учтиво сказал старик. — Еще одна просьба. Я сейчас уложу ее и пойду за доктором. Может быть, вы с ней побудете, пока я не вернусь?

— Конечно, мсье, — ответила горничная. — Бедная крошка!

Она смотрела, как он раздевает Шейлу, держа ее на коленях; потревоженная девочка опять заплакала. Француженка широко улыбнулась, разразилась потоком ласковых слов — и Шейла перестала плакать. Через минуту Хоуард передал ее горничной. Та поглядела на него.

— Если хотите, идите за доктором, мсье. Я побуду с детьми.

Он оставил их, прошел вниз, к конторке, и спросил,

где можно найти доктора. Девушку со всех сторон осаждали вопросами, но она на миг оторвалась, подумала.

— Не знаю, мсье... вот что... у нас в ресторане обедают офицеры, там есть один *médecin major*¹.

Старик протиснулся в переполненный ресторан. Почти все столики заняты были офицерами, по большей части мрачными и молчаливыми. Они показались англичанину обрюзгшими и неопрятными; добрая половина — небриты. После недолгих расспросов он нашел врача, который как раз кончал есть, и объяснил ему, что случилось. Тот надел красное бархатное кепи и пошел за Хоуардом наверх.

Десять минут спустя врач сказал:

— Не волнуйтесь, мсье. Девочке надо день-другой полежать в постели, в тепле. Но, думаю, уже завтра температура станет нормальная.

— А что с ней? — спросил Хоуард.

Врач пожал плечами.

— Это не инфекция. Может быть, девочка, разгоряченная, играла на сквозняке. Дети, знаете, подвержены простудам. Температура сразу подскакивает довольно высоко, а через несколько часов падает...

Он повернулся к двери.

— Держите девочку в постели, мсье. Только легкая пища; я скажу хозяйке. Вина нельзя.

— Да, конечно.— Хоуард достал бумажник.— Разрешите вас поблагодарить.

Он протянул деньги. Француз сложил бумажку, сунул в нагрудный карман мундира. И, чуть помедлив, спросил:

— Вы едете в Англию?

Хоуард кивнул.

— Как только девочке станет лучше, я повезу их в Париж, а потом через Сен-Мало в Англию.

Наступило короткое молчание. Грузный небритый человек постоял минуту, глядя на ребенка в постели. Наконец он сказал:

— Пожалуй, вам придется ехать в Брест. Там всегда найдется пароход до Англии.

Старик удивленно взглянул на него:

— Но ведь есть пароходная линия от Сен-Мало.

Врач пожал плечами.

---

¹ Старший военный врач (*фр.*).

— Это слишком близко к фронту. Возможно, туда идут только воинские составы.— Он поколебался, потом пояснил: — Кажется, боши перешли Сену возле Реймса. Только небольшие силы, понимаете. Их легко будет отбросить.— Последние слова прозвучали не слишком уверенно.

— Плохая новость,— негромко сказал Хоуард.

— В этой войне все новости плохи,— с горечью ответил врач.— В недобрый час Франция дала втянуть себя в эту историю.

Он повернулся и пошел к лестнице. Хоуард спустился следом, взял в ресторане кувшин холодного молока, немного печенья для детей и, спохватясь в последнюю минуту, немного хлеба себе на ужин. Нес все это через переполненный вестибюль, потом наверх, к себе в номер, и тревожился, что дети так долго оставались одни.

Ронни стоял у окна и смотрел на улицу.

— Там у вокзала сколько машин, сколько грузовиков! — оживленно сказал он.— И пушки! Настоящие пушки, с тягачами! Можно, мы пойдем посмотрим?

— Не теперь,— ответил старик.— Тебе уже пора спать.

Он дал детям на ужин печенье и налил молоко в стаканчики для зубных щеток; у Шейлы жар как будто спал, и она без особых уговоров выпила молоко. Потом надо было уложить Ронни на большой кровати рядом с сестрой. Мальчик спросил:

— А где моя пижама?

— На вокзале,— ответил Хоуард.— Пока ложись для разнообразия в рубашке. А потом я пойду и принесу твою пижаму.

Он превратил это в игру, раздел детей, уложил на большой кровати, положив между ними валик, и заботливо укрыл одеялом.

— Теперь будьте умницами,— сказал он.— Я только схожу за вещами. Свет я не погашу. Ведь вы не станете трустить?

Шейла не ответила; она уже почти уснула, свернувшись клубком, красная, растрепанная. Ронни сказал сонным голосом:

— А завтра мы пойдем посмотреть пушки и грузовики?

— Если ты будешь умницей.

Он оставил их и спустился в вестибюль. В ресторане и кафе народу стало больше прежнего; в такой толчее

не было надежды найти кого-нибудь, кто помог бы управиться с багажом. Хоуард протолкался к дверям и вышел на улицу, его озадачила и не на шутку тревожила обстановка в городе.

На площади перед вокзалом скопились грузовики, пушки и несколько легких танков. Большинство пушек было на конной тяге; лошади запряжены и, похоже, готовы хоть сейчас двинуться в путь. Вокруг в темноте громыхали грузовики, слышались окрики и ругань на протяжном южнофранцузском наречии.

И в самом вокзале полно солдат. Тесно сидят на корточках на грязном асфальте платформ, прислонились к чему попало, курят и устало сплевывают в полутьме. Хоуард прошел к платформе прибытия, пытаясь в этой человеческой каше отыскать свои вещи. Он нашел металлический футляр с удочками и саквояж; большой чемодан исчез; и никакого следа вещей, сданных в багаж.

Он и не надеялся, что все вещи останутся в целости, но потеря чемодана всерьез его огорчила. Конечно, когда он доберется до Парижа, багаж он найдет в камере хранения, хотя бы и через полгода. Но чемодан, очевидно, украли; или, может быть, его убрал в безопасное место какой-нибудь усердный служащий. Но в такой обстановке это маловероятно. Надо будет еще поискать утром; пока что дети обойдутся одну ночь без пижам. Он вернулся в гостиницу и поднялся в номер.

Дети спали; Шейла разметалась в жару и почти совсем раскрылась. Хоуард осторожно ее укрыл и спустился в ресторан: может быть, найдется что-нибудь поесть. Усталый официант наотрез отказался его обслужить, в гостинице не осталось ничего съестного. Хоуард купил в кафе бутылочку коньяку, снова поднялся к себе и поужинал разбавленным коньяком с куском хлеба. Потом он кое-как устроился на ночь в кресле — надо было поспать; его мучила тревога: что-то принесет завтрашний день... Только одно утешало — удочки нашлись, они в целости и сохранности.

Рассвет начался около пяти и застал Хоуарда в кресле — он все еще дремал в неудобной позе, покрывало, которое он взял с кровати, наполовину сползло. Вскоре проснулись дети и принялись болтать и играть в постели; старик пошевелился, с трудом выпрямился в кресле. Потер ладонью лоб и щеки; чувствовал он себя совсем больным. Но дети требовали внимания, и он поднялся и помог им в неотложных делишках.

Уснуть больше не удалось: по коридорам уже топали взад-вперед. Под окном, на вокзальной площади грузовики, пушки и танки тоже пришли в движение. Скрежет стальных гусениц, рев выхлопных труб, бряцанье сбруи, топот подков — все сливалось в симфонию войны. Хоуард вернулся к детям; Шейле стало лучше, но она была еще явно нездорова. Он поставил около кровати таз и вымыл девочке лицо и руки; потом причесал ее — в саквояже оказался карманный гребешок, одна из немногих оставшихся у него туалетных мелочей. Потом измерил девочке температуру, термометр поставил под мышку — побоялся, как бы она его не разгрызла, если возьмет в рот.

Температура оказалась на градус выше нормальной; Хоуард тщетно пытался вспомнить, сколько надо присчитывать, когда термометр ставят под мышку, а не в рот. Впрочем, это не столь важно, все равно девочку надо поддержать в постели. Он поднял Ронни, помог ему умыться и оставил одеваться; умылся и сам и позвонил горничной. Он был небрит, но это могло подождать.

Горничная вошла и вскрикнула, увидев кресло и покрывало.

— Мсье так спал? — спросила она. — Но ведь на кровати хватило бы места для всех.

Старик слегка растерялся.

— Девочка больна, — сказал он. — Когда ребенок болен, ему нужен простор. Мне было вполне удобно.

Взгляд женщины смягчился, она сочувственно прищелкнула языком.

— Вечером я вам достану еще матрас, — сказала она. — Будьте спокойны, мсье, я вас уж как-нибудь устрою.

Он заказал кофе, булочки и джем, горничная вышла и вскоре вернулась с полным подносом. Когда она поставила все это на туалетный столик, Хоуард отважился спросить:

— Мне надо пойти с утра поискать мои вещи и кое-что купить. Мальчика я возьму с собой; это не надолго. Вы подойдете к девчурке, если услышите, что она плачет?

Горничная широко улыбнулась.

— Ну конечно. Да вы не торопитесь, мсье. Я приведу *la petite*¹ Розу, и она поиграет с вашей девочкой.

---

¹ Маленькую; здесь — крошку (фр.).

— Розу? — переспросил Хоуард.

И потом добрых десять минут стоял и слушал длинную семейную историю. «Крошке» Розе восемь лет, это племянница горничной, дочь брата, брат живет в Англии. Уж наверно, мсье его встречал. Его зовут Тенуа, Анри Тенуа. Он служит официантом в отеле «Диккенс» в Лондоне, на Рассел-сквер. Он вдовый, вот она и взяла крошку Розу к себе. И так далее, минута за минутой.

Хоуарду понадобилось немало такта, чтобы прервать этот поток слов прежде, чем кофе окончательно остыл.

Через час, подтянутый и выбритый, ведя Ронни за руку, он вышел на улицу. Мальчик, в берете, курточке и носках, казался истинным французом; напротив, Хоуард в своем поношенном твидовом костюме выглядел как нельзя более по-английски. Десять минут, верный своему обещанию, он задержался на площади и дал мальчику вдоволь наглядеться на грузовики, пушки и танки. Около машины на гусеничном ходу, меньших размеров, чем другие, они остановились.

— Celui-ci, c'est un char de combat ¹, — громко сказал Ронни.

Водитель расплылся в улыбке.

— Верно, — подтвердил он.

— А я думал, что это танк, — сказал Хоуард тоже по-французски.

— Нет-нет-нет, — с жаром запротестовал мальчик. — Танк гораздо больше, мсье. Правда, правда.

Водитель засмеялся.

— У меня дома, в Нанси, такой же le petit chou ². Подрастет немножко и тоже станет водить такую машину.

Они прошли на вокзал. С полчаса бродили по платформам, все еще забитым усталыми солдатами, в поисках пропавшего чемодана, но и следов не нашли. Измученные, задержанные служащие не могли ничем помочь. Под конец Хоуард махнул на это рукой; разумнее купить для детей самое необходимое, что он сам понесет в саквояже, когда они отправятся дальше. Человеку со слабым сердцем потерять в военное время чемодан — отчасти даже облегчение.

Они вышли с вокзала и направились к центру города покупать пижамы для детей. И еще купили для Шейлы

---

¹ Это танкетка (фр.).

² Малыш (фр.).

красных леденцов и книгу с картинками под названием «Слон Бабар». Потом повернули назад к гостинице.

— Там английская машина, мсье,— сказал вдруг Ронни.— Какая это марка?

— Право, не могу тебе сказать,— ответил старик, но посмотрел через дорогу.

Возле заправочной станции стоял большой открытый туристский автомобиль, грубо окрашенный в защитный цвет и весь забрызганный грязью. Видно было, что его давным-давно не мыли. Вокруг суетились двое или трое, заправляли машину бензином, маслом и водой. Еще один насосом накачивал спустившие шины.

Один из этих людей показался Хоуарду смутно знакомым. Он остановился и все смотрел через дорогу, пытаясь сообразить, где они встречались. Потом вспомнил: в клубе, полгода назад. Этого человека зовут Роджер Диккинсон, он, кажется, работает по газетной части. В «Морнинг рекорд», вот где он печатается. Довольно известный журналист.

Ведя Ронни за руку, Хоуард пошел через улицу.

— Доброе утро,— сказал он.— Мистер Роджер Диккинсон, если не ошибаюсь?

Тот круто обернулся с тряпкой в руке: он протирал ветровое стекло. В глазах его мелькнуло удивление.

— Припоминаю,— сказал он.— В Лондоне, в клубе «Странник»...

— Моя фамилия Хоуард.

— Припоминаю.— Теперь Диккинсон смотрел во все глаза.— Но... что вы здесь делаете?

— Я еду в Париж, но боюсь, придется на несколько дней тут задержаться.

И старик рассказал Диккинсону о Шейле.

— Выбирайтесь-ка отсюда поскорей,— сказал журналист.

— Почему?

Журналист изумленно смотрел на него, вертя в руках грязную тряпку.

— Немцы перешли Марну.— Теперь уже старик изумленно раскрыл глаза. Диккинсон закончил: — Да еще итальянцы наступают с юга.

Последнее замечание Хоуард не уловил.

— Перешли Марну? — повторил он.— Да, это плохо. Очень плохо. Но что же делают французы?

— Удирают, как зайцы,— ответил Диккинсон.

Короткое молчание.

— А что вы сказали об итальянцах?

— Италия объявила войну Франции. Вы не знали? Старик покачал головой.

— Мне никто не говорил.

— Это случилось только вчера. Французы, может быть, еще не сообщали, но это правда.

Рядом по земле потекла струйка бензина из переполненного бака; тот, кто управлял машину, отложил шланг и защелкнул крышку.

— Больше не входит,— сказал он Диккинсону.— Я сбегая напротив, куплю несколько brioches¹ — и двинемся.

Диккинсон обернулся к Хоуарду.

— Уезжайте отсюда,— сказал он.— Немедленно. Если попадете в Париж сегодня же вечером, все обойдется... по крайней мере, я так думаю. Из Сен-Мало пока еще ходят суда.

Старик поднял брови.

— Об этом не может быть и речи, Диккинсон. У другого ребенка высокая температура.

Журналист пожал плечами.

— Ладно, скажу вам прямо, французы недолго продержатся. Они уже разбиты. Я не болтаю зря. Это точно.

Хоуард в раздумье посмотрел вдоль улицы.

— А вы куда направляетесь?

— Поеду в Савойю, погляжу, как там действуют итальянцы. А потом будем выбираться из Франции. Может быть, через Марсель, возможно — через испанскую границу.

Старик улыбнулся.

— Желаю удачи,— сказал он.— Все-таки держитесь подальше от фронта.

— Ну, а вы-то что будете делать? — спросил Диккинсон.

— Право, не знаю. Мне надо подумать.

И он пошел к гостинице, ведя Ронни за руку. Через сотню шагов покрытая грязью зеленая машина нагнала их и мягко остановилась у обочины. Диккинсон нагнулся с шоферского сиденья.

— Слушайте, Хоуард,— сказал он.— У нас хватит места для вас с вашими малышами. Детей возьмем на колени. Ближайшие дни нам придется нелегко, будем

---

¹ Булочек (фр.).

вести машину и ночами, по очереди. Но если вы за десять минут приведете второго ребенка, я подожду.

Старик неуверенно заглянул в машину. Да, это великодушное предложение, и сделал его великодушный человек. В машине уже четверо и полно багажа; трудно представить, как туда втиснется еще один взрослый, не говоря уже о двух детях. Машина открытая, можно поднять полотняный верх, но с боков никакой защиты. Ехать в такой машине ночью, в горах,— это было бы тяжким испытанием для пятилетней девочки с высокой температурой.

— Вы очень, очень добры,— сказал Хоуард.— Но право, я думаю, нам лучше не торопиться.

— Как хотите,— сказал Диккинсон.— Я полагаю, денег у вас хватит?

Старик заверил, что денег у него достаточно, большая машина скользнула дальше и скрылась в конце улицы, Ронни следил за ней, чуть не плача. Вдруг он всхлипнул, и Хоуард наклонился к нему.

— В чем дело? — спросил он ласково.— Что случилось?

Ответа не было. Мальчик еле сдерживал слезы.

Хоуард мысленно искал причину такого горя.

— Это из-за автомобиля? — спросил он.— Ты думал, что мы покатаемся?

Мальчик молча кивнул. Старик остановился и вытер ему глаза.

— Ничего,— сказал он.— Подожди, вот пройдет у Шейлы простуда, и мы покатаемся все вместе.

Он подумал, надо будет, если можно, нанять машину до самого Сен-Мало, а там они переседают на пароход. Это будет стоить немалых денег, но положение создалось такое, что, пожалуй, любые расходы оправданы.

— Скоро?

— Может быть, послезавтра, если Шейла поправится и ей приятно будет прокатиться.

— А мы пойдем после завтрака смотреть camions¹ et chars de combat?

— Если они еще не уехали, пойдем и немножко посмотрим.

Надо было как-то вознаградить мальчика за разочарование. Но когда они дошли до вокзальной площади, грузовиков и танков уже не было. Осталось лишь

---

¹ Грузовики (фр).

несколько жалких кляч, привязанных под кричащие яркими рекламами спиртных напитков.

В спальне все шло прекрасно. La petite Роза оказалась застенчивой девочкой с длинными черными волосами и с повадками маленькой мамыши. Шейла уже смотрела на нее с обожанием. Из двух носовых платков Хоуарда и трех обрывков бечевки Роза смастерила кролика, и у него была нора в одеяле с той стороны кровати, где спал Ронни: когда кролика пугали криком, он, искусно управляемый руками Розы, прятался в свой домик. Шейла, блестя глазами и мешая английские слова с французскими, стала объяснять все это Хоуарду. Посреди оживленной болтовни над самыми крышами вокзала и гостиницы пролетели три самолета.

Хоуард развернул покупки и дал Шейле книжку про слона Бабара. Бабар оказался старым приятелем Розы; она взяла книгу, позвала и Ронни на кровать и начала читать обоим вслух. Мальчику быстро надоело; самолеты были больше по его части, и он высунулся в окно: может быть, пролетит еще хоть один.

Хоуард оставил детей и спустился в вестибюль, к телефону. С огромным трудом и огромным терпением он дозвонился наконец до сидотонской гостиницы; он считал своим долгом сообщить чете Кэвено о трудностях путешествия. Он поговорил с мадам Люкар, но Кэвено еще накануне выехали в Женеву. Конечно, они не сомневаются, что он уже в Англии.

Он попытался дозвониться в Женеву и найти Кэвено через Лигу наций, но ему резко ответили, что телефонная связь с Швейцарией прервана. Он спросил о телеграфе и узнал, что все телеграммы, адресованные в Швейцарию, перед отправкой нужно лично предъявить в Bureau de Ville¹ для цензуры. Его предупредили, что у стола цензора очень большая очередь.

Близилось время обеда; Хоуард отложил попытку связаться с Кэвено. По сути, он делал это только для очистки совести. С трезвостью старого человека он понимал — толку от этого не будет: если он и свяжется с родителями, все равно ему не пересечь границу и не добраться к ним, а они не смогут приехать к нему. Надо довести начатое до конца — доставить детей домой, в Англию; из Швейцарии нечего ждать помощи.

В гостинице стало до странности тихо и пусто; похо-

---

¹ Муниципалитет (фр.).

же, все военные куда-то исчезли. Хоуард пошел в ресторан, заказал обед для себя и для детей и попросил отнести поднос в спальню.

Еду принесла все та же горничная. Началась оживленная французская болтовня о картинках с Бабаром и о кролике из носовых платков. Женщина сияла, такие развлечения были ей по душе.

— Большое вам спасибо, что вы оставили *la petite Розу* с *la petite Шейлой*,— сказал Хоуард.— Они уже подружились.

Женщина опять затараторила:

— Пустяки, мсье, сущие пустяки. Роза больше всего на свете любит играть с маленькими детьми, и с котятами, и со щенятами. Право слово, она у нас прямо маленькая мамаша.— И горничная с нежностью погладила девочку по голове.— Если мсье желает, после обеда она опять придет.

— Мсье Хоуард, пускай Роза после обеда опять придет,— подхватила Шейла.

— После обеда тебе следует поспать,— неторопливо ответил старик.— Может быть, она придет опять в четыре часа? — спросил он горничную, потом обернулся к Розе: — Приходи пить с нами чай, хочешь? Чай по-английски?

— Oui, monsieur,— застенчиво ответила девочка.

Они вышли, и Хоуард накормил своих подопечных. У Шейлы все еще был небольшой жар. После обеда Хоуард выставил поднос за дверь и уложил Ронни отдыхать. Потом откинулся поудобнее в кресле и начал читать им книгу «Эмильена в цирке», которую дала ему миссис Кэвено. Немного погодя дети уснули; Хоуард отложил книгу и сам на час задремал.

Проснувшись, он опять пошел в город, в *Bureau de Ville*, ведя Ронни за руку; в кармане у него лежала длинная телеграмма к Кэвено. Некоторое время он искал кабинет цензора и наконец нашел — кабинет осаждала толпа встревоженных и недовольных французов. Дверь была заперта. Цензор закончил работу и ушел на весь вечер неизвестно куда. Предполагалось, что он начнет прием только завтра в девять утра.

— Непорядок это,— говорили в толпе, но тут явно ничего нельзя было поделать.

Хоуард пошел с мальчиком назад в гостиницу. Город опять наполняли солдаты, длинная вереница грузовиков загромождала улицы к северу от вокзала. На площади стояли три громадных танка, они грозно щетини-

лись орудиями, но были сплошь в грязи. Усталая команда заправляла их горючим из походной цистерны, люди работали медленно, угрюмо, даже уныло. Старик посмотрел, как небрежно, неуклюже они действуют, и его пробрала дрожь. Как это сказал Диккинсон? «Удирают, как зайцы...»

Не может этого быть. Французы всегда сражались великолепно.

По настойчивой просьбе Ронни они перешли через площадь и постояли немного, разглядывая танки. Мальчик сказал:

— Такой пройдет прямо через стену, даже через дом проломится. Прямо насквозь!

Старик оглядел чудовищные махины. Может быть, они на это и способны, но у Хоурда их вид восторга не вызывал.

— В них, наверно, не слишком уютно,— спокойно сказал он.

Ронни фыркнул.

— Они идут быстро-быстро, а пушки так и палят! — Он повернулся к Хоурду.— Они тут будут всю ночь?

— Не знаю. Вероятно. Теперь идем, Шейла, наверно, уже хочет чаю. Наверно, и ты хочешь пить.

Приманка была надежная, но Ронни с грустью оглянулся на машины.

— А завтра мы пойдем их смотреть?

— Если они еще останутся здесь.

В спальне по-прежнему все шло прекрасно. Роза знала игру, вся суть которой, видно, заключалась в том, чтобы опять и опять подражать голосам зверей. Девочки пели:

Как у тетюшки моей
Много в домике зверей.
Мышка тоненько пищит (пи-и!),
Очень страшно лев рычит (рр-р!),
А осел кричит: и-а,
А лягушка: ква-ква-ква,
А собака: гау-гау,
А котенок: мяу-мяу,
А кукушка все: ку-ку,
А петух: кукареку,—

и так далее, без конца. Игра была нехитрая, и Шейла не желала ничего лучшего. Вскоре играли все вчетвером; так их и застала горничная. Она принесла чай и заулыбалась до ушей.

— Я выучила эту песенку, когда сама была малень-

кая и жила в Турени,— сказала она.— Славная песенка, правда? Все дети ее любят. А в Англии, мсье, дети тоже играют так?

— Примерно так же,— ответил старик.— Дети во всех странах играют в одни и те же игры.

Он дал им молока и хлеба с маслом и джемом. Около Bureau de Ville он увидел в одной витрине большие пряники, выложенные цукатами; он купил такой пряник; хозяйничать он не привык, а потому взял втрое больше, чем требовалось. Разрезал пряник перочинным ножом на туалетном столике, и все получили по солидному ломтю. Это было очень веселое чаепитие, такое веселое, что никто не обратил внимания на скрежет гусениц и рев выхлопных труб под окном.

После чая еще немножко поиграли; потом Хоуард умыл детей, а горничная привела в порядок постель. Она помогла раздеть Ронни и Шейлу и облачить их в новые пижамы; потом она держала Шейлу на могучих коленях, а старик тщательно измерил девочке температуру, поставив ей градусник под мышку. Температура все еще была примерно на градус выше нормальной, хотя девочке явно стало лучше; какая бы это ни была болезнь, она проходила. Хоуард решил, что ехать на следующий день еще рано: как бы не пришлось потом снова задержаться из-за болезни в менее удобных условиях. Но послезавтра уже можно пуститься в путь. Если выехать пораньше с утра, они за день доберутся до Сен-Мало. Сегодня вечером он наймет автомобиль.

Вскоре дети легли, и он пожелал им спокойной ночи. Он вышел из комнаты вместе с горничной и ее девочкой.

— Вечером, мсье, как только они заснут, я принесу матрас и постелю для мсье на полу,— сказала горничная.— Так вам будет лучше, чем в кресле.

— Вы очень добры,— сказал он.— Право, даже не знаю, почему вы так добры к нам. Я очень, очень вам признателен.

— Нет, мсье, это вы очень добрый,— сказала она.

Старик вышел в вестибюль, слегка удивляясь восторженности французов.

В гостинице опять было полно офицеров. Хоуард пробрался к конторке и сказал девушке:

— Я хочу нанять автомобиль для дальней поездки, но не сейчас, а на послезавтра. Не можете ли вы указать мне лучший гараж?

— Для дальней поездки, мсье? — переспросила она. — А куда именно?

— В Нормандию, до Сен-Мало. Моя девочка еще не совсем здорова. Я думаю, безопаснее отвезти ее домой в автомобиле.

— Гараж «Ситроен» лучше всего. Но это будет нелегко, мсье, — неуверенно сказала конторщица. — Понимаете, все машины взяты для армии. Вам бы проще ехать поездом.

Он покачал головой.

— Я предпочитаю автомобиль.

Девушка в раздумье смотрела на Хоурда.

— Значит, мсье поедет послезавтра?

— Да, если малышка поправится.

— Мне ужасно неприятно, мсье, но вам придется выехать не позднее чем послезавтра, — смущенно сказала девушка. — Если крошка будет еще нездорова, мы постараемся найти для мсье комнату в городе. Но сегодня нам сказали, что завтра гостиницу займет Управление железных дорог, оно переедет к нам из Парижа.

Хоурд широко раскрыл глаза:

— Разве государственные учреждения выезжают из Парижа?

Она покачала головой.

— Я знаю только то, что я вам сказала, мсье. Всем постояльцам придется выехать.

Хоурд помолчал минуту. Потом спросил:

— Как, вы говорите, называется гараж?

— Гараж «Ситроен», мсье. Если хотите, я позвоню и спрошу.

— Да, пожалуйста.

Она вошла в телефонную кабину; Хоурд ждал у конторки, озабоченный и встревоженный. Он чувствовал, что сеть обстоятельств стягивается все туже, увлекая его совсем не туда, куда надо. Машина до Сен-Мало — вот нож, который разрубил бы узел и освободил его. Через стекло кабины он видел, девушка многословно объясняется по телефону; он ждал как на иголках. Наконец она вышла.

— Ничего не получается, мсье. Для такой далекой поездки нет машины. Мне так жаль... мсье Дюваль, хозяин гаража, тоже очень сожалеет... но мсье придется ехать поездом.

Хоурд сказал очень спокойно:

— Уж наверно можно будет что-нибудь устроить? Должен же найтись хоть какой-нибудь автомобиль? Она пожала плечами.

— Может быть, мсье сам пойдет в гараж и поговорит с мсье Дювалем. Если кто в Дижоне и может дать вам машину, так только он.

Она объяснила, как найти гараж; через десять минут Хоуард вошел в контору Дюваля. Владелец гаража оказался непреклонен.

— Машину — да, — заявил он. — Это пустяк, мсье, машину я найду. Но бензина не осталось ни литра, все забрали для армии. Я мог бы достать бензин только жульничеством, понимаете? И потом — дороги. До Парижа ни по одной дороге не проедешь, это невозможно, мсье... И потом, для такой поездки мне не найти шофера. Немцы перешли Сену, мсье; они перешли Марну. Кто знает, где они будут послезавтра?

Старик молчал.

— Если мсье хочет вернуться в Англию, надо ехать поездом, — сказал француз. — Да поскорее.

Хоуард поблагодарил его за совет и вышел на улицу. Смеркалось, он шел по тротуару и думал, думал. Остановился у какого-то кафе, зашел и спросил перно с водой. Потом сел за столик у стены и посидел немного, глядя на безвкусно яркие рекламы напитков, развешанные по стенам.

Положение становится серьезным. Если выехать сейчас же, немедленно, быть может, еще можно добраться до Сен-Мало и до Англии; если отложить это на тридцать шесть часов, очень возможно, что Сен-Мало захлестнет волной немецкого натиска, ведь вот уже захлестнуло Кале, захлестнуло Булонь. Трудно поверить, что немцы продвигаются так быстро. Неужели, неужели их не остановят и они дойдут до Парижа? Не может быть, чтобы Париж сдался!

Не нравится ему, что Управление железных дорог эвакуируют из Парижа. Прескверный знак.

Можно сейчас же вернуться в гостиницу. Можно поднять детей, одеть их, уплатить по счету и пойти с ними на вокзал. Для Ронни это не страшно. Шейла... что ж, в конце концов, у нее есть пальто. Пожалуй, удастся достать какую-нибудь шаль и закутать ее. Правда, дело уже к ночи, поезда ходят нерегулярно; быть может, придется долго сидеть ночью на платформе в ожидании поезда, а поезд так и не придет.

Но детей надо отвезти в Англию, он обещал это их родителям.

Да, но если Шейле станет хуже? Вдруг она простудится и схватит воспаление легких?

Если это случится, он себе вовек не простит. Дети на его попечении; хорош он будет попечитель, если среди ночи побежит на вокзал, если пустится в долгое, опасное путешествие, не считаясь ни с их слабостью, ни с болезнью. Это не осторожность, это... страх.

Старик чуть улыбнулся про себя. Вот что это такое — просто страх, и его нужно побороть. Заботиться о детях значит, в конечном счете, оберегать их здоровье. Вот в чем суть. Это совершенно ясно. Он взял на себя ответственность за них и должен довести дело до конца, хотя теперь очень похоже, что ему придется куда трудней, чем он думал, когда взял на себя эту заботу.

Он вышел из кафе и вернулся в гостиницу. В вестибюле девушка спросила его:

— Мсье нашел автомобиль?

Хоуард покачал головой.

— Я останусь здесь до послезавтра. Тогда, если девочка будет здорова, мы поедем поездом. — Помолчав, он прибавил: — Вот что, мадемуазель. Я смогу взять с собой очень мало вещей для нас троих, только саквояж, который мне под силу нести самому. Я хотел бы оставить здесь свои удочки — вы побережете их для меня некоторое время?

— Ну конечно, мсье. Они будут в целости и сохранности.

Хоуард прошел в ресторан, отыскал свободное место — надо было поужинать. Какое облегчение, что можно оставить удочки в надежных руках. Теперь, когда эта маленькая задача была решена, он с изумлением понял, как сильно она его тревожила; уладив это, можно спокойнее думать о будущем.

Сразу после ужина он поднялся в спальню. В сумрачном коридоре, освещенном только слабой лампочкой без колпака, ему встретилась горничная.

— Я приготовила для мсье постель на полу, — сказала она вполголоса. — Вы увидите.

Она отвернулась.

— Вы очень добры, — сказал Хоуард.

И умолк, испытующе глядя на женщину. В скудном свете видно было плохо, но ему показалось, что она плачет.

— Что-нибудь случилось? — мягко спросил он.

Горничная вытерла глаза краем фартука.

— Ничего, — пробормотала она. — Право, ничего.

Он постоял в нерешимости. Нельзя же оставить ее, просто пройти в спальню и закрыть дверь, если у этой женщины какая-то беда. Она так помогала ему с детьми.

— Может быть, хозяйка вами недовольна? — спросил он. — Если так, я с ней поговорю. Я скажу ей, как много вы мне помогали.

Она покачала головой и опять вытерла глаза.

— Не в том дело, мсье. Но... меня уволили. Завтра мне придется уйти.

— Но почему? — изумился Хоуард.

— Пять лет, — сказала она, — целых пять лет я работала у мадам. И зимой и летом, мсье, пять лет подряд. И вот, уволили, только за день предупредили. Что же мне делать! — она заплакала громче.

— Но почему же хозяйка вас уволила? — спросил старик.

— Разве вы не слышали? Гостиница завтра закрывается. Тут будет Управление железных дорог. — Она подняла заплаканное лицо. — Нас всех уволили, всех до одного. Ума не приложу, что только будет со мной и с крошкой Розой.

Он растерянно молчал. Какими словами помочь этой женщине? Конечно, учреждению горничные не понадобятся; всем служащим гостиницы придется уйти. Он еще помолчал в нерешимости.

— Все обойдется, — сказал он наконец. — Вы такая хорошая горничная, вы легко найдете другое место.

Она покачала головой.

— Нет, мсье. Все гостиницы закрываются, а какой семье теперь под силу держать прислугу? Вы очень добры, мсье, только места мне не найти. Ума не приложу, как мы будем жить.

— Разве у вас нет родных, кто бы вас приютил?

— Никого, мсье. Только и есть брат, Розин отец, а он в Англии.

Хоуард вспомнил — брат служит официантом в отеле «Диккенс», что на Рассел-сквер. Он сказал женщине какие-то жалкие слова утешения и ободрения и скрылся в спальне. Не может он ей помочь в такой беде.

Она положила на полу матрас и устроила старику вполне удобную постель. Он подошел к кровати и по-

смотрел на детей: оба спали крепким сном, хотя у Шейлы еще, видно, был жар. Хоуард немного почитал, сидя в кресле, но быстро устал: он плохо спал прошлую ночь и провел тревожный, тягостный день. Скоро он разделся и улегся спать на полу.

Когда он проснулся, было уже светло; в окно врывался лязг и грохот: по улице двигался танк. Дети уже проснулись и играли в постели; Хоуард полежал немного, притворяясь спящим, потом поднялся. Лоб у Шейлы был прохладный, и она выглядела совсем здоровой.

Он оделся и померил ей температуру. Оказалось, чуть выше нормальной; чем бы ни было вызвано недомогание, девочка явно поправляется. Он умыл детей и, оставив Ронни одеваться, пошел заказывать завтрак.

Весь распорядок жизни в гостинице уже нарушился. Из ресторана выносили мебель; ясно, здесь уже не подадут завтрак. Хоуард добрался до кухни, застал там горничную, она уныло совещалась с двумя другими служанками; он попросил отнести поднос с завтраком к нему в номер.

То был тягостный, утомительный день. Вести с севера были неизменно плохи; на улицах люди собирались кучками, разговаривали вполголоса. После завтрака Хоуард, взяв с собой Ронни, пошел на вокзал справиться насчет поездов на Париж; Шейлу он оставил в постели на попечении верной Розы.

На вокзале выяснилось, что поезда до Парижа идут очень неаккуратно «à cause de la situation militaire»¹, но все-таки идут каждые три-четыре часа. Насколько тут было известно, от Парижа до Сен-Мало движение нормальное, хотя это и Западная дорога.

Хоуард прошел с Ронни к центру города и не очень уверенно вошел в детский отдел большого магазина. Приветливая француженка продала ему два шерстяных детских свитера и серое ворсистое одеяло. Купить одеяло ему подсказал не рассудок, а скорее чутье, страх перед трудностями дороги. Из всех возможных осложнений он больше всего опасался, как бы кто-нибудь из детей опять не заболел.

Они купили еще немного конфет и вернулись в гостиницу. Вестибюль уже заполнили французские чиновники, явно измученные и усталые с дороги, они спорили

---

¹ «В связи с военным положением» (фр.).

из-за комнат. На лестнице Хоуарду встретилась девушка-конторщица. Он может остаться у себя в номере еще на одну ночь, сказала она, потом ему придется выехать. Она постарается, чтобы ему приносили поесть, но он, наверно, понимает, все теперь будет не так хорошо, как хотелось бы.

Хоуард поблагодарил и поднялся по лестнице. Роза читала Шейле книжку о Бабаре; она забралась с ногами на кровать, и они вместе смотрели картинки. Шейла взглянула на Хоуарда, веселая, оживленная, какой он знал ее в Сидотоне.

— Regardez,— сказала она,— voici Jacko¹ карабкается на спину Бабару прямо по хвосту.— От восторга она никак не могла улежать спокойно.— Правда, какой озорник?

Хоуард наклонился и посмотрел на картинку.

— Да, озорная обезьянка,— сказал он.

— Ужасно озорная,— сказала Шейла.

— Qu'est-ce que monsieur a dit?² — тихонько спросила Роза.

Ронни объяснил ей по-французски, и дети снова перешли на этот язык. С Хоуардом они всегда разговаривали по-английски, но естественно переходили на французский, играя с другими детьми. Старику нелегко было определить, какой язык им ближе. В целом Ронни как будто предпочитал английский. Шейла, младшая, чаще сбивалась на французский, быть может потому, что еще недавно была на попечении няни.

Детям сейчас весело и без него. Хоуард достал саквояж и осмотрел: слишком он мал, все необходимое для троих не вместить. Этот саквояжик вполне снесет и Ронни, а кроме того, нужно достать чемодан побольше, его Хоуард понесет сам. Прекрасная мысль, решил старик и вышел из спальни, сейчас он купит дешевый фибровый чемодан.

На лестнице ему встретилась горничная. Немного робея, она остановила его:

— Мсье завтра уезжает?

— Придется уехать, надо освободить комнату,— ответил старик.— Но, я думаю, малышка уже достаточно оправилась и может ехать. К завтраку я позволю ей встать, и днем она немного с нами погуляет.

---

¹ Смотрите... вот Жако (обычная кличка мартышки, фр.).

² Что мсье сказал? (фр.)

— Вот и хорошо. Ей полезно погулять по солнышку...— Горничная опять замялась, потом спросила: — Мсье поедет прямо в Англию?

Он кивнул.

— В Париже я не задержусь. Первым же поездом отправлюсь в Сен-Мало.

Она с мольбой обратила к нему изрезанное морщинами, преждевременное увядшее лицо.

— Мсье... даже страшно вас просить... Может, возьмете Розу с собой в Англию?

Хоуард молчал, он просто не знал, что тут отвечать. А женщина поспешно продолжала:

— У меня есть деньги ей на дорогу, мсье. И Роза хорошая девочка, очень хорошая. От нее вам не будет никакого беспокойства, мсье, она тихая, как мышка...

Всем существом старик чувствовал, что этот разговор нужно оборвать немедленно. Он знал, хоть и не желал себе в этом признаться: чтобы добраться до Англии с двумя детьми на руках, ему понадобятся все его силы. В глубине его сознания таился страх — страх перед неминуемым, непоправимым несчастьем.

Он посмотрел на заплаканное встревоженное лицо и спросил, лишь бы выиграть время:

— Но зачем вам отсылать ее в Англию? Война никогда не дойдет до Дижона. Розе ничего здесь не грозит.

— У меня нет денег, мсье,— ответила горничная.— У нее в Англии отец, а присылать нам сюда деньги он не может. Лучше ей теперь поехать к отцу.

— Может быть, я сумею помочь ему переслать деньги,— сказал Хоуард. Он мог это сделать при помощи своего аккредитива.— Вам ведь не хочется расставаться с девочкой, правда?

— Мсье, во Франции сейчас так плохо, вам, англичанам, не понять,— был ответ.— Подумать страшно, что с нами будет, нам всем страшно.

Оба помолчали.

— Я знаю, что дела очень плохи,— негромко сказал старик.— Мне, англичанину, теперь нелегко будет вернуться на родину. Надеюсь, что доеду, но все может случиться. Представьте, вдруг я почему-либо не смогу увести Розу из Франции?

Лицо женщины сморщилось, она поднесла к глазам угол фартука.

— В Англии с Розой ничего не стряется,— про-

бормотала она.— А здесь, в Дижоне... ума не приложу, что с нами будет. Подумать страшно...— Она опять заплакала.

Хоуард неловко потрепал ее по плечу.

— Ну-ну,— сказал он,— я подумаю. Такие дела наспеш не решают.

И он поторопился уйти.

Очутившись на улице, он совсем забыл, зачем шел. Машинально шагал он к центру города, гадая, как избежать новой ответственности. Потом зашел в кафе и спросил кружку пива.

Нет, он совсем не против «крошки» Розы. Наоборот, девочка ему нравится — тихая, спокойная, ласковая, поистине маленькая мамаша. Но она стала бы новым бременем для него, а он сейчас всем существом чувствует, что лишнего бремени ему не вынести. Он и сам в опасности. Немцы быстро продвигаются в глубь Франции, это больше не тайна: похоже на вторжение в Бельгию в прошлую войну, только стремительнее. Если промедлить минутой дольше, чем необходимо, он окажется на территории, захваченной немцами. Для англичанина это означает концентрационный лагерь, для человека его возраста это скорее всего означает смерть.

Сидя за столиком перед кафе, он смотрел на мирную, залитую солнцем площадь. Для французов настанут плохие времена; ему с детьми надо отсюда выбраться, да поскорей. Если немцы победят, они неизбежно принесут с собой мародерство и голод, а когда они окажутся перед лицом столь же неизбежного поражения, не миновать развала и хаоса. Нельзя допустить, чтобы дети попали в этот хаос. Для детей во Франции, если она будет разбита, наступит страшное время.

Бедная маленькая Роза. Он совсем не против нее; наоборот, она очень помогала ему в последние два дня. Нелегко ему было бы с Шейлой, если бы не Роза. Она нянчилась с малышкой, забавляла ее и развлекала, ему бы одному не справиться.

Как жаль, что невозможно ее взять. В обычное время он был бы только рад; в Сидотоне он пытался найти девушку, которая доехала бы с ним до Кале. Правда, Розе только восемь лет, но она французская крестьянка; они вырастут рано...

Так ли уж невозможно ее взять?

Теперь уже казалось жестоко, невозможно — оставить ее здесь.

Полчаса он терзался сомнениями. Наконец, подавленный, измученный, поднялся и побрел назад в гостиницу. Он будто разом постарел на пять лет.

Горничную он встретил на лестнице.

— Я решил, — сказал он с усилием. — Роза может поехать с нами в Англию; я отвезу ее к отцу. Она должна быть готова к отъезду завтра утром, в семь часов.

4

В ту ночь Хоуард почти не спал. Он лежал на своей постели на полу, мысленно перебирал все, что еще надо сделать, строил разные планы на случай, если все пойдет плохо. Он не боялся, что они не доберутся до Парижа. В Париж-то они попадут, поезда идут каждые три-четыре часа. Но потом... что потом? Сумеет ли он выехать из Парижа дальше, в Сен-Мало, откуда идут пароходы в Англию? Вот что сложнее всего. Париж подвергался осаде в 1870 году; очень возможно, что осады не миновать и на этот раз. С тремя детьми на руках нельзя позволить себе застрять в осажденном городе. Так или иначе, еще до приезда в Париж надо узнать, как попасть оттуда в Англию.

Он встал в половине шестого, побрился и оделся. Потом разбудил детей; они не выспались и капризничали, и Шейла немножко поплакала, пришлось все бросить и усадить ее на колени к себе, и вытереть ей глаза, и как-то развлечь. Но жара у нее не было, несмотря на слезы, она была явно здорова и немного погода послушно дала себя умыть и одеть.

Ронни спросил сонно:

— Мы поедем в автомобиле?

— Нет, — сказал старик, — не сегодня. Мне не удалось нанять автомобиль.

— А как? В *char de combat*?

— Нет. Мы поедем поездом.

— И спать будем в поезде?

Хоуард терпеливо покачал головой.

— Я не достал билеты на такой поезд. Может быть, нам и придется спать в поезде, но я надеюсь, что сегодня вечером мы уже выйдем в море.

— На пароходе?

— Да. Пойди почисти зубы. Я приготовил тебе пасту на щетке.

Над гостиницей раздался громовой рев, и над самым вокзалом пролетел самолет. Из окна видно было, как он уносится прочь — двухмоторный темно-зеленый моноплан с низко расположенными крыльями. Откуда-то послышался слабый прерывистый треск, похожий на ружейную стрельбу по отдаленной цели.

Старик сел на кровать, глядя вслед самолету. Не может быть...

— Как низко, правда, мистер Хоуард? — сказал Ронни.

Они никогда не осмелились бы летать так низко. Наверно, это был француз.

— Очень низко, — ответил старик чуть дрогнувшим голосом. — Пойди и почисти зубы.

В дверь постучали, горничная принесла на подносе кофе и булочки. За ней вошла Роза в своем лучшем праздничном платье, в черной соломенной шляпе с большими полями, в узком черном пальто и белых чулках. Видно было, что ей очень не по себе.

— Доброе утро, Роза, — ласково сказал Хоуард по-французски. — Едешь с нами в Англию?

— Oui, monsieur, — ответила девочка.

— Она всю ночь говорила про то, как поедет в поезде, и приедет в Англию, и станет жить у отца, — сказала горничная. — Бедняжка почти и не спала.

Женщина улыбнулась, но губы ее дрожали; Хоуарду показалось, что она опять готова заплакать.

— Ну и отлично, — сказал он и предложил горничной: — Садитесь, выпейте с нами кофе. И Роза выпьет — правда, Роза?

— Merci, monsieur, — сказала горничная, — только мне надо еще приготовить бутерброды, а кофе я уже пила. — Она погладила девочку по плечу. — Хочешь еще чашку кофе, ma petite?

Она оставила с ними Розу и вышла. Хоуард усадил детей и дал им по чашке некрепкого кофе и по булке, намазанной маслом. Они ели очень медленно; он уже покончил с завтраком, а они справились еще только наполовину. Дожидаясь, пока они кончат, он упаковал свой несложный багаж; чемоданчик с вещами Розы стоял возле нее на полу.

Дети все еще заняты были едой. Горничная принесла несколько больших, кое-как перевязанных свертков с провизией на дорогу и молоко в огромной бутылки из-под вина.

— Вот,— сказала она нетвердым голосом.— Нынче никто с голоду не помрет.

Дети весело засмеялись жалкой шутке. Роза кончила есть, и Ронни запихал в рот последний кусок, но Шейла все еще сосредоточенно жевала. Ждать больше было нечего, и старику не терпелось отправиться на вокзал, он боялся пропустить поезд.

— Ты уже не голодная, оставь это,— сказал он Шейле, показывая на недоеденную половину булки.— Нам пора идти.

— Нет, я голодная,— возмутилась Шейла.

— Но нам пора идти.

— Я голодная.

Он не стал тратить на это силы.

— Хорошо,— сказал он,— возьми булку с собой.

Он подхватил вещи и повел детей к выходу. На пороге гостиницы он повернулся к горничной:

— Если будут какие-нибудь затруднения, я вернусь сюда. Если нет, как я уже говорил, в Англии я доставлю Розу к отцу и сразу дам вам телеграмму.

— Нет-нет, мсье, вы не должны на это тратить,— поспешно сказала горничная.— Анри сам даст телеграмму.

Хоуард был тронут.

— Во всяком случае, мы телеграфируем сразу, как только приедем в Лондон. Au revoir, mademoiselle.

— Au revoir, monsieur. Bonne chance¹.

Она стояла и смотрела, как он вел троих детей через площадь, освещенную нежарким утренним солнцем, и не замечала слез, струящихся по ее морщинистым щекам.

На вокзале царил отчаянный беспорядок. Невозможно было выяснить, когда ждать поезда и найдутся ли среди этого скопления солдат места для детей. Удалось только узнать, что поезда на Париж отходят с платформы номер четыре и что с полуночи их было два. Хоуард хотел взять билет для Розы, но оконце кассы оказалось закрыто.

— Билетов никто больше не берет,— сказал кто-то рядом.— Это ни к чему.

— Так что же, за проезд платят прямо в поезде? — удивился Хоуард.

Тот пожал плечами:

---

¹ До свидания, мсье. Счастливо (фр.).

— Может, и так.

Прошли на платформу; билетов никто не проверял. Хоуард повел детей через толпу. Шейла все еще жевала недоеденную булку, зажав ее в руке, масло давно растаяло. Платформа номер четыре, к удивлению старика, оказалась почти пуста. Видно, желающих ехать в Париж не слишком много; похоже, все устремились в обратном направлении.

Хоуард увидел машиниста и подошел к нему:

— Сюда придет поезд на Париж?

— Ну конечно.

Ответ не успокаивал. Старика угнетала эта безлюдная платформа, что-то в этом было неестественное, зловещее. Он подошел к скамье, положил на нее свертки и саквояжи и сел — оставалось ждать поезда.

Дети принялись бегать взад и вперед, затеяли какие-то игры. Помня о простуде, которая так его задержала, Хоуард подозвал Ронни и Шейлу и снял с них пальто, — можно будет одеть детей после, в поезде. Потом он подумал и о Розе.

— Ты тоже сними пальто и шляпу, — предложил он, — будет удобнее играть.

Он помог ей раздеться и положил вещи подле себя на скамью. Потом закурил трубку и терпеливо стал ждать поезда.

Прождали полтора часа, поезд пришел около половины девятого. К этому времени на платформе набралось немного народу. Состав подошел и все заслонил; кроме машиниста и кочегара, на паровозе оказались двое солдат, они стояли на подножке.

К великому облегчению Хоуарда, поезд не был переполнен. Быстро, как только мог, он устремился к купе первого класса и нашел одно, где только и сидели два угрюмых офицера-летчика. Дети карабкались на сиденья, сновали по всему купе, осматривая каждый уголок, болтали между собой, по обыкновению мешая английские и французские слова. Оба офицера помрачнели еще больше; через каких-нибудь пять минут они поднялись, негромко ругаясь, и перешли в другое купе.

Хоуард беспомощно посмотрел им вслед. Он хотел извиниться, но не нашел слов.

Вскоре он уговорил детей сесть. И, опасаясь новой простуды, сказал:

— Теперь вам лучше одеться. Роза, ты тоже надень пальто.

Он стал одевать Шейлу. Роза растерянно огляделась:

— Мсье, а где мое пальто? И шляпа где?

Он поднял глаза.

— Что? А ты взяла их, когда садилась в поезд?

Но она ничего не взяла. Она забыла про них, когда бежала с младшими детьми к вагону, а Хоуард спешил за ними с багажом. Ее пальто и шляпа остались на вокзальной скамейке.

Лицо девочки скривилось, и она заплакала. Старик сперва посмотрел на нее с досадой: он-то надеялся, что она будет ему помощницей. Потом терпение, которому выучили его семьдесят лет разочарований, пришлось на помощь; он сел, притянул Розу к себе, вытер ей глаза.

— Не горюй,— сказал он ласково.— В Париже мы купим другое пальто и другую шляпу. Ты их сама выберешь.

— Они так дорого стоили,— всхлипнула Роза.

Хоуард опять вытер ей глаза.

— Ничего,— сказал он.— Слезами не поможешь. Я пошлю твоей тете телеграмму и объясню, что ты не виновата.

Скоро девочка перестала плакать. Хоуард развернул один из пакетов с едой, дал детям по апельсину, и все огорчения были забыты.

Поезд шел медленно, останавливался на каждой станции, а иногда и между станциями. От Дижона до Тоннера семьдесят миль; они отошли от этой станции около половины двенадцатого, через три часа после отъезда из Дижона. Пока что дети чувствовали себя в дороге совсем неплохо; последний час они с криком бегали взад и вперед по коридору, а старик дремал, неловко привалясь к стене в углу купе.

Он проснулся после Тоннера, собрал своих подопечных в купе и дал им на второй завтрак хлеб с маслом, молоко и апельсины. Они ели медленно, часто отвлекались и смотрели в окно. В такие минуты положенные куда попало бутерброды исчезали, проваливались между подушками сидений. Наконец все наелись. Хоуард дал им по чашке молока и уложил Шейлу отдохнуть, укрыв ее одеялом, купленным в Дижоне. Ронни и Розе он велел сидеть тихо и смотреть книжку про слона Бабара; после этого удалось отдохнуть и ему.

От Тоннера до Жуаньи тридцать миль. Поезд шел

еще медленней прежнего, подолгу останавливался без видимой причины. Один раз во время такой остановки мимо окна на большой высоте прошло множество самолетов — и вдруг загревели пушечные выстрелы и под самолетами, гораздо ниже их, в безоблачном небе появились белые клубки дыма. Старик был потрясен. Казалось бы, это невероятно, и однако, должно быть, самолеты — немецкие. Стараясь не отвлекать детей от книги, он напряженно всматривался, в надежде увидеть истребители, но их не было. Немецкие самолеты неторопливо повернули и ушли обратно, на восток, не обращая внимания на выстрелы с земли.

Старик опустился на свое место, полный сомнений и страхов.

Он вздремнул ненадолго и проснулся в начале второго, когда подъехали к Жуаньи. Поезд без конца стоял на станции, под жарким солнцем. Потом по коридору подошел какой-то человек.

— Descendez, monsieur ¹, — сказал он. — Поезд дальше не пойдет.

Ошеломленный Хоуард уставился на него.

— Но ведь это парижский поезд?

— Придется сделать пересадку. Выходите.

— А когда будет следующий поезд на Париж?

— Не знаю, мсье. Это дело военных.

Старик помог детям надеть пальто, собрал вещи — и очутился на платформе, нагруженный багажом; трое детей плелись за ним. Он пошел прямо в контору начальника станции. Там он застал офицера, capitaine des transports ². Старик задал несколько прямых вопросов и получил столь же прямые ответы.

— Поездов на Париж больше не будет, мсье. Ни одного. Не могу объяснить вам причины, но на север от Жуаньи поезда больше не идут.

Его решительный тон не допускал возражений.

— Мне нужно добраться с этими детьми в Сен-Мало и оттуда в Англию, — сказал Хоуард. — Как вы посоветуете ехать?

Молодой офицер удивленно посмотрел на него.

— Через Сен-Мало? Это теперь не самый легкий путь, мсье. — Он минуту подумал. — Будут поезда из

---

¹ Выходите, мсье (фр.).

² Ведающего перевозками (фр.).

Шартра... и через час, в половине третьего, идет автобус на Монтаржи... Вам надо ехать через Монтаржи, мсье. Автобусом до Монтаржи, потом на Питивье, из Питивье до Анжервиля, и от Анжервиля до Шартра. Из Шартра вы сможете доехать поездом до Сен-Мало.

Он повернулся к сердитой француженке, которая ждала позади Хоурда, и старика оттеснили в сторону. Он опять вышел на платформу, стараясь запомнить только что услышанные названия станций. Потом вспомнил о своем карманном «бедекере», достал его и посмотрел по карте, как же ему советуют добираться до Шартра. Получилась линия, огибающая Париж полукругом, на шестьдесят миль западнее. Можно попасть в Шартр и таким способом, были бы автобусы, но боюсь, сколько времени это отнимет.

Хоурду не впервой было ездить во Франции дальними автобусами. Он отыскал стоянку, нашел во дворе машину и забрался в нее вместе с детьми. Приди он на десять минут позже, не нашлось бы уже ни одного свободного места.

Его одолевала тревога, мешала болтовня детей, но все же он пытался обдумать план действий. Кажется, единственный выход — ехать до Монтаржи, но разумно ли это? Может быть, попробовать вернуться в Дижон? Если верить «бедекеру», совет ехать до Шартра через Монтаржи очень правильный — это примерно сто миль по хорошему шоссе. Автобус провезет их сразу миль на тридцать пять — сорок, а там останется всего лишь около шестидесяти миль до Шартра и поезд до Сен-Мало; лишь бы нашелся автобус на те шестьдесят миль, тогда будет совсем хорошо. Если все пойдет гладко, сегодня же вечером он доберется до Шартра и завтра утром будет в Сен-Мало; а там пароход через Канал — и они дома, в Англии.

Похоже, все правильно, и все-таки — разумно ли? Пожалуй, еще можно возвратиться в Дижон, хотя и в этом он уже не вполне уверен. Но если вернуться туда, что дальше? Немцы продвигаются в глубь Франции с севера, итальянцы наступают с юга, Дижон между двух огней. Нельзя невесть на сколько времени застревать в Дижоне. Нет, конечно, лучше набраться храбрости и ехать этим автобусом на северо-запад, по направлению к Ла-Маншу и к дому.

Теперь автобус заполняли красные, потные французские крестьяне. Все взбудораженные, сбитые с толку,

все нагружены огромными узлами, все стремились на запад. Хоуард взял Шейлу на руки, чтобы освободить больше места, и поставил Ронни между колен. Розу притиснули к нему, и рядом уселась рослая крестьянка, настоящая великанша, с младенцем на руках. Хоуард прислушивался к пассажирам — говорили, что немцы еще наступают, но Париж будет защищаться до последней возможности. Никто не знал, далеко ли продвинулись немцы, как близко от Жуаньи они могут быть. У кого есть родня на западе, самое разумное — податься на время в ту сторону.

— Правительство оставило Париж, — сказал кто-то. — Оно теперь в Туре.

Еще кто-то возразил, что это только слух, и начался бессвязный спор. Правительство, как видно, никого всерьез не интересовало, судьба Парижа и других городов мало трогала этих крестьян и полукрестьян.

В автобусе нечем стало дышать. Двое маленьких англичан еще не так плохо переносили жару и духоту, но Роза явно мучилась. Старик увидел, что она побледнела как полотно, и наклонился к ней.

— Ты устала? — мягко спросил он.

Девочка молча покачала головой. Он повернулся и попробовал открыть окно; не вдруг ему удалось сдвинуть раму и впустить струю теплого, но все-таки свежего воздуха.

Наконец шофер взобрался на свое сиденье, и перегруженная машина тяжело выехала с площади.

На ходу в автобусе стало не так душно.

Раза два он останавливался, и на крышу забирались новые пассажиры, но вот наконец город остался позади. Поехали по длинным, прямым французским дорогам, пыльным и разбитым. Пыль тучей окружала тяжелую машину, врвалась в открытое окно, садилась на лица и одежду. Ронни стоял у колен старика и жадно, не отрываясь глядел в окно; Хоуард с трудом повернул Шейлу у себя на коленях так, чтобы и она тоже могла смотреть в окно.

Роза вдруг жалобно вскрикнула. Хоуард оглянулся — бледное лицо девочки приняло зеленоватый оттенок; прежде чем он успел хоть как-то помочь, ее стошнило прямо на пол.

Старика передернуло от брезгливости. Но через минуту вернулось терпение: в таких случаях детям не под силу сдержаться. Роза кашляла и плакала; он достал

носовой платок, вытер девочке лицо и попытался ее утешить.

— *Rauvre petite chou*¹, — смущенно сказал он, — теперь тебе станет лучше. Это жара виновата.

С усилием он подвинул Шейлу и усадил Розу к себе на колени, — теперь и она может смотреть в окно, и ей будет легче дышать. Она все еще горько плакала; Хоуард опять вытер ей глаза и заговорил с ней ласково, как только мог. Великанша соседка безмятежно улыбнулась, ничуть не взволнованная случившимся.

— Укачало вашу девочку, — сказала она на певучем среднефранцузском наречии. — Вроде как на море. Меня всегда тошнило в дороге, когда я была маленькая. Всегда, всегда. И в поезде, и в автобусе, всегда одно и то же. — Она наклонилась: — *Sois tranquille, ma petite*², это все пустяки.

Роза взглянула на соседку и перестала плакать. Уголком носового платка, что был почище, Хоуард вытер ей глаза. Она затихла и, молчаливая, покорная, сидела у него на коленях и смотрела на все, что медленно проплывало за окном.

— Меня никогда не тошнит в автомобиле, — гордо сказал Ронни по-английски. Соседка посмотрела на них с пробудившимся любопытством: до сих пор они говорили по-французски.

Дорога была точно поток, стремящийся на запад. Дряхлые, расхлябанные легковые машины и грузовики, повозки, которые тянули мулы или ослики, до отказа набиты были людьми, жаждущими попасть в Монтаржи. Автобус пробирался сквозь толпу тех, кто шел пешком, — эти толкали ручные тележки, детские коляски, даже тачки, нагруженные всяким скарбом. Хоуард едва верил своим глазам — казалось, вся страна отступает перед неприятельской армией. Женщины, которые еще работали на полях, порой поднимали голову и глядели на странную процессию на большой дороге. Потом снова склонялись к своим овощам: работа не ждет, надо собрать урожай, это куда важнее, чем странный поток, затопивший дорогу...

На полпути к Монтаржи автобус медленно накренился на левый бок. Шофер яростно крутил баранку

---

¹ Бедная детка (фр.).

² Успокойся, крошка (фр.).

руля; от левого заднего колеса шел мерный стук. Автобус черепахой дотащился к обочине и остановился.

Шофер вылез и пошел посмотреть, в чем дело. Потом медленно вернулся к двери.

— Un pneu,— кратко объяснил он.— Il faut descendre — tout le monde¹. Надо менять колесо.

Хоуард с облегчением вышел. Они просидели взаперти без малого два часа, из них час в пути. Детям жарко, они устали; передышка явно будет им на пользу. Он сводил их, ради приличия по очереди, в ближние кусты; церемония эта не ускользнула от пассажиров, которые теперь окружали автобус. Они подталкивали друг друга локтями:

— C'est un anglais².

Шофер при помощи двоих пассажиров установил под автобусом домкрат и снял колесо, на котором спустила шина. Хоуард немного последил за их работой, потом ему пришло в голову, что это удобный случай дать детям поесть. Он достал сверток с провизией и отвел детей на несколько шагов от дороги, подальше от толпы. Усадил всех троих на зеленую траву в тени под деревом и дал им хлеб с маслом и молоко.

Дорога тянулась на запад, прямая, без единого изгиба. Насколько хватал глаз, она была забита повозками и машинами, все двигались в одну сторону. Хоуард смотрел с изумлением, ничего подобного он не видел за всю свою жизнь,— поистине великое переселение целого народа.

Вдруг Роза сказала, что она слышит самолет.

Хоуард машинально обернулся. Но ничего не слышал.

— Я слышу,— сказал Ронни.— Летит много самолетов.

— И я хочу слушать самолет,— заявила Шейла.

— Глупая,— сказал Ронни.— Их много. Неужели ты не слышишь?

Старик напрягал слух, но тщетно.

— А вы их видите? — спросил он небрежно, но втайне похолодел от страха.

Дети вглядывались в небо.

— V'là,— вдруг сказала Роза и показала пальцем.— Trois avions-là³.

¹ Шина. Выходите все (фр.).

² Он — англичанин (фр.).

³ Вон там. Три самолета (фр.).

Ронни в волнении обернулся к Хоуарду:

— Они летят прямо к нам! Вы думаете, мы их близко увидим?

— Где они? — спросил Хоуард. — А, вижу. Едва ли они пройдут близко. Видишь, они летят мимо.

— Ну-у, — разочарованно протянул Ронни. — Я хотел посмотреть их поближе.

Самолеты снижались над дорогой мили за две от них. Хоуард ждал, что они приземлятся где-нибудь в полях у дороги, но они не приземлились. Они выровнялись и полетели над самыми вершинами деревьев, по одному с каждой стороны дороги и один позади, посередине. Послышался негромкий частый треск. Старик смотрел и не верил — не может быть...

Потом одна за другой с заднего самолета на дорогу упали пять бомб. Хоуард видел, как от него отделились бомбы, как встали на дороге пять огненных фонтанов, как взлетели в воздух бесформенные странные куски.

— Les Allemands! ¹ — пронзительно вскрикнула какая-то женщина возле автобуса.

И началось безумие. Шофер маленького «пежо» за полсотни шагов от них заметил переполох в толпе, глянул через плечо — и врезался в повозку впереди, которую волок мул; одно ее колесо развалилось, седоки и поклажа рухнули наземь. Французы, окружавшие автобус, очертя голову кинулись к двери, как будто этот ящик из стекла и фанеры мог стать для них убежищем, и сбились жалкой кучкой у входа. Самолеты теперь мчались прямо на них, пулеметы изрыгали пламя. Задний самолет, сбросив бомбы, пролетел вперед и направо; шедший справа плавно отошел назад и к середине, готовясь в свою очередь бомбить дорогу.

Некогда было что-то делать, куда-то бежать, да и некуда бежать. Хоуард схватил Шейлу и Ронни и, прижав обоих к себе, распластался на земле. И крикнул Розе:

— Ложись! Скорее!

Самолеты были уже над ними — одномоторные темно-зеленые монопланы со странно изогнутыми, низко расположенными крыльями. Те, что шли справа и слева, дали пулеметные очереди по автобусу, средний самолет хлестал дорогу трассирующими пулями. Не-

---

¹ Немцы! (фр.)

сколько пуль просвистели над Хоуардом и детьми и взметнули землю и траву в нескольких шагах за ними.

На мгновение Хоуард увидел стрелка в задней кабине. Это был юнец лет двадцати, не старше, с энергичным загорелым лицом. На нем было желтое кепи какого-то студенческого союза, он стрелял в них — и смеялся.

Два фланговых самолета пролетели мимо, средний был уже совсем близко. Старик видел бомбы, подвешенные в рамках под крылом, и в смертельном страхе ждал — вот сейчас упадут. Бомбы не упали. Самолет пронесся над головой, едва ли не в сотне футов. Хоуард, обмякнув от облегчения, смотрел ему вслед. Он видел — ярдов на триста дальше над дорогой бомбы отделились от самолета и вверх взметнулись обломки. Колесо какой-то повозки проплыло по воздуху, потом упало в поле.

И опять начался тот же изящный, плавный танец: задний самолет менялся местами с левым. Они исчезли вдаль, и скоро до Хоуарда донесся грохот — новый груз бомб обрушился на дорогу.

Он выпустил детей и сел на траве. Ронни раскраснелся от волнения.

— Как близко пролетели! — сказал он. — Я их хорошо видел. Ты хорошо видела, Шейла? Слышала, как они стреляли из пулеметов?

Он был в восторге. Шейла оставалась невозмутима.

— Можно мне кусочек апельсина? — спросила она.

— Нет, ты достаточно поела, — медленно, машинально сказал Хоуард. — Пей молоко. — Он повернулся к Розе и увидел, что та вот-вот расплачется. Он привстал на колени и нагнулся к ней.

— Тебя ушибло? — спросил он по-французски.

Она молча покачала головой.

— Тогда не надо плакать, — сказал он мягко. — Выпей молока. Это будет тебе полезно.

Девочка подняла на него глаза.

— Они вернутся? Мне не нравится, как они трещат. Старик потрепал ее по плечу.

— Ничего, — сказал он нетвердым голосом. — От треска вреда не будет. Едва ли они вернутся. — Он налил в чашку молока и протянул Розе. — Пей.

Ронни сказал:

— Я не струсил, правда?

— И я не струсил, правда? — эхом отозвалась Шейла.

— Никто не струсил, — терпеливо ответил старик. — Розе не нравится такой треск, но это не значит, что она струсил. — Он посмотрел в сторону автобуса, там собралась небольшая толпа. Похоже, что-то случилось, надо пойти посмотреть. — Вот вам апельсин, — сказал он. — Разделите на три части. Ты почишишь, Роза?

— Mais oui, monsieur ¹.

Хоуард оставил детей в радостном ожидании лакомства и побрел к автобусу. В толпе стоял крик и гомон; почти все женщины плакали от страха и ярости. Но, к удивлению Хоуарда, жертв не было, только у одной старухи пулей начисто оторвало два пальца на левой руке. Три женщины, привыкшие оказывать первую помощь при несчастьях на полевых работах, довольно ловко перевязывали ее.

Хоуарда поразило, что никто не убит. Десятком пуль с правого самолета прошило кузов автобуса ближе к задней стенке; пули с левого самолета изрешетили передние колеса, шоферскую кабину и радиатор. Но в толпе крестьян, сбившихся у двери, никто не пострадал. Даже пассажиры маленького «пежо» уцелели; только у одной из женщин в повозке, которую прежде тащил мул, оказалось задето бедро. А мул издыхал на дороге.

Хоуард ничем не мог помочь раненым женщинам. Его внимание привлекла мрачная кучка людей, которые окружили шофера автобуса; они подняли капот и уныло глядели на мотор. Старик подошел к ним; он мало смыслил в технике, но и ему стало ясно, что тут неладно. Под мотором расплылась большая лужа воды, из пробоин в радиаторе и цилиндре еще струилась бурая ржавая жидкость.

Один из пассажиров отвернулся и сплюнул.

— Ça ne marche plus ², — сказал он кратко.

Смысл этих слов не сразу дошел до Хоуарда.

— Что же делать? — спросил он шофера. — Будет ли еще автобус?

— Какой дурак его поведет.

Наступило напряженное молчание. Потом шофер сказал:

— Il faut continuer à pied ³.

¹ Конечно, мсье (фр.).

² Больше не пойдет (фр.).

³ Дальше надо идти пешком (фр.).

Хоуарду стало ясно, что это — безотрадная истина. Было около четырех часов, и до Монтаржи оставалось двадцать пять километров, то есть пятнадцать миль — меньше, чем до Жуаньи. По дороге от Жуаньи они миновали одну или две деревушки; несомненно, еще одна или две встретятся до Монтаржи. Но едва ли оттуда идут автобусы, и уж наверно там нет гостиницы.

Ужасно, но больше ничего не придумаешь. Ему и детям, видно, предстоит идти пешком до самого Монтаржи.

Хоуард вошел в простреленный автобус и собрал все пожитки — два саквояжа, небольшой чемодан и оставшиеся свертки с едой. Сам он все это далеко не унесет, разве только хоть что-нибудь возьмут дети; понятно, их помощи хватит ненадолго. Шейле ничего не снести; пожалуй, большую часть пути ее самое надо будет нести на руках. И если Ронни и Розе предстоит пройти пятнадцать миль, им надо идти налегке.

Он отнес весь багаж туда, где ждали дети, и опустил на траву. Чемодан тащить не под силу; Хоуард уложил в него все то, без чего можно как-то обойтись, и оставил чемодан в автобусе, — быть может, когда-нибудь каким-нибудь способом удастся его разыскать. Оставались два туго набитых саквояжа и пакеты с едой. Это он снесет сам.

— Мы пойдем в Монтаржи пешком, — объяснил он детям. — Автобус дальше не пойдет.

— Почему не пойдет? — спросил Ронни.

— Что-то случилось с мотором.

— А можно мне посмотреть?

— Не теперь, — твердо сказал Хоуард. — Нам надо сейчас же идти. — Он обернулся к Розе. — Тебе, я знаю, приятней будет идти, чем ехать в автобусе.

— Мне было так плохо, — пожаловалась девочка.

— Там было очень жарко. Теперь тебе лучше?

Роза улыбнулась:

— Да, мсье.

И они пошли по направлению к Монтаржи. Самое жаркое время дня миновало; было еще не прохладно, но идти не трудно. Шли очень медленно, приноравливаясь к шажкам Шейлы. Старик терпеливо брел вперед. Нет смысла докучать детям, поторапливать их; ничего не поделаешь, надо пройти много миль — пусть идут как им удобнее.

Скоро они дошли до того места, где упала вторая партия бомб.

Две большие воронки зияли посреди дороги, еще три — среди деревьев у обочины. Там валялась какая-то разбитая повозка и хлопотали несколько человек; слишком поздно старик спохватился — это место надо было обойти стороной, страшно подумать, что увидят там дети...

Ронни сказал громко, с любопытством:

— Там убитые, мистер Хоуард?

Старик повел их на другую сторону дороги.

— Да,— сказал он негромко.— Надо очень о них пожалеть.

— Можно, я пойду посмотрю?

— Нет,— сказал Хоуард.— Не следует смотреть на мертвых. Им нужен покой.

— Мертвые очень странно выглядят, правда, мистер Хоуард?

Старик не знал, как на это ответить, и молча провел их мимо. Шейла тихонько что-то напевала, ей было не любопытно; Роза перекрестилась, опустила глаза и ускорила шаг.

И опять они медленно бредут по шоссе. Будь здесь боковая дорога, Хоуард свернул бы, но такой дороги нет. Идти в обход можно бы только полями; вернуться в Жуаньи тоже не легче. Лучше уж идти дальше.

Опять они проходили мимо мест, где рвались бомбы, но детей, видно, это не занимало. Хоуард вел их так быстро, как только мог; теперь они подходили туда, где упала последняя партия бомб, наверно, здесь кончится этот парад смерти. Хоуард уже видел это место — в полумиле впереди. На дороге застыли два автомобиля, и, похоже, повалены несколько деревьев.

Медленно, очень медленно они приближались. Одна машина оказалась разбита вдребезги. Это был большой «ситроен»; бомба разорвалась как раз перед ним, радиатор раскололся, ветровое стекло разлетелось в пыль. Да еще прямо на машину повалилось дерево и сплющило крышу так, что она вдавилась в шасси. Дорога была залита кровью.

Четверо мужчин из старого, потрепанного «диона» пытались сдвинуть дерево в сторону и освободить дорогу для своей машины. На траве у обочины, кое-как прикрытое пледом, лежало что-то недвижимое.

Мужчины бились над упавшим деревом, тянули; тол-

кали и наконец, приподняв, сняли с разбитой машины, оттащили назад и освободили узкий проход. Отерли потные лбы и втиснулись в свою старую двухместную машину. Хоуард остановился рядом, когда водитель уже взялся за баранку. Спросил вполголоса:

— Убиты?

— А вы как думали? — с горечью ответил тот. — Подлые боши!

Он нажал стартер, и машина, медленно обогнув дерево, двинулась по дороге.

Ярдов через полсотни она остановилась. Один из седоков обернулся и крикнул Хоуарду:

— Эй, вы, с детьми! *Gardez le petit gossel* ¹

Машина опять тронулась. Хоуард в недоумении посмотрел на Розу:

— Что он такое сказал?

— Он сказал, там маленький мальчик, — объяснила Роза.

Хоуард огляделся по сторонам.

— Здесь нет никакого мальчика.

— Тут только мертвые, — сказал Ронни. — Вот они, под брезентом. — И показал пальцем.

Шейла вышла из задумчивости.

— Я хочу посмотреть мертвых.

Старик крепко взял ее за руку.

— Я ведь уже сказал, никто не будет на них смотреть.

Он растерянно озирался. Шейла спросила:

— Тогда можно, я поиграю с мальчиком?

— Здесь нет мальчика, милая.

— Есть. Вон там.

Она показала через дорогу. Там, шагах в двадцати за поваленным деревом, неподвижно стоял мальчуган лет пяти-шести. Он был во всем сером — серые чулки выше колен, серые штанишки и серый свитер. Стоял не шевелясь, будто окаменел, и смотрел в их сторону. Лицо застывшее, мертвенно-бледное, тоже почти серое.

Хоуард посмотрел — и у него перехватило дыхание и еле слышно вырвалось:

— О, господи!

Никогда, за все свои семьдесят лет, он не видел у ребенка такого выражения лица.

Он поспешил к мальчику, дети пошли за ним. Маль-

---

¹ Приглядите за малышом! (фр.)

чик не шевельнулся, смотрел в упор невидящими глазами. Старик спросил:

— Тебя ранило?

Никакого ответа. Казалось, мальчик не слышал.

— Не бойся,— сказал Хоуард и тяжело опустился на одно колено.— Как тебя зовут?

Никакого ответа. Хоуард оглянулся, не поможет ли кто, но на дороге, как назло, ни одного пешехода. Поваленное дерево медленно объехала машина, за ней другая, потом прошел грузовик, полный усталых, небритых французских солдат. Помощи ждать не от кого.

Старик поднялся на ноги, совершенно растерянный. Он должен идти своей дорогой, не только добраться до Монтаржи, но и увести детей подальше от ужасного раздавленного автомобиля, от зрелища, которое, если они поймут его страшный смысл, будет их преследовать всю жизнь. Не может он оставаться тут ни минуты дольше, чем необходимо. Но нельзя же оставить этого ребенка. В ближайшей деревне или хотя бы в Монтаржи, наверно, есть монастырь; надо будет передать мальчика монахиням.

Он велел детям оставаться на месте и торопливо пошел через дорогу. Приподнял угол пледа. Мужчина и женщина, хорошо одетые, лет тридцати, не старше, были страшно изувечены. Собравшись с духом, Хоуард заставил себя расстегнуть пальто мужчины. Во внутреннем кармане лежал бумажник; старик открыл его и достал документы. Жан Дюшо из Лилля, улица Победы, 8-бис.

Хоуард взял бумажник, какие-то письма и сунул себе в карман; надо будет отдать их первому встречному жандарму. Погибших кто-нибудь похоронит, ему не до того.

Он вернулся к детям. Шейла, смеясь, подбежала к нему.

— Какой смешной мальчик,— сказала она весело.— Он совсем ничего не говорит!

Двое старших отступили и удивленно, с ребяческой настойчивостью разглядывали бледного мальчика в сером, а он все еще смотрел невидящими глазами на разбитую машину. Хоуард опустил саквояжи и свертки, взял Шейлу за руку.

— Не надо его беспокоить,— сказал он.— Наверно, ему сейчас не хочется играть.

— Почему не хочется?

Хоуард не ответил, сказал Розе и Ронни:

— Вы пока понесете по саквояжу.— Потом подошел к мальчику.— Пойдем с нами, хорошо? Мы все идем в Монтаржи.

Никакого ответа, непонятно, слышал ли он.

Минуту Хоуард стоял в растерянности, потом наклонился и взял мальчика за руку. День жаркий, а влажная рука холодна как лед.

— Allons, mon vieux¹,— сказал Хоуард ласково, но твердо.— Пойдем в Монтаржи.

И он направился к шоссе; мальчик в сером пошевелился и мелкими шажками послушно двинулся рядом. Ведя малышей за руки, старик побрел по дороге, двое старших шли следом, каждый со своей ношей.

Их опять и опять обгоняли автомобили, среди легковых машин все чаще появлялись военные грузовики. Не только гражданское население устремилось на запад, множество солдат, видно, двинулось туда же. Грузовики громыхали и скрипели допотопными тяжелыми шинами, скрежетали дряхлыми передачами. Половина была с ацетиленовыми фонарями на радиаторах — то были армейские реликвии 1918 года, двадцать лет простояли они в сараях, в автомобильных парках за казармами, в мирных захолустных городках. Теперь они вновь вышли на дорогу, но уже в другом направлении.

Пыль, поднятая машинами, очень досаждала детям. От жары и долгой ходьбы они скоро начали уставать; Ронни пожаловался, что саквояж оттянул ему руку, а Шейла попросила пить, но молока больше не было. Роза сказала, что она натерла ногу. Только тихий маленький мальчик в сером шел не жалуясь.

Хоуард как мог старался развлечь своих подопечных, но они явно утомились. Невдалеке впереди показалась ферма; он подошел туда и спросил изможденную старуху у порога, не продаст ли она немного молока. Она ответила, что молока нет, тогда он попросил воды для детей. Старуха провела их к колодцу во дворе, неподалеку от навозной кучи, и набрала ведро воды; Хоуард подавил брезгливость и опасения, и все напились.

Они немного отдохнули у колодца. В открытом сарае во дворе стояла старая, по-видимому давно заброшен-

---

¹ Пойдем, дружок (фр.).

ная повозка со сломанным колесом. В ней был свален всевозможный старый хлам, и среди этого хлама виднелось нечто похожее на детскую коляску.

Хоуард подошел ближе, старуха зорче коршуна следила за ним. Да, в самом деле, детская коляска, ей, должно быть, лет сорок, а то и все пятьдесят, она вся в грязи, одна рессора сломана. И все же это коляска. Хоуард отошел к старухе и стал торговаться с нею.

Через десять минут за сто пятьдесят франков он приобрел эту коляску. Старуха дала ему в придачу лохматый обрывок веревки, и Хоуард ухитрился закрепить сломанную рессору. Раньше в коляске гнездились куры и заляпали ее пометом; Хоуард велел Ронни и Розе нарвать полные горсти травы и оттереть все это. Когда они кончили, он не без удовлетворения осмотрел покупку. Она была все еще грязная и обошлась очень дорого, но решала многие нелегкие задачи.

Он купил у старухи немного хлеба и уложил вместе с багажом в коляску. К его удивлению, никто из детей не захотел ехать в коляске, всем хотелось ее везти; пришлось установить очередь.

— Сначала самые маленькие, — сказал он. — Шейла повезет первая.

— Можно, я разуюсь? — спросила Роза. — А то ногам больно.

Хоуард в сомнении помедлил с ответом.

— Думаю, что это неразумно, — сказал он. — Дорога не такая уж гладкая, босиком идти по ней не очень приятно.

— Но, мсье, мы никогда не ходим в башмаках, только вот в Дижоне, — возразила Роза.

Как видно, она вполне привыкла обходиться без обуви. После некоторого колебания Хоуард позволил ей попробовать и убедился, что она свободно и легко ступает даже по камням и выбоинам. Он сунул ее чулки и башмаки в коляску и потратил следующую четверть часа, отклоняя настойчивые просьбы маленьких англичан — им непременно хотелось тоже разуться.

Вскоре Шейла устала толкать коляску.

— Теперь очередь Пьера, — сказала Роза и заботливо наклонилась к малышу в сером. — Ну-ка, Пьер. Возьмись вот так.

Она подвела его к коляске, по-прежнему бледного, отрешенного, положила его руки на облупившуюся фар-

форовую рукоятку и начала толкать коляску вместе с ним.

— Откуда ты знаешь, что его зовут Пьер? — спросил Хоуард.

Она посмотрела с удивлением:

— Он сам сказал — тогда, у колодца.

Старик еще не слышал от мальчика ни слова; втайне он боялся даже, что ребенок утратил дар речи. Не впервые подумал он, какая пропасть разделяет его и детей, глубокая пропасть, что лежит между юностью и старостью. Лучше предоставить этого малыша заботам других детей, чем пугать его неловкими, чуждыми ребенку проявлениями сочувствия и расспросами.

Хоуард внимательно наблюдал за этими двумя, пока они катили коляску. Роза, казалось, уже достигла какого-то взаимопонимания с малышом и теперь держалась уверенно. Толкая вместе с ним коляску, она развлекала его, болтала, затевала что-то вроде игры. То пускалась рысцой — и тогда мальчик бежал рядом, то замедляла шаг — и он тоже шел медленно; но в остальном он по-прежнему словно ничего не замечал вокруг. И лицо у него было все такое же застывшее, отрешенное.

— Почему он ничего не говорит, мистер Хоуард? — спросил Ронни. — Какой-то он странный.

— Почему он ничего не говорит? — как эхо, повторила Шейла.

— С ним случилось большое несчастье, — сказал Хоуард. — Постарайтесь быть с ним ласковыми и добрыми.

Минуту они в молчании с этим осваивались. Потом Шейла спросила:

— Мистер Хоуард, а вам тоже надо быть с ним ласковым?

— Ну конечно, — ответил старик. — Всем нам надо быть с ним как можно ласковой.

— А почему вы ему не сделали свисток, как тогда для нас? — в упор спросила Шейла по-французски.

Роза подняла голову:

— Un sifflet ¹?

Ронни объяснил по-французски:

— Он очень здорово делает свистки из дерева. Он делал нам такие в Сидотоне.

---

¹ Свисток (фр.).

Роза так и подпрыгнула от радости:

— Ecoute, Pierre, monsieur va te fabriquer un sifflet ¹.

Все они смотрели на Хоурда сияющими глазами. Ясно было, что для них свисток — лекарство от всех болезней, исцеление от всех горестей.

— Я совсем не прочь сделать ему свисток, — кротко согласился старик. Он сомневался, что это поможет Пьеру, но хотя бы остальные дети порадуются. — Надо найди подходящее дерево. Нужен куст орешника.

— Un coudrier, — пояснил Ронни. — Cherchons un coudrier ².

Вечер был теплый, они шли дальше по шоссе, толкали коляску и поглядывали, нет ли где орешника. Вскоре Хоурд увидел подходящий куст. С фермы они вышли уже три четверти часа назад, детям пора отдохнуть; Хоурд подошел к кустарнику и срезал перочинным ножом прямой сучок. Потом отвел детей в сторону, подальше от потока машин, усадил на траву и дал им разделить апельсин. Трое детей заворожено следили, как он трудится над сучком, и даже почти забыли про апельсин. Роза обняла за плечи мальчика в сером; он, казалось, неспособен был на чем-либо сосредоточиться. Даже дольки апельсина надо было совать ему в рот.

Старик закончил работу, сунул вкладыш на место и поднес свисток к губам. Раздался короткий негромкий звук, чистый и ясный.

— Ну, вот, — сказал он. — Это Пьеру.

Роза взяла у него свисток.

— Regarde, Pierre, ce que monsieur t'a fait ³, — и она коротко посвистала. Потом осторожно прижала свисток к губам малыша. — Siffle, Pierre ⁴.

И тихий мелодичный свист прозвучал над грохотом грузовиков на дороге.

5

Они вернулись на шоссе и пошли дальше к Монтаржи.

Вечерело; по безоблачному небу солнце спускалось к

---

¹ Слушай, Пьер, мсье смастерит тебе свисток (фр.).

² Орешник. Давайте искать орешник (фр.).

³ Смотри, Пьер, что для тебя сделал мсье (фр.).

⁴ Посвисти, Пьер (фр.).

горизонту. Был тот вечерний час, когда в Англии после долгого жаркого дня начинают петь птицы. В средней Франции птиц мало, по воскресеньям французские крестьяне охотятся на них, но Хоуард невольно прислушался — не зазвучит ли птичье пение. Однако услышал он совсем другую песню. Послышалось отдаленное гуденье самолетов; вдалеке затрещали пулеметы, грохнули взрывы — вероятно, рвались бомбы. По дороге чаще прежнего катили грузовики с французскими солдатами — все туда же, на запад.

Ясно, что до Монтаржи не добраться. Дороге не видно конца; по расчетам Хоуарда, с того места, где остался автобус, они прошли около пяти миль. Впереди еще миль десять, и уже надвигается ночь. Дети измучены. Ронни с Шейлой то и дело начинают ссориться; Шейла — сердитая, усталая — вот-вот расплачется. Роза уже не так оживлена, как раньше, и поток болтовни, обращенной к новому мальчику, иссяк; она молча ведет его за руку, устало переступая босыми ногами. Пьер бредет с нею рядом, бледный и молчаливый, часто спотыкается; в свободной руке стиснута ореховая дудочка.

Пора найти пристанище на ночь.

Выбор был небогат. Впереди по правую сторону дороги видна ферма, в полумиле дальше по левую сторону — еще одна; больше этого детям не пройти. Хоуард повернул к ближней ферме. Табличка, прибитая к столбу — «Chien méchant»¹, — предостерегла его, но не детей. Собака, огромная пятнистая зверюга, рванулась к ним на всю длину своей цепи, загремела ею, оглушительно залаяла. Дети кинулись назад, перепуганная Шейла громко закричала и заплакала, захныкала и Роза. Под вопли, слезы, неистовый лай Хоуард подошел к дверям и попросился на ночлег.

— Негде тут ночевать, — проворчала угрюмая старуха. — По-вашему, у нас гостиница?

Женщина помоложе, с приветливым лицом, возразила из-за ее плеча:

— Они могут спать в амбаре, *ma mère*².

— А? В амбаре? — переспросила старуха. Оглядела Хоуарда с головы до ног и прибавила: — Когда у нас стоят солдаты, они спят в амбаре. Деньги у вас есть?

---

¹ Злая собака (фр.).

² Матушка (фр.).

— Денег хватит,— ответил он.— Я вам заплачу за хорошую постель для детей, мадам.

— Десять франков.

— Десять франков у меня найдется. Можно посмотреть амбар?

Старуха провела его через хлев в амбар. Это было большое голое помещение, пустое и неудобное, один конец, видимо, служил для молотьбы. Младшая женщина вошла следом. Хоуард покачал головой.

— Очень печально, мадам, но детям нужна постель. Придется мне поискать где-нибудь еще.

Он услышал, как младшая женщина зашептала что-то про сеновал. Услышал, как сердито заспорила старуха. Младшая сказала:

— Ils sont fatigués, les petits... ¹

Обе отошли немного и стали совещаться.

Сеновал оказался вполне подходящий. Так или иначе, это пристанище, здесь дети могут выспаться. Хоуард согласился уплатить за ночлег пятнадцать франков. Хозяйки уделили ему молока, но еды почти не нашлось. Старик оставил детей на сеновале и пошел мимо пса за коляской, потом разломил купленный прежде хлеб пополам, дал половину молодой женщине и попросил размочить в молоке для детей.

Через полчаса он стал укладывать детей, стараясь поудобнее устроить их на сене. Вошла младшая женщина, постояла, поглядела. Потом спросила:

— А одеял у вас нет?

Хоуард покачал головой, он горько жалел, что оставил одеяло в автобусе.

— Пришлось все оставить, мадам,— сказал он тихо.

Она не ответила и тотчас вышла. Через десять минут она вернулась с двумя одеялами, грубыми, точно попоны для лошадей.

— Только не говорите матушке,— хмуро предупредила она.

Хоуард поблагодарил и захлопотал, устраивая детям постель. Женщина стояла и смотрела молча, лицо ее ничего не выражало. Наконец дети были удобно устроены на ночь. Хоуард оставил их, подошел к двери амбара и остановился, глядя во двор. Женщина стала рядом, сказала:

---

¹ Малыши так устали... (фр.)

— Вы и сами устали, мсье.

Он устал смертельно. Теперь, когда его заботы на время кончились, он вдруг ощутил безмерную слабость.

— Немножко устал,— сказал он.— Пойду поужинаю и лягу возле детей. *Bonne nuit, madame*¹.

Она ушла в дом, а Хоуард пошел к коляске взять оставшийся хлеб. Позади, из дверей, через весь двор пронзительно закричала старуха:

— Подите поешьте с нами супу, коли хотите.

Он с благодарностью принял приглашение. На угольях очага в кастрюле что-то булькало; старуха налила Хоуарду полную миску мясной похлебки, подала ложку. Он с удовольствием сел за тщательно отмытый и выскобленный дощатый стол и принялся за суп с хлебом.

— Вы из Эльзаса? — спросила вдруг старуха.— Вы говорите, как немец.

Он покачал головой:

— Я англичанин.

— Вот оно что, англичанин.— Обе посмотрели с любопытством.— А дети? Они ведь не англичане? — сказала старуха.

— Старший мальчик и меньшая девочка англичане,— заметила молодая женщина.— Они говорили не по-французски.

Не без труда Хоуард объяснил им что к чему. Они слушали молча, верили и не верили. У старухи за всю жизнь не было ни единого свободного дня; лишь изредка случалось ей выбраться дальше городка, куда она ездила на базар. Общим трудно было представить, что есть другой мир, есть люди, которые уезжают в чужую страну, далеко от дома, только затем, чтобы ловить рыбу. А чтоб старый человек стал заботиться о чужих детях — этого они уж вовсе не могли понять.

Наконец они перестали его расспрашивать, и он в молчании доел похлебку.

После этого он почувствовал себя лучше, много лучше. Он церемонно поблагодарил хозяек и вышел во двор. Стемнело. На дороге все еще порой гроыхали грузовики, но стрельба как будто прекратилась.

Старуха подошла за Хоуардом к двери.

---

¹ Спокойной ночи, сударыня (фр.).

— Нынче они не останавливаются,— сказала она, показывая на шоссе.— Позавчера в амбар набилось полно народу. Двадцать два франка нам перепало от солдат за ночлег, за одну только ночь.

Она повернулась и ушла в дом.

Хоуард поднялся на сеновал. Дети спали, все они сбились в один живой клубок; маленький Пьер вздрагивал и хныкал во сне. Он и сейчас сжимал в руке свисток. Хоуард осторожно вынул свисток и положил на молотилку, потом поправил на детях одеяла. Наконец он примял немного сена с краю, лег и укрылся пиджаком.

Прескверные четверть часа провел он, прежде чем ему удалось уснуть. Ну и каша заварилась. Прежде всего, большая ошибка, что он уехал из Жуаньи, но тогда это не казалось ошибкой. Когда выяснилось, что нельзя проехать в Париж, надо было сразу вернуться в Дижон и даже перебраться в Швейцарию. Попытка доехать автобусом до Шартра провалилась, и вот до чего он дошел. Ночует на сеновале, с четырьмя беспомощными детьми на руках, да притом очутился как раз на пути наступающей немецкой армии!

Он беспокойно ворочался на сене. Может быть, все обойдется. В конце концов, едва ли немцы продвинутся дальше Парижа; а Париж на севере от него и послужит ему щитом тем более надежным, чем круче взять к западу. Завтра наверняка можно добраться до Монтаржи, даже если придется всю дорогу проделать пешком; десять миль в день детям под силу, если идти медленно, а двух младших время от времени сажать в коляску. В Монтаржи он отдаст маленького Пьера монахиням и сообщит в полицию о смерти его родителей. Из такого города, как Монтаржи, уж наверно ходит автобус до Питивье, а может быть, и до самого Шартра.

Всю ночь Хоуард опять и опять это обдумывал, порой ненадолго задремывал, было ему холодно и неудобно. Он совсем не выспался. Около четырех начало светать, слабый тусклый свет прокрался на сеновал, стала видна паутина, что протянулась между балками. Старик задремал и поспал еще немного; около шести он встал, спустился по приставной лестнице и ополоснул лицо у колонки. Неприятно, что подбородок оброс редкой щетиной, но бриться у колонки не хватало духу. В Монтаржи, конечно, есть гостиница; до тех пор с бритьем придется подождать.

Женщины уже хлопотали по хозяйству. Он заговорил со старухой — не приготовит ли она кофе для детей. Она запросила три франка за четверых. Хоуард заверил ее, что заплатит, и пошел будить детей.

Они уже бродили по сеновалу: они видели, как он сошел вниз. Он послал их умыться у колонки. Мальчик в сером замешкался. Роза с лестницы позвала его, но он не хотел спускаться.

Хоуард, складывая одеяла, взглянул на него, сказал по-французски:

— Поди умой лицо. Роза тебя зовет.

Мальчик прижал руку к животу и низко поклонился.

— Мсье... — прошептал он.

Старик посмотрел в недоумении. Еще ни разу он не слышал, чтобы этот малыш заговорил. А мальчик запрокинул голову и смотрел с мольбой.

— В чем дело, дружок? — спросил Хоуард. Молчание. Он с трудом опустился на одно колено и посмотрел малышу в глаза. — Что случилось?

— J'ai perdu le sifflet¹, — прошептал мальчик.

Старик поднялся и подал ему игрушку.

— Вот твой свисток, в целости и сохранности. Теперь ступай вниз, Роза тебя умоет. — Он задумчиво смотрел, как малыш задом слезает по приставной лестнице. — Роза, умой его.

На кухне он напоил детей кофе с остатками хлеба, помог им справиться с более интимными потребностями, заплатил старухе двадцать франков за еду и ночлег. Около четверти восьмого он провел детей по одному мимо chien méchant и опять побрел по шоссе, толкая перед собой коляску.

Высоко в бледно-голубом безоблачном небе прошли несколько самолетов; Хоуард не понял, французские это самолеты или немецкие. Снова сияло ясное летнее утро. По дороге гуще прежнего двигались военные грузовики и раза два за первый час проехали мимо на запад пушки, их волокли усталые, взмокшие лошади, лошадей погоняли грязные, небритые люди в небесно-голубой форме. Беженцев в этот день на дороге стало меньше. Велосипедистов, пешеходов, целых семей в расхлябанных, битком набитых повозках по-прежнему много, но частных автомобилей почти не видно. В первый час

---

¹ Я потерял свисток (фр.).

Хоуард на ходу то и дело оглядывался — не идет ли автобус, но автобусов не было.

Дети веселились вовсю. Бегали, болтали друг с другом и с Хоуардом, затевали какие-то игры, поминутно рискуя попасть под колеса запыленных грузовиков с усталыми водителями, и старик все время был настороже. Становилось все жарче, и он велел своим подопечным снять пальто и свитеры и сложить в коляску. Роза, уже не спрашивая разрешения, шла босиком; Хоуард уступил просьбам маленьких англичан, позволил им тоже снять носки, но ботинки велел надеть. Он снял чулки и с Пьера.

Мальчик был по-прежнему бледен и молчалив, однако неестественное оцепенение как будто чуть отпустило. Он все еще сжимал в руке свисток и иногда тихонько свистел; Шейла порой пыталась отнять у него свисток, но Хоуард был настороже и не дал ей воли.

— Перестань к нему приставать,— сказал он,— не то придется тебе опять надеть носки.

Он сделал строгое лицо; Шейла покосилась на него и решила, что угроза нешуточная.

По временам Роза наклонялась к мальчику в сером.

— Siffle, Pierre,— говорила она.— Siffle pour Rose¹.— Пьер подносил свисток к губам и извлекал из него короткий, слабый звук.— Ah, c'est chic, ça!²

Она забавляла его все утро и порой застенчиво улыбалась Хоуарду.

Шли очень медленно, не больше полутора миль в час. Не следует торопить детей, думал Хоуард. К вечеру доберемся до Монтаржи, но только если не заставлять их выбиваться из сил.

Около десяти утра на севере поднялась стрельба. Старика озадачило, что выстрелы очень громкие, словно бьют пушки или гаубицы. Это далеко, милях в десяти или еще дальше, но определенно на севере, между ними и Парижем. Он тревожился и недоумевал. Неужели немцы обошли Париж с юга? Не потому ли поезд не пошел дальше Жуаньи?

К десяти часам добрались до крошечной деревушки под названием Лакруа. Был тут единственный estaminet³, в боковой комнатенке торговали кое-какой ба-

---

¹ Посвисти, Пьер. Посвисти для Розы (фр.).

² Вот замечательно! (фр.)

³ Кафе, кабачок (фр.).

калеей. Дети шли уже три часа и начали уставать; давно пора им отдохнуть. Хоуард повел их в кабачок и взял на четверых две большие бутылки оранжада.

Были тут и еще беженцы, молчаливые и мрачные. Один старик вдруг произнес, ни к кому не обращаясь:

— On dit que les Boches ont pris Paris ¹.

Тощая старуха хозяйка подтвердила — да, верно. Так говорили по радио. Она слыхала это от одного солдата.

Хоуард слушал, потрясенный до глубины души. Невероятно, неужели такое могло случиться... Все опять замолчали, казалось, никто не знает что сказать. Только дети вертелись на стульях и делились впечатлениями от оранжада. Посреди комнаты на полу сидела собака, усердно чесалась и порой ляскала зубами, цапнув блоху.

Старик оставил детей и прошел в соседнюю комнату. Он надеялся купить апельсинов, но в лавчонке не оказалось ни апельсинов, ни свежего хлеба. Он объяснил хозяйке, что ему нужно, и осмотрел ее скудные запасы; купил полдюжины толстых черствых галет, каждая дюймов десяти в поперечнике, серых, вроде тех, какими кормят собак. Взял также немного масла и длинную бурую, сомнительного вида колбасу. Надо было как-то поддержать и собственное брненное тело, и он купил бутылку дешевого коньяка. И в довершение приобрел четыре бутылки оранжада. Хотел уже уйти, но заметил единственный ящик с плитками шоколада и купил дюжину для детей.

Отдых кончился, и Хоуард опять вывел детей на дорогу. Решил подбодрить их, аккуратно разломил одну плитку шоколада на четыре части и стал раздавать. Трое с радостью взяли свои порции. Четвертый молча покачал головой.

— Merci, monsieur, — прошептал он.

— Ты разве не любишь шоколад, Пьер? — мягко спросил старик. — Он ведь вкусный.

Ребенок опять покачал головой.

— Попробуй кусочек.

Другие дети смотрели изумленно. Малыш прошептал:

---

¹ Говорят, боши взяли Париж (фр.)

— Merci, monsieur. Maman dit que non. Seulement après déjeuner ¹.

На минуту мысли старика вернулись к искалеченным телам, что остались позади, на обочине шоссе, кое-как прикрытые брезентом; он через силу отогнал это воспоминание.

— Хорошо,— сказал он,— мы отложим твой кусок до после завтрака.— И аккуратно положил долю Пьера в угол на сиденье коляски; малыш смотрел на это серьезно, внимательно.— Теперь твой шоколад в полной сохранности.

Пьер успокоился, засеменил рядом с ним.

Вскоре младшие дети опять устали; за четыре часа они прошли шесть миль, и стало уже очень жарко. Хоуард посадил их обоих в коляску и повез, двое старших шли рядом. Непонятно почему, на шоссе теперь не видно было ни одного военного грузовика; оставались только беженцы.

Беженцев было полным-полно. Могучие фламандские кони тянули повозки, нагруженные всякой утварью, узлами в одеялах, мешками с провизией, людьми; они двигались медленно, прямо посередине дороги; между ними с трудом пробирались машины; большие и маленькие автомобили, изредка санитарные кареты, мотоциклы; все это двигалось на запад. Бесчисленные велосипедисты и нескончаемая вереница людей с тачками и детскими колясками тянулись по дороге, изнывая от июльского зноя. Все задыхались от пыли, обливались потом, все из последних сил спешили в Монтаржи. Порой невдалеке от дороги проносился самолет; тогда поднималась паника, было два-три несчастных случая. Но в этот день дорогу, ведущую к Монтаржи, ни разу не обстреляли из пулеметов и на нее не упала ни одна бомба.

Жара усиливалась. Около полудня подошли к месту, где вдоль шоссе протекала речушка, и тут образовались пробки, сбилось в кучу много повозок, потому что водички деревенских фургонов останавливались напоить лошадей. Хоуард решил сделать привал; он откатил коляску немного в сторону от дороги — там, в тени деревьев, вдавалась в речку небольшая песчаная отмель.

---

¹ Спасибо, мсье. Мама не позволяет. Только после завтрака (фр.).

— Мы остановимся здесь и позавтракаем,— сказал он детям.— Подите вымойте лицо и руки.

Он достал провизию и сел в тени; он очень устал, но до Монтаржи оставалось еще миль пять, если не больше. Найдется же там какой-нибудь автобус?..

— Можно, я похожу по воде, мистер Хоуард? — спросил Ронни.

Старик встряхнулся.

— Если хочешь, выкупайся,— сказал он.— Сейчас достаточно жарко.

— Правда, можно купаться?

— Правда, и мне можно купаться? — повторила Шейла.

Хоуард поднялся с травы.

— А почему бы и нет? — медленно сказал он.— Разденьтесь и выкупайтесь перед завтраком, раз вам хочется.

Маленькие англичане только того и ждали. Ронни мигом сбросил свой нехитрый костюм и через секунду уже плескался в воде; Шейла запуталась в платье, пришлось ей помочь. С минуту Хоуард, забавляясь, наблюдал за ними. Потом обернулся к Розе.

— А ты не хочешь искупаться? — спросил он.

Она покачала головой, изумленная, смущенная.

— Это неприлично, мсье. Очень неприлично.

Он взглянул на маленькие обнаженные тела, блестящие в солнечных лучах.

— Да,— сказал он задумчиво,— пожалуй, неприлично. Но раз уж они влезли в воду, пусть купаются.— И повернулся к Пьеру.— Хочешь выкупаться?

Мальчик в сером круглыми глазами смотрел на маленьких англичан.

— Non, merci, monsieur,— сказал он.

— Может быть, снимешь ботинки и немного пошлепаешь по воде, а? — спросил Хоуард. Мальчик неуверенно посмотрел на него, потом на Розу.— Это очень приятно,— прибавил старик и обернулся к Розе.— Отведи его к воде, Роза, пускай ополоснет ноги.

Девочка сняла с Пьера ботинки и чулки, и оба стали шлепать по воде у самого берега. Хоуард вернулся в тень деревьев и опять сел так, чтобы видеть детей. Вскоре Шейла плеснула водой в Розу и Пьера, и Хоуард услышал, как Роза ее пожурела.

Потом увидел — мальчик в сером, стоя на самом

мелком месте, наклонился, зачерпнул горстью воды и плеснул в Шейлу. И тогда среди детской болтовни послышался совсем новый, незнакомый звук.

Это смеялся Пьер.

— Фу ты, черт! — произнес мужской голос позади Хоуарда. — Погляди-ка на этих ребятишек — прямо как в Брайтоне!

— Плевать на ребятишек, — отозвался другой голос. — Только воду взбаламутили. Эдакую муть в радиатор не зальешь. Придется пройти немного вверх по течению. Да поскорей двинем дальше, не торчать же тут всю ночь.

Хоуард круто обернулся — позади, на поляне, стояли двое, грязные, небритые, в форме английских летчиков. Один в чине капрала, другой — шофер.

Старик торопливо поднялся.

— Я англичанин. Вы с машиной? — залпом выговорил он.

Капрал в изумлении уставился на него.

— Кто вы такой, черт возьми?

— Я англичанин. Двое из этих детей тоже англичане. Мы пробираемся к Шартру.

— Шартр? — озадаченно переспросил капрал.

— Это он про Чартерс, — сказал шофер. — Я видел такое на карте.

— Вы с машиной? — опять спросил Хоуард.

— У нас походная мастерская, — сказал капрал, обернулся и заторопил спутника: — Тащи воду, Берт, и давай заливай, черт подери.

Шофер пошел вверх по течению, размахивая ведром.

— Вы нас не подвезете? — спросил старик.

— Что? Вас да еще всю ребятню? Не думаю, приятель. Далеко вам?

— Мне надо вернуться в Англию.

— Это не вам одному надо.

— Подвезите меня только до Шартра. Говорят, оттуда идут поезда на Сен-Мало.

— Вы не всему верьте, что говорят лягушатники¹. Вчера нас уверяли, мол, можно проехать через местечко под названием Сюзан, мы и заехали туда, а там полно фрицев! Они как начали по нас палить! Вы когда-нибудь водили десятитонный «лейланд», приятель?

---

¹ Пренебрежительное в устах англичанина прозвище французов.

Старик покачал головой.

— Ну так вот, это вам не легковушка. Берт газанул, а я выставил «брен» над ветровым стеклом и дал очередь. Мы крутанулись, как на гонках, и выскочили, только заполучили две пули в генератор, да поцарапало сзади станину Большого Герберта, это наш токарный станок, беда невелика, лишь бы офицер не заметил. Но это ж надо — послать нас туда! Сюзан это место называется, или вроде того.

— А куда вы направляетесь? — спросил Хоуард.

— В Брест, — ответил капрал. — Ну и названьице для города¹, только лягушки до такого додумаются. Офицер велел, если выскочим, добираться туда, а оттуда машину морем переправят домой.

— Возьмите нас с собой, — попросил Хоуард.

Тот с сомнением посмотрел на детей.

— Уж и не знаю, что вам сказать. Не знаю, хватит ли места. Ваши ребятишки — не англичане.

— Двое — англичане. Сейчас они говорят по-французски, но это потому, что они выросли во Франции.

Мимо с переполненным ведром прошел к дороге шофер.

— А другие двое?

— Эти — французы.

— Лягушат не возьму, — сказал капрал. — У меня нет места, это раз, и потом, я так считаю, пускай остаются у себя дома. А насчет вас и двоих английских малышей — ладно, я не против.

— Вы не поняли, — возразил Хоуард. — Двое французских детей на моем попечении. — И объяснил, как это получилось.

— Ничего не выйдет, приятель, — сказал капрал. — Для всех у меня нет места.

— Понимаю, — медленно сказал Хоуард. С минуту он отсутствующим взглядом смотрел на дорогу. — Если не хватает места, — сказал он, — может быть, отвезете в Брест четверых детей? Им много места не нужно. Я дам вам письмо к железнодорожному начальству в Бресте и письмо к моему поверенному в Англии. И дам денег на расходы.

Капрал наморщил лоб.

— А вас оставить здесь?

---

¹ Французское Brest созвучно английскому breast — грудь.

— Со мной ничего не случится. Право, без них я доберусь быстрее.

— Это что же, взять двоих лягушат вместо вас? Так, что ли?

— Со мной ничего не случится. Я прекрасно знаю Францию.

— Не валяйте дурака. Что я стану делать с четырьмя ребятишками, когда у меня подмоги один Берт? — Он круто повернулся. — Ладно. Одевайте их, да поживей, я не стану ждать всю ночь. И пускай же трогают станок, не то всыплю им по первое число.

Он зашагал к машине. Хоуард поспешил к отмени и позвал детей.

— Одевайтесь скорей, — сказал он. — Мы поедем на грузовике.

Ронни подбежал к нему совершенно голый.

— Правда? А какой марки? Можно, я сяду рядом с шофером, мистер Хоуард?

Шейла, тоже голая, эхом отозвалась:

— Можно, и я сяду рядом с шофером?

— Идите одевайтесь, — повторил старик. И обернулся к Розе: — Надень чулки, Роза, и помоги Пьеру. Нам нужно спешить.

Он подгонял детей, как только мог, но одежда прилипала к их мокрым телам, а полотенца у него не было. Он еще не кончил, а те двое подошли и стали торопить его, им не терпелось тронуться в путь. Наконец-то дети готовы.

— А коляску взять можно? — робко спросил старик.

— Некуда нам брать это барахло, приятель, — сказал капрал. — Она гроша ломаного не стоит.

— Да, знаю, — согласился Хоуард. — Но если придется опять идти пешком, я повезу в ней маленьких.

— Сунем ее на крышу, — вмешался шофер, — она отлично там поедет, капрал. Мы все поплетемся пешком, если не добудем горючки.

— Тыфу ты, черт, — буркнул капрал. — Хороша походная мастерская! Понатыкано со всех сторон барахла, как на елке. Ладно, сажай ее на крышу.

И повел всех к шоссе. Огромный грузовик стоял у обочины, движение обтекало его. Внутри все сплошь забито было механизмами. Громадный «Герберт», токарный станок, возвышался посередине. В одном кон-

це разместились шлифовальный круг и механизм для притирки клапанов, в другом — небольшой опилоочный станок. Под «Гербертом» находилась генераторная установка, над ним — широкий распределительный щит. Остаток свободного места занимали вещевые мешки капрала и водителя.

Хоуард поспешно вытащил из коляски свертки с едой и посмотрел, как ее водружают на крышу грузовика. Потом помог детям втиснуться среди механизмов. Капрал наотрез отказался посадить их рядом с шофером.

— У меня там пулемет, понятно? Нечего ребятишкам вертеться под руками, если мы напоремся на фрицев.

— Понимаю,— сказал Хоуард.

Он утешил Ронни и сам вскарабкался в машину. Капрал посмотрел, как они уселись, обошел машину кругом и сел рядом с шофером; грузовик заурчал и тяжело вклинился в общий поток на шоссе.

Лишь через полчаса старик спохватился, что второпях они позабыли на берегу Шейлины штанишки.

Итак, они едут. В машине тесно, неловко. Хоуарду негде сесть поудобней и отдохнуть, он скорчился в три погибели, опираясь коленями на чей-то вещевой мешок. Детям, при их малом росте, все же удобнее. Старик достал припасы и дал им немного поесть и выпить по несколько глотков оранжада. Розе он посоветовал есть поменьше, и ее ничуть не укачало. Хоуард заранее достал из коляски шоколад Пьера и после этого завтрака дал его малышу, ведь так оно и полагалось. Мальчик торжественно принял шоколадку и сунул в рот; Хоуард, глядя на него, внутренне усмехнулся. Роза с улыбкой наклонилась к малышу.

— Вкусно, Пьер, правда?

Он серьезно кивнул.

— Очень вкусно,— прошептал он.

Скоро доехали до Монтаржи. Капрал приотворил дверцу в перегородке, которая отделяла мастерскую от кабины водителя, и спросил Хоуарда:

— Вы здесь бывали, приятель?

— Только проездом, много лет назад,— ответил старик.

— Не знаете, где тут заправочная, черт ее дери? Нам хоть тресни надо добыть горючего.

Хоуард покачал головой.

— Право, не знаю. Если хотите, у кого-нибудь спрошу.

— Ух ты. Вы так здорово говорите по-французски?

— Они все говорят по-французски, капрал,— вставил водитель.— Даже малыши.

Капрал обернулся к Хоуарду:

— Только прижмите детишек к полу, приятель, вдруг напоремся на фрицев, как там, в Сюзане.

Старик был ошеломлен.

— Не могли же немцы пройти так далеко на запад...

Однако он заставил детей лечь на пол, что им показалось превеселой забавой. Так, с приглушенным визгом и смехом, они вкатили в Монтаржи, и машина остановилась на перекрестке в центре города.

По просьбе капрала старик вылез и спросил дорогу к военной заправочной станции. Местный булочник посоветовал ехать в северную часть города; Хоуард взобрался в кабину и объяснил водителю, как проехать. Без особого труда разыскали французский автопарк, и Хоуард с капралом отправились к здешнему начальнику, лейтенанту. Тот наотрез отказался дать горючее. Город эвакуируется, сказал он. Если у них нет бензина, пускай бросают машину и идут на юг.

Капрал яростно выругался, так выругался, что Хоуард только вздохнул — слава богу, маленькие англичане остались в машине, вдруг бы они что-то поняли.

— Я должен доставить эту чертову колымагу в Брест,— заявил под конец капрал.— Черта с два я брошу ее и удеру, так я его и послушал.— Потом очень серьезно сказал Хоуарду: — Вот что, приятель, вам с детишками, пожалуй, и правда лучше поскорей топать отсюда. Не к чему вам встречаться с фрицами.

— Если здесь нет бензина, так и вы могли бы пойти с нами,— сказал старик.

— Вы не понимаете, приятель,— ответил тот.— Я в лепешку расшибусь, а доставлю эту чертовщину в Брест. Моего Большого Герберта. Вы, может, не разбираетесь в токарных станках, но этому Герберту цены нет. Верно вам говорю. Машины нужны дома. В лепешку расшибусь, а доставлю Герберта домой. Должен доставить. Должен! Фрицы его не получают! Черта с два!

Он обвел взглядом парк. Тут было полно дряхлых, грязных французских грузовиков; быстро уходили прочь последние солдаты. Лейтенант, который отказал им, уехал на маленьком «ситроене».

— Бьюсь об заклад, где-нибудь еще найдется горючка,— пробормотал капрал. И круто обернулся.— Эй, Берт! Поди сюда!

Они стали рыскать среди машин. Ни колонки, ни склада горючего не нашли, но вскоре Хоуард увидел, что они хлопочут у брошенных грузовиков, переливают остатки из баков в бидон. Выцеживая понемногу тут и там, они собрали около восьми галлонов бензина и перелили в громадный бак «лейланда». Больше найти не удалось.

— Не больно много,— сказал капрал.— Может, миль на сорок хватит. Все лучше, чем кукиш без масла. Дай-ка сюда эту чертову карту, Берт.

Чертова карта подсказала им, что в двадцати пяти милях находится Питивье.

— Поехали.

И они снова двинулись на запад.

Стало нестерпимо жарко. Борта машины были деревянные, откидные, когда токарный станок работал, они откидывались, и было где повернуться. За эти деревянные стены почти не проникал свет; среди станков было темно, душно, воняло машинным маслом. Дети как будто не слишком страдали от этого, но для старика поездка была мучительна. Вскоре у него уже разламывалась голова, руки и ноги ныли, оттого что сидел он скорчившись, в самой неудобной позе.

Дорога к Питивье была зловеще пуста, грузовик шел очень быстро. Порой низко над дорогой проносился самолет, и один раз совсем рядом раздался треск пулеметной очереди. Хоуард наклонился к окошку возле шофера.

— Немецкий бомбардировщик,— сказал капрал.— Фрицы их называют «штукас».

— Это он в нас стрелял?

— Ага, только он был за сто миль.

Капрал, видно, не особенно встревожился.

Через час, проделав двадцать пять миль после Монтаржи, подъехали к Питивье. Остановились у обочины в полумиле от городка и стали совещаться. На дороге, что протянулась перед ними до первых домов, ни души. В городке не заметно никакого движения. Под ослепительным полуденным солнцем он казался вымершим.

Они смотрели на все это в нерешительности.

— Не нравится мне здесь,— промолвил капрал.— Что-то неладно.

— Никого не видать, вот что чудно, — сказал водитель. — Может, тут полно фрицев, а, капрал? Только не показываются?

— Кто его знает...

Хоуард пригнулся к дверце в перегородке, сказал:

— Пожалуй, я пойду вперед, посмотрю, а вы пока подождите здесь.

— Вот так один и пойдете?

— Я думаю, особой опасности нет. Везде столько беженцев... думаю, это не очень опасно. Лучше я пойду и посмотрю, а то поедem — и вдруг в нас начнут стрелять.

— Дело говорит, — сказал водитель. — Если тут и впрямь засели фрицы, на этот раз можно и не выскочить.

Минуту-другую они это обсуждали. Дороги другой нет, надо либо пересечь город напрямик, либо вернуться на десять миль в сторону Монтаржи.

— А это тоже не сахар, — сказал капрал. — Скорей всего фрицы идут за нами по пятам, вот мы на них и наскочим. — Он помедлил в нерешимости и наконец сказал: — Ладно, приятель, суньтесь туда, поглядите, как и что. Если все в порядке, подайте знак. Махните чем-нибудь, мол, можно ехать.

— Мне придется взять детей с собой, — сказал старик.

— Тьфу, пропасть! Не торчать же мне тут до ночи, приятель.

— Я не могу разлучаться с детьми, — пояснил старик. — Понимаете ли, они на моем попечении. Вот как у вас токарный станок.

Водитель расхохотался.

— Здорово сказано, капрал! Это как у нас с Гербертом!

— Ладно, — буркнул капрал. — Только поживей.

Старик вылез из машины, одного за другим снял детей на пыльную, пустынную, раскаленную солнцем дорогу. И двинулся с ними к городу, ведя двух малышей за руки, и с беспокойством думал, что, если теперь надо будет расстаться с грузовиком, он неизбежно потеряет и коляску. Он торопился изо всех сил, но в город они вошли только через двадцать минут.

Немцев не было видно. Похоже, и все жители покинули городок; только из-за занавесок или приотворенных дверей лавчонок украдкой поглядели на проходя-

щего Хоуарда две-три дряхлые старухи. В канаве у дороги, ведущей на север, жевал какую-то дрянь грязный, оборванный ребенок в одной рубашонке, даже не разобрать, мальчик или девочка. В нескольких шагах дальше на дороге валялась наполовину оттащенная с мостовой дохлая лошадь, вздувшаяся и смрадная. Эту падаль рвала собака.

Грязный, убогий городишко этот показался Хоуарду отвратительным. Он окликнул старуху, которая выглянула из дверей:

— Есть здесь немцы?

— Они идут с севера, — дребезжащим голосом отозвалась старуха. — Будут всех насиловать, потом застрелят.

Хоуарду ответ показался бессмысленным.

— А вы уже видели в городе хоть одного немца? — спросил он.

— Вот один.

Старик вздрогнул, оглянулся.

— Где?

— Вон. — Иссохшей трясущейся рукой она показала на ребенка в канаве.

— Это?

Старуха, должно быть, помешалась от страха перед захватчиками.

— Он говорит только по-немецки. Он из шпионской семьи. — Старуха вцепилась в руку Хоуарда, она, видно, совсем выжила из ума. — Кинь в него камнем, прогони его, — потребовала она. — Надо прогнать, не то он приведет ко мне в дом немцев.

Хоуард стряхнул ее руку.

— Были здесь немецкие солдаты?

Вместо ответа старуха принялась визгливо осыпать ужасающими проклятиями ребенка в канаве. Ребенок — наверно, мальчик, решил Хоуард, — поднял голову и посмотрел на нее с младенчески откровенным презрением. Потом опять взялся за свою омерзительную еду.

От старой ведьмы больше ничего не удалось добиться; ясно одно: немцев в городе нет. Хоуард пошел было прочь, но тут что-то загремело — большой камень прокатился по мостовой возле «немецкого шпиона». Ребенок отбежал с полсотни шагов и опять присел на обочине.

Старик возмущился, но у него были другие заботы.

— Присмотри пока за детьми, — сказал он Розе. — Не позволяй им никуда отходить и ни с кем говорить.

И он заторопился назад по дороге, по которой они вошли в Питивье. Шагов через триста он увидел на краю дороги полумилей дальше знакомый грузовик. Он помахал шляпой, и машина двинулась к нему; тогда он повернулся и пошел назад к тому месту, где оставил детей.

Машина нагнала его близ перекрестка посреди города. Из кабины высунулся капрал.

— Найдется здесь горючее, как по-вашему?

— Не знаю. Не стоило бы надолго здесь задерживаться.

— Это верно,— проворчал шофер.— Надо выбираться отсюда. По мне, городишко выглядит неважно.

— Заправиться-то надо.

— Галлонов пять еще осталось. Хватит до Анжервиля.

— Ладно.— Капрал обратился к Хоуарду: — Сажайте ребятню в кузов и поехали.

Хоуард оглянулся. На том месте, где он оставил детей, никого не было; он осмотрелся — вот они, дальше на дороге, стоят возле «немецкого шпиона», а тот горько, жалобно плачет.

— Роза! — крикнул Хоуард.— Иди сюда. Приведи детей.

— *Il est blessé!*¹ — тоненько закричала она в ответ.

— Иди сюда! — опять крикнул Хоуард. Дети смотрели на него, но не трогались с места. Он поспешил к ним.— Почему вы не идете, когда я вас зову?

Роза повернулась к нему, вся красная от негодования.

— В него бросили камнем и ушибли. Я сама видела. Нехорошо так делать.

Да, сзади по шее ребенка на грязные лохмотья стекала липкая струйка крови. Внезапное отвращение к этому городишке охватило старика. Он достал носовой платок и промокнул рану.

— Нехорошо бросаться камнями, мсье, а еще взрослая женщина,— сказала Роза.— Это скверное, дрянное место, раз тут так поступают.

— Возьмем его с собой, мистер Хоуард,— сказал Ронни.— Пускай он сядет с другого конца на мешок Берта, возле электромотора.

---

¹ Он ранен (фр.).

— Он здешний,— ответил старик.— Мы не можем увезти его отсюда.

Но при этом подумал, что милосерднее взять ребенка с собой.

— Совсем он не здешний,— возразила Роза.— Он здесь только два дня. Так сказала та женщина.

Позади раздались торопливые тяжелые шаги и голос капрала:

— Да скоро вы, черт возьми?

Хоуард обернулся к нему.

— В ребенка бросают камнями,— и он показал рану на шее мальчика.

— Кто бросает камнями?

— Здешние жители. Они думают, что он немецкий шпион.

— Кто, этот? — изумился капрал.— Да ему лет семь, не больше.

— Я видел, кто его ранил,— вмешался Ронни.— Женщина вон из того дома. Бросила камень и попала в него.

— Чертова кукла,— сказал капрал и обернулся к Хоуарду.— Надо двигать, да поживей.

— Понимаю...— старик колебался.— Что же делать? Оставить его в этом дрянном городишке? Или взять с собой?

— Возьмем, если хотите. Он много не на шпионит. Старик наклонился к мальчику.

— Хочешь поехать с нами? — спросил он по-французски.

Мальчик ответил что-то на другом языке.

— Sprechen Sie deutsch? ¹ — спросил Хоуард. Больше он сейчас ни слова не помнил по-немецки и ответа не получил.

Он выпрямился, угнетенный свалившейся на него новой заботой.

— Возьмем его,— сказал он негромко.— Если оставить его здесь, его скорее всего убьют.

— Если мы сейчас же не двинемся, явятся фрицы и перебьют нас всех,— заметил капрал.

Хоуард подхватил «шпиона», тот молча покорился; они поспешили к грузовику. От ребенка скверно пахло, он был явно вшивый; старик отвернулся, его чуть не стошнило. Может быть, в Анжервиле есть монахини,

---

¹ Говоришь ты по-немецки? (нем.)

которые позаботятся об этом найденыше. Пожалуй, и Пьера можно будет им отдать, хотя Пьер почти не доставляет хлопот.

Детей усадили в машину; старик взобрался слёдом, капрал сел рядом с шофером. Огромный грузовик пересек дорогу, ведущую прочь от Парижа, и двинулся к Анжервилю, до которого оставалось семнадцать миль.

— Если не заправимся в Анжервиле, здорово сядем в лужу, — сказал водитель.

В машине старик, окруженный детьми, скорчился у «Герберта» и вытащил клейкую плитку шоколада. Он отломил пять кусочков; едва «немецкий шпион» понял, что это такое, он протянул перепачканную руку и что-то пробормотал. Жадно съел свою долю и снова протянул руку.

— Подожди немного. — Хоуард раздал шоколад остальным детям.

— Merci, monsieur, — прошептал Пьер.

Роза наклонилась к нему:

— Съешь после ужина, Пьер? Попросим мсье дать тебе шоколадку после ужина, да?

— Только в воскресенье, — прошептал малыш. — В воскресенье мне можно шоколад после ужина. Сегодня воскресенье?

— Я не помню, какой сегодня день, — сказал Хоуард. — Но, я думаю, твоя мама сегодня позволила бы тебе съесть шоколад после ужина. Я отложу его для тебя на вечер.

Он пошарил вокруг, достал одну из купленных утром больших твердых галет, не без труда разломил пополам и протянул половину несчастному замарашке. Мальчуган взял галету и с жадностью стал грызть ее.

— Да разве так едят? — сердито сказала Роза. — Ты хуже поросенка, да, хуже поросенка. И хоть бы спасибо сказал.

Мальчик посмотрел растерянно, не понимая, за что его бранят.

— Ты что, совсем не умеешь себя вести? — продолжала Роза. — Надо сказать так: je vous remercie, monsieur, — с поклоном обратилась она к Хоуарду.

Французская речь не дошла до мальчика, но движения нельзя было не понять. Он явно смутился.

— Dank, mijnheer, — пробормотал он. — Dank u wel ¹.

---

¹ Спасибо, сударь. Большое спасибо (голл.).

Хоуард в недоумении поднял брови. Мальчик говорит на каком-то северном языке, но не по-немецки. Может быть, это фламандский, валлонский или даже голландский. Разница невелика, все равно он, Хоуард, не знает ни слова ни на одном из них.

Машина шла быстро, после полудня стало еще жарче. Окошко в кабину водителя было открыто, порой старик наклонялся и из-за спин водителя и капрала смотрел вперед. Дорога была подозрительно пуста. Обогнали всего лишь нескольких беженцев, редко-редко проезжала по своим обычным делам крестьянская повозка. Солдат не видно, и ничего похожего на людской поток, каким запружено было шоссе между Жуаньи и Монтаржи. Казалось, вся округа опустела, будто вымерла.

За три мили до Анжервиля капрал обернулся и в окошко сказал Хоуарду:

— Подъезжаем к городу. Надо тут добыть горючее, не то нам крышка.

— Если вы увидите кого-нибудь на дороге, я у них спрошу, где тут интендантская база.

— Ладно.

Через несколько минут подъехали к одинокой ферме. Рядом стояла машина и какой-то человек переносил из нее во двор мешки с зерном или сеном.

— Остановитесь, — сказал старик водителю, — сейчас я у него спрошу.

Шофер подвел грузовик к обочине и тотчас выключил мотор, экономя каждую каплю бензина.

— Только с валлон осталось, — сказал он. — Этого ненадолго хватит.

Хоуард вылез и пошел назад, к ферме. Хозяин, человек немолодой, лет пятидесяти, без воротничка, уже шел к их грузовику.

— Нам нужен бензин, — сказал ему Хоуард. — В Анжервиле, наверно, есть интендантская база для военного транспорта?

Тот уставился на него во все глаза.

— В Анжервиле немцы.

Короткое молчание. Старый англичанин смотрел во двор фермы, там рылась в навозе тощая свинья, копались в пыли щуплые куры. Итак, сеть вокруг него затягивается.

— Давно они здесь? — спросил он негромко.

— С утра, спозаранку. Пришли с севера.

Что тут скажешь.

— У вас нет бензина? Я куплю все, сколько у вас есть, по любой цене.

Глаза крестьянина вспыхнули.

— Сто франков литр.

— Сколько у вас есть?

Тот посмотрел на стрелку указателя на треснувшей приборной доске.

— Семь литров. Семьсот франков.

Неполных полтора галлона, с этим десятитонный «лейланд» далеко не уйдет. Хоуард вернулся к капралу.

— К сожалению, новости неважные,— сказал он.— В Анжервиле немцы.

Помолчали.

— Черт подери совсем,— сказал наконец капрал. Сказал очень тихо, словно разом безмерно устал.— И много их тут?

Хоуард окликнул крестьянина и спросил его об этом. Потом сказал:

— Он говорит, полк. Вероятно, он имеет в виду — около тысячи..

— И пришли, видно, с севера,— сказал водитель.

Прибавить было нечего. Старик объяснил, как обстоит дело с бензином.

— От этого толку чуть,— сказал капрал.— С тем, что у нас есть, хватит миль на десять, не больше.— И обернулся к водителю.— Давай карту, чтоб ей...

Они склонились над картой; Хоуард поднялся в кабину и тоже стал ее изучать. Между ними и городом никакого объезда, и позади по крайней мере на семь миль ни одного поворота к югу.

— Все так,— сказал шофер.— Пока мы сюда ехали, я с этой стороны ни одной дороги не видал.

— А если повернем обратно, напоремся на фрицев,— спокойно сказал капрал.— Они ж следом идут, из той гнусной дыры. Ну где старикан подцепил оборвыша, шпиона этого.

— Все так,— сказал шофер.

— Покурить есть? — спросил капрал.

Шофер достал сигарету; капрал закурил, выпустил длинную струю дыма.

— Что ж,— сказал он.— Стало быть, крышка.

Старик и водитель промолчали.

— Я хотел доставить домой Большого Герберта,—

сказал капрал.— Хотел привезти в целости и сохранности, сроду ничего так не хотел.— Он повернулся к Хоуарду.— Верно вам говорю. Да вот не вышло.

— Очень вам сочувствую,— мягко сказал старик. Тот встряхнулся.

— Не всегда оно выходит, чего больше всего хочется... Э, да что толковать, раз не судьба.

И спрыгнул из кабины на дорогу.

— Что вы намерены делать? — спросил Хоуард.

— Сейчас покажу.— Он подвел старика к борту огромной машины, примерно к середине. Со стороны шасси торчала маленькая ярко-красная рукоятка.— Я намерен дернуть вот эту штуковину и дать стрекача.

— Тут взрывчатка,— пояснил из-за плеча Хоуарда водитель.— Дернешь рукоять — и все разнесет к чертям.

— Ну, пошли,— сказал капрал.— Выгружайте ребятню. Я и рад бы еще малость вас подвезти, приятель, да не получается.

— А сами вы что станете делать? — спросил Хоуард.

— Потопаем к югу, может, и обгоним фрицев.— Капрал замялся.— С вами ничего не случится,— сказал он чуть смущенно.— При вас детишки, вас не тронут.

— С нами ничего не случится,— повторил старик.— За нас не беспокойтесь. А вам надо вернуться на родину, чтобы воевать дальше.

— Первым делом надо удрать от фрицев.

Они сняли детей на дорогу; потом стащили с крыши «лейланда» коляску. Хоуард собрал свои скудные пожитки, погрузил в коляску, записал адрес капрала в Англии и дал ему свой.

Больше тянуть было незачем.

— Счастливо, приятель,— сказал капрал.— Когда-нибудь увидимся.

— Счастливо,— отозвался старик.

Он собрал детей и медленно двинулся с ними по дороге к Анжервилю. Немножко поспорили из-за того, кому везти коляску, кончилось тем, что повезла Шейла, а Ронни советом и делом ей помогал. Роза шла рядом с ними и вела за руку Пьера; грязный маленький иностранец в нелепом балахоне плелся позади. Где-то как-то придется его вымыть, уныло подумал Хоуард. Мало того, что он грязный и вшивый, на шее сзади и на рваной рубашке запеклась кровь из раны.

Шли, как всегда, медленно. Порой Хоуард оглядывался на недавних попутчиков, они хлопотали подле грузовика, должно быть, отбирали самое необходимое из своего снаряжения. Потом один, водитель, с узелком в руках зашагал через поле к югу. Другой, согнувшись, что-то делал у машины.

Но вот он выпрямился и кинулся прочь от дороги вслед за водителем. Он бежал неуклюже, спотыкался; пробежал шагов триста, и тут прогремел взрыв.

Из машины вырвалось пламя. В воздух взлетели обломки и посыпались на дорогу и в поле; потом громадная машина как-то осела. Показался первый язычок огня, и вся она запылала.

— Ого! — сказал Ронни. — Он взорвался, мистер Хоуард?

— Он сам взорвался, мистер Хоуард? — подхватила Шейла.

— Да, — хмуро сказал старик. — Так получилось. — Над дорогой поднялся столб густого черного дыма. Хоуард отвернулся. — Не думайте больше об этом.

Впереди, в двух милях, уже виднелись крыши Анжервиля. Да, сеть вокруг него затянулась. С тяжелым сердцем вел он детей к городу.

6

Тут я прервал его рассказ.

— Это довольно близко, — выдохнул я.

Мы выпрямились в креслах перед камином и прислушивались к нарастающему визгу бомбы. Она разорвалась поблизости, что-то с грохотом обрушилось, и тут же раздался второй разрыв, совсем рядом. Мы застыли не шевелясь, а здание клуба шатнулось от взрыва, со звоном посыпались стекла, и уже нарастал пронзительный визг третьей бомбы. Она разорвалась по другую сторону клуба.

— Попали в вилку, — сказал Хоуард, и я тоже вздохнул с облегчением. — Теперь пронесло.

Четвертая бомба упала много дальше, и наступила тишина, только трещали зенитки. Я поднялся и вышел в коридор. Там была тьма. Стеклянную дверь, ведущую на маленький балкон, сорвало с петель, я вышел и огляделся по сторонам.

Небо над городом густо багровело заревами пожа-

ров. В нем повисли три осветительные ракеты и заливали все вокруг нас яркой желтизной; трещали зенитки, пытаясь их сбить. Совсем рядом на улице разгорался еще один пожар.

Я обернулся, сзади подошел Хоуард.

— Довольно жаркий вечер, — сказал он.

Я кивнул.

— Может быть, хотите пойти в убежище?

— А вы?

— Едва ли там безопаснее, чем здесь, — сказал я.

Мы спустились в вестибюль посмотреть, не надо ли чем-нибудь помочь. Но там делать было нечего, и скоро мы вернулись в кресла у камина и налили еще по стакану марсалы.

— Рассказывайте дальше, — попросил я.

— Надеюсь, я вам не слишком наскучил? — неуверенно сказал старик.

Анжервиль — городок на дороге между Парижем и Орлеаном. Хоуард с детьми пустился в путь около пяти часов дня, было жарко и пыльно.

То был едва ли не самый тяжелый час в его жизни, сказал он мне. С самого отъезда из Сидотона он направлялся домой, в Англию; и день ото дня сильней одолевал его страх. До сих пор казалось невероятным, что он не достигнет цели, как бы ни был тяжок путь. А теперь он понял — не пробраться. Между ним и Ламаншем — немцы. Он идет в Анжервиль, а там его ждет концлагерь и скорее всего смерть.

Само по себе это не слишком его угнетало. Он был стар и устал; если теперь настанет конец, он не так уж много потеряет. Еще несколько дней половить рыбу, еще немного похлопотать в саду... Но дети — другое дело. Их надо как-то уберечь. Розу и Пьера можно передать французской полиции; рано или поздно их вернут родным. Но Шейла и Ронни... как быть с ними? Что с ними станет? А новый спутник, замарашка, которого забросали камнями обезумевшие от ужаса, ослепленные ненавистью старухи? Что будет с ним?

Мысли эти совсем измучили старика.

Оставалось одно — идти напрямик в Анжервиль. Позади немцы — и на севере, и на востоке, и на западе. Кинуться без дороги на юг, как те двое с «лейланда», нечего и пробовать: от передовых частей захватчика не уйти. Лучше уж не сворачивать, мужественно идти

навстречу судьбе и собрать все силы, лишь бы помочь детям.

— Слышите, музыка,— сказал Ронни.

До города оставалось примерно полмили. Роза радостно вскрикнула:

— *Ecoute, Pierre*,— она наклонилась к малышу.— *Ecoute!*¹

— А? — Хоуард очнулся от задумчивости.— Что такое?

— В городе музыка играет,— объяснил Ронни.— Можно, мы пойдем послушаем?

Но у старика ухо было не такое чуткое, и он ничего не расслышал. Лишь когда уже вступили в город, он уловил мелодию *Liebestraum*².

Входя в Анжервиль, они миновали длинную вереницу заляпанных грязью грузовиков — машины по очереди подъезжали к придорожному гаражу и заправлялись у колонки. Кругом сновали солдаты; сперва они показались Хоуарду какими-то странными, и вдруг он понял: вот оно, то, что он уже час готовился увидеть,— перед ним немецкие солдаты. На них серо-зеленая форма с отложным воротником и накладными карманами, справа на груди нашивка — орел с распростертыми крыльями. У некоторых голова непокрыта, на других стальные немецкие каски, которые ни с чем не спутаешь. Лица у солдат мрачные, усталые, застывшие, и двигаются они точно автоматы.

— Это швейцарские солдаты, мистер Хоуард? — спросила Шейла.

— Нет,— сказал он,— не швейцарские.

— У них такие же каски,— сказал Ронни.

— А какие это солдаты? — спросила Роза.

Хоуард собрал детей в кружок.

— Послушайте,— сказал он по-французски.— Не надо бояться. Это немцы, но они вам ничего плохого не сделают.

Они как раз проходили мимо небольшой группы немцев. От группы отделился *Unterfeldwebel*³ и подошел; на нём были высокие черные сапоги, бриджи в пятнах машинного масла.

— Вот это правильно,— сказал он, жестко выгова-

---

¹ Слушай, Пьер. Слушай! (фр.)

² Сон любви (нем.).

³ Фельдфебель (нем.).

ривая французские слова.— Мы, немцы,— ваши друзья. Мы принесли вам мир. Очень скоро вы опять сможете вернуться домой.

Дети непонимающе уставились на него. Возможно, они и вправду не поняли, слишком плохо он говорил по-французски.

— Будет очень хорошо, когда у нас опять настанет мир,— ответил по-французски Хоуард. Незачем было выдавать себя раньше времени.

Немец оскалился в натянутой, механической улыбке.

— Вы издалека?

— Из Питивье.

— Так далеко пешком?

— Нет. Нас подвез грузовик, он сломался за несколько миль отсюда.

— So¹,— сказал немец.— Значит, вы голодные. На площади есть питательный пункт, идите туда.

— Je vous remercie²,— сказал Хоуард. Что еще он мог сказать?

Тот был польщен. Обвел всех взглядом, поморщился при виде оборвыша. Шагнул к нему, не слишком резко приподнял ему голову и оглядел рану на шее. Потом посмотрел на свои руки и брезгливо их вытер.

— So,— сказал он.— Возле церкви стоит полевой госпиталь. Сведите его к Sanitätsunteroffizier³.

Он кивком отпустил их и вернулся к своим.

Еще двое или трое солдат окинули Хоуарда с детьми беглым равнодушным взглядом, но никто больше с ними не заговорил. Прошли к центру города. На перекрестке, где дорога на Орлеан сворачивала влево, а дорога на Париж вправо, высилась серая церковь, перед нею раскинулась базарная площадь. Посреди площади играл оркестр.

Это был немецкий военный оркестр. Десятка два солдат стояли и играли — упрямо, старательно: они выполняли свой долг перед фюрером. На всех пилотки, на плечах серебряные кисточки. Дирижировал фельдфебель. Он стоял на небольшом возвышении, любовно сжимая кончиками пальцев дирижерскую палочку. Грузный, немолодой, размахивая руками, он поворачивался то вправо, то влево и благожелательно улыбался

---

¹ Так (нем.).

² Благодарю вас (фр.).

³ Фельдшеру (нем.).

слушателям. Позади оркестра разместились колонна броневиков и танков.

Слушатели почти сплошь были французы. Были тут и несколько серолицых равнодушных немецких солдат, они казались смертельно усталыми; остальные — местные жители, мужчины и женщины. Они стояли вокруг, с любопытством рассматривали непрошенных гостей, поглядывали на танки, исподтишка изучали чужую форму и снаряжение.

— Вот он, оркестр, мистер Хоуард, — сказал Ронни по-английски. — Можно, мы пойдем послушаем?

Старик поспешно оглянулся. Кажется, никто не слышал.

— Потом, — сказал он по-французски. — Сначала надо этому мальчику перевязать шею.

Он повел детей прочь от толпы.

— Старайся не говорить по-английски, пока мы здесь, — негромко сказал он Ронни.

— Почему, мистер Хоуард?

— А мне можно говорить по-английски, мистер Хоуард? — вмешалась Шейла.

— Нет, — сказал он. — Немцы не любят тех, кто говорит по-английски.

Шейла по-английски же спросила:

— А если Роза будет говорить по-английски?

Проходившая мимо француженка с любопытством посмотрела на них. Старик подавил досаду — что поделаешь, они только дети.

— Если ты будешь разговаривать по-английски, я найду лягушонка и суну тебе в рот, — пригрозил он.

— Ой-ой, слышишь, что говорит мсье! — воскликнула Роза. — Лягушонка в рот!! Вот ужас-то!

И, смеясь и ужасаясь, дети заговорили по-французски.

Полевой госпиталь расположился позади церкви. Пока Хоуард с детьми шел туда, каждый встречный немецкий солдат улыбался им той же натянутой механической улыбкой. В первый раз дети остановились, изумленно глядя на солдата, и пришлось погнать их дальше. Встретив полдюжины таких улыбок, они к этому привыкли.

Один солдат сказал:

— *Bonjour, mes enfants* ¹.

---

¹ Здравствуйте, детки (фр.).

— Bonjour, m'sieur,— пробормотал в ответ Хоуард и пошел дальше.

До палатки-госпиталя оставалось несколько шагов, вот сеть почти уже и сомкнулась.

Госпиталь размещался в большой офицерской палатке, установленной впритык к грузовику. У входа стоял Sanitätgefreiter¹ и от скуки лениво ковырял в зубах.

— Стой здесь и смотри за детьми, никуда их не отпускай,— сказал Хоуард Розе. И подвел мальчика к палатке.— Мальчик ранен,— сказал он немцу по-французски.— Нельзя ли получить бинт или кусочек пластыря?

Немец улыбнулся все той же казенной невеселой улыбкой. Потом ловко осмотрел ребенка.

— So,— сказал он.— Kommen Sie, entrez².

Старик с мальчиком вошли за ним в палатку. Фельдшер перевязывал обожженную руку немецкому солдату; кроме них тут был еще только врач в белом халате. Его знаков различия не было видно. Санитар подвел к нему мальчика и показал рану.

Врач коротко кивнул. Повернул голову мальчика к свету, с каменным лицом посмотрел на нее. Потом развел грязные лохмотья на груди, взглянул. Демонстративно вымыл руки. И прошел через палатку к Хоуарду.

— Придете опять,— сказал он, дурно выговаривая по-французски.— Через час,— он поднял палец.— Один час.— Опасаясь, что его не поняли, достал из кармана часы и показал на стрелки.— В шесть часов.

— Bien compris,— сказал старик.— À six heures³.

Он вышел из палатки, недоумевающий, встревоженный: что-то его ждет? Не нужен же целый час, чтобы перевязать неглубокую ранку.

Но ничего не поделаешь. Вступать в долгий разговор с этим немцем опасно; рано или поздно английский акцент его выдаст. Он вернулся к детям и повел их подальше от палатки.

Утром — каким далеким казалось теперь это утро! — гардероб Шейлы несколько пострадал: она потеряла штанишки. Ни ее, ни других детей это не волновало,

---

¹ Санитар (фр.).

² Так. Входите (нем. и фр.).

³ Понятно. В шесть часов (фр.).

но Хоуард не забыл о потере. Сейчас самое время поправить беду. Сначала, как жаждал Ронни, пошли на площадь посмотреть на немецкие танки; а десять минут спустя Хоуард повел детей в небольшой магазин готового платья поблизости от госпиталя.

Он толкнул дверь и у прилавка увидел немецкого солдата. Отступать поздно, только вызовешь подозрение; старик постоял в стороне, выжидая, пока немец покончит с покупками. И, стоя так, поодаль, узнал в немце санитар из госпиталя.

Перед немцем на прилавке лежала маленькая стопка одежды: желтый свитер, коричневые детские штанишки, носки и курточка.

— Cinquante quatre, quatre vingt dix ¹, — назвала цену плотная немолодая женщина за прилавком.

Немец не понял ее скороговорки. Она несколько раз повторила; тогда он придвинул к ней лежащий рядом блокнот, и она написала на листке сумму. Немец взял блокнот, посмотрел изучающим взглядом. Потом старательно вывел под цифрами свою фамилию и номер части, оторвал листок и подал женщине.

— Вам заплатят после, — кое-как выговорил он по-французски. И собрал отложенное платье.

— Не забирайте вещи, пока не заплатили, — за-протестовала женщина. — Мой муж... он будет очень недоволен. Он страшно рассердится. Право, мсье... это просто невозможно.

— Так хорошо, — равнодушно сказал немец. — Вам заплатят после. Это хорошая реквизиция.

— Ничего хорошего тут нет, — гневно сказала хозяйка. — Надо платить деньгами.

— Это есть деньги, хорошие германские деньги, — ответил санитар. — Если вы не верите, я позову военную полицию. И пускай ваш муж берет наши германские деньги и говорит спасибо. Может быть, он еврей? Мы умеем обращаться с евреями.

Женщина ошеломленно уставилась на немца. В лавке стало очень тихо; потом санитар собрал свои покупки и важно вышел. Женщина смотрела ему вслед, растерянно теребя клочок бумаги.

Хоуард выступил вперед и привлек ее внимание. Она очнулась и показала ему детские штанишки. Хоуард посоветовался с Розой о цвете и фасоне, выбрал пару

---

¹ Пятьдесят четыре (франка), девяносто (сантимов) (фр.).

для Шейлы, уплатил три франка пятьдесят сантимов и тут же в магазине надел девочке обнову.

Хозяйка стояла и перебирала его три с половиной франка.

— Вы не немец, мсье? — спросила она хмуро и опять взглянула на деньги.

Хоуард покачал головой.

— А я думала, немец. Может, фламандец?

Нельзя было признаваться, кто он по национальности, но в любую секунду кто-нибудь из детей мог его выдать. Старик направился к двери.

— Норвежец, — сказал он наобум. — Моя родина тоже пострадала.

— Я так и думала, что вы не француз, — сказала женщина. — Уж и не знаю, что только с нами будет.

Хоуард вышел из лавки и прошел немного по Парижской дороге в надежде никого там не встретить. В город входили еще и еще германские солдаты. Хоуард шел некоторое время в этом все густеющем потоке, напряженный, ежеминутно опасаясь разоблачения. Но вот наконец и шесть часов; он повернул назад, к госпиталю.

Детей он оставил возле церкви.

— Не отпускай их от себя, — сказал он Розе. — В госпиталь я зайду только на минуту. Подождите меня здесь.

Он вошел в палатку, усталый, измученный опасениями. Санитар еще издали его заметил.

— Подождите здесь, — сказал он. — Я доложу Herr Oberstabsarzt¹.

Он скрылся в палатке. Старик остался у входа и терпеливо ждал. Вечер наступал прохладный, теплые лучи солнца были приятны. Как бы чудесно остаться свободным, возвратиться на родину. Но он устал, очень, очень устал. Если бы только пристроить детей, можно и отдохнуть.

Из палатки вышел врач, ведя за руку ребенка. Этот новый, незнакомый ребенок сосал конфету. Чистенький, совсем коротко, под машинку остриженный мальчик. В желтом свитере, в коричневых коротких штанишках, носках и новых башмаках. Все на нем было новехонькое, и Хоуарду показалось, будто эти вещи ему знакомы.

---

¹ Господину главному врачу (нем.).

От мальчика сильно пахло зеленым мылом и дезинфекцией.

На шее мальчика белела чистейшая повязка. Он улыбнулся старику. Хоуард смотрел и не верил глазам. Врач сказал весело:

— So! Мой санитар его выкупал. Так лучше?

— Замечательно, Herr Doktor,— сказал старик.— И одели его. И перевязали. Просто не знаю, как вас благодарить.

Врач напыжился.

— Вы должны благодарить не меня, мой друг,— сказал он с тяжеловесным благодушием.— Не меня, а Германию. Мы, немцы, принесли вам мир, чистоту и порядок, и это есть истинное счастье. Больше не будет войны, больше вы не будете скитаться. Мы, немцы,— ваши друзья.

— Да, мы понимаем, Herr Doktor,— тихо вымолвил старик.

— So,— сказал врач.— То, что Германия сделала для этого мальчика, она сделает для всей Франции, для всей Европы. Наступил новый порядок.

Последовало неловкое молчание. Хоуард хотел было сказать что-нибудь уместное, но желтый свитер приковал его взгляд, вспомнилась та женщина в лавке — и все слова вылетели из головы. Минуту он стоял в растерянности.

Врач легонько подтолкнул к нему мальчугана.

— То, что Германия сделала для этого маленького голландца, она сделает для всех детей в мире,— сказал он.— Возьмите его. Вы его отец?

Страх подстегнул мысли старика. Лучше всего полуправда.

— Этот мальчик не мой. Он потерялся в Питивье, он был совсем один. Я хочу передать его в монастырь.

Немец кивнул, удовлетворенный ответом.

— Я думал, вы тоже голландец,— сказал он.— Вы говорите не так, как эти французы.

Не следовало опять называть себя норвежцем, это слишком близко к Германии.

— Я с юга,— сказал Хоуард.— Из Тулузы. Сейчас гостил у сына в Монмирай. В Монтаржи мы потеряли друг друга, не знаю, что с ним случилось. Со мной мои внуки. Они сейчас на площади. Они очень хорошие дети, мсье, но хорошо бы нам вернуться домой.

Он все говорил, говорил, вдавался в подробности,

притворяясь старчески болтливым. Врач грубо отвернулся.

— Ладно, забирайте своего пащенка,— сказал он.— Можете возвращаться домой. Боев больше не будет. И ушел в палатку.

Старик взял мальчика за руку и повел вокруг церкви, чтобы миновать магазин готового платья. Розу с Шейлой и Пьером он нашел примерно на том же месте, где их оставил. Но Ронни и след простыл.

— Роза, а где Ронни? — тревожно спросил Хоуард.— Куда он девался?

— Он так гадко себя вел, мсье,— пожаловалась Роза.— Он хотел смотреть танки, и я ему сказала, что туда нельзя ходить. Я ему сказала, что он очень, очень гадкий мальчик, мсье, и что вы очень на него рассердитесь. А он все равно убежал.

— Можно, и я пойду смотреть танки, мистер Хоуард? — звонко пропищала Шейла по-английски.

— Сегодня нельзя,— машинально ответил он по-французски.— Я ведь вам велел всем оставаться здесь.

Он нерешительно озирался. Непонятно, оставить ли детей на месте и одному искать Ронни или взять их с собой. Любой шаг может навлечь на детей опасность. Если их оставить, как бы не случилось еще хуже. Он взялся за ручку коляски и покатил ее вперед.

— Пойдемте,— сказал он.

Пьер придвинулся к нему и прошептал:

— Можно, я повезу?

Впервые малыш заговорил с ним сам. Хоуард уступил ему коляску.

— Конечно, вези,— сказал он.— Помоги ему, Роза.

И пошел с ними туда, где стояли танки и грузовики, со страхом всматриваясь в толпу. Вокруг машин собрались немецкие солдаты, серые, усталые, и усердно старались расположить к себе недоверчивых местных жителей. Иные чистили свое обмундирование, другие хлопотали у машин. У некоторых в руках были небольшие разговорники; и они старались завязать разговор с французами. Но те держались угрюмо и замкнуто.

— Вот он, Ронни! — сказала вдруг Шейла.

— Где? — Хоуард обернулся, но не увидел мальчика.

— Вот он, вон там,— сказала Роза.— Ох, мсье, какой он гадкий! Смотрите, мсье, он сидит в танке с немецкими солдатами!

Холодный страх пронзил сердце Хоуарда. Он плохо видел на таком расстоянии. Прищурился, напряженно всмотрелся. Да, верно, Ронни там, куда показывает Роза. Мальчишеская голова чуть видна над краем стального люка наверху оружейной башни, Ронни оживленно болтает с немцем. Похоже, солдат приподнял его и показывает, как водитель управляет танком. Премиленькая сценка братания.

Старик торопливо обдумывал положение. Ронни сейчас почти наверняка говорит по-французски, у него нет повода перейти на английский. Но ни его сестренке, ни самому Хоуарду не следует подходить близко: мальчик взбудоражен и тотчас начнет по-английски рассказывать им про танки. Меж тем надо его увести немедленно, пока он не думает ни о чем, кроме танка. Едва он подумает о чем-нибудь другом, об их путешествии или о Хоуарде, он неизбежно выдаст их своей ребячьей болтовней. Стоит ему утратить интерес к танку — и через пять минут немцы узнают, что он англичанин и что старик англичанин бродит по городу.

Шейла потянула его за рукав.

— Я хочу ужинать, — сказала она. — Можно мне сейчас поужинать? Пожалуйста, мистер Хоуард, можно мне сейчас ужинать?

— Сию минуту, — рассеянно отозвался Хоуард. — Сию минуту все мы будем ужинать.

А ведь это отличная мысль. Шейла проголодалась, значит, голоден и Ронни, разве что немцы угощали его конфетами. Придется рискнуть. Тут есть питательный пункт, о котором упомянул немец, когда они входили в город; в сотне с лишком шагов дальше на площади Хоуард приметил походные кухни.

Он показал на них Розе.

— Видишь дым? Я поведу туда младших, там мы поужинаем, — сказал он небрежно. — Пойди позови Ронни и приведи его к нам. Ты проголодалась?

— Oui, monsieur. — Она подтвердила, что очень хочет есть.

— Нам всем дадут отличный горячий ужин, горячий суп с хлебом, — сказал он, стараясь вызвать в воображении картинку соблазнительней. — Поди скажи об этом Ронни и приведи его. Я пойду с маленькими.

Он отослал ее и последил, как она бежит через толпу, босые ноги так и мелькали. Потом торопливо пошел с остальными детьми прочь, чтобы Ронни не мог

их окликнуть. Успел заметить, как девочка подошла к танку и настойчиво заговорила с немцами, потом потянул ее из виду.

Помогая Пьеру толкать коляску в сторону походных кухонь, старик про себя помолился — только бы Роза успешно выполнила неожиданное поручение. А от него уже ничего не зависит. Их судьба теперь в руках двух детей и в руках божьих.

Подожли к дощатому столу, окруженному скамьями. Хоуард поставил коляску, усадил Пьера, Шейлу и безымянного маленького голландца за стол. Тут раздавали суп в грубых мисках и по куску хлеба; он получил на всех четыре миски и отнес к детям на стол.

Потом обернулся — рядом стояли Роза и Ронни. Мальчик раскраснелся, вне себя от восторга.

— Меня взяли в танк,— сказал он по-английски.

— Рассказывай по-французски, пускай и Пьеру будет понятно,— мягко сказал по-французски Хоуард.

Пока, наверно, никто ничего не заметил. Но этот город бесконечно опасен: в любую секунду дети могут перейти на английский, и тогда все пропало.

Ронни сказал по-французски:

— Там большущая пушка, мсье, и две маленьких, и управляешь двумя ручьями, и машина делает семьдесят километров в час.

— Садись и поужинай,— сказал Хоуард.

Он дал Рональду суп и кусок хлеба.

— Ты покатался, Ронни? — с завистью спросила Шейла.

Искатель приключений чуть замялся.

— Нет еще,— сказал он.— Но они обещали меня покатавать завтра или еще когда-нибудь. Они очень странно говорят. Я плохо понимал. Можно, я завтра пойду покатаюсь, мсье? Они меня звали.

— Там видно будет,— сказал старик.— Может быть, завтра мы уже отсюда уйдем.

— А почему они странно говорят, Ронни? — спросила Шейла.

Роза вдруг сказала:

— Это подлые немцы, они пришли убивать людей. Старик громко закашлялся.

— Сидите все смирно и ешьте,— сказал он.— Поговорили достаточно.

Больше чем достаточно, подумалось ему: если немец, раздающий суп, слышал, быть беде.

Нет, в Анжервиле им не место, любой ценой надо увести отсюда детей. Через час ли, через два разоблачения не миновать. Он немного подумал: до темноты еще несколько часов. Конечно, дети устали, и все же лучше поскорей выбраться из города.

Следующий город в намеченном им списке — Шартр, там он рассчитывал сесть в поезд до Сен-Мало. Сегодня вечером до Шартра не дойти, это около тридцати миль к западу. Теперь почти уже нет надежды ускользнуть с территории, занятой немцами, но и выбора нет, он пойдет в Шартр. Ему и в голову не приходило свернуть с этого пути.

Дети ели очень медленно. Двое младших, Пьер и Шейла, потратили на ужин почти час. Хоуард ждал с истинно стариковским терпением. Бесплезно их торопить. Но вот они кончили, он вытер им рты, вежливо поблагодарил немца-повара, взял коляску и вывел детей на дорогу к Шартру.

Дети еле плелись, волоча ноги. Девятый час, обычно в это время они уже давно в постели, да притом они очень наелись. И солнце, хоть и склонялось к горизонту, было еще жаркое,— ясно, что пройти много они не в силах. Но все же Хоуард вел их, стремясь уйти как можно дальше от Анжервиля.

Мысли его занимал маленький голландец. Хоуард не оставил его у монахинь, как собирався раньше; в Анжервиле ему было не до поисков монастыря. Не оставил он там и Пьера, хоть и обещал себе избавиться от этой заботы. Пьер не в тягость, но этот новый подопечный — нешуточная ответственность. Он не говорит ни слова на тех языках, на которых говорят сам Хоуард и другие дети. Неизвестно даже, как его зовут. Может быть, есть какая-то метка на его одежде.

И тут старик с отчаянием сообразил, что одежда пропала. Она осталась у немцев, когда мальчика мыли и избавляли от паразитов; все это тряпье наверняка уже сожгли. Быть может, установить личность мальчика не удастся до конца войны, лишь тогда можно будет навести справки. А быть может, не удастся никогда.

Хоуард совсем расстроился. Одно дело передать монахиням ребенка, когда знаешь, кто он, и родные могут его разыскать. И совсем другое — когда о нем ровно ничего не известно. На ходу старик и так и эдак обдумывал новую заботу. Единственное звено, связующее мальчика с прошлым,— что он был кем-то брошен в

Питивье и найден там в июне, такого-то числа, и засвидетельствовать это может только он, Хоуард. С этим свидетельством, быть может, когда-нибудь и удастся найти родителей мальчугана или его близких. Если же теперь оставить мальчика в монастыре, свидетельство это скорей всего затеряется.

Они брели по пыльной дороге.

— У меня ноги болят, — захныкала Шейла.

Она явно выбилась из сил. Старик поднял ее, усадил в коляску, посадил туда же и Пьера. Пьеру он дал шоколад, обещанный с утра, остальные дети тоже получили по кусочку. Ненадолго они оживились, повеселели, и Хоуард устало покатил коляску дальше. Теперь главное — поскорее найти ночлег.

Он остановился у первой же фермы, оставил коляску и детей на дороге и пошел во двор узнать, дадут ли им тут постель. Его поразила неестественная тишина. Даже собака не залаяла. Он крикнул и постоял, выжидая, освещенный последними лучами солнца, но никто не отозвался. Хоуард толкнул дверь — заперто. Вошел в хлев, но скотины там не оказалось. В навозе копались две курицы, а больше — ни признака жизни.

Ферма была покинута.

Как и в прошлую ночь, спали на сеновале. Одевал на этот раз не было, но, пошарив кругом в поисках хоть чего-то, чем бы можно укрыться, Хоуард нашел большой кусок брезента, — вероятно, им покрывали скирды. Старик перетащил брезент на сеновал, сложил на сене вдвое, уложил детей и верхней половиной укрыл их. Он ждал хлопот, болтовни, капризов, но дети слишком устали. Все пятеро были рады лечь и отдохнуть; очень скоро все они уснули.

Хоуард вытянулся на сене рядом с ними, смертельно усталый. За последний час он выпил несколько глотков коньяку, стараясь одолеть изнеможение и слабость; теперь, когда он лежал на сене на покинутой ферме, усталость будто растекалась вокруг него тяжелыми волнами. Положение отчаянное. Надежды как-то пробиться, вернуться в Англию, конечно, больше нет. Немецкая армия далеко опередила их. Возможно, она уже достигла Бретани. Вся Франция захвачена врагом.

Разоблачить его могут в любую минуту и наверняка разоблачат очень скоро. Это неизбежно. По-французски он говорит совсем неплохо, и все же по произношению можно узнать англичанина, он и сам это знает. Есть

лишь одна надежда ускользнуть от немцев: если бы спрятаться на время, пока не подвернется какой-то выход, укрыться с детьми в доме какого-нибудь француза. Но в этой части Франции он не знает ни души, не к кому обратиться.

Да и все равно ни одна семья их не примет. Если бы и знать кого-то, нечестно так обременять людей.

Он лежал и сквозь дремоту горько размышлял о будущем.

Не то чтобы он уж вовсе никого тут не знал. Прежде он был немного, очень немного знаком с одной семьей из Шартра. Фамилия этих людей была Руже... нет, Ружан... Ружерон; да, так — Ружерон. Они приехали из Шартра. Познакомился он с ними в Сидотоне полтора года назад, когда ездил туда с Джоном в лыжный сезон. Отец был полковник французской армии, — что-то с ним стало, смутно подумалось Хоуарду. Мать — типичная толстушка француженка, довольно славная, тихая, спокойная. Дочь — отличная лыжница; закрыв глаза, почти уже засыпая, старик увидел — вот она в вихре снега скользит по кособору вслед за Джоном. Светлые волосы ее коротко острижены и всегда тщательно завиты по французской моде.

Он тогда проводил много времени с ее отцом. По вечерам они играли в шашки, пили перно и рассуждали о том, будет ли война. Старик начал думать о Ружероне всерьез. Если по какой-нибудь невероятной случайности тот сейчас в Шартре, тогда, возможно, еще есть надежда. Ружерон, пожалуй, поможет.

Во всяком случае, Ружероны могут хоть что-то посоветовать. Только тут Хоуард понял, как нужно, как необходимо ему поговорить со взрослым человеком, обсудить свое нелегкое положение, составить план действий. Чем больше он думал о Ружероне, тем сильнее жаждал поговорить с таким человеком, поговорить откровенно, без недомолвок.

До Шартра недалеко, миль двадцать пять, не больше. При удаче они могут быть там завтра. Едва ли Ружерона можно застать дома, но... стоит попытаться.

Наконец он уснул.

Он часто просыпался в ту ночь, задыхался, измученное сердце отказывалось работать как положено. Каждый раз он приподнимался, выпивал глоток коньяку и полчаса сидел очень прямо, потом опять забывался в тяжелой дремоте. Дети тоже спали беспокойно, но

не просыпались. В пять часов старик проснулся окончательно, сел, прислонясь к куче сена, и решил покорно ждать, пока настанет время будить детей.

Он пойдет в Шартр и разыщет Ружерона. Скверная ночь, которую он перенес,— предостережение: пожалуй, силы скоро изменят ему. Если так, надо передать детей в какие-то надежные руки. У Ружерона, если он здесь, дети будут в безопасности; можно оставить денег на их содержание,— деньги, правда, английские, но их, вероятно, можно обменять. Ружерон, пожалуй, приютит и его, даст немного отлежаться, пока не пройдет эта смертельная усталость.

Около половины седьмого проснулся Пьер и лежал рядом с ним с открытыми глазами.

— Лежи тихо,— шепнул старик.— Вставать еще рано. Постарайся уснуть опять.

В семь проснулась Шейла, завертелась и сползла со своей постели. Ее возня разбудила остальных. Хоуард с трудом встал и поднял их всех. Свел их с сеновала по приставной лестнице во двор и заставил по очереди умыться у колонки.

Позади послышались шаги, Хоуард обернулся — и очутился лицом к лицу с весьма внушительной особой; то была жена владельца фермы. Она сердито спросила, что он здесь делает.

— Я переночевал у вас на сеновале, мадам, вот с этими детьми,— сказал он кротко.— Тысяча извинений, но нам больше некуда было пойти.

Несколько минут она свирепо отчитывала его. Потом спросила:

— А кто вы такой? Не француз. Наверно, англичанин, и дети тоже?

— Это дети разных национальностей, мадам,— ответил Хоуард.— Двое французы, а двое швейцарцы из Женевы. И один голландец.— Он улыбнулся.— Как видите, всего понемножку.

Она окинула его проницательным взглядом.

— А вы-то, вы же англичанин?

— Если даже я был бы англичанин, мадам, что из этого?

— В Анжервиле говорят, англичане нас предали, удрали из Дюнкерка.

Он почувствовал, как велика опасность. Эта женщина вполне способна выдать их всех немцам. Он решительно посмотрел ей в глаза.

— И вы верите, что Англия покинула Францию в беде? — спросил он. — А вам не кажется, что это немецкая ложь?

Женщина замаялась.

— Уж эта гнусная политика, — сказала она наконец. — Я знаю одно: ферма наша разорена. Уж и не знаю, как мы будем жить.

— Милосердием божьим, мадам, — просто сказал Хоуард.

Она помолчала немного. Потом сказала:

— А все-таки вы англичанин, верно?

Он безмолвно кивнул.

— Лучше уходите, пока вас никто не видел.

Хоуард повернулся, созвал детей и пошел к коляске. И, толкая ее перед собой, направился к воротам.

— Вы куда идете? — крикнула вслед женщина.

Хоуард приостановился.

— В Шартр, — ответил он и тут же спохватился: какая неосторожность!

— Трамваем? — спросила фермерша.

— Трамвай? — с недоумением повторил старик.

— Он идет в десять минут девятого. До него еще полчаса.

А ведь правда, вдоль шоссе проложены рельсы, он совсем про это позабыл. В нем всколыхнулась надежда доехать до Шартра.

— И трамвай еще работает, мадам?

— А почему бы и нет? Немцы говорят, они принесли нам мир. Коли так, трамвай будет ходить.

Старик поблагодарил и вышел на дорогу. Через четверть мили дошли до места, где дорогу пересекали рельсы; здесь, в ожидании, Хоуард дал детям галеты, купленные накануне, и по кусочку шоколада. Вскоре облачко дыма возвестило о приближении короткого поезда узкоколейки, здесь его называли трамваем.

Три часа спустя они уже шагали со своей коляской по улицам Шартра. Доехали легко и просто, безо всяких приключений.

Шартр, как и Анжервиль, был полон немцев. Они кишели повсюду, особенно в магазинах, торгующих предметами роскоши, — на бумажные деньги покупали шелковые чулки, белье, всякие привозные деликатесы. Могло показаться, будто в городе праздник. Солдаты были опрятные и отлично вымуштрованные; за весь день Хоуард не заметил в их поведении ничего такого,

на что пришлось бы пожаловаться, вот только лучше бы их тут вовсе не было. А так — что ж, они сдержанные, старательно вежливы, явно не уверены, что им здесь рады. Но в магазинах их встречали радушно: они, не считая, сорили деньгами, притом самыми настоящими французскими бумажками. Если в Шартре и возникли какие-либо сомнения, они оставались за запертыми дверями банков.

В телефонной будке старик нашел по справочнику имя Ружеронов и адрес — меблированные комнаты на улице Вожиро. Звонить им он не стал, понимая, что нелегко будет все объяснить по телефону. Вместо этого он спросил дорогу к улице Вожиро и пошел туда, по-прежнему толкая коляску; дети плелись за ним.

Улица оказалась узкая, мрачная, высокие дома стояли хмурые, с закрытыми ставнями. Хоуард позвонил у входа, дверь беззвучно отворилась, перед ним была общая лестница. Ружероны жили на третьем этаже. Хоуард медленно поднимался по ступеням, преодолевая одышку, дети шли следом. Он позвонил у дверей квартиры.

За дверью слышались женские голоса. Раздались шаги, и дверь отворилась. Перед Хоуардом стояла дочь Ружеронов, та девушка, которую он помнил по встрече в Сидотоне полтора года назад.

— Что вам? — спросила она.

В коридоре было довольно темно.

— Мадемуазель, — сказал Хоуард, — я пришел повидать вашего отца, *monsieur le colonel*¹. Не знаю, помните ли вы меня, мы уже встречались. В Сидотоне.

Она ответила не сразу. Старик мигнул, прищурился — возможно, от усталости ему только почудилось, будто она схватилась за дверной косяк. Он-то прекрасно ее узнал. Короткие светлые волосы все так же тщательно завиты по французской моде; на девушке серая суконная юбка и темно-синий джемпер, на шее черный шарф.

— Отца нет дома, — наконец сказала она. — Я... я прекрасно вас помню, мсье.

— Вы очень любезны, мадемуазель, — неторопливо сказал старик. — Моя фамилия Хоуард.

— Я знаю.

— Господин полковник вернется сегодня?

---

¹ Господина полковника (фр.).

— Его нет дома уже три месяца, мсье Хоуард,— сказала девушка.— Он был под Метцем. После этого мы не получали никаких вестей.

Чего-то в этом роде Хоуард ждал, и все же разочарование оказалось очень горьким. Он помедлил, потом отступил на шаг.

— Пожалуйста, извините,— сказал он.— Я надеялся повидать господина полковника, раз уж я Шартре. Очень сочувствую вашей тревоге, мадемуазель. Не стану дольше вас беспокоить.

— Может быть... может быть, вы хотели бы о чем-то со мной поговорить, мсье Хоуард? — сказала девушка.

Странное ощущение, как будто она о чем-то просит, старается его задержать.

Но нельзя же обременять эту девушку и ее мать своими заботами, хватит с них и собственных забот.

— Нет, ничего, мадемуазель,— сказал он.— Просто я хотел побеседовать с вашим отцом о маленьком личном деле.

Девушка выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Я понимаю, что вы хотели видеть моего отца, мсье Хоуард,— сказала она негромко.— Но его здесь нет, и мы не знаем, где он... А я... я не ребенок. Я прекрасно понимаю, о чем вы пришли поговорить. Мы с вами можем поговорить об этом — вы и я.

Она отступила от двери.

— Не угодно ли вам войти и присесть? — сказала она.

7

Хоуард обернулся и поманил детей. Потом взглянул на девушку и уловил на ее лице изумление и замешательство.

— Боюсь, что нас слишком много,— сказал он виновато.

— Но... я не понимаю, мсье Хоуард. Это ваши дети? Старик улыбнулся.

— Они на моем попечении. Но они не мои.— Он замялся, потом прибавил: — Я попал в несколько затруднительное положение, мадемуазель.

— Вот как...

— Я хотел поговорить об этом с вашим отцом.— Он в недоумении поднял брови.— А вы думали, тут что-то другое?

— Нет, мсье, совсем нет,— поспешно возразила девушка. Порывисто обернулась и позвала: — Мама! Иди скорей! У нас мсье Хоуард, из Сидотона.

К ним быстро вышла маленькая женщина, которую Хоуард тотчас узнал; старик церемонно ей поклонился. Потом, стоя в маленькой гостиной, окруженный теснящимися к нему детьми, он пытался покороче объяснить хозяйкам, как сюда попал и откуда у него такая свита. Задача не из легких.

Мать, видно, отчаялась в этом разобраться.

— Важно, что они здесь,— сказала она.— Завтракали они? Наверно, они голодные?

Дети застенчиво улыбались.

— Они всегда голодные, мадам,— сказал Хоуард.— Но вы, пожалуйста, не беспокойтесь; может быть, мы позавтракаем где-нибудь в городе.

Она возразила, что об этом нечего и думать.

— Посиди с нашим гостем, Николь, сейчас я все приготовлю.

И заторопилась на кухню.

— Присядьте и отдохните немного,— сказала Николь старику.— Видно, вы очень устали.— И обернулась к детям: — Вы все тоже сядьте и посидите спокойно, завтрак скоро будет готов.

Старик посмотрел на свои руки, они потемнели от грязи. Он не умывался по-человечески и не брился с тех пор, как выехал из Дижона.

— Я в отчаянии, что явился в таком виде,— сказал он.— Нельзя ли мне потом будет умыться?

Девушка улыбнулась, и эта улыбка его успокоила.

— В такое время нелегко соблюдать чистоту,— заметила она.— Расскажите мне все сначала, мсье... как вы вдруг очутились во Франции?

Хоуард откинулся в кресле. Лучше уж рассказать все как есть; он так жаждал с кем-нибудь поделиться, обсудить свое положение.

— Видите ли, мадемуазель,— заговорил он,— в начале этого года меня постигло большое горе. Погиб мой единственный сын. Понимаете, он был летчик. И погиб во время боевого полета.

— Я знаю, мсье. От всей души вам сочувствую.

Он поколебался, не совсем уверенный, что понял

правильно. Какой-то оборот французской речи, вероятно, сбил его с толку.

— Оставаться в Англии было невыносимо. Я хотел переменить обстановку, увидеть новые лица.

И он стал рассказывать. Рассказал о знакомстве с семейством Кэвено в Сидотоне. О болезни Шейлы и вынужденной задержке в Дижоне. О горничной и «крошке» Розе. Рассказал о том, как они потерпели аварию в Жуаньи, лишь мельком упомянул об ужасах монтаржийской дороги — ведь Пьер был тут же в комнате. Рассказал о том, как их подвезли в походной мастерской военно-воздушного флота и как они подобрали в Питивье маленького голландца. Потом коротко описал, как они добрались до Шартра.

Вся эта повесть, рассказанная по-стариковски спокойно, размеренно и неторопливо, заняла около четверти часа. Когда он кончил, девушка изумленно переспросила:

— Так, значит, ни один из этих малышей не имеет к вам никакого отношения, мсье?

— Если угодно, можно сказать и так, — ответил Хоуард.

— Но ведь вы могли оставить двух англичан в Дижоне, и родители приехали бы за ними из Женевы, — настаивала Николь. — Будь вы один, вы бы успели вовремя вернуться в Англию.

Старик слабо улыбнулся:

— Да, наверно.

Девушка смотрела на него во все глаза.

— Нам, французам, никогда не понять англичан, — промолвила она чуть слышно и вдруг отвернулась.

Хоуард растерялся.

— Виноват, как вы сказали?

Она встала.

— Вы хотели умыться. Пойдемте, я вас провожу. А потом вымою малышей.

Она привела его в неопрятную ванную; в этом доме явно не держали прислуги. Хоуард огляделся — нет ли принадлежностей мужского туалета, может быть, найдется бритва, — но полковник слишком давно был в отъезде. Хоуард рад был хотя бы умыться; при первом удобном случае, может быть, он и побриться сумеет.

Девушка увела детей в спальню, потом одного за другим старательно вымыла с головы до ног. А там пришло время позавтракать. В придачу к обычной полу-

денной еде мадам Ружерон приготовила ризотто¹; усе-
лись вокруг стола в гостиной, и впервые после отъезда
из Дижона Хоуард поел по-человечески.

Потом дети играли в углу гостиной, а взрослые за
еще не убраным столом пили кофе и старик обсуждал
с хозяйками свои планы на будущее.

— Разумеется, я хотел вернуться в Англию,— ска-
зал он.— Я и теперь этого хочу. Но сейчас, похоже,
это очень трудно.

— Пароходы в Англию больше не ходят, мсье,—
сказала мадам Ружерон.— Немцы прекратили всякое
сообщение.

Он кивнул.

— Я этого опасался,— сказал он тихо.— Пожалуй,
мне следовало вернуться в Швейцарию.

— Задним числом легко рассуждать,— пожала пле-
чами Николь.— Но ведь тогда, неделю назад, все мы
думали, что немцы займут Швейцарию. Я и сейчас
так думаю. Едва ли Швейцария подходящее место для
вас.

Помолчали. Потом мадам Ружерон спросила:

— Ну, а другие дети, мсье? Этот Пьер и маленький
голландец? Вы хотите их тоже взять в Англию?

И тут Шейла, которой надоело играть на полу,
подошла и потянула старика за рукав.

— Я хочу гулять. Мсье Хоуард, можно мы пойдем
погуляем и посмотрим танки?

Хоуард рассеянно обнял ее за плечи.

— Подожди немного. Потерпи еще, посиди тихо.
Мы уже скоро пойдем.— И обратился к мадам Руже-
рон: — Кому же я их оставляю, если не найду их род-
ных? Я много об этом думал. А разыскать их родных
в такое время, наверно, очень трудно.

— Да, конечно,— согласилась она.

— Если бы мне удалось отвезти их в Англию,—
продолжал Хоуард,— думаю, я переправил бы их в
Америку на то время, пока не кончится война. Там бы
им ничто не грозило.— И пояснил: — Моя дочь живет
в Соединенных Штатах, у нее дом на Лонг-Айленде.
Она взяла бы детей к себе до конца войны, а потом
мы попытались бы разыскать их родных.

— Вы говорите о мадам Костелло? — спросила Ни-
коль.

---

¹ Блюдо из риса с мясной подливкой (ит.).

Он не без удивления обернулся к ней.

— Да, это ее фамилия по мужу. У нее сынишка примерно такого же возраста. Детям будет у нее хорошо.

— Я в этом уверена, мсье.

На минуту Хоуард забыл, как трудно будет доставить детей в Англию.

— Боюсь, невозможно будет разыскать родных маленького голландца, — сказал он. — Мы даже не знаем, как его зовут.

— А я знаю, как его зовут, — сказала Шейла из-под его руки.

Старик удивленно посмотрел на нее.

— Вот как? — Потом припомнил, как было с Пьером, и спросил: — Как же его зовут, по-твоему?

— Виллем, — сказала Шейла. — Не Уильям, просто Виллем.

— А как дальше?

— Дальше, наверно, никак. Просто Виллем.

Ронни, сидевший на полу, поднял голову, сказал спокойно:

— Выдумала тоже. Конечно, у него и фамилия есть, мистер Хоуард. Он Эйб. — И пояснил: — Вот меня зовут Ронни Кэвено, а его — Виллем Эйб.

— А-а... — протянула Шейла.

— Как же вы это узнали? Ведь он не говорит ни по-французски, ни по-английски? — спросила мадам Ружерон.

Дети посмотрели на нее с недоумением, даже с досадой: до чего непонятливый народ эти взрослые.

— Он сам сказал, — объяснили они.

— Может быть, он вам рассказал еще что-нибудь о себе? — спросил Хоуард. Наступило молчание. — Он не говорил, кто его папа и мама и откуда он приехал?

Дети смотрели на него смущенные, растерянные.

— Может быть, вы его спросите, где его папа? — сказал старик.

— Так ведь мы не понимаем, что он говорит, — сказала Шейла.

Остальные молчали.

— Ну, ничего, — сказал Хоуард и обернулся к женщинам. — Вероятно, через день-другой дети о нем все разузнают. Надо немножко подождать.

Николь кивнула:

— Может быть, мы найдем кого-нибудь, кто говорит по-голландски.

— Это опасно,— возразила мать.— Тут ничего нельзя решать наспех. Приходится помнить о немцах.— И обратилась к Хоуарду: — Итак, мсье, вы в очень трудном положении, это ясно. Что же вы хотите предпринять?

— Я хочу только одного, мадам: отвезти этих детей в Англию,— с обычной своей медлительной улыбкой ответил старик; на минуту задумался и прибавил мягко: — И еще я не хочу навлекать неприятности на моих друзей.— Он поднялся с кресла.— Вы очень добры, что угостили нас завтраком. Весьма сожалею, что не удалось повидать господина полковника. Надеюсь, когда мы встретимся снова, вы будете все вместе.

Девушка вскочила.

— Нет, не уходите,— сказала она.— Это невозможно.— Она круто обернулась к матери.— Мы должны что-то придумать, мама.

Мать пожала плечами.

— Невозможно. Кругом всюду немцы.

— Был бы дома отец, он бы что-нибудь придумал.

В комнате стало очень тихо, только Ронни и Роза вполголоса напевали свою считалку. Издалека, с главной площади, слабо доносились звуки оркестра.

— Пожалуйста, не утруждайте себя ради нас,— сказал Хоуард.— Право же, мы и сами отлично справимся.

— Но, мсье... ваш костюм — и тот не французского покроя,— возразила Николь.— Сразу видно, что вы англичанин, с первого взгляда всякому понятно.

Хоуард невесело оглядел себя; да, это чистая правда. Он всегда гордился своим умением одеваться, но теперь его хорошо сшитый твидовый костюм явно неуместен.

— Вы правы,— сказал он.— Неплохо бы мне для начала достать какой-нибудь французский костюм.

— Будь дома отец, он с радостью одолжил бы вам свой старый костюм.— Она повернулась к матери.— Коричневый костюм, мама.

Мать покачала головой.

— Лучше серый. Он не так бросается в глаза.— И негромко предложила старику: — Садитесь. Николь права. Мы должны что-то придумать. Пожалуй, лучше вам сегодня у нас переночевать.

Хоуард снова сел.

— Это доставило бы вам слишком много хлопот,— сказал он.— Но костюм я приму с благодарностью.

Опять подошла Шейла, надутая, недовольная.

— Можно, мы сейчас пойдем смотреть танки, мистер Хоуард? — жалобно сказала она по-английски.— Я хочу гулять.

— Сейчас,— ответил он и по-французски объяснил хозяйкам: — Они хотят погулять.

Николь встала.

— Я погуляю с ними,— сказала она,— а вы останьтесь и отдохните.

После недолгого колебания старик согласился: он очень устал.

— Одна просьба,— сказал он.— Может быть, вы на это время одолжите мне какую-нибудь старую бритву?

Девушка повела его в ванную и достала все, что нужно.

— Не бойтесь,— сказала она,— за малышами я присмотрю. С ними ничего плохого не случится.

Хоуард обернулся к ней с бритвой в руке.

— Главное, не говорите по-английски, мадемуазель,— предостерег он.— Маленькие англичане прекрасно¹ говорят и понимают по-французски. Иногда они переходят на английский, но сейчас это опасно. Говорите с ними только по-французски.

Девушка рассмеялась.

— Не бойтесь, cher¹ мсье Хоуард,— сказала она.— Я совсем не знаю английского. Только одну или две фразы.— Подумала и старательно выговорила по-английски: «Глотнуть горячительного полезно»,— и, перейдя на родной язык, спросила: — Ведь так говорят про apéritif², правда?

— Правда,— вымолвил старик.

Опять он посмотрел на нее растерянно, изумленно. Она этого не заметила.

— А когда хотят кого-нибудь отругать, говорят «пропесочить»,— прибавила она.— Только это я и знаю по-английски, мсье. Со мной детям ничего не грозит.

Он внезапно оцепенел от давней муки, спросил очень тихо:

---

¹ Дорогой (фр.).

² Аперитив, спиртное (фр.).

— Кто научил вас этим выражениям, мадемуазель? В нашем языке это новинка.

Николь отвернулась.

— Право, не помню,— смущенно сказала она.— Может быть, вычитала в какой-нибудь книжке.

Хоуард возвратился с нею в гостиную, помог одеть детей для прогулки и проводил до дверей. Потом вернулся в квартирку Ружеронов; хозяйки не было видно, и он пошел в ванную бриться. Потом прикорнул в углу дивана в гостиной и проспал часа два беспокойным сном.

Вернулись дети и разбудили его. Ронни в восторге кинулся к нему:

— Мы видели бомбардировщики! Настоящие немецкие, огромные-огромные, и мне показали бомбы, и даже позволили потрогать!

— И я тоже потрогала! — сказала Шейла.

— И мы видели, как они летали,— продолжал Ронни.— Они поднимались, и приземлялись, и вылетали бомбить пароходы на море! Было так интересно, мистер Хоуард!

— Надеюсь, вы сказали мадемуазель Ружерон спасибо за такую приятную прогулку,— кротко сказал старик.

Дети бросились к Николь.

— Большое-пребольшое спасибо, мадемуазель Ружерон!

— Вы доставили им большое удовольствие,— сказал Хоуард девушке.— Куда вы их водили?

— К аэродрому, мсье.— Она замялась.— Я не пошла бы туда, если бы подумала... Но малыши ничего не понимают...

— Да,— сказал старик.— Для них все это только забава...— Поглядел ей в лицо и спросил: — А там много бомбардировщиков?

— Шестьдесят или семьдесят. Может быть, больше.

— И они вылетают бомбить английские корабли, — сказал он негромко.

Николь наклонила голову.

— Напрасно я повела туда детей,— опять сказала она.— Я не знала...

Старик улыбнулся.

— Ну, мы ведь ничего не можем поделать, так что толку огорчаться.

Снова появилась мадам Ружерон; было уже почти

шесть часов. Она успела приготовить суп детям на ужин и устроила у себе в комнате постель для обеих девочек. Троице мальчикам она постелила на полу в коридоре; Хоуарду отвели отдельную спальню. Он поблагодарил хозяйку за хлопоты.

— Прежде всего надо уложить детишек,— сказала она — А потом поговорим и что-нибудь придумаем.

Через час все дети были накормлены, умыты и уложены в постель. Хоуард и мать с дочерью сели ужинать; он поел густого мясного супа, хлеба с сыром, выпил немного разбавленного красного вина. Потом помог убрать со стола и закурил предложенную ему непривычно тонкую черную сигару из коробки, оставленной отсутствующим хозяином.

Потом он заговорил:

— Сегодня на досуге я все обдумал, мадам. Едва ли мне следует возвращаться в Швейцарию. Думаю, лучше попробовать проехать в Испанию.

— Уж очень далекий путь,— возразила мадам Ружерон.

Некоторое время они это обсуждали. Трудности были очевидны: если он и доберется до испанской границы, нет никакой уверенности, что удастся ее перейти.

— Я тоже много думала, но у меня совсем другое на уме,— сказала Николь. И повернулась к матери.— Жан-Анри Гиневек,— сказала она так быстро, что первые два имени слились в одно: Жанри.

— Может быть, Жан-Анри уже уехал, *ma petite*¹,— тихо сказала мать.

— Кто это? — спросил Хоуард.

— Рыбак из селения Леконке,— объяснила Николь.— Это в Финистере. У него очень хорошая лодка. Он большой друг моего отца, мсье.

Они рассказали Хоуарду об этом человеке. У полковника за тридцать лет вошло в обычай каждое лето ездить в Бретань. Для француза это большая редкость. Его привлекал этот суровый скалистый край, домики, сложенные из камня, дикий берег и освежал буйный ветер с Атлантического океана. Морга, Леконке, Брест, Дуарненез, Одьерн, Конкарно — вот его любимые места, он всегда проводил там лето. Он обзавелся для этого подходящей одеждой. Отправляясь в море на рыбацкой лодке, одевался как любой бретонский рыбак: пару-

---

¹ Здесь: детка (фр.).

синовый комбинезон линяло-кирпичного цвета, черная шляпа с широкими отвислыми полями.

— Сначала, когда мы поженились, он и в сабо пробоval ходить,— кротко сказала его жена.— Но натер мозоли, и пришлось от этого отказаться.

Жена и дочь ездили с ним каждый год. Останавливались в каком-нибудь маленьком пансионе и, немножко скучая, гуляли по берегу, пока полковник выходил с рыбаками в море или подолгу сидел с ними в кафе и разговаривал о том о сем.

— Нам бывало не слишком весело,— сказала Николь.— На одно лето мы даже поехали в Пари-пляж, но на следующий год вернулись в Бретань.

За эти годы Николь хорошо узнала рыбаков — приятелей отца.

— Жанри поможет нам вас выручить, мсье Хоуард,— сказала она уверенно.— У него отличная большая лодка, на ней вполне можно переплыть Ла-Манш.

Хоуард серьезно, внимательно слушал. Он знал бретонских рыбаков: когда-то он был адвокатом в Эксестере, и ему случалось вести их дела, когда кто-нибудь из них ловил рыбу в трехмильной запретной зоне. А иногда они заходили в бухту Торбэй укрыться от непогоды. Несмотря на браконьерские грешки, в Девоне охотно их привечали; то были рослые, крепкие люди, и лодки их были тоже большие и крепкие; моряки они отменные и говорят на языке, очень похожем на гэльский, так что жители Уэльса их немного понимают.

Некоторое время Хоуард и женщины обсуждали эту возможность; безусловно, это казалось более надежным, чем любая попытка вернуться домой через Испанию.

— Только очень далекий путь,— сказал он невесело. Это верно: от Шартра до Бреста около двухсот миль.

— Может быть, удастся доехать поездом.

Чем дальше от Парижа, тем лучше, думал он.

Обсудили все возможности. Очевидно, оставаясь в Шартре, не удастся выяснить, где Жан-Анри и что с ним; узнать это можно лишь одним способом — отправиться в Брест.

— Даже если Жанри уехал, там есть и еще люди. Если они узнают, что вы друг моего мужа, кто-нибудь непременно вам поможет.

Мадам Ружерон сказала это очень просто, без тени сомнения. И Николь подтвердила:

— Кто-нибудь непременно поможет.

— Большое вам спасибо за совет, вы очень добры,— сказал наконец старик.— Только дайте мне несколько адресов... и я завтра же пойду с детьми в Брест...— Он чуть замялся, потом прибавил: — Чем скорее, тем лучше. Немного погодя немцы, пожалуй, станут бдительнее.

— Адреса мы вам дадим,— сказала мадам Ружерон.

Становилось поздно, и вскоре она поднялась и вышла. Через несколько минут дочь вышла следом; Хоуард остался в гостиной, из кухни до него доносились их приглушенные голоса. О чем они говорят, он не мог и не старался расслышать. Он был бесконечно благодарен им за помощь и за ободрение. С тех пор как он расстался с капралом и шофером «лейланда», он сильно пал духом, а теперь в нем опять пробудилась надежда вернуться на родину. Правда, сначала надо пробраться в Бретань. Наверно, это совсем не просто; единственный его документ — английский паспорт, а у детей вовсе нет никаких документов. Если немцы остановят его и станут допрашивать, все пропало, но до сих пор его ни разу не останавливали. Если никто его не заподозрит, быть может, все и обойдется.

Николь вернулась из кухни одна.

— Мама пошла спать,— сказала она.— Она встает очень рано. Она желает вам доброй ночи.

Он вежливо сказал что-то подобающее случаю.

— Пожалуй, и мне лучше лечь,— прибавил он.— Последние дни для меня, старика, были довольно утомительны.

— Я понимаю, мсье,— сказала Николь. На минуту запнулась и смущенно dokonчила: — Я говорила с мамой. Мы обе думаем, что мне следует проводить вас до Бретани, мсье Хоуард.

Наступило короткое молчание, старик ничего подобного не ждал.

— Это очень великодушно с вашей стороны,— сказал он не сразу.— Весьма великодушное предложение, мадемуазель. Но, право, я не могу его принять.— Он улыбнулся девушке.— Поймите, у меня могут выйти неприятности с немцами. Мне совсем не хочется и на вас навлечь беду.

— Я так и думала, что вы это скажете, мсье,— возразила Николь.— Но, поверьте, мы с мамой все об-

судили, и я поеду с вами, так будет лучше. Это уже решено.

— Не спорю, вы мне оказали бы неоценимую помощь, мадемуазель,— сказал Хоуард.— Но такие вещи нельзя решать наспех. Тут надо серьезно подумать, давайте отложим до утра: утро вечера мудренее.

Смеркалось. В полутемной комнате ему почудилось — у Николь влажно блестят глаза и она как-то странно мигает. Наконец она сказала:

— Пожалуйста, не отказывайтесь, мсье Хоуард. Я так хочу вам помочь.

Старик был тронут.

— Я думаю только о вашей безопасности, мадемуазель,— мягко сказал он.— Вы уже и так очень много для меня сделали. Чего ради утруждать себя еще больше?

— Ради нашей старой дружбы,— сказала она.

Он сделал последнюю попытку ее отговорить:

— Я высоко ценю вашу дружбу, мадемуазель, но... в конце концов, мы были всего лишь знакомы как соседи по гостинице. Вы и так сделали для меня много больше, чем я смел надеяться.

— Как видно, вы не знали, мсье. Мы с вашим сыном... с Джоном... мы были большие друзья.

Наступило неловкое молчание. Николь отвернулась.

— Итак, решено,— сказала она.— И мама вполне со мной согласна. А теперь, мсье, я вас провожу в вашу комнату.

Она прошла с ним по коридору и показала отведенную ему комнату. Здесь уже побывала ее мать и положила на постель длинную полотняную рубашку, ночное одеяние полковника. На туалетном столике она оставила опасную бритву, ремень, тюбик с остатками крема для бритья и флакон одеколона под названием «Fleurs des Alpes»¹.

Девушка осмотрелась.

— Кажется, тут есть все, что вам может понадобиться,— сказала она.— Если мы что-нибудь упустили, позовите меня, я здесь рядом. Позовете?

— Мне здесь будет как нельзя лучше, мадемуазель,— заверил Хоуард.

— Утром не торопитесь,— продолжала Николь.— Надо еще подготовиться в дорогу, и нужно кое-что

---

¹ «Альпийские цветы» (фр.).

разузнать... потихоньку, понимаете. Мы с этим справимся лучше, мама и я. А вы полежите подольше в постели и отдохните.

— Да, но дети... — возразил Хоуард. — Я должен за ними присмотреть.

— Разве в Англии, когда в доме две женщины, за детьми смотрят мужчины? — с улыбкой спросила Николь.

— Гм... да, но... я не хотел бы обременять вас этими заботами.

Она снова улыбнулась.

— Полежите подольше в постели, — повторила она. — Часам к восьми я принесу вам кофе.

Она вышла и затворила за собой дверь; несколько минут Хоуард задумчиво смотрел ей вслед. Престранная молодая особа, думал он. Просто невозможно ее понять. По Сидотону он помнил юную лыжницу, крепкую, очень застенчивую и сдержанную, как почти все молодые француженки из средних слоев. Ему особенно запомнилось, как странно противоречила ее наружности — изящной головке с коротко стриженными, тщательно завитыми волосами, тонким выщипанным бровям, наманикюренным пальчикам — устаревшая быстрота, с какою она летела на лыжах вниз по самым крутым горным склонам. Джон, и сам первоклассный лыжник, говорил отцу, что ему стоило немалого труда держаться впереди нее. Она легко брала препятствия, которые он старался обойти, и ни разу не упала и не расшиблась. Но дорогу разбирала неважно и подчас отставала на ровном месте, где Джон уносился далеко вперед.

Вот, в сущности, и все, что старик сумел припомнить о Николь Ружерон. Он отвел глаза от двери и стал раздеваться. По-видимому, она очень изменилась, эта девушка. Так мило и так неожиданно, со странной французской пылкостью сказала она, что они с Джоном были большие друзья; очень славная девушка. Обе — и мать и дочь — бесконечно добры к нему, а самоотверженная готовность Николь проводить его в Бретань — это уже поистине донкихотство. И отказаться нельзя, попытка отказаться, по-видимому, сильно ее огорчила. Не станет он больше отказываться; притом с ее помощью он, пожалуй, и правда сумеет вывезти детей в Англию.

Он натянул длинную ночную рубашку и лег; после

двух ночей, проведенных на сеновалах, такое наслаждение — мягкий матрас и гладкие простыни. С самого отъезда из Сидотона он ни разу не спал по-человечески, в постели.

Да, она сильно изменилась, эта Николь. Ее короткие кудри все так же уложены по моде, и выщипаны брови, и ногти безупречно отделаны. Но весь облик иной. Она словно стала лет на десять старше; под глазами легли темные тени, под стать черному шарфу на шее. И вдруг подумалось — а ведь она напоминает молодую вдову. Она не замужем, совсем юная девушка, и все-таки отчего-то похожа на молодую вдову. Быть может, на войне погиб ее fiancé¹? Надо будет осторожно спросить у матери; если знать правду, он сумеет избежать в разговоре всего, что может причинить ей боль.

Да, очень странная девушка. Никак ее не поймешь... Но наконец усталое тело расслабилось, мысль работала все медленнее, и Хоуард погрузился в сон.

Он проспал всю ночь напролет — небывалый случай для человека его возраста. Он еще спал, когда около четверти девятого утра Николь принесла на подносе булочки и кофе. Он сразу проснулся, сел в постели и поблагодарил ее.

Она была совсем одета. Позади нее в коридоре, заглядывая в дверь, толпились дети, одетые и умытые. Пьер вышел немножко вперед.

— Доброе утро, Пьер, — серьезно сказал старик.

Мальчик прижал руку к животу и отвесил низкий поклон.

— Bonjour, мсье Хоуард.

Николь расхохоталась и погладила Пьера по голове.

— Он bien élevé², этот малыш. Не то что другие ваши питомцы.

— Надеюсь, они не слишком вас беспокоили, мадемуазель? — встревожился старик.

— Дети никогда не доставят мне беспокойства, мсье, — был ответ.

Престранная молодая особа и престранно выражается, снова подумал Хоуард.

Николь сказала, что мать уже пошла в город за покупками и наведет кое-какие справки. Примерно

---

¹ Жених (фр.).

² Хорошо воспитан (фр.).

через полчаса она вернется, и тогда они составят план действий.

Затем Николь принесла ему отцовский серый костюм, довольно жалкий и потрепанный, пару старых коричневых парусиновых туфель, ужасную лиловую рубашку, пожелтевший от времени целлулоидный воротничок и безобразный галстук.

— Все это не слишком элегантно,— сказала она извиняясь.— Но вам лучше одеться так, мсье Хоуард, в этом вы будете выглядеть как самый заурядный обыватель. А о своем костюме не беспокойтесь, мы его сбережем. Мама положит его в кедровый сундук вместе с одеялами, и моль его не тронет.

Спустя три четверти часа Хоуард, совсем готовый и одетый, вошел в гостиную, и Николь придирчиво его оглядела.

— Напрасно вы опять побрились,— сказала она.— Это портит впечатление.

Он извинился за свою оплошность. Потом заметил, что и сама Николь выглядит необычно.

— Вы и сами оделись похуже, чтобы меня проводить, мадемуазель. Это очень великодушно с вашей стороны.

— Мари, служанка, одолжила мне свое платье,— объяснила Николь.

На ней было очень простое черное платье, длинное, ничем не украшенное. Да еще неуклюжие башмаки на низком каблуке и грубые черные чулки.

Вошла мадам Ружерон и поставила на стол в гостиной корзинку.

— В полдень идет поезд на Ренн,— невозможно сказала она.— У guichet¹ стоит немецкий солдат. Там спрашивают, зачем вы едете, но документы не смотрят. И очень все вежливы.— Она чуть помолчала.— Но вот еще новость.— Она достала из кармана сложенную листовку.— Сегодня утром немецкий солдат оставил это у консьержки. По такой вот бумажке на каждую квартиру.

Листовку разложили на столе. Она была отпечатана по-французски и гласила:

«Граждане республики!

Вероломные англичане, которые навязали нам эту войну, обращены в беспорядочное бегство и изгнаны

¹ Выхода на перрон (фр.).

из нашей страны. Настало время подняться и истребить этих толстосумов, подстрекателей войны, где бы они ни скрывались, иначе они ввергнут Францию в новые бедствия.

Эти негодяи рыщут по стране и скрываются в наших домах, точно мерзкие паразиты; они готовят акты саботажа и шпионажа и сеют раздор между нами и немцами, которые заботятся только о том, чтобы установить мирный режим в нашей стране. Если действиям этих тайных агентов и гнусных шпионов не воспрепятствовать, немцы задержат наших отцов, наших мужей и сыновей в длительном плену. Помогите вернуть наших мужчин, искореняйте эту заразу!

Если вам известен скрывающийся англичанин, ваш долг сообщить о нем жандармам или первому же германскому солдату. Это очень просто, так может поступить каждый, кто хочет принести мир и свободу нашему возлюбленному отечеству.

Всякого, кто укрывает этих негодяев, ждет суровая кара.

Да здравствует Франция!»

Хоуард дважды спокойно прочитал листовку. Потом сказал:

— Видно, и я один из этих негодяев, мадам. Если так, я полагаю, лучше мне уйти одному с детьми.

Об этом нечего и думать, сказала она. И потом, Николь ни за что не согласится.

— Ну еще бы,— сказала девушка.— Все складывается так, что вам просто невозможно ехать одному. Вы далеко не уйдете, немцы быстро догадаются, что вы не француз, хоть вы и переоделись.— Она с отвращением скомкала листовку.— Это сочиняли немцы. Не думайте, мсье Хоуард, французы так не говорят.

— Это очень близко к истине,— сказал он горько.

— Это гнусная ложь! — возразила Николь и вышла из комнаты.

Старик, пользуясь удобным случаем, обратился к матери:

— Ваша дочь сильно изменилась с тех пор, как мы были в Сидотоне, мадам.

Та подняла на него глаза.

— Она много выстрадала, мсье.

— Мне крайне прискорбно это слышать,— сказал Хоуард.— Может быть, вы мне что-то объясните...

тогда я постараюсь избежать в разговоре всего, что могло бы ее огорчить.

Мадам Ружерон изумленно посмотрела на него:

— Так вы ничего не знаете?

— Как же я мог узнать что-либо о горе вашей дочери, мадам? — спросил он мягко. — Вероятно, это случилось уже после нашей встречи в Сидотоне.

С минуту женщина колебалась. Потом сказала:

— Она любила одного молодого человека. Но все тогда было еще очень неопределенно, и теперь она со мной об этом не говорит.

— Молодежь вся одинакова, — негромко сказал Хоуард. — Мой сын был такой же. Этот молодой человек, вероятно, попал в плен к немцам?

— Нет, мсье. Он погиб.

Быстро вошла Николь с фибровым чемоданчиком в руках.

— Это мы положим в вашу коляску, мсье, — сказала она. — Ну, вот, я готова.

Больше некогда было разговаривать с мадам Ружерон, но Хоуард понимал — главное ясно; в сущности, именно этого он и ожидал. Тяжелый удар для бедняжки, очень тяжелый; пожалуй, их путешествие, хоть и небезопасное, отчасти пойдет ей на пользу. Немного отвлечет мысли, а тем самым приглушит боль.

Пора было двинуться в путь, поднялась суета. Все гурьбой спустились по лестнице; многочисленные свертки с провизией, которые приготовила мадам Ружерон, уложили в коляску. Дети толпились вокруг и мешали.

— Мы пойдем туда, где танки, мистер Хоуард? — спросил Ронни по-английски. — Вы говорили, мне можно будет покататься с немцами.

— Это в другой раз, — по-французски сказал Хоуард. — Пока с нами мадемуазель Ружерон, старайся говорить по-французски, Ронни; не очень любезно разговаривать так, чтобы другие люди не могли понять.

— Правда, правда, мсье! — поддержала Роза. — Я сколько раз говорила Ронни, это невежливо — говорить по-английски.

— Очень неглупо, — тихо сказала дочери мадам Ружерон.

Девушка кивнула.

— Я не говорю по-английски, мсье, — вдруг сказал Пьер.

— Да, Пьер, ты очень вежливый мальчик,— сказал Хоуард.

— А Виллем тоже вежливый? — спросила Шейла, она говорила по-французски.

— Вы все вежливые, *vous êtes tous très bien élevés*¹, — сказала Николь. — Ну, вот мы и готовы. — Она обернулась и поцеловала мать. — Не волнуйся, — ласково попросила она. — Через пять дней... ну, может быть, через неделю я опять буду дома. Ради меня, мама, не горюй.

Мать бросило в дрожь, казалось, она разом постарела.

— *Prenez bien garde*², — в ее голосе слышались слезы. — Эти немцы такие злые и жестокие.

— Успокойся, — мягко сказала Николь. — Ничего со мной не случится. — И повернулась к старику. — *En route donc, Monsieur*³ Хоуард. Пора.

Они двинулись по улице; Хоуард катил нагруженную коляску, а Николь присматривала за детьми. Она достала для старика довольно потрепанную черную шляпу, которая в сочетании с его серым костюмом и коричневыми туфлями придавала ему вид настоящего француза. Из-за детей шли медленно; девушка шагала рядом с ним, кутаясь в шаль. Вскоре она сказала:

— Дайте я повезу коляску, мсье. Это больше подходит для женщины — так принято у простых людей, а нас сейчас судят по одежде.

Он уступил ей коляску: нельзя выходить из роли.

— Когда придем на вокзал, не говорите ни слова, — продолжала Николь, — говорить буду только я. Сумеете вы держаться так, будто вам гораздо больше лет? Будто вам даже говорить трудно?

— Постараюсь изо всех сил, — сказал Хоуард. — Видно, вы хотите сделать из меня совсем дряхлого старца.

Она кивнула.

— Мы идем из Арраса, — сказала она. — Вы мой дядя, понимаете? Наш дом в Аррасе разбомбили англичане. У вас есть брат, другой мой дядя, он живет в Ландерно.

— Ландерно, — повторил Хоуард. — Где это, мадемуазель?

---

¹ Очень воспитанные (фр.).

² Будьте осторожны (фр.).

³ Итак, в путь, мсье (фр.).

— Это местечко не доходя двадцати километров до Бреста, мсье. Если удастся доехать туда, то к побережью можно дойти и пешком. От Ландерно до моря сорок километров. Я думаю, если не удастся проехать прямо на побережье, в Ландерно нас пропустят.

Они уже подходили к вокзалу.

— Оставайтесь тут с детьми,— тихо сказала Николь.— Если кто-нибудь о чем-нибудь спросит, прикидывайтесь совершенным тупицей.

Перед вокзалом все забито было немецкими грузовиками; всюду толпились немецкие офицеры и солдаты. Очевидно, только что прибыла поездом большая воинская часть; да еще в вокзале полно было беженцев. Николь с коляской протискалась в зал к кассам, Хоуард и дети шли следом. Старик, помня о своей роли, еле волочил ноги; рот его приоткрылся, голова тряслась. Николь искоса глянула на него.

— Вот так хорошо,— одобрила она.— Только осторожно, не сбейтесь.

Она оставила возле него коляску и стала проталкиваться к кассе. Немецкий фельдфебель в серо-зеленой форме, подтянутый, молодцеватый, остановил ее и о чем-то спросил. Хоуард, понутив голову и полузакрыв глаза, из-за чужих спин следил, как она пустилась в длинные, по-крестьянски многословные объяснения. Вот она показала в их сторону. Фельдфебель взглянул на них, жалких, безобидных, на их убогие пожитки в дряхлой детской коляске. Потом оборвал ее словоизлияния и махнул в сторону кассы. Его внимания уже требовала другая женщина.

Николь вернулась к Хоуарду и детям с билетами в руках.

— Только до Ренна,— сказала она грубым крестьянским говором.— Дальше этот поезд не идет.

— А? — отозвался старик, приподняв трясущуюся голову.

Девушка прокричала ему в ухо:

— Только до Ренна!

— Ни к чему нам в Ренн,— невнятно промямлил он.

Она досадливо махнула рукой и подтолкнула его к барьеру. Рядом с контролером стоял немецкий солдат; Хоуард запнулся и в старческой растерянности обернулся к девушке. Она сказала что-то резкое и протолкнула его вперед. Потом стала извиняться перед контролером.

— Это мой дядя,— сказала она.— Славный старичок, только мне с ним хлопот побольше, чем со всеми ребятами.

— На Ренн направо,— сказал контролер и пропустил их. Немец смотрел равнодушно: еще одна орава беженцев, все они одинаковы. И так, они прошли на платформу и забрались в старый-престарый вагон с жесткими деревянными скамьями.

— Вот в этом поезде мы будем спать; мсье Хоуард? — спросил Ронни. Все же он говорил по-французски.

— Не сегодня,— ответил Хоуард.— В этом поезде нам ехать не очень долго.

Но он ошибся.

От Шартра до Ренна около двухсот шестидесяти километров, а ушло на них шесть часов. В этот жаркий летний день поезд останавливался на каждой станции, а нередко и между станциями. Почти весь состав занимали германские солдаты, направляющиеся на запад; только три вагона в хвосте оставлены были для пассажиров-французов, в одном из этих вагонов и ехали Хоуард со спутниками. Иногда к ним в купе садились еще люди, но через две-три станции выходили, никто не проделал с ними всю дорогу с начала до конца.

Это было томительное путешествие, отравленное страхами и необходимостью притворяться. Когда с ними в купе оказывались посторонние, старик впадал в дряхлость, а Николь опять и опять повторяла ту же басню: они едут в Ландерню из Арраса, дом разрушили англичане. Поначалу ей было нелегко из-за детей, вовсе не склонных ее поддерживать, они-то знали, что все это ложь. Каждый раз, когда Николь повторяла свой рассказ, а Хоуард понимал, что все висит на волоске, обоим приходилось помнить о слушателе и в то же время зорко следить за детьми, не дать им вмешаться и все погубить. Наконец детям надоело слушать; они принялись бегать взад и вперед по коридору, разыгрывали все ту же считалку, подражая крикам животных, или глядели в окно. Впрочем, крестьянам и мелким лавочникам, попутчикам Хоуарда, тоже не терпелось поговорить, поведать о собственных горестях, и потому им было не до подозрений.

Наконец-то, когда жестокая жара начала спадать, прибыли в Ренн. Поезд остановился, и все вышли; немец-

ких солдат выстроили на платформе в две шеренги и повели прочь, только рабочая команда осталась укладывать хозяйственное снаряжение на грузовик.

Возле контролера стоял немецкий офицер. Хоуард прикинулся совсем дряхлым старикашкой, а Николь пошла прямо к контролеру узнать про поезд на Ландерно.

Из-под опущенных век Хоуард следил за нею, дети толпились вокруг, беспокойные, чумазные, усталые с дороги. Он ждал, терзаясь опасениями: вот-вот офицер потребует документы. Тогда все пропало. Но в конце концов немец дал ей какую-то карточку, пожал плечами и отпустил ее.

Она вернулась к Хоуарду.

— Матерь божья! — сердито и довольно громко сказала она. — Где же коляска? Неужто я одна должна обо всем заботиться?

Коляска была еще в багажном вагоне. Старик поплелся туда, но она оттолкнула его, вошла в вагон и сама выкатила коляску. Потом повела свое бестолковое маленькое стадо к выходу.

— У меня тут не пятеро ребят, а целых шестеро, — горько пожаловалась она контролеру.

Тот засмеялся, чуть улыбнулся и немецкий офицер. Итак, они вступили в город Ренн.

На ходу Николь тихо спросила:

— Вы не сердитесь, мсье Хоуард? Мне лучше притворяться грубой. Так все выглядит естественнее.

— Моя дорогая, вы были великолепны, — ответил старик.

— Что ж, мы проделали полдороги и не вызвали подозрений, — продолжала Николь. — Завтра в восемь утра идет поезд на Брест. Мы доедем им до самого Ландерно.

Она пояснила, что немецкий офицер дал разрешение на проезд. И показала бумагу, которую он ей дал.

— Сегодня надо будет переночевать на пункте для беженцев, — сказала она. — По этому пропуску нас там примут. Лучше нам пойти туда, мсье. Так все делают.

Хоуард согласился.

— А где это? — спросил он.

— В Cinema du Monde ¹, — ответила Николь. — Первый раз в жизни буду спать в кино.

---

¹ Кинотеатр «Мир» (фр.).

— Я очень огорчен, что своими злоключениями довел вас до этого, мадемуазель,— сказал старик.

— Ne vous en faites pas ¹,— улыбнулась Николь.— Может быть, когда хозяйничают немцы, там будет чисто. Мы, французы, не умеем так наводить порядок.

Они предъявили у входа пропуск, вкатили в зал кинотеатра коляску и огляделись. Все стулья были убраны, вдоль стен уложены груды тюфяков, набитых старой соломой. Народу было немного: немцы все строже ограничивали возможность передвижения, и поток беженцев стал гораздо меньше. Старая француженка выдала всем по тюфяку и одеялу и показала угол, где они могли пристроиться особняком от остальных.

— Малышам тут спокойней будет спать,— сказала она.

У стола в конце зала бесплатно давали суп; его разливал все с той же натянутой улыбкой казенного добродушия повар-немец.

Час спустя детей уложили. Хоуард не решился их оставить, сел рядом и прислонился спиной к стене; он смертельно устал, но еще не в силах был уснуть. Николь вышла и вскоре вернулась с пачкой солдатских сигарет.

— Возьмите,— сказала она.— Я знаю, вы курите хорошие, дорогие, только побоялась взять, это было бы неосторожно.

Он был не такой уж ярый курильщик, но, тронутый ее вниманием, с благодарностью взял сигарету. Николь налила ему в кружку немного коньяку, добавила воды из-под крана; это питье освежило его, а сигарета успокоила. Николь подошла, села рядом, прислонилась к стене.

Вполголоса потолковали о своей поездке, о планах на завтра. Потом, опасаясь, как бы их не подслушали, Хоуард переменял разговор и спросил Николь об отце.

Сверх того, что он уже знал, она не так много могла рассказать. Ее отец был комендантом форта на линии Мажино, под Метцем; с мая о нем не было никаких вестей.

— Мне очень, очень жаль, мадемуазель,— сказал старик и, помолчав, прибавил: — Мне тоже знакома

---

¹ Не волнуйтесь, пусть это вас не беспокоит (фр.).

эта тревога... очень знакома. Она надолго омрачает все дальнейшее.

— Да,— тихо сказала Николь.— День за днем ждешь, ждешь. А потом приходит письмо или телеграмма, и страшно вскрыть и увидеть, что там.— Она помолчала минуту.— И наконец вскрываешь...

Хоуард кивнул. Он отлично ее понимал, ведь и он прошел через это испытание. Вот так же и он ждал, ждал, когда Джон пропал без вести. Ждал три дня; а потом пришла телеграмма. Конечно же, и Николь пережила те же муки, ведь ее мать об этом сказала. Бедная, бедная девушка.

И вдруг, бог весть отчего, ему захотелось поговорить с ней о Джоне. После гибели сына он ни с кем не мог о нем говорить. Он не хотел жалости, избегал сочувствия чужих людей. Но эта девушка знала Джона. Они вместе ходили на лыжах, были даже друзьями, так она сказала.

Он выпустил длинную струю табачного дыма.

— Я, знаете, потерял сына,— с трудом сказал он, глядя прямо перед собой.— Он погиб в полете... он служил в нашей авиации, командовал эскадрильей. Возвращался из боевого полета, и его бомбардировщик сбили три «мессершмита». Над Гельголандом.

Наступило молчание.

Николь повернулась к старику.

— Я знаю,— мягко сказала она.— Мне написали из эскадрильи.

8

Зал кинотеатра заполнился примерно наполовину, люди ходили взад и вперед, расстилали на ночь соломенные тюфяки. В воздухе стоял дым и чад от плиты, поставленной в конце зала, и от французских сигарет; в тусклом свете дым казался плотным, тяжелым.

Хоуард посмотрел на девушку.

— Вы так хорошо были знакомы с моим сыном, мадемуазель? Я этого не знал.

Теперь и в ней пробудилось властное желание выговориться.

— Мы переписывались,— сказала она и продолжала торопливо: — После Сидотона мы писали друг

другу почти каждую неделю. И один раз встретились — в Париже, перед самой войной. В июне.— Чуть помолчала и прибавила очень тихо: — Год назад, сегодня почти год.

— Моя дорогая, я понятия не имел... — сказал старик.

— Да,— сказала Николь,— я тоже ничего не говорила родителям.

Оба замолчали. Хоуард пытался собраться с мыслями, надо было на все взглянуть по-новому.

— Вы говорите, вам написали из эскадрильи,— сказал он наконец.— Как же они узнали ваш адрес?

Она пожала плечами.

— Наверно, Джон так распорядился,— сказала она.— Он был очень добрый, мсье, очень-очень добрый. И мы были большими друзьями...

— Должно быть, меня вы считали совсем другим, мадемуазель,— тихо сказал Хоуард.— Очень черствым. Но, поверьте, я об этом понятия не имел. Я ничего не знал.

Она не ответила. Немного помолчав, старик спросил:

— Можно задать вам один вопрос?

— Ну конечно, мсье Хоуард.

Он смущенно отвел глаза и, глядя в одну точку, спросил:

— Ваша матушка сказала мне, что у вас горе. Что был один молодой человек... и он погиб. Конечно, это был кто-то другой?

— Никого другого не было,— тихо сказала Николь.— Никого, только Джон.

Она тряхнула головой и выпрямилась.

— Вот что, надо разложить тюфяк, а то не останется места у стены.

Поднялась, чуть отодвинула его и начала стаскивать верхний из кипы мешков с соломой. Хоуард, вконец растерянный, нерешительно стал помогать, и минут пятнадцать они готовили для себя постели.

— Ну вот,— сказала наконец Николь, отступила и оглядела плоды их трудов.— Лучше уже не получится.— И нерешительно посмотрела на старика.— Вы сможете на этом уснуть, мсье Хоуард?

— Конечно, моя дорогая.

Она коротко засмеялась.

— Тогда попробуем.

Он стоял над двумя тюфяками с одеялом в руке и смотрел на нее.

— Могу я задать вам еще один вопрос?

Николь посмотрела ему прямо в глаза.

— Да, мсье.

— Вы были очень добры ко мне, — тихо сказал Хоуард. — Мне кажется, теперь я понимаю. Это ради Джона?

Долгое молчание. Девушка застыла, глядя куда-то вдаль.

— Нет, — наконец сказала она. — Это ради детей.

Он не совсем понял, о чем она, и промолчал.

— Теряешь веру, — тихо сказала Николь. — Думаешь, что все — ложь, все плохо.

Хоуард посмотрел с недоумением.

— Я никак не думала, что кто-то может быть таким же добрым и смелым, как Джон, — сказала она. — Но я ошибалась, мсье. Есть и еще такой человек. Его отец.

Она отвернулась.

— Итак, надо спать.

Теперь она говорила деловито, почти холодно; старику показалось, она воздвигает между ними преграду. Он не обиделся, он понял, откуда эта резкость. Она не хочет, чтобы он еще о чем-то спрашивал. Не хочет больше говорить.

Он лег на тюфяк, поправил жесткую соломенную подушку и завернулся в одеяло. Девушка устроилась на своей постели по другую сторону от спящих детей.

Хоуард лежал без сна, мысли обгоняли друг друга. Что-то было между этой девушкой и Джоном; пожалуй, он и прежде смутно об этом догадывался, но догадка не всплывала на поверхность сознания. А теперь вспоминалось: пока он был в доме Ружеронов, то и дело проскальзывали какие-то намеки. Так неожиданно повторила она обычное присловье Джона о коктейле, вдруг сказала по-английски «глотнуть горячительного полезно», — теперь он припомнил, как от этих ее слов что-то больно дрогнуло внутри, и все же он не понял...

Так насколько же тесной была эта дружба? Они часто переписывались и даже встретились в Париже перед самой войной. Прежде он об этом не подозревал. Но сейчас, мысленно перебирая прошлое, вспомнил — тогда, в июне, два раза подряд мальчик не навещал его в субботу и воскресенье; он-то думал,

что обязанности командира эскадрильи помешали сыну повидаться с ним или хотя бы позвонить. Может быть, тогда Джон и ездил в Париж? Да, наверно, так.

Его мысли вернулись к Николь. Еще недавно она ему казалась престранной молодой особой; теперь о ней думалось по-иному. Он смутно начал понимать, как непросто ее положение из-за Джона и из-за него, Хоуарда. Матери она, видно, очень мало рассказала о Джоне; она затаила свое горе и молчала, ничем его не выдавая. И вдруг, неожиданно-негаданно, в дверь стучится отец Джона. К ее тайному горю он прибавил еще и смятение.

Старик опять беспокойно повернулся на своей постели. Надо оставить ее в покое, пусть говорит, если захочет, а если нет — пускай хранит молчание. Если ей не докучать, может быть, со временем она и откроется ему. Ведь она сама пожелала сказать ему о Джоне.

Долгие часы старик лежал без сна, опять и опять все это обдумывая. Потом наконец уснул.

Среди ночи его разбудили рыдания. Он открыл глаза; плакал кто-то из детей. Хоуард сел на постели, но Николь опередила его; пока он окончательно проснулся, она уже подошла и опустилась на колени подле мальчугана, сидящего на тюфяке; Хоуард увидел страдальческое лицо ребенка, красное и мокрое от слез.

Это был Виллем, он рыдал так, словно сердце его вот-вот разорвется. Девушка обняла его и тихонько стала говорить по-французски что-то ласковое, совсем как младенцу. Старик выпутался из одеяла, с трудом поднялся и подошел к ним.

— Что такое? — спросил он. — Что случилось?

— Я думаю, просто ему приснился страшный сон, — сказала девушка. — Сейчас он опять уснет.

И снова принялась утешать мальчика.

Никогда еще Хоуард не чувствовал себя таким беспомощным. Он привык разговаривать и обращаться с детьми как с равными. Но это невозможно, когда не знаешь языка, а он не знал ни единого слова, которое мог бы понять маленький голландец. Предоставленный самому себе, он, пожалуй, взял бы малыша на руки и заговорил с ним, как мужчина с женщиной; но никогда он не сумел бы успокоить ребенка так, как успокаивала эта девушка.

Он тяжело опустился возле них на колени.

— А вы не думаете, что мальчик нездоров?— спросил он.— Может быть, он съел что-нибудь такое, что ему повредило?

Николь покачала головой; рыдания уже стихали.

— Не думаю,— сказала она чуть слышно.— Пройшей ночью он тоже два раза начинал плакать. Я думаю, это дурные сны. Просто дурные сны.

Мысли старика перенеслись к мерзкому городишке Питивье; не удивительно, что ребенка преследуют дурные сны.

Он наморщил лоб.

— Вы говорите, прошлой ночью он тоже два раза плакал, мадемуазель. Я не знал.

— Вы устали и спали очень крепко,— сказала Николь.— Да и ваша дверь была закрыта. Я подходила к нему, но каждый раз он очень быстро опять засыпал.— Она наклонилась к мальчику.— Он и сейчас уже почти заснул,— тихонько закончила она.

Долгое, долгое молчание. Старик осмотрелся: покатый пол длинного зала тускло освещала единственная синяя лампочка над дверью. Тут и там скорчились на соломенных тюфяках неясные фигуры спящих; двое или трое храпом нарушали тишину; было душно и жарко. Оттого, что Хоуард спал одетый, кожа казалась липкой и нечистой. Былая жизнь на родине, легкая, приятная, бесконечно далека. А подлинная его жизнь — вот она. В бывшем кинотеатре с немецким часовым у двери ночует на соломе беженец, его спутница — молодая француженка и на руках орава чужих детей. И он устал, устал, смертельно устал.

Девушка подняла голову. Сказала едва слышно:

— Малыш почти уже спит. Еще минута-другая — и я его уложу.— И, помолчав, прибавила: — Ложитесь, мсье Хоуард. Я скоро.

Он покачал головой и остался, глядя на нее. Скоро Виллем уже крепко спал; Николь осторожно опустила его на подушку и укрыла одеялом. Потом поднялась.

— Ну вот,— прошептала она,— до следующего раза можно еще поспать.

— Спокойной ночи, Николь,— сказал Хоуард.

— Спокойной ночи. Если он опять проснется, не вставайте. Он теперь успокаивается быстро.

До утра оставалось еще часа три, Хоуард больше не просыпался. Около шести в зале все пришло в движение; надежды снова уснуть не было. Хоуард поднял-

ся и, как мог, оправил одежду; он чувствовал, что грязен и небрит.

Николь подняла детей и вместе с Хоуардом помогла им одеться. Она тоже чувствовала себя грязной и растрепанной, вьющиеся волосы спутались, болела голова. Она бы дорого дала, лишь бы принять ванну. Но здесь не было ванной, даже умыться было негде.

— Мне здесь не нравится, — сказал Ронни. — Можно нам завтра спать на ферме?

— Он думает — сегодня, мсье, — пояснила Роза. — Этот Ронни говорит много глупостей.

— Я еще не знаю, где мы будем сегодня ночевать, — сказал Хоуард. — Придет время — увидим.

Шейла передернула плечами в своем платишке:

— У меня все чешется!

С этим ничего нельзя было поделать. Чтобы отвлечь девочку, Хоуард повел ее и остальных детей в конец зала, там немец-повар разливал по кружкам кофе. К кофе полагалось по большому, но неаппетитному куску хлеба. Хоуард оставил детей у дощатого стола на козлах и пошел за хлебом и кофе.

Когда он принес все это к столу, подошла Николь, и они все вместе позавтракали. Хлеб был черствый, безвкусный, а кофе — едко горький, едва забеленный молоком. Детям все это не нравилось, и они ныли; понадобился весь такт старика и девушки, чтобы не дать им раскапризничаться и привлечь внимание повара. От припасов, которые Хоуард купил на дорогу, выходя из Жуаньи, осталось немного шоколада; он разделил остатки между детьми и тем несколько скрасил их завтрак.

Потом они вышли из кинотеатра и, толкая перед собой коляску, двинулись к вокзалу. Город был полон немцев: немцы маршировали по улицам, немцы катили на грузовиках, немцы слонялись подле домов, куда их определили на постой, немцы толпились в магазинах. Хоуард пробовал в нескольких лавках купить шоколаду для детей, но солдаты дочиста опустошили кондитерские, в городе не осталось никаких сладостей. Хоуард с Николь купили про запас два длинных батона и какую-то бурую, сомнительного происхождения колбасу. Фруктов нигде не было, но удалось купить немного салата.

На вокзале они отдали немецкому офицеру свой пропуск и без осложнений миновали контроль. Коляс-

ку поместили в багажный вагон поезда, идущего на Брест, и забрались в вагон третьего класса.

Только когда поезд далеко отошел от станции, Хоуард обнаружил, что Роза нянчит очень грязного белого с черными пятнами котенка.

Сначала Николь хотела обойтись с девочкой сурово.

— Нам не нужен котенок,— сказала она.— Нам совершенно не нужен ни этот кот и никакой другой. Оставишь его на следующей станции.

У девочки поползли книзу уголки губ, и она крепче прижала к себе котенка.

— Я не стал бы этого делать,— сказал Хоуард.— Он заблудится.

— Она заблудится, мистер Хоуард,— поправил Ронни.— Роза говорит, этот котенок — кошка. Роза, а почему ты знаешь, что это кошка?

— Но котенок чужой, мсье Хоуард,— возразила Николь.— Это ведь не наш котенок.

— Теперь он наш,— невозмутимо сказал старик.

Она уже открыла рот, готовая ответить резкостью, но передумала и смолчала.

— Котенок совсем крошечный, мадемуазель,— сказал Хоуард.— Он не прибавит нам хлопот, а детям доставит большое удовольствие.

Это была чистая правда. Дети тесной гурьбой окружили котенка, а он сидел на коленях у Розы и умывал мордочку. Виллем, сияя улыбкой, обернулся к Николь и проговорил что-то непонятное. И опять как замороженный устался на котенка.

— Воля ваша,— покорно сказала Николь.— В Англии тоже вот так подбирают и увозят чужих кошек, да?

Хоуард улыбнулся.

— Нет, мадемуазель. В Англии так поступают только такие личности, которые ночуют в кино на соломенных тюфяках. Люди самого последнего сорта.

Она рассмеялась:

— Воры и бродяги. Вот это верно.— И обернулась к Розе.— Как ее зовут?

— Жожо,— сказала девочка.

Дети теснились вокруг, называли котенка новым именем и добивались ответа. А котенок сидел и невозмутимо умывал мордочку крошечной лапкой. Николь с минуту смотрела на него. Потом сказала:

— Он совсем как львы в Венсенском зоопарке. Они тоже так умываются.

Хоуард никогда не бывал в парижском зоопарке.

— Там много львов и тигров? — спросил он.

Николь пожала плечами.

— Есть несколько. Не знаю сколько, я там была только один раз. — И посмотрела на Хоуарда, к его удивлению, глаза ее смеялись. — Я пошла туда с Джоном, — сказала она. — Естественно, где уж тут было запомнить, сколько в зоопарке львов и тигров.

Старик был изумлен; потом чуть усмехнулся про себя.

— Естественно, — повторил он сухо. — Но разве вы никогда не бывали там в детстве?

Она покачала головой.

— Понимаете, в такие места ходишь только тогда, когда показываешь Париж кому-нибудь из друзей. Джон тогда приехал потому, что хотел посмотреть Париж, он никогда прежде там не был. И я обещала показать ему Париж. Вот как это было.

Хоуард кивнул.

— И понравился ему зоопарк?

— Это был очень счастливый день, — сказала Николь. — Это был французский день. — Она застенчиво взглянула на старика. — Понимаете, мы затеяли такую игру: один день говорить только по-французски, а на другой день только по-английски. В английский день мы не очень-то много разговаривали, — сказала она, отдаваясь воспоминанию. — Это было слишком трудно; мы всегда говорили, что английский день кончается после чая...

— Разве Джон хорошо говорил по-французски? — не без удивления спросил Хоуард, очень уж это было непохоже на Джона.

Николь от души рассмеялась.

— Нет, совсем нет. Он говорил по-французски очень плохо, очень. Но в тот день, по дороге из Венсенского леса, шофер такси заговорил с Джоном по-английски, ведь в Париже много туристов и некоторые шоферы немного знают английский. И Джон разговаривал с ним по-английски. А у меня была новая летняя шляпа с красными гвоздиками — знаете, не элегантная шляпа, а очень простая, для деревни, с широкими полями. И Джон спросил шофера, как будет по-французски... — она чуть замялась, потом закончила: — Спросил,

как сказать мне, что я очень мило выгляжу. А шофер очень смеялся и сказал ему, и потом Джон уже знал и сам мог мне это говорить. И он дал шоферу двадцать франков.

— Надо полагать, шофер их заслужил, мадемуазель,— сказал Хоуард.

— Джон записал эти слова,— сказала Николь.— И потом, когда он хотел меня насмешить, он доставал записную книжку и читал мне это.

Она отвернулась и стала смотреть в окно, на медленно плывущие мимо поля. Старик не стал продолжать этот разговор, да и что тут скажешь. Он достал сигареты, которые накануне купила ему Николь, и предложил ей, но она отказалась.

— Это не подходит к моей роли,— тихо сказала она.— Я не так одета.

Хоуард понимающе кивнул: во Франции простые женщины не курят на людях. Он закурил и выпустил длинную струю горького дыма. Несмотря на открытое окно, в вагоне стало жарко. Младшие дети, Пьер и Шейла, уже устали и готовы были раскиснуть.

Весь день поезд еле тащился под жарким солнцем. Пассажиров было немного; почти все время Хоуард со своими оставались в купе одни, без посторонних, это было облегчением. Как и накануне, германские солдаты ехали совсем отдельно, в особых вагонах. На каждой станции они высыпали на перроны. В таких городках, как Сен-Бриёк, выход с вокзала охраняли двое немецких солдат; теми, кто сходил на полустанках, немцы, по-видимому, не интересовались. Николь это подметила.

— Вот это хорошо,— сказала она Хоуарду.— Пожалуй, в Ландерно удастся пройти безо всяких расспросов. Ну, а если остановят, мы им расскажем нашу сказочку, она не так плоха.

— А где мы сегодня переночуем, мадемуазель?— спросил старик.— Я всецело в ваших руках.

— Миль за пять к югу от Ландерно есть одна ферма,— сказала Николь,— там жила Мари Гиневек, пока не вышла замуж за Жана-Анри. Я ездила туда с папой на конскую ярмарку, это в Ландерно большой праздник.

— Понимаю. Как зовут хозяина фермы?

Арвер. Аристид Арвер — отец Мари. Понимаете, они люди зажиточные, папа всегда говорил, что Аристид

рачительный хозяин. И потом, он понемногу поставляет лошадей для нашей армии. Один раз на празднике в Ландерно Мари признали королевой красоты. Тогда Жан-Анри с ней и познакомился.

— Наверно, очень хорошенькая была девушка,— заметил Хоуард.

— Прелестная,— подтвердила Николь.— Я тогда была маленькая, с тех пор уже десять лет прошло, даже больше. Но она и сейчас еще красивая.

Поезд все полз под жарким солнцем, часто останавливался и на станциях, и между станциями. Детям дали хлеба с колбасой и понемножку лимонада. Это ненадолго заняло их и развлекло, но им уже надоело ехать и не сиделось на месте.

— Вот бы нам выкупаться,— сказал Ронни.

— Можно нам выкупаться, мсье Хоуард?— эхом откликнулась Шейла.

— Нельзя же купаться в поезде,— сказал старик.— Может быть, попозже. А вы побегайте по коридору, там прохладнее.— И обернулся к Николь.— Они вспомнили, как купались три дня назад... или уже четыре?... Это было как раз перед тем, как мы встретили техников из нашей авиации. Я позволил детям искупаться в речке.

— Вот было весело,— сказал Ронни.— Вода такая прохладная, приятная.

Он повернулся и выбежал с сестрой в коридор, за ними побежал Виллем.

— Англичане отличные пловцы, правда, мсье?— сказала Николь.— Даже малыши только и думают, как бы залезть в воду.

Он никогда не думал о своей родине с этой точки зрения.

— Мы пловцы?— переспросил он.— Вот как мы выглядим?

Николь пожала плечами.

— Я знаю не так уж много англичан,— призналась она.— Но Джону больше всего нравилось, когда мы ходили купаться.

Хоуард задумчиво улыбнулся.

— Джон был очень хороший пловец, и он очень любил плавать.

— Он был ужасный упрямец, мсье Хоуард,— сказала Николь.— Ни за что не хотел вести себя как все, кто приезжает в Париж впервые. Я так старалась, так

готовилась к его приезду... все обдумала, составила план на каждый день. В первый день я хотела повести его в Лувр, но, представьте, ему это было неинтересно. Ни капельки.

Старик опять улыбнулся.

— Да, он был не из тех, кто любит посещать музеи.

— Может быть, в Англии так принято, мсье,— возразила Николь.— Но в Париже надо смотреть то, что Париж может показать. Право, мсье, Джон совсем сбил меня с толку. Я-то собиралась повести его в Лувр и Трокадеро, и для контраста в Musée de l'Homme¹, и в музей Клюни, и еще у меня был целый список, я хотела ему показать выставки нового искусства. А он ничего этого не стал смотреть!

— Мне очень жаль,— сказал Хоуард. Кажется, больше нечего было сказать.— Как же вы проводили время?

— Несколько раз купались в бассейне Молитор в Отейе. Тогда все время была жара, в небе ни облачка. И мне не удалось его затащить ни в один музей, ни в один! Он был очень, очень упрямый.

— Все же, надеюсь, вы приятно провели время,— сказал Хоуард.

— Да, но совсем не так, как я рассчитывала,— улыбнулась Николь.— У меня даже купального костюма не было. Пришлось нам с Джоном пойти и купить костюм. Я никогда прежде ничего такого не делала. Я тогда сказала — хорошо еще, что мы встретились в Париже, а не в Шартре. Понимаете, мсье Хоуард, во Франции это не принято.

— Я знаю,— сказал старик.— Джона не слишком заботили правила приличия. И хороший костюм он вам купил?

— Очень красивый,— улыбнулась она.— Американский, очень элегантный, серебристый с зеленым. Просто прелесть, так приятно было в нем показаться.

— Вот видите,— сказал Хоуард.— А в музей вы не могли бы пойти в таком костюме.

Ошарашенная Николь посмотрела на него круглыми глазами.

— Но ведь... — начала она, потом рассмеялась.—

---

¹ Музей Человека (фр.).

Было бы презабавно.— И опять улыбнулась.— Мсье, вы говорите нелепости, совсем как Джон.

В четыре часа поезд подошел к маленькой станции Ландерно. Они с облегчением вышли из вагона, Николь сняла на платформу всех детей, кроме Ронни, который непременно хотел слезть сам. Вытащили из багажного вагона коляску, уложили в нее остатки провизии и сунули туда же котенка.

У выхода не было охраны, и они прошли в город.

Ландерно — маленький городок, всего шесть или семь тысяч жителей; это сонный уголок на берегу капризной реки, впадающей в Брестскую бухту и потому подвластной приливам и отливам. Городок выстроен из серого камня и лежит на холмистой равнине, по ней там и сям разбросаны рощицы; это напомнило Хоуарду Йоркшир. После жары и духоты вагона воздух был особенно свеж и приятен, слабый солоноватый запах подсказывал, что уже недалеко до моря.

Немцев в городке оказалось немного. Лишь несколько немецких грузовиков виднелось под платанами на площади у реки. Те немцы, которые попадались на глаза, похоже, чувствовали себя не в своей тарелке и старались не привлекать внимания жителей, зная, что люди здесь сочувствуют англичанам. И очень старались держаться повежливей. На улицах солдаты встречались редко — серолицые, усталые, слонялись они по двое, по трое и равнодушно оглядывали чужой город. И вот что поразительно — они, кажется, просто не умели смеяться.

Хоуарда и Николь никто не окликнул, они пересекли весь городок и вышли на проселочную дорогу, ведущую к югу. Из-за детей шли не спеша; старик уже прикипел к их медлительности. Дорога была совсем пустынная, и дети разбредались по сторонам как вздумается. Впереди лежала открытая, чуть всхолмленная местность.

Хоуард позволил Розе и Виллему снять башмаки и идти босиком; Николь отнеслась к этому не слишком одобрительно.

— Это не подходит к нашей роли,— сказала она.— В нашей среде так не поступают.

— Здесь нет строгих судей,— возразил старик.

Она согласилась, что сейчас соблюдать условности не столь важно, и они побрели дальше; Виллем и Пьер катили коляску. Впереди в небе показались три само-

лета; они шли на высоте около двух тысяч футов, уверенно направляясь на запад.

На Розу нахлынули воспоминания.

— Мсье,— закричала она,— смотрите! Три самолета! Скорей ляжем в канаву!

— Не волнуйся,— ровным голосом сказал старик.— Они нам ничего плохого не сделают.

— Так ведь они бросали бомбы и стреляли из пулеметов,— недоверчиво сказала Роза.

— Это другие самолеты,— сказал Хоуард.— Эти самолеты хорошие. Они нас не тронут.

И вдруг, наперекор его стараниям всех успокоить, раздался тоненький голосишко Пьера:

— Мсье Хоуард, а вы знаете, какие самолеты хорошие, а какие плохие?

Сердце старика сжалось, он снова подумал о бойне на монтаржийской дороге.

— Почему же, конечно,— сказал он мягко.— Помнишь самолеты, которые мадемуазель показывала вам в Шартре? На которых вам позволили потрогать бомбы? Они вам ничего плохого не сделали, правда? Это были хорошие самолеты. И сейчас над нами летят такие же. Они нас не тронут.

Ронни, спеша показать себя знатоком техники, поддержал его:

— Хорошие самолеты были наши, правда, мсье Хоуард?

— Да,— сказал старик.

Николь отвела его в сторонку.

— Что же вы такое говорите,— вполголоса упрекнула она.— Ведь это немецкие самолеты.

— Я знаю. Но надо же что-то сказать детям.

Она проводила глазами три далекие черточки в небе.

— Как было чудесно, когда самолеты были только развлечением...

Хоуард кивнул.

— Вы когда-нибудь летали?— спросил он.

— Дважды, на празднике, совсем понемножку. И потом один раз летала с Джоном над Парижем. Вот это было чудесно...

В Хоуарде пробудилось любопытство.

— Наверно, вы летели с пилотом? Или Джон сам вел машину?

— Ну конечно, сам, мсье. Мы были только вдвоем.

— Как же он достал самолет?— Старик знал, что в чужой стране это не просто.

— Он повел меня на танцы в клуб летчиков на улице Франциска Первого. У него был друг — *un capitaine de l'Aéronautique*¹, они познакомились в Англии, когда этот капитан служил в нашем посольстве в Лондоне. И этот друг все для Джона устроил. *Figurez-vous*², мсье,— продолжала она,— я не могла затащить его ни в один художественный музей, ни в один! Всю жизнь он только и делал, что летал, и вот он приезжает в Париж в отпуск — и опять его тянет на аэродром, ему непременно надо лететь!

Хоуард кротко улыбнулся.

— Такой уж он был... Но вам понравилось?

— Это было чудесно! — сказала Николь. — Прекрасный солнечный день, свежий ветер, и мы выехали в Орли, к ангару летного клуба, и там нас ждал красивый самолет, и мотор уже работал. — Ее лицо омрачилось на мгновение, и опять она улыбнулась. — Я мало понимаю в самолетах, — призналась она. — Этот был роскошный, сиденья обиты красной кожей, и хромированная лесенка, очень удобно подняться в кабину. Но Джон был такой грубый.

— Грубый? — переспросил Хоуард.

— Он сказал, что этот самолет похож на клопа, мсье, хорошо, что механики не слышали. Я сказала, что очень сердита на него за такие слова, ведь нам так любезно позволили полетать на этой машине. А он только засмеялся. А потом, когда мы летели над Парижем с *grande vitesse*³, сто двадцать километров в час или даже больше, Джон обернулся ко мне и говорит: «Он не летает, а ползет, как клоп». Представляете! Наши самолеты очень хорошие, мсье. Во Франции все так говорят.

— Надеюсь, вы поставили этого нахала на место, — улыбнулся Хоуард.

Николь расхохоталась, такого звонкого смеха старик от нее еще не слышал.

— Это было невозможно, мсье Хоуард. Мне никогда не удавалось поставить его на место, как вы говорите.

---

¹ Капитан французского воздушного флота (фр.).

² Вообразите (фр.).

³ С большой скоростью (фр.).

— Очень сожалею,— сказал Хоуард и, помолчав, прибавил: — Я никогда не летал над Парижем. Это красиво?

Николь пожала плечами.

— Красиво? По-моему, с воздуха ничто не кажется красивым, вот только облака. Но тот день был чудесный, потому что облака тогда были большие, пушистые, Джон их называл ку... кум... как-то так.

— Cumulus¹?

Николь кивнула.

— Вот-вот. Мы больше часу там резвились, летали и вокруг облаков, и над ними, и между белыми крутыми откосами, в таких глубоких туманных ущельях. А далеко внизу опять и опять показывался Париж, то увидишь площадь Согласия, то площадь Звезды. Никогда не забуду этот день. А потом мы приземлились, и меня сразу одолел сон, мы возвращались в Париж в автомобиле, и я прислонилась к Джону, положила голову ему на плечо и заснула.

Довольно долго шли молча. Пьер и Виллем устали толкать коляску и уступили место Розе, Шейла семенила с ней рядом. Котенок свернулся в коляске и спал крепким сном.

Вскоре Николь показала вперед:

— Вот и дом... вон там, среди деревьев.

Надо было пройти еще около мили. По-видимому, это была большая, процветающая ферма; дом и хозяйственные постройки стояли среди деревьев, защищенные от ветра. На окрестных холмах, сколько хватал глаз, раскинулись пастбища.

Через полчаса подошли к ферме. По длинному ряду конюшен сразу видно было, чем занимается владелец; неподалеку на огороженных участках бегали лошади. За все время пути Хоуард еще не видел такого крепкого, толково устроенного хозяйства.

Они направились к домику у ворот, подобно сторожки, и Николь спросила, где найти хозяина. Их послали к конюшне, и они пошли вдвоем, оставив детей с коляской у ворот.

На полпути их встретил Аристид Арвер.

Он был маленького роста, худощавый, лет пятидесяти пяти; острые черты лица, пронизательный взгляд. Хоуард тотчас понял, что это человек очень неглупый.

---

¹ Кучевые облака (лат.).

А потом подумал, что у такого человека вполне могла вырасти дочь-красавица, признанная королева красоты «мисс Ландерно». Тонкие черты лица, заострившиеся с годами, наверно, были очаровательны у молоденькой девушки.

Арвер был в мешковатом черном костюме, вокруг шеи вместо воротничка обернут не слишком чистый шарф; на голове черная шляпа.

— Вы не помните меня, мсье Арвер?— сказала Николь.— Вы были так добры, что пригласили меня однажды, я приезжала с отцом, полковником Ружероном. Вы показывали моему отцу конюшни. А потом принимали нас у себя дома. Это было три года назад... помните?

Тот кивнул.

— Прекрасно помню, мадемуазель. Полковник очень интересовался моими лошадьми, они хороши для армии, а он ведь, насколько я помню, служил в артиллерии?— Арвер запнулся.— Надеюсь, вы получаете от полковника добрые вести?

— Никаких вестей нет уже три месяца, тогда он был под Метцем.

— Я очень огорчен, мадемуазель.

На это отвечать было нечего, Николь только кивнула. Потом сказала:

— Будь отец дома, он, конечно, сам бы с вами поговорил. Но его нет, поэтому вместо него приехала я.

Арвер недоуменно наморщил лоб, но тут же слегка поклонился.

— Очень приятно,— уронил он.

— Нельзя ли пройти к вам в контору?

— Извольте.

Он повернулся и повел их к конторе. В пыльном, захламленном помещении полно было гроссбухов и обтрепанных канцелярских папок, по углам валялась негодная упряжь. Арвер затворил за ними дверь и предложил шаткие стулья, а сам оперся о край стола — больше сесть было не на что.

— Прежде всего,— сказала Николь,— позвольте представить вам мсье Хоурда. Он англичанин.

Коннозаводчик слегка поднял брови, но ответил церемонным поклоном.

— Enchanté¹,— сказал он.

---

¹ Очень рад (фр.).

— Перейду прямо к делу, мсье Арвер,— продолжала Николь.— Мсье Хоуард давний друг моей семьи. Сейчас у него на попечении несколько детей, он пытается, несмотря на немцев, вернуться в Англию. Мы с мамой говорили об этом, и так как отца сейчас нет, подумали, может быть, тут поможет Жан-Анри, даст лодку. А если это невозможно, может быть, сумеет помочь кто-нибудь из друзей Жана-Анри. У нас достаточно денег, мы оплатим любые услуги.

Довольно долго хозяин молчал.

— С немцами шутки плохи,— сказал он наконец.

— Мы это понимаем, мсье,— сказал Хоуард.— Мы совсем не хотим навлекать на кого-либо неприятности. Поэтому мадемуазель Ружерон и не обратилась прямо к вашему зятю, а пришла поговорить сначала с вами.

Арвер обернулся к нему.

— Вы хорошо говорите по-французски, не всякий англичанин так говорит.

— Я прожил долгую жизнь, не у всякого англичанина было столько времени, чтобы изучить ваш язык.

Француз улыбнулся.

— И вы стремитесь вернуться в Англию?

— Ради себя не так уж стремлюсь,— отвечал старик.— Я охотно пожил бы еще во Франции. Но, видите ли, у меня на руках дети, маленькие англичане, я обещал доставить их на родину.— Он запнулся.— И есть еще трое других.

— А что за другие дети? Сколько вас всего? И откуда вы приехали?

Понадобилось минут двадцать, чтобы все это разъяснить. Наконец француз спросил:

— Эти малыши — Пьер и маленький голландец... Допустим, они попадут в Англию, а что с ними будет дальше?

— У меня есть замужняя дочь в Америке,— сказал Хоуард.— Она живет в достатке. Она приютит их у себя в доме на Лонг-Айленде до конца войны, пока мы не разыщем их родных. Им было бы у нее хорошо.

Арвер испытующе посмотрел на старика.

— В Америке? Так я и поверил. Вы отправите их за океан к дочери? И она захочет с ними нянчиться,— с детьми, которых никогда раньше не видела? С чужими детьми, с иностранцами?

— У моей дочери есть ребенок, и она ждет второ-

го,— сказал Хоуард.— Она очень любит детей, всех детей. Об этих малышах она позаботится.

Арвер резко выпрямился, отошел от стола.

— Это невозможно,— сказал он.— Для Жан-Анри очень опасно впутаться в такую историю. Немцы наверняка его расстреляют. Вы не имеете права предлагать такое.— Он помолчал, потом прибавил: — Я должен помнить о моей дочери.

Наступило долгое, тягостное молчание. Наконец старик повернулся к Николь.

— Ну, вот и все,— сказал он. И улыбнулся Арверу.— Я прекрасно вас понимаю. На вашем месте, думая о своей дочери, я сказал бы то же самое.

— Очень сожалею, что не могу исполнить вашу просьбу,— обратился француз к Николь.

Она пожала плечами.

— Tant pis,— сказала она.— N'y pensez plus ¹.

Арверу явно было не по себе.

— Где сейчас эти дети? — спросил он.

Ему объяснили, что дети ждут на дороге, и он пошел с Николь и Хоуардом к воротам. Близился вечер. Дети играли на берегу грязного, заросшего пруда. На лице Шейлы видны были следы слез.

— Может быть, вам удобнее здесь переночевать? — смущенно предложил Арвер.— Едва ли у нас найдутся кровати для всех, но как-нибудь устроимся.

— Вы очень добры, мсье,— искренне сказала Николь.

Они подозвали детей и каждого по очереди представили хозяину; потом все направились к дому. У дверей Арвер позвал жену; из кухни вышла невозмутимая женщина, с виду настоящая крестьянка. Муж в нескольких словах объяснил ей, что все семеро останутся ночевать, церемонно познакомил ее с гостями. Николь повела детей за нею в кухню.

— Может, выпьете стаканчик перно? — предложил Арвер Хоуарду.

Старик был совсем не прочь выпить стаканчик перно. Кухню заполнили дети, и мужчины прошли в гостиную. Это оказалась скучная чопорная комната, мебель на позолоченных ножках обита красным плюшем. Стену украшала огромная олеография — девочка в белом благочестиво преклонила колени, на нее падает

---

¹ Тем хуже. Не думайте больше об этом (фр.).

луч света. Олеография называлась *La Première Communion*¹.

Арвер принес перно, стаканы и воду, и они вдвоем уселись за стол. Потолковали о лошадях, о сельском хозяйстве. Арвер когда-то, совсем молодым, был жокеем и приезжал в Англию, в Ньюмаркет, на скачки. Так они довольно приятно беседовали минут пятнадцать. Внезапно Арвер сказал:

— Вот вы говорили о вашей дочери, мсье Хоуард. Для нее ведь немалая обуза — принять столько чужих детей. Вы уверены, что их хорошо примут в ее доме?

— Их примут очень хорошо, — ответил старик.

— Да откуда вы знаете? Может быть, вашей дочери они будут совсем некстати.

Хоуард покачал головой.

— Не думаю. Но если ей покажется трудно оставить их у себя в доме, ради меня она так или иначе их устроит. Найдет какую-нибудь добрую женщину, которая их приютит, потому что я хочу, чтобы в Америке для них нашелся настоящий дом... вдали от всего этого, — он махнул рукой. — А за деньгами дело не станет.

Француз помолчал, уставясь в свой стакан.

— Эта гнусная война плохое время для детей, — сказал он наконец. — А теперь Франция разбита, и станет еще хуже. Вы, англичане, теперь уморите нас голодом, как мы морили Германию в девятьсот восемнадцатом.

Хоуард молчал.

— И я не стану винить за это Англию, — продолжал Арвер. — Но детям здесь будет плохо.

— Боюсь, что так, — сказал Хоуард. — Потому-то я и хочу увезти этих детей. Каждый должен делать, что может.

Арвер пожал плечами.

— Слава богу, у нас в доме нет детей. Хотя... один есть. — Он помолчал. — Это, знаете ли, тяжелый случай.

Хоуард посмотрел вопросительно. Хозяин налил ему еще перно.

— Один приятель из Парижа спросил, не возьму ли я на работу поляка, — сказал он. — Дело было в декабре, как раз на рождество. Был такой польский еврей, умел ходить за лошадьми, он бежал в Румынию,

---

¹ Первое причастие (фр.).

а оттуда морем в Марсель. Ну, сами понимаете, мобилизация отняла у меня пятерых работников из восьми, и очень трудно было управляться.

Хоуард кивнул.

— Вы его взяли?

— Разумеется. Его звали Симон Эстрейкер, и пришел он ко мне со своим сыном, мальчишке десять лет. У Симона была и жена, но не стану расстраивать вас этой историей. Понимаете, она попала в руки немцам.

Старик кивнул.

— Так вот, этот Эстрейкер работал тут до прошлой недели, и хорошо работал. Он был тихий, не доставлял никаких хлопот, и сын тоже работал в конюшне. А на прошлой неделе немцы пришли сюда и забрали отца.

— Забрали?

— Забрали в Германию, на принудительные работы. Видите ли, мсье, он был поляк, да еще еврей. Тут ничем нельзя было помочь. Видно, какая-то подлая свинья в городе донесла, вот они и пришли прямо сюда и спросили про него. Надели на него наручники, затолкали в фургон, там было еще несколько человек, и увезли.

— И его сына тоже взяли?

— Про сына не спросили, а он как раз был на выгоне, и я про него не сказал. Незачем помогать немцам в их делах. Но парнишку это сильно ушибло.

Еще бы, подумал Хоуард и спросил:

— Мальчик все еще у вас?

— Куда ж ему деваться? И он толково помогает на конюшне. Только, думаю, они скоро пронюхают о нем и явятся, и его тоже заберут.

Вошла Николь и позвала обоих на кухню ужинать. Она уже накормила детей и уложила их, хозяйка ухитрилась устроить их всех наверху. Взрослые поели в кухне за длинным столом, вместе с двумя работниками и черноволосым еврейского вида мальчиком; хозяйка называла его Маржан; за все время ужина он едва ли вымолвил три слова.

После ужина Арвер опять провел Хоуарда и Николь в гостиную; тут он достал домино и предложил сыграть. Хоуард согласился. Арвер играл невнимательно, мысли его были заняты другим.

Вскоре он вернулся к тому, что было у него на уме.

— А много детей уезжает в Америку, мсье? Понять не могу, как это вы уверены, что их хорошо примут.

Америка очень далеко. Их там не больно трогают наши беды.

Хоуард пожал плечами.

— Там есть щедрые люди. Если я сумею переправить туда этих детей, они будут как дома, потому что о них позаботится моя дочь. Но даже без нее нашлось бы немало людей, которые обеспечили бы их.

Арвер недоверчиво уставился на него.

— Это обойдется недешево — заботиться о ребенке, может быть, годы. Не так-то легко взяться за такое ради чужого ребенка, которого совсем не знаешь.

— А там как раз за такое и берутся, — сказал старик. — Американцы в такие дела вкладывают деньги.

Француз посмотрел на него пристально, задумчиво.

— А Маржана Эстрейкера там бы тоже обеспечили? — спросил он наконец. — Уж наверно они не станут заботиться о еврее?

— Не думаю, чтобы это имело значение, когда речь идет о ребенке. А для моей дочери это безусловно не имело бы значения.

Николь, сидевшая рядом, невольно встрепенулась.

— Мсье... — начала она, но старик приподнял руку, и она покорно замолчала, насторожилась. Хоуард сказал твердо:

— Если хотите, я возьму этого мальчика с собой. Я отошлю его в Соединенные Штаты вместе с другими детьми. Но прежде всего мне нужна помощь, чтобы вывезти их всех отсюда.

— Жан-Анри?

— Разумеется, мсье.

Арвер поднялся, смешав рукавом забытую партию домино. Вышел, принес еще перно, стаканы, воду и налил Хоуарду. Предложил выпить и Николь, но она отказалась.

— Риск огромный, — сказал он упрямо. — Подумайте, что будет с моей дочерью, если вас схватят.

— Подумайте, что будет с этим мальчиком, если его схватят, — сказал Хоуард. — Из него сделают раба, загонят в шахту и уморят непосильной работой. Так немцы поступают с польскими детьми.

— Знаю, — сказал Арвер. — Это меня и мучает.

— А захочет ли Маржан ехать? — сказала вдруг Николь. — Нельзя его заставить, если он не хочет. Он уже большой.

— Ему только десять лет, — сказал Арвер.

— Все равно, он достаточно взрослый, — возразила Николь. — Мы не можем его взять, если он не захочет ехать.

Арвер вышел и через несколько минут вернулся с черноволосым мальчиком.

— Вот что, Маржан, — сказал он. — Этот господин поедет в Англию, если только немцы не помешают, а из Англии дети, которые сейчас при нем, поедут в Америку. В Америке они будут в безопасности. Там нет немцев. Хочешь поехать с ними?

Мальчик молчал. Ему объяснили все еще раз. Наконец он невнятно сказал по-французски:

— А где я буду в Америке работать?

— Сначала тебе придется ходить в школу, научиться английскому языку и американским обычаям, — сказал Хоуард. — В школе тебя обучат какому-нибудь ремеслу, и ты сможешь зарабатывать свой хлеб. Чем ты хочешь заниматься, когда вырастешь?

— Убивать немцев, — тотчас решительно ответил мальчик.

С минуту все молчали. Потом заговорил Арвер:

— Ладно о немцах. Скажи мне, какому ремеслу ты хочешь выучиться в Америке, если он будет так добр, что возьмет тебя туда.

Опять наступило молчание. Его нарушила Николь.

— Скажи, может быть, ты хочешь ходить за лошадьми? — мягко спросила она. — Или покупать вещи и выгодно их продавать? — В конце концов, подумала она, ему трудно будет преодолеть какие-то национальные черты. — Что тебе больше нравится?

Мальчик поднял на нее глаза.

— Я хочу научиться очень далеко стрелять из ружья, — сказал он. — Тогда, если немцы на дороге, можно стрелять с холма. И хочу научиться хорошо, прямо бросать нож. Это лучше всего, когда темно, на узкой улице, потому что нет шума.

Арвер не без горечи улыбнулся.

— Боюсь, он производит не очень-то хорошее впечатление.

Старик промолчал.

— Когда мы едем? — спросил Маржан.

Хоуард помедлил в нерешительности. Наверно, с этим мальчиком придется нелегко, уж очень он ожесточен, и это еще мягко сказано. Но тут же в душе

Хоуарда всколыхнулась безмерная жалость к этому ребенку.

— Так что же, хочешь ты поехать с нами? — спросил он.

Мальчик кивнул.

— Если ты с нами поедешь, ты должен забыть все это насчет немцев, — сказал старик. — Тебе надо будет ходить в школу и учить уроки, и играть в бейсбол, и удить рыбу, как делают все мальчики.

— Я еще не могу убить немца, — серьезно ответил Маржан. — Только года через два или три, сейчас у меня еще не хватит силы. Только если напасть, когда немец спит, я ему всади́л бы вилы в живот, да и то он, пожалуй, перед смертью дотянется и прикончит меня. А в Америке я всему научусь и вернусь, когда мне станет пятнадцать лет и я стану большой и сильный.

— В Америке можно научиться еще многому другому, — мягко сказал Хоуард.

— Я знаю, что можно многому научиться, мсье, — ответил мальчик. — Во-первых, надо бы взяться за молодых женщин, а не за мужчин. Если убивать женщин, они не станут рожать, и скоро не будет больше немцев.

— Ну, хватит, — оборвал Арвер. — Ступай в кухню и сиди там, пока я не позову.

Мальчик вышел. Арвер повернулся к Николь.

— Я в отчаянии, что он такого наговорил.

— Он слишком много выстрадал, — сказала Николь. — И он еще маленький.

Арвер кивнул.

— Что с ним только будет, ума не приложу, — сказал он угрюмо.

Все долго молчали. Хоуард отпил глоток перно.

— Одно из двух, — сказал он. — Либо мальчика очень скоро схватят немцы. Пожалуй, он попытается убить одного, и тогда его пристрелят на месте. Или его отправят в шахты. Он все время станет бунтовать, и скоро его забьют насмерть. Это одна возможность.

Арвер тяжело опустился в кресло напротив Хоуарда, на столе между ними стояла бутылка перно. Что-то в тоне старика было очень близко ему.

— А вторая возможность? — спросил он.

— Он может бежать с нами в Англию, — сказал

Хоуард.— Тогда он попадет в Америку, к нему будут добры, о нем позаботятся, и через год или два он забудет все пережитые ужасы.

Арвер проникательно посмотрел на старика.

— Значит, одно из двух — что же именно?

— Это в ваших руках, мсье. Мальчику не спастись от немцев, если вы ему не поможете.

Смеркалось, и в сумерках длилось и длилось молчание. Наконец Арвер сказал:

— Я посмотрю, что можно сделать. Завтра мы с мадемуазель съездим в Леконке, обсудим все это с Жан-Анри. А вы оставайтесь тут с детьми и никому не показывайтесь на глаза.

9

Почти весь следующий день Хоуард провел на залитом солнцем лугу, тут же играли дети. Его щеки и подбородок обросли колючей щетиной и вызвали досадное ощущение неопрятности, но лучше не бриться, так безопаснее. Вообще же он чувствовал себя хорошо. Желанный отдых освежил его.

Хозяйка притащила ему из пыльного подвала старое плетеное кресло, протерла тряпкой; старик поблагодарил и удобно уселся. Дети окружили котенка Жожо и пичкали его молоком и всем, что он только соглашался съесть. Скоро котенок сбежал от них, вскарабкался к старику на колени и уснул.

Потом, как-то незаметно для себя, Хоуард занялся массовым изготовлением свистков, а дети стояли вокруг и следили за его работой.

По временам у изгороди появлялся маленький поляк Маржан, стоял и пытливо смотрел на всех, лицо его было непроницаемо. Хоуард заговорил с ним, позвал, предложил составить им компанию, но мальчик что-то пробормотал — его, мол, ждет работа — и застенчиво скрылся. Однако еще не раз возвращался и смотрел на играющих детей. Старик больше не тревожил его, не стоило торопить рождение дружбы.

Среди дня где-то на западе вдруг загревели оглушительные взрывы. С ними смешался треск зениток; дети прекратили игру и удивленно озирались. Потом откуда-то с поля неподалеку взлетели, словно куропатки, три одномоторных боевых самолета, промчались над ними

на высоте около двух тысяч футов и, все набирая скорость и высоту, понеслись на запад.

— Это были бомбы, я-то знаю,— рассудительно сказал Ронни.— Сперва они воют — уи-и... а потом падают и взрываются — бум! Только это очень далеко, вот мы и не слышали воя.

— Уи-и... бум! — отозвалась Шейла.

За нею то же изобразил Пьер, и скоро все дети бегали кругами, подражая вою и грохоту бомбы.

А настоящие взрывы слышались реже, и скоро под летним солнцем все стихло.

— Это немцы кого-то бомбили, да, мистер Хоуард? — спросил Ронни.

— Да, наверно,— ответил старик.— Поди, поддержи кору, пока я тут закреплю.

Он продолжал мастерить свистки, и дети забыли про бомбежку.

К концу дня вернулись Николь и Арвер. Оба были в грязи, ладонь девушки глубоко рассечена и кое-как перевязана. Хоуард был поражен ее видом.

— Дорогая моя, что случилось? Какая-то дорожная авария?

Она засмеялась не совсем естественным смехом.

— Это англичане, мсье,— сказала она.— Был воздушный налет. Среди дня, мы как раз были в Бресте. И меня ранили англичане, мсье.

Поспешно подошла мадам Арвер, принесла рюмку коньяку. Потом увела девушку на кухню. Хоуарда оставили на лугу, он сидел и смотрел на запад.

Дети едва ли наполовину поняли, что произошло.

— Это гадкие самолеты ранили Николь, да, мсье? — сказала Шейла.

— Да,— подтвердил старик.— Хорошие самолеты так не делают.

Девочке вполне довольно было такого объяснения.

— Наверно, это был очень, очень гадкий самолет, раз он ранил Николь.

Все с ней согласились.

— Гадкие самолеты немецкие, а хорошие — английские,— сказал Ронни.

Хоуард не стал объяснять, что тут все не так просто.

Потом из дому вышла Николь, очень бледная, с аккуратно забинтованной рукой. Мадам Арвер увела детей на кухню ужинать. Хоуард спросил Николь, что же с рукой.

— Пустяки,— сказала она.— Когда падают бомбы, из окон вылетают все стекла. Вот меня и ранило осколком.

— Я очень, очень огорчен.

Николь обернулась к нему.

— Никогда бы не поверила, что на улицах может быть столько стекла. Прямо горы. И пожары... всюду горят дома. И пыль, повсюду толстый слой пыли.

— Но как вы попали под бомбежку?

— Так уж вышло. Мы ездили на машине в Леконке, там позавтракали и повернули обратно. Когда проезжали через Брест, Аристид решил зайти в банк, а я хотела купить зубной порошок и еще кое-что... всякую мелочь. И пока Аристид был в банке, а я в магазине на Сиамской улице, это случилось.

— Что случилось? — спросил Хоуард.

Николь пожала плечами.

— Самолет промчался над самой крышей, совсем низко, даже видно было номер на фюзеляже, и по знакам на крыльях понятно, что это английский самолет. Он сделал круг над гаванью и сбросил бомбы около военного порта, а потом налетел еще один, и еще... очень много. По-моему, они бомбили немецкие суда. Но некоторые сбрасывали бомбы не сразу, а одну за другой, и несколько штук разорвались прямо в городе. Две бомбы попали в дома на Сиамской улице, три или четыре на улице Луи Пастера. А когда бомба попадает в дом, он весь разваливается, мсье, только и остается куча обломков, футов пять, не выше. И пожары, и тучи дыма, и пыль, и стекло... всюду стекло... Короткое молчание.

— Много людей пострадало? — спросил наконец Хоуард.

— По-моему, очень много,— сказала Николь.

Старик был подавлен. Неужели же никак нельзя избежать подобных ошибок... Он безмерно огорчился за Николь и даже растерялся.

Немного погодя она сказала:

— Не расстраивайтесь из-за меня, мсье Хоуард. Право, со мной ничего страшного не случилось, и с Аристидом тоже.— Она коротко засмеялась.— Зато я, можно сказать, видела британскую авиацию в действии. Сколько месяцев я жаждала на это посмотреть.

Он покачал головой, не в силах что-либо сказать. Николь коснулась его руки.

— Много бомб упало в военный порт,— мягко сказала она.— Две или три попали не туда, куда надо, но это ведь не нарочно. Я думаю, немецким кораблям досталось.— И, помолчав, прибавила: — Я думаю, Джон был бы очень доволен.

— Да,— с усилием вымолвил Хоуард,— я полагаю, он был бы доволен.

Николь взяла его под руку.

— Пойдемте в гостиную, выпьем немножко перно, и я расскажу вам про Жан-Анри.

Они вошли в дом. Аристид там не было; Хоуард и девушка сели в гостиной. Старик по-прежнему был угнетен и расстроен; Николь налила ему перно, добавила воды. Потом налила немного и себе.

— Так вот, о Жан-Анри,— сказала она.— Сам он не будет в этом участвовать. Аристид не допустит этого из-за Мари. Но в Леонке есть один молодой человек, Симон Фоке, он перевезет вас на лодке.

Сердце старика сильно забилося, но он только спросил:

— Сколько же лет этому молодому человеку?

Николь пожала плечами.

— Двадцать, а может быть, и двадцать два. Он голлист.

— Что это значит?

— В Англии при вашей армии находится такой генерал де Голль, один из наших молодых генералов. Во Франции его почти не знали, но теперь он готовится продолжать борьбу оттуда, из Англии. Наше правительство в Виши его не одобряет, но многие наши молодые люди хотят присоединиться к нему; кто бежит через Испанию, кто на лодках через Ла-Манш. Вот и Симон Фоке тоже хочет переплыть Ла-Манш, он рыбак и прекрасно управляет лодкой.

— Но немцы, безусловно, перережут все пути.

Она кивнула.

— Всякое регулярное сообщение давно прервано. Но на лодках пока еще разрешается рыбачить вдоль побережья и возле острова Уэссан. Надо будет что-то придумать.

— Где же он возьмет лодку? — спросил Хоуард.

— Аристид это устроил. Жан-Анри даст Симону одну свою лодку напрокат для рыбной ловли, а Симон ее украдет и сбежит в Англию. Жан-Анри сам заявит в полицию и немцам, что у него украли лодку. Не

Аристид тайком ему заплатит. А вы, если у вас хватит денег, заплатите Аристиду.

Старик кивнул.

— Сколько нужно заплатить?

— Пять с половиной тысяч франков.

Хоуард задумался. Потом достал из кармана бумажник, открыл и со старикинской обстоятельностью стал изучать какую-то бумагу.

— У меня на аккредитиве осталось, как я понимаю, сорок фунтов,— сказал он.— Этого хватит?

— Думаю, что да. Аристид хочет получить с вас все, что только можно, ведь он крестьянин, мсье, понимаете. Но он хочет нам помочь и не станет из-за денег все портить.

— Если сорока фунтов недостаточно, я позабочусь, чтобы, когда война кончится, он получил сполна,— сказал Хоуард.

Они поговорили об этом еще немного. Потом Николь встала из-за стола.

— Надо пойти посмотреть, как укладывают детей. Мадам Арвер очень добра, но не годится бросать все на нее.

— Я тоже пойду,— сказал Хоуард.— Дети хорошо вели себя весь день, у меня не было с ними никаких хлопот.

Всех детей устроили на ночь в одной комнате, обеих девочек на кровати, трех мальчиков — на матрасе на полу, и укрыли грубыми одеялами. Фермерша как раз укутывала их, она приветливо улыбнулась Николь и старику и скрылась в кухне.

— Мое одеяло пахнет лошадью,— сказал Ронни.

Весьма вероятно, подумал Хоуард.

— Пожалуй, тебе всю ночь будет сниться, что ты катаешься верхом,— сказал он.

— Можно, я тоже покатаюсь верхом? — спросила Шейла.

— Если будешь очень послушная.

— А можно, мы теперь останемся здесь? — спросила Роза.

Николь присела на край кровати.

— Как же так? — сказала она.— Разве ты не хочешь поехать к папе в Лондон?

— Я думала, Лондон — город,— сказала Роза.

— Конечно. Очень большой город.

— Мне хочется жить в деревне, вот как здесь,—

сказала Роза.— Тут совсем как в наших местах, где я раньше жила.

— Но мы же все едем в Лондон,— сказал Ронни.

— Не все,— сказал Хоуард.— Ты и Шейла будете жить в Оксфорде у вашей тети Маргарет.

— Вот как? А Роза тоже поедет к тете Маргарет?

— Нет. Роза будет жить со своим папой в Лондоне.

— А Пьер поедет к тете Маргарет? — спросила Шейла.

— Нет,— сказал Хоуард.— Пьер и Виллем поедут в Америку, там они будут жить у моей дочери. Ведь у меня есть взрослая дочь, старше, чем Николь, вы не знали? И у нее есть маленький сын.

Дети посмотрели недоверчиво.

— Как его зовут? — спросил наконец Ронни.

— Мартин,— сказал старик.— Ему столько же лет, сколько Пьеру.

Пьер широко раскрыл глаза:

— А вы с нами не поедете?

— Навряд ли,— сказал Хоуард.— У меня, наверно, будет работа в Англии.

У Пьера задрожали губы:

— И Роза не поедет?

Николь опустилась возле него на колени.

— В Америке будет славно,— ласково сказала она.— Там по вечерам горят огни, там нет затемнения, как у нас. Там не бросают бомбы и не стреляют в людей с самолетов. Там можно будет есть досыта, и много вкусного, и конфеты, как было раньше у нас. Ты станешь жить на острове Лонг-Айленд, в месте, которое называется Бухта, там у мадам Костелло большой дом. Там есть пони, ты будешь кататься верхом, и есть собаки, с ними можно подружиться, у нас тоже так было до войны, когда хватало еды и для собак. И ты научишься управлять парусной лодкой, и плавать, и нырять, как англичане и американцы, и удить рыбу просто для удовольствия. И не надо будет ничего бояться, потому что в Америке нет войны.

Пьер не сводил с нее глаз.

— А вы поедете со мной в Америку?

— Нет, Пьер,— тихо сказала Николь.— Я должна остаться здесь.

Углы его губ опустились.

— Я не хочу ехать один.

— Может быть, отец Розы захочет, чтобы она тоже

поехала, — вмешался Хоуард. — Тогда она поедет с тобой. Ты был бы рад, правда?

— А можно, и мы с Ронни поедем, мсье Хоуард? — сказала Шейла. — Можно, мы все поедем с Пьером?

— Я подумаю, — сказал старик. — Может быть, ваша тетя Маргарет захочет, чтобы вы остались в Англии.

— А если не захочет, можно мы поедем с Пьером в Бухту? — спросил Ронни.

— Да, — сказал Хоуард. — Если она захочет отослать вас из Англии, вы все вместе поедете в Бухту.

— Вот это да! — в голосе мальчика не было и следа родственных чувств. — Хорошо бы она захотела нас отослать.

Наконец детей стало клонить ко сну; Хоуард с Николь спустились по лестнице и до ужина вышли в сад.

— Вам многое известно о доме моей дочери на Лонг-Айленде, мадемуазель, — сказал старик.

Николь улыбнулась.

— Джон мне много рассказывал, мсье. Он ведь там бывал, правда?

Хоуард кивнул.

— Он гостил у Инид в тридцать восьмом году. Он очень уважал ее мужа, Костелло.

— Он мне рассказал об этом как-то рано поутру, нам тогда не спалось, — сказала Николь. — Джон любил Америку. Он ведь был *aviateur*¹, понимаете, он любил их технику.

Не впервые старик с сомнением спросил себя, как провели они ту неделю в Париже.

— Джону поездка к сестре доставила большое удовольствие, — рассеянно сказал он. И прибавил озабоченно: — Меня немного тревожит Пьер. Я не собирался никого больше посылать в Америку, только его.

Николь кивнула.

— Он такая чуткая душа, этот малыш. Сначала он будет одинок и несчастлив, но потом привыкнет. Вот если бы и Роза могла поехать, было бы очень хорошо.

Хоуард внимательно посмотрел на девушку.

— Почему бы вам самой не поехать? — предложил он. — Это было бы лучше всего.

— Поехать в Америку? Это совершенно невозможно, мсье.

В сердце старика шевельнулся испуг.

---

¹ Летчик (фр.).

— Но ведь в Англию вы поедете, Николь?

Она покачала головой.

— Нет, мсье. Я должна остаться во Франции.

Его захлестнуло горькое разочарование.

— Неужели, по-вашему, это разумно? Франция захвачена немцами, и, пока война не кончится, жизнь здесь будет очень тяжелая. Поедьте с нами в Англию, вы можете жить у меня в Эссексе или поехать с детьми в Америку. Так будет гораздо лучше, Николь.

— Но, мсье, не могу же я бросить маму.

Он поколебался.

— Попробуйте вызвать ее и увезти с нами. Во Франции будет очень трудно.

Николь покачала головой.

— Я знаю, нас ждет нелегкая жизнь. Но мама в Англии станет тосковать. Даже и я, пожалуй, стала бы тосковать... теперь.

— Разве вы уже бывали в Англии? — удивился Хоуард.

Опять она покачала головой.

— Мы сговорились, что я приеду в гости к Джону в октябре, когда он опять получит отпуск. Наверно, он хотел тогда побывать со мной у вас. А тут началась война, и не стало никаких отпусков... и ездить стало очень трудно. Мне не удалось получить визу.

— Поедьте в Англию теперь, — мягко попросил старик.

— Нет, мсье.

— Почему же нет?

— Вы-то сами поедете с детьми в Америку?

Теперь уже он покачал головой.

— И хотел бы поехать, но едва ли смогу. Вероятно, когда я вернусь на родину, для меня там найдется работа.

— Вот и я не могу оставить Францию, — сказала Николь.

Хоуард открыл было рот, готовый сказать, что это совсем не одно и то же, и не сказал. Николь, видно, угадала его мысли.

— Можно быть либо француженкой, либо англичанкой, — сказала она. — Нельзя быть сразу и тем и другим. Когда родина в беде, надо оставаться на родине и помогать ей, чем только можешь.

— Да, вы правы, — медленно промолвил Хоуард.

Но теперь ей нужно было все додумать и досказать.

— Если бы мы с Джоном...— она чуть запнулась.— Если бы мы поженились, я стала бы англичанкой, и тогда было бы по-другому. Но теперь мне уже не стать англичанкой. Одна я не научусь вашим обычаям и не сумею жить по-новому. Мое место здесь, я должна остаться дома. Вы меня понимаете?

— Понимаю, Николь.— Хоуард минуту помолчал.— С каждым днем я старею. Когда эта война кончится, мне, наверно, нелегко будет путешествовать. Вы приедете в Англию, погостите у меня хоть недолго? Хотя бы неделю-другую?

— Конечно,— сказала Николь.— Как только будет можно, я приеду.

Они молча ходили рядом по выгону. Потом Николь сказала:

— Теперь о подробностях переправы. Сегодня вечером Фоке возьмет в Леконке лодку и отправится ловить рыбу вверх по Шеналь, до самого Лефура. В Леконке он не вернется, а завтра вечером зайдет в Абэврвак выгрузить рыбу, или достать наживку, или еще под каким-нибудь предлогом. В полночь он опять отчалит, и тогда вы уже должны быть у него в лодке, потому что он пойдет прямо в Англию. Полночь — крайний срок, когда он может отплыть, ему надо отойти подалее от французского берега, пока еще не рассвело.

— Где это Абэврвак, мадемуазель? — спросил Хоуард.— Далеко отсюда?

Николь пожала плечами.

— Километров сорок, не больше. За ним, в четырех милях от берега, есть городок Ланнили. Завтра нам нужно отправиться туда.

— Много немцев в тех местах?

— Не знаю. Аристид старается выяснить, какая там обстановка, и что-нибудь для нас придумать.

По выгону к дому шел Маржан. Хоуард его окликнул; мальчик помялся, потом неуверенно подошел.

— Завтра мы отсюда уезжаем, Маржан,— сказал Хоуард.— Ты не раздумал, хочешь поехать с нами?

— В Америку?

— Сначала мы постараемся уехать в Англию. Если это удастся, я отошлю тебя в Америку вместе с Пьером и Виллемом, и ты будешь жить у моей дочери, пока не кончится война. Хочешь?

— Если я останусь у мсье Арвера, немцы найдут меня и заберут,— сказал мальчик на своем ломаном

французском.— И тогда они меня тоже убьют, они убили маму, убьют отца, потому что мы евреи. Хорошо бы мне поехать с вами.

— Слушай внимательно, Маржан,— сказал старик.— Я не знаю, можно ли мне тебя взять. Может быть, по дороге к побережью мы встретимся с немцами; может быть, нам придется быть среди них, даже получать еду из их походной кухни. Если ты покажешь, что ненавидишь их, нас всех арестуют. Боюсь, не опасно ли тебя взять, вдруг это повредит Розе и Ронни, и Шейле, и Виллему, и маленькому Пьеру.

— Я вас не подведу,— сказал мальчик.— Сейчас мне лучше уехать в Америку, и я хочу уехать. Сейчас я сумею убить немца, только если очень повезет... даже если подползти к нему в темноте и зарезать острым ножом, меня схватят и убьют. А через несколько лет я смогу убивать их сотнями, потихоньку, на темных улицах. Так уж лучше подождать и научиться все делать как надо.

Хоуарду стало тошно.

— Сумеешь ты держать себя в руках, если рядом будут немцы? — спросил он.

— Я могу ждать годы, мсье, пока придет мое время,— сказал мальчик.

— Слушай, Маржан,— вмешалась Николь.— Понятно тебе, о чем говорит мсье? Если тебя схватят немцы, всех этих малышей, мальчиков и девочек, тоже схватят, и немцы сделают с ними то же, что и с тобой. С твоей стороны нечестно навлечь на них такое несчастье.

— Не бойтесь,— ответил Маржан.— Если вы меня возьмете, я буду тихий, и послушный, и вежливый. Надо все время хорошо себя вести, тогда они ничего не заподозрят. И в конце концов я им отплачу.

— Ну, хорошо, Маржан,— сказал Хоуард.— Утром мы отсюда уходим. Будь готов в дорогу. А сейчас иди поужинай и ложись спать.

Мальчик пошел к дому, Хоуард стоял и смотрел ему вслед.

— Одному богу ведомо, какая будет жизнь, когда кончится эта война,— сказал он с горечью.

— Не знаю,— сказала Николь.— Но, я думаю, то, что вы сейчас делаете, поможет всем нам. Уж конечно, вывезти этих детей из Европы — благо.

Вскоре их позвали на кухню ужинать. Потом Арвер пошел с ними в гостиную.

— Ну вот,— сказал он,— послушайте, что мне удалось устроить.— И, немного помолчав, продолжал:— В Ланнили полно немцев. Это в четырех милях от берега, а на самом берегу, в Абервраке и в Порсале их почти совсем нет. Передвижению в том краю они не мешают, и вот что я придумал. Не доезжая трех миль до Ланнили живет Кентен, фермер, завтра он отправляет удобрение рыбаку по фамилии Лудеак, шкиперу спасательной лодки в Абервраке,— у этого Лудеака есть и земля на холмах, для поля ему нужен навоз. Я все это уладил. Навоз пошлют на одноконной повозке. Вы будете править лошадью, мсье, мадемуазель и дети поедут с вами.

— Похоже, что дело верное,— сказал Хоуард.— Едва ли это покажется подозрительным.

Аристид окинул его взглядом.

— Только вам надо одеться похуже. Я достану что-нибудь подходящее.

— А как мы завтра ночью встретимся с Фоке? — спросила Николь.

— Завтра вечером, в девять часов, Фоке придет в кабачок на пристани. Прикинется, будто он под хмельком, и спросит «ангельского перно»: Такого напитка нет. По этому вопросу вы его и узнаете. А дальше действуйте сами.

Хоуард кивнул.

— А как нам добраться до фермы Кентена?

— Я вас подвезу на своей машине. Его ферма — не доезжая Ланнили, так что это не опасно и никто ни о чем не спросит. Но там мне придется вас оставить.— Он с минуту подумал.— От Кентена выезжайте около пяти, не раньше. Тогда будет понятно, если вы попадете в Аберврак только вечером, когда уже стемнеет, и там, у Лудеака, заночуете.

— А как с Лудеаком и Кентеном, мсье? — спросила Николь.— Знают они, что мсье Хоуард с детьми хочет бежать из Франции?

— Не беспокойтесь, мадемуазель. По нынешним временам это не редкость. Они знают все, что хотели знать, и им заплачено. Это мои хорошие друзья.

— Теперь я должен расплатиться с вами, мсье,— сказал Хоуард.

И они подсели к столу.

Немного погодя пошли спать; за этот день Хоуард

отдохнул и теперь спал хорошо. Наутро он вышел к кофе, чувствуя себя лучше, чем все последние дни.

— Выедем после завтрака, — сказал Аристид. — Будет самое время. И вот что, мсье, я достал для вас одежду. Она вам не очень-то понравится, но иначе нельзя.

Да, этот костюм старику совсем не понравился. Грубая, очень грязная, вся в пятнах фланелевая рубаша, рваные синие холщовые штаны, грязная брезентовая куртка, которая некогда была ржаво-кирпичного цвета, и черная бретонская шляпа с обвисшими полями. Вполне под стать этому наряду были деревянные сабо, но тут старик решительно запротестовал, и Арвер дал ему пару отвратительных дырявых башмаков.

Хоуард уже несколько дней не брился. Когда он вошел в кухню, Николь весело улыбнулась.

— Очень хорошо, — сказала она. — Теперь, мсье Хоуард, вам бы еще повесить голову и немножко открыть рот... вот так. И ходить надо медленно, словно вы очень, очень старый. И очень глухой, и очень бестолковый. Я буду объясняться вместо вас.

Арвер обошел вокруг Хоуарда, придирчиво его осмотрел.

— Думаю, немцам тут не к чему придраться, — сказал он.

Все утро они старательно обдумывали, не надо ли еще как-то изменить свой облик. Николь осталась в том же черном платье, но Арвер заставил ее немного запаковать материю и надеть башмаки его жены, старые-престарые, на низком каблуке. Да еще голову и плечи девушка укутала шалью госпожи Арвер. В таком виде Николь тоже заслужила его одобрение.

Дети почти не нуждались в маскировке. Все утро они играли у пруда, где плавали утки, изрядно перепачкались, и на смотре стало ясно, что они и так хороши. Ронни и Виллем поминутно чесались, это довершало маскарад.

Сразу после завтрака двинулись в путь. Хоуард и Николь поблагодарили хозяйку за ее доброту; она принимала изъявления благодарности с кроткой глуповатой улыбкой. Потом все забрались в старый фургончик «дион», который Арвер держал на ферме, и выехали на дорогу.

— Мы поедем в таком поезде, где можно спать, мистер Хоуард? — спросил Ронни.

— Пока еще нет,— ответил старик.— Скоро мы вылезем из этой машины, попрощаемся с мсье Арвером, а потом покатаемся в тележке на лошади. И запомните, всем вам надо теперь говорить только по-французски.

— А почему только по-французски? — спросила Шейла.— Я хочу говорить по-английски, как раньше.

— Мы будем среди немцев,— терпеливо объяснила Николь.— Они не любят тех, кто говорит по-английски. И ты запомни, говорить надо только по-французски.

— Маржан говорит, немцы отрубили его маме руки,— сказала вдруг Роза.

— Не будем больше говорить о немцах,— мягко посоветовал Хоуард.— Скоро мы выйдем из машины, и дальше нас повезет лошадь. А как разговаривает лошадь? — спросил он Пьера.

— Не знаю,— застенчиво сказал малыш.

Роза наклонилась к нему:

— Да нет же, Пьер, конечно, ты знаешь:

Как у тетушки моей

Много в домике зверей.

Мышка тоненько пищит (пи-и!),

Очень страшно лев рычит (pp-p!)...

Этой игры хватило на всю поездку через Ландерно, который они видели только мельком из задних окошек старого фургона, и еще на половину пути до Ланнили.

Скоро машина замедлила ход, свернула с дороги и, тряхнув седоков, остановилась. Арвер, сидя за рулем, круто обернулся.

— Приехали,— сказал он.— Выходите скорей, тут мешкать опасно.

Они отворили дверку фургона и вышли. И очутились на крохотном крестьянском дворике; домишко, сложенный из серого камня, был немногим больше батрацкой лачуги. После душного фургона отраднодохнул в лицо свежий ветерок, напоенный солоноватым запахом моря. При виде серых каменных стен и освещенных ярким солнцем крыш Хоуарду показалось, будто он в Корнуоле.

Во дворе ждала повозка, до половины груженная навозом; заложенная в нее старая серая лошадь привязана к воротам. Кругом ни души.

— Поскорей, мсье, пока на дороге нет немцев,— сказал Арвер.— Вот повозка. Вам все ясно? Вы везете навоз Лудеаку, он живет на холме над Абервраком, в

полумиле от порта. Там вы свалите груз; мадемуазель Ружерон должна завтра вернуть сюда повозку. Фоке в девять вечера будет ждать вас в кабачке. Он спросит «ангельский перно». Все ясно?

— Еще одно,— сказал старик.— Эта дорога ведет прямо в Ланнили?

— Конечно.— Арвер беспокойно оглянулся.

— Как нам проехать через Ланнили? Как найти дорогу оттуда на Аберврак?

Солнце жгло немилосердно, в небе ни облачка; к запаху навоза примешивался аромат цветущего шиповника. Арвер сказал:

— Эта дорога ведет напрямик к большой церкви посреди города. От церкви дорога сворачивает на запад, поезжайте по ней. На окраине она раздваивается, там еще реклама «Byrrh», от нее возьмете вправо. Оттуда до Аберврака семь километров.

— Я там когда-то проезжала,— сказала Николь.— Кажется, я знаю эту дорогу.

— Мне нельзя задерживаться, мадемуазель,— сказал Арвер.— И вам надо сейчас же отсюда уехать.— Потом обернулся к Хоуарду.— Вот все, что я мог для вас сделать, мсье. Желаю удачи. Может быть, еще встретимся в лучшие времена.

— Я буду очень рад случаю вновь поблагодарить вас за вашу доброту,— сказал Хоуард.

Арвер взялся за руль, старая машина задом выехала на дорогу и исчезла в белом облаке пыли. Хоуард огляделся по сторонам; в доме не заметно было никакого движения, он казался покинутым.

— Идите садитесь,— позвала Николь детей.

Виллем и Маржан взобрались на повозку; маленькие англичане, Пьер и Роза попятились. Ронни сказал нерешительно:

— Вы говорили, мы покатаемся, а разве в такой тележке катаются?

— Это навозная телега,— сказала Роза.— Не годится ездить в телеге с навозом, мадемуазель. Моя тетя очень рассердилась бы на меня.

— Ну а я поеду,— весело сказала Николь.— А ты, если хочешь, иди с мсье и помогай вести лошадей.

Она усадила остальных детей и села сама; повозка была нагружена только наполовину, впереди и по бокам можно было стоять или сидеть, места хватило для всех.

— Можно, я пойду с Розой и поведу лошадь? — попросил Пьер.

— Нет, Пьер, — сказала Николь, — ты маленький, а лошадь идет слишком быстро. Когда приедем, ты ее погладишь.

Хоуард отвязал поводья и вывел лошадь за ворота. И понуриив голову, медленно, чуть ли не волоча ноги, побрел рядом с нею по дороге.

Через полтора часа добрались до окраины Ланнили. В повозке Николь неумоимо развлекала детей; порой сквозь размеренное постукивание лошадиных копыт до старика доносились взрывы смеха. Роза легко ступала босыми ногами рядом с Хоуардом.

Им встречалось немало немецких машин. Порой повозку обгоняли военные грузовики, и Хоуард сворачивал вправо, давая им дорогу. Серолицые равнодушные солдаты тупо, без любопытства смотрели на них. Однажды навстречу промаршировали десятка три солдат под командой обер-лейтенанта; тот обвел их всех взглядом, но не окликнул. Никто не обращал на них особого внимания до самого Ланнили.

На окраине города их остановили. Тут было что-то вроде баррикады — дорогу перегородили два старых автомобиля, между ними оставался только узкий проход. Сонный часовой вышел на солнцепек и поднял руку. Хоуард придержал лошадь, бессмысленно поглядел на немца и, свесив голову, приоткрыв рот, пробормотал что-то невнятное. Из будки вышел Unteroffizier и оглядел путников.

— Куда вы это везете? — спросил он, коверкая французские слова.

Старик приподнял голову, приставил ладонь к уху.

— А?

Немец переспросил громче.

— Лудеак, — сказал старик. — Лудеак, за Абер-враком.

Унтер-офицер посмотрел на Николь:

— И мадам тоже туда едет?

Николь улыбнулась ему и обняла Пьера за плечи.

— У малыша день рождения, — сказала она. — Не легко нынче устроить праздник. Но дядюшка поехал, и повозка не очень нагруженная, лошади не тяжело, так уж мы решили немножко прокатиться, порадовать ребятшек.

Старик покивал.

— В такие времена детей потешить не просто.

Унтер-офицер усмехнулся.

— Проезжайте, — сказал он лениво. — Поздравляю с днем рожденья.

Хоуард дернул вожжами, старая кляча тронулась, и они покатили по улице. Движения почти не было, отчасти потому, что французы старались не показываться, отчасти, должно быть, из-за жары. Некоторые дома были, по-видимому, заняты немцами; немецкие солдаты торчали у окон в комнатах с голыми стенами, чистили свое снаряжение — обычное занятие солдат во всем мире. Никто не обращал внимания на навозную телегу.

Среди города, подле высокой церкви, в тени платанов, расположились три танка и полдюжины грузовиков. На каком-то большом здании, выставленный из окна первого этажа, вяло мотался в знойном воздухе флаг со свастикой.

Медленно прошли через город, мимо домов, магазинов, мимо немецких офицеров и немецких солдат. На окраине, где дорога раздваивалась, взяли вправо, и последние дома остались позади. И вскоре в ложбине между полями старик увидел синее, подернутое дымкой море.

Сердце его забилося сильнее. Всю жизнь он любил море, не мог на него наглядеться, надышаться им. Эта туманная синева меж зеленых полей была для него словно частица родины; казалось, до Англии рукой подать. Быть может, завтра вечером он пересечет этот синий простор; он будет с детьми в Англии, в безопасности. Старик тяжело передвигал ноги, но сердце его горело одним желанием — вернуться домой.

Скоро Роза начала уставать; Хоуард остановил лошадь и помог девочке забраться в повозку. Николь уступила ей место и пошла рядом с ним.

— Вот и море, — сказала она. — Теперь вам уже недалеко, мсье.

— Недалеко, — повторил он.

— Вы рады?

Хоуард сбоку поглядел на нее.

— Я был бы очень, очень рад, если бы не одно обстоятельство. Я хотел бы, чтобы вы поехали с нами. Поедьте?

Она покачала головой.

— Нет, мсье.

Некоторое время шли молча. Наконец Хоуард сказал:

— Не могу выразить, как я вам благодарен за все, что вы для нас сделали.

— Для меня сделано больше,— сказала Николь.

— То есть как? — удивился старик.

— Когда вы к нам пришли, мне было очень, очень плохо. Даже не знаю, как вам объяснить.

И опять шли молча под палящим солнцем. Потом Николь сказала просто:

— Я очень любила Джона. Больше всего на свете я хотела быть англичанкой, и так бы и вышло, если бы не война. Потому что мы решили пожениться. Вы бы очень рассердились?

Хоуард покачал головой.

— Я был бы вам рад. Вы разве не знаете?

— Теперь знаю. А тогда я вас ужасно боялась. Мы бы успели обвенчаться, но я была очень глупая и все тянула.— Короткое молчание.— А потом Джон... Джона убили. Да и все с тех пор пошло плохо. Немцы заставили нас отступить, бельгийцы сложили оружие, и англичане бежали из Дюнкерка и оставили Францию сражаться в одиночестве. Потом все газеты и радио стали говорить гадости об англичанах, что они предатели, что они никогда и не думали сражаться заодно с нами. Это ужасно, мсье.

— И вы поверили? — негромко спросил старик.

— Вы не представляете, как я была несчастна,— сказала Николь.

— А теперь? Вы все еще этому верите?

— Я верю, что мне нечего стыдиться моей любви к Джону,— был ответ.— Я думаю, если бы мы поженились и я стала бы англичанкой, я была бы счастлива до самой смерти... Эта мысль очень дорога мне, мсье. Долгое время она была омрачена, отравлена сомнениями. Теперь мне опять это ясно, я вернула то, что утратила. И уже никогда не потеряю.

Они одолели небольшой подъем и вышли к реке; она огибала кучку домов,— это и был Аберврак,— и среди зубчатых скалистых берегов текла дальше, к морю.

— Вот он, Аберврак,— сказала девушка.— Ваши странствия подходят к концу, мсье Хоуард.

Потом они долго вели лошадь молча — по дороге к самой воде и дальше, вдоль берега, мимо цементной

фабрики, мимо крошечной деревушки, мимо спасательной станции и маленькой пристани. У пристани стоял немецкий торпедный катер, по-видимому, с неисправными двигателями: средняя часть палубы была снята и лежала на пристани возле грузовика — походной мастерской; вокруг хлопотали люди в комбинезонах. По пристани слонялись несколько немецких солдат, курили и наблюдали за работой.

Путники миновали кабачок и снова вышли в поле. Потом дорога, окаймленная густым шиповником, пошла в гору и привела их к маленькой ферме Лу-деака.

У ворот их встретил крестьянин в рыжей парусиновой куртке.

— От Кентена, — сказал Хоуард.

Тот кивнул и указал на навозную кучу во дворе.

— Свалите это сюда и уходите поскорей. Желаю удачи, только нельзя вам задерживаться.

— Мы прекрасно это понимаем.

Он сразу ушел в дом, больше они его не видели. Вечерело, было уже около восьми. Детей сняли с повозки и заставили лошадь попятиться до места, где надо было свалить навоз; там повозку наклонили, и Хоуард стал скидывать груз лопатой. Через четверть часа с этой работой было покончено.

— У нас еще времени вдоволь, — сказала Николь. — Пожалуй, стоит зайти в *estaminet*, может быть, достанем кофе и хлеба с маслом детям на ужин.

Хоуард согласился. Они уселись в пустую повозку, и он тронул лошадь; выехали со двора и направились к деревушке. С поворота дороги перед ними открылся вход в гавань, солнечную и синюю в мягком вечернем свете. Между выступающими с двух сторон зубчатыми скалами виднелась рыбацья лодка под темно-коричневым парусом, она приближалась; слабо донесся стук мотора.

Хоуард взглянул на Николь.

— Фоке, — сказал он.

Она кивнула.

— Да, наверно.

Подошли к деревушке. Возле кабачка, под равнодушными взглядами немецких солдат, слезли с повозки; Хоуард привязал поводья старой клячи к изгороди.

— Это торпедный катер? — спросил Ронни по-французски. — Можно, мы пойдем посмотрим?

— Не сейчас, — ответила Николь. — Сейчас мы будем ужинать.

— А что будет на ужин?

Они вошли в кабачок. Несколько рыбаков, стоявших у стойки, внимательно их оглядели; Хоуарду показалось, что они с первого взгляда догадались, кто он такой. Он повел детей к столу в углу комнаты, подальше от посетителей. Николь прошла на кухню поговорить с хозяйкой об ужине.

Ужин скоро появился — хлеб, масло, кофе для детей, красное вино пополам с водой для Николь и старика. Они ели, ощущая на себе взгляды посетителей у стойки, и лишь изредка говорили два-три слова детям, помогая им справиться с едой. Хоуарду казалось, настала самая роковая минута их путешествия; впервые он опасался, что его видят насквозь. Время еле ползло, надо было еще дождаться девяти.

Покончив с едой, дети стали беспокойнее. Необходимо было как-то дотянуть до девяти часов. Ронни заерзал на стуле.

— Можно, мы пойдем посмотрим море? — спросил он.

Лучше уж было отпустить их, чем опять привлекать внимание окружающих.

— Идите, — сказал Хоуард. — Можете выйти за дверь и постоять у ограды. Но дальше не ходите.

Шейла пошла с братом; другие дети смиренно сидели на своих местах. Хоуард спросил еще бутылку некрепкого красного вина.

Было десять минут десятого, когда в кабачок ввалился широкоплечий молодой парень в кирпично-красном рыбацком плаще и резиновых сапогах. Похоже, он успел уже посетить два-три конкурирующих заведения: по дороге к стойке его шатало. Он обвел всех в кабачке быстрым взглядом, словно лучом прожектора.

— Эй! — потребовал он. — Дайте мне ангельского перно и к черту sales Boches.

— Потише. Немцы рядом, — сказал кто-то у стойки. Девушка за стойкой наморщила лоб.

— Ангельского перно? Вы, конечно, шутите? Обыкновенное перно для мсье.

— У вас что, нету ангельского перно? — сказал парень.

— Нет, мсье. Я о таком и не слыхала никогда.

Новый посетитель не ответил; одной рукой он ухва-

тился за стойку и пошатывался. Хоуард встал и подошел к нему.

— Может быть, выпьете с нами стаканчик красного?

— Идет! — Парень откачнулся от стойки и пошел с ним к столу.

— Позвольте вас познакомить, — тихо сказал Хоуард. — Это моя невестка, мадемуазель Николь Ружерон.

Молодой рыбак уставился на него.

— Мадемуазель невестка? Выражайтесь поаккуратней, — сказал он еле слышно. — Помалкивайте, говорить буду я.

Он шлепнулся на стул рядом с ними. Хоуард налил ему вина, парень долил стакан водой и выпил. И сказал тихо:

— Вот какое дело. Моя лодка у пристани, но тут я не могу взять вас на борт, рядом немцы. Дождитесь темноты, потом тропинкой пройдете к Коровьему маяку, это автоматический маяк на скалах, за полмили отсюда, теперь он не действует. Там я вас встречу с лодкой.

— Понимаю, — сказал Хоуард. — Как нам выйти отсюда на тропинку?

Фоке стал объяснять. Хоуард сидел спиной к входной двери, напротив Николь. Слушая объяснения Фоке, он нечаянно взглянул на девушку — лицо ее застыло, в глазах тревога.

— Мсье... — начала она и умолкла.

Позади него раздались тяжелые шаги и какие-то немецкие слова. Хоуард круто повернулся на стуле, повернулся и молодой француз, его сосед. И оба увидели германского солдата с винтовкой. Рядом с ним стоял один из механиков с того торпедного катера у пристани, в грязном синем комбинезоне.

Эта секунда навсегда врезалась в память старика. В глубине у стойки напряженно застыли рыбаки; девушка, вытиравшая стакан, так и замерла с салфеткой в руке.

Заговорил человек в комбинезоне. Он говорил по-английски с акцентом, то ли немецким, то ли американским.

— Отвечайте, — сказал он. — Сколько вас тут англичан?

Никто не ответил.

— Ладно,— сказал человек в комбинезоне.— Пойдем-ка все в караулку, потолкуем с Feldwebel ¹. Да чтоб не дурить, не то вам будет худо.

И кое-как повторил то же самое по-французски.

10

Фоке разразился бурным потоком слов, убедительно разыгрывая пьяное негодование. Он знать не знает всей этой компании, он только выпил с ними стаканчик вина, в этом греха нет. Ему пора выходить в море — самое время, отлив. Если его поведут в караулку, завтра не будет рыбы к завтраку,— как это им понравится? Сухопутные крысы ничего не смыслят, дело известное. У пристани отшвартована его лодка — что с ней будет? Кто за ней присмотрит?

Солдат грубо ткнул его прикладом в спину, и Фоке разом замолчал.

Поспешно вошли еще два немца — рядовой и Gefreiter; ² всю компанию заставили подняться и погнали из дверей. Спротивляться было явно бесполезно. Человек в комбинезоне вышел раньше, но через несколько минут появился снова, ведя Ронни и Шейлу. Оба были перепуганы, Шейла в слезах.

— Эти, надо полагать, ваши,— сказал он Хоуарду.— Отлично болтают по-английски, чужому языку так не выучишься.

Хоуард не ответил, только взял детей за руки. Человек в комбинезоне как-то странно посмотрел на него и так и остался стоять, глядя вслед, когда их в сгущающейся темноте повели в караулку.

— Куда мы идем, мсье Хоуард? — испуганно спросил Ронни.— Это нас немцы поймали?

— Мы только с ними поговорим об одном деле,— сказал Хоуард.— Не надо бояться, нам ничего плохого не сделают.

— Я говорил Шейле, чтоб не говорила по-английски, а то вы рассердитесь, а она не слушалась,— сказал мальчик.

— Она говорила по-английски с тем человеком в комбинезоне? — спросила Николь.

---

¹ Фельдфебелем (нем.).

² Ефрейтор (нем.).

Ронни кивнул. Не сразу робко поднял глаза на старика. И, набравшись храбрости, спросил:

— Вы сердитесь, мистер Хоуард?

Незачем было еще больше огорчать детей, им и так предстояли новые испытания.

— Не сержусь, — сказал старик. — Было бы лучше, если бы она послушалась, но теперь не стоит об этом говорить.

Шейла все еще горько плакала.

— Я люблю говорить по-английски, — всхлипнула она.

Хоуард остановился и вытер ей глаза; конвойные не помешали ему и даже соизволили приостановиться.

— Не плачь, — сказал он Шейле. — Теперь ты можешь говорить по-английски сколько хочешь.

И она, успокоенная, молча пошла рядом с ним, только изредка хлюпала носом.

Их провели шагов двести по дороге к Ланнили, повернули направо и ввели в дом, где помещалась караульная. Они вошли в комнату с голыми стенами, при виде их фельдфебель наскоро застегнул мундир. Потом он уселся за непокрытый дощатый стол на козлах; конвойные выстроили перед ним задержанных. Он презрительно оглядел их с головы до ног.

— So! — сказал он наконец. — Geben Sie mir Ihre Legitimationspapiere ¹.

Хоуард понимал по-немецки всего несколько слов, остальные — и вовсе ни слова. Они недоуменно смотрели на немца.

— Cartes d'identité ¹, — сказал он резко.

Фоке и Николь достали свои французские удостоверения личности; немец стал молча их изучать. Потом поднял глаза.

Жестом игрока, который, проигрывая, выкладывает последнюю карту, Хоуард положил на голый стол английский паспорт.

Фельдфебель усмехнулся, взял паспорт и с любопытством стал изучать.

— So! — сказал он. — Engländer ². Уинстон Черчилль.

Поднял голову и принялся разглядывать детей. На плохом французском языке спросил, есть ли у них

---

¹ Давайте ваши документы (нем. и фр.).

² Англичанин (нем.).

какие-нибудь документы, и явно был доволен, услышав, что документов никаких нет.

Потом он о чем-то распорядился по-немецки. Пленников обыскали, убедились, что при них нет оружия; все, что у них было — бумаги, деньги, часы, всякие личные мелочи, даже носовые платки, — отобрали и разложили на столе. Потом отвели в соседнюю комнату, где на полу лежало несколько соломенных тюфяков, дали всем по одеялу и оставили одних. Окно было грубо зарешечено деревянными планками; за ним на дороге стоял часовой.

— Я очень сожалею, что так вышло, — сказал Хоуард молодому рыбаку.

Он был искренне огорчен, ведь француз попался ни за что ни про что.

Тот философски пожал плечами.

— Был случай поехать к де Голлю, поглядеть на белый свет, — сказал он. — Найдется и еще случай.

Он бросился на тюфяк, завернулся в одеяло, собираясь спать.

Хоуард и Николь сдвинули матрасы по два, на одну такую постель уложили Розу с Шейлой, на другую мальчиков. Остался еще один матрас.

— Это для вас, — сказал Хоуард. — Я сегодня спать не буду.

Николь покачала головой.

— Я тоже.

Полчаса они сидели бок о бок, прислонясь к стене, и смотрели на зарешеченное окно. В комнате стало уже почти темно; снаружи в звездном свете и последних отблесках заката смутно виднелась гавань. Было еще совсем тепло.

— Утром нас допросят, — сказала Николь. — Что нам говорить?

— Мы можем говорить только одно. Чистую правду. С минуту она раздумывала.

— Нельзя впутывать ни Арвера, ни Лудеака, ни Кентена, мы должны всеми силами этого избежать.

Хоуард согласился.

— Они спросят, где я взял этот костюм. Можете вы сказать, что это вы мне дали?

— Да, хорошо, — кивнула Николь. — И скажу, что прежде знала Фоке и сама с ним договаривалась.

Молодой француз уже засыпал; Николь подошла и несколько минут серьезно что-то ему говорила. Он

пробурчал согласие; девушка вернулась к Хоуарду и снова села.

— Еще одно,— сказал он.— Насчет Маржана. Не сказать ли, что я подобрал его на дороге?

Николь кивнула.

— На дороге в Шартр. Я ему объясню.

— Может быть, все и обойдется, лишь бы не устроили перекрестный допрос детям,— с сомнением сказал Хоуард.

Потом они долго сидели молча. Наконец Николь тихонько пошевелилась рядом со стариком, пытаясь сесть поудобнее.

— Прилягте, Николь,— сказал он.— Вам надо хоть немного поспать.

— Не хочу я спать, мсье,— возразила она.— Право, мне куда приятнее вот так посидеть.

— Я о многом думал,— сказал Хоуард.

— Я тоже.

Он повернулся к ней в темноте.

— Я бесконечно жалею, что навлек на вас такую беду,— тихо сказал он.— Я очень хотел этого избежать, и я думал, все обойдется.

Николь пожала плечами.

— Это неважно.— Она запнулась.— Я думала совсем о другом.

— О чем же? — спросил старик.

— Когда вы познакомили нас с Фоке, вы сказали, что я ваша невестка.

— Надо ж было что-то сказать,— заметил Хоуард.— И ведь это очень недалеко от истины.— В тусклом свете он посмотрел ей в глаза, чуть улыбнулся.— Разве не правда?

— Вот как вы обо мне думаете?

— Да,— сказал он просто.

В узилище воцарилось долгое молчание. Кто-то из детей, вероятно Виллем, беспокойно ворочался и хныкал во сне; за стеной по пыльной дороге взад и вперед шагала часовая.

— Мы совершили ошибку... большую ошибку,— сказала наконец Николь. И повернулась к старику.— Правда, я и не думала делать ничего плохого, когда поехала в Париж, и Джон не думал. У нас ничего такого и в мыслях не было. Пожалуйста, не думайте, он ни в чем не виноват. Никто не виноват, ни я, ни он. Да тогда это вовсе и не казалось ошибкой.

Его мысли перенеслись на полвека назад.

— Я знаю,— сказал он.— Так уж оно бывает. Но ведь вы ни о чем не жалеете, правда?

Николь не ответила, но продолжала более свободно:

— Джон был очень, очень упрямый, мсье. Мы условились, что я покажу ему Париж, для этого я и приехала. А когда мы встретились, он вовсе не интересовался ни церквями, ни музеями, ни картинными галереями.— В ее голосе как будто проскользнула улыбка.— Он интересовался только мною.

— Вполне естественно,— сказал старик. Что еще оставалось сказать?

— Поверьте, мне было очень неловко, я просто не знала, как быть.

— Ну, под конец вы составили себе мнение на этот счет,— засмеялся Хоуард.

— Тут нет ничего смешного, мсье,— с упреком сказала Николь.— Вы совсем как Джон. Он тоже всегда смеялся над такими вещами.

— Скажите мне одно, Николь. Просил он вас выйти за него замуж?

— Он хотел, чтобы мы поженились в Париже, прежде чем он вернется в Англию,— ответила Николь.— Он сказал, что по английским законам это можно.

— Почему же вы не обвенчались? — удивился Хоуард.

Она минуту помолчала.

— Я боялась вас, мсье.

— Меня?!

Она кивнула.

— Ужасно боялась. Теперь это звучит очень глупо, но это правда.

Хоуард силился понять.

— Что же вас пугало?

— Подумайте сами. Ваш сын в Париже вдруг взял и женился и привел в дом иностранку. Вы бы подумали, что он в чужом городе потерял голову, с молодыми людьми иногда так бывает. Что он попался в сети дурной женщине и это несчастный брак. Не представляю, как вы могли бы думать по-другому.

— Если бы я и подумал так сначала, я не долго бы так думал,— сказал Хоуард.

— Теперь я это знаю. И Джон мне так говорил. Но я боялась. Я сказала Джону, что для всех будет

лучше, если мы будем чуточку благоразумнее, понимаете.

— Понятно. Вы хотели немного подождать.

— Не очень долго,— сказала Николь.— Но мне очень хотелось, чтобы все шло как надо, чтобы мы начинали честно. Ведь замуж выходишь на всю жизнь и связываешь свою жизнь не только с мужем, но и с его родными тоже. А в смешанном браке всегда все сложнее. И вот я сказала, что приеду в Англию в сентябре или в октябре, когда Джон опять получит отпуск, мы встретимся в Лондоне, и потом пускай он повезет меня повидаться с вами в вашем Эксетере. А потом вы написали бы моему отцу, и все было бы честно, как надо.

— И тут началась война,— негромко сказал Хоуард.

— Да, мсье, тут началась война. И я уже не могла поехать в Англию. Пожалуй, было бы легче Джону опять приехать в Париж, но он не мог получить отпуск. И вот я месяц за месяцем пыталась получить *permis*¹ и визу... А потом мне написали, что с ним случилось...

Они долго сидели в молчании. Наступила ночь, похолодало. Наконец старик услышал, что девушка дышит ровнее, и понял, что она так и уснула, сидя на голом дощатом полу.

Через некоторое время она зашевелилась и чуть не упала. Хоуард с трудом поднялся, подвел ее, сонную, к туалету, уложил и укрыл одеялом. Скоро она опять крепко уснула.

Он долго стоял у окна, глядя на вход в гавань. Взошла луна; волны разбивались о скалы, и султаны пены белели на черном фоне моря. Что-то с ними со всеми теперь будет, гадал старик. Очень возможно, что его разлучат с детьми и отправят в концентрационный лагерь; тогда ему недолго ждать конца. Страшно подумать, что станет с детьми. Надо постараться любой ценой выйти на свободу. Если это удастся, быть может, он оставит их при себе, станет заботиться о них, пока не кончится война. Пожалуй, можно найти какой-нибудь дом в Шартре, поближе к Николь и ее матери. Понадобится не так уж много денег, чтобы прожить с ними скромно, в одной комнате, самое большее в двух. Мысль о бедности не слишком его тревожила. Прежняя жизнь казалась очень, очень далекой.

---

¹ Разрешение (на выезд) (фр.).

Потом ночная тьма на востоке начала редеть и стало еще холоднее. Хоуард опять отошел к стене, завернулся в одеяло и сел на пол в углу. И скоро уснул беспокойным сном.

В шесть часов его разбудил топот солдатских сапог за стеной. Он пошевелился и сел; Николь уже проснулась и сидела, приглаживая волосы, старалась хоть как-то привести их в порядок без помощи гребня. Вошел немецкий Oberschütze¹, дал им знак подняться и показал дорогу в уборную.

Затем солдат принес им фаянсовые чашки, несколько кусков хлеба и кувшин черного кофе. Они позавтракали и стали ждать, что будет дальше. Николь и Хоуард подавленно молчали; даже дети уловили настроение и сидели унылые, вялые.

Вскоре дверь распахнулась и появился фельдфебель с двумя солдатами.

— *Marchez*,— приказал он.— *Allez, vite!*²

Их вывели наружу и усадили в пятнисто-серый, маскировочной окраски, закрытый военный грузовик вроде фургона. Оба солдата сели туда же, дверцы за ними захлопнули и заперли. Фельдфебель сел рядом с шофером, обернулся и оглядел их через решетчатое окошко шоферской кабины. Грузовик тронулся.

Их привезли в Ланнили и высадили у того большого дома, напротив церкви, где в окне развевался флаг со свастикой. Конвойные ввели их в коридор. Фельдфебель скрылся за какой-то дверью.

Здесь они ждали больше получаса. Дети, поначалу испуганные и присмирившие, заскучали, им уже не сиделось на месте. Пьер тоненько спросил:

— Пожалуйста, мсье, можно я выйду и поиграю во дворе?

И Ронни с Шейлой мигом подхватили в один голос:

— Можно, я тоже пойду?

— Пока нельзя,— сказал Хоуард.— Посидите еще немного.

— Не хочу тут сидеть,— возмутилась Шейла.— Хочу пойти поиграть на солнышке.

Николь наклонилась к ней:

— А помнишь слона Бабара?

Малышка кивнула.

---

¹ Начальник караула (нем.).

² Выходите, живо! (фр.).

— А обезьянку Жако? Что он сделал?

Забавная проделка любимца, как всегда, вызвала смех.

— Жако ухватился за хвост Бабара и залез прямо к нему на спину!

— А зачем?

Тупые серолицые немцы смотрели с угрюмым недоумением. Первый раз в жизни они видели иностранцев, самым своим поведением утверждающих мощь своего отечества. Их смущало и сбивало с толку, что у пленников хватает легкомыслия забавлять детей играми прямо под дверью гестапо. Это пробило брешь в броне их самоуверенности; не очень понимая почему, они чувствовали себя оскорбленными. Не того ждали они после недавней речи фюрера в Спорт-паласе. Победа оказалась иной, чем они ее себе представляли.

Дверь открылась, караульные щелкнули каблуками и вытянулись по стойке «смирно». Николь подняла глаза, взяла Шейлу за руку и встала.

— Achtung! ¹ — крикнул из канцелярии фельдфебель, и оттуда вышел молодой офицер, Rittmeister ² танкового корпуса. На нем была черная форма, вроде походной британской, на голове черный берет, украшенный орлом и свастикой, и еще нашивка — подобие венка. На погонах, на черном сукне тускло поблескивали алюминием череп и скрещенные кости.

Хоуард выпрямился, Фоке вынул руки из карманов. Дети притихли и с любопытством уставились на человека в черном.

В руке у него был карандаш и записная книжка. Прежде всего он обратился к Хоуарду:

— Wie heissen Sie? Ihr Familienname und Taufname? Ihr Beruf? ³

Кто-то более или менее сносно переводил его вопросы на французский, и он записал подробные сведения обо всех, больших и малых. На вопрос о национальности Хоуард назвал себя, Шейлу и Ронни англичанами, отпираться было бесполезно. Национальности Виллема и Маржана неизвестны, сказал он.

Лейтенант танкист ушел обратно в канцелярию. Через несколько минут дверь снова распахнулась и арес-

---

¹ Внимание (смирно)! (нем.)

² Ротмистр, лейтенант (нем.).

³ Кто вы такой? Фамилия, имя? Род занятий? (нем.)

тованным было приказано стать смирно. Фельдфебель подошел к двери.

— Folgen Sie mir! Halt! Rührt Euch! ¹

Они очутились в канцелярии, напротив длинного стола. За столом сидел ротмистр, который допрашивал их в коридоре. Рядом — немец постарше, у этого грубо вылепленная голова, короткая стрижка, свирепое лицо, пронизывающий взгляд. Он держался очень прямо, деревянно, будто затянутый в корсет; мундир на нем был тоже черный, но более щегольского покроя и с португеей черной кожи. Этот человек, как потом узнал Хоуард, был майор гестапо Диссен.

Он уставился на Хоуарда, разглядывая его с головы до ног — его одежду, бретонскую шляпу, куртку кирпичного цвета, всю в пятнах, грязный синий комбинезон.

— So, — и он заговорил по-английски, жестко, но вполне сносно выговаривая чужие слова. — Некоторые английские джентльмены еще путешествуют по Франции. — Короткая пауза. — Ницца и Монте-Карло, — продолжал он. — Надеюсь, вы очень приятно провели время.

Старик молчал. Бессмысленно отвечать на насмешки. Офицер повернулся к Николь.

— Вы француженка, — сказал он зло, напористо. — Вы помогли этому человеку тайно действовать против вашей страны. Вы предаете дело перемирия. За это вас следует расстрелять.

Ошеломленная девушка безмолвно смотрела на него.

— Незачем ее запугивать, — сказал Хоуард. — Мы готовы сказать вам правду.

— Знаю я вашу английскую правду, — возразил гестаповец. — Я доберусь до своей правды, хотя бы пришлось эту особу сечь хлыстом, пока на ней живого места не останется, и сорвать все ногти.

— Что именно вы хотите знать? — негромко спросил Хоуард.

— Я хочу знать, каким образом вы ее заставили помогать вам в вашей работе.

Тут старика тихонько, но настойчиво потянули за рукав. Он опустил глаза, и Шейла шепотом потребовала внимания.

— Сейчас, — мягко сказал он. — Подожди немножко.

---

¹ За мной! Стойте! Вольно! (нем.)

— Я не могу ждать,— был ответ.— Мне надо сейчас.

Старик обратился к гестаповцу.

— Тут есть маленькое неотложное дело,— сказал он кротко. И указал на Розу.— Можно ей вывести отсюда на минуту эту малышку? Они сейчас вернутся.

Молодой танкист широко улыбнулся; даже черты гестаповца чуть смягчились. Лейтенант сказал два слова караульному, тот выслушал, стоя навытяжку, и вывел девочек из комнаты.

— Я отвечу вам так подробно, как только могу,— сказал Хоуард.— Никакой работы во Франции у меня не было, просто я пытался вернуться в Англию с этими детьми. Что до этой девушки, то она была большим другом моего погибшего сына. Мы с нею были знакомы и раньше.

— Это правда,— сказала Николь.— Когда всякое сообщение с Англией прервалось, мсье Хоуард пришел к нам в Шартр. А Фоке я знаю с детства. Мы просили его доставить мсье и детей в Англию на лодке, но он не согласился, потому что это запрещено.

Хоуард стоял молча и только восхищался девушкой. Если ей поверят, она полностью выгородит Фоке.

Офицер язвительно усмехнулся.

— Не сомневаюсь, что мистер Хоуард желал вернуться в Англию,— сухо сказал он.— Здесь становится слишком жарко для субъектов его сорта.— И вдруг резко бросил: — Чарентона мы поймали. Завтра его расстреляют.

Короткое молчание. Немец так и впился глазами в арестованных, пронизывая взглядом то старика, то Николь. Девушка в недоумении наморщила лоб. Молодой танкист с бесстрастным лицом чертил что-то на промокашке. Наконец Хоуард сказал:

— Боюсь, я не совсем понимаю, о чем вы говорите. Я не знаю никакого Чарентона.

— Вот как,— сказал немец.— И конечно, вы не знаете вашего майора Кокрейна, и комнаты номер двести двенадцать на втором этаже вашего Военного министерства на Уайтхолле.

Старик ощутил на себе испытующие взгляды всех присутствующих.

— Я никогда не бывал в Военном министерстве,— сказал он,— и понятия не имею, что там за комнаты. Я был знаком с одним майором по фамилии Кокрейн,

у него был дом возле Тотна, но тот Кокрейн умер в двадцать четвертом году. Ни с какими другими Кокрейнами я не знаком.

Офицер гестапо хмуро усмехнулся.

— И вы думаете, я вам поверю?

— Да, так я думаю,— сказал старик.— Потому что это правда.

— Позвольте мне сказать два слова,— вмешалась Николь.— Право же, здесь недоразумение. Мсье Хоуард приехал во Францию прямо с Юры, остановился только у нас в Шартре. Он и сам вам скажет.

— Совершенно верно,— сказал Хоуард.— Если угодно, я вам расскажу, как я оказался во Франции.

Немецкий офицер демонстративно посмотрел на свои ручные часы и с наглым скучающим видом откинулся на спинку стула.

— Можете,— сказал он равнодушно.— Даю вам три минуты.

Николь тронула Хоуарда за локоть.

— И расскажите, кто все эти дети и откуда они,— настойчиво сказала она.

Старик чуть помолчал, собираясь с мыслями. Не по силам было ему, в его годы, втиснуть все, что с ним случилось, в три минуты; мысль его работала слишком медленно.

— Я приехал во Францию из Англии в середине апреля,— начал он.— Ночь или две провел в Париже, потом поехал дальше и переночевал в Дижоне. Видите ли, я направлялся в Сидотон, это такое место на Юре, хотел немножко отдохнуть и половить рыбу.

Гестаповец внезапно выпрямился, будто его подкинуло током.

— Какую рыбу? — рявкнул он.— Отвечайте, живо! Хоуард изумленно посмотрел на него.

— Голубую форель,— сказал он.— Иногда попадает хариус, но это редкость.

— И какой снастью их ловят? Живо!

Старик смотрел на него в замешательстве, не зная, с чего начать.

— Да вот,— сказал он,— нужна девятифутовая леса, но течение обычно очень сильное, так что «три икс» вполне достаточно. Конечно, муха натуральная, вы понимаете.

Немца словно отпустило.

— А какую муху вы берете?

Ну, об этом поговорить было даже приятно.

— Да вот,— с удовольствием начал объяснять старик,— лучше всего форель ловится на «темную оливку» или на «большую синюю». Две или три я поймал на наживку, которая называется «дикий петух», но...

Гестаповец перебил его.

— Врите дальше,— грубо сказал он.— Некогда мне слушать про ваши рыболовные подвиги.

И Хоуард углубился в свою повесть, сжимая ее как только мог. Оба немецких офицера слушали все внимательней и все недоверчивей. Минут через десять старик добрался до конца.

Гестаповец, майор Диссен, посмотрел на него презрительно.

— Ну-с, допустим, вам можно будет вернуться в Англию,— сказал он.— И что вы станете делать со всеми этими детьми?

— Я думал отправить их в Америку,— ответил Хоуард.

— Почему?

— Потому что там безопасно. Потому что детям нехорошо видеть войну. Лучше им быть подальше от нее.

Немец уставился на него.

— Прекрасно сказано. А позвольте спросить, на чьи деньги они бы поехали в Америку?

— О, я оплатил бы проезд,— сказал старик.

Гестаповец презрительно усмехнулся, его все это явно забавляло.

— А в Америке что им делать? Подыхать с голоду?

— Конечно, нет. Там живет моя замужняя дочь. Она их приютит, пока не кончится война.

— Мы даром тратим время,— сказал немец.— Вы что, дураком меня считаете? По-вашему, я поверю такой басне?

— Представьте, мсье, это чистая правда,— сказала Николь.— Я знала сына и знаю отца. Конечно, и дочь такая же. В Америке есть люди, которые щедро помогают беженцам, детям.

— So,— фыркнул Диссен.— Мадемуазель поддерживает эту басню. Что ж, поговорим о самой мадемуазель. Мы слышали, что мадемуазель была подружкой сына сего почтенного джентльмена. Очень близкой подружкой...— И внезапно рявкнул: — Любовницей, конечно?

.Николь выпрямилась.

— Можете говорить все, что вам угодно,— спокойно сказала она.— Можете назвать заход солнца каким-нибудь грязным словом, но его красоту вы этим не запятнаете.

Наступило молчание. Молодой танкист наклонился к гестаповцу и что-то прошептал. Диссен кивнул и снова обратился к старику.

— По датам,— сказал он,— вы успели бы вернуться в Англию, если бы ехали прямо через Дижон. А вы этого не сделали. Вот оно, уязвимое место в вашей басне. Тут-то и начинается вранье.— Он повысил голос.— Почему вы остались во Франции? Отвечайте, живо, хватит болтать чепуху. Даю вам слово, вы у меня заговорите еще до вечера. Так выкладывайте сейчас, вам же будет лучше.

Хоуард был огорчен и сбит с толку.

— В Дижоне эта малышка заболела,— он указал на Шейлу.— Я ведь только что вам рассказал. Нельзя было везти такого больного ребенка.

Побелев от бешенства, гестаповец нагнулся к нему через стол.

— Слушайте,— сказал он,— опять предупреждаю, в последний раз. Со мной шутки плохи. Таким враньем не проведешь и младенца. Если бы вы хотели вернуться в Англию, вы бы уехали.

— Эти дети на моем попечении,— сказал старик.— Я не мог уехать.

— Ложь... ложь... ложь...

Гестаповец хотел еще что-то сказать, но сдержался. Молодой танкист нагнулся к нему и опять почтительно что-то прошептал.

Майор Диссен откинулся на спинку стула.

— Итак,— сказал он,— вы отвергаете нашу доброту и не желаете говорить. Воля ваша. Еще до вечера вы станете откровеннее, мистер англичанин; но к тому времени вам выколют глаза и вы будете корчиться от боли. Это будет недурная забава для моих людей. Мадемуазель тоже на это полюбуется, и детки тоже.

В канцелярии стало очень тихо.

— Сейчас вас уведут,— сказал гестаповец.— Я пришло за вами, когда мои люди приготовятся начать.— Он подался вперед.— Вот слушайте, что мы хотим знать, и будете знать, о чем надо говорить, даже когда станете слепы и глухи. Мы знаем, что вы шпион,

шатались по стране переодетый, а эта женщина и дети служили для вас ширмой. Мы знаем, что вы действовали заодно с Чарентоном, об этом можете и не говорить. Мы знаем, что один из вас, либо вы, либо Чарентон, сообщил в Англию, что фюрер посетит корабли в Бресте, это вы тогда вызвали налет авиации.— Он перевел дух.— Но вот чего мы не знаем и что вы сегодня нам скажете: каким образом сведения попадали в Англию, к этому майору Кокрейну,— он ехидно скривил губу,— который, если верить вашей басне, умер в двадцать четвертом году. Вот о чем вы расскажете, мистер англичанин. И как только это будет сказано, боль прекратится. Помните об этом.

Он махнул фельдфебелю.

— Уведите.

Их вытолкали из комнаты. Хоуард двигался как в тумане; невозможно поверить, что с ним случилось такое. О подобных историях он читал, но как-то не очень верил. Предполагалось, что так поступают с евреями в концентрационных лагерях. Нет, не может быть... неправда.

Фоке отделили от них и куда-то увели. Хоуарда и Николь втолкнули в камеру под лестницей, с зарешеченными окнами; дверь захлопнулась.

— Мы здесь будем обедать, мадемуазель? — спросил Пьер.

— Да, наверно, Пьер,— глухо проговорила Николь.

— А что у нас будет на обед? — спросил Ронни.

Николь обняла его за плечи.

— Не знаю,— машинально сказала она.— Увидим, когда принесут. Теперь пойді поиграй с Розой. Мне надо поговорить с мсье Хоуардом.

И обернулась к старику:

— Все очень плохо. Мы впутались в какую-то чудовищную историю.

Он кивнул.

— Как видно, все дело в том воздушном налете на Брест. Вот когда вам поранило руку.

— В магазинах тогда говорили, что в Брест приехал Адольф Гитлер,— сказала Николь.— Но мы не приняли это всерьез. Столько ходит слухов, столько пустой болтовни.

Замолчали. Хоуард стоял и смотрел в окно на тесный, заросший сорняками дворик. Теперь все понятно. Обстановка сложилась такая, что местным геста-

повцам придется усердствовать вовсю. Им просто необходимо предъявить шпионов — виновников налета, или хотя бы изувеченные тела людей, которых они объявят шпионами.

Наконец он заговорил:

— Я не могу сказать им то, чего не знаю, и, пожалуй, для меня это плохо кончится. Если меня убьют, сделаете вы для детей все, что можете, Николь?

— Да, я все сделаю. Но вас не убьют, нет, вас не тронут. Должен же быть какой-то выход...

Она горько покачала головой. Но Хоуард думал о другом.

— Я постараюсь добиться, чтобы они дали мне составить новое завещание, — продолжал он. — Тогда после войны вы сумеете получить в Англии деньги, и вам будет на что содержать детей и дать им образование — тем, у кого нет родных. Но пока не кончится война, вам придется делать все, что только в ваших силах.

Тянулись долгие часы. В полдень солдат принес им жестяную кастрюлю без крышки с каким-то варевом из мяса и овощей и несколько мисок. Детям раздали по миске, и они с наслаждением принялись за обед. Николь поела немного, но старик почти не притронулся к еде.

Солдат убрал поднос, и снова потянулось ожидание. В три часа дверь распахнулась, появился фельдфебель и с ним караульный.

— *Le vieux, marchez* ¹, — скомандовал фельдфебель.

Хоуард шагнул вперед, Николь за ним. Караульный оттолкнул ее.

Старик остановился.

— Одну минуту. — Он взял Николь за руку и поцеловал в лоб. — Ничего, милая, — сказал он. — Не волнуйтесь за меня.

Его заторопили, вывели из здания гестапо на площадь. Сияло солнце; проехали две-три машины, в магазинах местные жители заняты были обычными делами. Жизнь в Ланнили шла своим чередом; из церкви в знойное летнее затишье лился негромкий однообразный напев. Женщины с любопытством смотрели из магазинов на идущего мимо под конвоем Хоуарда.

Его ввели в другое здание и втолкнули в комнату

---

¹ Старик, выходите (фр.).

нижнего этажа. Дверь за ним закрыли и заперли. Он огляделся.

Это была обыкновенная мещанская гостиная, обставленная во французском вкусе, с неудобными позолоченными стульями и вычурными безделушками. На стенах в тяжелых золоченых рамах висело несколько очень плохих писанных маслом картин; были тут и пальма в кадке, и на столиках у стены безделушки и выцветшие фотографии в рамках. Посреди комнаты стоял стол, покрытый скатертью.

За этим столом сидел молодой человек в штатском — бледное лицо, темные волосы, совсем молод, лет двадцати с небольшим. Он поднял глаза на входящего Хоуарда.

— Кто вы? — спросил он по-французски.

Он говорил почти лениво, словно все дело не стоило внимания.

Старик стоял у двери, силясь подавить страх. Было тут что-то странное и потому опасное.

— Я англичанин, — сказал он наконец. Бессмысленно было что-то скрывать. — Вчера меня арестовали.

Молодой человек невесело улыбнулся. На этот раз он заговорил по-английски, и притом без малейшего акцента.

— Ну что ж, — сказал он, — входите, садитесь. Вот нас и двое. Я тоже англичанин.

Хоуард отступил на шаг.

— Вы англичанин?!

— Принял английское подданство, — небрежно пояснил тот. — Моя мать родом из Уокинга, и я почти всю жизнь провел в Англии. Мой отец был француз, так что по рождению и я считался французом. Но отец погиб еще в прошлую войну.

— Что же вы здесь делаете?

Молодой человек поманил его к столу.

— Подойдите, садитесь.

Старик придвинул стул к столу и опять спросил о том же.

— Я понятия не имел, что в Ланнили есть еще англичанин, — сказал он. — Что вы все-таки здесь делаете?

— Жду расстрела, — сказал молодой человек.

Оглушительное тягостное молчание. Наконец Хоуард спросил:

— Ваша фамилия не Чарентон?

Тот кивнул.

— Да, я — Чарентон. Я вижу, вам про меня сказали.

И опять в тесной комнате долгое молчание. Хоуард сидел ошеломленный, он не знал что сказать. В замешательстве опустил глаза и увидел на столе руки молодого человека. Чарентон положил руки на стол перед собой и как-то странно их сжал — пальцы переплетены, ладонь левой руки вывернута кверху, ладонь правой — книзу. Большие пальцы скрестились. Заметив недоуменный взгляд старика, Чарентон пристально посмотрел на него и тотчас разнял руки.

И чуть вздохнул.

— Как вы сюда попали? — спросил он.

— Я пытался вернуться в Англию с несколькими детьми...

И Хоуард сызнава поведал свою историю. Молодой человек слушал спокойно и не сводил со старика пронизательных пытливых глаз. Выслушав до конца, он сказал:

— Думаю, вам незачем особенно беспокоиться. Вероятно, вас оставят на свободе, позволят жить в каком-нибудь французском городке.

— Боюсь, что будет иначе, — сказал Хоуард. — Видите ли, они считают, что я связан с вами.

Чарентон кивнул.

— Так я и думал. Поэтому нас посадили вместе. Очевидно, подыскивают еще козлов отпущения.

— Боюсь, что так, — сказал Хоуард.

Молодой человек встал и отошел к окну.

— С вами все обойдется, — сказал он наконец. — Улик против вас нет и взять их неоткуда. Рано или поздно вы вернетесь в Англию. — В голосе его сквозила печаль.

— А вы? — спросил Хоуард.

— Я? Мне крышка, — сказал Чарентон. — Насчет меня им все ясно.

Хоуард не верил своим ушам. Казалось, перед ним разыгрывается какой-то спектакль.

— По-видимому, оба мы в трудном положении, — сказал он наконец. — Может быть, ваше тяжелее... не знаю. Но вы можете оказать мне одну услугу. — Он огляделся по сторонам. — Если бы достать лист бумаги и карандаш, я переписал бы свое завещание. Вы его засвидетельствуете?

Чарентон покачал головой.

— Здесь ничего нельзя писать без разрешения немцев, они просто отберут написанное. И ни один документ с моей подписью не дойдет до Англии. Придется вам найти другого свидетеля, мистер Хоуард.

— Понимаю,— вздохнул старик, потом сказал: — Если я выберусь отсюда, а вы нет, может быть, я сумею для вас что-нибудь сделать? Выполнить какое-нибудь поручение?

Чарентон усмехнулся.

— Никаких поручений,— отрезал он.

— Неужели я ничего не могу сделать?

Молодой человек быстро взглянул на него.

— Вы знаете Оксфорд?

— Прекрасно знаю,— сказал Хоуард.— Вы там бывали?

Чарентон кивнул.

— Я был в Ориеле. Это вверх по реке, мы туда часто ходили, там запруда, мостик, а рядом старая-престарая гостиница, серый каменный дом. Все время журчит вода, и рыба скользит в прозрачной глубине, и цветы, повсюду цветы.

— Вы имеете в виду гостиницу «У форели» в Гэдстау?

— Да... «У форели». Вы знаете это место?

— Конечно, прекрасно знаю. По крайней мере, знал сорок лет назад.

— Побывайте там как-нибудь в жаркий летний день,— сказал Чарентон.— Посидите на низкой каменной ограде, поглядите на рыбу в пруду и выпейте за меня кружку пива.

— Если я вернусь в Англию, я это сделаю,— сказал Хоуард. И опять оглядел убогую, безвкусную обстановку с претензией на роскошь.— Но может быть, я могу кому-нибудь что-то от вас передать?

Чарентон покачал головой.

— Нет у меня никаких поручений. А если бы и были, я не передал бы их через вас. В комнате почти наверняка есть микрофон, и Диссен подслушивает каждое наше слово. Потому они и свели нас тут.— Он огляделся.— Микрофон, вероятно, за одной из этих картин.

— Вы уверены?

— Безусловно.— Он повысил голос и заговорил по-немецки: — Вы зря теряете время, майор Диссен. Этот

человек понятия не имеет о моих делах.— И, чуть помолчав, продолжал: — Но вот что я вам скажу: в один прекрасный день придут англичане и американцы, и вы будете в их власти. Они будут не так деликатны, как после прошлой войны. Если вы убьете этого старика, вас публично вздернут на виселице, и ваш труп останется гнить на ней в назидание всем другим убийцам.

Он обернулся к Хоуарду.

— Пускай слышит, это ему полезно,— спокойно сказал он по-английски.

Старик встревожился.

— Напрасно вы так с ним говорили. Это вам не поможет.

— Мне уже ничто не поможет,— возразил Чарентон.— Со мной, можно считать, покончено.

Хоуард поежился от этой спокойной уверенности.

— Вы раскаиваетесь? — спросил он.

— Нет, честное слово, нет! — Чарентон мальчишески засмеялся.— Нам не удалось попасть в Адольфа, но мы его здорово напугали.

Позади отворилась дверь. Оба круто обернулись: вошли немецкий ефрейтор и солдат. Солдат прошагал в комнату и остановился возле Хоуарда. Ефрейтор сказал грубо:

— Kommen Sie ¹.

Хоуард встал. Чарентон улыбнулся ему.

— Что я вам говорил? Прощайте. Желаю удачи!

— Прощайте,— ответил старик.

И ничего больше не успел прибавить. Его вытолкали из комнаты. Когда его вели по коридору к выходу, он увидел распахнутую дверь и за нею уже знакомого гестаповца в черном мундире, разъяренное лицо мрачнее тучи. Со сжавшимся сердцем Хоуард вышел между конвоирами на залитую солнцем площадь.

Его отвели обратно к Николь и детям. Ронни бросился к нему.

— Маржан учил нас стоять на голове! — выпалил он.— Я уже умею, и Пьер умеет. А Виллем нет, и девочки тоже не могут. Смотрите, мистер Хоуард, смотрите!

Дети вокруг стали на головы. Николь тревожно смотрела на Хоуарда.

---

¹ Идите (нем.).

— Вас не тронули?

Старик покачал головой.

— Они надеялись через меня что-нибудь выведать у молодого человека по фамилии Чарентон.

И он коротко рассказал ей о том, что произошло.

— Вот так они и действуют,— сказала Николь.— Я слышала об этом в Шартре. Чтобы добиться своего, они не всегда пытаются тело. Они пытаются душу.

Долгий день медленно клонился к вечеру. Взаперти в маленькой камере все задыхались от жары, и не так-то просто было развлекать детей. Им нечего было делать, не на что смотреть, и нечего было им почитать. Николь и Хоуард выбивались из сил, поддерживая мир и прекращая ссоры, и это для них оказалось даже отчасти благом: некогда было раздумывать о том, что впереди.

Наконец немецкий солдат принес им ужин — черный кофе и длинные ломти хлеба. За едой дети развлеклись и отдохнули; старик и девушка знали — насытятся, все скоро захотят спать. Когда солдат вернулся за посудой, его спросили о постелях.

Он притащил набитые соломой тюфяки, жесткие подушки и всем по одеялу. Николь и Хоуард приготовили постели, и усталые за день дети сразу охотно улеглись.

Долгие вечерние часы проходили в томительном бездействии. Старик и девушка сидели на своих тюфяках и невесело раздумывали; порой перекинутся несколькими словами и снова замолчат. Около десяти собрались спать; сняли только верхнее платье, легли и укрылись одеялами.

Хоуард сносно спал в эту ночь, но Николь почти не спала. Очень рано, еще до рассвета дверь камеры с грохотом распахнулась. Появился ефрейтор в полной форме, со штыком на поясе и в стальной каске. Он потряс Хоуарда за плечо.

— Auf! ¹ — приказал он и знаками велел старику встать и одеться.

Николь, немного испуганная, приподнялась на локте.

— Мне тоже вставать? — спросила она.

Немец понял, покачал головой.

Натягивая в полутьме куртку, Хоуард повернулся к девушке.

---

¹ Выходи! (нем.)

— Наверно, опять допрос,— сказал он.— Не тревожьтесь. Я скоро вернусь.

Николь была глубоко взволнована.

— Мы с детьми будем вас ждать,— просто сказала она.— Я о них позабочусь.

— Знаю,— сказал старик.— Au revoir ¹.

В холодном предутреннем свете его повели через площадь, мимо церкви, к большому дому, где вывешен был флаг со свастикой. Привели не в ту комнату, где допрашивали в первый раз, а вверх по лестнице. Когда-то здесь была спальня, и кое-что из обстановки осталось, но кровать вынесли, и теперь тут была какая-то канцелярия.

У окна стоял гестаповский офицер в черном мундире, майор Диссен.

— So,— сказал он.— Опять этот англичанин.

Хоуард молчал. Диссен сказал что-то по-немецки ефрейтору и солдату, которые привели арестованного. Ефрейтор отдал честь, вышел и закрыл за собой дверь. Солдат стоял у двери навывтяжку. В комнате уже разливался серый свет холодного, пасмурного утра.

— Подойдите сюда,— сказал гестаповец.— Поглядите в окно. Славный садик, правда?

Старик подошел. За окном был сад, окруженный высокой стеной красного кирпича, ее заслоняли фруктовые деревья. Заботливо ухоженный сад, деревья уже большие, приятно посмотреть.

— Да,— негромко сказал Хоуард,— славный сад.

Чутье подсказывало, что для него расставили какую-то западню.

— Через несколько минут здесь умрет ваш друг мистер Чарентон,— сказал немец.— Если вы ему не можете, его расстреляют как шпиона.

Старик посмотрел на него в упор.

— Не понимаю, зачем вы привели меня сюда,— сказал он.— Я впервые встретил Чарентона вчера, когда вы свели нас вместе. Это очень храбрый и очень хороший молодой человек. Если вы его расстреляете, вы сделаете дурное дело. Такому человеку следует сохранить жизнь, чтобы, когда эта война кончится, он мог работать на благо людям.

— Очень милая речь,— сказал немец.— Я с вами согласен, ему следует сохранить жизнь. И он будет

---

¹ До свиданья (фр.).

жить, если вы ему поможете. Он останется в плену до конца войны, ждать уже недолго. Самое большее полгода. Потом его освободят.— Гестаповец повернулся к окну.— Смотрите. Его ведут.

Старик посмотрел в окно. По садовой дорожке конвой из шести немецких солдат с винтовками вел Чарентона. Командовал фельдфебель; позади, сунув руки в карманы, неторопливо шел офицер. Руки Чарентону не связали, и он шел очень спокойно.

Хоуард обернулся к Диссену.

— Чего вы хотите? Для чего вы заставляете меня на это смотреть?

— Я велел привести вас сюда, потому что хочу посмотреть, не поможете ли вы вашему другу в минуту, когда он нуждается в помощи.— Немец наклонился к старику.— Послушайте,— он понизил голос,— это же пустяк, это не повредит ни вам, ни ему. И это ничего не изменит в ходе войны, потому что Англия все равно обречена. Если вы скажете мне, каким образом он передавал сведения из Франции в Англию, вашему майору Кокрейну, я остановлю казнь.

Он отступил на шаг.

— Чего тут раздумывать? Рассуждайте здраво. Какой смысл дать храброму молодому человеку умереть, если его можно спасти, чтобы после войны он мог работать на благо вашего отечества. И ведь никто ничего не узнает. Чарентон останется в тюрьме на месяц или два, пока не кончится война; потом его выпустят. Вам со всеми детьми надо будет остаться во Франции, но если вы сейчас нам поможете, вам незачем оставаться в тюрьме. Вы сможете преспокойно жить в Шартре вместе с этой молодой женщиной. Потом война кончится, и осенью вы поедете домой. Из Англии не будет никаких запросов, ведь к тому времени вся система британского шпионажа рассыплется. Вы ничем не рискуете, и вы можете спасти жизнь этому молодому человеку.— Он опять наклонился к Хоуарду и снова понизил голос: — Всего лишь два словечка. Скажите, как он это делал? Он никогда не узнает, что вы сказали.

Старик расширенными глазами смотрел на гестаповца.

— Не могу я вам сказать. Я ничего не знаю, это чистая правда. Я никак не был связан с его делами.

Он сказал это с облегчением. Будь он осведомлен, было бы куда сложнее.

Майор Диссен отошел от него. Сказал грубо:

— Вздор. Не верю. Вы знаете достаточно, чтобы помочь агенту вашей страны, когда он нуждается в вашей помощи. Все туристы в любой чужой стране знают достаточно. Вы что, дураком меня считаете?

— Может быть, это верно в отношении немецких туристов,— сказал Хоуард.— В Англии обыкновенные туристы ничего не знают о шпионаже. Говорю вам, я не знаю решительно ничего такого, что помогло бы этому человеку.

Немец закусил губу.

— Я склонен думать, что вы сами шпион,— сказал он.— Вы шатались по всей Франции, переодетый, никому не известно, где вы побывали. Берегитесь. Как бы и вам не разделить его участь.

— Если и так, все равно я не могу сказать ничего ценного для вас, потому что я ничего не знаю,— возразил старик.

Диссен опять повернулся к окну.

— У вас не так уж много времени,— сказал он.— Минута или две, не больше. Одумайтесь, пока не поздно.

Хоуард посмотрел в сад. Чарентона поставили спиной к стене, перед сливовым деревом. Руки его теперь были связаны за спиной, и фельдфебель завязывал ему глаза красным бумажным платком.

— Никто никогда не узнает,— сказал гестаповец.— У вас еще есть время его спасти.

— Я не могу спасти его таким образом,— сказал старик.— Я ровно ничего не знаю. Но то, что вы делаете, дурно, безнравственно. И в конце концов вы на этом ничего не выгадаете.

Гестаповец круто обернулся к нему. Приблизил лицо чуть не вплотную к лицу старика.

— Он дал вам поручения,— сказал свирепо.— Воображаете, что вы большой ловкач, но меня не проведешь. «У форели»... пиво... цветы... рыба! За дурака меня считаете? Что все это значит?

— Именно то, что он сказал,— ответил Хоуард.— Этот уголок ему очень мил. Вот и все.

Немец угрюмо отстранился.

— Не верю,— процедил он сквозь зубы.

В саду фельдфебель оставил молодого человека у

стены. Шестеро солдат выстроились в ряд напротив него, шагов за десять. Офицер подал команду, щелкнули затворы.

— Я не намерен больше тянуть,— сказал Диссен.— Итак, вам нечего сказать, чтобы спасти ему жизнь? Старик покачал головой.

Офицер в саду поднял голову и посмотрел на окно. Диссен махнул рукой. Офицер повернулся, выпрямился и резко выкрикнул команду. Раздался неровный залп. Человек у сливового дерева обмяк, упал наземь, тело дернулось раза два и застыло неподвижно.

Старик отвернулся, еле одолевая дурноту. Диссен отошел на середину комнаты. Часовой по-прежнему бесстрастно стоял у двери.

— Не знаю, верить ли вашей басне,— хмуро сказал наконец Диссен.— Если вы шпион, то, во всяком случае, очень ловкий.

— Я не шпион.

— Тогда что вы делали во Франции? Зачем шатались повсюду, переодетый французским крестьянином?

— Я уже вам говорил много раз,— устало сказал старик.— Я старался вывезти детей в Англию, отправить их к родным или в Америку.

— Ложь, ложь! — взорвался немец.— Вечно та же ложь! Все вы, англичане, одинаковы! Упрямы, как мулы! — Он вытянул шею и кричал прямо в лицо Хоуарду: — Все вы одна шайка! — Он кивнул на сад за окном.— Вы могли этому помешать, но не помешали.

— Я не мог помешать вам убить этого юношу. Это на вашей совести.

— Я не хотел его убивать,— мрачно сказал гестаповец.— Он меня заставил, вы оба заставили. Вы оба виноваты в его смерти. Вы не оставили мне другого выхода.

Молчание.

— Все время вы только и делаете, что лжете и подкапываетесь под нас. Ваш Черчилль и ваш Чемберлен провокаторы, житья нам не давали, это они заставили нас воевать. И вы такой же.

Старик не отвечал.

Немец немного овладел собой, прошагал через комнату и сел к столу.

— Сочинили басню с отправкой детей в Америку. Не верю ни одному слову.

Старик очень, очень устал. Сказал равнодушно:

— Не в моих силах вас убедить. Но это чистая правда.

— Вы все еще утверждаете, что хотите послать этих детей к вашей замужней дочери?

— Да.

— Где именно она живет в Америке?

— На Лонг-Айленде, это место называется Бухта.

— Лонг-Айленд. Там живут богачи. Ваша дочь очень богата?

— Она замужем за американским дельцом,— сказал старик.— Да, они состоятельные люди.

— И вы все еще хотите уверить меня, что богатая женщина приютит у себя в доме этих грязных детишек, которых вы тут подобрали? — недоверчиво сказал немец.

— Она их приютит,— сказал Хоуард. И помедлив, продолжал: — Вы не понимаете. Там хотят нам помочь. Когда они принимают детей, беженцев из Европы, они чувствуют, что делают хорошее дело. И так оно и есть.

Немец взглянул на него с любопытством.

— Вы бывали в Америке?

— Бывал.

— А не знаете города, который называется Уайт-фоллс?

Хоуард покачал головой.

— Звучит знакомо, но точно не помню. В каком это штате?

— В Миннесоте. Далеко Миннесота от Лонг-Айленда?

— Это на полпути от океана до океана. Пожалуй, около тысячи миль.

Разговор становится очень странным, подумалось Хоуарду.

— Теперь насчет мадемуазель,— сказал немец.— Ее вы тоже хотите отослать в Америку? Она что, тоже ваше дитя, разрешите узнать?

Старик покачал головой.

— Я был бы очень рад, если бы она поехала. Но она не хочет покидать Францию. Ее отец — в плену, в ваших руках, мать осталась одна в Шартре. Я пытался убедить ее поехать с нами в Англию, но она не хочет. Вам не в чем ее обвинить.

Гестаповец пожал плечами.

— Это еще вопрос. Она помогала вам в вашей работе.

— Опять и опять повторяю, я не вел секретной работы,— устало сказал старик.— Я знаю, вы мне не верите.— Он передохнул.— За последние две недели у меня была только одна работа: я старался увезти детей туда, где им ничто не грозит.

Снова молчание.

— Дайте им уехать в Англию,— тихо сказал Хоуард.— Дайте этому молодому рыбаку, Фоке, отвезти их на его лодке в Плимут и дайте мадемуазель Ружерон отвезти их в Америку. Если вы их выпустите, я вам признаюсь, в чем вам будет угодно.

Гестаповец злобно уставился на него.

— Что за вздор. Вы оскорбляете германскую нацию. Мы вам не шайка русских, мы не идем на такие сделки.

Хоуард промолчал. Немец встал и отошел к окну.

— Не понимаю я вас,— произнес он не сразу.— Пожалуй, надо быть очень храбрым человеком, чтобы так сказать.

Хоуард слабо улыбнулся.

— Не храбрым,— сказал он.— Только очень старым. Что бы вы со мной ни сделали, вы очень мало можете у меня отнять, я свое прожил.

Диссен не ответил. Сказал что-то по-немецки часовому, и Хоуарда отвели обратно в камеру.

11

Николь вскочила ему навстречу. Она провела час в нестерпимой тревоге, ее терзал страх за него, дети не давали ни минуты покоя...

— Что случилось? — спросила она.

— Того молодого человека, Чарентона, расстреляли,— устало сказал Хоуард.— Потом меня очень долго допрашивали.

— Садитесь и отдохните,— ласково сказала Николь.— Скоро нам принесут кофе. Вам станет лучше. Он опустился на свой свернутый матрас.

— Николь,— сказал он,— я думаю, есть надежда, что они позволят детям уехать в Англию без меня. Если так, вы отвезете их?

— Я? Ехать в Англию с детьми, без вас? По-моему, это неудачная мысль, мсье Хоуард.

— Если только это будет возможно, я хотел бы, чтобы вы поехали.

Она подошла и села рядом.

— Ради детей хотите или ради меня? — спросила она.

Что ему было на это ответить?

— И ради них и ради вас, — сказал он наконец.

— В Англии у вас друзья, у маленьких англичан там родные, есть кому позаботиться о детях, — Николь рассуждала спокойно, трезво. — Вам надо только написать письмо и отправить его с ними, если им придется ехать без вас. Что до меня, я ведь вам сказала... теперь мне в Англии не место. Здесь моя родина, здесь мои родители, они в беде. И я должна остаться.

Он печально кивнул.

— Я боялся, что вы так ответите.

Полчаса спустя дверь распахнулась и появились два немецких солдата. Они несли стол. Не без труда протащили его в дверь и поставили посреди комнаты. Потом внесли восемь стульев и с математической точностью расставили вокруг стола.

Николь и Хоуард изумленно смотрели на все это. С тех пор как их арестовали, они ели, держа тарелки на весу, накладывали еду из кастрюли, поставленной прямо на пол. И вдруг в обращении с ними появляется что-то новое, что-то странное и подозрительное.

Солдаты вышли. Вскоре дверь снова отворилась, и вошел, балансируя подносом, невысокий француз, очевидно, официант из соседнего кафе. Следом шагнул немецкий солдат и навис над ним в угрожающем молчании. Француз, явно испуганный, накрыл стол скатертью и принялся расставлять блюда и чашки, вместительный кофейник с горячим кофе и кувшин горячего молока, свежие булочки, масло, сахар, джем и тарелку нарезанной кружками колбасы. Потом быстро, с явным облегчением вышел. Солдат снова бесстрастно запер дверь.

Дети нетерпеливо столпились вокруг стола. Хоуард и Николь помогли им усесться и стали кормить. Девушка взглянула на Хоуарда.

— Какая вдруг перемена, — тихо сказала она. — Не понимаю, что у них на уме.

Старик покачал головой. Он тоже ничего не понимал. В глубине сознания затаилась догадка, но он не высказал ее вслух: должно быть, тут новая хитрость, у него пытаются выманить признание. Запугать его не удалось, теперь его хотят подкупить.

Дети уплели все, что было на столе, и наелись досыта. Через четверть часа, все так же под конвоем, опять появился маленький официант; он убрал со стола, сложил скатерть и снова молча исчез. Но дверь осталась не запертой.

Вошел один из часовых, сказал:

— Sie können in den Garten gehen ¹.

С трудом Хоуард понял, что это означает разрешение выйти в сад.

Маленький сад позади дома, обнесенный со всех сторон высокой кирпичной стеной, очень походил на другой сад, который старик видел раньше, утром. Дети выбежали на волю, воздух зазвенел от их радостных криков; день, проведенный накануне взаперти, для них был немалым испытанием. Хоуард и Николь, теряясь в догадках, вышли следом.

И этот день был тоже солнечный, сияющий, уже становилось жарко. Недолго спустя появились двое солдат, принесли два кресла. Оба кресла поставлены были с математической точностью как раз посредине клочка тени под деревом.

— Setzen Sie sich ²,— сказано было Николь и Хоуарду.

Они молча, неуверенно сели рядом. Солдаты удалились, у единственного выхода из сада встал часовой, вооруженный винтовкой с примкнутым штыком. Опер приклад оземь и стал вольно, неподвижно, без всякого выражения на лице. Во всех этих приготовлениях было что-то зловещее.

— Почему они стали так с нами обращаться, мсье? — спросила Николь. — Что они надеются этим выиграть?

— Не знаю,— сказал Хоуард. — Сегодня утром я на минуту подумал: быть может, они нас выпустят... по крайней мере, дадут детям уехать в Англию. Но и в этом случае незачем ставить для нас кресла в тени.

— Это ловушка,— негромко сказала Николь. — Им что-то от нас нужно, вот они и стараются угодить.

Он кивнул.

— А все же здесь приятнее, чем в той комнате,— сказал он.

Маржан, маленький поляк, тоже заподозрил нелад-

---

¹ Можете выйти в сад (нем.).

² Садитесь (нем.).

ное. Он сел в сторонке на траву и угрюмо молчал; с тех пор как их арестовали, он, кажется, не вымолвил ни слова. Розе тоже явно было не по себе; она бродила взад и вперед, разглядывала высокую ограду, будто надеялась найти лазейку для бегства. Младшие дети оставались беззаботны; Ронни, Пьер, Виллем и Шейла то бегали по саду и затевали какую-нибудь игру, то останавливались, сунув палец в рот, и разглядывали немца-часового.

Вскоре, оглянувшись на старика, Николь увидела, что он уснул в кресле.

Весь день они провели в саду, возвращались в свою тюрьму только чтобы поесть. Обед и ужин, так же как утренний кофе, им принес под конвоем тот же молчаливый маленький официант; это была хорошая, сытная еда, отлично приготовленная и заманчиво поданная. После ужина солдаты вынесли стол и стулья и знаками показали, что пленники могут разложить свои постели. Они так и сделали и уложили детей спать.

Немного погодя Николь и Хоуард тоже легли.

Старик поспал какой-нибудь час, и вдруг дверь распахнул немецкий солдат. Наклонился и потряс Хоуарда за плечо.

— *Kommen Sie*,— сказал он.— *Schnell, zur Gestapo*¹.

Хоуард устало поднялся, в темноте натянул куртку, надел башмаки. Со своей постели Николь сказала:

— Что такое? Можно мне тоже пойти?

— Не думаю, дорогая,— ответил он.— Им нужен я.

— Нашли время! — возмутилась Николь.

Солдат сделал нетерпеливое движение.

— Не волнуйтесь,— сказал девушке Хоуард.— Должно быть, опять допрос.

Его вывели, и дверь за ним закрылась. Николь встала, надела платье и села ждать в темноте, на своем матрасе, среди спящих детей, полная недобрых предчувствий.

Хоуарда привели в комнату, где их допрашивали в первый раз. За столом сидел офицер гестапо, майор Диссен. Перед ним на столе недопитая чашка кофе, комната полна сигарного дыма. Солдат, приведший Хоуарда, деревянно отсалютовал. Офицер что-то коротко сказал ему, тот вышел и закрыл за собой дверь. Старик остался наедине с майором Диссеном.

---

¹ Идите. Скорей, в гестапо (нем.).

Он взглянул на стенные часы. Было немного за полночь. Окна завешены одеялами — затемнение.

Но вот немец поднял голову и посмотрел на старика, стоящего у стены.

— So,— сказал он.— Опять этот англичанин.

Он открыл ящик, достал большой автоматический пистолет. Вынул обойму, осмотрел, вставил на место и щелкнул затвором. И положил заряженный пистолет перед собой на бювар.

— Мы одни,— сказал он.— Как видите, я не намерен рисковать.

Старик слабо улыбнулся.

— Меня вам бояться нечего.

— Возможно,— сказал немец.— Зато вам следует бояться меня, и еще как.

Настало короткое молчание. Потом немец сказал:

— Предположим, в конце концов я выпущу вас в Англию. Как вам это понравится, а?

Сердце старика подскочило и снова забилося ровно. Вероятно, это ловушка.

— Я был бы очень благодарен, если бы вы позволили мне увезти детей,— тихо сказал он.

— И мадемуазель тоже?

Хоуард покачал головой.

— Она не хочет ехать. Она хочет остаться во Франции.

Диссен кивнул.

— Мы тоже этого хотим.— Он помедлил.— Вы сказали, что будете благодарны. Сейчас увидим, не пустая ли это болтовня. Предположим, я отпущу вас с вашими детьми в Англию, чтобы вы могли отправить их в Америку. Окажете вы мне небольшую услугу?

— Смотря какую услугу,— сказал старик.

— Торговля! — вспылil гестаповец.— С вами, англичанами, всегда так! Стараешься вам помочь, а вы начинаете торговаться. Не в таком вы положении, чтобы ставить условия, мистер англичанин!

— Я должен знать, чего вы от меня хотите,— стоял на своем старик.

— Дело совсем не трудное,— сказал немец.

Короткое молчание.

Диссен небрежно протянул руку к пистолету, забарабанил по нему пальцами.

— Надо отвезти в Америку одну особу,— сказал он

с расстановкой.— Я хотел бы избежать огласки. Будет очень удобно, если она поедет с вашими детьми.

И уже с откровенной угрозой взял в руку пистолет.

Хоуард посмотрел на гестаповца в упор.

— Если вы хотите сказать, что намерены использовать нас как ширму для агента, которого засылают в Америку, я на это не пойду.

Указательный палец охватил спусковой крючок. Немец побелел от бешенства. Взгляды их скрестились, на добрых полминуты оба застыли.

Гестаповец первый отвел глаза.

— С ума сойдешь с вами,— сказал он желчно.— До чего упрямый, несговорчивый народ. Вам предлагаешь дружбу, а вы отказываетесь. Вечно в чем-то нас подозреваете.

Хоуард молчал. Не надо лишних слов. Они не помогут.

— Слушайте внимательно,— сказал немец,— и постарайтесь при всей своей тупости понять, что вам говорят. В Америку поедет не агент. Это маленькая девочка.

— Девочка?

— Девочка пяти лет. Дочь моего погибшего брата.

Пистолет, зажатый в его руке, лежал на бюваре, но был направлен прямо на старика.

— Дайте мне разобраться,— сказал Хоуард.— Вы хотите, чтобы я вместе с другими детьми отвез в Америку немецкую девочку?

— Вот именно.

— Кто она и куда едет?

— Я же вам сказал, кто она. Дочь моего брата Карла. Ее зовут Анна Диссен, сейчас она в Париже.— Немец минуту поколебался.— Поймите,— продолжал он,— нас было трое. Мой старший брат, Руперт, сражался в первую мировую войну, потом переехал в Америку. У него теперь свое дело в Уайтфоллсе, бакалейная торговля. Он теперь американский гражданин.

— Понимаю,— в раздумье произнес Хоуард.

— Мой брат Карл был обер-лейтенант четвертого танкового полка второй бронетанковой дивизии. Несколько лет назад он женился, но брак был неудачный.— Он замялся, dokonчил поспешно: — Девушка была не полноценная арийка, это не приводит к добру. Были неприятности, и она умерла. А теперь и Карл тоже умер.

Он невесело задумался.

— Я очень сожалею,— мягко сказал Хоуард, и это была правда.

— Его погубило английское вероломство,— угрюмо продолжал Диссен.— Он гнал англичан от Амьена к побережью. Дорога была забита беженцами, и он расчищал путь своему танку пулеметами. А среди этих беженцев прятались английские солдаты. Карл их не видел, и они закидали бутылками с бензином башню танка, бензин просочился внутрь, а потом они подожгли танк, и он вспыхнул. Мой брат откинул люк, хотел выскочить, и англичане сразу его застрелили, он не успел сдаться. Но он уже сдавался, и они это знали. Никто не может драться в горящем танке.

Хоуард молчал.

— Так вот, теперь надо позаботиться об Анне,— сказал Диссен.— Я думаю, ей будет лучше у Руперта в Америке.

— Ей пять лет? — переспросил Хоуард.

— Пять с половиной.

— Хорошо, я с удовольствием возьму ее,— сказал Хоуард.

Немец смотрел на него в раздумье.

— А скоро вы потом отошлете детей из Англии? Сколько их поедет в Америку? Все?

Хоуард покачал головой.

— Сомневаюсь. Трое из шестерых поедут безусловно, но еще двое — англичане, а у девочки-француженки отец в Лондоне. Может быть, и эти захотят поехать, не знаю. Но трех других я отошлю не позже чем через неделю. Конечно, если вы дадите нам уехать.

Немец кивнул.

— Дольше не тяните. Через полтора месяца мы будем в Лондоне.

Молчание. Потом Диссен сказал:

— Не воображайте, будто я сомневаюсь в исходе войны. Мы покорим Англию, как покорили Францию, вам против нас не устоять. Но еще много лет будет война с вашими доминионами, и, пока она не кончится, детям будет голодно — что здесь, что в Германии. Маленькой Анне лучше жить в нейтральной стране.

Хоуард кивнул.

— Хорошо. Если вы хотите, ее отослать, пускай едет с моими детьми.

Гестаповец впился в него взглядом.

— Не пробуйте меня надуть. Помните, у нас останется мадемуазель Ружерон. Она может вернуться в Шартр и жить с матерью, но пока я не получу от моего брата Руперта телеграмму, что маленькую Анну благополучно доставили ему, мы с этой мадемуазель глаз не спустим.

— Она будет заложницей? — тихо спросил старик.

— Она будет заложницей.— Немец посмотрел вызывающе.— И еще одно. Если вы проболтаетесь, вашей молодой леди не миновать концлагеря. Не вздумайте распускать обо мне всякое вранье, как только доберетесь до Англии. Запомните, это даром не пройдет.

Хоурд поспешно сообщал.

— Тут есть и другая сторона,— сказал он.— Если у мадемуазель Ружерон будут неприятности с гестапо и я услышу об этом в Англии, вся история попадет в английские газеты и будет передана по радио на немецком языке с упоминанием вашего имени.

Диссен рассвирепел:

— Вы смеете мне угрожать?

Старик слабо улыбнулся.

— Не стоит говорить об угрозах,— сказал он.— Мы зависим друг от друга, и я хочу с вами условиться. Я возьму вашу девочку, и она благополучно доедет в Уайтфоллс, даже если мне придется отправить ее через океан лайнером. А вы позаботьтесь о мадемуазель Ружерон и смотрите, чтобы с ней не случилось ничего плохого. Такой уговор подходит нам обоим, и мы сможем расстаться друзьями.

Немец долго, пристально смотрел на него.

— So,— сказал он наконец.— Вы ловкач, мистер англичанин. Вы добились всего, чего хотели.

— Так же, как и вы,— сказал старик.

Немец отложил пистолет и взял листок бумаги.

— Какой ваш адрес в Англии? Я пришлю за вами в августе, когда мы будем в Лондоне.

Они обсудили все до мелочей. Четверть часа спустя майор Диссен поднялся из-за стола.

— Ни слова об этом никому,— повторил он.— Завтра вечером вы отсюда уедете.

Хоурд покачал головой.

— Я не скажу ни слова. Но я хочу, чтобы вы поняли одно. Я все равно охотно взял бы вашу девочку. Мне и в голову не приходило отказаться.

— Это хорошо,— сказал гестаповец.— Откажись вы,

я пристрелил бы вас на месте. Было бы слишком опасно выпустить вас из этой комнаты живым.

Он сухо поклонился.

— Auf Wiedersehen¹, — сказал он насмешливо и нажал кнопку звонка на столе.

Дверь отворилась, и часовой отвел Хоурда по мирным, освещенным луной улицам в тюрьму.

Николь сидела на своей постели и ждала. Как только дверь закрылась, она подошла к нему.

— Что случилось? Вас там мучили?

Старик потрепал ее по плечу.

— Все в порядке, — сказал он. — Ничего такого со мной не сделали.

— Так что же произошло? Чего от вас хотели?

Хоурд сел на тюфяк, Николь подошла и села напротив. Светила луна, в окно проскользнул длинный серебряный луч; откуда-то слабо доносилось гуденье бомбардировщика.

— Послушайте, Николь, — сказал Хоурд, — я не могу рассказать вам, что произошло. Скажу только одно, а вы постарайтесь сразу это забыть. Все обойдется. Очень скоро мы поедем в Англию — все дети и я тоже. А вас освободят, вы вернетесь в Шартр к вашей маме, и гестапо не станет вас беспокоить. Вот так оно теперь будет.

— Но... — Николь задыхнулась. — Я не понимаю. Как это удалось?

— Этого я вам объяснить не могу. Больше я ничего не могу сказать, Николь. Но так будет, и совсем скоро.

— Вы очень устали? Вам нездоровится? Это все правда и вам только нельзя рассказать мне, как все устроилось?

Хоурд кивнул.

— Мы поедем завтра или послезавтра.

Он сказал это так твердо, так убежденно, что Николь наконец поверила.

— Я очень, очень рада, — тихо сказала она.

Они долго молчали. Потом девушка сказала:

— Пока вас не было, я сидела тут в темноте и думала, мсье. — В слабом свете старик видел ее профиль, она смотрела в сторону. — Кем-то станут эти дети, когда вырастут. Ронни... мне кажется, он станет инженером, а Маржан солдатом, а Виллем... может быть, юристом

---

¹ До свидания (нем.).

или врачом. Роза, конечно, будет примерной матерью, и Шейла, может быть, тоже... или, пожалуй, она станет деловой женщиной, у вас в Англии таких много. А маленький Пьер... знаете, что я о нем думаю? По-моему, он будет художником или писателем, будет увлекать своими идеями многих и многих людей.

— По-моему, это весьма вероятно,— сказал старик.

— С тех пор как Джон погиб, мсье, я была в отчаянии,— тихо продолжала девушка.— Мне казалось, в мире нет ни капли добра, все на свете стало безумно и шатко и гнусно... бог умер или покинул нас и предоставил весь мир Гитлеру. Даже эти малыши обречены страдать без конца.

Она умолкла. Молчал и Хоуард.

— Но теперь мне кажется, я начинаю понимать, что в жизни есть смысл,— вновь заговорила Николь.— Нам с Джоном не суждено было счастья, кроме той недели. Нам предстояло совершить ошибку. Но теперь, через меня и Джона, спасутся дети, уедут из Европы и вырастут под мирным небом... Может быть, для того мы с Джоном и встретились,— продолжала она чуть слышно.— Может быть, через тридцать лет весь мир будет нуждаться в ком-нибудь из этих малышей... Может быть, Ронни, или Виллем, или маленький Пьер сделает для всех людей что-то очень важное, великое... Но так случится потому, что я встретила с вашим сыном, мсье, хотела показать ему Париж, и мы полюбили друг друга.

Старик перегнулся к ней, взял за руку, и они долго сидели так в полутьме. Потом легли на свои тюфяки и лежали без сна до рассвета.

Следующий день, как и накануне, провели в саду. Детям делать было нечего, они заскучали, маялись, и Николь почти все время старалась их как-нибудь занять, а Хоуард дремал в кресле под деревом. День проходил медленно. В шесть часов подали ужин; потом все тот же официант убрал со стола.

Николь с Хоуардом начали готовить постели для детей. Ефрейтор остановил их; не без труда он дал им понять, что они отсюда уедут.

Хоуард спросил, куда уедут. Немец пожал плечами.

— Nach Paris?¹ — сказал он неуверенно. Он явно ничего не знал.

---

¹ В Париж? (нем.)

Полчаса спустя их вывели и посадили в крытый фургон. С ними сели двое немецких солдат, и машина тронулась. Старик пробовал расспросить солдат, куда их везут, но те отмалчивались. Немного погодя из их разговоров между собой Хоуард уловил, что солдаты получили отпуск и направляются в Париж; видимо, заодно им поручено в дороге охранять арестованных. Похоже, что слух о Париже верен.

Понизив голос, старик обсуждал все это с Николь, а машина, покачиваясь, увозила их от побережья в глубь страны, и теплый вечерний ветерок колыхал листву деревьев по обе стороны дороги.

Потом подкатили к окраине какого-то города. Николь выглянула из окошка. И чуть погодя сказала:

— Это Брест. Я знаю эту улицу.

— Брест,— кратко подтвердил один из немцев.

Подъехали к вокзалу; пленников вывели из машины. Один страж остался при них, другой пошел к железнодорожному начальству; французы-пассажиры с любопытством разглядывали необычную компанию. Потом их провели за барьер, и они вместе со своими стражами оказались в вагоне третьего класса, в поезде, который, по-видимому, шел на Париж.

— А в этом поезде мы будем спать, мистер Хоуард? — спросил Ронни.

Старик терпеливо улыбнулся.

— Тогда я имел в виду не этот поезд, но, может быть, нам и придется здесь спать,— сказал он.

— И у нас будут маленькие кровати? Помните, вы говорили?

— Не знаю. Увидим.

— Мне хочется пить,— сказала Роза.— Можно мне апельсин?

На платформе продавали апельсины. Денег у Хоуарда не было. Он объяснил одному из солдат, чего хочет девочка, тот вышел из вагона и купил для всех апельсины. Через минуту все они сосали апельсины, и еще вопрос, кто при этом чмокал громче, дети или солдаты.

В восемь часов поезд тронулся. Он шел медленно, останавливался на каждой маленькой станции. В восемь двадцать он остановился в местечке под названием Ланиссан, тут всего-то было два домика да ферма. Вдруг Николь, смотревшая в окно, обернулась к Хоуарду.

— Смотрите! — сказала она.— Вот майор Диссен.

Офицер гестапо, щеголеватый, подтянутый, в черном

мундире и черных походных сапогах, подошел к двери их вагона и открыл ее. Солдаты вскочили и вытянулись. Он что-то властно сказал им по-немецки. Потом обратился к Хоуарду.

— Выходите,— сказал он.— Вы не поедете дальше этим поездом.

Николь и Хоуард вывели детей на платформу. В ясном небе солнце уже клонилось к холмам. Гестаповец кивнул проводнику, тот захлопнул дверь вагона и дал короткий свисток. Поезд тронулся, вагоны проползли мимо и медленно покатились дальше. А они остались стоять на маленькой платформе, среди полей, одни с офицером гестапо.

— So,— сказал он.— Теперь следуйте за мной.

Он пошел впереди, спустился по дощатым ступеням на дорогу. Тут не было ни контролера, ни кассы; маленькая станция безлюдна. Позади нее в проулке стоял серый закрытый грузовик-«форд». За рулем сидел солдат в черной гестаповской форме. Рядом с ним — ребенок.

Диссен открыл дверцу и помог ребенку выйти.

— Komm, Anna,— сказал он.— Hier ist Herr Howard, und mit ihm wirst du zu Onkel Ruprecht gehen ¹.

Девочка удивленно посмотрела на старика, на стайку детей и на растрепанную девушку. Потом вскинула тощую ручонку и пропищала:

— Heil Hitler!

— Guten Abend ², Anna,— серьезно сказал старик и, слегка улыбаясь, повернулся к майору.— Если она поедет в Америку, придется ей отвыкнуть от этого обычая.

Диссен кивнул.

— Я ей скажу.

И заговорил с девочкой, глаза у нее стали круглые от изумления. Она озадаченно что-то спросила. Хоуард уловил слово «Гитлер». Диссен снова стал объяснять; под испытующими взглядами Хоуарда и Николь он немного покраснел. Девочка что-то сказала так громко, решительно, что шофер обернулся и вопросительно посмотрел на своего начальника.

— Я думаю, она поняла,— сказал Диссен.

---

¹ Иди сюда, Анна. Это господин Хоуард, ты поедешь с ним к дяде Руперту (нем.).

² Добрый вечер (нем.).

Хоуарду показалось, что он несколько смущен.

— Что она сказала? — спросил старик.

— Дети не способны понять фюрера, — был ответ. — Это дано только взрослым.

— Все-таки объясните нам, мсье, что сказала ваша девочка? — спросила Николь.

Немец пожал плечами.

— Детская логика мне непонятна, — ответил он тоже по-французски. — Анна сказала, что рада, что ей больше не нужно говорить «Хайль Гитлер», потому что у фюрера усы.

— Да, нелегко понять, как работает мысль ребенка, — очень серьезно сказал Хоуард.

— Это верно. Ну, теперь садитесь все в машину. Не будем тут задерживаться.

И немец подозрительно огляделся по сторонам.

Сели в машину. Анна перешла на заднее сиденье, Диссен сел рядом с шофером. Автомобиль помчался по дороге. Гестаповец обернулся и протянул Хоуарду перевязанный бечевкой полотняный пакетик, и другой такой же — Николь.

— Ваши документы и вещи, — отрывисто сказал он. — Проверьте, все ли в порядке.

Старик развернул пакет. Тут оказалось в целости все, что отняли у него при обыске.

В наступающих сумерках полтора часа ехали полями. По временам офицер вполголоса говорил что-то водителю; в какую-то минуту старику показалось, что они просто кружат на одном месте, лишь бы убить время, пока не стемнеет. Опять и опять проезжали деревушки, иногда дорогу преграждали немецкие заставы. Тогда машина останавливалась, часовой подходил и заглядывал в кабину. При виде гестаповского мундира он поспешно отступал и вскидывал руку в нацистском приветствии. Так было раза три.

— Куда мы едем? — спросил наконец Хоуард.

— В Аберврак, — ответил Диссен. — Ваш рыбак уже там.

— В гавани есть охрана, — помедлив, сказал старик.

— Сегодня ночью нет никакой охраны. Это улажено. Вы что, дураком меня считаете?

Хоуард промолчал.

В десять часов, в наступившей темноте, плавно подкатили к Абервракской пристани. Машина бесшумно остановилась, и мотор тотчас был выключен. Геста-

повец вышел, чуть постоял озираясь. Вокруг было спокойно и тихо.

Диссен вернулся к автомобилю.

— Выходите, живо. И не давайте детям болтать. Детям помогли вылезти из машины.

— Да смотрите, без фокусов,— обратился Диссен к Николь.— Вы остаетесь со мной. Только попытайтесь удрать с ними, и я вас всех перестреляю.

Николь вскинула голову.

— Можете не хвататься за оружие,— сказала она.— Я не попытаюсь удрать.

Немец не ответил, но вытащил свой большой пистолет-автомат из кобуры. И в полутьме неслышными шагами двинулся по пристани; Хоуард и Николь мгновенно поколебались, потом вместе с детьми пошли следом; шофер в черном замыкал шествие. В конце пристани, у самой воды, Диссен обернулся.

— Скорее,— позвал он негромко.

На воде, у спущенных сходней, покачивалась лодка. Мачта и снасти отчетливо чернели на фоне звездного неба; ночь была очень тихая. Они подошли вплотную и увидели полупалубный рыбачий бот. Кроме Диссена, тут были еще двое. Один, что стоял на пристани, в хорошо знакомой им черной форме. Другой стоял в лодке, удерживая ее у пристани при помощи троса, пропущенного через кольцо.

— Влезайте, живо,— сказал Диссен.— Я хочу видеть, как вы отчалите.— И по-французски обратился к Фоке: — Не включай мотор, пока не пройдешь Ле Трепье. Я не желаю переполошить всю округу.

Молодой рыбак кивнул.

— Мотор сейчас ни к чему,— сказал он на мягком бретонском наречии.— Ветерок попутный, и отливом нас отсюда вынесет.

Семерых детей по одному спустили в лодку.

— Теперь вы,— сказал немец Хоуарду.— Не забывайте, как вести себя в Англии. Скоро я буду в Лондоне и пришло за вами. В сентябре.

Старик повернулся к Николь.

— Вот и расстаемся, дорогая моя.— Он помедлил.— Я не думаю, что в сентябре война уже кончится. Возможно, когда она кончится, я буду уже слишком стар для путешествий. Вы приедете навестить меня, Николь? Я так много хотел бы вам сказать. О многом хотелось

с вами поговорить, но в последние дни у нас было столько спешки и столько волнений...

— Я приеду и поживу у вас, как только возможно будет приехать,— сказала Николь.— И мы поговорим о Джоне.

— Вам пора, мистер англичанин,— вмешался Диссен.

Хоуард поцеловал девушку; на минуту она припала к нему. Потом он спустился в лодку, к детям.

— Мы на этой лодке поедem в Америку? — спросил Пьер.

Старик покачал головой.

— Не на этой,— сказал он с привычным терпением.— Та лодка будет больше.

— Намного больше? — спросил Ронни.— В два раза?

Фоке высвободил трос из кольца и с силой оттолкнулся веслом от пристани. Полоска темной воды, отделяющая их от Франции, стала шире на ярд, потом на пять. Хоуард стоял недвижно, сраженный скорбью, тоской расставания, горьким стариковским одиночеством.

Он видел, девушка стоит с тремя немцами у края воды и смотрит вслед удаляющейся лодке. А лодку подхватил отлив и повлекло течением. Фоке стал тянуть передний фал, и тяжелый коричневый парус медленно всполз на мачту. На мгновение словно туман застал Хоуарду глаза, и он потерял Николь из виду, потом опять увидел — вот она, все так же неподвижно стоит возле немцев. А потом всех окутала тьма, и он различал лишь мягкую линию холмов на фоне звездного неба.

В глубокой печали он обернулся и стал смотреть вперед, в открытое море. Но слезы слепили его, и он не различал выхода из гавани.

— Можно, я буду править рулем, мистер Хоуард? — спросил Ронни.

Он не ответил. Ронни опять спросил о том же.

— Меня мутит,— пожаловалась Роза.

Старик встряхнулся и с тяжелым сердцем обратился к своим неотложным обязанностям. У детей нет ни теплой одежды, ни одеял, нечем уберечь их от холода в ночном море. Хоуард обменялся несколькими словами с Фоке и понял, что тот совсем озадачен неожиданной свободой; выяснилось, что он намерен пойти через

Ла-Манш напрямик на Фолмут. У него нет ни компаса, ни карты, чтобы пройти морем около сотни миль, но он знает дорогу, сказал Фоке. Переход займет сутки, может быть, немного больше. У них не было с собой еды, только две бутылки красного вина да кувшин с водой.

Они убрали с носа лодки парус и освободили место для детей. Старик прежде всего занялся Анной, удобно устроил ее в углу и поручил Розе. Но Розе на сей раз изменили материнские наклонности, слишком ей было худо.

Спустя несколько минут ее затошнило, и она, по совету старика, перегнулась через борт. Когда вышли в открытое море, дети один за другим последовали ее примеру; когда проходили мимо черных острых скал Ле Трепье, на палубе поднялся отчаянный стон и плач, с таким же успехом можно было бы запустить мотор. Несмотря на сильную качку, старик не чувствовал себя плохо. Из детей морской болезнью не страдал один только Пьер; он стоял на корме возле Фоке и задумчиво смотрел вперед, на полосу лунного света на воде.

У Либертерского бакена повернули на север. Дети ненадолго притихли.

— Вы уверены, что знаете, куда идти? — спросил Хоуард.

Молодой француз кивнул. Поглядел на луну и на смутные очертания суши позади, и на Большую Медведицу, мерцавшую на севере. И протянул руку:

— Вот курс. Вон там Фолмут. Утром запустим мотор, тогда дойдем еще до вечера.

На носу лодки снова раздался плач, и старик поспешил к детям. Еще через час почти все они, измученные, лежали в беспокойном забытии; Хоуарду наконец удалось присесть и отдохнуть. Он посмотрел назад. Берег уже скрылся из виду; только смутная тень указывала, где там, позади, осталась Франция. С бесконечным сожалением, в горькой одинокой печали смотрел Хоуард назад, в сторону Бретани. Всем сердцем он стремился туда, к Николь.

Потом он стряхнул оцепенение. Они пока еще не дома; нельзя поддаваться слабости. Он беспокойно поднялся и посмотрел вокруг. С юго-востока дул слабый, но упорный ночной бриз; они делали около четырех узлов.

— Хорошо идем,— сказал Фоке.— Если этот ветер продержится, пожалуй что и мотор ни к чему.

Он сидел на банке и курил дешевую сигарету. Потом оглянулся через плечо.

— Правее,— сказал он, не вставая.— Вот так. Хорошо. Так и держи, все время гляди на ту звезду.

Только теперь старик заметил Пьера, мальчуган всей своей тяжестью напирал на огромный румпель.

— Разве такой малыш может управлять лодкой? — спросил Хоуард.

Молодой рыбак сплюнул за борт.

— Он учится. Он паренек толковый. А когда ведешь судно, морская болезнь не пристанет. Пока дойдем до Англии, малыш будет настоящим рулевым.

— Ты очень хорошо справляешься,— сказал старик Пьеру.— Откуда ты знаешь, каким курсом идти?

В тусклом свете ущербной луны он разглядел, что Пьер смотрит прямо перед собой, и услышал ответ:

— Фоке мне объяснил. (Хоуард напрягал слух, тонкий голосишко едва различим был за плеском волн.) Он сказал править на эти четыре звезды, вон там.— Пьер поднял маленькую руку и показал на ковш Большой Медведицы.— Вот куда мы идем, мсье. Там дорога в Америку, под теми звездами. Там так много еды, можно даже покормить собаку и подружиться с ней. Это мадемуазель Николь мне сказала.

Скоро он начал уставать; лодка стала отклоняться от Большой Медведицы. Фоке швырнул окурок в воду и вытащил откуда-то грудку мешковины. Хоуард взялся за румпель, а Фоке уложил сонного мальчика на палубе у их ног. Через некоторое время он и сам улегся на голые доски и поспал час, а старик по звездам вел лодку.

Всю ночь они не видели ни одного корабля. Быть может, суда и проходили поблизости, но без огней, и лодку никто не потревожил. Лишь около половины пятого, при первых проблесках рассвета, с запада, вспарывая воду точно ножом и оставляя за собой вспененную борозду, к ним помчался сторожевой катер.

Он замедлил ход за четверть мили от них и превратился из серой грозной стрелы в помятую, ржавую посудину; выглядел он все же грозно, но явно побывал во многих переделках. Молодой человек в шерстяной куртке и форменной фуражке окликнул с мостика в рупор:

— Vous êtes français? ¹

— Среди нас есть англичане,— закричал в ответ Хоуард.

Молодой человек весело помахал рукой.

— Доберетесь до Плимута?

— Мы хотим идти на Фолмут.— Под завыванье винтов катера и плеск волн не так-то просто было разговаривать.

— Вам надо идти в Плимут. Плимут! Дойдете?

Хоуард наскоро посоветовался с Фоке, потом кивнул. Молодой офицер опять махнул им и отступил от борта. Разом вспенилась вода за кормой, и катер помчался прочь по Ла-Маншу. Он оставил за собой пенный след, и лодка заколыхалась на поднятой им волне.

Изменили курс, взяли на два румба восточнее, запустили мотор, и лодка пошла со скоростью около шести узлов. Проснулись дети и опять начали маяться морской болезнью. Все они замерзли, очень устали и отчаянно проголодались.

Потом взошло солнце и стало теплее. Старик дал всем понемногу вина с водой.

Все утро они тащились по сияющему под летним солнцем морю. Иногда Фоке спрашивал у Хоуарда, который час, смотрел на солнце и выправлял курс. В полдень впереди на севере показалась синеватая черточка — суша.

Около трех часов к ним подошел траулер, с борта спросили, кто они, и, пока лодку раскачивало рядом, объяснили, что надо идти к высокому берегу Рейм-Хеда, видневшемуся на горизонте.

Около половины шестого подошли к Рейм-Хеду. Тут с ними поравнялся сторожевой катерок, который до войны был просто маленькой яхтой; лейтенант добровольного резерва вновь опросил их.

— Катюотер знаете? — крикнул он Хоуарду.— Где стоят летающие лодки? Правильно. Идите туда, в бухту на северной стороне. Там высаживаются все беженцы, у рыбацкой пристани. Поняли? Ладно!

Катерок повернул и помчался своей дорогой. Рыбачья лодка медленно миновала Рейм-Хед, потом Коусэнд, потом волнорез и вошла в надежные воды залива. Впереди, на холмах над гаванью, раскинулся Плимут, серый и мирный в вечерних солнечных лучах.

---

¹ Вы французы? (фр.)

Хоуард тихонько вздохнул. Ему вдруг показалось, что во Франции он был счастливее, чем будет на родине.

Лодку здесь почти не качало, и, глядя на военные корабли в заливе и на берег, дети немного оживились. Фоке по указаниям старика пробирался между военными кораблями; правее Дрейк-Айленда повернули круто к ветру и спустили коричневый парус. Потом, только на моторе, подошли к рыбацкой пристани.

Перед ними у пристани уже выстроились вереницей другие лодки, на английский берег выходили беглецы из разных стран, кого тут только не было. Хоуард со своими подопечными провел на воде с четверть часа, прежде чем удалось подойти к трапу; а над ними кричали чайки, и невозмутимые люди в синих фуфайках смотрели на них с причала, и девушки в нарядных летних платьях, запечатлевая происходящее, щелкали затворами фотоаппаратов.

Наконец все они взобрались по ступеням и присоединились к толпе беженцев на рыбном рынке. Хоуард был все в том же наряде бретонского батрака, небритый и очень, очень усталый. Дети, голодные, измученные, жались к нему.

Властная женщина в форме Ж.Д.С.¹, стройная, подтянутая, подвела их к скамье.

— *Asseyez-vous là,* — сказала она, очень дурно выговаривая по-французски, — *jusqu'on peut vous atteindre* ².

Хоуард в изнеможении, почти в обмороке опустился на скамью. Раза два подходили женщины в форменной одежде, задавали вопросы, он машинально отвечал. Полчаса спустя молодая девушка принесла им всем по чашке чая, который они приняли с благодарностью.

Чай подбодрил старика, в нем пробудился интерес к окружающему. И тут он услышал английскую речь; несомненно, говорила женщина образованная.

— Вот эта группа, миссис Даусон. Семеро детей и двое мужчин.

— Какой они национальности?

— Это, видимо, смешанная группа. Есть одна довольно приятная девочка, которая говорит по-немецки.

---

¹ Женской Добровольческой службы.

² Посидите здесь, пока вами смогут заняться (фр.).

— Бедный ребенок. Наверно, она австриячка.

Другой голос произнес:

— Среди этих детей есть англичане.

Сочувственный возглас:

— Да что вы! Но в каком они виде! Заметили вы, в каком состоянии их несчастные головки? Дорогая моя, они же все вшивые... — Возмущенная пауза. — И этот ужасный старик... Не понимаю, кто мог доверить ему детей.

Старик чуть улыбнулся и закрыл глаза. Вот она, Англия, такая знакомая и понятная. Вот он, покой.

12

Упала последняя бомба, в последний раз протрещала зенитка; пожары на востоке угасали. Со всех концов города запели фанфары — отбой воздушной тревоги.

Мы одеревенело поднялись с кресел. Я подошел к большому окну в дальнем углу комнаты, отдернул штору и распахнул ставни. На ковер со звоном посыпались стекла; прохладный ветер дохнул нам в лицо и принес горький, едкий запах гари.

Внизу на улице усталые люди в плащах, резиновых сапогах и в касках работали небольшим электрическим насосом. Что-то звякало, будто звенели хрустальные подвески тысячи люстр: это в домах напротив люди переходили из комнаты в комнату, распахивали разбитые окна, и осколки стекла сыпались из рам на тротуар.

Над Лондоном разливался холодный серый свет. Моросил дождь.

Я отвернулся от окна.

— И вы отправили детей в Америку? — спросил я.

— Да, конечно, — сказал старик. — Они поехали все вместе. Я дал радиogramму родителям Кэвено, предложил отослать Шейлу и Ронни, а Тенуа попросил меня отослать Розу. Я уговорился с одной знакомой женщиной, и она отвезла их в Бухту.

— И Анну тоже?

Он кивнул.

— Да, и Анна тоже поехала.

Мы направились к дверям.

— На этой неделе я получил письмо из Уайтфоллс, от ее дяди, — продолжал старик. — Он пишет, что теле-

графировал брату в Германию, надо думать, тут все улажено.

— Вашу дочь, должно быть, несколько ошеломил приезд такой компании,— заметил я.

Старик засмеялся.

— Ну, не знаю. Я запросил телеграммой, примет ли она их, и она ответила, что примет. Ничего, она справится. Костелло, видимо, переделывает для них дом. Устраивает бассейн для плавания и новый причал для их лодок. Я думаю, им там будет очень хорошо.

В тусклом свете раннего утра мы спустились по лестнице и в вестибюле расстались. Хоуард на несколько шагов меня опередил — я задержался, спросил ночного швейцара, насколько пострадало здание клуба. На крышу попала зажигалка, сказал он, но молодой Эрнест затоптал ее и погасил. И не действуют ни газ, ни водопровод, но электричество от налета не пострадало.

— Я провел ночь в курительной, разговаривал с мистером Хоуардом,— сказал я, зевая.

Швейцар кивнул.

— Я заглядывал туда раза два и видел, что вы с ним сидели. Я еще сказал управляющему, вот, говорю, хорошо, что он там не один. Я смотрю, очень он постарел за последнее время.

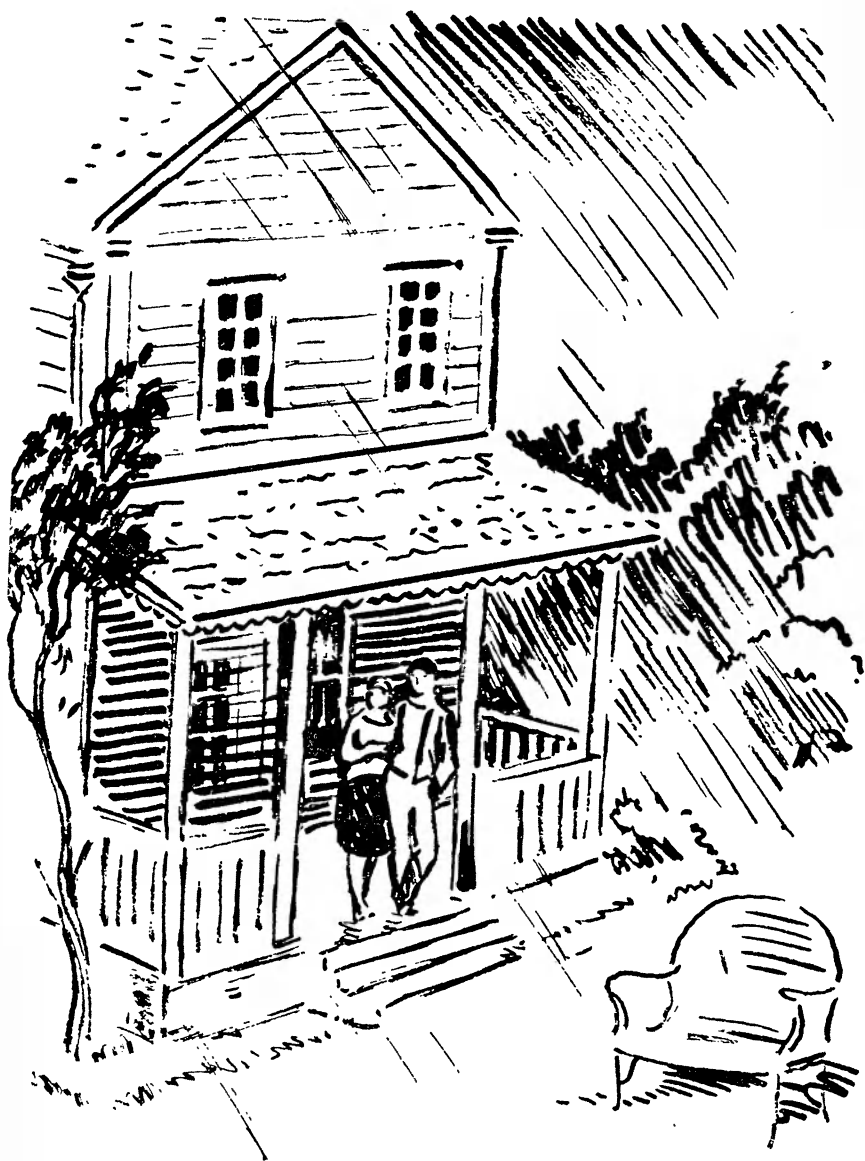
— Да, наверно,— сказал я.

— Месяца два назад он уезжал отдыхать,— сказал швейцар.— Но что-то, похоже, не пошел ему на пользу этот отдых.

Я вышел на улицу, и осколки стекла захрустели у меня под ногами.

НА БЕРЕГУ

Роман

К месту последней встречи
Влачимся вместе
Страшимся речи
На берегу полноводной реки

Вот как кончится мир
Вот как кончится мир
Вот как кончится мир
Не взрыв, но всхлип¹.

Т. С. Элиот
«Полые люди»

1

Питер Холмс, капитан-лейтенант австралийского флота, проснулся, едва рассвело. Дремотно понежился в ласковом тепле, что исходило от спящей рядом Мэри, глядя, как сквозь кретоновые занавески пробиваются в комнату первые солнечные лучи. По наклону лучей он знал — уже около пяти, скоро свет дойдет до кровати Дженнифер, разбудит малышку, и роди-

---

¹ Перевод Андрея Сергеева.

телям надо будет встать и приняться за дневные хлопоты. А пока можно еще немного полежать.

Он проснулся радостно и не сразу сообразил, откуда эта радость. Не от Рождества, ведь Рождество миновало. В тот день он протянул от розетки, что возле камина в гостиной, длинный провод и украсил разноцветными лампочками елочку в саду — крохотную копию огромной елки, стоящей в миле от их дома напротив Фолмутского муниципалитета. На рождественский вечер они пригласили друзей, в саду был праздничный ужин — жаркое на вертеле и прочее угощенье. Рождество миновало, и сегодня, медленно соображал Питер, сегодня уже четверг, двадцать седьмое. Он лежит в постели, и спина еще побаливает, нажгло солнцем: вчера они весь день провели на берегу, и он участвовал в гонке яхт. Сегодня лучше походить в рубашке. Тут мысли Питера прояснились — да, конечно же, сегодня надо надеть рубашку. В одиннадцать часов он должен явиться в Мельбурн, в военно-морское ведомство. Это означает новое поручение, первую работу за семь месяцев. Если повезет, даже пошлют в плавание, он здорово стосковался по кораблю.

Так или иначе, впереди работа. Вот чему он радовался, засыпая, и радость сохранилась до утра. С тех пор как в августе его произвели в капитан-лейтенанты, ему не давали ни одного задания, и при нынешних обстоятельствах он почти отчаялся когда-нибудь вновь заняться своим делом. Однако военно-морское ведомство, спасибо ему, все эти месяцы сполна выплачивало бездействующему моряку жалованье.

В кровати шевельнулась дочурка, тихонько, жалобно захныкала. Питер протянул руку, включил возле кровати электрический чайник на подносе с чашками и с едой для малышки, рядом зашевелилась Мэри. Спросила, который час, он ответил. Поцеловал ее и сказал:

— Утро опять чудесное.

Она села, откинула волосы со лба.

— Я так обгорела вчера. С вечера я помазала Дженнифер вазелином, но, по-моему, не стоит брать ее сегодня на пляж. — Тут она вспомнила: — О, Питер, тебе ведь сегодня в Мельбурн?

Он кивнул.

— А ты бы осталась дома, посидела денек в тени.

— Пожалуй, так я и сделаю.

Он поднялся, пошел в ванную. Когда вернулся, Мэри

тоже уже встала; малышка сидела на горшке, Мэри перед зеркалом расчесывала волосы. Питер сел на край кровати в отлогой полосе солнечного света и принялся готовить чай.

— В Мельбурне сегодня будет страшная жара, Питер,— сказала жена.— Может, мы к четверем приедем в клуб, ты нас там встретишь, и все искупаемся. Я возьму прицеп и захвачу все, что надо тебе для купанья.

У них был небольшой автомобиль, но с тех пор, как год назад кончилась «короткая война», он праздно стоял в гараже. Однако Питер Холмс, выдумщик и на все руки мастер, изобрел недурную замену. У них с Мэри есть велосипеды. Он соорудил маленький двухколесный прицеп на передних колесах от двух мотоциклов, пристроил к обоим велосипедам крепление, и теперь он или Мэри могут ездить с прицепом, который служит то детской коляской, то тележкой для продуктов и любого груза. Труднее всего обоим дается долгий подъем в гору на обратном пути из Фолмута.

И сейчас Питер кивнул:

— Неплохая мысль. Я возьму с собой велосипед и оставлю на станции.

— Каким поездом поедешь?

— Девять пять.— Он отхлебнул чаю, глянул на часы.— Вот только допью и съезжу за молоком.

Он надел шорты и майку и вышел. Холмсы жили в первом этаже старого дома высоко над городом; отдельные квартиры сдавались внаем, Питеру принадлежал гараж и солидная часть сада. Была и веранда, на которой он держал велосипеды и прицеп. Разумней бы поместить их в гараж, а машину поставить просто под деревьями, но на это у Питера не хватало духу. Маленький «моррис» — первая его собственная машина и притом честно служила владельцу, когда он ухаживал за Мэри. Они поженились в 1961-м, за полгода до войны, до того, как Питер ушел на корабле королевского флота «Анзак»¹ и расстался с Мэри — бог весть как надолго, думали они тогда. Но грянула короткая, загадочная война, та война, история которой не была и никогда уже не будет написана, пламя ее охватило все северное полушарие и угасло с последними

---

¹ Анзаками называли австралийских и новозеландских солдат британской армии.

показаниями сейсмографов, отметившими взрыв на тридцать седьмой день. К концу третьего месяца, пока государственные мужи южного полушария собрались в Веллингтоне (Новая Зеландия), сравнивали имеющиеся у них данные и определяли создавшееся положение, Питер пришел на «Анзаке» обратно — последних остатков горючего кораблю хватило до Уильямстауна, — оттуда добрался до Фолмута, к своей Мэри и маленькому «моррису». В баке машины оставалось три галлона бензина; Питер нерасчетливо истратил их и еще пять купил на заправочной станции, прежде чем до сознания австралийцев дошло, что все горючее они прежде получали из северного полушария.

Сейчас Питер вывел велосипед и прицеп с веранды на лужайку перед домом, закрепил прицеп, оседлал велосипед и покатил прочь. Надо проехать четыре мили за молоком и сливками: транспорта почти не осталось, с окрестных ферм никаких продуктов не доставляют, и Холмсы научились сами сбивать масло в домашней маслобойке. И вот Питер катит по дороге, пригревает утреннее солнышко, за спиной бренчат в прицепе пустые бидоны, и отрадно думать, что его ждет работа.

На дороге почти нет движения. Он обогнал повозку — бывший автомобиль, мотор снят, лобовое стекло выбито, тащит эту повозку вол. Обогнал двух всадников, они осторожно правят лошадьми по усыпанной гравием обочине асфальтового шоссе. Питер не жаждет обзавестись лошадью — они стали редкостью, требуют большого ухода, продают их по тысяче фунтов, а то и дороже, но он уже подумывал ради Мэри купить вола. Он без труда сумел бы переделать «моррис» в повозку, но уж очень это будет горько.

За полчаса он доехал до фермы и прошел прямым в коровник. Здешний фермер, высокий, худощавый, не речистый, с хромотою, оставшейся после второй мировой войны, — его давний знакомец. Питер застал его в сепараторной, здесь негромко гудел электрический мотор и молоко стекало в один бак, а сливки в другой.

— Доброе утро, мистер Пол, — поздоровался моряк. — Как сегодня дела?

— Хорошо, мистер Холмс. — Фермер взял у Питера бидон, доверху налил молока. — А у вас все ладно?

— Отлично. Вызывают в Мельбурн к морскому начальству. Может наконец будет мне работа.

— О, вот это хорошо. А то, пока дожидаясь, вроде даже устаешь,— сказал фермер.

Питер кивнул.

— Хотя, если пошлют в плавание, дома станет сложнее. Но Мэри два раза в неделю будет к вам приезжать за молоком. Денег у нее хватит.

— Насчет денег не беспокойтесь,— сказал фермер,— я обожду, покуда вы вернетесь. Молока у меня вдоволь, даже сейчас, в такую сушь, свиньи всего не выпивают. Вчера вечером я двадцать галлонов вылил в речку, вывезти-то нет возможности. Допустим, стал бы я разводить больше свиней, а толку? Не поймешь, что делать...— Он минуту помолчал.— Трудновато будет вашей жене сюда ездить. Как же ей быть с маленькой?

— Я думаю, она станет брать Дженнифер с собой в прицеп.

— Трудновато ей будет.— Фермер вышел из-под навеса сепараторной на залитую солнцем дорожку, оглядел велосипед Холмса и прицеп.— Хорош прицеп,— сказал он.— Любо-дорого поглядеть. Сами работали?

— Сам.

— А колеса откуда взяли, если не секрет?

— Это мотоциклетные. Купил на Элизабет-стрит.

— Может, добудете парочку и для меня?

— Попробую,— сказал Питер.— Может, там еще остались. Они лучше маленьких, лучше идут на буксире.— Фермер кивнул.— Но, может, они уже и кончились. Народ сейчас больше раскупает мотоциклы.

— Я вот жене говорил, будь у меня к велосипеду прицеп вроде этого, я приспособил бы для нее сиденье и возил бы ее в Фолмут за покупками. В наше время тошно женщине одной на такой вот ферме, на отшибе. До войны-то было по-другому, села в машину, двадцать минут — и в городе. А на повозке с волом тащись три с половиной часа в один конец да три с половиной обратно — семь часов только на дорогу. Думала жена выучиться на велосипеде, да не выйдет у нее, не такая уже молоденькая и опять ребенка ждет. И неохота мне, чтоб она пробовала. А вот будь у меня прицеп вроде вашего, я два раза в неделю возил бы ее в Фолмут и заодно возил бы миссис Холмс молоко и сливки.— Он опять помолчал, потом прибавил: — Мне хоть так бы порадовать жену. В конце-то концов, как слушаешь радио, уже недолго осталось.

Моряк кивнул.

— Я сегодня поразведаю в городе, может, и найду колеса. Если они дорого обойдутся, вы не против?

Фермер покачал головой.

— Были бы хорошие, не подвели. Главное, чтоб резина была надежная, прослужила до конца. Вон как у ваших.

Моряк снова кивнул:

— Я сегодня поищу.

— Для вас это лишние концы.

— Туда я могу подъехать трамваем. Никаких хлопот. Слава богу, у нас есть бурый уголь.

Фермер обернулся к все еще работающему сепаратору.

— Что верно, то верно. Хороши бы мы были без электричества.— Он ловко подставил под струю сливок пустой бачок и отодвинул полный.— Скажите, мистер Холмс, ведь для добычи угля в ходу большие машины, верно? Бульдозеры и всякое такое? — Холмс кивнул.— Так откуда же на это берется горючее?

— Я тоже спрашивал,— сказал Питер.— Его выгоняют прямо на месте из бурого угля. И это обходится в два фунта галлон.

— Да ну! — Фермер помолчал, соображая.— Я подумал было, если угольщики могут гнать горючее для себя, так и для нас понемногу могли бы. Нет, не выйдет, уж больно высока цена...

Питер взял бидоны с молоком и сливками, поставил в прицеп и отправился домой. Доехал он в половине седьмого. Принял душ, облачился в форму, которую ему почти не случалось надевать с тех пор, как он стал капитан-лейтенантом, наскоро позавтракал и покатил на велосипеде под гору — надо поспеть к поезду 8.15, тогда прежде, чем явиться к начальству, он сумеет поискать в магазинах мотоциклетные колеса.

Он оставил велосипед в гараже, который в былые времена служил прибежищем его маленькой машине. Гараж этот больше не обслуживал автомобили. Вместо машин тут оставляли лошадей, лошадей держали главным образом деловые люди, которые жили за городом; они приезжали верхом, в бриджах и пластиковых плащах, лошадей оставляли в бывшем гараже, а к центру добирались на трамвае. Бензоколонки заменяли им коновязь. По вечерам они возвращались трамваем из центра, седлали лошадей, привязывали портфели к

седлам и верхом отправлялись по домам. Дела теперь велись куда медлительней прежнего, и это облегчало жизнь; дневной экспресс 5.03 отменили, вместо него поезд из Фолмута отходил в 4.17.

Питер Холмс по дороге в город гадал и прикидывал, какая его ждет работа, ведь из-за бумажного голода все ежедневные газеты закрылись и единственным источником новостей осталось радио. И Австралийский королевский флот теперь совсем мал. Ценой огромных трудов и затрат переоборудовали семь небольших судов, кое-как приспособили работать вместо жидкого топлива на угле; от попытки так же переделать авианосец «Мельбурн» отказались, когда выяснилось, что он будет слишком тихоходен и посадка чересчур опасна для самолета, разве что нужно было бы позарез. Да и запас авиационного горючего ничтожно мал, пришлось бы, по сути, свести на нет тренировочные полеты, короче говоря, нет никакого смысла сохранять военно-морскую авиацию. Ни о каких переменах в командном составе семи сторожевых кораблей и тральщиков Питер не слышал. Может быть, кто-то заболел и надо его заменить или наверху решили назначать офицеров на службу по очереди, чтобы они не растеряли свой опыт. А всего вероятнее, предстоит какая-нибудь нудная работенка на берегу — в конторе, в казарме либо на складе где-нибудь в унылой, богом забытой дыре вроде Флиндерского морского интендантства. Горько и обидно, если не придется выйти в море, и однако так будет лучше. Пока ты на берегу, можно, как сейчас, заботиться о Мэри и малышке, а ведь осталось уже недолго.

Примерно за час Питер доехал до города и пошел на вокзал. Трамвай бодро покатыл по улицам, свободным от всякого другого транспорта, и в два счета доставил Холмса в квартал, где прежде торговали машинами. Большинство магазинов закрылось или перешло в руки немногих оставшихся владельцев, витрины все еще заполнены никому теперь не нужным товаром. Холмс некоторое время бродил в поисках двух легких не слишком изношенных колес и наконец подобрал пару одного размера, но от мотоциклов двух разных марок, из-за этого придется еще подгонять ось, которую можно будет достать у единственного оставшегося в гараже механика.

Он связал колеса веревкой, доехал трамваем до

Адмиралтейства. И явился к секретарю, знакомому лейтенанту-казначее.

— Доброе утро, сэр,— сказал ему молодой лейтенант.— Ваше назначение у адмирала на столе. Он хотел лично с вами поговорить. Я доложу ему, что вы уже здесь.

Капитан-лейтенант Холмс поднял брови. Такой прием необычен, но ведь флота осталось кот наплакал, не диво, что и порядки в нем стали не совсем обычные. Холмс положил колеса на пол возле казначеева стола, озабоченно оглядел свою форму, снял с лацкана кителя какую-то нитку, кепи взял под мышку.

— Адмирал сейчас вас примет, сэр.

Холмс прошагал в кабинет и стал «смирно». Адмирал, сидя за столом, наклонил голову в знак приветствия.

— Здравствуйте, капитан-лейтенант. Вольно. Садитесь.

Питер сел в кресло возле стола. Адмирал, наклонясь, предложил ему сигарету из своего портсигара, щелкнул зажигалкой.

— Вы уже довольно давно без работы.

— Да, сэр.

Адмирал тоже закурил.

— Так вот, у меня есть для вас дело. Боюсь, я не могу вам приказать, не могу даже назначить вас на один из наших кораблей. Я направляю вас в качестве офицера связи на американский «Скорпион». Как я понимаю, вы знакомы с капитаном Тауэрсом?

— Да, сэр.

За последние месяцы Холмс раза три встречался с капитаном «Скорпиона», спокойным, немногословным человеком лет тридцати пяти, по выговору в нем угадывался уроженец Новой Англии. Холмс читал и американские сообщения о его деятельности в дни войны. Начало войны застало его атомную подводную лодку на патрулировании между Киской и Мидуэем; по соответствующему сигналу он вскрыл запечатанный приказ, погрузился и полным ходом взял курс на Манилу. На четвертый день, где-то севернее Айво-Джаммы, он всплыл настолько, чтобы выставить перископ и осмотреться, как это всегда полагалось во время каждой дневной вахты; море оказалось пустынно, видимости почти никакой — похоже, мешала какая-то пыль; и детектор, установленный наверху перископа, сразу указал на высокую радиоактивность. Капитан Тауэрс попы-

тался доложить об этом в Пирл-Харбор, но не получил ответа; он направился дальше к Филиппинам, радиоактивность все возрастала. Ночью он сумел вызвать Датч-Харбор и хотел шифром передать сообщение адмиралу, но его предупредили, что всякая связь стала крайне нерегулярной, и никакого ответа он не получил. А на следующую ночь ему не удалось вызвать и Датч-Харбор. Продолжая следовать приказу, он обогнул с севера Лусон. В Балинтанском канале была густая пыль, уровень радиоактивности много выше смертельного, дул западный ветер силой 4—5 баллов. На седьмой день войны Тауэрс со своим «Скорпионом», все еще не имея нового приказа, вошел в Манильский залив и через перископ оглядел город. Радиоактивность воздуха здесь была несколько ниже, но все еще опасна для жизни; у Тауэрса не возникло ни малейшего желания вывести лодку на поверхность и подняться на мостик. Кое-какая видимость все же была; в перископ он увидел плывущую над городом пелену дыма и заключил, что в последние дни в этих краях произошел по меньшей мере один ядерный взрыв. Из залива, с расстояния пяти миль, он не заметил на берегу никаких признаков жизни. Попробовал приблизиться к суше на такой глубине, чтобы продолжать наблюдения в перископ, и неожиданно сел на мель, хотя лоцманские карты здесь, на главном судоходном направлении, показывали глубину в двенадцать морских саженей; это утвердило Тауэрса в его подозрениях. Он продул цистерны, без особого труда снялся с мели, повернул и вновь вышел в открытое море.

В ту ночь ему опять не удалось вызвать ни одной американской станции и ни одного корабля, который мог бы передать его радиogramму дальше. Продув цистерны, он истратил большую часть сжатого воздуха и вовсе не желал пополнять запасы отравленным воздухом здешних мест. К этому времени лодка шла с погружением восьмой день; на здоровье команды это еще не сказалось, но заметно было, что нервы у людей сдают, все тревожились о доме и о семьях. Тауэрс связался с австралийской радиостанцией Порто-Морсби на Новой Гвинее; судя по всему, обстановка там была нормальная, но передать дальше сигналы Тауэрса туда не смогли.

Он решил, что самое правильное идти на юг. Снова обогнул с севера Лусон и взял курс на остров Яп,

где находилась станция под контролем Соединенных Штатов. «Скорпион» дошел туда через три дня. Радио-активность тут была низкая, почти нормальная; при спокойном море Тауэрс поднял лодку на поверхность, обновил воздух в лодке, наполнил цистерны и разрешил команде в несколько смен подняться на мостик. Наконец-то «Скорпион» вышел на обычно оживленные морские пути, и здесь, к немалому облегчению Тауэрса, им повстречался американский крейсер. Оттуда им указали место стоянки и выслали шлюпку; Тауэрс приказал бросить якорь, разрешил всей команде подняться на палубу, а сам отправился в шлюпке на крейсер и передал бразды правления капитану Шоу. Тут-то он впервые услышал о русско-китайской войне, разгоревшейся из войны Россия — НАТО, которую в свой черед породила война между Израилем и арабскими странами, затеянная Албанией. Узнал он, что русские и китайцы пустили в ход кобальтовые бомбы; что все сообщения пришли кружным путем, из Австралии через Кению. У крейсера назначена была подле острова Яп встреча с американским танкером; он ждал здесь уже целую неделю и в последние пять дней потерял всякую связь с Соединенными Штатами. Запаса горючего у крейсера хватило бы, чтобы, при строжайшей экономии, на самой малой скорости дойти до Брисбена — и только.

Командир Тауэрс оставался подле Япа шесть дней, и за это время скудные новости становились час от часу хуже. Не было связи ни с одной американской или европейской радиостанцией, но в первые два дня еще удавалось ловить сообщения из Мехико, и новости оттуда были хуже некуда. Потом эта станция умолкла, теперь моряки ловили только Панаму, Боготу и Вальпараисо, но там понятия не имели о том, что происходит в северном полушарии. Связались с несколькими кораблями Североамериканского флота, что находились в южной части Тихого океана, — почти у всех тоже топливо было на исходе. Капитан крейсера, стоявшего у Япа, оказался среди всех старшим по чину; он принял решение всем кораблям Соединенных Штатов направиться к Австралии и перейти под командование австралийских военно-морских властей. Всем судам приказано было встретиться с ним в Брисбене. Там они и собрались две недели спустя — одиннадцать кораблей Североамериканского флота, у которых не оста-

лось ни старого топлива, ни надежды запастись новым. Это было год назад; и здесь они стоят до сих пор.

Ядерное горючее, необходимое подводной лодке Соединенных Штатов «Скорпион», в пору ее прихода в Австралии достать было невозможно, но можно было изготовить. Она оказалась в австралийских водах единственным судном, способным одолеть сколько-нибудь серьезное расстояние, и потому ее отправили в Уильямстаун — на мельбурнскую верфь, расположенную под боком у австралийского военно-морского ведомства. В сущности, эта подводная лодка осталась единственным в Австралии сколько-нибудь годным военным судном. Она стояла на приколе полгода, пока для нее не подготовили горючее и не вернули ей способность двигаться. Тогда она совершила поход до Рио-де-Жанейро с запасом топлива для еще одной американской ядерной подлодки и возвратилась в Мельбурн для капитального ремонта на здешней верфи.

Вот что было известно Питеру Холмсу о прошлой деятельности капитана Тауэрса, и все пронеслось в его мозгу, пока он сидел у стола адмирала. Предложенный ему пост — совершенная новость: во время похода в южноамериканских водах на «Скорпине» не было офицера связи от австралийского флота. Тревога за Мэри и дочурку заставила Питера спросить:

— А надолго это назначение, сэр?

Адмирал слегка пожал плечами:

— Пожалуй, на год. Думаю, это ваше последнее назначение, Холмс.

— Понимаю, сэр, — сказал молодой моряк. — Я вам очень благодарен. — Он замялся, потом спросил: — И лодка почти все время будет в походе, сэр? Я женат, и у нас маленький ребенок. Жизнь сейчас несколько усложнилась, дома все непросто. И вообще осталось не так уж много времени.

Адмирал кивнул.

— Разумеется, все мы в одинаковом положении. Потому я и хотел с вами поговорить заранее. Я не поставлю вам в укор, если вы откажетесь от этого назначения, но не скрою, маловероятно, что вы когда-нибудь сможете получить другую работу. Что до выхода в море, капитальный ремонт заканчивается четвертого, — он взглянул на календарь, — это чуть больше недели. «Скорпион» должен обойти Кэрнс, Порт-Морс-

би, Дарвин, вернуться в Уильямстаун и доложить, какова в этих местах обстановка. По расчетам капитана Тауэрсса, поход займет одиннадцать дней. После этого предполагается более долгий рейс, возможно, месяца на два.

— А между этими двумя рейсами будет какой-то перерыв, сэр?

— Думаю, лодку надо будет недели на две завести в док.

— И после этого никаких планов?

— Пока никаких.

Минуту-другую молодой офицер прикидывал: болезни малышки, покупка и доставка молока... Погода еще совсем летняя, дрова колоть не придется. Если второй рейс начнется примерно в середине февраля, домой он вернется к середине апреля, до настоящих холодов, когда надо будет топить. А если он задержится, фермер, которому он достал колеса для прицепа, вероятно, поможет Мэри с дровами. Если ничего худого больше не случится, можно и пойти в этот поход. Но если выйдет из строя электричество или радиоактивность распространится на юг быстрее, чем рассчитывают ученые... об этом лучше не думать.

Если он откажется от этой работы и загубит свою карьеру, Мэри будет вне себя. Дочь флотского офицера, она родилась и выросла в Саутси, на юге Англии; он познакомился с нею на танцах на борту «Неутомимого», который тогда ходил к английским берегам. Конечно же, она захотела бы, чтобы он принял этот новый пост...

Он поднял голову.

— Я готов пойти в оба рейса, сэр,— сказал он.— Можно ли будет потом рассчитывать на какие-то перемены? Я хочу сказать, нелегко сейчас строить планы на будущее... при том, что происходит.

Адмирал немного подумал. При нынешних обстоятельствах молодому человеку, да еще недавно женатому, отцу малого ребенка, вполне естественно задать такой вопрос. Раньше в подобных случаях никто не колебался, ведь и назначений раз-два и обчелся, но трудно ждать, что этот офицер согласится уйти в плавание за пределы австралийских вод в самые последние месяцы. Адмирал кивнул.

— Об этом я позабочусь, Холмс,— сказал он.— Жалование вам будет назначено на пять месяцев, до

тридцать первого мая. Когда вернетесь из второго рейса, доложите мне.

— Слушаю, сэр.

— На «Скорпион» явитесь во вторник, в день Нового года. Если подождете пятнадцать минут в приемной, получите письмо к капитану. Подлодка стоит в Уильямстауне рядом с «Сиднеем», это ее база.

— Я знаю, сэр.

Адмирал поднялся, протянул руку.

— Ну, хорошо, капитан-лейтенант. Желаю удачи на новом посту.

Питер Холмс пожал протянутую руку.

— Спасибо, что подумали обо мне, сэр.— Он шагнул к двери, но чуть помедлил, спросил: — Вы случайно не знаете, капитан Тауэрс сегодня на корабле? Раз уж я рядом, я бы заскочил в порт, познакомился с командиром, а может, и на лодку поглядел бы. Хотелось бы это сделать заранее.

— Насколько я знаю, капитан на борту,— сказал адмирал.— Вы можете позвонить на «Сидней», попросите моего секретаря.— Он взглянул на часы.— В половине двенадцатого от главных ворот отойдет транспорт. Вы на него как раз успеете.

Двадцать минут спустя Питер, сидя рядом с водителем грузового электромобиля, ехал по молчаливым безлюдным улицам в Уильямстаун. Прежде этот грузовик развозил товары из крупного Мельбурнского универмага; в конце войны его реквизировали и перекрасили в серый флотский цвет. По дорогам, где не мешали никакие другие машины, он уверенно двигался со скоростью двадцать миль в час. К полудню добрались до верфи, и Питер Холмс прошел к причалу, где недвижно застыл авианосец британского королевского флота «Сидней». Питер поднялся на борт и прошел в кают-компанию.

В просторной кают-компании было всего человек двенадцать офицеров, из них шестеро в рабочей цвета хаки форме флота Соединенных Штатов. Среди них был и командир «Скорпиона», он с улыбкой пошел навстречу Питеру.

— Здравствуйте, капитан-лейтенант, рад вас видеть.

— Надеюсь, вы не против, сэр,— сказал Питер.— Вступить в должность мне полагается только во вторник. Но я был в Адмиралтействе, и, надеюсь, вы не

против, если я здесь перекушу и, может быть, осмотрю лодку.

— Ну конечно,— сказал капитан.— Я очень обрадовался, когда адмирал Гримуэйд сказал, что назначает вас к нам. Давайте я вас познакомлю с моими офицерами.— Он повернулся к присутствующим.— Мой старший помощник мистер Фаррел и помощник по технической части мистер Ландгрэн.— Он улыбнулся.— Нашими моторами могут управлять только самые первоклассные мастера. Знакомьтесь — мистер Бенсон, мистер О'Дозрти и мистер Херш.— Молодые люди застенчиво поклонились.— Выпьете перед обедом? — спросил капитан австралийца.

— Спасибо, глотнуть хереса я бы не отказался. Капитан нажал кнопку звонка.

— Сколько офицеров у вас на «Скорпионе»? — спросил Холмс.

— Одиннадцать. Это ведь не что-нибудь, а подводная лодка, так что у нас четыре технических специалиста.

— Наверно, у вас большая кают-компания.

— Всем сразу тесновато, но на подводной лодке мы не часто собираемся все вместе. А для вас имеется койка.

Питер улыбнулся:

— Отдельная или в смену с кем-нибудь?

Капитана такое предположение, кажется, покорило.

— Конечно, не в смену. На «Скорпионе» у каждого офицера и каждого рядового своя постель.

Вошел вызванный звонком стюард.

— Принесите, пожалуйста, порцию хереса и шесть порций апельсинового сока,— сказал капитан.

Питер отчаянно смутился — надо же, как неловко получилось! Он остановил стюарда, спросил капитана:

— В порту вы не пьете спиртного, сэр?

Тот улыбнулся.

— Не пьем. Дядя Сэм этого не одобряет. А вы пейте. Мы же на британском корабле.

— Если не возражаете, я последую вашему примеру. Семь порций апельсинового сока, пожалуйста.

— Семь так семь,— небрежно бросил капитан. Стюард вышел.— На одном флоте одни порядки, на другом другие,— продолжал он.— В конечном счете разница невелика.

И они пообедали на «Сиднее», все двенадцать в конце одного из длинных пустующих столов. Потом спустились на пришвартованный борт о борт с авианосцем «Скорпион». Никогда еще Питер Холмс не видал такой огромной подводной лодки: водоизмещение около шести тысяч тонн, мощность движимых атомной энергией турбин — свыше десяти тысяч лошадиных сил. Кроме одиннадцати старших офицеров, команда насчитывала около семидесяти человек — рядовых и среднего командного состава. Как и на любой подводной лодке, все они ели и спали в лабиринте бесконечных труб и проводов, но «Скорпион» был отлично приспособлен для тропиков: имелась система кондиционирования и солидный холодильник. Холмс, незнакомый с подводными лодками, не мог судить о технических достоинствах «Скорпиона», но капитан сказал, что лодка необыкновенно послушна в управлении и хоть и велика, но на редкость маневренна.

Во время капитального ремонта почти все обычное вооружение, боеприпасы и все торпедные аппараты, кроме двух, с лодки сняли. Стало просторнее в столовой, во всех бытовых помещениях, а когда убрали кормовые торпедные аппараты и сократили запас торпед, стало гораздо удобнее и просторнее в машинном отделении. Питер провел здесь около часу с помощником капитана по технической части капитан-лейтенантом Ландгреном. Прежде он никогда не служил на кораблях с атомными двигателями, а ведь почти вся их техника была засекречена, и теперь он узнал много нового. Некоторое время он потратил, знакомясь с основами: как обращается жидкий натрий, разогреваясь в реакторе, как действуют различные теплообменники, что такое замкнутый гелиевый контур для спаренных скоростных турбин, дающих ход лодке при помощи громадных редукторов, которые несравнимо больше и несравнимо чувствительней всех других частей этой мощной силовой установки.

Под конец он вернулся в крохотную капитанскую каюту. Капитан Тауэрс звонком вызвал темнокожего стюарда, велел принести две чашки кофе и придвинул Питеру складной стул.

— Полюбовались нашими машинами? — спросил он. Австралиец кивнул.

— Я не знаток техники. Многое выше моего пони-

мания, но все очень интересно. Много у вас со всем этим хлопот?

Капитан покачал головой.

— До сих пор не бывало никаких неприятностей. А если в открытом море что-нибудь разладится, ничего не поделаешь. Остается уповать на свою счастливую звезду и надеяться, что двигатели не заглохнут.

Стюард принес кофе, оба пригубили.

— Мне приказано поступить в ваше распоряжение во вторник,— сказал Питер.— В какое время прибыть, сэр?

— Во вторник у нас будут ходовые испытания. На крайний случай задержимся до среды, но это вряд ли. В понедельник возьмем на борт все припасы и соберется команда.

— Тогда и я лучше явлюсь в понедельник,— сказал австралиец.— Пожалуй, с утра?

— Очень хорошо. Думаю, мы выйдем во вторник в полдень. Я сказал адмиралу, что хотел бы на пробу пройти по Бассову проливу, а в пятницу вернусь и доложу о боевой готовности «Скорпиона». Приезжайте в понедельник в любой час до полудня.

— А пока, может быть, я могу быть вам полезен? Если хоть что-нибудь понадобится, я приеду в субботу.

— Спасибо, капитан-лейтенант, ничего не нужно. Сейчас половина команды отпущена на берег, вторую половину я завтра в полдень отпущу на субботу и воскресенье. В эти два дня на борту только и останутся один офицер да шестеро вахтенных. Нет, утро понедельника — самое подходящее время... А вам кто-нибудь говорил, чего, собственно, от нас ждут?

— А вам разве этого не говорили, сэр? — удивился Холмс.

Американец рассмеялся.

— Никто ни полслова не сказал. По-моему, перед выходом в море последним узнает приказ капитан.

— Адмирал Гримуэйд меня вызывал перед тем, как послать к вам. Он сказал, что вы обойдете Кэрнс, Порт-Морсби и Дарвин и это займет одиннадцать дней.

— Капитан Никсон из вашего Оперативного отдела спрашивал меня, сколько времени нужно на такой рейс. Но приказа я еще не получил.

— Сегодня утром адмирал сказал, что после этого предполагается гораздо более долгий поход, месяца на два.

Капитан Тауэрс помолчал, не шевелясь, рука с чашкой кофе застыла в воздухе.

— Это для меня новость,— промолвил он не сразу.— А не сказал адмирал, куда именно мы пойдем? Питер покачал головой.

— Сказал только, что это месяца на два.

Короткое молчание. Потом американец встал, улыбнулся.

— Подозреваю, что если вы заглянули бы ко мне нынче около полуночи, вы бы меня застали за расчерчиванием радиусов на карте. И завтра ночью тоже, и послезавтра.

Австралийцу подумалось, что не худо бы придать разговору более легкий оборот.

— А вы не собираетесь в субботу и воскресенье на берег? — спросил он.

Капитан покачал головой.

— Останусь на приколе. Разве что выберусь разок в город в кино.

Унылые это будут суббота и воскресенье для человека вдали от родины, в чужой стране. И Питер от души предложил:

— Может быть, приедете на эти два вечера к нам в Фолмут, сэр? В доме есть свободная комната. В такую погоду мы много времени проводим в яхт-клубе — купаемся, ходим на яхте. Моя жена будет вам рада.

— Спасибо, вы очень любезны.— Капитан сосредоточенно отпил еще кофе, он обдумывал приглашение. Людям из северного и из южного полушария теперь не так-то легко и просто друг с другом. Слишком многое их разделяет, слишком разное пережито. Чрезмерное сочувствие становится преградой. Капитан Тауэрс хорошо это понимает — и конечно же, это понимает австралиец, хоть и пригласил его. Однако даже по долгу службы было бы полезно ближе познакомиться с новым офицером связи. Раз уж через него надо будет сноситься с австралийскими военно-морскими властями, хорошо бы узнать, что это за человек, а потому полезно побывать у него дома. И это приятное разнообразие, передышка, ведь последние месяцы так мучительно было вынужденное бездействие; как бы неловко там себя ни почувствовал, пожалуй, это лучше, чем два дня в гулкой пустоте авианосца наедине с собственными мыслями и воспоминаниями.

Он слабо улыбнулся, отставил чашку. Может быть,

и неловко будет там, в гостях, но, пожалуй, еще худшая неловкость — сухо отклонить приглашение, сделанное новым подчиненным по доброте душевной.

— А не очень это будет хлопотно для вашей жены? — сказал он. — Ведь у вас маленький ребенок?

Питер покачал головой.

— Жена будет вам рада. Знаете, ей живется скучновато. По нынешним временам не часто увидишь новое лицо. Да и ребенок ее, конечно, связывает.

— С удовольствием побуду и переночую у вас, — сказал американец. — Завтра еще мне надо быть здесь, а в субботу я не прочь бы и поплавать. Давным-давно я не плавал. Удобно будет, если я приеду в Фолмут утренним поездом? В воскресенье мне уже надо вернуться.

— Я вас встречу на станции. — Поговорили о расписании поездов. Потом Питер спросил: — Вы ездите на велосипеде? — Тауэрс кивнул. — Тогда я прихвачу второй велосипед. От станции до нашего дома около двух миль.

— Это будет прекрасно, — сказал капитан Тауэрс. Его красный «олдсмобиль» теперь казался далеким сном. Всего лишь год и три месяца назад Тауэрс прикатил на нем в аэропорт, а сейчас уже с трудом представлял себе, как выглядит приборный щиток и с какой стороны от водителя помещается переключатель скорости. Наверно, машина и сейчас стоит в гараже в его родном Коннектикуте и, возможно, ничуть не пострадала, как и многие другие вещи, о которых он приучил себя не думать. Надо жить в новом, теперешнем мире и делать все, что можешь, а о прежнем не вспоминать; теперь на станции австралийской железной дороги тебя ждет велосипед.

Питер ушел, надо было поспеть к грузовому электромотобилю и вернуться в Адмиралтейство; там он получил письменный приказ о назначении на «Скорпион», прихватил купленные утром колеса и сел в трамвай. В Фолмут приехал около шести, кое-как прицепил колеса к рулю велосипеда, скинул форменный китель и, с усилием нажимая на педали, стал подниматься в гору. Через полчаса, весь взмокший от послеполуденной жары, он был наконец дома и застал жену на лужайке, где крутилась, одаря свежестью, брызгалка, и от самой Мэри, в легком летнем платье, словно вяло прохладой. Она пошла ему навстречу.

— Какой ты горячий! — сказала она. — И колеса достал.

Он кивнул.

— Извини, на пляж я никак не мог приехать.

— Так и поняла, что тебя задержали. Мы вернулись домой в половине шестого. Как с твоим назначением?

— Долго рассказывать. — Он пристроил велосипед и связанные колеса на веранде. — Я бы сперва принял душ.

— Но хорошо или плохо?

— Хорошо. Уйду в плавание до апреля. А потом свободен.

— Чудесно! Поди прими душ, освежишься, а потом все расскажешь. Я вынесу складные стулья, и в холодильнике есть бутылка пива.

Четверть часа спустя он сидел в тени, свеженький, в рубашке с открытым воротом и легких спортивных брюках, и подробно ей рассказывал о минувшем дне. И под конец спросил:

— Ты встречалась когда-нибудь с капитаном Тауэрсом?

Мэри покачала головой.

— Джейн Фримен познакомилась с ними со всеми на званом вечере на «Сиднее». Она говорит, он довольно милый. А вот каково будет тебе служить под его началом?

— Думаю, неплохо. Свое дело он знает превосходно. Наверно, сперва на американском судне будет немного непривычно. Но народ там мне понравился. — Питер засмеялся. — Я с первых шагов попал пальцем в небо — спросил хересу. — И он рассказал о своей промашке. Мэри кивнула.

— Джейн говорила то же самое. На берегу они пьют, а на борту спиртного в рот не берут. Я подозреваю, что пьют они, только когда одеты в штатское. На «Сиднее» офицеры пили какой-то фруктовый коктейль, дрянь ужасная. А гости наладились вовсю.

— Я пригласил Тауэrsa к нам на субботу, — сказал Питер. — Он приедет утром.

Мэри испуганно, во все глаза уставилась на мужа.

— Пригласил капитана Тауэrsa?

Питер кивнул.

— Я почувствовал, что надо его позвать. С ним не будет трудно.

— Ох, еще как будет. С ними всегда трудно, Питер. Им слишком тяжело в чужом доме.

Питер постарался ее успокоить:

— Тауэрс не такой. Начать с того, что он уже не очень молодой. Уверяю тебя, с ним не будет трудно.

— Ты то же самое говорил про того летчика,— возразила Мэри.— Про командира эскадрильи, забыла его фамилию. Который плакал.

Питеру не очень-то приятно было это напоминание.

— Я знаю, им это мучительно. Прийти в чужой дом, видеть ребенка и всякое такое. Но уверяю тебя, этот будет держаться по-другому.

И Мэри покорила неизбежному.

— А надолго он к нам?

— Только на субботний вечер. Он сказал, в воскресенье ему надо вернуться на «Скорпион».

— Ну, если он только раз переночует, это еще не беда...— Мэри нахмурилась, минуту поразмыслила.— Главное, надо чем-то его занять. Чтобы он не оставался сам по себе. Ни минуты не скучал бы. Вот почему мы сплеховали с тем летчиком. Не знаешь, какой-нибудь спорт он любит?

— Плавать любит,— сказал Питер.— Он говорил, что рад бы поплавать.

— А ходить под парусом? В субботу будут гонки.

— Я не спрашивал. Наверно он это умеет. Видно, что человек спортивный.

Мэри пригубила пиво.

— Можно сводить его в кино,— сказала она раздумчиво.

— А какую картину сейчас крутят?

— Не знаю. Да это неважно, лишь бы чем-то его занять.

— А вдруг будет фильм об Америке, это не годится,— сказал Питер.— Еще угодим на такой, который снимали в его родном городе.

Мэри даже вздрогнула, посмотрела испуганно.

— Вот был бы ужас! А кстати, откуда он родом? Из какого штата?

— Понятия не имею. Я не спрашивал.

— О, господи. Надо же на вечер найти ему какое-то развлечение. Пожалуй, безопаснее всего английские фильмы, но, может быть, сейчас ни одного не крутят.

— Давай позовем гостей,— предложил Питер.

— Да, придется, если ни одна английская картина

не идет. Пожалуй, это самое лучшее.— Мэри призадумалась, спросила: — Ты не знаешь, был он женат?

— Не знаю. Уж наверно был.

— Я думаю, можно позвать Мойру Дэвидсон, вот кто нас выручит,— продолжала вслух размышлять Мэри.— Если только она не занята.

— И если не пьяная,— вставил Питер.

— Не все же время она пьет,— возразила жена.— А с ней будет веселее.

— Неплохая мысль,— согласился Питер.— Я бы заранее предупредил Мойру, какая у нее задача. Чтобы он ни минуты не скучал.— И, помедлив, прибавил: — Ни так, ни в постели.

— Сам знаешь, у Мойры до этого не доходит. Все одна видимость.

— Думай как тебе приятнее,— ухмыльнулся Питер.

Вечером они позвонили Мойре Дэвидсон и пригласили ее.

— Питер счел своим долгом его позвать,— объяснила Мэри.— Ведь это его новый командир. Но ты сама знаешь, какие они все и каково им это: попадают в семейный дом, а там детишки, и пахнет пеленками, и в горячей воде подогревается бутылочка с молоком, и всякое такое. Вот мы и подумали — немножко наведем порядок, уберем все это подальше, с глаз долой и постараемся, чтобы ему было весело, понимаешь, надо все время как-то его развлекать. Беда в том, что меня связывает Дженнифер. Может быть, ты придешь и поможешь, дорогая? Боюсь, ночевать тебе придется на раскладушке в гостиной или, если хочешь, на веранде. Это только на субботу и воскресенье. Мы думаем, надо, чтобы он все время был занят. Ни на минуту не оставлять его одного. Пожалуй, устроим в субботу небольшую вечеринку, позовем кое-кого.

— Похоже, не очень-то будет весело,— заметила мисс Дэвидсон.— Скажи, а он совсем невозможный? Не станет рыдать в моих объятиях и говорить, что я в точности похожа на его покойницу жену? Видала я таких.

— Не знаю, все может быть,— неуверенно сказала Мэри.— Я его еще не видела. Подожди минутку, сейчас спрошу Питера.— И, возвратясь к телефону, заявила: — Мойра, Питер говорит, этот капитан, когда напьется, задаст тебе жару.

— Так-то лучше,— сказала мисс Дэвидсон.— Лад-

но, в субботу я с утра у вас. Кстати, джин я больше не пью.

— Не пьешь джин?

— Вредная штука. Разъедает все внутренности, от него язвы. У меня каждое утро язвы, вот я его и бросила. Перешла на коньяк. К концу недели шестую бутылку прикончу. Коньяку можно выпить сколько угодно.

В субботу утром Питер Холмс на велосипеде отправился на станцию. Здесь он встретил Мойру Дэвидсон. Она была тоненькая, очень белокожая, с прямыми светлыми волосами, ее отцу принадлежала небольшая скотоводческая ферма Харкауэй близ Бервика. На станцию Мойра приехала в фасонистой коляске о четырех колесах, отыскавшей год назад на складе старых автомобилей и за немалые деньги переделанной на конную тягу: в оглоблях красуется очень недурная бойкая серая кобылка, на Мойре ярчайшие красные брюки, того же цвета блузка, и губная помада, и ногти на руках и ногах, все в тон. Она помахала рукой подошедшему к лошади Питеру, соскочила на землю и небрежно привязала вожжи к перилам, у которых когда-то выстраивалась очередь в ожидании автобуса.

— Привет, Питер,— сказала она.— Мой кавалер еще не явился?

— Явится с этим поездом. А ты когда же выехала из дому? — До Фолмута ей надо было одолеть двадцать миль.

— В восемь. Просто жуть.

— Позавтракала?

Она кивнула:

— Коньяком. И не возьмусь больше за вожжи, пока не хлебну еще.

Питер озабоченно посмотрел на нее.

— И ты ничего не ела?

— Есть? Яичницу с ветчиной и прочую дрянь? Милый мальчик, вчера у Саймсов была вечеринка. И меня потом стошнило.

Они пошли к платформе встречать поезд.

— Когда же ты легла спать? — спросил Питер.

— Около половины третьего.

— Не знаю, как ты выдержишь. Я бы не смог.

— А я могу. Я могу вести такую жизнь, сколько потребуется, а осталось уже недолго. Так зачем тратить время на сон? — Она засмеялась, смешок прозвучал не совсем естественно.— Никакого смысла.

Питер не ответил; в сущности, она совершенно права, только он-то устроен иначе. Они постояли на платформе, пока не подошел поезд, и встретили капитана Тауэрса. Он приехал в штатском — легкая серая куртка и спортивные светло-коричневые брюки, в их покрое что-то американское, и он выделяется среди толпы, сразу видно иностранца.

Питер познакомил его с Мойрой. Когда спускались с платформы, американец сказал:

— Я сто лет не ездил на велосипеде, пожалуй, еще свалюсь.

— Мы можем предложить вам кое-что получше, — сказал Питер. — Мойра тут со своей тележкой.

Тауэрс поднял брови:

— Простите, не понял.

— Спортивная машина, — сказала девушка. — «Ягуар» новейшей марки. У вас такие называются как будто «буревестник». Последняя модель, всего одна лошадиная сила, но на ровной местности делает добрых восемь миль в час. Черт, до чего выпить хочется!

Подошли к тележке с заложенной в нее серой кобылкой; Мойра пошла отвязывать вожжи. Американец отступил на шаг и оглядел сверкающую под солнцем щеголеватую коляску.

— Послушайте, да у вас замечательная тачка! — воскликнул он.

Девушка расхохоталась.

— Тачка! Вот именно тачка — самое подходящее название! Нет-нет, Питер, я ничего худого не прибавлю. Тачка и есть. У нас в гараже стоит большой «форд», но я его не взяла. Садитесь, я поддам газу и покажу вам, какую мы развиваем скорость.

— А у меня здесь велосипед. Я поеду побыстрее и встречу вас у дома.

Капитан Тауэрс забрался в тележку, Мойра села рядом, взялась за кнут и рысцей пустила серую кобылку вслед за велосипедистом.

— Мне надо сделать еще кое-что, прежде чем мы выедем из города, — сказала она спутнику. — Надо выпить. Питер очень милый, и Мэри тоже, но они слишком мало пьют. Мэри говорит, от этого у ее дочки болит животик. Надеюсь, вы не против. А если угодно, выпейте хоть кока-колу.

Капитан Тауэрс был несколько ошеломлен, но

и оживился. Давно уже не бывал он в обществе подобных молодых особ.

— Составлю вам компанию,— сказал он.— За последний год я столько выпил кока-колы, что хватило бы погрузиться моей подлодке вместе с перископом. Охотно глотну спиртного.

— Значит, мы подходящая парочка,— заметила Мойра и ловко повернула свой экипаж на главную улицу.

Несколько машин стояли заброшенные, носом к тротуару; они стояли так уже больше года. На улицах было теперь так мало движения, что они никому не мешали, а чтоб отбуксировать их отсюда, не хватило горючего. Мойра остановила лошадку перед отелем «Причал», спрыгнула на тротуар, привязала вожжи к бамперу одной из безжизненных машин и повела Тауэрс в дамскую гостиную.

— Что вам заказать? — спросил он.

— Двойную порцию коньяку.

— Разбавить?

— Капельку содовой и побольше льда.

Он передал заказ бармену и постоял минуту, задумавшись, а Мойра тем временем присматривалась к нему. Американского виски здесь никогда не бывало, шотландского не было уже много месяцев. К австралийскому Тауэрс, невесть почему, относился с подозрением.

— Первый раз слышу, чтобы так разбавляли коньяк,— заметил он.— Каково это?

— Не ударяет в голову, но забирает постепенно. Придает духу. Потому я его и пью.

— Пожалуй, я останусь верен виски.— Тауэрс спросил себе порцию и с улыбкой повернулся к Мойре.— А вы, видно, много пьете?

— Мне все это говорят.— Она взяла у него из рук стакан, достала из сумочки пачку сигарет — смесь южноафриканского и австралийского табака.— Хотите курить? Гадость ужасная, но ничего другого я не могла достать.

Тауэрс предложил ей свои сигареты — такую же гадость, чиркнул спичкой. Мойра пустила из ноздрей облако дыма.

— По крайней мере разнообразие,— сказала она.— Как ваше имя?

— Дуайт. Дуайт Лайонел.

— Дуайт Лайонел Тауэрс,— повторила она.—

А я Мойра Дэвидсон. У нас в двадцати милях отсюда скотоводческая ферма. А вы капитан подводной лодки, да?

— Совершенно верно.

— Шикарная карьера? — съязвила Мойра.

— Мне оказали большую честь, назначив меня командиром «Скорпиона», — спокойно сказал Тауэрс. — Я и сейчас считаю, что это большая честь.

Мойра опустила глаза.

— Извините. Трезвая я веду себя по-свински. — Она залпом выпила коньяк. — Возьмите мне еще, Дуайт.

Он взял ей еще коньяку, но ограничился своей порцией виски.

— Скажите, а чем вы занимаетесь в свободное время? — спросила девушка. — Играете в гольф? Ходите под парусом? Ловите рыбу?

— Больше ловлю рыбу, — сказал он. В памяти всплыл давний отпуск вдвоем с Шейрон на мысе Гаспё, но он отогнал воспоминание. Думать надо о настоящем, а прошлое забыть. — Для гольфа жарковато, — сказал он. — Капитан-лейтенант Холмс что-то говорил насчет купанья.

— Проще простого. И сегодня во второй половине дня в клубе парусные гонки. Вам это подходит?

— Даже очень, — с удовольствием отозвался Тауэрс. — А какая у него яхта?

— Называется «Гвен двенадцать». Вроде непромокаемой лохани с парусами. Если Питеру некогда, я наймусь к вам в матросы.

— Если мы пойдем на яхте, пить больше не следует, — решительно сказал Тауэрс.

— Если вы будете командовать, как на флоте Соединенных Штатов, я не пойду к вам в матросы, — отрезала Мойра. — Наши корабли не стоят на приколе, не то что ваши.

— Хорошо, — невозмутимо отозвался Тауэрс. — Тогда я пойду к вам в матросы.

Мойра посмотрела на него в упор.

— Вас хоть раз кто-нибудь стукнул бутылкой по голове?

Тауэрс улыбнулся:

— Не раз и не два.

Она осушила свой стакан.

— Ладно, давайте выпьем еще.

— Нет, благодарю. Холмсы наверно уже гадают, что с нами стряслось.

— Скоро узнают,— был ответ.

— Едемте. Я хочу посмотреть на Австралию с высоты вашей тележки.

И капитан Тауэрс повел Мойру к выходу. Она покорно пошла. Но поправила:

— Это не тележка, а тачка.

— Ну нет. Мы ведь в Австралии. Значит, тележка.

— Ошибаетесь. Это Эбботская тачка. Ей больше семидесяти лет. Папа говорит, она американского производства.

Глаза Тауэрса блеснули живым интересом.

— Вот оно что! А я удивлялся, почему мне в ней что-то знакомо. Когда я был мальчишкой, у моего деда в штате Мэн в сарае стоял точно такой экипажик.

Нельзя позволять ему думать о прошлом.

— Возьмите лошадь под уздцы, пока я ее отсюда выведу. Эта машина плохо переключается на обратный ход.— Мойра порывисто села на место водителя и чуть не разорвала лошади рот удилами, так что Тауэрсу зевать не пришлось. Серая кобылка взметнулась было на дыбы, нацелилась на него передними ногами; он все же повернул ее к улице, прыгнул на сиденье рядом с Мойрой, и они помчались галопом.— Слишком она бойкая. На подъеме живо уgomонится. Еще этот проклятый асфальт...

Они мчались вон из города, лошадь поминутно оскальзывалась на гладкой, как каток, дороге; американец обеими руками вцепился в сиденье и только недоумевал — до чего плохо девушка правит.

Через считанные минуты подкатили к дому Холмсов, серая была вся в мыле. Капитан-лейтенант с женой вышли навстречу гостям.

— Извини, что мы запоздали, Мэри,— преспокойно заявила мисс Дэвидсон.— Мне не удалось протащить капитана Тауэрса мимо забегаловки.

— Похоже, вы постарались наверстать потерянное время,— заметил Питер.

— Да, мы недурно прокатились,— сказал командир подводной лодки. Вылез из коляски, и его представили Мэри. Потом он обратился к Мойре: — Может быть, я повожу немного лошадь, чтобы она остыла?

— Прекрасно,— был ответ.— Не худо бы еще распрячь и отвести на выгон — Питер вам покажет что

где. А я помогу Мэри приготовить обед. Питер, Дуайт хочет сегодня после обеда пройтись на твоей лодке.

— Я ничего подобного не говорил,— запротестовал американец.

— Нет, говорили.— Мойра оглядела взмыленную кобылку и порадовалась, что ее сейчас не видит отец.— Оботрите ее чем-нибудь... в тачке сзади, под торбой с овсом, есть холстина. Попозже я ее напою, но сперва мы сами выпьем.

Днем Мэри осталась с малышкой дома, потихоньку готовилась к приему гостей. Питер, Мойра и не слишком уверенно держащийся на велосипеде Дуайт Тауэрс покатали в яхт-клуб; ехали с полотенцами на шее, купальные трусики сунули в карманы, в клубе переоделись: пока идешь на яхте, можно изрядно вымокнуть. Суденышко оказалось закрытой со всех сторон фанерной скорлупкой с крохотным кубриком, но с неплохой оснасткой. Поставили паруса, спустили яхту на воду и пришли на линию старта за пять минут до начала гонок — американец правил, Мойра была у него матросом, а Питер остался на берегу в роли зрителя.

Гонщики были в купальных костюмах: Дуайт Тауэрс в старых светло-коричневых трусах, Мойра в белых с цветным узором трусиках и лифчике; на случай, если нажжет солнцем, прихватили с собой рубашки. Несколько минут маневрировали за линией старта, под теплыми солнечными лучами, кружа среди десятка других яхт разных классов и марок. Тауэрс уже несколько лет не ходил под парусами и никогда еще не управлял яхтой такого типа; но она оказалась послушной, и он быстро убедился, что она очень быстроходна. Когда раздался стартовый выстрел, капитан уже проникся доверием к своему судну; они стартовали пятыми; предстояло трижды пройти по треугольному маршруту.

Как обычно в заливе Порт-Филип, очень быстро поднялся ветер. Когда прошли первый круг, он был уже так силен, что планшир покрывала вода. Капитан Тауэрс, поглощенный главной задачей — при помощи руля и парусов не дать яхте опрокинуться и не сбиться с курса, уже ни на что больше не обращал внимания. Вырвались на второй круг, под ярким солнцем, в алмазных облаках сверкающих брызг дошли до дальнего поворота; слишком занятый своим делом, капитан не заметил, как Мойра ногой набросила петлю грота-шкота на утку, а сверху захлестнула стаксель-шкот. Подошли

к бую — вехе поворота, капитан, искусно управляя, поднял румпель и отдал грота-шкот, но тот стравился на каких-нибудь два фута, и его заело. Налетел порыв ветра и почти остановил суденышко, Мойра, прикидываясь непонятливой, убрала стаксель, и яхту положило парусами на воду. Миг — и оба гонщика барахтаются рядом со своим судном.

— Вы не выпустили грота-шкот! — сердито крикнула Мойра. И еще через мгновение: — О, черт, с меня лифчик слетел!

А на самом деле, упав в воду, она ухитрилась дернуть завязку на спине, и теперь лифчик качался на воде с нею рядом. Одной рукой Мойра ухватила его, скомандовала Тауэрсу:

— Подплывите с другого борта и садитесь на киль. Она сразу выпрямится.

И поплыла следом.

Издали они увидели — повернул и спешит к ним на выручку белый спасательный катер.

— Час от часу не легче, — сказала Мойра спутнику. — К нам спасателей несет. Помогите мне надеть эту штуку, пока они не нагрянули, Дуайт. — Лежа ничком на воде, она прекрасно справилась бы с этим и без посторонней помощи. — Правильно, завяжите покрепче. Да не так туго, я же не японка. Ну вот, хорошо. Теперь давайте выправим яхту и продолжим гонку.

Она вскарабкалась на киль, плоско выступающий из корпуса яхты на уровне воды, и стала на него, держась за планшир, а Тауэрс подплыл, глядя снизу вверх, восхищаясь ее гибкой фигуркой и ее дерзким бесстыдством. Всей своей тяжестью он навалился на ту же деревянную плоскость, — и яхта дернулась, поднимая с воды намокшие паруса, словно бы чуть поколебалась, и рывком выпрямилась. Девушка перевалилась через борт и, отбрасывая грота-шкот, комочком упала на дно. Дуайт забрался следом. Через минуту, не дав спасателям к ним подойти, они уже легли на курс, яхта с отяжелевшими намокшими парусами слушалась руля.

— Больше так не делайте, — сурово сказала Мойра. — Этот мой костюм — для солнечных ванн. Для купанья он не годится.

— Понятия не имею, как я оплошал, — виновато сказал Тауэрс. — До этого все шло хорошо.

Они закончили гонку без дальнейших приключений, к финишу прибыли предпоследними. Направились к берегу, Питер вошел по пояс в воду им навстречу. Ухватился за борт, развернул яхту носом к ветру.

— Хорошо сходили? — спросил он. — Я видел, вы разок опрокинулись.

— Сходили прелестно, — заявила Мойра. — Сперва Дуайт нас перевернул, а потом с меня слетел лифчик, так что развлекались вовсю. Ни минуты не скучали. Скорлупка отличная, Питер.

Они спрыгнули в воду, подтащили яхту к берегу, спустили паруса и на тележке вкатили ее по пандусу на берег, на стоянку. Потом прошли в конец пирса, искупались и уселись на теплом предвечернем солнышке, под защитой утеса, заслоняющего пирс от резкого ветра с моря, закурили.

Американец оглядывал синие воды, рыжие утесы, стоящие на приколе моторные лодки, их качало волной.

— Хорошо у вас тут, — сказал он задумчиво. — Яхт-клуб невелик, но такого славного я еще не видал.

— Здесь не принимают гонки уж очень всерьез, — заметил Питер. — В этом весь секрет.

— В этом для всего на свете секрет, — заявила Мойра. — Питер, когда опять можно будет выпить?

— Народ соберется к восьми, — ответил он и обратился к гостю: — Мы пригласили на вечер несколько человек. Я подумал, сперва мы поужинаем в отеле, в ресторане. Это проще, чем хозяйничать дома.

— Ну конечно. Прекрасно придумано.

— Неужели вы опять потащите капитана Тауэрс в «Причал»?

— Да, мы думали там поужинать.

— По-моему, это очень неразумно, — мрачно сказала Мойра.

Американец засмеялся:

— Вы распускаете обо мне дурную славу.

— Сами виноваты, — возразила Мойра. — Я изо всех сил покрываю ваши грехи. Даже не собираюсь рассказывать, как вы с меня сорвали лифчик.

Дуайт Тауэрс поглядел на нее в замешательстве — и расхохотался. Так весело, не сдерживаемый мыслями о прошлом, он не смеялся уже целый год.

— Ладно, — сказал он наконец. — Сохраним секрет, пускай это останется между нами.

— Я-то сохраню, — чопорно изрекла Мойра. — А вы

сегодня вечером, когда порядком выпьете, наверно станете про это болтать направо и налево.

— Пожалуй, нам пора переодеться,— предложил Питер.— Я сказал Мэри, что мы вернемся домой к шести.

Они прошли по пирсу в клуб, переоделись и покатались на велосипедах к дому Холмсов. Мэри застали в саду, она поливала цветы. Потолковали о том, как лучше добираться до отеля, и решили запрячь серую и поехать в «тележке» Мойры.

— Так будет лучше для капитана Тауэrsa,— заметила она.— После второго визита в ресторан ему ничем не одолеть вашу горку на велосипеде.

И она пошла с Питером на выгон ловить и запрягать кобылку. И пока заправляла ей в рот удила и накидывала уздечку, спросила:

— Ну, как я действую, Питер?

Он расплылся в улыбке:

— Замечательно. С тобой он ни на минуту не соскучится.

— Что ж, Мэри от меня того и хотела. По крайней мере он еще не пролил ни слезинки.

— Если ты и дальше будешь так на него наседать, его скорее хватит удар.

— Не знаю, сумею ли я довести до этого. Я уже исчерпала почти весь свой репертуар.— И она опять занялась кобылкой.

— За этот вечер на тебя, пожалуй, еще снизойдет вдохновение,— заметил Питер.

— Возможно.

Вечер шел своим чередом. Поужинали в «Причале», уже не так торопясь, как в первый раз, одолели подъем в гору, распрягли и пустили на ночь на выгон серую кобылку и к восьми готовы были встречать гостей. На скромную вечеринку явились четыре пары: молодой врач, еще один морской офицер, веселый молодой человек, которого представили как хозяина чертополошной фермы — это занятие так и осталось для американца загадкой,— и молодой владелец крохотного механического заводика, все с женами. Три часа кряду все танцевали и пили, старательно избегая сколько-нибудь серьезных разговоров. Вечер выдался теплый, в комнате становилось все жарче, очень скоро мужчины сбросили пиджаки и галстуки, патефон крутился без передышки — пластинкам не предвиделось конца, половину

Питер по случаю вечеринки взял взаймы. Окна, затянутые москитной сеткой, распахнуты были настежь, однако в комнате плавали тучи сигаретного дыма. Питер опять и опять опорожнял переполненные пепельницы; порой Мэри собирала пустые стаканы, перемывала их на кухне и приносила снова. Наконец около половины одиннадцатого она подала на подносе чай, булочки с маслом и печенье — в Австралии это общепринятый знак, что вечеринка завершается. И вскоре гости начали разъезжаться, не слишком уверенно держась на своих велосипедах.

Мойра и Дуайт пошли по небольшой аллейке проводить до ворот доктора с женой. Потом повернули к дому.

— Славный получился вечер, — сказал капитан. — И все эти люди очень славные.

После жаркой и душной комнаты приятно было оказаться в саду, в прохладе. Стало очень тихо. Меж деревьями, под небом, полным звезд, виднелся берег, уходящий от Фолмута к Нелсону.

— В доме ужасно жарко, — сказала Мойра. — Я еще побуду здесь перед сном, освежусь.

— Я принесу вам что-нибудь накинуть на плечи.

— Принесите лучше чего-нибудь выпить, Дуайт.

— Но не крепкого?

Она покачала головой.

— Третью стакана коньяку и побольше льда, если еще осталось.

Дуайт пошел в дом. Когда он вернулся, неся в каждой руке по стакану, Мойра сидела в темноте на краю веранды. Взяла стакан, коротко поблагодарила, Дуайт сел рядом. После нескольких часов шума и суеты мирная тишина в вечернем саду — истинное облегчение.

— Как славно немножко посидеть спокойно, — сказал он.

— Пока не начали кусаться москиты, — заметила Мойра. На обоих чуть повеял теплый ветерок. — Хотя при таком ветре, пожалуй, москитов не будет. Я так напилась, что если и лягу — не усну. Буду всю ночь ворочаться с боку на бок.

— Вы и вчера поздно легли? — спросил Тауэрс.

Мойра кивнула:

— И позавчера тоже.

— По-моему, вам бы надо попробовать для разнообразия в кои веки лечь пораньше.

— А что толку? — резко спросила Мойра. — В чем теперь вообще есть хоть капля толку? — Он и не пытался ответить, и немного погодя она спросила: — Зачем Питер идет к вам на «Скорпион», Дуайт?

— Он наш новый офицер связи.

— А прежде у вас был такой офицер?

Тауэрс покачал головой:

— Никогда не было.

— А теперь зачем вам его дают?

— Право, не знаю. Может быть, надо будет обойти австралийские воды. Приказа я еще не получил, но так мне говорили. Похоже, у вас на флоте капитан все узнает последним.

— Так куда, говорят, вы направитесь?

Дуайт чуть помешкал с ответом. Правила секретности отошли в прошлое, однако требуется некоторое усилие, чтобы об этом вспомнить: действует сила привычки, хотя во всем мире у тебя не осталось врагов.

— Говорят, нам предстоит небольшой рейс к Порту-Морсби, — сказал он. — Может быть, это только слухи, но больше мне ничего не известно.

— Но ведь Порт-Морсби кончился?

— Думаю, да. Их радио давно уже молчит.

— Но тогда нельзя же там высадиться?

— Иногда кому-то надо пойти и посмотреть, что и как. Из лодки мы выйдем, только если уровень радиации близок к норме. Если он высок, я даже не всплыву на поверхность. Но бывает, что кому-то надо пойти и все увидеть своими глазами. — Тауэрс помолчал, в саду под звездами повисла недолгая тишина. — Есть такие места, на которые надо поглядеть, — сказал он наконец. — Откуда-то из-под Сизтла поступают радиосигналы. Смысла в них нет, время от времени доходит какая-то мешанина из тире и точек. Возможно, там кто-то жив, но не умеет обращаться с передатчиком. В северном полушарии происходит много странного, и кто-то должен отправиться туда и посмотреть, в чем дело.

— А разве там кто-то мог выжить?

— Не думаю. Но это не исключено. Человеку пришлось бы существовать в наглухо закупоренном помещении, куда весь воздух поступает через фильтры, да еще как-то запастись продуктами и водой. Не думаю, чтобы это удалось.

Мойра кивнула.

— А правда, что и Кэрнс кончился?

— Думаю, что да... и Кэрнс, и Дарвин. Возможно, нам надо будет пройти и туда, посмотреть, что в них делается. Возможно, поэтому к нам и прикомандировали Питера. Эти воды ему знакомы.

— Кто-то говорил папе, что лучевая болезнь уже появилась в Таунсвиле. По-вашему, это верно?

— Право, не знаю, не слышал. Но очень может быть. Таунсвил южнее Кэрнса.

— И эта болезнь будет все распространяться к югу и дойдет до нас?

— Так говорят.

— У нас в южном полушарии никаких бомб не взрывали,— гневно сказала Мойра.— Почему должно докатиться и до нас? Неужели никак нельзя это остановить?

Тауэрс покачал головой.

— Ничего нельзя сделать. На юг дует ветер. Очень трудно избежать того, что приносит ветер. Просто невозможно. Волей-неволей надо принять то, что надвигается, и принять мужественно.

— Я этого не понимаю,— упрямо сказала девушка.— Когда-то нам говорили, будто никакой ветер не переходит экватор и мы в безопасности. А теперь оказывается, никакой безопасности нет и в помине.

— Мы никогда не были в безопасности,— негромко сказал Тауэрс.— Даже если бы это было верно в отношении тяжелых частиц, то есть радиоактивной пыли,— а это тоже неверно, все равно путем диффузии распространяются легчайшие частицы. Они уже проникли сюда. Фоновый уровень радиации здесь сегодня в восемь, а то и в девять раз выше, чем был до войны.

— Это нам, похоже, не вредит,— возразила Мойра.— А вот как насчет пыли, про которую все говорят? Ее что же, приносит ветер?

— Да. Но никакой ветер не дует напрямую из северного полушария в южное. Иначе все мы уже умерли бы.

— И жаль, что не умерли,— с горечью сказала девушка.— А то ведь пытка — сидишь и ждешь казни.

— Может быть, и так. А может быть, это — время спасения души.

Помолчали.

— Почему это так долго тянется, Дуайт? — спро-

сила наконец Мойра.— Почему бы ветру не дунуть напрямик и не покончить со всем этим?

— В сущности, все довольно просто,— начал объяснять Дуайт.— В каждом полушарии ветры описывают огромные, в тысячи миль, спирали между полюсом и экватором. В северном полушарии своя система воздушных потоков, в южном — своя. Но разделяет их не тот экватор, который мы видим на глобусе, а так называемый экватор давления, и он в разное время года смещается то к северу, то к югу. В январе Индонезия и Борнео целиком входят в северную систему, а в июле разделяющая полоса смещается к северу, так что Индия, Сиам и все, что лежит южнее этой черты, оказывается в южной системе. И в январе северные ветры заносят к югу радиоактивную пыль, которая выпала, допустим, в Малайе. А в июле включается южная система, и уже наши ветры подхватывают пыль и несут сюда. Потому все и происходит так медленно.

— И ничего нельзя поделать?

— Ничего. С таким исполинским явлением человечеству не справиться. Надо примириться с тем, что есть.

— Не желаю я мириться! — вспыхнула Мойра.— Это несправедливо. В южном полушарии никто не бросал никаких бомб — ни водородных, ни кобальтовых, никаких. Мы тут ни при чем. С какой стати нам умирать из-за того, что другие страны, за десять тысяч миль от нас, затеяли войну? Это несправедливо, черт возьми.

— Да, несправедливо,— подтвердил Тауэрс.— Но так уж вышло.

Опять помолчали, потом Мойра сказала гневно:

— Я не смерти боюсь, Дуайт. Рано или поздно все мы умрем. Но обидно столько всего упустить.— Она повернулась, посмотрела на него при свете звезд.— Мне уже нигде не побывать, кроме Австралии. А я всю жизнь мечтала увидеть улицу Риволи. Наверно, потому, что так романтически звучит. Глупо, ведь наверно это улица как улица. Но мне всегда хотелось на нее поглядеть, а теперь я ее не увижу. Потому что больше нет никакого Парижа, ни Лондона, ни Нью-Йорка.

Дуайт мягко улыбнулся.

— Очень может быть, что улица Риволи еще существует, и в витринах магазинов чего только нет,

и все прочее цело. Не знаю, бомбили Париж или нет. Возможно, там все как было, и улица под солнцем такая, какую вам хотелось увидеть. Я именно так предпочитаю думать о подобных местах. Просто там больше никто не живет.

Мойра порывисто встала.

— Я не таким хотела все увидеть. Город мертвых... Принесите мне еще выпить, Дуайт.

Он не встал, только улыбнулся.

— Ни в коем случае. Вам пора спать.

— Тогда я сама возьму.— Она сердито прошагала в дом. Звякнуло стекло, и тотчас Мойра вышла, стакан в руке налит больше чем наполовину, и в нем плавает кусок льда.— В марте я собиралась на родину,— объявила она.— В Лондон. За сколько лет было все условлено. Я должна была провести полгода в Лондоне и на континенте, а домой вернуться через Америку. Повидала бы Мэдисон-авеню. Несправедливо это, черт побери.

Она хлебнула из стакана и с брезгливой гримасой отвела руку.

— Фу, что за гадость я пью?

Дуайт поднялся, взял у нее стакан, понюхал.

— Это виски.

Мойра опять взяла стакан, тоже понюхала.

— Да, правда,— неуверенно сказала она.— После коньяка это, наверно, меня прикончит.— Подняла стакан неразбавленного виски, залпом выпила, кубик льда швырнула в траву. При свете звезд попыталась остановить блуждающий взгляд на лице Тауэrsa.

— У меня никогда уже не будет семьи, как у Мэри,— пробормотала она.— Так несправедливо. Даже если ты нынче ляжешь со мной в постель, у меня уже не будет семьи, не останется времени.— Она истерически засмеялась.— Забавно, черт побери. Мэри боялась, ты увидишь ее малышку и сохнувшие пеленки и расплачешься. Как один их гость, летчик, командир эскадрильи.— Теперь язык у нее заплетался.— П-пусть он все время б-будет з-занят.— Мойра пошатнулась, ухватилась за столбик веранды.— Так она сказала. Н-не скучает ни м-минуты. И чтоб не видел м-маленькую... вдруг он з-заплачет.— По щекам Мойры заструились слезы.— Она не подумала, в-вдруг не ты заплачешь, а я.

Она мешком повалилась на пол веранды и разры-

далась. После минутного колебания командир подводной лодки наклонился, тронул ее за плечо, выпрямился, опять помедлил в нерешимости. Потом повернулся и вошел в дом. Мэри он нашел в кухне за мытьем посуды.

— Миссис Холмс,— начал он не без смущения,— может быть, вы выйдете на веранду посмотрите сами. Мисс Дэвидсон сейчас выпила после коньяка стакан чистого виски. Мне кажется, надо бы кому-то уложить ее в постель.

2

Малые дети не признают ни воскресений, ни вечеринок, затянувшихся до полуночи; на завтра в шесть утра Холмсы уже как всегда хлопотали по хозяйству, Питер на велосипеде с прицепом покатыл за молоком и сливками. Он немного задержался у мистера Пола, объяснил, какая тому для прицепа нужна ось, буксирное крепление, набросал для механика чертежи.

— Завтра мне вступать в новую должность,— сказал он.— Больше я не смогу ездить за молоком.

— Ничего,— сказал фермер.— Положитесь на меня. Пусть это будут вторники и субботы. Я уж позабочусь, без молока и сливок миссис Холмс не останется.

Питер вернулся домой к восьми; побрился, принял душ, оделся и стал помогать Мэри готовить завтрак. Около четверти девятого вышел капитан Тауэрс — свежий, чисто выбритый.

— Очень славно у вас было вчера,— сказал он.— Я и не помню, когда так приятно проводил вечер.

— У нас по соседству есть очень милые люди,— сказал хозяин дома. Поглядел на капитана, усмехнулся.— Прошу прощенья за Мойру. Обычно она не допивается до бесчувствия.

— Это виски виновато. Она еще не вставала?

— Думаю, она не так скоро выйдет. Я слышал, часа в два ночи кто-то маялся морской болезнью. Надо полагать, не вы?

Американец засмеялся:

— Только не я, сэр!

Появился завтрак, и все трое сели за стол.

— Хотите с утра еще раз искупаться? — спросил гостя Питер.— Похоже, день опять будет жаркий.

Тауэрс поколебался.

— В воскресное утро я предпочел бы пойти в церковь. Дома мы всегда так поступаем. У вас поблизости нет англиканской церкви?

— Есть,— сказала Мэри.— Надо только спуститься с холма, это меньше мили. Служба начинается в одиннадцать.

— Я бы пошел. Если только это не нарушит ваши планы.

— Ну конечно, сэр. Но я, пожалуй, с вами не пойду. Мне тут много чего надо наладить до ухода на «Скорпион».

Капитан кивнул:

— Разумеется. К обеду я вернусь, а потом мне надо будет на лодку. Хорошо бы попасть на поезд часов около трех.

И он стал спускаться с холма; солнце уже пригревало. До начала службы времени оставалось вдоволь, он пришел на четверть часа раньше, но все равно вошел в церковь. Служка дал ему молитвенник и сборник гимнов, и он сел на одну из задних скамей, потому что порядок богослужения ему был еще не очень знаком, а с этого места он мог видеть, когда прихожане преклоняют колена и когда встают. Он прочел обычную молитву, какой его научили в детстве, потом сел и огляделся. Маленький храм был совсем такой же, как в его родном городе Мистике, в штате Коннектикут. Даже пахло так же.

Эта девица Мойра Дэвидсон совсем не в себе. Слишком много пьет, но что ж, некоторые люди не в силах примириться с положением вещей. А впрочем, славная девочка. Шейрон она бы понравилась.

В мирном спокойствии церкви он стал думать о своих, представил себе их лица. В сущности, он был простая душа. Он вернется к ним в сентябре, вернется домой после всех своих странствий. Меньше чем через девять месяцев он снова их увидит. И когда он опять с ними соединится, они не должны почувствовать, будто он отдалился от них, забыл разное, что было важно для них всех. Сынишка, верно, порядком подросток: в этом возрасте дети растут быстро. Пожалуй, охотничий индейский наряд ему уже мал, лук и стрелы не интересны. Пора ему обзавестись удочкой, маленьким фибергласовым спиннингом и выучиться удить рыбу. Забавно будет учить сына рыбной ловле. Десятого июля

у него день рождения. Нельзя послать ему к рождению удочку и едва ли удастся захватить ее с собой, но стоит попытаться. Может быть, здесь можно купить хорошую удочку.

День рождения Элен семнадцатого апреля; ей исполнится шесть лет. Опять он пропустит этот день, если только не стрясется что-нибудь со «Скорпионом». Надо не забыть извиниться перед ней, а пока что надо придумать, что бы захватить для нее в сентябре. Семнадцатого Шейрон объяснит ей, что сейчас папа в плавание, но до зимы он вернется домой и тогда привезет дочке подарок. Шейрон ей это объяснит, и девочка не будет в обиде.

Богослужение шло своим чередом, вместе с другими прихожанами капитан Тауэрс преклонял колена, вместе с ними поднимался и все время думал о своих близких. Порою, очнувшись, он подпевал гимну, повторял простые, безыскусственные слова, но больше грезил наяву о жене и детях, о доме. После службы он вышел из церкви, отдохнув душой. А когда вышел, не увидел ни одного знакомого лица, и никто его здесь не знал; на паперти священник нерешительно улыбнулся ему, и он ответил улыбкой, потом под теплыми лучами солнца стал подниматься в гору, и мысли его теперь без остатка занимал «Скорпион» — какие нужны припасы, сколько всего предстоит сделать, сколько проверить и перепроверить перед тем, как выйти в море.

У Холмсов он застал Мэри и Мойру Дэвидсон, они расположились в шезлонгах на веранде, тут же стояла коляска с малышкой. Увидев его на дорожке, Мэри встала.

— Вы шли по жаре, — сказала она. — Снимайте куртку и посидите здесь в тени. Легко нашли церковь?

— Да, конечно. — Он скинул куртку и сел на краю веранды. — Здешние жители очень набожны. В церкви было полно народу.

— Так бывало не всегда, — сухо отозвалась Мэри. — Я принесу вам чего-нибудь выпить.

— Я предпочел бы не спиртное. — Он поглядел на их стаканы. — Вы что пьете?

— Сок лайма с водой, — ответила мисс Дэвидсон. — Ладно уж, молчите.

Он засмеялся.

— От сока и я не прочь. — Мэри пошла за стака-

ном для него, а Тауэрс повернулся к Мойре.— Ели вы хоть что-нибудь на завтрак?

— Половинку банана и самую малость бренди,— невозмутимо ответила она.— Я не очень хорошо себя чувствовала.

— Это из-за виски. Вы сделали ошибку.

— Одну из многих. Ничего не помню после того, как мы с вами разговаривали на лужайке, когда все разошлись. Это вы уложили меня в постель?

Он покачал головой.

— Я считал, что это дело миссис Холмс.

Мойра слабо улыбнулась.

— Вы упустили удобный случай. Не забыть бы мне поблагодарить Мэри.

— На вашем месте я бы поблагодарил. Миссис Холмс на редкость славная женщина.

— Она говорит, сегодня вы возвращаетесь в Уильямстаун. А нельзя вам остаться, искупались бы еще разок?

Он покачал головой:

— До завтра у меня еще уйма работы на борту. На этой неделе мы выходим в море. У меня на столе наверняка накопилась гора деловых бумаг.

— Похоже, вы из тех людей, которые работают в поте лица с утра до ночи, даже если это и не нужно. Тауэрс засмеялся.

— Очень может быть.— И вскинул на нее глаза.— А вы когда-нибудь работаете?

— Разумеется. Я очень деловая женщина.

— Что же у вас за работа?

Мойра подняла стакан.

— Вот. Этим и занимаюсь с тех пор, как вчера с вами познакомилась.

Он усмехнулся.

— Вам не становится хоть изредка скучно от такого однообразия?

— «Жизнь так скучна»¹,— процитировала Мойра.— И не изредка. Всегда.

Он кивнул.

— Мне везет, у меня дел по горло.

Мойра посмотрела на него.

— Можно, на той неделе я приеду и посмотрю вашу подводную лодку?

---

¹ У. Шекспир. Король Джон, III, IV.

Он засмеялся, думая о том, сколько еще работы предстоит на борту.

— Нет, нельзя. На той неделе мы уходим в плавание.— Это прозвучало не слишком любезно, и он прибавил: — А вас интересуют подводные лодки?

— Не очень,— как-то рассеянно сказала Мойра.— Я подумала, может, стоит поглядеть, но только если это вас не затруднит.

— Я буду рад показать вам «Скорпион»,— сказал Тауэрс.— Но не на той неделе. Приезжайте как-нибудь, и позавтракаем вместе, когда станет спокойнее и мы на борту не будем носиться как угорелые. Выберем спокойный день, и я смогу вам все показать. А потом, может быть, отправимся в город и где-нибудь поужинаем.

— Звучит заманчиво. Скажите, когда это будет, чтобы я могла предвкушать удовольствие?

Тауэрс чуть подумал.

— Не могу сейчас сказать точно. Примерно в конце недели я доложу о готовности, и, вероятно, в тот же день или на завтра нас пошлют в первый рейс. Потом надо будет какое-то время провести на верфи, и только после этого мы опять уйдем в плавание.

— Первый рейс — это до Порта-Морсби?

— Я постараюсь пригласить вас до этого рейса, но поручиться не могу. Дайте мне свой телефон, тогда я примерно в пятницу позвоню, и мы условимся.

— Бервик 8641,— сказала Мойра. Дуайт записал номер.— Лучше звоните до десяти. По вечерам я редко бываю дома.

Он кивнул.

— Прекрасно. Может быть, в пятницу мы будем еще в море. Возможно, я позвоню в субботу. Но я непременно позвоню, мисс Дэвидсон.

Она улыбнулась:

— Меня зовут Мойра, Дуайт.

— Ладно,— засмеялся он.

После обеда, по дороге домой в Бервик, она подвезла его в своей коляске на станцию. И на прощанье сказала:

— До свиданья, Дуайт. Не уморите себя работой.— Потом прибавила: — Извините, что я так по-дурацки себя вела вчера вечером.

Он усмехнулся.

— Вредно смешивать коньяк с виски. Пускай это будет вам уроком.

Мойра засмеялась недобрым смехом.

— Меня уже не переучишь. Наверно, опять так же напьюсь сегодня вечером, и завтра тоже.

— Дело хозяйское, — невозмутимо отозвался Дуайт.

— В этом вся беда, — был ответ. — Надо мной нет хозяина, я сама себе хозяйка. Будь до меня кому-то дело, пожалуй, было бы по-другому, но уже не остается времени. То-то и горе.

Дуайт кивнул:

— До скорой встречи.

— А мы правда встретимся?

— Ну конечно. Я ведь сказал, что позвоню вам.

Он электричкой вернулся в Уильямстаун, а Мойра пустилась в своей тележке домой, за двадцать миль. Она доехала к шести часам, распрягла серую и отвела в стойло. Отец вышел помочь ей, вдвоем они закатили тележку в гараж, поставили рядом с неподвижно застывшим большим «фордом», напоили лошадь, задали ей овса и вошли в дом. Мать Мойры сидела с вязаньем на затянутой сеткой от москитов веранде.

— Здравствуй, родная, — сказала она. — Приятно провела время?

— Недурно, — ответила дочь. — Питер и Мэри вчера устроили вечеринку. Было очень забавно. Правда, я изрядно выпила.

Мать лишь вздохнула тихонько, по опыту зная, что протестовать бесполезно.

— Ляг сегодня пораньше, — только и сказала она. — В последнее время ты так часто полуночничаешь.

— Пожалуй, сегодня лягу рано.

— Что собой представляет этот американец?

— Славный. Очень спокойный и моряк моряком.

— Женатый?

— Я не спрашивала. Уж наверно был женат.

— Чем вы занимались?

Девушка подавила досаду — надоели эти допросы; мама всегда так, а времени слишком мало, жаль его тратить на пререкания.

— Днем ходили на яхте.

И она стала рассказывать матери о том, как прошла суббота, умолчав об истории с лифчиком и о многих подробностях вечера.

В Уильямстауне капитан Тауэрс прошел на верфь

и затем на «Сидней». Он занимал здесь две смежные каюты, соединенные дверью в переборке, одна каюта служила ему рабочим кабинетом. Он отправил посыльного на «Скорпион» за дежурным офицером, и тотчас явился лейтенант Херш с пачкой приказов. Тауэрс взял их и внимательно перечитал. Почти все касались дел обыденных — заправиться горючим, запастись продовольствием, но было и нечто неожиданное: бумага из военно-морского ведомства. В ней говорилось, что на «Скорпион» командирруется для научной работы сотрудник НОНПИ — Национальной Организации Научных и Промышленных Исследований. Подчиняться он должен австралийскому офицеру связи. Имя командированного — Дж. С. Осборн.

С бумагой в руке капитан Тауэрс поднял глаза на лейтенанта Херша.

— Послушайте, известно вам что-нибудь про этого малого?

— Он уже здесь, сэр. Прибыл утром. Я усадил его в кают-компанию, а дежурному велел отвести ему на сегодняшнюю ночь каюту.

Капитан поднял брови.

— Ну, а что вам известно? Каков он с виду?

— Очень высокий и тощий. Волосы то ли русые, то ли серые. В очках.

— Возраст?

— Пожалуй, немного постарше меня. Но тридцати нет.

Капитан с минуту подумал.

— В кают-компанию становится тесновато. Пожалуй, поместим его в одной каюте с капитан-лейтенантом Холмсом. Сейчас у вас на борту трое рядовых?

— Трое. Айзекс, Холмен и де Врайз. И еще боцман Мортимер.

— Скажите боцману, чтобы к шестой переборке спереди, поперек хода лодки, пристроили еще койку, изголовьем к правому борту. Пускай возьмет из носового торпедного отделения.

— Хорошо, сэр.

Тауэрс просмотрел вместе с лейтенантом остальные бумаги, в которых не было ничего из ряда вон выходящего, затем послал его за мистером Осборном. Когда штатский вошел, капитан указал ему на стул, предложил сигарету и отпустил лейтенанта.

— Вот поистине приятный сюрприз, мистер Ос-

борн,— сказал он.— Я только что прочел приказ о вашем назначении к нам на «Скорпион». Рад с вами познакомиться.

— Боюсь, это довольно скоропалительное решение,— сказал ученый.— Я о нем узнал только два дня назад.

— На флоте нередко так бывает,— заметил капитан.— Что ж, начнем по порядку. Как вас зовут?

— Джон Симор Осборн.

— Женаты?

— Нет.

— Хорошо. На борту «Скорпиона» и любого другого военного судна вам надо обращаться ко мне «капитан Тауэрс» и время от времени называть меня «сэр». На берегу, вне службы, для вас я просто Дуайт... но не для младших офицеров.

Ученый улыбнулся:

— Очень хорошо, сэр.

— Выходили вы когда-нибудь в море на подводной лодке?

— Нет.

— На первых порах, пока не привыкнете, вам будет не очень уютно. Я распорядился отвести вам койку в офицерском отделении, и питаться вы будете в офицерской кают-компании.— Он оглядел безупречный серый костюм ученого.— Вероятно, вам понадобится другая одежда. Завтра утром на «Скорпион» явится капитан-лейтенант Холмс, поговорите с ним, он возьмет для вас со склада что нужно. Если вы спуститесь в этом костюме в подводную лодку, вы его загубите.

— Благодарю вас, сэр.

Капитан откинулся на спинку кресла, оглядел собеседника, отметил про себя: умное худощавое лицо, нескладная фигура.

— Скажите, а чем, собственно, вы будете у нас заниматься?

— Вести наблюдения и точные записи уровня радиоактивности в атмосфере и в океане, особое внимание уделять показателям под самой поверхностью воды и радиоактивности в самой лодке. Насколько мне известно, вы направитесь на север.

— Это известно всем, кроме меня. Наверно, так и предполагается и когда-нибудь мне об этом скажут.— Он нахмурился.— Так вы предполагаете, что уровень радиоактивности в лодке станет расти?

— Не думаю. Очень надеюсь, что этого не случится. Сомневаюсь, чтобы это было возможно, пока лодка идет под водой, разве что при каких-то чрезвычайных обстоятельствах. Но следует быть начеку. Как я понимаю, если радиация вдруг сколько-нибудь заметно возрастет, вам желательно узнать об этом сразу.

— Безусловно.

Они стали обсуждать разные технические подробности. Почти вся аппаратура Осборна была переносная, ее не требовалось крепить в корпусе подлодки. Уже смеркалось, когда он облачился в предложенный капитаном комбинезон, и они вдвоем перешли на «Скорпион», чтобы проверить установленный на кормовом перископе детектор радиации и составить план его калибровки по эталону. Такая же проверка понадобилась для детектора, установленного в машинном отделении, да еще кое-какая техническая работа — в одной из двух оставшихся труб торпедных аппаратов, чтобы можно было брать пробы забортной воды. Лишь когда совсем стемнело, Тауэрс и Осборн поднялись обратно на «Сидней» и поужинали в огромной, гулкой пустой кают-компании.

Назавтра закипела бурная деятельность. Явившись с утра на «Скорпион», Питер первым делом позвонил приятелю в Оперативный отдел Адмиралтейства и надумил хотя бы из вежливости сообщить наконец капитану подводной лодки то, что уже известно всем подчиненным ему офицерам-австралийцам, и замечания капитана внести в приказ о предстоящей операции. К вечеру план операции был доставлен и изучен, Джон Осборн одет, как полагается для работы на подводной лодке, работа над задним затвором торпедного аппарата закончена, и оба австралийца втискивали свои пожитки в отведенное им для этого невеликое пространство. Ночевали они на «Сиднее», а во вторник утром перебрались на «Скорпион». В считанные часы закончены были немногие оставшиеся работы, и Дуайт доложил о готовности к испытаниям. Им разрешили выход и, пообедав в полдень возле «Сиднея», они отчалили. Дуайт развернул лодку и на малой скорости повел ее к горловине залива.

Весь день кружили по заливу вокруг баржи с грузом слаборадиоактивных материалов, стоящей на якоре посреди залива, и измеряли уровень радиации; долговязый Джон Осборн без передышки носился по

«Скорпиону», снимал показания разнообразных датчиков, обдирая длинные ноги о стальные трапы, карабкаясь вверх и вниз то в боевую рубку, то на мостик, больно стучался головой о переборки и маховички управления, вбегая в рулевую рубку. К пяти часам испытания закончились; группе ученых, выведших барку в залив, предоставили вернуть ее к берегу, а «Скорпион» направился в открытое море.

Всю ночь лодка, не погружаясь, держала курс на запад, и шла на ней самая обычная походная жизнь. На рассвете при свежем юго-западном ветре и довольно спокойном море миновали мыс Бэнкс (Южная Австралия). Здесь погрузились примерно на полсотни футов и дальше каждый час поднимались настолько, чтобы выставить перископ и оглядеться. Под вечер миновали мыс Борда на острове Кенгуру и на перископной глубине двинулись напрямик по проливу к порту Аделаида. В среду около десяти вечера в перископ увидели город; через десять минут, не всплывая на поверхность, капитан распорядился повернуть, и «Скорпион» опять вышел в открытое море. В четверг на закате прошли правее северной оконечности острова Кинг и повернули домой. Близ горловины залива Филипа всплыли на поверхность, едва забрезжил рассвет, вошли в залив и в пятницу ошвартовались рядом с авианосцем в Уильямстауне как раз вовремя, чтобы там позавтракать; как выяснилось, исправить и наладить надо было лишь несколько мелочей.

В то утро главнокомандующий военно-морскими силами вице-адмирал сэр Дэвид Хартмен явился осмотреть единственное подначальное ему судно, стоящее внимания. Инспекторский осмотр занял час, и еще четверть часа вице-адмирал обсуждал на командном пункте с Дуайтом и Питером Холмсом изменения, которые они предлагали внести в план предстоящего похода. Затем он отправился на совещание с премьер-министром, находящимся в это время в Мельбурне; ни один самолет уже не летал, а без воздушного сообщения федеральному правительству в Канберре действовать было не просто, заседания парламента становились все короче и созывались все реже.

В тот вечер Дуайт, как и обещал, позвонил Мойре Дэвидсон.

— Ну вот, — сказал он, — я вернулся в целости. На борту есть кое-какая работа, но совсем немного.

— Так могу я поглядеть вашу лодку? — спросила Мойра.

— Рад буду вам ее показать. Мы не уйдем в море до понедельника.

— Мне очень хочется ее осмотреть, Дуайт. Когда удобнее — завтра или в воскресенье?

Он минуту подумал. Если сниматься с якоря в понедельник, воскресенье, вероятно, окажется очень хлопотливым днем.

— Пожалуй, лучше завтра.

В свою очередь Мойра быстро прикидывала: она приглашена к Энн Сазерленд, придется Энн подвести, но все равно там вечер, наверно, будет прескучный.

— С восторгом приеду завтра, — сказала она. — Приехать поездом в Уильямстаун?

— Это лучше всего. Я вас встречу на станции. Каким поездом вы приедете?

— Я не знаю расписания. Пожалуй, первым, который приходит после половины двенадцатого.

— Отлично. Если в это время я буду занят по горло, я попрошу Питера Холмса или Джона Осборна, они вас встретят.

— Как вы сказали — Джон Осборн?

— Да. А вы его знаете?

— Австралиец из научного института?

— Он самый. Высокий, в очках.

— Вроде как моя дальняя родня: его тетушка замужем за одним из моих дядей. Он что, тоже в вашей команде?

— Вот именно. По ученой части.

— Он чокнутый, — предупредила Мойра. — Совершенно сумасшедший. Он угробит вашу лодку.

Тауэрс засмеялся.

— Ладно. Приезжайте и осмотрите ее, покуда ваш родич ее не потопил.

— С удовольствием приеду. До скорого, Дуайт, в субботу утром.

И на другое утро, никакими особыми делами не занятый, он встретил ее на станции. Она была вся в белом — белая юбка в складку, белая, с тонкой цветной вышивкой блуза немного в норвежском стиле, и туфли белые. Посмотреть на нее приятно, но, здороваясь, Тауэрс озабоченно сдвинул брови: спрашивается, как провести ее по «Скорпиону», по этому лабиринту механизмов в жирной смазке, чтобы она не пе-

репачкала свой наряд, а ведь вечером он намерен поужинать с ней в ресторане.

— Доброе утро, Дуайт,— услышал он.— Долго ждали?

— Всего несколько минут. Вам пришлось очень рано выехать?

— Не так рано, как в прошлый раз. Папа меня подвез на станцию, и я захватила поезд в девять с минутами. А в общем, довольно рано. Вы дадите мне выпить перед обедом?

Он ответил не сразу:

— Дядя Сэм не одобряет спиртного на борту. Придется пить кока-колу или апельсиновый сок.

— Даже на «Сиднее»?

— Даже на «Сиднее»,— был решительный ответ.— Не захотите же вы за одним столом с моими офицерами пить что-нибудь крепкое, когда они пьют кока-колу.

— Я хочу выпить перед едой чего-нибудь крепкого, как вы выражаетесь,— нетерпеливо сказала Мойра.— У меня во рту все пересохло, просто мерзость. Не хотите же вы, чтобы я при ваших офицерах закатила истерику.— Она огляделась по сторонам.— Тут где-то есть отель. Угостите меня стаканчиком заранее, и тогда на борту я стану пить кока-колу, а дышать на ваших офицеров коньяком.

— Хорошо,— невозмутимо сказал Тауэрс.— Отель тут на углу. Идемте.

И они отправились; в дверях Тауэрс неуверенно огляделся. Потом повел Мойру в дамскую гостиную.

— Как будто нам сюда?

— А вы не знаете? Неужели вы здесь еще не бывали?

Он покачал головой. Спросил:

— Вам коньяку?

— Двойную порцию,— был ответ.— Со льдом, и самую малость разбавить. Неужели вы сюда не заглядываете?

— Ни разу не заходил.

— Неужели у вас никогда не бывает охоты напиться вдрызг? — спросила Мойра.— Вечерами, когда нечем заняться?

— На первых порах бывало,— признался Тауэрс.— Но тогда я уходил в город. Не годится разводить пач-

котню возле собственного дома. А через неделю-другую я это бросил. Толку все равно нет.

— Что же вы делаете по вечерам, когда лодка не в походе?

— Читаю газету или книгу. Иногда мы ходим на берег, идем в кино.

Подошел бармен, и Тауэрс заказал для нее коньяк и полпорции виски для себя.

— Очень нездоровый образ жизни,— объявила Мойра.— Я пошла в дамскую комнату. Присмотрите за моей сумочкой.

Она выпила еще одну двойную порцию коньяка, и только после этого он не без труда извлек ее из отеля и доставил в гавань, на «Сидней», оставалось лишь надеяться, что при его подчиненных она будет вести себя прилично. Но страхи оказались напрасны: с американцами она держалась скромно и учтиво. И только с Осборном проявила истинный свой нрав.

— Привет, Джон,— сказала она.— С какой стати вас сюда занесло?

— Я член команды,— ответил Осборн.— Занимаюсь научными наблюдениями. Главным образом всем мешаю.

— Капитан Тауэрс так мне и сказал. И вы вправду будете жить со всеми тут на подлодке? Все время?

— Похоже на то.

— А им известны ваши привычки?

— Простите, не понял?

— Ладно, я вас не выдам. Меня это не касается.

Она отвернулась и заговорила с капитаном Ландгреном.

Когда Ландгрэн предложил ей выпить, она попросила апельсинового сока; приятно было посмотреть на нее в это утро в кают-компании «Сиднея», когда, стоя под портретом английской королевы, она пила с американцами апельсиновый сок. Пока она разговаривала с ними, капитан Тауэрс отвел офицера связи в сторону.

— Послушайте,— сказал он вполголоса,— ей нельзя спуститься на «Скорпион» в таком платье. Вы не могли бы подыскать для нее комбинезон?

Питер кивнул.

— Найдется комбинезон для работы в котельной. Надо думать, нужен самый маленький размер. А где она переоденется?

Капитан задумчиво потер подбородок.

— Вы не знаете подходящего места?

— Лучше вашей личной каюты не придумаешь, сэр. Там ей никто не помешает.

— Ну и наслушаюсь я тогда — от нее же самой.

— Не сомневаюсь, — сказал Питер.

Мойра пообедала с американцами, сидя в конце одного из длинейших столов в кают-компании, потом в смежной каюте-гостиной пили кофе. Затем младшие офицеры вернулись каждый к своим обязанностям, а Мойра осталась с Питером и Дуайтом. Питер разложил на столе чистую, выглаженную одежду кочегара.

— Вот вам комбинезон, — сказал он.

Дуайт откашлялся.

— На подводной лодке слишком много смазки, мисс Дэвидсон, — пояснил он.

— Меня зовут Мойра.

— Хорошо, Мойра. Я думаю, лучше вам спуститься на «Скорпион» в комбинезоне. Боюсь, платье вы там перепачкаете.

Мойра взяла комбинезон, развернула.

— Полная перемена декораций, — заметила она. — А где мне можно переодеться?

— Я думаю, в моей личной каюте, — предложил Дуайт. — Там вас никто не побеспокоит.

— Надеюсь, хотя не так уж уверена. Я не забыла, что произошло на яхте. — Капитан рассмеялся. — Ладно, Дуайт, ведите меня в свою каюту. Надо же мне разок и на такое отважиться.

Дуайт отвел ее к себе в каюту и вернулся в гостиную ждать, пока она переоденется. В крохотной личной каюте капитана Мойра с любопытством огляделась. Прежде всего увидела фотографии, их было четыре. На всех молодая темноволосая женщина с двумя детьми: мальчику лет восемь-девять, девочка года на два младше. Один снимок был работой профессионального фотографа в хорошем ателье, остальные — увеличены с любительских снимков; на одном, похоже, пляж, вероятно берег озера. Мать с детьми сидят на трамплине для прыжков в воду. На другом — лужайка, возможно, перед жилищем Тауэрсов: на заднем плане видна часть белого деревянного дома и длинный автомобиль. Мойра стояла и с интересом разглядывала снимки; видимо, мать и дети были очень славные.

Тяжело это, но по-другому сейчас не бывает. Что толку из-за этого мучиться.

Она переделалась, положила юбку с блузкой и сумочку на койку, скорчила гримасу своему отражению в маленьком зеркале и вышла в коридор на поиски хозяина. Он уже шел ей навстречу.

— Ну вот и я,— заявила Мойра.— Похожа на черта. Ваша подлодка должна быть великолепна, Дуайт, иначе этому маскараду нет оправдания.

Он со смехом взял ее под руку и повел.

— Конечно, моя лодка великолепна,— сказал он.— Лучшая в Соединенных Штатах. Теперь сюда.

Мойра чуть не сказала, что другой подлодки у Соединенных Штатов, наверно, вообще нет, но прикусила язык: незачем делать ему больно.

Дуайт провел ее по трапу на узкую палубу «Скорпиона», затем на мостик и принялся объяснять, как что устроено. Мойра мало что знала о кораблях и ровным счетом ничего о подводных лодках, но слушала внимательно и раза два удивила Тауэrsa дельными, толковыми вопросами.

— Почему, когда вы погружаетесь, вода не льется в переговорную трубу? — спросила она.

— Поворачивается вот эта заглушка.

— А если вы забудете?

Он усмехнулся:

— Внизу, в машинном отделении есть еще одна.

Через узкий люк он спустился с нею в рубку. Некоторое время она в перископ осматривала гавань и сумела понять, что к чему, но как размещать балласт и избегать крена — это осталось для нее и загадочно и не слишком любопытно. С недоумением воззрилась она на хитроумные машины, зато с живейшим интересом осмотрела помещение, где спят и едят члены команды, а также камбуз.

— А как быть с запахом стряпни? — спросила она.— Как быть, когда у вас в подводном плаванье готовят капусту?

— Стараемся не готовить. Во всяком случае, не свежую капусту. Запах держится довольно долго. В конечном счете помогает освежитель, притом воздух сменяется, добавляется кислород. Часа через два уже почти не пахнет.

В своей крохотной каютке он предложил Мойре выпить чаю. Отпивая из чашки, она спросила:

— Вы уже получили приказ, Дуайт?

Он кивнул:

— Обходим Кэрнс, Порт-Морсби и Дарвин. Потом возвращаемся.

— Там ведь уже никого не осталось в живых, правда?

— Не уверен. Именно это нам и надо выяснить.

— И вы высадитесь на берег?

Он покачал головой:

— Не думаю. Все зависит от уровня радиации, но едва ли мы причалим. Может быть, даже не поднимемся на мостик. Если обстановка совсем скверная, наверно, останемся на перископной глубине. Потому-то мы и взяли на борт Джона Осборна: нам нужен человек, который по-настоящему понимает, насколько велик риск.

Мойра подняла брови.

— Но если даже нельзя выйти на палубу, откуда вам знать, есть ли на берегу кто-то живой?

— Можем позвать через громкоговоритель. Подойти как можно ближе к берегу и окликнуть.

— А услышите вы, если кто-нибудь отзовется?

— Не так ясно, как будем звать сами. Возле рупора мы укрепим микрофон, но чтобы услышать, если кто закричит в ответ, надо подойти очень близко. Все же это лучше, чем ничего.

Мойра вскинула на него глаза.

— Дуайт, а бывал кто-нибудь раньше в тех местах, где сильная радиоактивность?

— Да, конечно. Это не так страшно, если вести себя разумно и не рисковать зря. Во время войны мы там довольно долго ходили — от Айва-Джаммы до Филиппин и потом на юг до острова Яп. Остаешься под водой и действуешь как обычно. Но, конечно, на палубу выходить не годится.

— Нет, я про последнее время. Был кто-нибудь в тех местах после того, как война кончилась?

Дуайт кивнул:

— «Меч-рыба», двойник нашего «Скорпиона», ходила в Северную Атлантику. С месяц назад она вернулась в Рио-де-Жанейро. Я ждал, что мне пришлют копию рапорта Джонни Дисмора — это капитан «Меч-рыбы», — но до сих пор ее не получил. В Южную Америку давно не ходил ни один корабль. Я просил, чтобы копию передали телетайпом, но радио загружено более срочными делами.

— А далеко зашла та лодка?

— Насколько я знаю, она описала полный круг,— сказал Тауэрс.— Обошла восточные штаты от Флориды до Мэна, углубилась в нью-йоркскую гавань до самого Гудзона, пока не наткнулась на рухнувший мост Джорджа Вашингтона. Прошла дальше, к Новому Лондону, к Галифаксу и Сент-Джону, потом пересекла Атлантический океан, вошла в Ла-Манш и даже в устье Темзы, но там далеко продвинуться не удалось. Потом они глянули на Брест и Лиссабон, но к этому времени уже кончались припасы и команда была в скверном состоянии, так что они вернулись в Рио.— Тауэрс помолчал.— Я пока не слышал, сколько дней они шли под водой... а хотелось бы знать. Безусловно, они поставили новый рекорд.

— И нашли они хоть одного живого человека, Дуайт?

— Едва ли. Если б нашли, мы бы наверняка об этом услышали.

Мойра застывшим взглядом смотрела на узкий проход за занавеской, которая заменяла капитанской каюте стену, на сложную сеть труб и электрических кабелей.

— Можете вы себе представить, как это выглядит, Дуайт?

— Что именно?

— Все эти города, и поля, и фермы — и ни одного человека, ни единой живой души. Никого и ничего. У меня это просто в голове не укладывается.

— У меня тоже. Да я и не хочу себе это представить. По мне, лучше думать, что все выглядит как прежде.

— Ну а я ведь никогда в тех местах не бывала. Никогда не выезжала из Австралии, а теперь уже ничего другого и не увижу. Другие страны я знаю только по кино да по книгам... какие они были прежде. Наверно, уже никто никогда не снимет фильма о том, какие они теперь.

Дуайт покачал головой.

— Это невозможно. Насколько я понимаю, оператор бы не выжил. Думаю, о том, как теперь выглядит северное полушарие, знает один господь бог.— Он помолчал.— По-моему, это хорошо. Не хочется помнить, как кто-то выглядел после смерти, хочется помнить его живым. Вот так я предпочитаю думать о Нью-Йорке.

— Невообразимо. Не укладывается это у меня в голове,— повторила Мойра.

— И у меня тоже. По-настоящему не верится, просто не могу привыкнуть к этой мысли. Наверно, не хватает воображения. Но я и не хочу, чтоб хватило. Для меня все живо, все города, все уголки Штатов я вижу в точности такими, как прежде. И пускай они останутся такими до сентября.

— Ну конечно,— мягко сказала Мойра.

Он очнулся.

— Хотите еще чаю?

— Нет, спасибо.

Он снова вывел ее наверх; на мостике Мойра замешкалась, потирая ушибленную лодыжку, благодарно вдохнула морскую свежесть.

— Наверно, до черта противно внутри, когда подолгу не всплываешь,— сказала она.— Сколько времени вы пробудете под водой в этом рейсе?

— Недолго. Дней шесть, может быть, неделю.

— Должно быть, это ужасно вредно.

— Не физически,— возразил Дуайт.— Правда, недостает солнечного света. У нас есть пара ламп дневного света, но это совсем не то, что выйти наружу. Хуже всего погружение действует на психику. Иные люди — крепкие люди, в остальном вполне надежные — просто не могут долго оставаться под водой. Через какое-то время у всех сдают нервы. Нужен очень уравновешенный характер. Я бы сказал, невозмутимый.

Мойра кивнула — он сам в точности такой, подумалось ей.

— И вы все такие?

— Да, пожалуй. Во всяком случае, почти все.

— Смотрите в оба за Джоном Осборном,— предостерегла Мойра.— У него-то не очень спокойный нрав.

Дуайт посмотрел на нее с удивлением. Он прежде об этом не думал, в пробном походе ученый держался безукоризненно. Но после замечания Мойры капитан призадумался.

— Хорошо, непременно,— сказал он.— Спасибо за совет.

Они поднялись по трапу на «Сидней». В ангаре авианосца еще стояли самолеты, будто бабочки со сложенными крыльями; безмолвный корабль казался мертвым. Мойра приостановилась.

- Они уже никогда больше не полетят, правда?
- Думаю, не полетят.
- А хоть какие-нибудь самолеты еще летают?
- Я давно уже ни одного не видел в воздухе.

Авиационного бензина осталось очень мало.

Молча, необычно притихшая, Мойра дошла с Тауэром до его каюты. Сбросила комбинезон, снова надела белую юбку и вышитую блузку — и воспрянула духом. Проклятые мрачные корабли, проклятая мрачная жизнь! Скорей бежать от всего этого, напиться, слушать музыку, танцевать! Перед зеркалом, перед фотографией Дуайтовой жены и детей она ярко накрасила губы, нарумянила щеки, вернула блеск глазам. Вырваться из всего этого! Вон из этих стальных клепаных стен, вон отсюда сейчас же! Ей здесь не место. Скорее в мир романтических походов, самообманов и двойных порций коньяка! Вон отсюда — обратно в свой, привычный мир!

С фотографий в рамках понимающе, одобрительно смотрела Шейрон.

В кают-компанию навстречу госте шел Тауэрс.

— Вы шикарно выглядите! — воскликнул он с восхищением.

Мойра коротко улыбнулась.

— Зато чувствую себя гнусно, — сказала она. — Уйдемте отсюда, хочу на свежий воздух. Пойдем в тот ресторан, выпьем, а потом поищем, где можно потанцевать.

— Как прикажете.

Он пошел переодеться в штатское, а Мойру оставил с Осборном.

— Выведи меня на взлетную палубу, Джон, — сказала Мойра. — Еще минута в этих железных коробках — и я начну визжать и кусаться.

— Я плохо знаю дорогу наверх, — признался Осборн. — Я ведь тут новичок.

Они набрали на крутой трап, ведущий наверх, к оружейной башне, опять спустились, побрели по длинному стальному коридору, спросили дорогу у встречного матроса и наконец поднялись в надстройку и вышли на палубу. На просторной, ничем не загроможденной взлетной палубе пригревало солнце, перед глазами синело море, дул свежий ветер.

— Слава богу, наконец-то я выбралась, — сказала Мойра.

— Как я понимаю, ты не поклонница флота,— заметил Осборн.

— А тебе здесь нравится?

Он немного подумал.

— Пожалуй, нравится. Будет довольно занятно.

— Смотреть в перископ на мертвецов. Я могла бы придумать более приятные занятия.

Некоторое время шли молча.

— Важно знать,— сказал наконец Осборн.— Надо попытаться выяснить, что же произошло. Может быть, все обстоит не так, как мы думаем. Может быть, что-то поглощает радиоактивные элементы. Может быть, с периодом полураспада происходит что-то, о чем мы понятия не имеем. Даже если мы не откроем ничего хорошего, все-таки откроем что-нибудь новое. Не думаю, чтобы мы и вправду открыли что-то хорошее, обнадеживающее. Но все равно это забавно — узнавать.

— По-твоему, узнавать плохое — забавно?

— Убежден,— решительно сказал Осборн.— Иные игры забавны, даже если проигрываешь. Даже если знаешь, что проиграл, еще прежде, чем начнешь. Забавна сама игра.

— Престранное понятие об играх и забавах.

— Ты не хочешь смотреть правде в глаза, вот твоя беда,— сказал Осборн.— Что с нами случилось, то случилось, это непоправимо, а ты не хочешь с этим мириться. Но рано или поздно придется посмотреть правде в глаза.

— Ладно,— сердито сказала Мойра,— придется мне посмотреть правде в глаза. Если все, что ваша братия толкует,— верно, это будет в сентябре. Еще успею.

— Как угодно,— Джон Осборн усмехнулся.— Я не стал бы очень рассчитывать на сентябрь. Все может быть и на три месяца раньше или позже. Кто знает, возможно, нас прихватит уже в июне. А может быть, я еще успею поднести тебе подарок к Рождеству.

— Так вы ничего точно не знаете?— вскипела Мойра.

— Не знаем. Ничего подобного не бывало за всю историю человечества.— Физик чуть помолчал и неожиданно закончил: — А если б такое уже однажды случилось, мы бы сейчас об этом не беседовали.

— Скажи еще хоть слово, и я столкну тебя в воду.

Из надстройки вышел капитан Тауэрс, щеголеватый и подтянутый в синем костюме с двубортным пиджаком, и направился к ним.

— А я гадал, где вы оба,— заметил он.

— Извините, Дуайт,— сказала девушка.— Надо было вас предупредить. Мне захотелось на свежий воздух.

— Будьте осторожны, сэр,— сказал Осборн.— Она совсем рассвирепела. На вашем месте я держался бы подальше — неровен час она начнет кусаться.

— Он меня изводит,— пояснила Мойра.— Дразнит, как Альберт льва. Пойдемте отсюда, Дуайт.

— До завтра, сэр,— сказал физик.— В субботу и воскресенье я останусь на борту.

Дуайт с девушкой спустились с мостика внутрь. И когда шли по стальному коридору к трапу, Тауэрс спросил:

— Как же он вас дразнил, детка?

— По-всякому,— был туманный ответ.— Тыкал палкой мне в ухо. На поезд потом, Дуайт, сперва давайте выпьем. Мне станет лучше.

Он повел ее все в тот же отель на главной улице. За выпивкой спросил:

— Сколько у нас сегодня времени в запасе?

— Последняя электричка отходит с Флиндерс-стрит в четверть двенадцатого. Мне надо на нее поспеть, Дуайт. Мама мне вовек не простит, если я проведу с вами ночь.

— Могу поверить. Но вы доедете до Бервика, а что дальше? Вас кто-нибудь встретит?

Мойра покачала головой.

— С утра мы оставили на станции велосипед. Если вы меня угостите, как надо, я, пожалуй, с него свалюсь, но он меня ждет.— Она допила двойную порцию коньяка.— Спросите мне еще, Дуайт.

— Только одну. А потом пойдем отсюда. Вы ведь обещали, что мы потанцуем.

— И потанцуем. Я заказала столик у Мэрайо. Я, когда пьяная, здорово топчусь.

— Я не хочу топтаться,— возразил Дуайт.— Я хочу танцевать.

Мойра взяла у него из рук стакан.

— Вы слишком многого требуете. Не тычьте больше мне палкой в ухо, это невыносимо. Да почти все мужчины вовсе и не умеют танцевать.

— И я не умею. Раньше в Штатах мы много танцевали. Но с начала войны я не танцевал ни разу.

— По-моему, вы очень скучно живете.

После второй порции коньяка Дуайту все же удалось увести ее из отеля, и уже в сумерках они пришли на станцию. Через полчаса приехали в город и вышли на улицу.

— Еще рановато, — сказала Мойра. — Давайте пройдемся.

Он взял ее под руку, чтобы уверенней вести сквозь субботнюю вечернюю толпу. Почти во всех витринах красовалось вдоволь всяких соблазнов, но лишь немногие магазины открыты. Рестораны и кафе набиты битком и явно процветают; бары закрыты, но на улицах полно пьяных. Кажется, в городе царит буйное, ничем не омраченное веселье, скорее в духе 1890 года, а отнюдь не 1963-го. На широких улицах никакого транспорта, кроме трамваев, и люди шагают прямо по мостовой. На углу Суонстон и Коллинз-стрит какой-то итальянец играет на большущем, безвкусно изукрашенном аккордеоне — и, надо сказать, играет отлично. И вокруг под эту музыку танцуют. Дуайт с Мойрой проходили мимо кинематографа «Королевский», перед ними, шатаясь, ковылял какой-то человек — и вдруг упал, продержался немного на четвереньках, потом, мертвецки пьяный, скатился в водосточную канаву. Никто не обратил на него внимания. Полицейский, что проходил по тротуару, приостановился, перевернул упавшего, небрежно осмотрел и зашагал дальше.

— Ну и веселье здесь вечером, — заметил Дуайт.

— Сейчас уже не так скверно, — ответила Мойра. — Сразу после войны было куда хуже.

— Знаю. По-моему, люди от этого устают. — И, немного помедлив, Тауэрс закончил: — Вот как я устал.

Мойра кивнула.

— И потом, сегодня суббота. В обычные вечера здесь тихо и мирно. Почти как до войны.

Они подошли к ресторану. Владелец встретил их приветливо, он хорошо знал Мойру: она бывала в его заведении по крайней мере раз в неделю, а то и чаще. Дуайт Тауэрс заходил сюда всего раз пять-шесть, он предпочитал свой клуб, но метрдотель знал, что это

капитан американской подводной лодки. Поэтому обоим оказали достойный прием, отвели удобный столик в углу, подальше от оркестра; они заказали напитки и ужин.

— Очень славные здесь люди,— одобрительно сказал Дуайт.— Я ведь прихожу не так часто, и когда прихожу, трачу не так много.

— А я прихожу очень часто.— Мойра на минуту задумалась.— Знаете, вы очень везучий человек.

— Почему вы так считаете?

— У вас есть дело, вы все время заняты.

Раньше капитану Тауэрсу и в мысль не приходило, что он счастливчик.

— Да, верно,— медленно произнес он.— Мне и правда некогда болтаться зря и валять дурака.

— А мне есть когда. Больше мне нечем заняться.

— Вы что же, совсем не работаете? Никаких обязанностей?

— Никаких. Иногда гоняю по нашим полям вола с бороной, ворошу навоз. А больше делать нечего.

— По-моему, вам бы неплохо найти какую-то службу в городе.

— По-моему тоже,— не без язвительности ответила Мойра.— Но это совсем не так просто. Перед самой войной я получила диплом с отличием в нашей лавочке, моя специальность — история.

— В лавочке?

— В университете. Потом думала выучиться машинописи и стенографии. Но какой смысл потратить на это год? Я бы не успела закончить курс. А если бы и закончила, никакой работы не найдешь.

— Вы хотите сказать, что деловая жизнь сходит на нет?

Мойра кивнула.

— Очень многие мои подруги остались не у дел. Предприниматели и коммерсанты не работают, как прежде, и им не нужны секретари. Половина павших друзей раньше где-нибудь да служила, а теперь они просто не ходят в свои конторы. Сидят у себя дома, вроде как вышли в отставку. Понимаете, масса учреждений и предприятий позакрывались.

— Пожалуй, в этом есть смысл,— заметил Дуайт.— Если у человека хватает денег на жизнь, он имеет право последние месяцы прожить, как пожелает.

— И девушка тоже имеет на это право,— сказала

Мойра.— Даже если, чем гонять на ферме вола и раскидывать по полю навоз, она пожелает заняться совсем другими делами.

— А работы нет никакой?

— Я ничего не могла найти. Хотя очень старалась. Но понимаете, я даже на машинке печатать не умею.

— Можете научиться,— сказал Дуайт.— Можете поступить на те курсы, вы же собирались.

— А какой смысл? Ведь я не успею закончить и не смогу применить свои знания на практике.

— Но у вас будет занятие. Вместо двойных порций коньяка.

— Все равно чем, лишь бы заняться?— переспросила Мойра.— Отвратительно.

Она беспокойно барабанила пальцами по столу.

— Это лучше, чем пить лишь бы пить,— возразил Тауэрс.— Не болит голова с похмелья.

— Закажите мне еще двойную порцию, Дуайт,— с досадой сказала Мойра.— А потом посмотрим, умеете ли вы танцевать.

Ощущая что-то вроде жалости, он повел ее танцевать. До чего же она сейчас уязвима. Поглощенный своими заботами и обязанностями, он как-то ни разу не подумал, что и у тех, кто молод и не успел обзавестись семьей, теперь хватает огорчений и разочарований. Надо постараться, чтобы она приятно провела вечер, решил он и заговорил о фильмах и мюзиклах, которые они оба видели, об общих знакомых.

— Холмсы чудаки,— сказала между прочим Мойра.— Мэри просто помешана на своем саде. Они сняли эту квартиру на три года, и она собирается осенью посеять всякую всячину, которая взойдет только на следующий год.

Дуайт улыбнулся.

— По-моему, очень правильная мысль. Мало ли, что может быть.— И опять перевел разговор на не столь опасную тему: — Видели вы в «Плазе» фильм Дэнни Кей?

Яхты и парусные гонки — темы совсем безопасные, поговорили и об этом. Под конец ужина немного развлеклись эстрадным представлением, потом опять танцевали. А потом Мойра объявила:

— Я — Золушка. Нельзя опоздать на поезд, Дуайт.

Она прошла в гардеробную, а Дуайт уплатил по счету и встретил ее в дверях. Улицы уже обезлюдели; музыка утихла, рестораны и кафе закрылись. Оставались только пьяные — шатаясь, бесцельно бродили взад-вперед или сваливались замертво и засыпали прямо на тротуарах. Мойра сморщила нос:

— Не понимаю, почему это не прекратят. До войны такого не бывало.

— Задача не из легких,— задумчиво сказал Дуайт.— И на лодке опять и опять с этим сталкиваешься. Я считаю, на берегу каждый вправе делать что хочет, лишь бы не мешал другим. В такое время, как сейчас, многие просто не могут без спиртного.— Он оглядел полицейского на углу.— Видно, и ваши полицейские того же мнения, по крайней мере здесь, в городе. Я еще ни разу не видел, чтобы пьяного забрали, а уж если — так не за то, что напился.

Прощаясь на станции, Мойра поблагодарила его и пожелала спокойной ночи.

— Чудный был вечерок,— сказала она.— И весь день тоже. Спасибо вам за все, Дуайт.

— Мне тоже было очень приятно, Мойра,— ответил он.— Я уже сто лет не танцевал.

— А танцуете совсем не плохо,— заметила Мойра. Потом спросила: — Вы уже знаете, когда надо будет идти на север?

Он покачал головой:

— Пока не знаю. Как раз перед тем, как мы сошли на берег, мне передали, что в понедельник утром мне и капитан-лейтенанту Холмсу надо явиться к адмиралу Хартмену. Думаю, тогда мы получим все распоряжения и, возможно, уже днем отчалим.

— Желаю удачи,— сказала Мойра.— Вы мне позвоните, когда вернетесь в Уильямстаун?

— Ну конечно. С удовольствием. Может быть, мы опять пройдемся на яхте или поужинаем и потанцуем, как сегодня.

— Вот будет весело! А теперь надо бежать, не то мой поезд уйдет. Еще раз до свиданья и спасибо за все.

— Сегодня было очень весело,— сказал Дуайт.— До свиданья.

Он стоял и смотрел ей вслед, пока она не скрылась в толпе. Сзади, в легком летнем платье, она немного напоминает Шейрон — или, может быть, он уже забывает и путает? Нет, и правда немного напоминает Шей-

рон — почти такая же походка. А больше ничего общего. Быть может, оттого она ему и нравится — самую малость чем-то напоминает жену.

Он круто повернулся и пошел к поезду на Уильямстаун.

Наутро он отправился в Уильямстаунскую церковь — если только позволяли обстоятельства, он никогда не пропускал воскресную службу. А в понедельник в десять утра они с Питером Холмсом были уже в приемной главнокомандующего военно-морскими силами вице-адмирала Дэвида Хартмена.

— Он сию минуту вас примет, сэр, — сказал секретарь. — Насколько мне известно, он поедет с вами обоими в резиденцию правительства.

— Вот как?

Лейтенант кивнул.

— Он распорядился подать машину. — Тут зажуужал зуммер, молодой человек скрылся в кабинете и тотчас вышел. — Заходите, пожалуйста.

Они прошли в кабинет. Вице-адмирал поднялся им навстречу.

— Доброе утро, капитан Тауэрс. Доброе утро, Холмс. Премьер-министр хочет поговорить с вами перед вашим походом, так что сейчас мы к нему отправимся. Но сначала я хочу вручить вам вот это. — Он повернулся и взял со стола объемистую пачку отпечатанных на машинке листов. — Это доклад командира американской подводной лодки «Меч-рыба» о его походе из Рио-де-Жанейро в Северную Атлантику. — Он подал машинописные листы Дуайту. — Очень жаль, что это получено с таким запозданием, но радиостанции Южной Америки чрезвычайно загружены, а доклад очень длинный. Возьмите его с собой и прочитайте на досуге.

Американец взял пачку, с любопытством полистал.

— Это будет для нас драгоценным подспорьем, сэр. Есть тут что-нибудь такое, что повлияет на план операции?

— Не думаю. Он обнаружил высокую радиоактивность — атмосферную радиоактивность — на всем обследованном пространстве, на севере, естественно, больше, чем на юге. Погрузился он... давайте-ка посмотрим... — Вице-адмирал взял у Дуайта бумаги, быстро перевернул несколько страниц. — Погрузился на втором градусе южной широты, возле Парнаибы и весь рейс шел с погружением; когда возвращался, всплыл опять

на поверхность только на пятом градусе южной широты вблизи Сан-Роке.

— Сколько же времени он оставался под водой, сэр?

— Тридцать два дня.

— Наверно, это рекорд.

Вице-адмирал кивнул:

— Как будто так. Кажется, где-то он об этом упоминает.— Он отдал Тауэрсу бумаги.— Так вот, возьмите это и внимательно прочитайте. Получите представление об обстановке на севере. Кстати, если вы захотите сами с ним связаться, он направился на «Меч-рыбе» в Уругвай. Сейчас он в Монтевидео.

— А в Рио становится опасно, сэр? — спросил Питер.

— Да, это надвигается все ближе.

Они вышли из кабинета, во дворе ждал электробус. Он бесшумно покатил по пустынным городским улицам на обсаженную деревьями Коллинз-стрит, к зданию правительства. Через несколько минут они уже сидели вокруг стола в обществе премьер-министра Австралии Доналда Ритчи.

— Я хотел увидеть вас до вашего отплытия, капитан,— сказал премьер,— хочу сказать несколько слов о цели вашего рейса и пожелать удачи. Я ознакомился с планом операции, мне почти нечего добавить. Вы направляетесь к Кэрнсу, Порту-Морсби и Дарвину и доложите о том, какова там обстановка. Разумеется, особенно интересно выяснить, уцелела ли там хоть какая-то жизнь, будь то люди или животные. И сохранилась ли растительность. И морские птицы, если вам удастся что-нибудь о них узнать.

— Это, думаю, будет нелегко, сэр,— заметил Дуайт.

— Да, я тоже так полагаю. Во всяком случае, насколько мне известно, с вами отправляется ученый из НОНПИ.

— Да, сэр, мистер Осборн.

Премьер-министр привычно провел рукой по лицу.

— Так вот. Я не хочу, чтобы вы подвергали себя опасности. Более того, я запрещаю вам рисковать. Мне нужно, чтобы вы вернулись, сохранив лодку в целости и команду в добром здоровье. Будьте осторожны, когда решаете, выйти ли вам самому на палубу, всплыть ли лодке, следуйте советам вашего научного консультанта. Вот рамки, которыми вы ограничены, в этих пределах нам нужны все сведения, какие только можно получить.

Если позволит уровень радиации, неплохо бы выйти на берег и осмотреть города. Но едва ли это возможно.

Вице-адмирал покачал головой.

— Сильно сомневаюсь. Думаю, когда вы достигнете двадцать второго градуса южной широты, вам уже надо будет погрузиться.

Американец быстро прикинул:

— Это южнее Таунсвила.

— Да,— медленно произнес премьер.— Да. В Таунсвиле еще есть живые люди. Вам категорически запрещается туда заходить, разве что военно-морское ведомство особым приказом изменит план операции.— Он поднял голову и посмотрел американцу в глаза.— Вам это может показаться жестокостью, капитан. Но вы ничем не в силах им помочь, а дать им увидеть вашу лодку значит только пробудить напрасные надежды. И кроме всего прочего, обстановка в Таунсвиле нам известна. У нас еще есть с ними телеграфная связь.

— Я понимаю, сэр.

— И последнее, о чем я должен вас предупредить. Вам категорически запрещается во время рейса брать кого бы то ни было на борт, разве только вы получите на это особое разрешение по радио от Адмиралтейства. Я уверен, вы понимаете, насколько важно, чтобы ни вы, ни члены вашей команды ни в коем случае не соприкасались с человеком, подвергшимся облучению. Вам все ясно?

— Все ясно, сэр.

Премьер-министр поднялся.

— Итак, удачи вам всем. Буду ждать новой встречи с вами через две недели, капитан Тауэрс.

3

Спустя девять дней, на исходе ночи, подводная лодка Соединенных Штатов «Скорпион» стала всплывать. В сером предрассветном сумраке, под блекнувшими звездами, подле Песчаного мыса близ Бандаберга, штат Квинсленд, на двадцать четвертом градусе южной широты из спокойных вод показались перископы. На этой глубине лодка оставалась четверть часа — за это время капитан по маяку на далеком берегу и по эхосигналам определил местоположение лодки, а Джон Осборн, досадливо и неловко тыча пальцами в кнопки своих ин-

струментов, определил уровень радиации в атмосфере и в море. Затем лодка выскользнула из глубины — длинная серая стальная скорлупа, низко сидящая в воде — и со скоростью двадцати узлов двинулась на юг. На мостике с лязгом откинулся люк, на палубу вышел дежурный офицер, за ним капитан, потом еще и еще люди. В безветрии раскрылись носовые и кормовые торпедные люки и внутрь на смену застоявшемуся пошел свежий воздух. От надстройки к носу и корме протянули леера, и все члены команды, свободные от вахты, выбрались на палубу вдохнуть утреннюю свежесть, побледневшие, счастливые оттого, что можно наконец выйти из заточения, увидеть восходящее солнце. Лодка не всплывала на поверхность больше недели.

Через полчаса все проголодались, уже несколько дней никому так не хотелось есть. Когда удар гонга позвал к завтраку, все так и посыпались вниз, повара же в свой черед поднялись на палубу. Отстояв вахту, поспешили поглядеть на яркое солнышко все, кто освободился. Вышли на мостик офицеры, закурили, и вступил в свои права обычный порядок похода на поверхности, по синим водам «Скорпион» направился на юг, к берегам Квинсленда. Поставили радиомачту, сообщили, где находятся. А потом стали принимать развлекательную передачу, и, сливаясь с бормотаньем турбин и шумом вспененной воды за бортом, лодку наполнила легкая музыка.

На мостике капитан сказал офицеру связи:

— Трудновато нам будет написать этот отчет.

Питер кивнул:

— Насчет танкера, сэр.

— Вот именно, насчет танкера, — сказал Дуайт.

В Коралловом море, между Кэрнсом и Портом-Морсби, они обнаружили судно. Это оказался танкер, без груза, с одним только балластом, при выключенных машинах, его несло по воле волн. Танкер был из Амстердама. Подводники обошли его кругом, окликаая через рупор, но ответа не получили, и только через перископ подробно осмотрели, сверяясь по справочнику Ллойда. Все шлюпки оставались на месте, закрепленные на шлюпбалках, но нигде ни души. И корпус ржавый, весь покрыт ржавчиной. Под конец решили, что судно давным-давно покинуто и носится по волнам со времен войны; пострадало оно, похоже, только от непогоды, никаких повреждений не видно. Тут ничего

нельзя было поделаться, атмосфера слишком насыщена радиацией — на палубу не выйдешь, подняться на танкер нечего и думать, даже если бы удалось взобраться на его крутой борт. И час спустя «Скорпион» пошел своей дорогой, оставив безжизненное судно на прежнем месте, — его лишь сфотографировали через перископ да записали координаты. И это был единственный корабль, который они повстречали за все время рейса.

— Я доложу покороче, ограничусь сведениями нашего непогрешимого Джона о радиоактивности.

— В сущности, это самое главное, — согласился капитан. — И еще та собака.

Да, было не так-то просто написать отчет о рейсе, слишком мало они видели и узнали. К Кэрнсу подошли не погружаясь, но на мостик никто не поднялся, слишком сильна была радиация. Чтобы приблизиться к Кэрнсу, пришлось очень осторожно пробираться через Большой Барьерный риф, на ночь даже легли в дрейф — Дуайт рассудил, что слишком опасно идти в темноте в этих водах, где маяки и створные огни слишком ненадежны. Когда наконец разглядели Грин-Айленд и подошли поближе, в облике города не заметили ничего необычного. Он стоял на берегу, омытый солнечным светом, за ним стеной поднималось Атертонское плоскогорье. В перископ видны были осененные пальмами улицы, магазины, больница, опрятные одноэтажные виллы, поднятые над землей на сваях в защиту от термитов; кое-где на улицах стояли неподвижно автомобили, развевались два-три флага. «Скорпион» прошел к реке, в док. И здесь все выглядело очень обыкновенно и естественно, в устье реки стояли на якоре рыбацьи лодки; на верфи ни одного корабля. Вдоль верфи вереницей выстроились подъемные краны, все они аккуратно закреплены. Хотя «Скорпион» подошел совсем близко, на берегу почти ничего не удалось увидеть: перископ слишком мало поднимался над опалубкой верфи, а город за нею заслоняли здания портовых складов. Только и виден был затихший порт, в точности как бывает по воскресеньям или в праздники, разве что тогда здесь сновали бы ялики и яхты. На пристани появился большой черный пес и, увидев перископ, свирепо залаял.

Часа два они оставались в устье реки, подле верфи, и звали, включив громкоговоритель на полную мощность, так что зов наверняка разносился по всему

городу. Никакого отлика не дождались, город спал непробудным сном.

«Скорпион» повернул, отошел немного от верфи, опять стали видны «Стрэнд-отель» и часть торгового центра. Постояли здесь, опять звали и опять не получили ответа. И отступились, пошли в открытое море, надо было дотемна выбраться за Барьерный риф. Если не считать данных об уровне радиации, собранных Джоном Осборном, они ничего не узнали, разве что получили своего рода отрицательные сведения: Кэрнс с виду остается в точности таким же, каким был всегда. Улицы залиты солнцем, на дальних горных склонах пламенеют заросли банксии, витрины магазинов затенены навесами широких веранд. Приятный уголок для жизни в тропиках, только, похоже, никто здесь не живет, кроме одной-единственной собаки.

Таков же оказался и Порт-Морсби. С моря, глядя в перископ, не заметно было, что с городом хоть что-то неладно. На рейде стояло на якоре торговое судно, приписанное к Ливерпулю, с борта спущен трап. Еще два корабля выброшены на берег — должно быть, однажды во время шторма не удержали якоря. Подводники провели здесь несколько часов, обошли весь рейд, заглянули в док, опять и опять звали через громкоговоритель. Ответа не было, но совсем не заметно было, чтобы с городом случилось неладное. И спустя некоторое время «Скорпион» ушел, явно незачем было здесь оставаться.

Через два дня достигли Дарвина и остановились в гавани, под высоким берегом. Здесь в перископ видны были только верфь, крыша правительственного здания да часть отеля «Дарвин». На якоре стояли рыболовные суда, и подводники некоторое время кружили среди них, окликая и разглядывая в перископ. И опять ничего не узнали, только пришли к заключению, что под конец люди старались умереть пристойно.

— Так поступают звери, — сказал Джон Осборн. — Забираются в берлоги и норы и там умирают. Горожане, наверно, все лежат в своих постелях.

— Хватит об этом, — сказал капитан Тауэрс.

— Но это правда, — возразил ученый.

— Хорошо, пусть правда. И не будем больше об этом говорить.

Да, не так-то легко будет написать отчет.

Они оставили Дарвин, как оставили перед тем Кэрнс

и Порт-Морсби, и, не всплывая на поверхность, прошли обратно через Торресов пролив и направились вдоль квинслендского берега на юг. Теперь на всех сказывалось пережитое в рейсе напряжение; пока, спустя три дня после отхода из Дарвина, не всплыли на поверхность, люди почти не разговаривали друг с другом. Лишь теперь, побывав на палубе и глотнув свежего воздуха, Дуайт с помощниками выбрали время обдумать, что же могут они рассказать о своем рейсе, когда вернутся в Мельбурн.

Они обсуждали это после обеда, сидя в кают-компании и дымя сигаретами.

— Разумеется, то же самое обнаружила и «Меч-рыба»,— сказал Дуайт.— Они ровным счетом ничего не увидели ни в Штатах, ни в Европе.

Питер потянулся за изрядно потрепанным отчетом, что лежал позади него на буфете, хотя за время рейса и так без конца читал его и перечитывал.

— Вот о чем я ни разу не подумал,— медленно произнес он.— Совсем упустил из виду, а ведь это очень верно. У них тут нет ни слова о положении на берегу.

— Они не могли посмотреть, что делается на берегу, точно так же, как не смогли мы,— сказал капитан.— Никто никогда не узнает, как на самом деле выглядит «горячий» город, пораженный радиацией. И вообще все северное полушарие.

— Так оно и лучше,— сказал Питер.

— Я думаю, так и должно быть,— подтвердил капитан.— Есть вещи, которые видеть не следует.

— Сегодня ночью я думал об этом,— сказал Джон Осборн.— Приходило вам в голову, что больше никто никогда — ни-ког-да — не увидит Кэрнса? И Морсби, и Дарвина?

Собеседники уставились на него во все глаза, эта мысль поразила обоих.

— Никто не мог увидеть больше, чем видели мы,— сказал капитан.

— А кто, кроме нас, мог бы туда попасть? Но мы туда больше не пойдем. Времени не останется.

— Да, верно,— задумчиво сказал Дуайт.— Едва ли нас еще раз туда пошлют. Я об этом не подумал, но вы правы. После нас ни одна живая душа уже не увидит этих мест.— Он помолчал.— А мы, по сути, ничего не увидели. Что ж, я думаю, так и должно быть.

Питер беспокойно выжирался.

— А ведь это принадлежит истории,— сказал он.— Должен же где-то быть полный отчет, правда? Пишет кто-нибудь что-то вроде истории нашего времени?

— Ничего такого не слышал,— сказал Джон Осборн.— Попробую выяснить. Только навряд ли есть смысл писать то, чего никто не прочтет.

— Все равно, что-то следовало бы записать,— сказал американец.— Даже если читать будут только в ближайшие месяцы.— Он немного помолчал.— Вот я хотел бы прочитать историю этой последней войны. Какое-то время я в ней был замешан и, однако, ровным счетом ничего про нее не знаю. Неужели никто ничего не писал?

— Во всяком случае не историю,— сказал Осборн.— По крайней мере я о таком не слышал. Со сведениями, которые мы собрали, конечно, познакомиться можно, но они бессвязны и отрывочны. Думаю, там слишком много провалов, о многом нам совсем ничего не известно.

— Я не прочь разобраться хотя бы в том, что нам известно,— сказал капитан.

— В чем именно, сэр?

— Для начала — сколько сброшено бомб? Я имею в виду — атомных.

— Сейсмографы отметили примерно четыре тысячи семьсот. Некоторые донесения ненадежны, возможно, было больше.

— И в том числе сколько больших — термоядерных, водородных, как там они у вас называются?

— Не могу сказать точно. Вероятно, большинство. В русско-китайской войне все были водородные. И, думаю, большинство — с кобальтовой оболочкой.

— Почему они это сделали? Почему применили кобальт? — спросил Питер.

Ученый пожал плечами.

— Такова радиологическая война. Больше ничего не могу сказать.

— А я, пожалуй, могу,— заметил американец.— За месяц до войны я слушал лекции для командного состава в институте Йерба Буэна, в Сан-Франциско. Нам сообщили предположения о том, что может произойти между Россией и Китаем. Это ли через полтора месяца произошло на самом деле или что другое — об этом я знаю не больше вашего.

Джон Осборн спросил негромко:

— Что же именно вам сказали?

Капитан помедлил, вспоминая.

— Все это связано с тепловодными морскими портами,— сказал он.— У русских зимой не замерзает только один-единственный порт — Одесса, а она находится на Черном море. Чтобы выйти из Черного моря в океан, судам надо миновать два узких пролива — Босфор и Гибралтар, а во время войны оба они — под контролем НАТО. Мурманск и Владивосток зимой можно использовать с помощью ледоколов, но оба эти порта чересчур далеки от тех мест, куда Россия поставляет свои товары.— Он опять помедлил.— Тот малый из Интеллидженс сервис нам заявил, что Россия хочет заполнить Шанхай.

— Это было бы удобно для промышленности Сибири? — спросил ученый.

Капитан кивнул.

— Вот именно. Во время второй мировой войны русские перевели очень многие свои заводы по Транссибирской магистрали на восток, за Урал, до самого озера Байкал. Построили там новые города и все такое. Но оттуда до одесского порта очень, очень далеко. Путь до Шанхая примерно вдвое короче.

— И вот что еще он нам сказал,— помолчав, задумчиво продолжал Тауэрс.— В Китае народу втрое больше, чем в России, страна отчаянно перенаселена. А под боком, за северной границей, у России пустуют громадные земли, которые ей нечем заселить. Малый из Интеллидженс сервис сказал — за последние двадцать лет промышленность Китая сильно выросла, и Россия начала опасаться китайского нападения. Она бы почувствовала себя много спокойнее, стань китайцев миллионов на двести меньше, и ей нужен Шанхай. Все это и ведет к радиологической войне...

— Но ведь, применив кобальт, не пойдешь и не займешь Шанхай,— возразил Питер.

— Верно. Но, расчетливо сбросив бомбы, можно было на многие годы сделать Северный Китай необитаемым. Сбросить их в нужных местах — и радиоактивные осадки покроют Китай до самого моря. Что останется, унесено будет на восток, через Тихий океан, и если какая-то малость долетит до Соединенных Штатов, едва ли русские очень уж горько заплачут. Стоит лучше спланировать — и, обойдя вокруг света, Европы и западной России достигнут лишь ничтожно ма-

лые не опасные остатки. Конечно, пройдут годы, прежде чем Россия сможет занять Шанхай, но в конце концов она его получит.

— А сколько лет людям нельзя будет работать в Шанхае? — спросил ученого Питер.

— При кобальтовых осадках? Понятия не имею. От очень многого это зависит. Пришлось бы послать исследователей на разведку. Думаю, никак не меньше пяти лет — это период полураспада. И не больше двадцати. Но точно сказать невозможно.

Дуайт кивнул:

— К тому времени, как китайцы или кто-либо другой сумел бы туда добраться, там бы уже были русские.

— А что обо всем этом думали сами китайцы? — спросил его Джон Осборн.

— Ну, у них был совсем другой подход. Они не особенно стремились перебить русских. Просто хотели снова сделать их всех крестьянами, которым ни к чему Шанхай и вообще морские порты. Китайцы собирались засыпать русские промышленные районы кобальтовыми радиоактивными осадками, прицельно, город за городом поразить межконтинентальными ракетами. Они хотели, чтобы в ближайшие, скажем, десять лет ни один русский не мог бы работать у станка. По их планам радиоактивные осадки должны были выпасть в ограниченном количестве, притом только тяжелые частицы, которые распространились бы не слишком широко. Вероятно, они даже не собирались бомбить столицу... просто взорвать бомбу миль на десять западнее, а уж ветер довел бы дело до конца. — Он опять помолчал. — У русских не осталось бы промышленности, китайцы могли бы к ним заявиться когда пожелают и занять незараженные земли, — любые, какие им заблагорассудится. А потом, когда радиация рассеялась, заняли бы и города.

— Станки к тому времени изрядно заржавели бы, — заметил Питер.

— Да, наверно. Зато для китайцев война была бы легкой.

— И вы думаете, так все и произошло? — спросил Осборн.

— Не знаю, — сказал Тауэрс. — Возможно, этого не знает никто. Я просто передаю, что толковал на курсах для командиров тот чин из Пентагона. Одно говорит за

то, что виноваты не русские,— прибавил он, размышляя вслух.— У Китая, кроме России, нет ни друзей, ни союзников. Если бы это Россия напала на Китай, никто бы особенно не заволновался... не затеял бы войну на другом фронте и вообще не вступился бы.

Несколько минут все трое молча курили. Потом Питер спросил:

— Так вот как, по-вашему, это в конечном счете разразилось? После того, как русские напали на Вашингтон и Лондон?

Осборн и Тауэрс изумленно уставились на него.

— Русские и не думали бомбить Вашингтон,— сказал Дуайт.— Под конец они это доказали.

Теперь уже Питер посмотрел изумленно.

— Я имею в виду самое первое нападение.

— Вот именно. Самое первое нападение. Напали русские бомбардировщики дальнего действия ИЛ-626, но летчики на них были египтяне. И летели они из Каира.

— Это правда?

— Чистая правда. Один был захвачен, когда на обратном пути приземлился в Пуэрто-Рико. Но прежде чем выяснилось, что он египтянин, мы уже успели бомбить Ленинград и Одессу и атомные предприятия в Харькове, Куйбышеве и Молотове. В тот день все происходило слишком быстро.

— Как, значит, мы бомбили Россию по ошибке? Но это ужасно, просто в голове не укладывается.

— Это правда, Питер,— сказал Джон Осборн.— В этом так и не признались открыто, но такова правда. Самую первую бомбу сбросили на Неаполь. Это, конечно, устроили албанцы. Потом бомбили Тель-Авив. Никто не знает, чьих это рук дело, я, во всяком случае, не слыхал. Затем вмешались англичане и американцы, весьма внушительно пролетели над Каиром. На другой же день египтяне подняли в воздух все свои уцелевшие бомбардировщики — шесть отправили на Вашингтон и семь на Лондон. К Вашингтону прорвался один, к Лондону два. После этого почти никого из британских и американских государственных мужей не осталось в живых.

Дуайт кивнул.

— Самолеты были русские, и я слышал, что на них были русские опознавательные знаки. Вполне возможная вещь.

— Боже милостивый! — воскликнул австралиец. — И поэтому мы бомбили Россию?

— Совершенно верно, — горько сказал капитан Тауэрс.

— Это можно понять, — сказал Осборн. — Лондон и Вашингтон вышли из игры — раз и навсегда. Принимать решения пришлось порознь командирам на местах, и притом решать мгновенно, прежде чем бомбежка повторится. После той албанской бомбы отношения с Россией крайне обострились, а в бомбардировщиках, налетевших на Вашингтон и Лондон, опознали русские самолеты. — Он помолчал. — Понятно, кто-то вынужден был что-то решить — и решить в считанные минуты. Теперь в Канберре думают, что он решил неправильно.

— Но если произошла ошибка, почему они не встретились и не прекратили все это? Почему продолжали драться?

— Очень трудно остановить войну, когда все правители убиты, — сказал капитан Тауэрс.

— Беда в том, что эта мерзость слишком подшевелила, — сказал ученый. — Под конец чистейшая урановая бомба обходилась примерно в пятьдесят тысяч фунтов. Даже такая мелюзга, как Албания, могла обзавестись кучей таких бомб, и любая маленькая страна, запасшись ими, воображала, будто может внезапным нападением одолеть крупнейшие державы. Вот в чем крылась главная опасность.

— Да еще в самолетах, — подхватил капитан. — Русские годами продавали египтянам самолеты. А Британия, кстати сказать, тоже продавала — и Израилю и Иордании. Их вообще не следовало снабжать авиацией дальнего действия, это была огромная ошибка.

— Ну, и тут пошла война между Россией и западными державами, — негромко подытожил Питер. — А когда же вмешался Китай?

— Навряд ли кто-нибудь знает точно, — сказал капитан. — Но, думаю, Китай сразу же пустил в ход против России и ракеты и радиацию, постарался не прозевать удобный случай. Наверно, они не знали, насколько русские готовы к радиологической войне против Китая. — И, помедлив, прибавил: — Но это все только догадки. Большинство радиостанций очень быстро замолчало, а те, которые остались, мало что успели сообщить нам или в Южную Африку. Мы знаем только,

что почти во всех странах командование приняли на себя младшие офицеры, мелкота.

— Майор Чан Цзелин,— криво усмехнулся Джон Осборн.

— А кто он был, этот Чан Цзелин? — спросил Питер.

— Наверно, толком никто не знает, известно только, что он служил в китайской авиации и к концу, видимо, всем заправлял. Премьер-министр связался с ним, пробовал вмешаться и прекратить схватку. Видимо, в распоряжении майора оказалась по всему Китаю уйма ракет и уйма бомб. И в России, должно быть, тоже командовал какой-нибудь чин не выше майора. Но не думаю, чтобы китайскому премьер-министру удалось как-то связаться с русскими. Во всяком случае, я не слыхал, чтобы хоть кого-нибудь упоминали.

Наступило долгое молчание.

— Конечно, положение создалось не из легких,— сказал наконец Дуайт.— Ну как было поступать тому парню? Идет война, он за все в ответе, и ему есть чем воевать, оружия сколько хочешь. Думаю, когда те, кто стоял у власти, погибли, во всех странах произошло одно и то же. Такую войну не остановить.

— Такая она и получилась. Прекратилась она, только когда кончились все бомбы и вышли из строя все самолеты. А к тому времени, разумеется, дело зашло слишком далеко.

— Ужасно,— негромко промолвил американец.— Не знаю, как бы я поступил, окажись я в их шкуре. Слава богу, такая участь меня миновала.

— Думаю, вы постарались бы начать переговоры,— заметил ученый.

— Когда враг обрушился на Соединенные Штаты и убивает всех без разбора? А у меня еще есть оружие? Прекратить борьбу и сдаться? Хотелось бы мне считать себя таким благородным, но... право, не знаю.— Тауэрс поднял голову.— Я не обучен дипломатии. Свались на меня такая задача, я не знал бы, как ее решать.

— Вот и они не знали,— сказал ученый. Потянулся, зевнул.— Все это очень печально. Только не надо винить русских. Мир взорвали не великие державы. Во всем виноваты малые. Безответственные.

— А несладко приходится всем прочим, нам грешным,— усмехнулся Питер Холмс.

— У вас впереди еще полгода,— заметил Джон

Осборн.— Может, немного побольше или поменьше. Скажите спасибо и за это. Вы же всегда знали, что рано или поздно умрете. А теперь вы довольно точно знаете когда. Только и всего.— Он засмеялся.— Вот и старайтесь получше использовать оставшееся время.

— Понимаю,— сказал Питер.— Только я не могу придумать ничего увлекательней моих теперешних занятий.

— Это сидеть взаперти в треклятом «Скорпионе»?

— Ну... верно. Это наша работа. Я-то имел в виду — чем еще заняться дома.

— Не хватает воображения. Вам надо перейти в магометанскую веру и завести гарем.

Командир подводной лодки рассмеялся:

— Пожалуй, в этом что-то есть.

Офицер связи покачал головой.

— Неплохая мысль, но ничего не выйдет. Мэри это не понравится.— Улыбка сбежала с его лица.— Беда в том, что я никак не могу по-настоящему в это поверить. А вы можете?

— После всего, чего вы насмотрелись?

Питер покачал головой.

— Не верится. Мы даже не видели никаких разрушений.

— Ни на грош воображения,— заметил ученый.— Все вы, военные, таковы. Мол, с кем, с кем, а со мной это случиться не может.— И dokonчил не сразу: — Увы, может. И наверняка так и будет.

— Да, наверно, я лишен всякого воображения,— задумчиво согласился Питер.— Ведь это... это конец света. Прежде мне никогда не случалось вообразить что-нибудь подобное.

Джон Осборн засмеялся:

— Никакой это не конец света. Конец только нам. Земля останется такой, как была, только нас на ней не будет. Смею сказать, она прекрасно обойдется без нас.

Дуайт Тауэрс поднял голову.

— Пожалуй, это верно. Не похоже было, что в Кэрнсе или в Порту-Морсби так уж худо.— Ему вспомнилось, в перископ он видел на берегу деревья и кустарники в цвету — баксию и каскариллу и пальмы в солнечных лучах.— Быть может, мы были слишком глупы и не заслужили такого прекрасного мира.

— Вот это чистейшая, неоспоримая правда,— сказал ученый.

А больше, видно, сказать было нечего, и они пошли курить на мостик, поглядеть на солнце, вдохнуть свежего воздуха.

Назавтра, когда рассвело, миновали вход в Сиднейскую гавань и прошли дальше на юг, в Бассов пролив. А на следующее утро были уже в заливе Порт-Филип и около полудня пришвартовались в Уильямстауне бок о бок с авианосцем. Адмирал Хартмен ждал их там и, едва перекинули трап, поспешил на «Скорпион».

Дуайт Тауэрс встретил его на узком мостике. Адмирал ответил на его приветствие и тотчас спросил:

— Каков был рейс, капитан?

— Никаких неприятностей, сэр. Операция прошла, как было предписано. Но, боюсь, результаты вас не удовлетворят.

— Вы собрали слишком мало сведений?

— Данных о радиации сколько угодно, сэр. Севернее двадцатой широты нельзя было выйти на палубу.

Адмирал кивнул.

— Больных на борту не было?

— Был один случай, наш врач определил корь. Ничего связанного с радиацией.

Они спустились в крохотную капитанскую каюту. Дуайт разложил черновик своего отчета — исписанные карандашом листы с приложением данных об уровне радиации во время каждой вахты в течение всего похода, длинные колонки цифр, выведенные мелким, четким почерком Джона Осборна.

— На «Сиднее» я сейчас же дам это перепечатать, — сказал он, — но все сводится к одному: мы узнали слишком мало.

— Ни в одном из этих портов никаких признаков жизни?

— Ничего. Конечно, в перископ дальше и выше пристани много не увидишь. Прежде я и не представлял себе, как мало мы сумеем увидеть. Пожалуй, мог бы догадаться заранее. Когда находишься в главном канале, до Кэрнса расстояние немалое, и с Морсби то же самое. А сам город Дарвин мы вовсе не видели, он ведь стоит высоко. Видели только береговую линию. — Помолчав, он закончил: — Ничего особенно неладного там не заметно.

Адмирал перелистывал исписанные карандашом страницы, изредка медлил, перечитывал абзац.

— Вы на какое-то время задерживались в каждом пункте?

— Часов на пять. Все время звали через громкоговоритель.

— И не получали ответа?

— Нет, сэр. В Дарвине нам сперва что-то послышалось, но это просто на верфи скрипела цепь подъемного крана. Мы подошли совсем близко и разобрались.

— Видели морских птиц?

— Ни одной. Никаких птиц севернее двадцатой широты. В Кэрнсе видели собаку.

Адмирал пробыл на подлодке двадцать минут. Под конец он сказал:

— Что ж, напечатайте отчет как можно скорее, и пускай одну копию посыльный передаст мне. Хотелось бы узнать больше, но, видимо, вы сделали все, что только в человеческих силах.

— Я читал отчет «Меч-рыбы», сэр,— сказал американец.— Там тоже почти нет данных о том, как дела на суше, что в Штатах, что в Европе. Думаю, стоя у берега, они могли видеть не больше, чем мы.— Тауэрс на минуту замялся.— Я хотел бы высказать одно предложение, сэр.

— А именно?

— Вдоль всей береговой линии уровень радиации не такой уж высокий. Научный консультант говорил мне, что в защитном костюме — шлем, перчатки и прочее — на берегу не опасно работать. Мы могли бы в любом из тех портов высадить человека на гребной лодке, с кислородным баллоном за спиной, и он бы все обследовал.

— А дезактивация, когда он вернется на борт? — заметил адмирал.— Задача не простая. Но, наверно, выполнимая. Я передам ваше предложение премьер-министру, возможно, он захочет уточнить какие-то подробности. И может быть, сочтет, что не стоит рисковать. А впрочем, мысль неплохая.

Он шагнул к рубке, собираясь через нее по трапу подняться на мостик.

— Можно нам пока отпустить команду на берег, сэр?

— Неполодок на лодке нет?

— Ничего существенного.

— Десять дней отпуска,— сказал адмирал.— Сегодня же пришлю распоряжение.

После обеда Питер Холмс позвонил жене.

— Вернулся цел и невредим,— сказал он.— Послушай, родная, я сегодня буду дома, не знаю только, в котором часу. Сперва надо покончить с отчетом и по дороге самолично доставить его в Адмиралтейство, мне все равно нужно туда заглянуть. Не знаю, когда освобожусь. Встречать не надо, со станции я дойду пешком.

— Как я рада слышать твой голос! — сказала Мэри.— Ты ведь не будешь ужинать в городе?

— Наверно, нет. А дома с меня хватит и пары яиц. Мэри наскоро соображала.

— Я потушу мясо, и мы сможем поесть в любой час.

— Отлично. Послушай, тут вот еще что. У нас один матрос болел корью, так я вроде как в карантине.

— Ох, Питер! Но разве ты в детстве не болел корью?

— Если и болел, так до четырех лет. Врач говорит, она может повториться. Инкубационный период — три недели. А у тебя корь давно была?

— Лет в тринадцать.

— Тогда ты от меня не заразишься.

Мэри торопливо собиралась с мыслями.

— А как же Дженнифер?

— Понимаю. Я уж об этом думал. Придется мне держаться от нее подальше.

— О, господи... Но разве такая малышка может заболеть корью?

— Не знаю, милая. Попробую спросить судового врача.

— А он понимает в маленьких?

Питер чуть подумал.

— Ну, пожалуй, особого опыта по детским болезням у него нет.

— Все-таки спроси его, Питер, а я позвоню доктору Хэллорану. Как-нибудь устроимся. Я так рада, что ты вернулся.

Питер положил трубку и опять принялся за работу, а Мэри предалась своему неодолимому греху — телефонным разговорам. Позвонила миссис Фостер, живущей по соседству, — та как раз должна была поехать в город на собрание Общества фермерских жен, — и попросила на обратном пути привезти фунт мяса и две-три луковицы. Позвонила доктору — он объяснил, что

ребенок вполне может заразиться корью и надо соблюдать крайнюю осторожность. Потом подумала о Мойре Дэвидсон, накануне вечером Мойра звонила и спрашивала, нет ли вестей о «Скорпионе». Около пяти звонков Мэри застал ее на ферме под Бервиком.

— Дорогая, они вернулись, — сказала Мэри. — Питер только что звонил мне с корабля. У них у всех корь.

— Что-о?

— Корь — чем болеешь в школьные годы.

В ответ по проводам донесся неудержимый, ползучий, чуточку истерический смех.

— Ничего смешного, — сказала Мэри. — Мне неспокойно за Дженнифер. Она может заразиться от Питера. Он уже когда-то болел корью, но эта гадость может повториться. Я ужасно беспокоюсь...

Смех оборвался.

— Извини, дорогая, мне показалось, это так забавно. Радиация ведь тут ни при чем, правда?

— Думаю, нет. Питер сказал, это просто корь. — Мэри чуть помолчала. — Жуть, правда?

Мисс Дэвидсон опять засмеялась.

— Очень на них похоже. Две недели плавать в таких местах, где всех убила радиация, а заполучить всего-навсего корь! Ну уж и отчитаю я Дуайта! Нашли они там кого-нибудь живого?

— Не знаю, дорогая. Питер ничего про это не говорил. Но это неважно. А вот как мне быть с Дженнифер? Доктор Хэллоран сказал, она может заразиться, а Питер будет заразен целых три недели.

— Придется ему есть и спать на веранде.

— Не говори глупостей, дорогая.

— Тогда пускай Дженнифер ест и спит на веранде.

— А мухи? — возразила молодая мать. — И москиты? И вдруг какая-нибудь кошка забредет на веранду, уляжется ей прямо на лицо и задушит. Знаешь, кошки на это способны.

— Затяни коляску сеткой от москитов.

— У нас нет сетки.

— Кажется, у нас где-то есть, папа завел когда-то сетчатые рамы еще в Квинсленде. Наверно, они все дырявые.

— Пожалуйста, поищи, дорогая. Больше всего я боюсь кошки.

— Сейчас пойду посмотрю. Если найду, сегодня же

отправлю почтой. А может, и сама привезу. Теперь, когда наши вернулись, вы не пригласите опять капитана Тауэrsa?

— Я об этом не думала. Не знаю, захочет ли Питер. Вдруг после двух недель в подлодке они осточертели друг другу. А ты бы хотела, чтоб мы его позвали?

— Мне-то что,— небрежно ответила Мойра.— Хотите зовите, не хотите — не зовите.

— Дорогая моя!

— Ничего подобного. Не тычь мне палкой в ухо. И вообще он женат.

— Да нет же,— изумилась Мэри.— Какая у него теперь может быть жена.

— Много ты понимаешь,— возразила Мойра.— Есть жена. И поэтому все сложно. Пойду поищу сетку.

Возвратясь в этот вечер домой, Питер убедился, что Мэри не слишком интересуется Кэрнсом, зато очень беспокоится за дочурку. Мойра еще раз ей звонила и сказала, что посылает москитную сетку, которая, однако, явно дойдет не сразу. А пока что Мэри раздобыла несколько метров марли и окружила ею выставленную на веранду детскую коляску, но сделала это не очень удачно, и офицер связи с подводной лодки в первый свой вечер дома, потратив немало времени, смастерил из марли надежное укрытие для коляски.

— Надеюсь, Дженнифер не задохнется,— с тревогой сказала ему жена.— Питер, ты уверен, что эта штука достаточно пропускает воздух?

Он постарался ее успокоить, и все же ночью она три раза вставала и выходила на веранду проверить, жива ли дочка.

Взаимоотношения людей на «Скорпионе» занимали Мэри куда больше техники и практических достижений.

— Собираешься ты опять пригласить капитана Тауэrsa? — спросила она.

— По правде сказать, я об этом не думал,— ответил муж.— А ты не против?

— Мне он понравился,— сказала Мэри.— И он очень нравится Мойре. Даже странно, он такой спокойный, совсем не в ее вкусе. Но кто их знает.

— Перед нашим рейсом он ездил с ней в город,— сказал Питерс.— Показал ей нашу лодку, а потом повез в город. Пари держу, она потащила его на танцы.

— Пока вас не было, она три раза звонила, спраши-

вала, нет ли вестей. Сильно сомневаюсь, что ей хотелось узнать о тебе.

— Наверно, ее просто скука одолела,— заметил Питер.

Назавтра он должен был поехать в Адмиралтейство на совещание с Джоном Осборном и главным научным консультантом. Совещание закончилось около полудня; когда они выходили из кабинета, Осборн сказал:

— Кстати, у меня для вас посылка,— и протянул Питеру перевязанный бечевкой пакет в оберточной бумаге.— Москитная сетка. Мойра просила вам передать.

— Большое спасибо. Мэри прямо исстрадалась по такой штуке.

— Где вы собираетесь пообедать?

— Еще не думал.

— Пойдемте в клуб «На природе».

Молодой моряк широко раскрыл глаза: «На природе» — клуб для избранных и довольно дорогой.

— Вы там состоите?

Джон Осборн кивнул.

— Давно собирался туда вступить. А уж если не теперь, так никогда.

Трамваем поехали на другой конец города. Питер Холмс бывал раньше в этом клубе раза два и проникся к нему надлежащим почтением. Зданию, по австралийским меркам старинному, было больше ста лет, и построили его в те солидные времена на манер одного из лучших тогдашних лондонских клубов. В эпоху перемен здесь сохранились былые обычаи и традиции: переангличанив англичан, здесь и в середине двадцатого века остались верны образцам середины века девятнадцатого, те же подавались блюда, так же безупречно обслуживали официанты. До войны это, пожалуй, был лучший клуб во всей Австралии. Теперь он был лучшим вне всякого сомнения.

Они оставили шляпы в вестибюле, вымыли руки в старомодной туалетной комнате и пошли во внутренний зеленый дворик выпить. Здесь довольно много членов клуба, в большинстве люди далеко не молодые, обсуждали последние новости. Питер узнал нескольких министров. Какой-то джентльмен весьма почтенного возраста, заметив вошедших, отделился от компании, собравшейся на лужайке, и пошел им навстречу.

— Это мой двоюродный дед Дуглас Фрауд,— впол-

голоса сказал Джон Осборн.— Тот самый, знаете, генерал-лейтенант.

Питер кивнул. Сэр Дуглас Фрауд командовал армией еще до его, Питера, появления на свет, а вскоре после этого события вышел в отставку, удалился от великих дел в скромное имение неподалеку от Мейсидона, разводил овец и пытался писать мемуары. Спустя двадцать лет он все еще не отказался от этих попыток, но постепенно боевой пыл его остывал. Одно время с наибольшим увлечением он возделывал свой сад и изучал диких птиц Австралии; от бывшего стремления появляться на люди только и осталась привычка ездить раз в неделю в город пообедать в клубе. Хоть волосы его побелели, а лицо побагровело, он все еще держался очень прямо. Он весело приветствовал внучатого племянника:

— А, Джон! Вчера вечером мне сказали, что ты вернулся. Хорошо сплавали?

Осборн представил ему моряка.

— В общем, неплохо,— сказал он.— Не так уж много достижений, и один матрос заболел корью. Но это в порядке вещей.

— Корь, вот как? Что ж, все лучше, чем эта паршивая холера. Надеюсь, никто из вас ее не подхватил. Идемте, выпьем, я угощаю.

Они прошли к столу сэра Дугласа.

— Спасибо, дядя,— сказал Джон Осборн.— Я не думал застать вас сегодня. Мне казалось, вы здесь бываете по пятницам.

Стали пить херес.

— Нет, нет! Это раньше мой день был пятница. Три года назад мой доктор сказал — если не брошу пить клубный портвейн, он не ручается, что я протяну больше года. Но теперь, конечно, дело другое.— Он поднял бокал.— Итак, с благополучным возвращением. Наверно, полагалось бы возблагодарить богов и оросить этим хересом землю, но для этого положение слишком серьезно. Известно ли вам, что в погребах нашего клуба еще хранится больше трех тысяч бутылок марочного портвейна, а времени остается, если верить вашему брату ученому, всего лишь каких-то полгода?

Джон Осборн всем своим видом показал, что вполне оценил винные запасы клуба.

— И хорош портвейн? — спросил он.

— О, высший класс, поистине высший класс! Часть

«фонсека», пожалуй, чуточку молода, было бы лучше выдержать еще годик-другой, но «гулд кемпбел» превосходит. Я недоволен клубной комиссией по винам, я просто возмущен. Они должны были предвидеть нынешнее положение.

Питер Холмс еле удержался от улыбки.

— Тут трудноато возмущаться и кого-то осуждать,— кротко заметил он.— Я не уверен, что хоть кто-нибудь мог это предвидеть.

— Вздор и чепуха. Вот я еще двадцать лет назад это предвидел. Но теперь какой смысл кого-либо осуждать. Остается только одно — держаться достойно.

— А как вы поступите с портвейном?

— Есть один-единственный способ,— сказал старик.

— А именно?

— Выпить его, мой мальчик, выпить до последней капли. Полураспад кобальта длится больше пяти лет, так что не стоит оставлять доброе вино до следующих посетителей. Теперь я бываю в клубе три раза в неделю и домой прихватываю бутылку.— Он отпил еще хересу.— Если уж я должен помереть, а этого не миновать, предпочитаю помереть от портвейна, чем от этой паршивой холеры. Так вы говорите, во время рейса никто из вас ее не подцепил?

Питер Холмс покачал головой.

— Мы были осторожны. Почти все время шли с погружением.

— Превосходная защита.— Сэр Дуглас оглядел обоих.— В Северном Квинсленде ни один человек не выжил, так?

— В Кэрнсе никого нет, сэр. Как в Таунсвиле, не знаю.

Старик покачал головой.

— Из Таунсвила с четверга нет никаких вестей, а теперь уже и до Боуэна дошло. Кто-то говорил, уже отмечены случаи в Маккее.

— Надо вам поторапливаться с портвейном, дядя,— усмехнулся Осборн.

— Знаю, знаю. Тяжелое положение.— С безоблачного неба им сияло теплое, ласковое солнце; от исполинского каштана в саду падали на лужайку узорчатые тени.— А все-таки мы делаем, что можем. Секретарь говорил мне, за прошлый месяц мы распили больше трехсот бутылок.— И он обратился к Питеру: — Как вам послужится на американском судне?

— Мне у них очень нравится, сэр. Конечно, есть разница с нашим флотом, а на подводной лодке я вовсе никогда не служил. Но народ там славный.

— Не слишком они мрачные? Очень многие, верно, овдовели?

Питер покачал головой.

— Они там совсем молодые, кроме капитана. Наверно, и жениться-то мало кто успел. Капитан, конечно, был женат, и кое-кто из младших офицеров тоже. Но большинству офицеров и рядовых только-только за двадцать. Похоже, многие завели себе подружек у нас в Австралии.— И, чуть помолчав, Питер прибавил: — На этой лодке совсем не мрачно, сэр.

Старик кивнул:

— Ну конечно, ведь уже прошло какое-то время.— Выпил еще и прибавил: — А командир там — капитан Тауэрс, так?

— Совершенно верно, сэр. Вы его знаете?

— Он раза два был в клубе, и нас познакомили. Кажется, он у нас почетный член. Билл Дэвидсон мне говорил, что его знает Мойра.

— Это верно, сэр. Они познакомились у меня дома.

— Ну, надеюсь, она не совлекла его с пути истинного.

Как раз в ту самую минуту Мойра звонила капитану Тауэрсу на авианосец, стремясь именно к этой непохвальной цели.

— Что я слышу, Дуайт! — сказала она.— У вас на лодке все заболели корью?

От одного звука ее голоса Дуайту стало весело.

— Совершенно верно,— заявил он,— но эти сведения строго секретны.

— То есть как?

— Государственная тайна. Когда какой-нибудь корабль Соединенных Штатов временно выходит из строя, мы не сообщаем об этом всему свету.

— Такая хитроумная техника вышла из строя из-за сущего пустяка, из-за кори? По-моему, просто ею плохо управляют. А вам не кажется, что у «Скорпиона» неважный капитан?

— Безусловно, вы правы,— невозмутимо подтвердил Дуайт.— Давайте где-нибудь встретимся и обсудим, кем его заменить. Я и сам им недоволен.

— Приедете в эту субботу к Питеру Холмсу?

— Он меня не приглашал.

— А если пригласит, приедете? Или с тех пор, как мы с вами виделись, вы его пропесочили за неповиновение?

— Он не изловил ни одной чайки,— сказал Тауэрс.— Кажется, только это я и могу поставить ему в вину. Но я его даже не отругал.

— А ему полагается ловить чаек?

— Разумеется. Я его назначил главным чайколовом, но он не справился со своими обязанностями. Ваш премьер-министр, мистер Ритчи, очень сердится, что я не доставил ему ни одной чайки. Но никакой капитан не может быть хорош, если плохи подчиненные.

— Вы много выпили, Дуайт?

— Не скрою, пил. Кока-колу.

— Вот это неправильно. Вам необходима двойная порция коньяка... нет, лучше виски. Можно мне поговорить с Питером Холмсом?

— Его здесь нет. По-моему, он обедает где-то с Джоном Осборном. Кажется, в клубе «На природе».

— Час от часу не легче. Но если он вас пригласит, вы приедете? Хочу посмотреть, может, на этот раз вы лучше сумеете править яхтой. У меня теперь лифчик на проволоке.

Тауэрс засмеялся.

— С удовольствием приеду. Даже на таких условиях.

— А может, Питер вас еще и не пригласит. Мне совсем не нравится эта история с чайками. По-моему, плохи дела на вашем корабле.

— Вот мы с вами это и обсудим.

— Безусловно. Послушаю я, что вы скажете в свое оправдание.

Мойра повесила трубку и успела дозвониться Питеру, когда он уже уходил из клуба. Она начала без околичностей:

— Питер, вы позовете Дуайта Тауэrsa на субботу и воскресенье? Я сама ему передам.

Питер помялся:

— Если Дженнифер от него заразится корью, Мэри меня заест.

— Я ей скажу, что Дженнифер заразилась от вас. Позовете Тауэrsa?

— Если вам так хочется. Не думаю, чтобы он согласился.

— Согласится.

Как и в прошлый раз, Мойра встретила Дуайта на станции со своей тележкой. Проходя через турникет, он приветствовал ее словами:

— А что случилось с тем красным нарядом?

Она была одета просто и удобно, как работник в поле: рубашка и брюки цвета хаки.

— Я не решилась встретить вас в моем лучшем наряде, — заявила Мойра. — Не хочу, чтоб он превратился в мятую тряпку.

Дуайт рассмеялся:

— Хорошего же вы мнения обо мне!

— Девушке осторожность никогда не помешает, — чопорно произнесла Мойра. — Тем более, кругом полно сена.

Они пошли к ограде, где привязана была серая кобылка.

— Пожалуй, о неприятностях из-за чаек нам лучше потолковать без Мэри, — сказала Мойра. — Не при всех можно обсуждать подобные вопросы. Может быть, сначала завернем в «Причал»?

— Я не против, — согласился Тауэрс. Они сели в тележку и покатали по пустынным улицам к отелю. Мойра привязала вожжи к бамперу все той же неподвижной машины, и они прошли в дамскую гостиную.

Тауэрс взял для Мойры двойную порцию коньяку и одну — виски для себя.

— Так что там с чайками? — требовательно спросила Мойра. — Как бы это ни было постыдно, выкладывайте все начистоту.

— Перед этим рейсом я виделся с вашим премьер-министром, — стал объяснять Дуайт. — Меня отвел к нему адмирал Хартмен. Он давал нам разные поручения и среди прочего — чтобы мы постарались выяснить, выжили ли в местах, пораженных радиацией, птицы.

— Понятно. И вы что-нибудь узнали?

— Ровно ничего, — невозмутимо ответил Тауэрс. — Ничего про птиц и рыбу и очень мало обо всем остальном.

— Поймали вы хоть одну рыбку?

Он усмехнулся.

— Хотел бы я, чтоб мне кто-нибудь посоветовал, как выудить рыбку, когда лодка идет под водой, или поймать чайку, когда нельзя выйти на палубу. Вероятно, все это возможно, если смастерить специальный защит-

ный костюм. Но нам об этом сказали на последнем инструктаже, за полчаса до выхода в море.

— И вы не доставили ни одной чайки?

— Нет.

— Премьер-министр очень недоволен?

— Не знаю. Я не осмелился к нему пойти.

— Меня это не удивляет.— Мойра помолчала, отпила из стакана, потом спросила серьезнее: — Скажите, там никого не осталось в живых, да?

Он покачал головой.

— Думаю, никого. Но трудно сказать наверняка, пока нельзя высадить на берег человека в защитном костюме. Задним числом я думаю, кое-где следовало это сделать. Но в этот раз нам ничего такого заранее не поручали, и на борту не было нужного снаряжения. Когда возвращаешься на подводной лодке, не так просто обезопасить ее и не занести радиацию.

— «В этот раз»,— повторила Мойра.— Вы пойдете опять?

Дуайт кивнул.

— Думаю, что да. Мы не получали приказа, но я подозреваю, что нас пошлют в Штаты.

Она широко раскрыла глаза.

— Разве это возможно?

Он кивнул.

— Путь не близкий, и очень долго нельзя будет всплывать. Команде придется трудно. И все-таки это возможно. «Меч-рыба» ходила в такой рейс, значит, можем и мы.

Он рассказал Мойре, как «Меч-рыба» обошла всю Северную Атлантику.

— Беда в том, что в перископ слишком мало увидишь. У нас есть доклад капитана «Меч-рыбы» об их походе, и в конечном счете ясно, что они узнали ничтожно мало. Немногим больше, чем если просто посидеть и хорошенько подумать. Понимаете, видна лишь кромка берега, да и то с высоты каких-нибудь двадцати футов. Можно бы увидеть разрушения, если бомба угодила в порт или в город, но и только. Так было и с нами. В этом походе мы почти ничего не выяснили. Постояли в каждом порту, звали некоторое время через громкоговоритель, никто не отозвался и не вышел на нас поглядеть, вот мы и решили, что никто не выжил.— Он помолчал.— Только это и можно предположить.

Мойра кивнула.

— Кто-то говорил, что радиация уже дошла до Маккея. По-вашему, это верно?

— Думаю, верно. Это неотвратно надвигается на юг, в точности как предсказывали ученые.

— А когда при такой скорости дойдет до нас?

— Я думаю, к сентябрю. Может быть, немного раньше.

Мойра порывисто встала.

— Принесите мне еще выпить, Дуайт.— И, взяв у него из рук стакан, объявила: — Я хочу куда-нибудь пойти... что-то делать... хочу танцевать!

— Как прикажете, детка.

— Не сидеть же тут и не ныть — ах-ах, что с нами будет!

— Вы правы,— сказал Тауэрс,— но неужели для вас не найдется более привлекательного занятия, чем пить?

— Не будьте таким здравомыслящим,— с досадой оборвала Мойра.— Это несносно.

— Ладно,— был учтивый ответ.— Допивайте и по-едем к Холмсам, а потом пройдемся на яхте.

Поехали к Холмсам, и оказалось, Питер и Мэри затеяли вечером поужинать на пляже. Это развлечение обойдется дешевле вечеринки со многими гостями да и приятнее в летнюю жару, а кроме того, по несколько путаным представлениям Мэри, чем больше держать мужчин подальше от дома, тем меньше опасность, что они заразят малышку корью. Днем Мойра с Дуайтом, пообедав на скорую руку, поехали в яхт-клуб снарядить яхту для гонок, а Питер с Мэри последовали за ними позже на велосипедах, взяв в прицепе дочку.

Гонки на сей раз прошли довольно благополучно. Сперва Дуайт с Мойрой налетели на бакен, а на втором круге, соперничая с ближней яхтой за наветренное положение, слегка с ней столкнулись скулами, потому что оба экипажа плоховато знали правила, но в этом клубе подобное случалось нередко и особого недовольства не вызывало. Гонку Дуайт и Мойра закончили шестыми, куда успешнее, чем в прошлый раз, и порядка на борту было гораздо больше. Потом подвели яхту к берегу, выволокли на подходящую отмель и прошлепали по воде на пляж к Питеру и Мэри пить чай с печеньем.

Перед вечером они не спеша искупались, не сменяя купальных костюмов, раснастили яхту, свернули и сло-

жили паруса и втащили ее повыше на сухой песок, на обычную стоянку. Солнце уже клонилось к горизонту, и они переоделись, немножко выпили (с другими припасами Холмсы захватили из дому бутылку), и пока хозяева готовили ужин, пошли в конец причала поглядеть на закат.

Мойра уселась на перилах, как на жердочке, любовалась розовыми отсветами в безмятежно спокойной воде, таким блаженством был этот теплый вечер, так успокаивало выпитое вино... и тут она попросила:

— Расскажите мне про тот рейс «Меч-рыбы», Дуайт. Вы говорили, она прошла к Соединенным Штатам?

Он ответил не сразу:

— Да. Она прошла вдоль всего восточного побережья, но зайти удалось только в немногие малые порты и гавани, в залив Делавэр, в Гудзонов залив и, конечно, в Новый Лондон. И с огромным риском подошли посмотреть на Нью-Йорк.

— Разве это было опасно? — озадаченно спросила Мойра.

Он кивнул.

— Там минные поля, мы сами все заминировали. Каждый крупный порт и устья больших рек вдоль восточного побережья защищены были минными полями. По крайней мере, так мы думаем. И на западном берегу то же самое. — Он помолчал, подумал. — Минировать должны были еще перед войной. Заминировали их до войны или после, или вовсе не заминировали, мы не знаем. Знаем только, что минные поля должны там быть, и если не имеешь особой карты, на которой указаны проходы между ними, соваться туда нельзя.

— То есть, если задеть мину, можно пойти ко дну?

— Наверняка. Если не имеешь точной карты, близко подойти и то опасно.

— А у «Меч-рыбы» такая карта была, когда они вошли в нью-йоркский порт?

Дуайт покачал головой.

— Была старая, восьмилетней давности, сплошь в штампах «ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО». Такие карты строго засекречены; их выдают только в случае самой крайней необходимости. И у «Меч-рыбы» была

такая карта, устарелая. Видно, они уж очень туда рвались. Им надо было высчитать, какие тут могли быть сделаны изменения, ведь основные пометки указывали старые безопасные проходы. И они высчитали, что всерьез тут мало могли менять, разве только на одном отрезке. Они рискнули и вошли туда и не подорвались. Может быть, там никаких мин вовсе и не было.

— И увидели они там в гавани что-нибудь важное? Тауэрс покачал головой.

— Ничего такого, чего бы они и раньше не знали. Похоже, при теперешнем способе разведки большего ждать не приходится. Очень мало что можно выяснить.

— И там нет живых людей?

— Нет, детка. И с виду город неузнаваем. Притом очень сильна радиация.

Они долго сидели молча, смотрели, как догорает закат, пили вино, курили.

— Вы сказали, они заходили еще в какой-то порт,— сказала наконец Мойра.— Кажется, в Новый Лондон?

— Да.

— Где это?

— В штате Коннектикут, в восточной его части. Возле устья реки Темзы.

— А там они очень рисковали?

Дуайт покачал головой.

— Этот порт был их базой. У них имелась самая новая карта минных полей.— Он чуть помолчал, договорил негромко: — Это главная база американских подводных лодок на всем восточном побережье. Думаю, почти все моряки с «Меч-рыбы» и жили там или где-нибудь поблизости. Так же, как я.

— Вы там жили?

Он кивнул.

— И там теперь все так же, как в других местах?

— Похоже на то,— с трудом выговорил он.— В их отчете мало что сказано, только об уровне радиоактивности. С этим очень скверно. «Меч-рыба» подошла к самой базе, к своему причалу, откуда уходила в плавание. Надо думать, странно было вот так возвратиться в родные места, но в отчете про это не говорится. Наверно, большинству офицеров и рядовых до дома было рукой подать. Но, конечно, ничего они не могли

сделать. Просто постояли там немного и пошли дальше; как полагалось по приказу. В отчете капитан упоминает, они отслужили на лодке что-то вроде заупокойной службы. Наверно, было очень тяжело.

А розовый теплый закат по-прежнему озарял мир красотой.

— Как они только решились туда войти, — тихо промолвила Мойра.

— Я тоже сперва удивлялся. Пожалуй, сам я прошел бы мимо. Хотя... право, не знаю. Теперь вот думаю — да, конечно, им надо было туда зайти. Ведь только для нью-йоркской гавани у них была новейшая карта минных полей... нет, для Делавэрской бухты тоже. Вот только в эти два порта им не опасно было войти. Они точно знали, где там минные поля, как же не воспользоваться таким преимуществом.

Мойра кивнула.

— И там был ваш дом?

— Не в самом Новом Лондоне, — тихо ответил Дуайт. — База находится по другую сторону Темзы, на восточном берегу. А мой дом дальше, примерно в пятнадцати милях от устья реки. Там небольшой городок, называется Уэст Мистик.

— Не говорите об этом, если вам не хочется, — попросила Мойра.

Он вскинул на нее глаза.

— Я не прочь об этом говорить, по крайней мере с некоторыми людьми. Только не хотелось бы вам наскучить. — Он мягко улыбнулся. — Или расплакаться при виде малого ребенка.

Мойра невольно покраснела.

— Когда вы позволили мне переодеться в вашей каюте, я видела фотографии. На них ваша семья?

Он кивнул.

— Это моя жена и наши детишки, — сказал он не без гордости. — Жену зовут Шейрон. Дуайт уже учится в начальной школе, а Элен пойдет в школу осенью. Сейчас она ходит в детский садик, это на нашей улице, совсем рядом.

Мойра уже знала, что жена и дети для него — живая достоверная действительность, несравнимо достоверней и подлинней, чем полураспад вещества, начавшийся на другом краю земли и навязанный ему после войны. В то, что северное полушарие стало безлюдной пустыней, ему так же не верится, как и ей,

Мойре. Как и она, он не видел причиненных войной разрушений; думая о жене, детях, о доме, он только и может их себе представить такими, с какими расстался. Ему не хватает воображения, и в Австралии это служит ему надежной опорой, отсюда его спокойствие и довольство.

Она знала, что ступает на зыбкую, опаснейшую почву. Хотелось быть доброй с ним, и надо ж было что-то сказать. И она робко спросила:

— А кем Дуайт хочет стать, когда вырастет?

— Я хотел бы, чтобы он поступил в Академию,— был ответ.— В Морскую Академию. Пошел бы во флот, как я. Самая подходящая жизнь для мальчика, ничего лучше я не знаю. Вот сумеет ли он получить офицерское звание, другой вопрос. Он пока не очень силен в математике, но судить еще рано. Да, я буду рад, если он пойдет в Академию. По-моему, он и сам этого хочет.

— Он любит море?

Тауэрс кивнул.

— Мы живем на самом берегу. И сын все лето не вылезает из воды, плавает, управляет подвесным мотором.— Он чуть помолчал.— Они загорают прямо дочерна. Похоже, все детишки одинаковы. По-моему, хоть мы столько же времени проводим на солнце, к ним загар пристает больше.

— Дети и тут все очень загорелые,— заметила Мойра.— А вы еще не учили его ходить под парусом?

— Пока нет. Когда в ближайший отпуск поеду домой, куплю парусную лодку.

Он поднялся с перил, на которых они сидели, и постоял минуту, глядя на пылающий закат.

— Думаю, это будет в сентябре,— сказал он негромко.— У нас в Мистике поздновато в эту пору выходить под парусом.

Мойра промолчала, непонятно, что тут скажешь. Дуайт обернулся к ней.

— Наверно, вы думаете, что я спятил,— не сразу выговорил он.— Но так я это понимаю и, похоже, не сумею думать по-другому. Во всяком случае, я не плачу при виде маленьких детей.

Мойра встала и пошла с ним по причалу.

— Я вовсе не думаю, что вы спятили,— сказала она.

В молчании они пошли к берегу.

На другое утро, в воскресенье, все в доме Холмсов поднялись бодрые, в отличном настроении, не то что неделю назад, когда капитана Тауэрс принимали здесь впервые. Накануне легли довольно рано, не как в тот раз, когда всех взбудоражила шумная вечеринка. За завтраком Мэри спросила гостя, не хочет ли он пойти в церковь, ей все казалось — чем меньше времени он будет в доме, тем меньше опасность, что Дженнифер заразится корью.

— Я рад бы пойти, если только это не помешает вашим планам, — ответил Тауэрс.

— Ничуть не помешает, — сказала Мэри. — Делайте все, что хотите. Я думаю, не выпить ли нам сегодня чаю в клубе, но, может быть, вам приятней заняться чем-нибудь еще.

Он покачал головой.

— С удовольствием опять бы поплавал. Но сегодня вечером, хотя бы после ужина, я должен вернуться на «Скорпион».

— А вам нельзя остаться до завтрашнего утра?

Зная, как она беспокоится из-за кори, он покачал головой:

— Мне надо быть на месте сегодня вечером.

Сразу после завтрака он вышел в сад покурить, пускай Мэри поменьше тревожится. Мойра помогла хозяйке вымыть посуду, а потом вышла и увидела его, он сидел в шезлонге, глядел на залив. Она села рядом.

— Вы и правда собираетесь в церковь? — спросила она.

— Правда.

— Можно, я пойду с вами?

Он повернулся к ней, посмотрел удивленно.

— Ну разумеется. А вы постоянно ходите в церковь? Мойра улыбнулась.

— Даже не раз в сто лет, — призналась она. — Может, и напрасно. Если б ходила, возможно, пила бы поменьше.

Тауэрс призадумался.

— Может быть, и так, — сказал он неуверенно. — Не знаю, насколько одно с другим связано.

— А вам правда не приятней пойти одному?

— Нет, отчего же. Я совсем не против вашего общества.

И они пошли, а в это время Питер Холмс разворачивал в саду шланг: пока солнце не слишком жаркое, надо полить цветы. Немного погодя из дому вышла Мэри.

— Где Мойра? — спросила она.

— Пошла с капитаном в церковь.

— Мойра — в церковь?

Муж широко улыбнулся.

— Хочешь верь, хочешь не верь, но она пошла не куда-нибудь, а в церковь.

Мэри постояла, помолчала.

— Надеюсь, все сойдет благополучно, — сказала она наконец.

— А почему бы нет? Он парень стоящий, и Мойра тоже не так плоха, когда узнаешь ее поближе. Может, они даже поженятся.

Мэри покачала головой.

— Как-то странно это. Надеюсь, все сойдет благополучно, — повторила она.

— В общем, не наше это дело, — заметил Питер. — По теперешним временам, престранного и непонятного творится больше чем достаточно.

И он продолжал поливку, а Мэри принялась бродить взад-вперед по саду. Потом сказала:

— Я вот все думаю, Питер. Как по-твоему, нельзя ли спилить эти два дерева?

Он подошел, посмотрел.

— Надо будет спросить хозяина участка. А чем они тебе мешают?

— У нас слишком мало места для овощей, — сказала Мэри. — А в лавках они теперь ужасно дорогие. Если бы спилить эти деревья и вырубить часть мимозы, мы бы разбили огород, вот отсюда и досюда. Если выращивать овощи самим, мы бы наверняка сэкономили почти фунт в неделю. И потом, это даже развлечение.

Питер подошел и повнимательней оглядел деревья.

— Я вполне мог бы их спилить, и получился бы неплохой запас дров, — сказал он. — Конечно, они будут слишком сырые, этой зимой гореть не станут. Придется на год отложить. Одна заковыка — выкорчевать пни. Это, знаешь, работенка непростая.

— Их ведь только два, — убеждала Мэри. — И я могу помочь, буду отщипывать по кусочку, пока ты в рейсе. Если б нам этой зимой от них избавиться и перекопать землю, весной я бы все засадила, и на

лето у нас будут свои овощи... и горох, и фасоль. И кабачки. Я сделаю кабачковую икру.

— Прекрасная мысль.— Питер окинул оба дерева сверху донизу оценивающим взглядом.— Они не такие уж большие. А без них лучше будет той сосне.

— И еще я хочу вон там посадить цветковый эвкалипт. Летом будет так красиво.

— Он зацветет только лет через пять,— сказал Питер.

— Ну и пусть. Цветущий эвкалипт на фоне синего моря — такая красота. И нам будет видно его из окна спальни.

Питеру представилось огромное дерево, блистающее алыми цветами под блистающим солнцем, на фоне темно-синего неба.

— Да, все просто ахнут, когда оно зацветет,— сказал он.— А где ты хочешь его посадить? Здесь?

— Чуть в стороне, вот здесь. Когда оно вырастет большое, мы поставим в его тени скамейку вместо этого остролиста.— И Мэри прибавила: — Пока тебя не было, я заглянула в питомник Уилсона. У него есть очень славные маленькие саженцы цветкового эвкалипта, и всего по десять долларов шесть центов штука. Как ты думаешь, можно нам уже осенью посадить одно деревце?

— Они очень нежные,— сказал Питер.— По-моему, лучше посадить два совсем рядышком, тогда если одно и захиреет, другое приживется. И года через два хилое уберем.

— Беда в том, что хилые никто не убирает,— заметила Мэри.

Они продолжали увлеченно строить планы для своего сада на десять лет вперед, и утро пролетело незаметно. За этим занятием и застали их, возвратясь из церкви, Мойра с Дуайтом и призваны были в советники — как лучше разбить огород? Потом чета Холмс ушла в дом — муж за выпивкой, жена — накрывать стол к обеду.

Мойра посмотрела на американца.

— Кто тут рехнулся? Они или я? — сказала она вполголоса.

— Почему вы так говорите?

— Да ведь через полгода *здесь* их уже не будет. И меня не будет. И вас. Ни к чему им будут через год никакие огороды.

Несколько минут Дуайт молчал, смотрел на синеву моря, на плавный изгиб берега.

— Ну и что? — сказал он наконец. — Может быть, они в это не верят. А может быть, думают, что можно взять все это с собой, куда-то, где они окажутся потом, не знаю. — Он опять помолчал. — Главное, им нравится строить планы, рисовать себе свой будущий сад. И смотрите не отравите им эту радость, не вздумайте говорить, что они рехнулись.

— Не стану. — Теперь умолкла она, dokonчила не сразу: — Никто из нас по-настоящему не верит, что это случится. С кем, с кем, но не с нами. Так или иначе, на этом все рехнулись.

— Вы совершенно правы! — горячо подтвердил Дуайт.

Конец разговору положило появление спиртного, а затем и обед. После обеда, одержимая страхом перед корью, Мэри спровадила мужчин в сад и принялась с помощью Мойры мыть посуду. Питер и Дуайт, сидя в шезлонгах, пили кофе, и Питер спросил:

— Вы ничего не слыхали насчет нового задания, сэр?

Американец испытующе посмотрел на него.

— Ни слова. А вы?

— Ничего определенного. На том совещании с главным консультантом по научной части было кое-что, и меня это насторожило.

— А что именно было сказано?

— Вроде «Скорпион» хотят снабдить какой-то особенной радиоустановкой направленного действия. Вы ничего такого не слыхали?

Дуайт покачал головой.

— Как будто у нас нет радио.

— Эта штука должна с очень высокой точностью брать пеленг. Может быть, когда мы идем с погружением ниже перископа. Тогда ведь нельзя точно взять пеленг?

— С нашей теперешней аппаратурой нельзя. А для чего нам дают новую?

— Не знаю. В повестке совещания ничего про это не было. Просто один из ученых сболтнул лишнее.

— Хотя, чтобы мы проследили какие-то радиосигналы?

— Право слово, не знаю, сэр. Нас спросили, нельзя ли детектор радиации перенести на передний пери-

скоп, а на заднем — установить эту новую штуковину. И Джон Осборн сказал, он считает, наверняка можно, только ему надо обговорить это с вами.

— Правильно. На передний перископ можно перенести. Я подумал было, что им нужны оба.

— Навряд ли, сэр. По-моему, они хотят новую машинку пристроить на задний перископ, на место детектора радиации.

Американец пристально разглядывал дымок своей сигареты. Потом произнес коротко:

— Сизтл.

— Как вы сказали, сэр?

— Сизтл. Откуда-то со стороны Сизтла доходили радиосигналы. Вы не знаете, они и сейчас еще доходят?

Питер недоуменно покачал головой.

— Никогда про это не слыхал. По-вашему, кто-то там еще работает на радиостанции?

Капитан пожал плечами.

— Возможно. Но этот человек не умеет обращаться с передатчиком. Иногда доходят сразу несколько сигналов, иногда можно ясно разобрать одно слово. А чаще всего просто каша, невнятица, такое мог бы выстукивать играющий ребенок.

— И передача идет непрерывно?

Дуайт покачал головой.

— Не думаю. Сигналы выходят в эфир когда как, от случая к случаю. Я знаю, что их ловят всегда на одной и той же волне. По крайней мере, так было до Рождества. С тех пор я об этом больше не слышал.

— Но ведь это значит, что там кто-то остался жив, — сказал офицер связи.

— Все может быть, хотя... радиопередача требует энергии, а значит, надо пустить в ход мотор. И мощный мотор, раз энергии хватает для передачи чуть ли не вокруг света. Но... не знаю, не знаю. Если уж кто-то способен такое соорудить и пустить в ход... неужели он не знает азбуки Морзе. Пусть бы передавал всего два слова в минуту, но глядя в справочник, наверняка бы разобрался.

— И по-вашему, туда мы и пойдем?

— Возможно. Когда мы в октябре возвращались из похода, от нас, среди прочего, хотели получить сведения о Сизтле. Спрашивали обо всем, что только нам известно о радиостанциях Соединенных Штатов.

— И вы могли что-нибудь сообщить?

Дуайт покачал головой.

— Только о передачах с военных кораблей. Очень мало вестей о воздушном флоте и армии. По сути, молчат гражданские радиостанции. На западном побережье радио как не бывало.

Во второй половине дня, оставив Мэри с малышкой дома, они пошли на пляж и искупались.

Потом все трое лежали на теплом песке, и Мойра спросила:

— Дуайт, а где сейчас «Меч-рыба»? Идет сюда?

— Этого я не слышал, — ответил Тауэрс. — В последний раз мне говорили, что она в Монтевидео.

— Она может объявиться здесь в любую минуту, — вставил Питер Холмс. — Радиус действия у нее достаточный.

Американец кивнул.

— Да, верно. Возможно, в один прекрасный день ее пошлют сюда с почтой или с пассажирами. К примеру, с дипломатами.

— А где это Монтевидео? — спросила Мойра. — Полагается знать, но я не знаю.

— В Уругвае, на восточной стороне Южной Америки, — пояснил Дуайт. — Если смотреть по карте — в нижнем конце Уругвая.

— А мне казалось, вы говорили, что «Меч-рыба» в Рио-де-Жанейро. Это разве не Бразилия?

Он кивнул.

— То было во время ее рейса в Северную Атлантику. Тогда она базировалась в Рио. А потом они спустились южнее, в Уругвай.

— Из-за радиации?

— Угу.

— Я не знал, что уже и туда докатилось, — сказал Питер. — Хотя вполне возможно. По радио ничего не сообщали. Это ведь у самого тропика Козерога, верно?

— Да, — подтвердил Дуайт. — Как Рокхемптон.

— А до Рокхемптона уже докатилось? — спросила Мойра.

— Этого я не слышал, — сказал Питер. — Сегодня утром по радио сообщили, что докатилось до Солсбери, в Южной Родезии. По-моему, это немного севернее.

— По-моему тоже, — подтвердил капитан. — Солсбери находится в глубине материка, возможно, отсюда

и разница. Ведь все остальные места, о которых мы говорили,— на побережье.

— А вот Элис-Спрингс почти на самом тропике?

— Кажется, да. Не знаю. Но, конечно, тоже в глубине материка.

— Значит, по берегу все это движется быстрее, чем по суше?

Дуайт покачал головой.

— Не знаю. Не думаю, чтобы уже нашлись какие-то доказательства — быстрее распространяется радиация на суше или медленнее.

Питер засмеялся.

— К тому времени, когда докатится до нас, ученые это узнают. И смогут нацарапать свои выводы на стекле.

Мойра подняла брови:

— Нацарапать на стекле?

— А ты разве эту шуточку не слыхала?

Она покачала головой.

— Джон Осборн рассказал мне вчера,— пояснил Питер.— Кое-кто из ученых усердно записывает для истории, что с нами стряслось. Они вырезают записи на стеклянных брусках. Выцарапывают на стекле, потом как-то там приваривают сверху второй такой брусок, и запись оказывается в середине.

Дуайт приподнялся на локте, с любопытством повернулся к Питеру.

— В первый раз слышу. А что они станут делать с этими брусками?

— Уложат на вершине горы Костюшко. Это самый высокий пик во всей Австралии. Если Земля когда-нибудь опять станет обитаемой, новые жители наверняка рано или поздно туда поднимутся. Пик очень высокий, но не недоступен.

— Вот это да! И они всерьез этим занимаются?

— Так говорит Джон. Они там на вершине устроили бетонное хранилище. Вроде как в египетских пирамидах.

— А длинные эти записи? — спросила Мойра.

— Не знаю. Едва ли тут много напишешь. Правда, они берут еще и страницы из книг. Вмуровывают их между пластинами толстого стекла.

— Но ведь те, кто будет после нас...— начала Мойра.— Они не сумеют прочитать нашу писанину. Вдруг это будут... животные.

— Да уж наверно им придется нелегко. Учиться читать с самого начала. Кот на картинке и рядом по буквам: К-О-Т, и прочее в этом духе. Джон говорит, записи пока примерно до этого и довели.— Он помолчал.— Наверно, это тоже полезно,— задумчиво закончил он.— Чтoб ученые мужи не нашли себе занятия похуже.

— Картинка с кошкой тем, новым, не поможет,— заметила Мойра.— Ведь никаких кошек не останется. Они не будут знать, что такое кошка.

— Пожалуй, лучше нарисовать рыбу,— сказал Дуайт.— Р-Ы-Б-А. Или, допустим, чайка.

— Чем дальше, тем длинней и трудней слово.— Мойра обернулась к Питеру, спросила с любопытством: — А какие книги они сохраняют? Про то, как делать кобальтовую бомбу?

— Боже упаси! — Все трое засмеялись.— Не знаю, что они там надумали. По-моему, для начала очень подошла бы Британская энциклопедия, да уж больно велика. Нет, право, не знаю. Пожалуй, знает Джон Осборн — или может узнать.

— Праздное любопытство,— заявила Мойра,— Нам с вами от этого ни тепло ни холодно.— Она в притворном ужасе воззрилась на Питера.— Только не говори, что они сохраняют хоть одну газету. Этого я не вынесу!

— Ну, не думаю,— был ответ.— Не настолько они сумасшедшие.

Дуайт сел на песке.

— Обидно, зря пропадает такая теплая вода. По-моему, надо искупаться.

Мойра встала.

— Не пропадать же добру,— поддержала она.— Воспользуемся случаем, пока не поздно.

Питер зевнул:

— Валяйте, наслаждайтесь теплой водичкой. А я понаслаждаюсь солнышком.

Он остался лежать на песке, а Мойра с Дуайтом вошли в воду. Поплыли рядом.

— Вы отличный пловец, да? — спросила она.

Дуайт ответил не сразу.

— Я много плавал, когда был помоложе. Один раз участвовал в состязаниях — наша Академия против Уэст-Пойнта.

Мойра кивнула.

— Я и подозревала что-то в этом роде. А теперь вы много плаваете?

Дуайт покачал головой.

— Только не на состязаниях. Это приходится очень быстро бросить, разве что у тебя куча свободного времени и можно вдоволь тренироваться.— Он засмеялся.— Мне кажется, с тех пор, как я был мальчишкой, вода стала холоднее. Не здесь, конечно. В Мистике.

— Вы и родились в Мистике?

Он покачал головой.

— Я родом с Лонг-айлендского пролива, но не из Мистика. Мой родной город называется Уэстпорт. Мой отец там был врачом. В первую мировую войну служил хирургом на флоте, а потом стал практиковать в Уэстпорте.

— Это тоже на побережье?

Дуайт кивнул.

— Плаваешь, ходишь под парусом, ловишь рыбу. Так я и жил мальчишкой.

— Сколько вам лет, Дуайт?

— Тридцать три. А вам?

— Какой бестактный вопрос! Двадцать четыре,— ответила Мойра. И, помолчав, спросила: — А Шейрон тоже из Уэстпорта?

— В каком-то смысле. Ее отец — адвокат в Нью-Йорке, живет на 84-й Западной улице, недалеко от Центрального парка. А в Уэстпорте у них дача.

— Значит, там вы и познакомились.

Он кивнул.

— Еще детьми.

— Наверно, вы поженились совсем молодыми.

— Как только кончили учиться. Мне исполнилось двадцать два, меня назначили лейтенантом на «Франклин». Шейрон было девятнадцать; она так и не окончила колледж. Мы больше чем за год до того решили, что поженимся. Когда наши родные увидели, что мы не передумаем, они собрались вместе и порешили — лучше уж на первых порах нам помочь.— Дуайт помолчал, dokonчил негромко: — Отец Шейрон очень по-доброму к нам отнесся. Мы бы и еще ждали, пока не заработали как-нибудь хоть немного денег, но родные решили — ни ей, ни мне это вовсе ни к чему. И дали нам пожениться.

— Помогали деньгами?

— Ну да. Нам нужна была помощь только года четыре, а потом умерла одна тетушка, а я получил повышение, и мы стали на ноги.

Они доплыли до конца причала, вылезли из воды и посидели, греясь на солнышке. Потом вернулись на пляж к Питеру, посидели с ним, выкурили по сигарете и пошли переодеваться. Вновь сошлись на пляже, держа туфли в руках, неторопливо сушили ноги на солнце, отряхивались от песка. Потом Дуайт стал надевать носки.

— Это ж надо — разгуливать в таких носках! — сказала Мойра.

Дуайт глянул на свои ноги.

— Это только на пальцах, — заметил он. — Снаружи не видно.

— И не только на пальцах! — Мойра перегнулась, взялась за его ступню. — Где-то я видела еще. Да вот же, пятка снизу вся дырявая!

— Все равно не видно, когда я в ботинках.

— Разве вам никто не штопает носки?

— В последнее время большую часть команды «Сиднея» уволили, — пояснил Тауэрс. — Мою койку еще заправляют, но у вестового теперь слишком много дел, ему не до того, чтобы штопать мне носки. Да на корабле и раньше не очень с этим справлялись. Иногда я сам штопаю. А чаще просто выбрасываю рванные носки и покупаю новые.

— И пуговицы на рубашке у вас не хватает.

— Это тоже не видно, — невозмутимо ответил Дуайт. — Она же внизу, под поясом.

— По-моему, вы просто позорите флот, — заявила Мойра. — Знаю я, что сказал бы адмирал, если б увидел вас в таком виде. Он бы сказал, что «Скорпиону» требуется другой капитан.

— Он ничего такого не увидит, — был ответ. — Разве что заставит меня снять штаны.

— Разговор сворачивает не в ту сторону, — сказала Мойра. — Сколько пар носков у вас в таком состоянии?

— Понятия не имею. Я давным-давно не разбирался в ящике с бельем.

— Отдайте их мне, я их возьму домой и заштопаю.

Дуайт быстро взглянул на нее.

— Очень великодушное предложение. Но незачем

штопать мои носки. Все равно мне пора купить новые. Эти уже никуда не годятся.

— А разве можно купить новые? — спросила Мойра.— Папа не смог. Он говорит, их больше нет в продаже, и еще очень многого тоже не найти. Ему и носовых платков не удалось купить.

— Да, верно,— поддержал Питер.— В последний раз я тоже не достал подходящих носков. Нашел огромные, на несколько размеров больше, чем надо.

— А вы в последнее время пробовали купить новые носки? — допытывалась Мойра у Тауэrsa.

— Вообще-то нет. В последний раз покупал, помнится, зимой.

Питер зевнул.

— Дайте ей, пускай она вам заштопает, сэр. Найти новые задача не из легких.

— Ну, если так, был бы весьма признателен. Но вам вовсе незачем за это браться,— сказал Дуайт Мойре.— Я и сам справлюсь.— Он усмехнулся.— Представьте себе, я умею штопать носки. И очень даже недурно.

Мойра презрительно фыркнула:

— Примерно так же, как я умею управлять подлодкой. Лучше свяжите-ка в узелок все, что у вас есть рваного, и отдайте мне. И эту рубашку тоже. Пуговица у вас сохранилась?

— Кажется, я ее потерял.

— Надо быть поосторожнее. Когда отрывается пуговица, ее нельзя выкидывать.

— Если вы будете так со мной разговаривать, я и правда все, что набралось, отдам вам в починку,— пригрозил Дуайт.— Я вас завалю всякой рванью.

— Вот теперь пошел серьезный разговор. Я так и думала, что у вас много чего припрятано. Уложите-ка все это в сундук или в два и переправьте их мне.

— У меня и правда много всего набралось.

— Так я и знала. Если окажется слишком много, я спихну часть маме, а она наверно раздаст нашим дамам по всей округе. Адмирал Хартмен — наш ближайший сосед, мама наверно отдаст леди Хартмен в починку ваши кальсоны.

Дуайт изобразил на лице ужас:

— Вот тогда «Скорпиону» и правда понадобится новый капитан.

— Мы начинаем повторяться,— заявила Мойра,— Отдайте мне все, что у вас надо штопать и латать, и я попробую одеть вас, как подобает морскому офицеру.

— Ладно. Куда прикажете все это доставить?

Мойра чуть подумала.

— Вы ведь сейчас в отпуску?

— Более или менее. У нас больше десяти дней свободных, но мне так много не полагается. Капитану надо держаться поближе к своему кораблю, по крайней мере он сам так думает.

— Наверно, корабль только выиграл бы, держись капитан подальше. Привезите мне все в Бервик и проживите у нас денька два. Умеете вы править волом в упряжке?

— Никогда еще не приходилось,— сказал Дуайт.— Могу попробовать.

Мойра испытующе оглядела его.

— Пожалуй, у вас получится. Если уж вы командуете подводной лодкой, пожалуй, вам можно доверить одного из наших волов. Папа недавно завел ломовую лошадь по имени Принц, но к Принцу он вас едва ли подпустит. А править волом, пожалуй, позволит.

— Я согласен,— кротко промолвил Дуайт.— А что надо делать с волом?

— Разбрасывать по полю навоз. Коровьи лепешки. Запрягают вола, и он тянет борону по траве. А вы идете рядом и ведете вола за повод. И еще у вас есть палка, чтоб его погонять. Очень мирное, отдохновенное занятие. Полезно для нервной системы.

— Не сомневаюсь,— сказал Дуайт.— А для чего это? В смысле — для чего нужна такая работа?

— Улучшает пастбище. Если оставить навоз где попало, трава растет грубая, пучками, и скот ее не ест. А если боронить, на следующий год пастбище получается вдвое лучше. Папа очень следит, чтобы каждый участок боронили, как только скот оттуда перегонят. Раньше у нас борону тянул трактор. А теперь впрягаем вола.

— Так ваш отец заботится о том, чтобы на следующий год у него были хорошие пастбища?

— Вот именно,— решительно сказала Мойра.— Только ничего такого не говорите. В хорошем хозяйстве всегда боронят выгоны, а мой отец хороший хозяин.

— Я и не собирался ничего такого говорить. Сколько акров на ферме вашего отца?

— Около пятисот. Мы разводим коров энгеской породы и овец.

— Овец разводите ради шерсти?

— Да.

— А когда снимают шерсть? Я никогда не видел, как стригут овец.

— Обычно мы стрижем в октябре,— сказала Мойра.— Но папа беспокоится, говорит, если мы отложим до октября, в этом году стрижка сорвется. Он думает поторопиться и стричь в августе.

— Это разумно,— серьезно сказал Дуайт. Наклонился, надел ботинки.— Давненько я не бывал на ферме. Если вы меня стерпите, я приехал бы к вам на денек-другой. Надеюсь, не так, так эдак я сумею пригодиться в хозяйстве.

— На этот счет не беспокойтесь,— сказала Мойра.— Папа уж постарается пристроить вас к делу. Еще одна пара мужских рук на ферме для него просто подарок.

Дуайт улыбнулся:

— И вы правда не против, чтобы я привез все, что надо штопать и латать?

— Только попробуйте явиться с двумя жалкими парами носков и уверять, будто ваша пижама в идеальном порядке — я вам вовек не прощу. И потом, леди Хартмен мечтает починить ваши кальсоны. Она пока об этом не подозревает, но это чистая правда.

— Придется поверить вам на слово.

В этот вечер Мойра отвезла Дуайта на станцию в своей тележке. И на прощанье сказала:

— Буду ждать вас во вторник днем на Бервикской станции. Если сможете, дайте мне знать по телефону, каким поездом приедете. Если не сможете позвонить, я буду там ждать часов с четырех.

Он кивнул.

— Я позвоню. Так вы всерьез хотите, чтоб я привез все в починку?

— Если не привезете, вовек вам не прощу.

— Хорошо.— Дуайт запнулся, dokonчил нерешительно: — Пока вы доедете до дому, уже стемнеет. Будьте осторожны.

Мойра улыбнулась:

— Ничего со мной не случится. До вторника. Спокойной ночи, Дуайт.

— Спокойной ночи,— вымолвил он, словно вдруг охрипнув.

Мойра покатила прочь. Тауэрс стоял и смотрел вслед, пока ее тележка не скрылась за поворотом.

Было уже десять вечера, когда Мойра въехала на задворки усадьбы Дэвидсонов. Ее отец услышал топот копыт, вышел и помог ей распрячь лошадь и завести тележку в сарай. Пока они в полутьме заталкивали ее под крышу, Мойра сказала:

— Я пригласила к нам дня на два Дуайта Тауэрса. Он приедет во вторник.

— Сюда, к нам? — удивленно переспросил отец.

— Да. У них там отпуск перед каким-то новым походом. Ты ведь не против?

— Конечно, нет. Лишь бы ему тут не было скучно. Чем ты станешь его занимать с утра до вечера?

— Я ему сказала, что он может править волом на выгонах. Он не белоручка.

— Вот если бы кто-нибудь помог мне заготовить силос,— сказал отец.

— Ну, я думаю, он и это сумеет. В конце концов, если уж он управляет атомной подводной лодкой, так неужели не научится работать лопатой.

Они вошли в дом. Позже в этот вечер мистер Дэвидсон сказал жене, какого надо ждать гостя. Новость произвела надлежащее впечатление.

— По-твоему, за этим что-то кроется? — спросила жена.

— Не знаю,— был ответ.— Ей-то он наверняка нравится.

— После того молодого Форреста, помнишь, перед войной, у нее не было постоянных поклонников.

Муж кивнул.

— Форреста помню. Всегда был о нем невысокого мнения. Хорошо, что из этого ничего не вышло.

— Просто она любила разъезжать на его шикарной машине,— заметила мать Мойры.— Сомневаюсь, чтобы он был ей так уж мил.

— А у этого подводная лодка,— подсказал отец.— Пожалуй, и с ним то же самое.

— Но он не может носиться в ней по дорогам со скоростью девяносто миль в час,— заметила мать и,

подумав, прибавила: — Правда, теперь он, наверно, овдовел.

Муж кивнул.

— Все говорят, он человек очень порядочный.

— Надеюсь, из этого выйдет толк,— вздохнула мать.— Как бы я хотела, чтоб она остепенилась, вышла бы счастливо замуж, пошли бы дети...

— Если ты хочешь на все это поглядеть, придется ей поторопиться,— заметил отец.

— О, господи, я все забываю. Но ты же понимаешь, про что я.

Тауэрс приехал во вторник; Мойра встретила его с тележкой, в которую заложена была серая кобылка. Он вышел из вагона, огляделся, вдохнул теплую душистую свежесть.

— А славные у вас тут места,— сказал он.— В какой стороне ваша ферма?

Мойра показала на север.

— Вон там, до нее около трех миль.

— На тех холмах?

— Не на самом верху. Только немного подняться.

Дуайт закинул свой чемодан в коляску, затолкал под сиденье.

— И это все, что вы привезли? — строго спросила Мойра.

— Вот именно. Полно всякой рвани.

— Тут много не уместится. Уж наверно у вас куда больше такого, что надо чинить.

— Ошибаетесь. Я привез все как есть. Честное слово.

— Надеюсь, вы меня не обманываете.

Они уселись и покатили к Бервику. И через минуту у Дуайта вырвалось:

— Вон там бук! И еще один!

Мойра посмотрела на него с любопытством.

— Здесь их много растет. В горах, наверно, вероятно, холоднее.

Дуайт как замороженный смотрел на деревья по обе стороны дороги.

— А вот дуб, да какой огромный. Кажется, я никогда такого высоченного не видал. А там клены! Послушайте, эта дорога — точь-в-точь как в каком-нибудь городке в Штатах!

— Правда? — переспросила Мойра.— В Штатах тоже так?

— В точности. Здесь у вас все деревья те же, что в северном полушарии. До сих пор где я ни бывал в Австралии, везде растут только эвкалипты да мимоза.

— Вам тяжело смотреть на буки и дубы?

— Нет, почему же. Опять увидеть наши северные деревья — радость.

— Вокруг нашей фермы их полно,— сказала Мойра.

Они проехали через деревню, пересекли заброшенное асфальтовое шоссе и двинулись по дороге к Харкауэю. Вскоре дорога пошла в гору; лошадь, напрыгаясь, замедлила шаг, видно было, хомут давит ей шею.

— Тут нам надо идти пешком,— сказала Мойра.

Они вылезли из тележки и пошли в гору, лошадь вели под уздцы. После духоты верфей и жары в стальных корабельных корпусах Дуайт наслаждался самим здешним воздухом, свежим, прохладным дыханием листвы. Он снял куртку, положил в тележку, расстегнул ворот рубашки. Чем выше они поднимались, тем шире распахивался простор, открылась равнина до самого Филиппова залива, за десять миль отсюда. Они продолжали путь еще полчаса — на ровных местах в тележке, на крутых подъемах пешком. И вскоре вступили в край округлых, как волны, холмов, там и сям виднелись уютные фермы, аккуратные выгоны, а между ними островки кустарника и множество деревьев.

— Какая вы счастливая, что живете не в городе,— сказал Дуайт.

Мойра вскинула на него глаза.

— Мы тоже любим наши края. Но, конечно, тут, в глуши, скука смертная.

Он остановился и стал среди дороги, оглядывая приветливый мирный край, вольный широкий простор.

— Кажется, никогда я не видел местности красивее,— сказал он.

— Разве здесь красиво? — спросила Мойра.— Так же красиво, как в Америке и в Англии?

— Ну конечно. Англию я знаю не так хорошо. Мне говорили, что там есть места сказочной прелести. В Соединенных Штатах сколько угодно милых уголков, но вот такого я нигде не встречал. Нет, здесь очень красиво, с какой страной ни сравни.

— Я рада, что вы так говорите. Понимаете, мне здесь нравится, но ведь я ничего другого и не видала.

Почему-то воображаешь, будто в Америке или в Англии гораздо лучше. Будто для Австралии здесь недурно, но это еще ничего не значит.

Дуайт покачал головой.

— Вы неправы, детка. Здесь очень хорошо по любым меркам и на самый взыскательный вкус.

Подъем кончился. Мойра взялась за вожжи и повернула в ворота. Недлинная подъездная дорожка, обсаженная соснами, привела к одноэтажному деревянному дому — дом был большой, белый, за ним виднелись разные хозяйственные постройки, тоже белые. По всему фасаду и по одной стороне дома шла широкая, частью застекленная веранда. Коляска миновала дом и въехала во двор фермы.

— Прошу прощения, что ввожу вас в дом с черного хода, — сказала девушка, — но серая нипочем не остановится раньше, раз уж она почуяла конюшню.

Работник по имени Лу, единственный оставшийся на ферме, подошел помочь ей с лошадей, навстречу прибывшим вышел отец Мойры. Она всех перезнакомилась, лошадь и тележку передали на попечение Лу и пошли в дом представить гостя хозяйке. А позже все собрались на веранде, посидели при теплом свете вечернего солнца, выпили понемножку перед вечерней трапезой. С веранды открывалась мирная картина — луга и кустарники на мягко круглящихся холмах, а далеко внизу, за деревьями, равнинная ширь. И опять Дуайт заговорил о красоте здешних мест.

— Да, у нас тут славно, — заметила миссис Дэвидсон. — Но никакого сравнения с Англией. В Англии — вот где красиво.

— Вы родились в Англии? — спросил американец.

— Я? Нет. Я коренная австралийка. Мой дед приехал в Сидней давным-давно, но он не из каторжников. А потом он обзавелся землей в Риверайне. Кое-кто из наших родных и сейчас там живет. — Она помедлила, вспоминая. — Я только один раз побывала в Англии. Мы съездили и туда и на континент в 1948 году, после второй мировой войны. Тогда Англия нам показалась очень красивой. Но теперь, наверно, многое изменилось.

Потом Мойра с матерью пошли готовить чай, а Дуайт остался на веранде с ее отцом. Тот сказал:

— Позвольте предложить вам еще виски.

— Спасибо, с удовольствием выпью.

Было тепло и уютно сидеть в мягком предзакатном свете со стаканчиком виски. Немного погодя фермер сказал:

— Мойра нам говорила, вы на днях плавали на север.

Капитан кивнул.

— Да, но мы мало что узнали.

— Она так и сказала.

— Стоя у берега, в перископ очень мало можно увидеть, — пояснил Дуайт. — Другое дело, если б там были развалины от бомбежки или что-нибудь в этом роде. А так с виду все осталось по-прежнему. Только люди там больше не живут.

— Очень сильная радиоактивность?

Дуайт кивнул.

— Конечно, чем дальше на север, тем хуже. Когда мы были у Кэрнса, там человек еще мог бы прожить несколько дней. В порту Дарвин столько никто бы не протянул.

— А когда вы были возле Кэрнса?

— Почти две недели назад.

— Надо думать, сейчас там еще хуже.

— Вероятно. Как я понимаю, радиация усиливается неуклонно день ото дня. В конце концов, разумеется, уровень будет один и тот же на всей Земле.

— Говорят, как и прежде, что до нас дойдет в сентябре.

— Думаю, правильно говорят. Это распространяется равномерно по всему свету. Похоже, все города, расположенные на одной широте, она поражает в одно и то же время.

— По радио сообщали, дошло уже до Рокхемптона.

— Я тоже слышал, — подтвердил капитан. — И до Элис Спрингс. Надвигается равномерно по широтам.

Хозяин дома хмуро улыбнулся.

— Что толку маяться этими мыслями. Выпейте еще виски.

— Спасибо, пока больше не хочется.

Мистер Дэвидсон налил себе еще немного.

— Во всяком случае, наш черед придет после всех.

— Видимо, так, — сказал Дуайт. — Если все будет как сейчас, Кейптаун выйдет из строя немного раньше Сиднея, примерно в одно время с Монтевидео. И тогда в Африке и в Южной Америке ничего не останется. Из больших городов Мельбурн — самый южный в мире,

так что мы будем почти последними.— Он с минуту подумал.— Возможно, немного дольше протянет бóльшая часть Новой Зеландии и, конечно, Тасмания. Пожалуй, еще недели две-три. Не знаю, есть ли кто-нибудь в Антарктиде. Если есть, они, вероятно, проживут подольше.

— Но из больших городов Мельбурн будет последний?

— Сейчас похоже на то.

Помолчали.

— Что вы станете делать? — спросил наконец фермер.— Пойдете на своей лодке дальше?

— Я еще не решил,— медленно произнес Тауэрс.— Может быть, мне и не придется решать. Я подчиняюсь старшему по чину, капитану Шоу, он сейчас в Брисбене. Он едва ли оттуда двинется, потому что его корабль двинуться с места не может. Возможно, он передаст мне какой-нибудь приказ. Не знаю.

— А будь ваша воля, вы бы отсюда ушли?

— Я еще не решил,— повторил капитан.— Много ли на этом выиграешь? Почти сорок процентов моей команды нашли себе девушек в Мельбурне, а некоторые и женились. Допустим, я направляюсь в Хобарт. Женщин я не могу взять на борт, никаким другим способом им туда не добраться, а если бы и добрались, им негде там жить. Мне кажется, было бы жестоко на последние считанные дни разлучать такие пары, разве что от моряков это потребуется по долгу службы.— Он поднял голову, усмехнулся.— Подозреваю, что они бы все равно не послушались. Большинство скорее всего дезертирует.

— Я тоже так думаю. Скорее всего для них женщины окажутся важнее службы.

Американец кивнул.

— Вполне разумно. Так какой смысл отдавать приказ, если знаешь, что его не выполнят.

— А без этих людей ваша лодка не может выйти в море?

— В общем, может, но только в короткий рейс. До Хобарта недалеко, часов шесть-семь ходу. Туда можно пойти с командой всего в двенадцать человек, даже меньше. При такой нехватке людей мы не станем погружаться и не сможем идти долго. Но если и дойдем до Хобарта или даже до Новой Зеландии, скажем, в Крайстчерч, без полной команды лодка ни к чему

не пригодна, мы не сможем действовать.— Тауэрс докончил не сразу: — Мы будем просто беженцами.

Опять помолчали.

— Я еще вот чему удивляюсь, — сказал наконец фермер. — Почему так мало беженцев. Очень мало приезжих с севера. Из Кэрнса, из Таунсвила, вообще из тех мест.

— Вот как? — переспросил капитан. — Но ведь в Мельбурне и устроиться негде, койки свободной не найдешь.

— Я знаю, люди приезжали. Но можно было ждать куда больше.

— Наверно, радио подействовало, — сказал Дуайт. — Как-никак, речи премьер-министра поддерживали спокойствие. На «Эй-Би-Си» молодцы, говорили людям чистую правду. Да и что за радость — ну, уедешь, бросишь дом, поживешь месяц или два в палатке или в машине, а потом все равно тебя и здесь настигнет то же самое.

— Может, вы и правы, — сказал фермер. — Я слышал, некоторые пожили так неделю-другую, а потом уехали обратно в Квинсленд. Только, по-моему, тут и еще одно. Думается, никто по-настоящему не верит, что это случится — мол, с кем другим, только не со мной, — до последнего не верят, покуда сами не заболеют. А тогда уж не хватает пороку, легче остаться дома и будь что будет. От этой болезни, когда прихватит, уже ведь не излечишься, верно?

— Сомневаюсь. По-моему, вылечиться можно, если уехать туда, где нет радиации, и попасть в больницу, где тебя станут правильно лечить. Сейчас в Мельбурне довольно много таких пациентов с севера.

— Первый раз слышу.

— Понятно. Об этом по радио не сообщают. Да и что они выиграли? Только получают опять то же самое в сентябре.

— Весело, что и говорить. Может, выпьете еще?

— Спасибо, не откажусь. — Тауэрс поднялся и налил себе виски. — Знаете, вот я уже привык к этой мысли, и теперь мне кажется, так даже лучше. Мы ведь все смертны, все умрем, кто раньше, кто позже. Беда была, что человек к смерти не готов, ведь не знаешь, когда придет твой час. Ну, а теперь мы знаем, и никуда не денешься. Мне это вроде даже приятно. Приятно думать: до конца августа я крепок и здоров, а

потом — вернулся домой. Мне это больше по душе, чем тянуть хилому и хворому от семидесяти до девяности.

— Вы военный моряк, офицер. Наверно, вам такие мысли привычнее.

— А вы хотите уехать? — спросил капитан. — Когда подойдет ближе, куда-нибудь переберетесь? В Тасманию?

— Я-то? Бросить ферму? Нет уж. Когда оно придет, я его встречу здесь, на этой самой веранде, в этом кресле, со стаканчиком виски в руке. Или в собственной постели. Свой дом я не брошу.

— Мне кажется, теперь, когда люди поняли, что этого не миновать, почти все так и рассуждают.

Солнце заходило, а они всё сидели на веранде, пока не вышла Мойра и не позвала к столу.

— Допивайте виски и пойдемте за промокашкой, если вы еще держитесь на ногах, — заявила она.

— Как ты разговариваешь с нашим гостем? — упрекнул отец.

— Я знаю нашего гостя куда лучше, чем ты, папочка. Он в каждый кабачок сворачивает, не оттащишь.

— Скорее это ему тебя от выпивки никак не оттащить.

И они вошли в дом.

То были два мирных, отдохновенных дня для Дуайта Тауэrsa. Он передал миссис Дэвидсон и Мойре солидный узел, они разобрали белье и носки и принялись за починку. Каждый день, с рассвета и до сумерек, он помогал Дэвидсону на ферме. Его посвятили в искусство содержать в чистоте овец, забрасывать лопатой силос в тачку и развозить по выгонам; долгими часами он ходил рядом с волом по залитым солнечными лучами пастбищам. Благотворная перемена после жизни взаперти в подводной лодке или на корабле; по вечерам он ложился рано, спал крепким сном и со свежими силами встречал новый день.

В последнее утро, после завтрака, Мойра застала его на пороге чулана — боковушки рядом с прачечной; боковушка теперь служила складом для старых чемоданов, гладильных досок, резиновых сапог и прочего хлама. Дуайт стоял у отворенной двери, курил и смотрел на вещи, сложенные внутри.

— Когда в доме уборка, мы сюда сваливаем вся-

кое барахло и обещаем себе отправить его на распродажу старья. А потом забываем.

Дуайт улыбнулся:

— У нас тоже есть такой чулан, только в нем не так много всего. Может быть, потому, что мы не очень долго прожили на одном месте.— Он все еще с любопытством разглядывал содержимое чулана, потом спросил: — А чей там трехколесный велосипед?

— Мой.

— Вы, наверно, были совсем маленькая, когда на нем катались.

Мойра мельком глянула на велосипед.

— Теперь он кажется крохотным, да? Наверно, мне тогда было года четыре или пять.

— А вот «кузнечик»! — Дуайт дотянулся, вытащил из кучи хлама детский тренажер, скрипучая пружина и подножка рыжие от ржавчины.— Сто лет я их не видал. Одно время у нас в Америке детвора просто помешалась на этих «кузнечиках».

— У нас их одно время забросили, а потом они опять вошли в моду,— сказала Мойра.— Сейчас очень многие ребятишки на них скачут.

— Сколько вам было лет, когда вы на нем прыгали?

Мойра подумала, вспоминая.

— Это было после трехколесного велосипеда, после самоката, но до настоящего велосипеда, двухколесного. Наверно, мне тогда было около семи.

Дуайт все не выпускал из рук тренажер.

— Думаю, самый подходящий возраст. А они сейчас продаются?

— Наверно. Ребятишки на них скачут.

Дуайт положил «кузнечик».

— В Штатах я их уже много лет не видал. Как вы сказали, все зависит от моды.— Он огляделся.— А хо-дули чьи?

— Были моего брата, потом перешли ко мне. Эту сломала я.

— Значит, он старше вас?

Мойра кивнула.

— На два года... на два с половиной.

— Он сейчас в Австралии?

— Нет. Он в Англии.

Дуайт наклонил голову: ничего путного тут не скажешь.

— Ходули, я вижу, высокие,— заметил он.— Тогда вы, наверно, стали постарше.

— Да, наверно, мне было лет десять — одиннадцать.

— Лыжи.— Он на глазок прикинул размер.— А это еще позже.

— Да, на лыжах я стала ходить только с шестнадцати. А эти мне служили до самой войны. Правда, под конец стали чуть коротковаты. А та, другая пара — Дональда.

Дуайт продолжал разглядывать беспорядочную смесь вещей, заполнявших чулан.

— Смотрите-ка, водные лыжи!

Мойра кивнула.

— Мы и сейчас на них катаемся... вернее сказать, катались, пока не началась война.— И не сразу прибавила: — Раньше мы проводили летние каникулы на Баруонском мысу. Мама каждый год снимала там дачу...— Она помолчала, вспоминая приветливый домик, и рядом площадки для гольфа, и теплый песок пляжа, и свежесть, что обдает лицо, когда мчишься вслед за моторкой в облаке пенных брызг.— А вот этой деревянной лопаткой я строила замки из песка, когда была совсем маленькая...

Дуайт улыбнулся ей.

— Занятно это — смотреть на чужие игрушки и представлять себе, как кто выглядел в детстве. Я прямо вижу, как вы в семь лет скакали на этом «кузнечике».

— И ужасная была злючка.— Мойра постояла в раздумье, глядя на дверь чулана, и сказала негромко: — Я нипочем не позволяла маме отдавать кому-нибудь мои игрушки. Говорила — пускай они достанутся моим детям. А теперь у меня детей не будет.

— Очень печально. Но так уж оно получилось,— сказал Дуайт. И затворил дверь, оставляя за нею столько милых сердцу надежд.— Пожалуй, еще до вечера мне надо вернуться на «Скорпион», поглядеть, не затонул ли он на своей стоянке. Не знаете, когда будет дневной поезд?

— Не знаю, но можно позвонить на станцию и спросить. А вам нельзя остаться еще на один день?

— Я бы и рад, детка, но это не годится. У меня на столе наверняка скопилась куча бумаг, и они требуют внимания.

— Насчет поезда я узнаю. А что вы будете делать сегодня утром?

— Я обещал вашему отцу добронить выгон на косогоре.

— Мне надо еще примерно с час крутиться по дому. А потом я бы походила с вами.

— Буду рад. Ваш вол отменный труженик, но с ним много не поговоришь.

После обеда Тауэрсу отдали его тщательно починенные вещички. Он поблагодарил Дэвидсонов за их доброту, уложил чемодан, и Мойра отвезла его на станцию. В Национальной галерее открыта была выставка австралийской духовной живописи; они условились пойти туда, пока выставка не закрылась: Дуайт Мойре позвонит. И вот он в поезде, возвращается в Мельбурн, к своей работе.

Около шести он был уже на авианосце. Как он и думал, на столе ждала груда бумаг и среди них запечатанный конверт с наклейкой «Секретно». Тауэрс ножом взрезал конверт — в нем оказался проект приказа и личная записка Главнокомандующего военно-морскими силами: пусть капитан ему позвонит, надо встретиться и обсудить план предстоящей операции.

Тауэрс просмотрел план. Да, в сущности, этого он и ждал. И такой рейс вполне по силам «Скорпиону», если только вдоль западного побережья Соединенных Штатов вовсе нет мин — на взгляд Тауэрса, весьма смелое предположение.

В тот же вечер он позвонил домой Питеру Холмсу.

— У меня на столе план очередной операции,— сказал он.— И при нем записка, адмирал Хартмен хочет меня принять. Хорошо бы вам завтра приехать и тоже просмотреть этот план. А потом нам бы лучше пойти к адмиралу вместе.

— Я буду на борту завтра рано утром,— сказал офицер связи.

— Отлично. Мне очень неприятно отзывать вас из отпуска, но дело есть дело.

— Ничего страшного, сэр. Правда, я еще одно дерево собирался спилить...

На другое утро в половине десятого Питер сидел в крохотной каюте — рабочем кабинете Тауэрса на авианосце — и читал проект приказа.

— Вы ведь примерно этого и ждали, сэр? — спросил он.

— Примерно,— подтвердил капитан. И повернулся к приставному столику.— Вот все данные, какие у нас есть о минных полях. Вот радиостанция, которую мы должны обследовать. Определили, что она находится где-то в районе Сиэтла. Ну, это не так плохо.— Он взял со стола карту.— Вот тут помечены минные поля пролива Хуан де Фука и Пьюджетского. Мы можем, не подвергаясь опасности, пройти до самых Бремертонских верфей. Могли бы дойти и до Пирл-Харбор, но этого с нас не спрашивают. А вот как с минами в Панамском заливе, у Сан-Диего и Сан-Франциско — об этом мы ровно ничего не знаем.

Питер кивнул.

— Надо будет объяснить это адмиралу. Хотя, думаю, он и сам понимает. И я знаю, с ним вполне можно говорить откровенно.

— Датч-Харбор,— сказал капитан.— Как там с минами, тоже неизвестно.

— И там можно натолкнуться на льды?

— Очень возможно. И еще там туманы, да какие. В это время года без дозорного на мостике туда заходить невесело. Придется в тех краях быть поосторожнее.

— Странно, почему нас туда посылают.

— Трудно сказать. Может быть, адмирал нам объяснит.

Еще некоторое время оба кропотливо изучали карты.

— Каким путем вы бы пошли? — спросил наконец офицер связи.

— Не погружаясь — вдоль тридцатой широты, севернее Новой Зеландии, южнее Питкэрна, до сто двадцатого меридиана. Оттуда строго на север по меридиану. Так мы придем в Штаты, к Калифорнии, примерно у Санта-Барбары. И возвращаться из Датч-Харбор надо бы тем же путем. Строго на юг по сто шестьдесят пятому меридиану мимо Гавайских островов. Заодно по дороге заглянули бы и в Пирл-Харбор. И опять напрямиком на юг, покуда не сможем всплыть где-нибудь возле островов Содружества, а может, немного южнее.

— Сколько же это времени придется идти с погружением?

Капитан сверился с бумагой, лежащей на столе.

— Вчера вечером я пробовал рассчитать. Думаю, мы не будем подолгу оставаться на одном месте, как

в прошлый раз. С погружением пройти надо, по моим расчетам, около двухсот градусов, двенадцать тысяч миль. Скажем, шестьсот часов хода — двадцать пять дней. Да еще дня два на обследование и какие-нибудь задержки. Скажем, двадцать семь дней.

— Под водой это немало.

— «Меч-рыба» шла дольше. Тридцать два дня. Тут главное — сохранять спокойствие и расслабиться.

Офицер связи изучал карту Тихого океана. Его палец уперся в многочисленные рифы и группы островов южнее Гавайских.

— Южнее Гавайев не очень-то расслабишься, когда надо будет крутиться, не всплывая, в этой каше. Да еще под самый конец рейса.

— Знаю.— Капитан пристально разглядывал карту.— Может быть, стоит взять немного западнее и подойти к Фиджи с севера.— И, помолчав, договорил: — Датч-Харбор меня беспокоит больше, чем обратный путь.

Еще с полчаса они изучали карты и план предстоящей операции. Наконец австралиец сказал:

— Да, недурной предстоит рейсик! — Он усмехнулся.— Будет о чем рассказывать внукам.

Капитан вскинул глаза на Питера, потом и сам улыбнулся:

— Вы совершенно правы!

Офицер связи ждал тут же, в каюте, покуда капитан Тауэрс звонил секретарю адмирала. Прием назначили на следующее утро, на десять часов. Больше Холмсу незачем было оставаться на базе; они с капитаном условились встретиться на другое утро незадолго до назначенного часа в приемной у секретаря, и Питер ближайшим поездом отправился в Фолмут.

Он доехал еще до обеда, взял оставленный на станции велосипед и покатил домой. Приехал разгоряченный, с радостью скинул китель и прочее, стал под душ, потом принялся за холодную закуску. Мэри он застал порядком озабоченной: дочка начала слишком бойко ползать.

— Я ее оставила в гостиной на ковре, пошла в кухню чистить картошку. А через минуту смотрю — она уже в коридоре, под самой кухонной дверью. Просто бесенок. Теперь она прямо носится по всему дому, не утонишься.

Сели обедать.

— Нам надо раздобыть какой-нибудь манежик,— сказал Питер.— Знаешь, есть такие деревянные, складные.

Мэри кивнула.

— Я уже об этом думала. Есть такие, у них сбоку в несколько рядов нанизаны пестрые кольца, похоже на счеты.

— Пожалуй, такие манежи еще продаются,— сказал Питер.— Может, мы знаем кого-нибудь, кто больше не заводит детей? Может, у них найдется ненужный?

Мэри покачала головой.

— Я таких не знаю. По-моему, у всех наших друзей родятся младенцы один за другим.

— Я поразведаю в городе, может, найду что-нибудь подходящее.

Пока обедали, все мысли Мэри заняты были дочуркой. Лишь под самый конец она спохватилась и спросила:

— Питер, а что случилось с капитаном Тауэрсом?

— Он получил план новой операции. Наверно, это дело секретное, ты никому не рассказывай. Нас посылают в довольно далекий рейс по Тихому океану. Панама, Сан-Диего, Сан-Франциско, Сиэтл, Датч-Харбор, а возвращаться будем, вероятно, мимо Гавайских островов. Пока все это еще не очень определено.

В географии Мэри была не сильна.

— Кажется, это ужасно длинный путь?

— Да, изрядный. Не думаю, что надо будет пройти его весь. Дуайт очень против захода в Панамский залив, потому что не знает, как там с минными полями, а если туда не заходить, это на тысячи миль короче. Но все равно путь не близкий.

— И надолго это?

— Я еще точно не рассчитал. Примерно месяца на два. Понимаешь,— стал объяснять Питер,— нельзя пойти напрямик, допустим, на Сан-Диего. Капитан хочет как можно меньше времени идти с погружением. А значит, надо будет нестись поверху курсом на восток по какой-то безопасной широте, пока не пересечем на две трети южную часть Тихого океана, а потом взять круто к северу до самой Калифорнии. Это небольшой крюк, зато меньше идти с погружением.

— Сколько же времени вам идти под водой?

— Капитан считает, двадцать семь дней.

— Но ведь это ужасно долго?

— Долгонько. Не рекорд, ничего похожего. Но довольно долго без свежего воздуха. Почти месяц.

— Когда вы отправляетесь?

— Чего не знаю, того не знаю. Сперва предполагалось выйти примерно в середине следующего месяца, но к команде прицепилась эта треклятая корь. Пока от нее не избавимся, выйти нельзя.

— А заболели еще люди?

— Только один — позавчера. Судовой врач полагает, что это последний случай. Если он не ошибается, нам можно будет выйти примерно в конце этого месяца. А если нет, если еще кто-нибудь захворает, тогда уйдем в марте, когда точно — не угадаешь.

— Значит, ты вернешься в июне, а когда точно — неизвестно?

— Думаю, что да. Так ли, эдак ли, к десятому марта мы от кори избавимся. Стало быть, к десятому июня будем дома.

Упоминание о кори вновь пробудило материнскую тревогу:

— Хоть бы Дженнифер не заразилась.

День они провели по-семейному в своем саду, Питер принялся пилить дерево. Оно было не очень большое, и не так уж трудно оказалось перепилить ствол до половины, а потом обвязать веревкой и тянуть с таким расчетом, чтобы оно свалилось на лужайку, а не на дом. До вечернего чая Питер обрубил сучья, прибрал их — пригодятся зимой на топливо — и успел распилить на поленья немалую часть ствола. Малышка проснулась после дневного сна, Мэри разостлала на лужайке ковер и усадила на него дочку. Ушла в дом взять поднос с чашками и всем прочим для чая, а когда вернулась, дочка была уже футов за десять от ковра и усердно грызла кусок коры. Мэри отчитала мужа, посадила его сторожить малышку, а сама пошла за чайником.

— Так не годится, — сказала она, возвратясь. — Без манежа нам не обойтись.

Питер кивнул:

— Завтра утром съезжу в город. Нам назначен прием у начальства, но потом я, наверно, буду свободен. Пойду к Майерсу, погляжу, может, там еще не все распродано.

— Хоть бы удалось купить. Иначе ума не приложу, что делать.

— Давай наденем на нее пояс, вобьем в землю колышек и станем держать ее на привязи.

— Перестань, Питер! — рассердилась жена. — Веревка накрутится ей на шею и задушит!

Питера не впервые обвиняли, что он бессердечный отец, и он уже привык смягчать разгневанную жену. Час они провели на лужайке, играя с малышкой, поощряли ее, когда она ползала по травке под теплыми лучами солнца. Потом Мэри унесла девочку в дом купать и кормить перед сном, а Питер опять взялся пилить поваленное дерево на дрова.

На другое утро он встретился в военно-морском ведомстве с Тауэрсом, и их провели к адмиралу Хартмену, в кабинете оказался еще и капитан из оперативного отдела. Адмирал приветливо поздоровался с ними и предложил сесть.

— Итак, — начал он, — просмотрели вы план операции, который мы вам послали?

— Я очень внимательно его изучил, сэр, — сказал капитан Тауэрс.

— Что-нибудь вызывает у вас сомнения?

— Минные поля, — ответил Тауэрс. — Некоторые места, намеченные для обследования, почти наверняка заминированы. — Адмирал кивнул. — У нас есть точные сведения о Пирл-Харбор и о подступах к Сиэтлу. Об остальных портах мы ничего не знаем.

Некоторое время они подробно обсуждали план действий. Наконец адмирал откинулся на спинку кресла.

— Что ж, общая картина мне ясна. Что и требовалось. — И, помедлив, прибавил: — Пора вам узнать, в чем тут суть.

Суть в розовых очках. Среди ученых есть такое направление, есть люди, которые полагают, что атмосферная радиоактивность может рассеяться, ослабеть очень быстро. Главный их довод: за минувшую зиму осадки в северном полушарии — дождь и снег — так сказать, промыли воздух.

Американец понимающе кивнул.

— По этой теории, — продолжал адмирал, — радиоактивные элементы станут выпадать из атмосферы в почву и в океан быстрее, чем мы предвидели. В этом случае материки северного полушария останутся на многие столетия непригодными для обитания, но перенос радиоактивности к нам станет неуклонно умень-

шаться. И в этом случае жизнь — жизнь человеческая — сможет продолжаться здесь или хотя бы в Антарктиде. Это мнение решительно отстаивает профессор Йоргенсен.

— Таков костяк этой теории, — чуть помолчав, продолжал адмирал. — Большинство ученых с нею не согласны и считают Йоргенсена наивным оптимистом. Из-за мнения большинства мы ничего не сообщали по радио и ни слова не просочилось в печать. Не годится пробуждать в людях напрасные надежды. Но, безусловно, надо исследовать, есть ли тут зерно истины.

— Понимаю, сэр, — сказал Дуайт. — Дело слишком важное. Это и есть главная цель нашего рейса?

Адмирал кивнул.

— Вот именно. Если Йоргенсен прав, при движении от экватора на север вы сперва обнаружите равномерную радиоактивность, но потом она станет ослабевать. Не скажу — сразу, но с какого-то места уменьшение радиации станет явным. Вот почему мы хотели бы, чтобы вы прошли в Тихом океане возможно дальше на север — к мысу Кодьяк и Датч-Харбор. Если Йоргенсен прав, радиоактивность там будет гораздо меньше. Как знать, может, даже она близка к нормальной. Тогда вам удастся выйти на мостик. — Опять короткое молчание. — Конечно, на берегу радиоактивность почвы будет еще очень высока. Но в море, возможно, даже сохранилась жизнь.

— А какая-нибудь проверка уже подтвердила эту теорию, сэр? — спросил Питер.

Адмирал покачал головой.

— Данных почти никаких нет. Командование военно-воздушных сил недавно высылало на разведку самолет. Вы об этом слышали?

— Нет, сэр.

— Так вот, послали бомбардировщик с полным грузом горючего. Он вылетел из Перта на север, достиг Китайского моря, примерно тридцатый градус северной широты, немного южнее Шанхая, и только потом повернул назад. Для ученых это недостаточно, но дальше лететь было нельзя, горючего не хватило бы. Полученные данные не слишком убедительны. Радиоактивность атмосферы все еще нарастает, но в крайней северной части маршрута нарастает медленнее. — Адмирал улыбнулся. — Как я понимаю, наши ученые мужи

все еще спорят. Йоргенсен, разумеется, утверждает, что его теория победила. Что, если достичь пятидесятой или шестидесятой широты, падение радиоактивности обнаружится безусловно.

— Шестидесятая широта, — повторил Тауэрс. — Мы можем подойти довольно близко, в глубь залива Аляски. Надо будет только остерегаться льдов.

Еще некоторое время обсуждали технические подробности рейса. Решили взять на «Скорпион» защитные костюмы, чтобы, если радиация окажется не слишком сильна, один или двое подводников могли выйти на мостик, а в одном из аварийных люков устроить дезактивационный душ. В надстройке взять надувную резиновую лодку, к кормовому перископу прикрепят новую пеленгаторную антенну.

— Что ж, по нашей части все ясно, — сказал наконец адмирал. — Думаю, теперь пора посоветоваться с учеными и с прочими, кого это касается. Я созову такое совещание на той неделе. А пока вы, капитан, повидайте коменданта порта или кого-нибудь из его подчиненных и договоритесь, чтобы на верфи проделали всю техническую работу. Я хотел бы, чтобы к концу следующего месяца вы могли отправиться.

— Думаю, это вполне возможно, сэр, — сказал Дуайт. — Работы не так уж много. Единственное, что нас еще может задержать, это корь.

Адмирал коротко засмеялся.

— На карту поставлена судьба человеческой жизни на Земле, а мы застреваем из-за детской болезни! Ладно, капитан. Я знаю, вы сделаете все, что только в ваших силах.

Выйдя от адмирала, Дуайт и Питер разделились. Дуайт пошел к коменданту порта, Питер — на Альберт-стрит разыскивать Джона Осборна. Он пересказал ученому все, что услышал в это утро.

— Знаю я рассуждения Йоргенсена, — нетерпеливо перебил Осборн. — Старик просто спятил. Смотрит на все сквозь розовые очки.

— По-вашему, тому, что обнаружили летчики — будто чем дальше на север, тем медленней нарастает радиация, — невелика цена?

— Я не оспариваю их свидетельство. Не исключено, что эффект Йоргенсена существует. Вполне возможно. Но один только Йоргенсен воображает, будто от этого что-то изменится.

Питер поднялся.

— «Оставим споры мудрецам», — язвительно перифразировал он Хайяма. — Пойду покупать манежик для моей старшей незамужней дочери.

— Где вы думаете его купить?

— У Майерса.

Физик поднялся.

— Я пойду с вами. Хочу показать вам кое-что на Элизабет-стрит.

Он не сказал моряку, что именно хочет показать. Через центр города, где на улицах не было ни одной машины, они прошли в район трамвайного движения, свернули в проулок и вышли к городским конюшням. Джон Осборн достал из кармана ключ, отпер и распахнул двустворчатые двери огромного строения.

Прежде здесь был гараж некоего торговца автомобилями. Вдоль стен рядами стояли затихшие машины, иные без номеров, все в пыли и в грязи, со спущенными обмякшими шинами. А посреди гаража стоит гоночная машина. Одноместная, ярко-красная. Очень маленькая машина, очень низкий корпус, обтекаемый капот скошен вперед, лобовое стекло совсем низко, чуть не у самой земли. Шины тугие, вся машина любовно, заботливо вымыта и отполирована; при свете, хлынувшем из дверей, она так и засверкала. И чувствовалась в ней убийственная скорость.

— Боже милостивый! — вырвалось у Питера. — Это что такое?

— Это «феррари», — сказал Джон Осборн. — На ней за год до войны участвовал в гонках Доницетти. Он тогда выиграл главный приз в Сиракузах.

— Как она сюда попала?

— Ее купил и переправил морем Джонни Бауэлс. Но началась война, не до гонок, он так на ней и не ездил.

— А чья она теперь?

— Моя.

— Ваша?!

Ученый кивнул.

— Я всю жизнь обожал автомобильные гонки. Всегда мечтал стать гонщиком, но денег на это не было. А потом прослышал про этот «феррари». Бауэлс сгинул в Англии. Я пошел к его вдове и предложил за эту игрушку сотню фунтов. Конечно, она решила, что я спятил, но рада была продать машину.

Питер обошел вокруг маленького «феррари» с большими колесами, осмотрел его со всех сторон.

— Согласен со вдовой. Что вы собираетесь с ним делать?

— Пока не знаю. Знаю только, что мне принадлежит, надо полагать, самая быстроходная машина на свете.

Это прозвучало заманчиво.

— Можно, я в ней посижу? — спросил моряк.

— Валяйте.

Питер втиснулся на узкое сиденье.

— Какую скорость на ней можно выжать?

— Толком не знаю. Уж наверно двести в час.

Питер сидел в машине, ощупывал баранку, касался пальцами кнопок и рычагов. Чудесно: кажется, этот автомобильчик — часть тебя самого.

— Вы на ней ездили?

— Пока нет.

Питер нехотя вылез.

— А чем замените бензин? — спросил он.

Физик усмехнулся:

— Она его не пьет.

— Не требует бензина?

— Ей нужна особая эфирно-спиртовая смесь. Для обычного автомобиля такое горючее не годится. В огороде у моей матери запасено восемь баррелей этой смеси,— Осборн широко улыбнулся.— Я сперва обеспечил себе запас, а уж потом купил машину.

Он поднял капот «феррари», и они некоторое время разглядывали двигатель. Возвратясь из первого плаванья на «Скорпионе», Джон Осборн каждую свободную минуту только и делал, что начищал и обихаживал свою гоночную машину; дня через два он надеялся, испытать ее на ходу.

— Что хорошо,— сказал он, расплываясь в улыбке,— на дорогах свободно, ни с кем не столкнешься и в пробке не застрянешь.

Они нехотя расстались с «феррари» и заперли гараж. Постояли на тихой лужайке.

— Если мы уйдем в рейс к концу следующего месяца, то вернемся примерно в начале июня,— заговорил Питер.— Я все думаю о Мэри и малышке. Как по-вашему, ничего с ними не случится до нашего возвращения?

— Вы про радиацию?

Моряк кивнул.

Физик постоял в раздумье.

— Я могу только гадать, как любой другой,— сказал он наконец.— Может быть, она станет надвигаться быстрее, а может — медленнее. До сих пор она распространялась очень равномерно по всей Земле и двигалась на юг примерно с той скоростью, какую мы предвидели. Сейчас она южнее Рокхемптона. Если и дальше пойдет так, к началу июня она будет южнее Брисбена — самую малость южнее. Миль на восемьсот к северу от нас. Но, повторяю, движение может ускориться, а может и замедлиться. Вот и все, что я могу сказать.

Питер прикусил губу.

— Это тревожно. Неохота прежде времени переполошить своих. А все-таки мне было бы спокойнее, знай они, что делать, если меня не будет рядом.

— Вы и без того не всегда рядом,— заметил Осборн.— Мало ли какие случаи бывают и кроме радиации, вполне естественные. Минные поля, льды... всего не предусмотреть. Я вот не знаю, что с нами будет, если мы под водой на полном ходу врежемся в айсберг.

— Зато я знаю,— сказал Питер.

Физик засмеялся.

— Ладно, будем надеяться, что это нас минует. Я хочу вернуться и прокатиться на той штуке,— он кивнул в сторону машины за дверями гаража.

— Все-таки тревожно,— повторил Питер. Они вышли на улицу, которая привела их сюда.— Надо мне что-нибудь придумать, пока мы не отплыли.

В молчании вышли на главную улицу. Джон Осборн повернул к своему институту.

— Нам по дороге? — спросил он.

Питер покачал головой.

— Я попробую купить манежик для дочки. Мэри говорит, если мы не достанем манеж, малышка разобьется насмерть.

Они расстались, и ученый пошел своей дорогой, благодаря судьбу за то, что не женился.

Питер пошел по магазинам, и ему повезло — уже со второй попытки он нашел детский манеж. Это приспособление хоть и складывается, но нести его в толпе несподручно; Питер не без труда добрался со своей ношей до трамвая и довез ее до остановки на Флин-

дерс-стрит. К четырем часам дня он был в Фолмуте. Оставил покупку в камере хранения, чтобы позже вернуться за ней с прицепом, и на велосипеде не спеша поехал по торговому центру. Зашел в аптеку, где семья всегда покупала лекарства, они с владельцем были знакомы не первый день. Питер спросил девушку за прилавком, нельзя ли видеть мистера Гоулди.

К нему вышел сам аптекарь в белом халате.

— Можно нам поговорить с глазу на глаз? — спросил Питер.

— Ну конечно, капитан.— И он провел посетителя в бесплатное отделение.

— Я хотел с вами потолковать насчет этой радиационной болезни,— начал Питер. Лицо аптекаря оставалось бесстрастным.— Я должен уехать. Отплываю на «Скорпионе», на американской подводной лодке. Рейс дальний. Мы вернемся никак не раньше начала июня.— Аптекарь медленно кивнул.— И поход будет не из легких,— продолжал моряк.— Может случиться, что мы и вовсе не вернемся.

Минуту-другую оба стояли молча.

— Вы думаете о миссис Холмс и о Дженнифер? — спросил аптекарь.

Питер кивнул.

— Пока я еще здесь, я хочу, чтобы жена толком поняла, что и как.— Он чуть помолчал.— Скажите, что, собственно, происходит, когда заболеешь?

— Первый симптом тошнота,— сказал аптекарь.— Потом рвота и понос. Кровавый понос. Все это усиливается. Может немного и полегчать, но улучшение очень кратковременное. И наконец смерть просто-напросто от истощения.— Он минуту помолчал.— Под самый конец непосредственной причиной смерти может стать инфекция или лейкемия. Понимаете, организм обезвоживается, теряет соли, и кроветворные органы разрушаются. Возможна либо та, либо другая причина.

— Кто-то говорил, это вроде холеры.

— Верно,— подтвердил аптекарь.— Очень похоже на холеру.

— У вас ведь есть какое-то средство от этой болезни?

— Боюсь, лекарства нет.

— Я не про то, чтобы лечить. Но чтобы с этим покончить.

— Мы пока не имеем права это отпускать, капитан. Примерно за неделю до того, как радиация накроет очередной округ, радио сообщит подробности. Тогда мы станем раздавать это средство всем, кто ни попросит.— Он помедлил.— Возможно, на нас обрушится гнев церкви... Но я так думаю, каждый будет решать сам.

— Я должен постараться, чтобы жена все поняла,— сказал Питер.— Ей ведь надо будет заботиться о малышке... А меня, возможно, здесь не будет. До отъезда я должен это уладить.

— Когда придет время, я могу все объяснить миссис Холмс.

— Я предпочел бы объяснить сам. Она, наверно, расстроится.

— Ну конечно...— Аптекарь постоял в раздумье, потом предложил: — Пройдемте на склад.

Он отворил запертую на ключ дверь и провел Питера в лабораторию. В углу стоял большой ящик, крышка приподнята. Аптекарь ее откинул. Ящик заполняли красные коробочки двух размеров.

Аптекарь достал две коробочки — побольше и поменьше — и пошел обратно в раздаточную. Открыл коробочку поменьше; в ней оказался пластиковый флакончик с двумя белыми таблетками. Он откупорил флакончик, вынул таблетки, осторожно отложил и заменил двумя таблетками аспирина. Опять вложил флакончик в коробку и закрыл ее. И подал Питеру со словами:

— Это — для всех, кто захочет что-то принять. Возьмите и покажите миссис Холмс. Одна дает почти мгновенную смерть. Вторая — запасная. Когда настанет время, мы будем их раздавать прямо из-за прилавка.

— Большое спасибо,— сказал Питер.— А как быть с ребенком?

Аптекарь поднял другую коробочку.

— Для ребенка или для наших четвероногих любимцев — для кошки или собаки. Это немного сложнее.— Он открыл коробочку, достал маленький шприц.— У меня есть использованный, вот, я кладу в коробку. На ней написано все, что надо. Просто сделать укол под кожу. Девочка очень быстро уснет.

Он опять вложил пустышку в красный футляр и обе коробочки подал Питеру. Моряк с благодарностью их взял.

— Вы очень добры,— сказал он.— И когда придет время, жена сможет просто получить их в аптеке?
— Совершенно верно.
— Сколько они будут стоить?
— Нисколько,— сказал аптекарь.— Они бесплатные.

5

Из трех подарков, которые в тот вечер Питер Холмс привез жене, больше всего ее обрадовал манеж.

Новехонький манежик, светло-зеленый, с несколькими рядами нанизанных на проволоку ярких разноцветных колец. Еще не войдя в дом, Питер расставил его на лужайке и позвал Мэри. Она вышла, придирчиво осмотрела покупку, проверила устойчивость — не сможет ли малышка его опрокинуть, повалить на себя.

— Надеюсь, краска держится прочно. Ты же знаешь, Дженнифер пробует сосать все, что попадетсЯ. А зеленая краска такая вредная. В нее входит медный купорос.

— Я спрашивал в магазине,— успокоил жену Питер.— Это не масляная краска, это особенная. Чтоб ее слизнуть, ребенку нужна слюна пополам с ацетоном.

— Дженнифер почти со всех игрушек обсосала краску.— Мэри немного отступила, оглядела манежик.— Такой приятный цвет. Очень подойдет к занавескам в детской.

— Я так и думал,— сказал Питер.— Там был еще голубой манеж, но я подумал, что тебе этот больше понравится.

— Мне очень нравится! — Мэри обняла мужа, поцеловала.— Чудесный подарок. Ты, наверно, совсем измучился с ним в трамвае. Большущее спасибо!

— Ничуть я не измучился,— Питер ответил поцелуем.— Я так рад, что тебе понравилось.

Мэри пошла в дом за дочкой, усадила ее в манеж. Потом они понемножку выпили и посидели на лужайке возле манежа, курили и смотрели, как поведет себя дочка на новоселье. Крохотная лапка крепко уцепилась за столбик манежа.

— Смотри, ей теперь есть за что держаться, вдруг она слишком рано начнет вставать на ножки? — встре-

вожилась Мэри.— Ведь без этого она еще не скоро научилась бы ходить. А когда маленькие начинают ходить раньше времени, они растут кривоногими.

— Думаю, можно этого не бояться,— возразил Питер.— Я хочу сказать, у всех детей бывают такие манежи. И у меня был когда-то, а я ведь не вырос кривоногим.

— Да, наверно, если б не манеж, она нашла бы другую опору. Держалась бы за стул, мало ли.

Когда Мэри пошла купать и укладывать малышку, Питер отнес манеж в дом и расставил в детской. Потом накрыл стол к ужину. Потом вышел на веранду и постоял, нащупывая в кармане красные коробочки, и спрашивал себя, как же, черт возьми, вручить жене еще и эти подарки.

Наконец вернулся в дом и налил себе виски.

Он вручил их в тот же вечер, незадолго до того, как Мэри, прежде чем им лечь спать, еще раз подняла девочку. Он сказал запинаясь:

— Пока я не ушел в рейс, мне надо еще кое о чем с тобой поговорить.

Мэри подняла на него глаза.

— О чем?

— Насчет лучевой болезни, которой сейчас люди болеют. Есть вещи, которые тебе следует знать.

— А, это! — с досадой перебила Мэри.— До сентября еще далеко. Не хочу я про это говорить.

— Боюсь, поговорить надо.

— Не понимаю, с какой стати. Когда придет время, тогда мне все и скажешь. Когда мы будем знать, что это близко. Миссис Хилдред говорит, ее мужу кто-то сказал, что в конце концов до нас не дойдет. Вроде оно движется все медленнее. Нас это не коснется.

— Не знаю, с кем там говорил муж миссис Хилдред. Но только это сплошное вранье. До нас дойдет, будь уверена. Может быть, в сентябре, а может быть, и раньше.

Мэри широко раскрыла глаза.

— По-твоему, мы все заболеем?

— Да,— сказал Питер.— Мы все заболеем этой болезнью. И все от нее умрем. Поэтому я и хочу тебе кое-что объяснить.

— А разве нельзя объяснить попозже? Когда уж мы будем знать, что это и правда нас не минует?

Питер покачал головой.

— Лучше я скажу теперь. Понимаешь, вдруг меня в это время здесь не будет. Вдруг все пойдет быстрее, чем мы думаем, и я не успею вернуться из рейса. Или со мной что-нибудь случится — попаду под автобус, мало ли.

— Никаких автобусов больше нет, — негромко поправила Мэри. — Это ты про свою подводную лодку.

— Пусть так. Мне куда спокойней будет в походе, если я буду знать, что ты во всем разбираешься лучше, чем сейчас.

— Ну ладно, рассказывай, — нехотя уступила Мэри.

Питер задумался. Заговорил не сразу:

— Рано или поздно все мы умрем. Не думаю, что такая смерть много хуже любой другой. Дело в самой болезни. Сперва мутит, а потом и впрямь начинает тошнить. И это не проходит, что ни съешь, тебя выворачивает наизнанку. В желудке ничего не удерживается. Понос. Становится хуже и хуже. Может немножко полегчать, а потом опять все сизнова. Под конец совсем ослабеешь... ну и умираешь.

Мэри выдохнула длинную струю дыма.

— И долго все это тянется?

— Я не спрашивал. Думаю, у всех по-разному. Дня два, три. А если на время поправишься, пожалуй что две-три недели.

Помолчали.

— Много пачкотни, — сказала наконец Мэри. — Наверно, если все захворают сразу, так и помочь некому? Ни докторов не будет, ни больниц?

— Думаю, так. Думаю, тут каждый воет в одиночку.

— Но ты будешь здесь, Питер?

— Да, — успокоил он. — Я говорю просто на всякий случай, один на тысячу.

— Но если я окажусь одна, кто присмотрит за Дженнифер?

— Давай пока не говорить о Дженнифер. О ней после. — Питер наклонился к жене. — Вот что главное, родная. Выздороветь нельзя. Но незачем умирать в грязи. Когда все станет худо, можно умереть пристойно.

Он достал из кармана меньшую из двух красных коробочек.

Мэри впилась в нее взглядом. Прошептала:

— Что это?

Питер открыл коробочку, вынул пластиковый пузырек.

— Это бутафория,— сказал он.— Пилюльки не настоящие. Гоулди дал мне их, чтобы показать тебе, что надо делать. Берешь одну и запиваешь — чем угодно. Что тебе больше нравится. А потом ложишься — и конец.

— И умираешь? — Сигарета в пальцах Мэри погасла.

Питер кивнул.

— Когда станет совсем скверно, это выход.

— А вторая пилюля зачем? — шепотом спросила Мэри.

— Запасная. Наверно, ее дают на случай, если ты одну потеряешь или со страха выплунешь.

Мэри молчала, не сводя глаз с красной коробочки.

— Когда придет время, об этом прямо скажут по радио. Тогда просто надо пойти в аптеку Гоулди и спросить у девушки за прилавком такую коробочку, чтоб была дома, у тебя под рукой. Тебе дадут. Их будут давать всем, кто захочет.

Мэри бросила погасшую сигарету, потянулась и взяла у Питера коробочку. Прочитала напечатанные черными буквами наставления. И наконец сказала:

— Питер, как бы худо мне ни было, я так не смогу. Кто тогда позаботится о Дженнифер?

— От этой болезни никто не уйдет. Ни одно живое существо. Собаки, кошки, дети — все заболеют. И я. И ты. И Дженнифер.

Мэри посмотрела на него с ужасом.

— И Дженнифер тоже заболеет этим... этой холерой?

— Да, родная. Этого никому не миновать.

Мэри опустила глаза.

— Что за гнусность! — сказала яростно. — Мне не так уж обидно за себя. Но... но это просто подло!

Питер попытался ее утешить:

— Всех нас ждет один конец. Мы с тобой потеряем многие годы, которые надеялись прожить, а Дженнифер и вовсе не узнает жизни. Но она не будет мучиться. Когда никакой надежды не останется, ты ей это облегчишь. Надо будет собраться с духом, но ты ведь храбрая. Вот что тебе придется сделать, если я к тому времени не вернусь.

Он достал вторую красную коробочку и начал объяснять, как обращаться с шприцем, жена смотрела на него со все возрастающей враждебностью.

— Я плохо понимаю,— сказала она сердито.— Ты что же, стараешься растолковать, как мне убить Дженнифер?

Он понимал, что бури не миновать и надо ее выдержать.

— Да, верно,— сказал он.— Если станет необходимо, придется тебе это сделать.

И тут ее взорвало.

— По-моему, ты сошел с ума! — гневно воскликнула она.— В жизни я ничего подобного не сделаю, как бы Дженнифер ни болела. Буду заботиться о ней до последнего. Ты, видно, совсем помешался. Ты ее не любишь, вот и все. Никогда ты ее не любил. Она тебе всегда была помехой, она тебе просто надоела. А мне не надоела. Вот ты мне надоел. Надо же, до чего дошло, ты мне объясняешь, как ее убить.— Мэри вскочила, бледная от бешенства.— Скажи еще хоть слово, и я тебя убью!

Никогда еще Питер не видел жёну такой. Он тоже поднялся.

— Как знаешь,— сказал он устало.— Не хочешь этим пользоваться — не надо.

— Тут что-то кроется,— со злостью продолжала Мэри.— Ты обманщик, ты хочешь, чтоб я убила Дженнифер и покончила с собой, хочешь от нас избавиться. А сам уйдешь к другой женщине.

Такого оборота Питер не ждал.

— Не будь душой,— резко перебил он.— Если я вернусь, я и сам приму это зелье. А если не вернусь, если в такое время ты осталась одна, значит, я уже мертвый. Пошевели наконец мозгами, сообрази. Это будет значить — я уже мертвый.

Мэри молча, сердито смотрела на него в упор.

— Подумай лучше вот о чем. Вдруг Дженнифер проживет дольше тебя.— Питер поднял первую из красных коробочек.— Ты можешь выбросить это в мусорное ведро. Можешь сопротивляться болезни изо всех сил, до самой смерти. А Дженнифер будет еще жива. Представь-ка себе, она живет еще несколько дней, лежит в кровати, вся перепачканная, и захлебывается рвотой, и плачет, а ты лежишь рядом на полу мертвая, и некому ей помочь. В конце концов, ясное дело, она

умрет. Хочешь для нее такой смерти? А вот я не хочу.— Он отвернулся.— Подумай-ка об этом и не будь такой бестолковой дурехой.

Мэри молчала. На мгновение Питеру показалось — сейчас она упадет, но он был так зол, что не подошел ее поддержать.

— Пора тебе проявить хоть на грош мужества и посмотреть правде в глаза,— сказал он.

Мэри повернулась и выбежала вон, почти сразу до него донеслись из спальни ее рыдания. Но он не пошел к ней. Он налил себе виски с содовой, вышел на веранду, опустил в шезлонг и сидел, глядя на море. Черт побери женщин, живут, укрытые от суровой действительности, в своем воображаемом розовом мирке! Будь они способны посмотреть правде в глаза, они были бы опорой мужчине, верной, надежной опорой. А когда жена цепляется за свой воображаемый мирок, она просто жернов на мужниной шее.

Около полуночи, после третьей порции виски, Питер пошел в дом, в спальню. Мэри лежит в постели, свет погашен... боясь ее разбудить, Питер разделся в темноте. Мэри лежала к нему спиной; он отвернулся от нее и уснул, виски помогло. А среди ночи, часа в два, проснулся и услышал рядом ее всхлипывания. Питер протянул руку, утешая. Все еще всхлипывая, она повернулась к нему.

— Прости, Питер, я была такая дура.

О красных коробочках больше не говорили, но наутро Питер положил их в домашнюю аптечку в ванной, засунул поглубже — они не слишком бросались в глаза, но Мэри никак не могла вовсе их не заметить. И к каждой приложил записку с объяснением, что это бутафория, но вот где и как можно будет получить настоящую. И каждую записку закончил несколькими словами, полными любви, ведь очень возможно, что она их прочтет, когда его уже не будет в живых.

Настал март, а все еще держались по-летнему погожие славные деньки. Из команды «Скорпиона» больше никто не заболел корью, переоборудование лодки подвигалось быстро — у механиков верфи, в сущности, не было другой работы. Питер Холмс спилил еще одно дерево, разделал на дрова, сложил их так, чтобы к зиме высохли и годились в печку, и принялся корчевать пни, готовя землю под огород.

Джон Осборн завел свой «феррари» и выехал на

дорогу. В эти дни автомобильная езда не запрещалась. Не всякий мог разжиться бензином, ведь считалось, что горючего в стране нет; запасы, хранившиеся для больниц и врачей, уже истощились. Однако на дорогах изредка еще могла промелькнуть случайная машина. Когда с горючим стало туго, каждый владелец автомобиля постарался припрятать у себя в гараже или в каком-нибудь укромном местечке канистру-другую, и если уж доходило до крайности, черпал из этих запасов. Появление Осборнова «феррари» на дороге не требовало вмешательства полиции, даже когда нога его скользила на непривычной педали акселератора и посреди города, на Бёрк-стрит он вдруг включал вторую скорость — восемьдесят пять миль в час. Если при этом он кого-нибудь не задавит, не станет полиция придирается к такой мелочи.

И он никого не задавил, но перепугался изрядно. В округе Саут Джипсленд, близ городка Турадин находился автодром некоего клуба гонщиков-любителей. Это была широкая асфальтированная дорога, которая никуда не вела — в частных владениях, недоступная для посторонней публики. Был на ней один участок, прямой как стрела, и немало крутых изгибов и поворотов. Изредка и теперь еще здесь устраивались гонки, почти без зрителей — им не на чем было сюда добираться. Где азартные любители гонок брали горючее, оставалось тщательно хранимым секретом, вернее, множественством секретов, похоже, у каждого был свой тайник; Джон Осборн припрятал в огороде у своей матери восемь канистр первоклассного горючего для гоночных машин.

Джон Осборн ездил на автодром на «феррари» несколько раз — сначала тренироваться, а потом и участвовал в гонках, но только в гонках на короткие расстояния: сэкономил горючее. Эта машина прибавила смысл его существованию. Прежде он вел жизнь ученого, человека, который обдумывает свои теории в стенах кабинета или, в лучшем случае, в лаборатории. Действовать ему не приходилось. Он не привык рисковать, не встречался с опасностью, и оттого жизнь его была бедной, неполной. Когда его призвали к научной работе на подводной лодке, он был радостно взволнован неожиданным поворотом житейской колеи, однако втайне отчаянно боялся каждого погружения. Во время похода на север ему удалось владеть собой и вы-

полнять свои обязанности, почти не выказывая нервного напряжения, но о предстоящем плаванье — почти месяц под водой! — он не мог думать без ужаса.

С покупкой «феррари» все стало по-другому. Вести такую машину — это всякий раз захватывало. На первых порах водитель он был неважный. Разгонялся на прямой дороге примерно до ста пятидесяти миль в час, а надежно сбросить скорость перед поворотом не удавалось. Поначалу при каждом повороте он ставил на карту жизнь, дважды машину заносило, и он оказывался на поросшей травой обочине, дрожащий, бледный, вне себя от стыда, — надо ж так варварски обращаться с машиной! После каждого короткого пробега или тренировки он понимал, сколько наделал ошибок, такое повторять нельзя, ведь он лишь чудом остался жив.

Острота этих ощущений увлекала его, поглощая все мысли, даже предстоящий рейс «Скорпиона» больше не страшил. Никакая опасность не сравнится с теми, с какими играет он на своей гоночной машине. Это плаванье стало казаться лишь нудной работой, придется на нее угробить долю драгоценного времени, а затем он вернется в Мельбурн и оставшиеся три месяца, до самого конца, посвятит автомобильным гонкам.

Как все остальные гонщики, он немало времени тратил на поиски еще припрятанных кое-где запасов горючего.

Сэр Дэвид Хартмен провел совещание, как это было загодя условлено. На совещание отправился Дуайт Тауэрс, капитан «Скорпиона», и взял с собой офицера связи Холмса. И еще специалиста по радио и электронике лейтенанта Сандерстрома, ведь почти наверняка речь пойдет о радиосигналах из Сизтла. От ученых присутствовали директор НОНПИ и Джон Осборн, был здесь комендант порта с помощником, и наконец, один из секретарей премьер-министра.

Открывая совещание, Главнокомандующий военноморскими силами сказал о сложностях задуманной операции:

— Я хотел бы, и таково прямое указание премьер-министра, чтобы «Скорпион» во время похода не подвергал себя чрезмерной опасности. Прежде всего нам нужны результаты научных наблюдений, ради них мы и посылаем подводную лодку. Поскольку антенна лодки

невысока, а идти почти все время надо будет с погружением, мы не можем ждать постоянной радиосвязи. Уже по одной этой причине «Скорпион» должен благополучно вернуться, иначе вся операция потеряет смысл. Кроме того, ваша лодка — единственное оставшееся у нас судно дальнего действия, пригодное для связи с Южной Америкой и Южной Африкой. Учитывая все это, я внес коренные изменения в маршрут, который мы обсуждали на предыдущем нашем совещании. Обследование Панамского канала отменяется. Сан-Диего и Сан-Франциско также отменяются. Там всюду могут быть минные поля. Капитан Тауэрс, не скажете ли нам вкратце, какие у вас соображения насчет минных полей?

Дуайт коротко изложил, что ему известно о минах и что неизвестно.

— Сиэтл нам доступен и весь Пьюджетский пролив тоже. И Пирл-Харбор. Думаю, незачем особенно опасаться мин вокруг залива Аляски, вряд ли их ставили там, где льды всегда в движении. В тех широтах льды сами по себе — задача не простая, «Скорпион» ведь не ледокол. И все же, я полагаю, мы можем попробовать туда пройти без особого риска для лодки. Если и не удастся пройти до шестидесятой широты, что ж, сделаем все, что в наших силах. Думаю, мы сумеем выполнить почти все, что вам желательно.

И опять пошел разговор о радиосигналах, все еще доносящихся откуда-то из района Сиэтла. Сэр Филип Гудол, директор НОНПИ, предъявил сводку передач, полученных после войны.

— В большинстве эти сигналы непонятны, — сказал он. — Они поступают через неопределенные промежутки времени, больше зимой, чем летом. Частота — 4.92 мегагерц. (Тут специалист по радиотехнике сделал пометку в своих записях.) За все время перехвачено сто шестьдесят девять передач. Из них в трех можно было различить сигналы по азбуке Морзе, всего семь сигналов. В двух случаях явно распознавались английские слова, по одному в каждой передаче. Все остальное в этих передачах расшифровке не поддается; если кто-нибудь хочет взглянуть, записи при мне. Понятные два слова — ВОДА и СВЯЗЬ.

— Сколько в целом часов продолжались передачи? — спросил сэр Дэвид Хартмен.

— Около ста шести часов.

— И за все это время голько два понятных слова? Остальное — невнятица?

— Совершенно верно.

— Думаю, что и в этих двух словах смысла нет. Вероятно, передачи — случайность. В конце концов, если несчетное множество обезьян станет барабанить на несчетном множестве пишущих машинок, которая-нибудь из них напечатает комедию Шекспира. По-настоящему выяснить требуется одно: каким образом вообще возникают эти передачи? Очевидно, еще существует какой-то источник электрической энергии. Возможно, тут действуют и какие-то люди. Это маловероятно, но все может быть.

Лейтенант Сандерстром наклонился к своему командиру, что-то ему шепнул. Дуайт объявил во всеуслышание:

— Мистеру Сандерструму известны радиостанции тех мест.

— Не уверен, что знаю их все, — застенчиво сказал лейтенант Сандерстром. — Лет пять назад я проходил на острове Санта-Мария практику по морской связи. Передачи шли в том числе на частоте 4.92 мегагерц.

— А где этот остров? — спросил адмирал.

— Совсем рядом с Бремертоном в Пьюджетском проливе, сэр. Там на побережье есть еще несколько станций. А здесь находится главная во всем районе школа морской связи.

Капитан Тауэрс развернул карту и показал пальцем:

— Вот этот остров, сэр. Его соединяет с материком мост, он ведет к Манчестеру, совсем рядом с Клемским заливом.

— И велик ли радиус действия этой станции на Санта-Марии? — спросил адмирал.

— Наверно не знаю, но, думаю, передачи можно поймать в любой точке земного шара, — был ответ.

— Станция и выглядит как кругосветная? Очень высокие антенны?

— Очень, сэр. Антенны такие — есть на что посмотреть. Я так думаю, эта станция — часть системы постоянной связи, которая охватывает весь Тихий океан, но наверняка не скажу. Я только учился в школе связи.

— Вам не случалось связываться с этой станцией напрямую с какого-нибудь корабля, где вы служили?

— Нет, сэр. Мы работали на других частотах.

Поговорили еще о технике радиосвязи.

— Если это и впрямь окажется Санта-Мария, пожалуйста, нам не трудно будет обследовать остров,— сказал наконец Дуайт и мельком глянул на основательно изученную еще прежде карту, проверяя себя.— Глубина совсем рядом с островом — сорок футов. Пожалуйста, мы даже сможем остановиться у самой пристани. На крайний случай у нас есть надувная лодка. Если уровень радиации не чересчур высок, можно будет ненадолго послать человека на берег — разумеется, в защитном костюме.

— Пошлите меня,— с готовностью вызвался лейтенант Сандерстром.— Я там все ходы и выходы знаю.

На том и порешили и стали обсуждать теорию Йоргенсена: какими научными наблюдениями можно подтвердить ее или опровергнуть.

После совещания Дуайт встретился с Мойрой Дэвидсон, они собирались вместе пообедать. Она заранее выбрала скромный ресторан в центре, Дуайт пришел туда первым. Она появилась с небольшим чемоданчиком в руках. Поздоровались, и Дуайт предложил Мойре перед обедом выпить. Она попросила коньяку с содовой, Дуайт, заказывая, спросил ее:

— Двойную порцию?

— Нет, обычную,— был ответ.

Дуайт, не выразив ни удивления, ни одобрения, кивнул официанту. Глянул на чемоданчик.

— Ходили по магазинам?

— По магазинам! — возмутилась Мойра.— Это я-то, воплощенная добродетель!

— Прошу прощения. Собрались куда-нибудь съездить?

— Нет.— Мойра явно наслаждалась его любопытством.— Угадайте с трех раз: что тут в чемодане?

— Коньяк.

— Нет. Коньяк уже во мне.

Дуайт чуть подумал.

— Большой острый нож. Вы намерены вырезать из рамы какую-нибудь картину на библейский сюжет и повесите ее у себя в ванной.

— Не то. Угадывайте в последний раз.

— Ваше вязанье.

— Я не умею вязать. Не признаю никаких успокоительных занятий. Пора бы вам это знать.

Им подали коньяк и содовую.

— Ладно, сдаюсь,— сказал Дуайт.— Так что же у вас тут?

Мойра открыла чемоданчик. Внутри лежали репортерский блокнот, карандаш и учебник стенографии. Дуайт широко раскрыл глаза.

— Послушайте, неужели вы взялись изучать эту штуковину?!

— А чем плохо? Вы же сами мне посоветовали.

Дуайту смутно вспомнилось, что однажды от нечего делать он и правда сказал ей — занялась бы стенографией.

— Вы что же, берете уроки?

— Каждое утро. Мне надо быть на Рассел-стрит в половине десятого. Я — и половина десятого! Приходится вставать, когда и семи еще нет!

— Прямо беда! — усмехнулся Дуайт.— А зачем вам это?

— Надо же чем-то заняться. Мне надоело бороться навоз.

— И давно вы этим занимаетесь?

— Три дня. Делаю огромные успехи. Вывожу загогулины, кого угодно перезагожую.

— А вы, когда пишете, понимаете, что загогулины означают?

— Пока нет,— призналась Мойра и отпила глоток.— Для этого надо еще много работать.

— Вы и на машинке учитесь печатать?

Мойра кивнула.

— И счетоводству тоже. Всей премудрости сразу. Дуайт посмотрел на нее с удивлением.

— Когда вы все это одолеете, из вас выйдет классный секретарь.

— На будущий год,— сказала Мойра.— Через год я смогу получить отличное место.

— И много народу там учиться? Это что же, школа или курсы?

Она кивнула.

— Я и не думала, что будет так много. Пожалуй, только вдвое меньше, чем бывало обычно. Сразу после войны учащихся было раз-два и обчелся, и почти всех преподавателей уволили. А теперь поступает все больше народу, и уволенных придется вернуть.

— Значит, приходят новые ученики?

— Больше подростки. Я среди них себя чувствую

бабушкой. Наверно, дома они надоели родным, вот их и заставили заняться делом.— Мойра чуть помолчала, потом прибавила: — И в университете то же самое. Сейчас куда больше слушателей, чем было несколько месяцев назад.

— Вот уж не ждал такого оборота,— сказал Дуайт.

— Сидеть дома — скука,— объяснила Мойра.— А на этих уроках встречаются все друзья-приятели.

Дуайт предложил ей выпить еще, но Мойра отказалась, и они прошли в зал обедать.

— Вы слышали про Джона Осборна и его машину? — спросила Мойра.

Дуайт рассмеялся:

— А как же! Он мне ее показывал. Наверно, он всем и каждому ее показывает, кого только зазовет. Отличная машина.

— Джон сошел с ума. В этой машине он разобьется насмерть.

— Ну и что? — сказал Дуайт, принимаясь за бульон.— Лишь бы он не разбился прежде, чем мы уйдем в рейс. Он получает массу удовольствия.

— А когда именно вы уходите?

— Думаю, примерно через неделю.

— Это очень опасный поход? — негромко спросила Мойра.

Короткое молчание.

— Нет, почему же,— сказал Дуайт.— С чего вы взяли?

— Вчера я говорила по телефону с Мэри Холмс. Похоже, Питер ей сказал что-то такое, что ее встревожило.

— О нашем походе?

— Не прямо о нем. По крайней мере так мне кажется. Вроде он собрался написать завещание.

— Это всегда разумно,— заметил Дуайт.— Каждому следует составить завещание, то есть каждому женатому человеку.

Подали жаркое.

— Скажите же мне: очень это опасно? — настойчиво повторила Мойра.

Дуайт покачал головой.

— Это очень долгий рейс. Мы будем в плаванье почти два месяца и примерно половину времени — под водой. Но это не опаснее, чем любая другая операция

в северных морях.— Он чуть помолчал.— Там, где, возможно, был ядерный взрыв, подводной лодке рыскать всегда опасно. Особенно с погружением. Никогда не знаешь, на что наткнешься. Морское дно сильно меняется. Можно напороться на затонувшие суда, о которых и не подозревал. Надо пробираться между ними поосторожнее и глядеть в оба. Но нет, не сказал бы, что рейс опасный.

— Возвращайтесь целый и невредимый, Дуайт,— тихо сказала Мойра.

Он весело улыбнулся.

— Ясно, я вернусь целый и невредимый. Нам дан такой приказ. Адмирал желает заполучить нашу лодку обратно.

Мойра со смехом откинулась на спинку стула.

— Вы просто невозможный! Только я начну разводить сантименты, вы... вы их прокалываете, как воздушный шарик.

— Наверно я-то не сентиментален. Шейрон всегда это говорит.

— Вот как?

— Ну да. Она даже всерьез на меня сердится.

— Неудивительно,— заявила Мойра.— Я очень ей сочувствую.

Пообедали, вышли из ресторана и отправились в Национальную галерею, где открылась выставка духовной живописи. Все картины писаны были маслом, большинство в модернистской манере. Тауэрс и Мойра обошли часть галереи, отведенную под сорок выставленных картин,— девушка смотрела с интересом, моряк откровенно ничего в этой живописи не понимал. Оба несколько терялись перед «Снятиями с креста» в зеленых тонах и «Поклонениями волхвов» в розовых; перед пятью или шестью полотнами, трактующими войну в религиозном духе, они немного поспорили. Постояли перед картиной, заслужившей первую премию: скорбящий Христос на фоне разрушенного города.

— В этом что-то есть,— сказала Мойра.— На сей раз я, пожалуй, согласна с членами жюри.

— А по-моему это мерзость.

— Что вам тут не нравится?

Дуайт в упор разглядывал картину.

— Все не нравится. Это же насквозь фальшиво. Ни один пилот, если он в здравом уме, не полетит

так низко, когда вокруг рвутся водородные бомбы. Он бы просто сгорел.

— Но композиция хороша и цветовая гамма тоже,— возразила Мойра.

— Да, конечно. А сюжет фальшив.

— Почему?

— Если вот это должно изображать здание АРПК¹, ваш художник посадил Бруклинский мост на сторону Нью-Джерси, а Эмпайр Билдинг в самую середину Центрального парка.

Мойра заглянула в каталог.

— Тут вовсе не сказано, что это Нью-Йорк.

— Какой бы город он ни хотел изобразить, все тут фальшиво. Это не может так выглядеть.— Дуайт чуть подумал.— Чересчур театрально.— Отвернулся, брезгливо поглядел по сторонам.— Все это не по мне.

— А разве вы не ощущаете в этих полотнах духа веры? — спросила Мойра. Странно, он ведь постоянно ходит в церковь, казалось бы, выставка должна его тронуть.

Дуайт взял ее под руку.

— Я не набожен. Виноват я сам, а не художники.. Они смотрят на все по-другому.

Они вышли из зала.

— А вообще вы любите живопись? — спросила Мойра.— Или смотреть на картины вам скучно?

— Совсем не скучно. Мне нравятся живые краски и чтобы картина меня не поучала. Вот есть такой художник Ренуар, правильно.

Мойра кивнула.

— В музее есть несколько полотен Ренуара. Хотите посмотреть?

Они прошли в раздел французской живописи, и Дуайт постоял несколько минут, глядя на реку и на затененную деревьями улицу рядом с нею, на белые дома и магазины — все очень красочное и очень французское.

— Вот такие картины мне по душе,— сказал он.— На такое я могу смотреть без конца.

Они еще некоторое время бродили по галерее, разглядывали картины, болтали. Потом оказалось, ей

---

¹ Американская радиопромышленная корпорация.

пора: мать не совсем здорова, и Мойра обещала вернуться вовремя и приготовить чай. Дуайт отвез ее трамваем на вокзал.

В толчее у вокзального входа она обернулась к нему.

— Спасибо за обед и за весь этот день. Надеюсь, другие картины вознаградили вас за те, что в религиозном духе.

Дуайт засмеялся.

— Безусловно, вознаградили. Я не прочь прийти сюда еще раз и поглядеть на них. А религия — это не по моей части.

— Но ведь вы постоянно ходите в церковь.

— Ну, это совсем другое дело.

Сказано решительно, да и спорить с ним здесь, в толпе, пробовать не стоило. Она спросила только:

— Мы еще увидимся до вашего отъезда?

— Днем я почти все время буду занят, — ответил Дуайт. — Можно как-нибудь вечером сходить в кино, но чем скорее, тем лучше. Мы отбываем, как только закончатся все работы на борту, а они сейчас ведутся полным ходом.

Условились вместе поужинать во вторник, Мойра помахала рукой на прощанье и скрылась в толпе. Тауэрсу незачем было спешить, никаких неотложных дел в порту не было, а до закрытия магазинов оставался еще целый час. И он неторопливо зашагал по улицам, заглядывая в витрины. Вскоре набрел на магазин спортивных товаров и, чуть помешкав, вошел.

В рыболовном отделе он сказал продавцу:

— Мне нужен спиннинг — хорошее удилище, катушка и нейлоновая леска.

— Извольте, сэр. Для вас?

Американец покачал головой:

— В подарок мальчику десяти лет. Это будет его первая снасть. Хотелось бы лучшего качества, но совсем небольшую и легкую. Есть у вас какие-нибудь из стекловолокон?

Продавец покачал головой.

— К сожалению, сейчас нету. — Он достал с полки небольшое удилище. — Вот это стальное, но очень хорошее.

— А в морской воде не заржавеет? Мальчик живет на побережье, а вы ведь знаете, что за народ мальчишки.

— Эти не ржавеют. Мы их много продаем для рыбной ловли на море.— Он стал доставать катушки, а Дуайт внимательно осмотрел удилище, взвесил на руке.— Для морской ловли у нас есть вот эти пластиковые катушки, а вот, если хотите, увеличенная, из нержавеющей стали. Такие, конечно, лучше, но, понятное дело, и подороже.

Тауэрс осмотрел катушки.

— Пожалуй, я возьму увеличенную.

Он выбрал леску, продавец завернул вместе все три покупки и при этом заметил:

— Отличный подарок мальчику.

— Еще бы,— сказал Дуайт.— Такой игрушкой он вволю позабавится.

Расплатился, взял сверток и прошел в отдел детских велосипедов и самокатов. И спросил продавщицу:

— Есть у вас тренажеры «Пого» для малышей?

— «Кузнечики»? Кажется, нету. Сейчас спрошу заведующего.

Подошел заведующий отделом.

— К сожалению, сейчас у нас их нет. На них давно не было спроса, дня три назад продали последнюю штуку.

— А будут еще?

— Я заказал дюжину. Не знаю, когда они к нам поступят. Время, знаете, такое, порядка стало маловато. Вам, верно, для подарка?

Капитан кивнул.

— Для девочки шести лет.

— У нас имеются самокаты. Тоже славный подарок для такой девчурки.

Тауэрс покачал головой.

— Самокат у нее уже есть.

— А вот, не угодно ли, детские велосипеды.

Слишком громоздкие и неуклюжие, но этого Тауэрс не сказал.

— Нет, я хотел бы «кузнечик». Поищу в других местах, а если не найду, может быть, еще зайду к вам.

— Загляните к Мак-Юэнсу,— посоветовал заведующий,— может, у него хоть одна штука осталась.

Тауэрс заглянул к Мак-Юэнсу, но и там того, что он хотел, не оказалось. Зашел еще в один магазин — и тоже зря: видно, их вовсе нет в продаже. И чем чаще Дуайт встречал отказ, тем горше было разочарование: нет, ему нужен «кузнечик» и только «кузнечик», ничто

другое не годится. В поисках еще одного магазина игрушек он забрел на Коллинз-стрит, но здесь торговали уже не игрушками, а товарами подороже.

Прошел час, магазины вот-вот закроются, и тут Дуайт остановился перед витриной ювелира. Магазин был первоклассный; Дуайт постоял немного, разглядывая витрины. Самое подходящее, наверно, изумруды с бриллиантами. При ее темных волосах изумруды будут просто великолепны.

Он вошел в магазин.

— Мне нужен браслет,— сказал он молодому человеку в черной визитке.— Пожалуй, изумруды с бриллиантами. Изумруды непременно. Дама — смуглая брюнетка и любит зеленый цвет. Найдется у вас что-нибудь в этом роде?

Молодой человек отошел к сейфу, достал три браслета и разложил перед Дуайтом на черном бархате.

— Вот что у нас есть, сэр. Какую цену вы предполагали заплатить?

— Не думал об этом,— сказал моряк.— Мне нужен красивый браслет.

Продавец взял один из браслетов.

— Вот этот стоит сорок гиней, а тот — шестьдесят пять. По-моему, оба очень хороши.

— А вон тот?

Молодой человек взял третий браслет.

— Этот самый дорогой, сэр. Прекрасная вещь.— Он взглянул на крохотный ярлычок.— Двести двадцать пять гиней.

Браслет так и сиял на черном бархате. Дуайт взял его и стал разглядывать. Продавец сказал правду, вещь очаровательная. В шкатулке жены нет ничего подобного. Браслет ей наверняка понравится.

— Это английская работа или австралийская? — спросил он.

Молодой человек покачал головой.

— Нет, это из Парижа, от Картье. А к нам попало из имения одной дамы в Тураке. Сами видите, вещь совсем новая. Обычно нам приходится немного поправить застежку, а здесь даже это не понадобилось. Браслет в отличном состоянии.

Дуайту представилось, в какой восторг придет Шейрон.

— Я его беру,— сказал он.— Уплатить придется чеком. За браслетом зайду завтра или послезавтра.

Он выписал чек и взял расписку. Шагнул было к двери, но обернулся.

— Один вопрос,— сказал он.— Вы случайно не знаете, где можно купить в подарок маленькой девочке «Пого», «кузнечик»? Похоже, сейчас их в городе найти нелегко.

— К сожалению, не знаю, сэр. Надо вам обойти все магазины игрушек.

Магазины уже закрывались, сегодня вечером больше ничего не сделаешь. Дуайт взял сверток с удочкой и отправился в Уильямстаун, перешел с корабля на «Скорпион» и положил сверток за койку, здесь покупка почти незаметна. А через день съездил за браслетом и, возвратясь на лодку, запер его в обшитый сталью ящик, где хранились секретные документы.

В тот день некая миссис Фрейзер принесла к ювелиру серебряный кувшинчик для сливок: надо было припаять отломанную ручку. А позже ей повстречалась на улице Мойра Дэвидсон, которую миссис Фрейзер знавала еще девочкой. Миссис Фрейзер остановила ее и осведомилась о здоровье матери. Потом сказала:

— Милочка, если я не ошибаюсь, ты знакома с этим американцем, с капитаном Тауэрсом?

— Да, мы хорошо знакомы. В субботу и воскресенье он у нас гостил.

— Как по-твоему, он сумасшедший? Не знаю, может быть, все американцы сумасшедшие?

Мойра улыбнулась.

— Мы все теперь сумасшедшие, он не хуже других. А что он натворил?

— Спрашивал в магазине Симмондса такую ходулю на пружине, «Пого».

Мойра насторожилась.

— «Кузнечик»?

— Да где, милочка, подумай только — у Симмондса! Как будто там торгуют игрушками! Понимаешь, он зашел туда и за бешеные деньги купил великолепный браслет. Это часом не для тебя?

— Первый раз слышу. Совсем на него не похоже.

— Ну, от мужчин чего угодно можно ждать. Вдруг он в один прекрасный день поднесет тебе такой приятный сюрприз.

— А при чем тут игрушки?

— Да вот, купил он браслет, а потом спрашивает

мистера Томпсона — знаешь, такой блондин, очень милый молодой человек, — не скажете ли, спрашивает, где можно купить «кузнечик». Хочу, говорит, подарить одной девочке.

— Ну и что тут такого? — спокойно спросила мисс Дэвидсон. — Для маленькой девочки очень подходящий подарок.

— Да, конечно. Только странно командиру подводной лодки покупать такую игрушку. Да еще спрашивать ее в ювелирном магазине.

— Наверно, он ухаживает за какой-нибудь богатой вдовой, а у вдовы есть дочка. Браслет для матери, а игрушка для дочки. Что тут такого?

— Да ничего, — сказала миссис Фрейзер. — Только мы-то все думали, он ухаживает за тобой.

— Сильно ошибаетесь, — невозмутимо заявила Мойра. — Это я за ним ухаживаю. — И отвернулась. — Мне надо бежать. Так приятно было вас видеть. Я передам маме от вас привет.

И она пошла своей дорогой, но про «кузнечик» забыть не могла. Она даже спрашивала про них в этот день в магазинах, но понапрасну. Если Дуайту непременно нужна эта игрушка, не так-то просто будет ее раздобыть.

Конечно, сейчас у каждого свой пунктик: Питер и Мэри Холмс помешались на саде, отец на совершенствовании фермы, Джон Осборн на гоночной машине, сэр Дуглас Фрауд на портвейне, а теперь вот и Дуайт Тауэрс — на палке с пружинными подножками. А она сама, похоже, на Дуайте Тауэрсе. Все эти чудачества граничат с безумием, такое уж настало время.

Хочется помочь Дуайту, еще как хочется, но надо быть очень, очень осторожной. Возвратясь домой, Мойра вечером отыскала в чулане свой старый «кузнечик», тщательно стерла с него пыль. Искусный мастер мог бы пройтись по деревянной рукоятке наждачной бумагой, заново покрыть лаком, и тогда он, пожалуй, выглядел бы как новый, хотя сейчас от сырости на дереве темнеют пятна. Но в металлические части въелась ржавчина, и в одном месте подножка проржавела насквозь. Хоть десять раз тут закрашивай, видно будет, что вещь не новая, а Мойра еще слишком хорошо помнит свое детство: игрушка, которая уже кому-то служила... даже думать об этом было противно. Нет, это не выход.

Во вторник вечером они, как условились прежде, собрались в кино. За ужином Мойра спросила, как подвигаются работы на лодке.

— Недурно,— сказал Дуайт.— Нам дают еще один электролизный аппарат для восстановления кислорода, он будет работать параллельно с нашим. Пожалуй, уже завтра к вечеру с этим закончат, и тогда в четверг мы проведем испытания. Думаю, в конце недели отправимся.

— Это очень нужный аппарат?

Дуайт улыбнулся.

— Нам придется немало времени пробыть под водой. Неохота мне остаться без кислорода, тогда либо всплывай там, где воздух радиоактивен, либо задохнись на дне.

— Значит, этот аппарат вроде как запасной?

Дуайт кивнул.

— Нам повезло. Аппарат отыскался на флотском складе во Фримэнтле.

В тот вечер он был рассеян. Оставался, как всегда, милым и внимательным, но Мойра чувствовала — мысли его далеко. За ужином она не раз пыталась его растормошить; но безуспешно. И в кино тоже: Дуайт, как положено, старался показать, будто получает от фильма удовольствие и рад доставить удовольствие спутнице, но все это было точно актерская игра без живой искорки. Это и понятно, уговаривала себя Мойра, ведь у него впереди такое плавание...

После фильма они пошли по опустелым улицам к вокзалу. У полутемного входа, под аркадой, где можно было спокойно поговорить, Мойра остановилась.

— Одну минуту, Дуайт. Мне надо вас кое о чем спросить.

— Давайте,— мягко сказал он,— я слушаю.

— Вас что-то тревожит, правда?

— Не то чтобы тревожит, но, боюсь, сегодня вам со мной было скучновато.

— Это из-за похода «Скорпиона»?

— Ну что вы, дружок. Я же говорил, это вовсе не опасно. У меня другая забота.

— «Кузнечик», да?

В полутьме Дуайт изумленно уставился на нее.

— Вот те на, откуда вы знаете?

Мойра тихонько засмеялась:

— У меня своя разведка. А что вы достали для сына?

— Удочку.— Он помолчал, потом прибавил: — Наверно, вы думаете, что я рехнулся.

Мойра покачала головой.

— Нет, не думаю. А «кузнечик» вы достали?

— Нет. Видно, их совсем нет в продаже.

— Знаю.

Постояли, помолчали.

— Я отыскала свой,— вновь заговорила Мойра.— Можете хоть сейчас взять. Но он ужасно старый и металлические части совсем заржавели. Прыгать все равно можно, но едва ли это хороший подарок.

Дуайт кивнул.

— Да, я тогда заметил. Видно, придется поставить на этом крест, детка. Если сумею вырваться до отплытия, еще похожу по магазинам, поищу что-нибудь другое.

— А я уверена, что достать «кузнечик» можно. Наверно, их делают здесь же, в Мельбурне. Во всяком случае, в Австралии. Только вот успеть бы вовремя.

— Бросьте,— сказал Дуайт.— Дурацкая была затея. Да это и не важно.

— Нет, важно. Для меня важно,— возразила Мойра. Подняла голову, посмотрела ему в глаза.— К вашему возвращению я его раздобуду. Непременно, даже если надо будет заказать мастеру. Я понимаю, он будет не совсем такой, как вам хочется. Но, может быть, и пригодится?

— Вы очень добры,— глухо сказал Дуайт.— Я скажу дочке, что вы захватили «кузнечик» с собой.

— Могу и захватить,— сказала Мойра.— Так или иначе, когда мы с вами опять встретимся, эта штука у меня будет.

— Возможно, вам придется нести ее очень, очень далеко.

— Не беспокойтесь, Дуайт. Когда мы опять встретимся, она у меня будет.

В темноте под аркой он обнял ее и поцеловал.

— Спасибо за обещание,— мягко сказал он.— И за все остальное тоже. Шейрон не рассердится, что я вас поцеловал. Мы оба вам благодарны.

Спустя двадцать пять дней «Скорпион» приближался к первой цели своего маршрута. Уже десять дней, начиная с тридцатого градуса от экватора, лодка не поднималась на поверхность. Сперва она подошла к острову Сан-Николас, поодаль от Лос-Анджелеса, и, опасаясь неразведанных минных полей, обогнула город на почтительном расстоянии. Обошла остров Санта-Роза с внешней стороны; приблизилась к берегу западнее Санта-Барбары; отсюда двинулась к северу на перископной глубине, держась в двух милях от берега. Осторожно завернули в залив Монтерей, осмотрели рыбацкую гавань, но не увидели на берегу ни признака жизни и почти ничего не выяснили. Уровень радиации везде оказался одинаково высок, и из осторожности решили не всплывать, выставляли только перископ.

Не доходя пяти миль до Золотых ворот, осмотрели Сан-Франциско. Только и узнали, что мост рухнул. Похоже, опрокинулся его южный устой. Те дома вокруг Парка Золотых ворот, что видны были с моря, изрядно пострадали от взрыва и пожара, похоже, ни в одном нельзя было бы жить. Нигде ни признака жизни, и уровень такой, что навряд ли в этих местах мог выжить хоть один человек.

«Скорпион» пробыл здесь несколько часов: фотографировали через перископ, насколько возможно, вели наблюдения. Снова повернули к югу, дошли до залива Полумесяца, подошли на полмили к берегу и, ненадолго всплывая, окликали через громкоговоритель — не отзовется ли кто. Здания как будто не слишком пострадали, но на берегу по-прежнему ни признака жизни. «Скорпион» пробыл здесь до сумерек, а потом двинулся на север вдоль берега, держась от него мили за три-четыре.

С тех пор как подводники пересекли экватор, стало правилом за время каждой вахты один раз всплывать, возможно выше поднимать антенну и ловить радиопередачу со стороны Сиэтла. Однажды, на пятом градусе северной широты, и вправду удалось ее поймать — бессвязные, бессмысленные сигналы продолжались минут сорок, потом оборвались. С тех пор их больше не слышали. И вот вечером, когда «Скорпион» всплыл вблизи Форта-Брагга, при бурном море и сильном встречном северо-западном ветре, едва включив пелен-

гатор, они вновь слышали сигналы. На этот раз удалось точно засечь направление.

Дуайт наклонился над картой, на которой штурман, лейтенант Сандерстром, прокладывал курс.

— Санта-Мария,— сказал он.— Похоже, вы были правы.

Они постояли, прислушиваясь к несущейся из динамика бессмысленной тарабарщине.

— Это случайные сигналы,— сказал наконец лейтенант.— Такое никто не станет выстукивать, даже если ничего не смыслит в радио. Просто где-то что-то случайно включилось.

— Похоже, что так,— Дуайт еще постоял, прислушиваясь.— Но там есть энергия. А где энергия, там и люди.

— Не обязательно,— возразил лейтенант.

— Гидроэлектростанция? Это я понимаю,— сказал Дуайт.— Но, черт побери, не могут же турбины два года работать безо всякого присмотра.

— Представьте, могут. Есть турбины превосходные, очень надежные.

Дуайт буркнул что-то невнятное и опять наклонился над картой.

— На рассвете я хочу поравняться с мысом Флаттери. Продолжаем идти, как сейчас, около полудня определимся и тогдаотрегулируем скорость. Если с виду бухта в порядке, зайдем туда на перископной глубине, чтобы можно было, окажись на дне какая-нибудь помеха, продуть цистерны и увернуться. Может быть, сумеем подойти к Санта-Марии вплотную. А может, и не сумеем. Если подойдем, вы готовы высадиться на берег?

— Ну конечно,— был ответ.— Я совсем не прочь на время выбраться из нашей коробки.

Дуайт улыбнулся. Они шли с погружением уже одиннадцать дней, и хотя на здоровье пока никто не жаловался, у всех понемножку разыгрывались нервы.

— Ладно, только бы не сглазить, будем надеяться, что нам повезет.

— А знаете,— сказал Сандерстром,— если не пройдем через пролив, пожалуй, я сумею добраться до станции посуху.— Он потянул к себе другую карту.— Если мы войдем в Грейс-Харбор, я могу выйти на берег у Хокуиамы или Абердина. Вот эта дорога ведет прямо к Бремертону и Санта-Марии.

— Но это сотни миль.

— Уж наверно я найду и машину и горючее.

Капитан покачал головой. Двести миль в легком защитном костюме, когда и машина, и горючее, и вся местность вокруг радиоактивны... невозможная штука.

— Запас воздуха у вас только на два часа,— сказал он.— Понятно, вы можете захватить добавочные баллоны. Но все равно это невозможно. Так или иначе мы вас потеряем. Да и не так уж это важно — высадиться.

«Скорпион» опять погрузился и пошел дальше прежним курсом. Когда через четыре часа всплыли, загадочный передатчик молчал.

Весь следующий день лодка по-прежнему шла на север на перископной глубине. Теперь капитана всерьез беспокоило настроение команды. В тесноте, безвылазно в стальной коробке людям становилось невтерпёж; радиопередачи, которые могли бы их развлечь, давно уже не доходят, пластинки, сто раз прокрученные по бортовому радио, опостытели. Чтобы встряхнуть подчиненных, подбросить пищу для ума и тему для разговоров, Тауэрс открыл всем желающим доступ к перископу, хотя смотреть было, в сущности, не на что. Но эти скалистые, ничем не примечательные берега — их родина, и один вид какого-нибудь кафе и замершего рядом «бьюика» радовал истосковавшиеся души и развязывал языки.

В полночь, следуя обычному распорядку, «Скорпион» всплыл подле устья реки Колумбия. Вахту у капитан-лейтенанта Фаррела принимал лейтенант Бенсон. Фаррел как раз поднял перископ и, прильнув к окулярам, настраивал его на круговой обзор. И вдруг резко обернулся к Бенсону.

— Ну-ка, позовите командира. На берегу огни, от тридцати до сорока градусов справа по носу.

Не прошло и двух минут, как все столпились у перископа, один за другим смотрели и сверялись с картой — Тауэрс, Бенсон и Фаррел, к ним присоединились Питер Холмс и Джон Осборн. Капитан со старшим помощником склонились над картой.

— Огни в штате Вашингтон,— сказал Дуайт.— Примерно там, где Лонг-Бич и Илуэйко. По другую сторону устья, в Орегоне, ни огонька.

— Гидроэлектростанция,— произнес за плечом командира Сандерстром.

— Думаю, да. Если есть свет, работает электростанция, это многое объясняет.— Дуайт обернулся к физику.— Мистер Осборн, какова снаружи радиация?

— Тридцать в красном секторе, сэр.

Капитан кивнул. Слишком высока, чтобы можно было выжить, но не убивает мгновенно; за последние пять-шесть дней уровень почти не менялся. Тауэрс подошел к перископу, долго стоял, всматриваясь. Нет у него ни малейшего желания ночью подводить лодку ближе к берегу.

— Ладно,— сказал он наконец.— Идем дальше прежним курсом. Отметьте, мистер Бенсон.

Он вернулся к себе и лег. Завтра будет тяжелый и тревожный день, надо хоть немного поспать. Но он тут же поднялся, в уединении крохотной каюты с завешенной дверью отпер сейф, где хранились секретные документы, и достал браслет; при электрическом свете драгоценность так и засверкала. Шейрон эта вещь понравится. Дуайт осторожно вложил браслет в нагрудный карман кителя. Потом снова вытянулся на койке, положил ладонь на сверток с удочкой и уснул.

В четыре утра, перед самым рассветом, снова всплыли чуть севернее Грейс-Харбор. На берегу не видно ни огонька, но ведь в здешних местах нет городов, и дорог почти нет, так что это еще ничего не доказывает. Опустились на перископную глубину, пошли дальше. Когда два часа спустя Дуайт вышел в рубку, в перископ видно было, что день настал ясный, солнечный, и все, кто свободен был от вахты, по очереди приходили поглядеть на пустынный берег. Дуайт пошел завтракать, потом стоял над штурманским столиком, курил, изучал уже хорошо изученную карту минных полей и наизусть знакомый вход в пролив Хуан де Фука.

В семь сорок пять старший помощник доложил, что на траверсе показался мыс Флаттери. Тауэрс погасил недокуренную сигарету.

— Ладно,— сказал он.— Входите в пролив, Фаррел. Курс ноль семьдесят пять. Скорость пятнадцать узлов.

Впервые за три недели гул моторов стал глуше; относительное затишье в стальной коробке показалось гнетущим. Все утро проливом, врезающимся между Соединенными Штатами и Канадой, «Скорпион» двигался на юго-восток, подводники опять и опять определялись при помощи перископа, наносили маршрут на

карту, не раз и не два меняли курс. На берегу почти незаметно было перемен, лишь в одном месте на острове Ванкувер, близ реки Джордан, немалое пространство на южных склонах горы Валентайн опустошили, судя по всему, взрыв и пожар. Как прикинули на «Скорпионе», пострадала площадь не меньше чем семь миль на пять; поверхность, похоже, осталась ровная, но нигде ни пятнышка зелени.

— Видимо, взрыв был в воздухе, — сказал Тауэрс, отходя от перископа. — Вероятно, чей-то самолет настигла управляемая ракета.

Близились места густонаселенные, и теперь постоянно двое-трое из команды только и ждали минуты, когда офицеры отойдут и можно будет хоть одним глазком глянуть в перископ. Вскоре после полудня «Скорпион» поравнялся с Порт-Таунсендом и повернул на юг, в Пьюджетский пролив. Пошли проливом, по правую сторону от острова Уитби и перед вечером подошли к матерiku, напротив городка Эдмондс, в пятнадцати милях севернее центра Сиэтла. К этому времени минные заграждения остались далеко позади. Насколько видно было с моря, город не пострадал ни от бомбежки, ни от пожара, но уровень радиации все равно оставался высокий.

Тауэрс внимательно смотрел в перископ. Если счетчик Гейгера не ошибается, ничто живое при такой радиации не может протянуть дольше нескольких дней, и однако при весеннем солнышке все выглядит так обыкновенно... невозможно поверить, что здесь нет людей. Даже стекла в окнах, за редкими исключениями, целы. Он отвернулся от перископа.

— Десять влево, семь узлов, — распорядился он. — Подойдем к берегу, станем у причала и попробуем некоторое время вызывать по радио.

Он передал командование старшему помощнику и приказал проверить и приготовить громкоговоритель. Фаррел поднял «Скорпион» на поверхность, ввел в бухту, и они легли в дрейф в сотне ярдов от лодочной пристани, зорко наблюдая за берегом.

Боцман тронул Фаррела за плечо:

— Вы разрешите Суэйн глянуть в перископ, сэр? Это его родной город.

Старшина Ральф Суэйн был на «Скорпионе» оператором радиолокационной установки.

— Ну конечно.

Фаррел отступил, и Суэйн шагнул к перископу. Довольно долго стоял и смотрел, наконец поднял голову.

— Кен Палья открыл свою аптеку,— сказал он.— Дверь настежь, и шторы на окнах подняты. А вот неоновую вывеску не погасил. Что-то не похоже на Кена жечь электричество средь бела дня.

— А людей на улицах не видно, Ральф? — спросил капитан.

Старшина опять принял к окулярам.

— Не видать. В доме миссис Салливен одно окно разбито, чердачное.

Он смотрел еще три или четыре нескончаемые минуты, пока Фаррел не тронул его за плечо и не стал сам к перископу. Суэйн отступил.

— Видели свой дом, Ральфи? — спросил капитан.

— Нет. С моря его не видать. Мой дом повыше, на Рейнер-авеню.— Он досадливо передернул плечами.— Никаких перемен не видать. Все как было, так и есть.

Лейтенант Бенсон взял микрофон и начал окликать берег:

— Подводная лодка Соединенных Штатов «Скорпион» вызывает город Эдмондс. Подводная лодка Соединенных Штатов «Скорпион» вызывает город Эдмондс. Если кто-нибудь нас слышит, просим выйти на набережную, к причалу в конце Главной улицы. Подводная лодка Соединенных Штатов вызывает город Эдмондс...

Суэйн вышел из рубки и отправился в носовой отсек. Дуайт Тауэрс шагнул к перископу, к которому уже принял было другой матрос, и сам стал осматривать берег. От набережной город круто поднимался в гору, открывая взгляду свои улицы и дома. Через несколько минут Тауэрс выпрямился.

— Незаметно, чтобы Эдмондсу сильно досталось,— сказал он.— Если бы та ракета угодила в «боинг» над Эдмондсом, тут только и осталось бы гладкое место.

— Противовоздушная оборона здесь очень сильна,— возразил Фаррел.— От всех управляемых ракет есть защита.

— Верно. Однако же они прорвались к Сан-Франциско.

— Но не похоже, чтобы они прорвались сюда. Просто дошла воздушная волна от ракеты, которая взорвалась над проливом.

Дуайт кивнул.

— Видите неоновую вывеску над аптекой? Она еще горит.— Он немного помолчал.— Будем вызывать по-дольше... скажем, еще полчаса.

— Слушаю, сэр.

Капитан уступил место у перископа старшему помощнику, а сам отдал по переговорному устройству несколько распоряжений, чтобы лодка не меняла позиции. Лейтенант Бенсон опять и опять в микрофон вызывал берег; Дуайт закурил, прислонился к штурманскому столику. Недолго спустя погасил сигарету, бросил взгляд на часы.

От носовой части донесся металлический удар: с лязгом захлопнулся стальной люк; Тауэрс вздрогнул, обернулся. Через минуту — еще удар, потом над головой, на палубе, шаги. Тотчас еще шаги — кто-то бежит по проходу к рубке, миг — и на пороге лейтенант Хёрш. Выпалил:

— Суэйн вылез в аварийный люк, сэр! Он на палубе! Дуайт прикусил губу.

— Сейчас люк закрыт?

— Да, сэр. Я проверил.

Капитан обернулся к боцману.

— Выставить часовых у обоих люков, носового и кормового.

Мортимер убежал, и в это время из-за борта послышался громкий всплеск.

— Попробуйте посмотреть, что он там делает,— сказал Дуайт Фаррелу.

Старший помощник наклонил перископ до предела и стал поворачивать по кругу.

— Почему никто его не удержал? — спросил капитан Хёрша.

— Наверно, не успели, очень быстро он изловчился. Перед тем пришел из кормового отсека, сел и грызет ногти. На него и внимания-то не обратили. А я ничего не видал, осматривал в это время носовую торпедную камеру. Никто и ахнуть не успел, а Суэйн уже в шахте, крышку за собой захлопнул, а наружный люк открыл. Воздух-то снаружи отравленный, вот никто за ним и не погнался.

Дуайт кивнул.

— Понятно. Основательно продуть шахту, а потом подите и проверьте, хорошо ли задраена наружная крышка люка.

— Вот, теперь я его вижу,— сказал, не отрываясь от перископа, Фаррел.— Он плывет к причалу.

Дуайт наклонился к окулярам (пришлось согнуться в три погибели) и увидел пловца. Выпрямился, сказал несколько слов занятому микрофоном лейтенанту Бенсону. Тот повернул регулятор мощности.

— Старшина Суэйн, слушайте меня.— Пловец держался, покачиваясь на воде.— Приказ капитана: немедленно вернитесь. Если вы возвратитесь сейчас же, капитан возьмет вас на борт, даже рискуя заражением лодки. Но вы должны вернуться сию минуту.

— Иди ты знаешь куда! — донеслось в ответ из динамика над штурманским столом.

По лицу капитана промелькнула усмешка. Он снова пригнулся к перископу и смотрел не отрываясь: вот Суэйн подплыл к берегу, вот вскарабкался по лесенке на причал. Чуть погодя Тауэрс выпрямился.

— Ну, всё.— И повернулся к стоящему рядом Джо-ну Осборну.— Сколько он, по-вашему, протянет?

— Сперва он ничего не почувствует,— ответил физик.— Вероятно, завтра к вечеру начнется рвота. А тогда... ну, кто его знает. У всех по-разному, смотря каков организм.

— Три дня? Неделя?

— Думаю, да. При таком уровне радиации едва ли дольше.

— А сколько времени у нас остается, чтобы снова взять его на борт без опасности для всех остальных?

— Такого опыта у меня нет. Но уже через несколько часов любые его выделения будут радиоактивны. Если он всерьез заболит на борту, мы не можем ручаться за здоровье команды.

Дуайт поднял опущенный до предела перископ и приник к окулярам. Суэйна можно было еще разглядеть, в мокрой насквозь одежде он шагал по улице. Замешкался у аптеки, заглянул в открытую дверь; потом завернул за угол и скрылся из виду.

— Что ж, он явно не намерен вернуться,— сказал капитан, уступая место у перископа помощнику.— Выключите громкоговоритель. Курс на Санта-Марию, держаться середины канала. Десять узлов.

В подлодке воцарилось гробовое молчание, его нарушали только команды, отдаваемые рулевому, приглушенный рокот турбин да мерное, с присвистом ды-

хание двигателя. Дуайт Тауэрс, тяжело ступая, пошел к себе в каюту, Питер Холмс — за ним.

— Вы не попробуете вернуть его, сэр? Я могу в защитном костюме выйти на берег.

Дуайт мельком взглянул на своего офицера связи.

— Великодушное предложение, капитан-лейтенант, но я его не принимаю. Я и сам подумывал о том же. Предположим, мы высадили офицера и двоих людей в подмогу, чтобы доставить Суэйна на борт. Сперва надо еще его найти. Возможно, ради этого мы застрянем тут часов на пять, и потом, допустимо ли, взяв его в обратный путь, рисковать жизнью всех остальных на борту. Возможно, он ел зараженную радиацией пищу или пил зараженную воду... — Тауэрс чуть помолчал. — И еще одно. В этом рейсе мы пробудем в погружении, без настоящего свежего воздуха двадцать семь дней, а то и все двадцать восемь. К концу некоторые окажутся в прескверной форме. Хотел бы я в последний день услышать от вас, понравится ли вам при этих условиях провести лишних четыре-пять часов под водой, потому что это время мы потратили на старшину Суэйна.

— Понятно, сэр, — сказал Питер. — Просто я хотел предложить свою помощь.

— Ну конечно. Я очень это ценю. Мы пройдем опять мимо Эдмондса сегодня ночью или, может быть, завтра, когда рассветет. Тогда остановимся ненадолго и окликнем его.

Капитан вернулся в рубку и остановился подле вахтенного офицера, опять и опять сменяя его у перископа. Тщательно наблюдая за берегом, прошли совсем рядом со входом в канал Вашингтонского озера, обогнули Форт-Лоутон и подошли к военной и торговой пристаням в бухте Эллиот, в самом сердце Сиэтла.

Город ничуть не пострадал. У военного пирса пришвартован минный тральщик, у торговых причалов — штук шесть грузовых судов. В высоких зданиях в центре города почти все окна целы. Слишком близко подойти не решились — вдруг под водой кроются неожиданные препятствия, — но, насколько можно судить, глядя в перископ, все очень обыкновенно, город как город, только людей не видно. И до сих пор горит немало электрических фонарей и неоновых вывесок.

Капитан-лейтенант Фаррел оторвался от перископа, сказал Тауэрсу:

— Сиэтл был отлично защищен от нападения с воз-

духа, сэр, куда лучше Сан-Франциско. Мыс Олимпик тянется к западу на сотню миль с хвостиком.

— Знаю,— отозвался капитан.— И тут было вдоволь управляемых ракет для заслона.

Дольше оставаться было незачем, «Скорпион» вышел из бухты и повернул на юго-запад к острову Санта-Мария; уже виднелись высящиеся на нем башни-антенны.

Дуайт вызвал к себе в каюту лейтенанта Сандерстрома.

— Вы готовы высадиться?

— Все готово,— ответил радист.— Мне только натянуть защитный костюм.

— Отлично. Полдела вы сделали заранее, теперь мы знаем, что электростанция еще работает. И пожалуй, можно ручаться, что ни одной живой души тут не осталось, хотя наверняка знать нельзя. Ставлю сто тысяч долларов против сосиски, радиосигналы подаются по какой-то случайности. Только ради того, чтоб выяснить, что это за случайность, я не стал бы рисковать лодкой и уж никак не стал бы подвергать риску вас. Понятно?

— Понятно, сэр.

— Так вот, слушайте. Воздуха в баллонах у вас на два часа. Мне нужно, чтобы вы прошли дезактивацию и явились сюда ко мне через полтора часа. Часы вы с собой не возьмете, за временем следить буду я. Каждую четверть часа буду сигнализировать сиреной. Один гудок — через четверть часа после вашего выхода, два — через полчаса и так далее. Когда услышите четыре гудка, чем бы вы там ни были заняты, закругляйтесь. При пятом гудке все бросайте и во весь дух назад. Еще до шести гудков вы должны быть на «Скорпионе», пройти в шахте дезактивацию и задрать за собою аварийный люк. Вы меня поняли?

— Прекрасно понял, сэр.

— Хорошо. Сейчас я не слишком жажду выполнить весь план нашего рейса до мелочей. Мне надо, чтоб вы вернулись на борт в целостности и сохранности. Я нипочем не послал бы вас на берег, мы и так уже знаем почти все, что вы можете там найти, но я сказал адмиралу, что мы вышлем человека на разведку. Я не желаю, чтобы вы подвергались лишней опасности. Предпочитаю, чтоб вы возвратились, даже если не выяснится до конца, откуда берутся те сигналы. Рисковать вам позво-

лительно в одном-единственном случае: если вы обнаружите на берегу хоть кого-то живого.

— Все ясно, сэр.

— С берега ничего не брать на память. В лодку должны вернуться только вы сами — в чем мать родила.

— Хорошо, сэр.

Капитан опять отправился в рубку, а радист — в носовой отсек. При ярком весеннем солнце лодка медленно, буквально ощупью шла под самой поверхностью воды к острову Санта-Мария, готовая мгновенно остановить двигатели, продуть цистерны и всплыть, попадись на пути какая-либо помеха. Соблюдалась предельная осторожность, и лишь под вечер, около пяти «Скорпион» лег в дрейф по правую руку от островного причала, глубина тут была шесть сажен.

Дуайт прошел в носовой отсек — здесь, облачась в защитный костюм, только еще не надев шлема и кислородных баллонов, сидел лейтенант Сандерстром и курил.

— Ну, приятель, валяйте,— сказал Тауэрс.

Молодой человек смял сигарету и поднялся, два матроса надели на него шлем, приладили за плечами баллоны. Сандерстром проверил, как поступает воздух, глянул на манометр, поднял большой палец — порядок! — забрался в шахту и задраил за собой люк.

Выйдя на палубу, он потянулся и глубоко вздохнул — какое наслаждение выбраться из стальной коробки, увидеть солнечный свет! Потом открыл люк надстройки, вытащил стянутую полосами пластика надувную лодку, развернул ее, подсоединил к баллону и накачал воздух. Привязал фалинь, спустил резиновую лодку на воду, взял весло и повел лодку к корме «Скорпиона», к трапу за боевой рубкой. Спустился в лодку и оттолкнулся от стального бока «Скорпиона».

Управлять лодкой при помощи единственного весла было не очень-то ловко, и к причалу Сандерстром добрался только через десять минут. Накрепко привязал лодку, вскарабкался по отвесной лесенке; едва сделал несколько шагов по причалу, взревела сирена «Скорпиона». Сандерстром обернулся, приветственно махнул рукой и зашагал дальше, на берег.

Он дошел до каких-то строений, выкрашенных серой краской, вероятно, это были склады. На ближайшей стене, под колпачком для защиты от дождя, он заметил выключатель; подошел, повернул — над голо-

вой вспыхнула лампочка. Сандерстром снова выключил свет и пошел дальше.

Потом он увидел общественную уборную. Помешкал, перешел через дорогу и заглянул внутрь. На пороге одной кабинки растянулся сильно разложившийся труп в военной форме. Собственно, чего еще можно было ожидать, однако зрелище это отрезвляло. Сандерстром повернулся и снова вышел на дорогу.

Школа связи находится по правую ее сторону, в нескольких обособленных зданиях. Учебные корпуса знакомы Сандерструму, но ему надо не сюда. Шифровальный отдел — слева от дороги, и по соседству с ним почти наверняка можно отыскать помещение главного радиопередатчика.

Сандерстром вошел в кирпичный корпус шифровального отдела и подергал одну за другой двери в коридоре. Все двери оказались заперты, кроме двух — от уборных. Туда он не заглянул.

Он вышел наружу и огляделся. В глаза бросилась трансформаторная станция со множеством проводов и изоляторов, и он пошел вдоль проводов к другому двухэтажному зданию, деревянному. Подходя, услышал рокот электрического двигателя, и в ту же минуту дважды прогудела сирена «Скорпиона».

Когда она смолкла, опять донесся тот же рокот, и Сандерстром пошел на звук, к электростанции. Работающий генератор оказался невелик, на глаз мощностью киловатт в пятьдесят. Все стрелки на приборной доске были спокойны, лишь одну — указатель температуры — занесло в красный сектор. И сквозь ровное гуденье пробивалась какая-то скрипучая нотка. Пожалуй, эта машина скоро испустит дух, подумал Сандерстром.

Он вышел из генераторной и прошел в административный корпус. Тут двери стояли незапертые, некоторые распахнуты настежь. Первый этаж, видимо, отведен был под конторы, во всех комнатах полы, точно сметенными ветром осенними листьями, устланы бумагами и радиogramмами. В одной комнате вырвана с мясом оконная рама, тут немало бед натворил дождь. Сандерстром подошел к пустому проему в стене и выглянул наружу: оконная рама, сорванная с петель, валялась на земле.

Он поднялся на второй этаж, отыскал главную аппаратурную. Вот они, два пульта, над каждым высится метал-

лическая стойка передатчика со всей аппаратурой. Один передатчик заглох, стрелки всех приборов на нуле.

Второй передатчик у окна, оконная рама тоже сорвана с петель и упала поперек пульта. Верхний угол рамы торчит из оконного проема наружу и подрагивает от несильного ветерка. Другим верхним углом рама опирается о лежащую на пульте опрокинутую бутылку из-под кока-колы.

Сандерстром протянул руку в защитной перчатке и тронул раму. Она качнулась, стукнула по ключу передатчика, стрелка миллиамперметра дернулась кверху. Сандерстром отпустил раму, и стрелка упала. Вот и завершена одна миссия подводной лодки Соединенных Штатов «Скорпион», он увидел воочию то, ради чего пройдено десять тысяч миль, что поглощало столько усилий и внимания в Австралии, на другой стороне земного шара.

Сандерстром снял оконную раму с пульта и осторожно положил на пол; деревянный переplet ничуть не пострадал, раму запросто можно бы починить и вставить на место. Сандерстром подсел к пульту и, пальцем в перчатке нажимая на ключ, начал передавать открытым текстом:

«Говорит остров Санта-Мария. Докладывает подводная лодка Соединенных Штатов «Скорпион». Никого живого здесь нет. Заканчиваю». Он повторял это опять и опять, а тем временем трижды прогудела сирена.

Он сидел и почти машинально повторял все ту же весть, которая почти наверняка уже доносилась до Австралии, а взгляд блуждал по сторонам. Вот лежит коробка с американскими сигаретами, недостает всего двух пачек, о таких сигаретах он только мечтал, но слишком четок приказ капитана. Есть две-три бутылки кока-колы. А на подоконнике еще громоздится стопка еженедельника «Сатердей ивнинг пост».

Прикинув, что он проработал уже минут двадцать, радист решил — довольно. Последние три раза он закончил сообщение словами: «Передаёт лейтенант Сандерстром. На борту все в порядке. Идем дальше на север, к Аляске». И прибавил: «Станция прекращает работу».

Он снял руку с ключа и откинулся на спинку стула. Ей-ей, эти лампы и катушки, этот миллиамперметр и преобразователь внизу потрудились на славу. Почти два года безо всякого присмотра и замены — а действуют,

как новенькие! Он поднялся, осмотрел аппарат, щелкнул тремя выключателями. Обошел передатчик кругом, открыл заднюю панель — надо же узнать, чьей фирмы эти лампы; с удовольствием послал бы им письменную благодарность.

Он еще раз поглядел на коробку первоклассных сигарет — нет, капитан, конечно, прав: они должны быть радиоактивны, такое курево — верная смерть. С сожалением он оставил их на месте и спустился по лестнице. Прошел в генераторную, где все еще работала машина, внимательно осмотрел панель управления, выключил рубильник, другой. Гул стал затихать; Сандерстром выждал, пока все замерло. Да, отменно поработала эта машина и, если бы сменить подшипники, еще долго служила бы не хуже. Тошно от одной мысли — оставить ее на ходу, покуда не разлетится вдребезги.

Пока он тут был, сирена подала голос четыре раза, и свое дело он сделал. В запасе еще четверть часа. Можно все как есть обследовать, но чего ради? В жилых домах он только и найдет трупы, как там, в уборной, а видеть их нет ни малейшего желания. Если взломать дверь шифровальной, возможно, там найдутся бумаги, интересные для австралийских историков, но ему не разобратся, которые интересны, да и все равно капитан запретил брать что-либо на борт.

Сандерстром вернулся туда, откуда вел передачу. Осталось еще несколько свободных минут, и он сразу взялся за журналы. Как он и ожидал, тут нашлись три номера, выпущенные после того, как «Скорпион» перед самой войной вышел из Пирл-Харбор — ни он сам и ни один человек на подлодке этих номеров не видел. Сандерстром жадно их перелистал. Тут были три заключительные главы романа «Леди и лесоруб». Он сел и принялся читать.

Не успев прочитать и половины первого отрывка, он очнулся: пять раз кряду взвыла сирена. Надо идти. Мгновенье он колебался, потом свернул три выпуска газеты в трубку и сунул под мышку. Надувная лодка и защитный костюм радиоактивны, их придется оставить в забортном отсеке «Скорпиона», их промоет морская вода; газеты можно засунуть в резиновую лодку, выпустив из нее воздух — и, может быть, они уцелеют, может быть, в безопасных южных широтах удастся отмыть их от радиации, просушить и дочитать роман. Сандер-

стром вышел из здания радиостанции, заботливо затворил за собой дверь и зашагал к причалу.

Чуть не доходя до причала напротив пролива стояла офицерская столовая. Высаживаясь на берег, Сандерстром едва скользнул по ней взглядом, а вот сейчас что-то привлекло его внимание, и он свернул к ней, полсотни лишних шагов не в счет. То была глубокая веранда, с нее, конечно, открывается красивый вид. Оказалось, там обедают. В плетеных креслах сидят вокруг стола пятеро мужчин в хаки и две женщины; под легким ветерком затрепетал край летнего платья. На столе — стаканы с виски и старомодные рюмки.

На миг Сандерстром обманулся и поспешно подошел ближе. И остановился в ужасе: это застолье длилось больше года. Он отшатнулся и заспешил к причалу, скорей, скорей назад, в тесную, наглухо закрытую стальную коробку, где надежно, безопасно, где тепло от близости товарищей.

На палубе он выпустил воздух из надувной лодки, свернул ее, в складки сунул газеты. Торопливо разделся, шлем и всю одежду сложил в забортный отсек, захлопнул и запер крышку, спустился в шахту и включил душ. Через пять минут он вступил во влажную духоту подводной лодки.

У выхода из тамбура ждал Джон Осборн, со всех сторон обвел прибывшего счетчиком Гейгера, ничего худого не обнаружил, и еще через минуту, опоясанный полотенцем, Сандерстром уже докладывал в капитанской каюте Дуайту Тауэрсу, рядом застыли офицер связи и первый помощник капитана.

— Мы получили ваши радиосигналы,— сказал Тауэрс.— Не знаю, дошли ли они уже до Австралии, это ведь долгий путь. Там около одиннадцати утра. Как вы думаете?

— Думаю, передачу приняли,— ответил радист.— Там сейчас осень, гроз и электрических помех не так уж много.

Тауэрс разрешил ему пойти одеться и обратился к помощнику:

— Эту ночь останемся на месте. Уже семь часов, пока дойдем до минных полей, стемнеет.— Без путеводных огней он не решался в темноте лавировать в заминированном проливе Хуан де Фука.— Здесь нас не застигнет прилив. Солнце взойдет в четыре пятнадцать, по Гринвичу это полдень. Тогда и пойдем.

Ночь подводники провели в спокойной бухточке подле Санта-Марии, глядели в перископ на береговые огни. А на рассвете двинулись в обратный путь и сразу же налетели на илистую мель. Начинался отлив, предстояли два часа мелководья, и однако, если верить карте, глубина под килем должна была быть шесть футов. Продули цистерны, пытаясь всплыть; но безуспешно, только уши заложило от резкого перепада давления в корпусе; ругательно ругая картографов, дважды повторили попытку — и все понапрасну. Как ни досадно, пришлось ждать прилива, только к девяти утра удалось выйти в канал и направиться на север, в открытое море.

В двадцать минут одиннадцатого лейтенант Хёрш, который нес вахту у перископа, вдруг объявил:

— Впереди идет лодка!

Старший помощник бросился к нему, на мгновение прерываясь к окулярам.

— Зовите капитана! — И, когда вошел Дуайт, доложил: — Прямо по курсу лодка с подвесным мотором, сэр. До нее примерно три мили. В лодке человек.

— Живой?

— По-моему, живой. Лодка идет своим ходом.

Дуайт подсел к перископу, долго присматривался. Потом поднялся.

— По-моему, это Суэйн, — негромко сказал он. — Кто бы это ни был, он удит рыбу. Похоже, Суэйн раздобыл моторную лодку и горючее и занялся рыбной ловлей.

Фаррел ошеломленно посмотрел на него.

— Надо же!

Капитан немного поразмыслил.

— Подойдите к лодке поближе и ложитесь в дрейф. Мне надо с ним поговорить.

В «Скорпионе» все смолкло, только и слышались команды Фаррела. Вскоре он велел остановить двигатели и доложил капитану, что моторная лодка рядом. Дуайт взял микрофон на длинном проводе и подошел с ним к перископу.

— Говорит капитан Тауэрс, — сказал он. — Доброе утро, Ральфи. Как дела?

— Отлично, кэп, — донеслось в ответ из динамика.

— Ловится рыба?

Суэйн выпрямился в лодке, поднял так, чтоб увидели в перископ, пойманного лосося.

— Одну поймал... обождите минуту, кэп, вы запутаете мою леску.

У перископа Дуайт усмехнулся:

— Сейчас он ее смотает.

— Может, мне подать немножко вперед? — спросил Фаррел.

— Не надо. Держитесь на месте. Он уже выбирает лесу.

Они выждали, и рыболов благополучно собрал свою снасть. Потом заговорил:

— Послушайте, кэп, вы меня, верно, считаете подлецом — взял и удрал с корабля.

— Ничего, приятель, — сказал Дуайт. — Я все понимаю. Только вот на борт вас уже не возьму. Мне надо думать обо всей команде.

— Ну, ясно, кэп, я ж понимаю. Я «горячий» и, наверно, с каждой минутой становлюсь горячее.

— А сейчас как самочувствие?

— Покуда в порядке. Может, вы спросите мистера Осборна, долго еще я не скину?

— Он думает, примерно еще день, а потом вам станет худо.

— Что ж, с последним днем мне здорово повезло, — отозвался из лодки рыбак. — Вот была бы досада, если б пошел дождь.

Дуайт засмеялся:

— Правильно, так и надо рассуждать. Скажите, а что делается на берегу?

— Все умерли, кэп... ну, вы это, верно, и сами знаете. Я побывал дома. Мать с отцом лежат мертвые в постели... по-моему, они что-нибудь такое приняли. Пошел поглядеть на свою девушку, а она тоже мертвая. Не надо было мне туда ходить. Ни собак, ни кошек не видать, и птиц нет, ни единой живой твари... тоже, верно, все перемерли. А так вроде все как было. Я виноват, что удрал с корабля, кэп, а только рад, что воротился домой. — Он помолчал минуту, потом прибавил: — У меня есть своя машина, и есть чем ее заправить, и своя лодка есть, и подвесной мотор, и вся рыболовная снасть. И денек выдался славный, погожий. Лучше уж вот так, в родном городе, чем в сентябре там, в Австралии.

— Ну, ясно, приятель. Понимаю вас. Может быть, вам нужно что-нибудь такое, что мы для вас выложим на палубу? Мы уходим и сюда больше не заглянем.

— А на борту нет таблеток — знаете, которые

враз прикончат, когда человеку станет совсем худо? Цианистый калий?

— У нас их нет, Ральфи. Если хотите, я выложу на палубу пистолет-автомат.

Рыболов покачал головой.

— Пушка у меня и у самого есть. Погляжу в аптеках на берегу, может, там что-нибудь такое найдется. Хотя, пожалуй, пуля лучше всего.

— А больше вам ничего не нужно?

— Спасибо, кэп, на берегу есть все, что надо. И задаром. Передайте от меня привет всем ребятам.

— Передам, приятель. А теперь нам пора. Желаю наловить побольше рыбки.

— Спасибо, кэп. У вас под началом хорошо служилось, уж простите, что я сбежал.

— Это ничего. А теперь мы пошли, берегитесь винтов.— И Тауэрс обернулся к помощнику: — Командуйте в машинное и ложитесь на курс, десять узлов.

В тот вечер Мэри Холмс позвонила Мойре. Была поздняя осень, дождь лил как из ведра, вокруг дома Дэвидсонов в Харкауэе свистал ветер.

— Дорогая,— сказала Мэри,— получена радиограмма. Они все живы-здоровы.

Девушка ахнула от неожиданности:

— Как они ухитрились сообщить?

— Мне только что звонил капитан Питерсон. Сообщение передано с той загадочной радиостанции, из-за которой их послали в рейс. Радировал лейтенант Сандерстром, и он сообщил, что все здоровы. Правда, замечательно?

Нахлынула такая радость, что Мойра едва не потеряла сознание.

— Чудесно! — прошептала она.— А можно им ответить?

— Сомневаюсь. Сандерстром сказал, что отключает передатчик и что там нет ни одного живого человека.

— О-о...— Мойра помолчала.— Что ж, наверно, нам только и остается запастись терпением.

— А ты хотела передать что-то определенное?

— В общем, нет. Просто хотела кое-что сказать Дуайту. Но с этим можно и подождать.

— Деточка! Неужели...

— Нет.

— И ты хорошо себя чувствуешь, это правда?

— Гораздо лучше, чем пять минут назад... А как ты, как Дженнифер?

— Малышка — прекрасно. У нас все хорошо, вот только дождь без конца. Может, ты к нам выберешься? Мы с тобой сто лет не видались.

— Я могу приехать как-нибудь вечером, после работы, и переночевать.

— Это будет чудесно!

Два дня спустя вечером Мойра доехала до станции Фолмут и под моросящим дождиком стала одолевать две мили подъема в гору. В квартирке Холмсов стараниями Мэри уже пылал огонь в камине гостиной. Мойра переобулась, помогла Мэри искупать и уложить малышку, и они поужинали. Потом уселись на полу перед камином.

— Как по-твоему, когда они вернутся? — спросила Мойра.

— Питер говорил, примерно к четырнадцатому июня. — Мэри потянулась к календарю, что лежал позади нее на столике. — Еще три недели с маленьким хвостиком. Я вычеркиваю дни.

— Ты думаешь, они вовремя пришли в то место... ну, откуда послали радиogramму?

— Не знаю. Надо было спросить капитана Питерсона. Может, позвонить ему завтра утром и спросить, удобно это?

— По-моему, не страшно.

— Пожалуй, позвоню. Питер говорит, это его последнее поручение по службе, когда они вернутся, он останется без работы. Я все думаю, может, нам бы в июне или в июле съездить куда-нибудь, устроить себе каникулы. Зимой тут так противно — сплошь дождь да ветрище.

Мойра закурила.

— А куда ты хочешь поехать?

— Куда-нибудь где потеплее. В Квинсленд или вроде того. Ужасно неудобно без машины. Наверно, придется везти Дженнифер поездом.

Мойра выпустила длинную струю табачного дыма.

— Пожалуй, с Квинслендом будет не так-то просто.

— Из-за этой болезни? Но ведь до него очень далеко.

— В Мэриборо уже началось, — сказала Мойра. — А он только самую малость севернее Брисбена.

— Но есть же еще теплые места, не обязательно в той стороне?

— Да, пожалуй. Но эта штука упорно движется на юг.

Мэри круто повернулась, поглядела на подругу.

— Слушай, ты серьезно думаешь, что дойдет и до нас?

— Думаю, да.

— И что же, по-твоему, мы все от этого умрем? Мужчины не ошибаются?

— Наверно, так.

Мэри повернулась, отыскала среди бумаг, раскиданных на кушетке, каталог садовых цветов.

— Я сегодня заходила к Уилсону, купила сотню желтых нарциссов, — сказала она. — Луковицы. «Король Альфред» — знаешь этот сорт. — Она показала картинку в каталоге. — Посажу их в том углу у ограды, где Питер убрал дерево. Там их не спалит солнце. Но если мы все умрем, наверно, это глупо.

— Не глупей, чем мне теперь начать учиться машинописи и стенографии, — сухо сказала Мойра. — Если хочешь знать, по-моему, все мы немножко спятили. Когда расцветают желтые нарциссы?

— Должны зацвести к концу августа. Конечно, в этом году они будут еще не бог весть что, а вот через год-другой залюбуешься. Понимаешь, цветков становится все больше.

— Ну конечно, стоит их посадить. Ты их все-таки увидишь, и будет такое чувство, вроде сделала что-то хорошее.

Мэри осмотрела на подругу с благодарностью.

— Вот и мне так кажется. Понимаешь, я... мне... невыносимо просто сложить руки и ничего не делать. Тогда уж лучше сразу взять и умереть и покончить с этим.

Мойра кивнула.

— Если то, что говорят, верно, никто из нас не успеет сделать, что задумал. Но, пока хватит сил, надо делать свое дело.

Так они сидели на коврик перед камином, Мэри ворошила пылающие чурки. Потом сказала:

— Я забыла спросить, может, хочешь коньяку или еще чего-нибудь выпьешь. В буфете стоит бутылка и, кажется, есть немного содовой.

Мойра покачала головой.

— Не хочу. Мне и так хорошо.
— Правда?
— Правда.
— Вступила на стезю добродетели? Или вроде того?
— Вроде того,— подтвердила Мойра.— Дома я не пью ни глотка. Разве что в гостях или с мужчинами. В основном с мужчинами. В сущности, мне это даже надоело.

— Но ведь ты не из-за мужчин бросила, дорогая? Теперь тебе, похоже, не до них. Из-за Дуайта Тауэrsa?

— Да,— был ответ.— Все из-за Дуайта Тауэrsa.

— А ты не хотела бы выйти замуж? Даже если все мы и правда в сентябре умрем?

Мойра пристально смотрела в огонь.

— Да, мне хотелось выйти замуж,— негромко сказала она.— Мне хотелось всего, что есть у тебя. Но теперь у меня ничего этого не будет.

— А ты не можешь выйти за Дуайта?

Мойра покачала головой.

— Сильно сомневаюсь.

— Я уверена, ты ему нравишься.

— Да,— сказала Мойра.— Я ему очень нравлюсь.

— Он никогда тебя не целовал?

— Один раз поцеловал.

— Я уверена, он на тебе женится.

Мойра опять покачала головой.

— Никогда и ни за что. Видишь ли, он женатый человек. У него в Америке жена и двое детей.

Мэри широко раскрыла глаза.

— Но это невозможно, дорогая. Они же наверняка умерли.

— Он так не думает,— устало сказала Мойра.— Он думает, в сентябре он вернется домой и увидит их. У себя дома, в городе Мистике.— Она помолчала.— Все мы сходим с ума, каждый по-своему. Дуайт — вот так.

— По-твоему, он всерьез воображает, что его жена и дети еще живы?

— Не знаю, что он там воображает. Что живы — вряд ли. Он думает, что в сентябре умрет, но при этом вернется домой, к своей Шейрон и Дуайту-младшему и к Элен. Он покупает для них подарки.

Мэри силилась понять услышанное.

— Но если он так думает, почему же он тебя целовал?

— Потому что я обещала ему помочь с подарками.

Мэри поднялась.

— Мне надо выпить,— решительно заявила она.— И тебе тоже полезно.— А когда снова села рядом с Мойрой и у обеих в руках были стаканы, спросила с любопытством: — Наверно, странное это чувство — ревновать к покойнице?

Мойра отпила глоток, она по-прежнему пристально смотрела в огонь. Наконец сказала:

— Я к ней не ревную. По-моему, не ревную. Ее зовут Шейрон, прямо библейское имя. Я рада бы с ней познакомиться. Наверно, она замечательная. Понимаешь, он очень *земной* человек.

— Так ты не хочешь выйти за него замуж?

Мойра долго молчала.

— Не знаю,— наконец сказала она.— Может быть, хочу, а может быть, и нет. Если бы не вся эта история... я бы пошла на любую подлость, лишь бы его отбить. Наверно, ни с кем другим я не была бы счастлива. Но ведь осталось слишком мало времени, теперь уже ни с кем не успеешь стать счастливой.

— Все-таки впереди еще месяца три-четыре,— заметила Мэри.— Когда-то я видела одно поучительное изречение — знаешь, такие вешают на стену, чтоб всегда были перед глазами. Там было написано: «Не волнуйся, возможно, это еще и не случится».

— Я думаю, это наверняка случится,— сказала Мойра. Взяла кочергу и стала бесцельно ее вертеть.— Будь впереди целая жизнь, другое дело. Если б можно заполнить Дуайта навсегда, чтобы у нас был дом, и дети, и долгая жизнь, я бы и на подлость пошла. Будь это возможно, ни перед чем бы не остановилась. А сделать ей гадость, когда удовольствия всего на три месяца и потом — ничего... нет, это совсем другое. Может быть, я и безнравственная, но, кажется, не до такой степени.— Она подняла глаза и улыбнулась.— И наверно, мне все равно бы не успеть. Наверно, он заслужит у нее высшую похвалу за свое поведение.

— О, господи, как все сложно,— вздохнула Мэри.

— Хуже некуда,— подтвердила Мойра.— Видно, я так и помру старой девой.

— Бессмыслица. Но, видно, пришло такое время — ни в чем не сыщешь смысла. Питер...— Мэри прикусила язык.

— А что Питер? — с любопытством спросила Мойра.

— Сама не знаю. Просто ужас, безумие.— Она беспокойно стиснула руки.

— Да что случилось? Расскажи.

— Ты в жизни кого-нибудь убила?

— Я? Пока нет. Но хотелось часто. Больше всё загородных телефонисток.

— Нет, я серьезно. Ведь кого-то убить — страшный грех, правда? За это попадешь в ад.

— Не знаю. Возможно. А кого ты хочешь убить?

— Питер сказал, что мне, наверно, придется убить Дженнифер,— глухо сказала молодая мать. По ее щеке поползла слеза.

Мойра порывисто наклонилась к ней, погладила по руке.

— Хорошая моя, этого не может быть! Ты что-то не так поняла.

Мэри покачала головой.

— Все так.— Она всхлипнула.— Я все правильно поняла. Он сказал, что мне, наверно, придется это сделать, и показал, как.

И она разрыдалась.

Мойра обняла ее, стала утешать, и понемногу все выяснилось. Сперва Мойра не могла поверить ее рассказу, а потом засомневалась. Под конец они пошли в ванную и осмотрели маленькие красные коробочки в аптечном шкафчике.

— Я что-то об этом слыхала,— серьезно сказала девушка.— Только не знала, что зашло так далеко...

Безумие громоздилось на безумие.

— Мне не сделать этого одной,— прошептала Мэри.— Как бы плохо малышке ни было, я не смогу. Если Питера здесь не будет... если со «Скорпионом» что-нибудь случится... ты приедешь помочь мне, Мойра? Пожалуйста!

— Ну конечно,— мягко ответила девушка.— Конечно, приеду и помогу. Но Питер непременно будет здесь. Они наверняка вернутся. Дуайт такой.— Она достала скрученный в комочек носовой платок и подала Мэри.— На, утри слезы, и хорошо бы выпить чаю. Пойду поставлю чайник.

Перед угасающим камином они выпили по чашке чая.

Спустя восемнадцать дней подводная лодка Соединенных Штатов «Скорпион» всплыла на поверхность

под чистый воздух на тридцать первом градусе южной широты, вблизи острова Норфолк. Зимы над Тасмановым морем суровы, у входа оно так и клокочет, низкую палубу заливало каждой волной. Выпускать на мостик можно было не больше восьми человек за раз; люди выбирались наверх бледные, дрожали под порывами ветра и налетающей пеной, плотнее кутались в клеенчатые плащи. Дуайт держал лодку в дрейфе носом к ветру почти весь день, чтобы каждый из команды полчаса подышал свежим воздухом, но мало кто мог выстоять на мостике отведенный ему срок.

Да, им трудно было выносить этот холод и сырость, но по крайней мере он привел обратно живыми всех своих людей, кроме Суэйна. Тридцать один день взаперти в подводной лодке — не шутка, все побледнели, ослабли, троими овладела тяжелая депрессия, на этих уже нельзя было положиться, пришлось освободить их от службы. Дуайт изрядно перепугался, когда лейтенанта Броди свалил, судя по всем признакам, острый приступ аппендицита; с помощью Джона Осборна он перечитал все, что оказалось под рукой, и собрался сам на столе в кают-компании оперировать больного. Тому, однако, полегчало, и теперь он мирно отдыхал на своей койке; все его обязанности взял на себя Питер Холмс, и капитан надеялся, что Броди благополучно протянет пять дней, пока «Скорпион» не пришвартуется в Уильямстауне. Питер Холмс держался в норме, не хуже других на борту. Джон Осборн стал беспокоен и раздражителен, но работал, как и прежде, только все уши прожужжал Дуайту о своем «феррари».

За время похода установили, что теория Йоргенсена не верна. При помощи подводного миноискателя опасно сторонясь плавучих айсбергов, малым ходом прокрались в залив Аляска, достигли пятьдесят восьмого градуса северной широты в районе мыса Кадьяк. Ближе к суше подходить не решились, там лед был слишком плотный; уровень радиации в этих местах оставался смертельным, почти таким же, как у Сиэтла. Без крайней нужды незачем было дольше подвергать «Скорпион» опасности в этих водах; они определились, взяли на юг, чуть отклоняясь к востоку, пока не вышли в более теплые воды, где меньше риска наткнуться на лед, а затем повернули на юго-запад, к Гавайским островам и Пирл-Харбор.

В Пирл-Харбор они ровно ничего не узнали. Прошли

в гавань, до той самой пристани, от которой отплыли в канун войны. Людей это не так уж угнетало: Дуайт еще перед рейсом проверил, что в команде нет ни одного человека с Гонолулу и на Гавайях ни у кого не оставалось родных и близких. Он мог выслать на берег одного из офицеров в защитном костюме, как сделал на Санта-Марии, и прежде чем подойти к островам, несколько дней обсуждал с Питером Холмсом, нужно ли это, но под конец оба решили, что высадка ничего нового не даст. Когда у лейтенанта Сандерстрема на острове Санта-Мария оказалось несколько свободных минут, он просто начал читать журналы, другого занятия не нашлось — и вряд ли на берегу Пирл-Харбор удалось бы сделать что-нибудь полезнее. Радиоактивность тут такая же, как в Сизтле; подводники составили список многочисленных застрявших в гавани судов, отметили значительные разрушения на берегу, и «Скорпион» пошел дальше.

В день, когда они дрейфовали у входа в Тасманово море, уже можно было без особого труда связаться по радио с Австралией. Подняли антенну, доложили, где находятся и в какое время рассчитывают вернуться в Уильямстаун. В ответной радиограмме их запросили о здоровье, и Тауэрс послал длинное сообщение; составить ту его часть, которая касалась старшины Суэйна, было не так-то просто. Последовало несколько обыденных радиограмм — прогноз погоды, сведения о том, сколько осталось горючего и какой «Скорпиону» по возвращении понадобится ремонт, а к середине утра пришло нечто более важное.

Приказ составлен был тремя днями раньше. Он гласил:

От Командующего военно-морскими силами Соединенных Штатов, Брисбен. Капитан-лейтенанту Дуайту Л. Тауэрсу, подводная лодка США «Скорпион».

О передаче дополнительных служебных обязанностей.

1. В связи с выбытием нынешнего Командующего военно-морскими силами США, с сего дня вам надлежит безотлагательно и: бессрочно принять на себя обязанности Командующего военно-морскими силами США на всех морях. Руководствуйтесь соображениями благоразумия при размещении этих сил и

прекратите или продолжайте использовать их под австралийским командованием, по своему усмотрению.

2. Думаю, тем самым вы становитесь адмиралом, если вам угодно получить этот чин. Прощайте, желаю удачи.

Джерри Шоу.

3. Копия — Главнокомандующему военно-морскими силами Австралии.

У себя в каюте Дуайт с каменным лицом прочитал радиogramму. Потом, поскольку австралийцы уже получили копию, послал за офицером связи. И когда Питер вошел, молча протянул ему листок. Капитан-лейтенант в свою очередь его прочел.

— Поздравляю, сэр,— негромко сказал он.

— Да, наверно, надо принимать поздравления... — отозвался Тауэрс. И, помедлив, сказал: — Должно быть, это значит, что Брисбен кончился.

От широты, где они сейчас находятся, до Брисбена двести пятьдесят миль к северу. Питер кивнул, мысленно перебирая сводки по радиоактивности.

Еще вчера к концу дня обстановка там была пре-скверная.

— Я думал, он мог бы оставить корабль и двинуться на юг,— сказал Тауэрс.

— А на корабле нельзя было пройти хоть немного?

— У них больше нет ни капли горючего,— сказал Дуайт.— На кораблях не работает ни электричество, ничего. В топливных цистернах сушь, как в Сахаре.

— Я думал, он мог бы переехать в Мельбурн. Все-таки Главнокомандующий флотом Соединенных Штатов.

Дуайт невесело улыбнулся.

— Сейчас это ровно ничего не значит. Нет, важно другое: он был капитан своего корабля, а корабль неподвижен. Конечно, он не захотел бросить своих людей.

Больше говорить было не о чем, и Тауэрс отпустил Питера. Составил короткую ответную радиogramму, подтверждая получение приказа, и велел радисту передать ее через Мельбурн, а копию — адмиралу Хартмену. Вскоре вошел радист и положил капитану на стол листок бумаги.

«На вашу радиogramму. 12/05663 сообщаем:

К сожалению, никакой связи с Брисбеном больше нет».

Тауэрс кивнул.

— Ладно,— сказал он.— Нет так нет.

7

Назавтра после возвращения подлодки в Уильямстаун Питер Холмс явился к заместителю Главного-командующего адмиралу Гримуэйду. Адмирал знаком предложил ему сесть.

— Вчера вечером я несколько минут говорил с капитаном Тауэрсом,— сказал он.— Похоже, он вами очень доволен.

— Рад это слышать, сэр.

— Что ж, теперь вы, наверно, хотите знать насчет дальнейшей вашей службы.

— В некотором смысле — да, сэр,— неуверенно начал Питер.— Как я понимаю, общее положение не изменилось? То есть остается только два или три месяца?

Адмирал кивнул.

— Видимо, так. Помнится, в прошлый раз вы сказали, что предпочитаете последние месяцы провести на берегу.

— Хотелось бы.— Питер запнулся.— Мне надо подумать и о жене.

— Разумеется.— Адмирал предложил молодому человеку сигарету, закурил и сам.— «Скорпион» становится в док на капитальный ремонт. Вероятно, вам это известно.

— Да, сэр. Капитан хочет непременно полностью отремонтировать лодку. Сегодня утром я был насчет этого у коменданта порта.

— Обычно на это требуется около трех недель. В нынешних условиях, возможно, уйдет больше времени. Хотите остаться при «Скорпионе» офицером связи, покуда не закончится ремонт? — Помедлив, адмирал прибавил: — Капитан Тауэрс просил, чтобы вы пока оставались на своем посту.

— А можно мне жить дома, в Фолмуте? Дорога до порта у меня отнимает час и три четверти.

— Это вам лучше обсудить с капитаном Тауэрсом. Едва ли он станет возражать. Ведь лодка сейчас не готовится к рейсу. Как я понял, большинству команды

он дает отпуск. Едва ли ваши обязанности будут слишком обременительны, но вы поможете ему в переговорах на верфи.

— Я охотно буду и дальше служить под его началом, сэр, при возможности жить дома. Но если предстоит новый поход, я просил бы меня заменить. Я не могу позволить себе опять уйти в плавание.— Питер запнулся.— Мне неприятно об этом говорить, сэр.

Адмирал улыбнулся.

— Ничего, капитан-лейтенант. Я буду иметь в виду ваше желание. А если надумаете уволиться, приходите ко мне.— Он поднялся, давая понять, что разговор окончен.— Дома у вас все в порядке?

— В полном порядке. Похоже, вести хозяйство стало потрудней, чем до моего отъезда, и жене трудновато, у нее еще и ребенок на руках.

— Да, трудно. И, боюсь, легче не станет.

В тот день около полудня Мойра Дэвидсон позволила на авианосец Дуайту Тауэрсу.

— Доброе утро, Дуайт. Говорят, мне следует вас поздравить.

— Кто вам сказал?

— Мэри Холмс.

— Можете поздравлять, если хотите,— не без горечи сказал Дуайт,— но лучше не надо.

— Ладно, не буду. Как вы, Дуайт? Как себя чувствуете?

— Нормально,— сказал он.— Настроение сегодня неважное, а вообще все нормально.

На самом же деле с тех пор, как он вернулся на корабль, каждый пустяк давался ему с трудом; он плохо спал, и его одолевала безмерная усталость.

— У вас много работы?

— Должно бы быть много, но... не знаю. Вроде ничего не делается, а чем больше ничего не делается, тем больше надо сделать.

Это был какой-то незнакомый Дуайт, к такому она не привыкла.

— Вы говорите как больной,— строго заметила Мойра.

— Я не болен, детка,— с толикой досады возразил Дуайт.— Просто есть кое-какие неотложные дела, а вся команда отпущена на берег. Мы слишком долго пробыли в плавание и попросту забыли, что значит работать.

— Я считаю, вам и самому нужен отпуск. Может, поживете немножко у нас в Харкауэе?

Дуайт чуть подумал.

— Большое спасибо за приглашение. Пока еще не могу. Завтра мы ставим «Скорпиона» в сухой док.

— Поручите это Питеру Холмсу.

— Не могу, детка. Дядя Сэм будет недоволен.

Она поостереглась, не сказала, что дядя Сэм во веки веков ничего не узнает.

— А когда поставите, ваш «Скорпион» перейдет в ведение работников верфи, так?

— Вы недурно разбираетесь во флотских делах.

— Ну еще бы. Я прекрасная шпионка, Мата Хари, роковая женщина и за двойной порцией коньяка выуживаю военные тайны у простодушных военных моряков. Так, значит, лодка перейдет в ведение верфи?

— Совершенно верно.

— Ну, и тогда вы можете спокойно бросить все прочее на Питера Холмса и уйти в отпуск. В котором часу вы ставите «Скорпиона» в док?

— Завтра в десять утра. Наверно, к середине дня с этим покончим.

— Так вот, к вечеру приезжайте хоть ненадолго к нам в Харкауэй. У нас холод жуткий. Ветер так и свищет вокруг дома. И почти все время льет дождь, без резиновых сапог никуда не выйдешь. Самая холодная на свете работа — по крайней мере для женщины — ходить за волом с бороной по выгону. Приезжайте и попробуйте. Через несколько дней вы будете прямо рваться от нас обратно в духотищу, в свою подлодку.

Дуайт рассмеялся:

— Право, вы нарисовали очень соблазнительную картинку.

— Сама знаю. Так вы завтра приедете?

Да, было бы облегчение — отдохнуть денек-другой, забыть обо всех заботах.

— Пожалуй, выберусь, — сказал Дуайт. — Мне надо еще уладить кое-какие мелочи, но, пожалуй, сумею выбраться.

Мойра условилась встретиться с ним на завтра в четыре часа в отеле «Австралия». И когда они встретились, озабоченно всмотрелась в его лицо; поздоровался он с ней весело и, похоже, рад ее видеть, но под его загаром пробивается нездоровая желтизна и мгно-

веньями, забывая следить за собой, он мрачнеет, чем-то угнетенный. Мойра нахмурилась.

— Вы паршиво выглядите. Нездоровится? — Она взяла его за руку. — И руки горячие. Да у вас жар!

Дуайт отнял руку.

— Я здоров. Что будете пить?

— Вы выпьете двойную порцию виски и проглотите солидную дозу хинина, — заявила Мойра. — Двойное виски уж во всяком случае. Хинин я достану, когда будем дома. Вам надо лечь в постель!

Дуайта немного отпустило, приятно, когда о тебе так хлопчут.

— А вам двойную порцию коньяка? — спросил он.

— Мне — маленькую, вам двойное виски, — был ответ. — Постыдились бы разгуливать в таком виде. Наверно, распускаете вокруг тучи микробов. Вы хоть врачу показывались?

Дуайт заказал выпивку.

— В порту теперь нет врача. Действующих судов больше не осталось, кроме «Скорпиона», а он сейчас в ремонте. Последнего флотского лекаря куда-то перевели, пока мы были в рейсе.

— Но температура у вас повышена, да?

— Может быть, немножко. Пожалуй, начинается простуда.

— Похоже на то. Пейте виски, а я позвоню папе.

— Зачем?

— Пускай нас встретит с тележкой. Я говорила своим, что мы придем со станции пешком, но сейчас не позволю вам лезть в гору. Еще помрете у меня на руках, а я потом объясняйся со следователем. Как бы не осложнились дипломатические отношения.

— У кого с кем, детка?

— С Соединенными Штатами. Это не шутка — прикончить Главнокомандующего американским военным флотом.

— Подозреваю, что Соединенные Штаты — это я и есть, — устало сказал Дуайт. — Подумываю, не выйти ли в президенты.

— Вот и обдумайте, а я пока позвоню маме.

В телефонной будке Мойра сказала:

— По-моему, у него грипп, мамочка. Начать с того, что он ужасно устал. Как только приедем, надо уложить его в постель. Может, ты затопишь в его комнате камин и положишь в кровать грелку? И еще, мамочка,

позвони доктору Флетчеру и попроси заглянуть сегодня же вечером. По-моему, это просто грипп, но все-таки он больше месяца пробыл в местах, где сильная радиация, и после этого не показывался врачу. Объясни доктору Флетчеру, кто он такой, Дуайт. Знаешь, теперь он очень важная персона.

— Каким поездом вы приедете, милочка?

Мойра глянула на ручные часы.

— Поспеем на четыре сорок. Мамочка, в нашей тележке можно будет окоченеть. Попроси папу захватить парочку пледов.

И она вернулась в бар.

— Допивайте и пойдем,— скомандовала она Дуайту.— Нам надо успеть на поезд четыре сорок.

Он покорно пошел за нею. А часа через два был уже в спальне, где пылали дрова в камине, и, дрожа от начинающейся лихорадки, забрался в теплую постель. Он лег, безмерно благодарный, и дрожь унялась, и так отрадно было расслабиться и лежать, глядя в потолок, и слушать, как барабанит по крыше дождь. Вскоре гостеприимный хозяин принес ему горячего виски с лимоном и спросил, чего бы он хотел поесть, но есть Дуайт не захотел.

Около восьми снаружи, сквозь шум дождя, послышался топот лошадиных копыт и голоса. Вскоре вошел доктор; мокрый плащ он скинул, но брюки и сапоги для верховой езды потемнели от дождя, и когда он остановился у камина, от них пошел пар. Это был человек лет сорока, бодряк и мастер своего дела.

— Право, доктор, мне очень совестно, что вас заставили приехать по такой погоде,— сказал пациент.— Не такая у меня хворь, чтобы не прошла, если полежать денек-другой в постели.

Врач улыбнулся.

— Приехать не трудно, и я очень рад с вами познакомиться.— Он взял руку американца, нащупал пульс.— Как я понимаю, вы побывали в местах, зараженных радиацией.

— Ну да. Но мы не выходили наружу.

— Все время оставались внутри, в подводной лодке?

— Все время. С нами ходил в рейс один малый, физик из научного центра, он каждый день обнюхивал каждого гейгеровским счетчиком.

— Была у вас рвота или понос?

— Ничего похожего. И ни у кого на борту ничего такого не было.

Врач сунул Дуайту в рот термометр и, стоя подле кровати, продолжал щупать пульс. Потом вынул термометр.

— Сто два,— сказал он.— Полежите-ка немного в постели. Долго вы плавали?

— Пятьдесят три дня.

— А сколько времени не всплывали?

— Больше половины.

— Переутомились?

— Да, возможно,— чуть подумав, признался Дуайт.

— По-моему, очень даже возможно. Оставайтесь в постели, пока не упадет температура, и потом еще день. А дня через два я вас навещу. Думаю, вы подхватили грипп, он тут гуляет вовсю. Когда встанете, по крайней мере неделю не следует возвращаться к работе, и еще после этого надо бы взять отпуск и отдохнуть. Сможете?

— Придется подумать.

Потом поговорили, немного о рейсе «Скорпиона», о положении в Сизтле и Квинсленде. Под конец доктор сказал:

— Вероятно, я загляну завтра днем, заброшу вам кое-какие лекарства. Мне надо съездить в Дэнденонг; мой коллега оперирует в тамошней больнице, а я помогу, дам наркоз. Там я возьму лекарства и завезу вам на обратном пути.

— Серьезная будет операция?

— Не слишком. У женщины опухоль в желудке. Лучше убрать. Это все-таки позволит ей прожить еще несколько лет не инвалидом.

Доктор вышел, слышно было — за окном, стараясь сбросить всадника, заупрямилась и взбрыкнула лошадь, он выругался. Но вот лошадь пошла рысью, и Дуайт несколько минут прислушивался сквозь шум дождя к затихающему топоту копыт на дороге. А потом дверь отворилась, и вошла Мойра.

— Так вот,— сказала она,— завтра вы уж во всяком случае остаетесь в постели.— Она подошла к камину, подбросила два-три полена.— Наш доктор славный, правда?

— Он чокнутый,— заявил Тауэрс.

— Почему? Потому что прописал вам постельный режим?

— Не то. Завтра он в больнице оперирует женщину, чтобы она могла с пользой прожить еще несколько лет.

Девушка рассмеялась.

— Очень на него похоже. Отродясь не встречала другого такого добросовестного человека.— И, помолчав, прибавила: — Папа собирается летом строить еще одну запруду. Он и раньше об этом толковал, а теперь собрался всерьез. Он сегодня звонил одному человеку, у которого есть бульдозер, и сговорился, чтоб тот приехал, как только земля подсохнет.

— Когда это будет?

— Примерно к Рождеству. Ему просто больно смотреть, как столько дождя пропадает зря. Летом у нас тут все пересыхает.

Она взяла со столика у постели Дуайта пустой стакан.

— Хотите выпить еще горячего?

Он покачал головой.

— Сейчас не хочу, детка. Я прекрасно себя чувствую.

— А поесть чего-нибудь?

Он опять покачал головой.

— Может быть, сменить грелку?

— Я прекрасно себя чувствую.— И опять покачал головой.

Мойра вышла, но через несколько минут вернулась с длинным свертком, на конце сверток расширился.

— Вот, я вам оставляю, можете смотреть на это всю ночь.

И она поставила сверток в угол, но Дуайт приподнялся на локте.

— А что это?

Мойра засмеялась:

— Угадывайте до трех раз, а утром увидите, которая догадка верна.

— Я хочу посмотреть сейчас.

— Завтра.

— Нет, сейчас.

Она поднесла ему сверток и, стоя подле кровати, смотрела, как он срывает бумагу. Главнокомандующий военно-морскими силами Соединенных Штатов, в сущности, просто мальчишка, подумала она.

В руках у него, на одеяле, лежал новенький, сверкающий «кузнечик». Деревянная рукоятка отлакирована и блестит, металлическая подножка лоснится

красной эмалью. На рукоятке красной краской четко выведено: ЭЛЕН ТАУЭРС.

— Вот здорово,— севшим от волнения голосом вымолвил Дуайт.— Никогда таких не видал, да еще с именем. Она будет в восторге.— Он поднял глаза на Мойру.— Где вы его раздобыли, детка?

— Нашла мастерскую, где их делают, это в Элстерн-вике. Теперь-то их больше не выпускают, но для меня сделали.

— Даже не знаю, как вас благодарить,— пробормотал Дуайт.— Теперь у меня для всех есть подарки. Мойра собрала рваную оберточную бумагу.

— Пустяки,— небрежно сказала она.— Забавно было заниматься поисками. Я поставлю его в угол? Дуайт покачал головой.

— Оставьте тут.

Мойра кивнула и пошла к двери.

— Я погашу верхний свет. Засыпайте скорей. У вас правда есть все, что нужно?

— Конечно, детка,— был ответ.— Теперь у меня все есть.

— Спокойной ночи,— сказала Мойра. Вышла и затворила за собой дверь.

Некоторое время Дуайт лежал при свете камина, думал о Шейрон и об Элен, о солнечных днях и о кораблях, что высятся у набережных Мистика, об Элен, которая скачет на «кузнечике» по расчищенной дорожке между двумя снежными грядами, о Мойре — какая добрая девушка... и понемногу сон одолел его, а рука так и осталась на лежащем под боком детском тренажере.

На другой день Питер Холмс обедал с Джоном Осборном в офицерском клубе.

— Утром я звонил на корабль,— сказал физик.— Хотел поймать Дуайта и показать ему черновик доклада, прежде чем перепечатаю. А мне сказали, что он гостит у Дэвидсонов.

Питер кивнул.

— Он заболел гриппом. Вчера вечером мне звонила Мойра и сказала, что постарается не пускать меня к нему целую неделю, а то и дольше.

Осборн озабоченно нахмурился.

— Я не могу так долго тянуть с докладом. Йоргенсен уже прослышал о данных, которые мы привезли, и твердит, будто мы плохо вели наблюдения. Я должен

отдать доклад в перепечатку не позже завтрашнего утра.

— Если хотите, я его просмотрю, и, может быть, нам удастся поговорить с первым помощником, хоть он сейчас и в отпуске. Но Дуайту надо бы тоже прочесть, прежде чем доклад пойдет дальше. Может быть, позвоните Мойре, и пускай она свезет его в Харкауэй?

— А она там бывает? Я думал, она все время сидит в Мельбурне, обучается машинописи и стенографии.

— Не болтайте чепуху. Конечно же, она дома.

Физик оживился:

— Я могу сегодня же все отвезти Тауэрсу на «феррари».

— Вы скоро останетесь без горючего, если станете его тратить на такие прогулочки. Можно прекрасно доехать поездом.

— Я поеду по службе, по делам флота,— возразил Джон Осборн.— Имею право получить горючее из флотских запасов.— Он наклонился к Питеру, понизил голос.— Известен вам авианосец «Сидней»? В одной из его цистерн имеется примерно три тысячи галлонов эфи́ро-спиртовой смеси. Там пытаются с нею поднять в воздух самолет на поршневой тяге, только пока ничего не получается.

— Но это горючее не про вас! — возмутился Питер.

— Разве? Я поеду по делам флота, а может быть, и поважней, чем только для флота.

— Ладно, расскажите и мне про эту смесь. Годится она для малолитражного «морриса»?

— Придется помудрить с карбюратором и повысить сжатие двигателя. Выньте прокладку, замените ее тоненькой медной пластиной и закрепите. Попытка не пытка.

— А не опасно гонять в вашей машине по дорогам?

— Ничуть,— сказал Осборн.— На дорогах сейчас и наскочить не на что, разве только на трамвай. И на прохожих, конечно. Я всякий раз беру с собой запасные свечи, а то при трех тысячах оборотов в минуту их забрасывает маслом.

— А какая у нее скорость при трех тысячах?

— Ну, на самой большой скорости гонять не стоит. А так она делает миль сто в час или немного больше. Начинает с сорока пяти миль, потом, конечно, разгоняется; надо, чтоб впереди дорога хоть ярдов на двести была свободна. Я обычно выталкиваю ее из гаража на

Элизабет-стрит вручную и потом дожидаясь перерыва между трамваями.

Так он и поступил в этот день после обеда, и Питер Холмс помог ему толкать машину. Осборн втиснул папку с черновиком доклада сбоку сиденья, на глазах собравшихся восхищенных зрителей влез в машину, застегнул ремень безопасности и надел шлем.

— Ради бога никого не угробьте,— негромко сказал ему Питер.

— Все равно месяца через два все перемрут, и мы с вами тоже,— заметил физик.— Вот я и хочу прежде получить от своей тачки толику удовольствия.

Мимо прошел трамвай, и Осборн попробовал запустить остывший мотор стартером, но неудачно. Мимо прошел еще трамвай, и тотчас десяток добровольцев принялись подталкивать «феррари», но вот мотор заработал, и с оглушительным треском выхлопа, заверещав шинами, обдав запахом жженой резины и облаком дыма, гоночная машина ракетой вырвалась из рук Осборновых помощников. У «феррари» не было гудка, да ему и незачем сигналить — его слышно за добрых две мили; Джона Осборна больше заботило, что у него и фар никаких нет, а к пяти часам уже темно. Чтобы доехать до Харкауэя, показать капитану доклад и обернуться засветло, надо шпарить вовсю.

На скорости пятьдесят миль в час он обогнал трамвай, круто свернул на Лонгсдейл-стрит и, усевшись поудобнее, промчался по городу на скорости семьдесят миль. Автомобили теперь стали редкостью, и, если б не трамвай, на улицах не встретишь никаких помех; пешеходов немало, но они расступаются перед ним; не то в предместьях: на пустынных дорогах привыкла играть детвора, понятия не имеющая, что автомобиль надо пропустить; Осборну не раз пришлось изо всей силы жать на тормоза, а если нога соскальзывала с педали и машина с ревом пронеслась дальше, у него сердце сжималось от страха перед возможным несчастьем, и он утешался только мыслью, что тормоза-то особые, для гонок.

Он домчался до Харкауэя за двадцать три минуты при скорости в среднем семьдесят две мили в час и ни разу не переключил скорость на высшую. Срыву обогнул клумбы, подкатил к дому, заглушил мотор; из дверей торопливо вышли фермер с женой и дочерью

и смотрели, как он снимает шлем и неуклюже — все суставы одеревенели — вылезает из машины.

— Я к Дуайту Тауэрсу,— объяснил он.— Мне сказали, что он здесь.

— Он как раз пытается уснуть,— отрезала Мойра.— До чего мерзкая машина, Джон. Какая у нее скорость?

— Что-то около двухсот в час. Мне нужно видеть Тауэrsa по делу. У меня тут бумаги, он должен их посмотреть перед тем, как я отдам в перепечатку. А перепечатать надо не позднее завтрашнего дня.

— Ну ладно. Не думаю, чтобы он сейчас спал.

И она повела Осборна в запасную спальню. Дуайт не спал, сидел в постели.

— Так и думал, что это вы,— сказал он.— Уже кого-нибудь угробили?

— Пока нет,— ответил физик.— Надеюсь, первой жертвой буду я сам. Не желаю провести последние дни своей жизни в тюрьме. Хватит с меня двух месяцев в «Скорпионе».

Он открыл папку и объяснил, зачем приехал.

Дуайт взял доклад и стал читать, изредка задавая вопросы. В какую-то минуту он сказал:

— Жаль, что мы отключили ту радиостанцию. Может быть, нам еще разок дал бы знать о себе старшина Суэйн.

— Станция от него далеко.

— У него ведь моторная лодка. Может, однажды надоела рыбалка и он причалил бы там, подал весточку.

— Не думаю, чтоб он мог протянуть так долго, сэр. По-моему, ему оставалось никак не больше трех дней.

Капитан кивнул.

— Да, пожалуй, он не стал бы тратить на это время. Я бы не стал, будь это мой последний день, да еще если рыба хорошо клюет.

И продолжал читать, изредка задавая вопросы. Под конец сказал:

— Все хорошо. Только лучше выкиньте последний пункт, насчет меня и лодки.

— Я предпочел бы это оставить, сэр.

— А я предпочитаю, чтобы вы это вычеркнули. Мне не нравятся такие слова, когда человек просто-напросто исполняет свой долг.

— Как вам угодно.— И физик вычеркнул последний абзац.

— Ваш «феррари» здесь?

— Я на нем приехал.

— Да, верно. Я же слышал. Смогу я увидеть его отсюда, из окна?

— Да, он тут, рядом.

Тауэрс поднялся и в пижаме подошел к окну.

— Черт подери, вот это машина! Что вы будете с ней делать?

— Участвовать в гонках. Времени осталось мало, так что гоночный сезон откроют раньше обычного. Обычно начинают не раньше октября, когда дороги просохнут. Хотя и зимой понемножку состязались. Я тоже до нашего рейса два раза гонял.

— Да, вы говорили.— Дуайт снова лег.— А я никогда не участвовал в гонках. Никогда не водил такую машину. Какое при этом у гонщика чувство?

— Душа в пятках. А как только все позади, хочется начать сызнова.

— Вы и прежде этим занимались?

Физик покачал головой.

— Не было ни денег, ни времени. Но я всю жизнь об этом мечтал.

— И таким способом вы хотите со всем покончить?

Короткое молчание.

— Да, хотелось бы так. Чем издыхать в грязи и рвоте или глотать те таблетки. Только неохота мне разбивать машину. Это ведь настоящее произведение искусства. У меня не хватит духа умышленно ее уничтожить.

— Пожалуй, вам и не придется сделать это умышленно, если вы будете гонять по непросохшим дорогам на скорости двести миль в час,— усмехнулся Дуайт.

— Ну, об этом я тоже думал. Пускай теперь это случится в любой день, я не против.

Тауэрс кивнул. Потом спросил:

— Не может случиться, что *то* движение замедлится и даст нам передышку, такой надежды нет?

Джон Осборн покачал головой.

— Ни малейшей. Никаких признаков, пожалуй, наоборот — процесс немного ускоряется. Вероятно потому, что чем дальше от экватора, тем меньше пространство, поверхность планеты; от широты к широте ра-

диация продвигается быстрее. Видимо, последний срок — конец августа.

Тауэрс опять кивнул.

— Что ж, приятно знать. По мне пускай бы и раньше.

— Вы собираетесь опять выйти в море на «Скорпионе»?

— Такого приказа у меня нет. К началу июля лодка будет в полной готовности. Я намерен до последнего оставить ее в распоряжении австралийских властей. Наберется ли у меня достаточно команды, чтобы выйти в плавание, — другой вопрос. Большинство обзавелось тут в Мельбурне подружками, примерно четверть женились. Может быть, им и думать противно о новом рейсе, кто их знает. Думаю, не пойдут.

Помолчали.

— Я почти завидую вам с вашим «феррари», — негромко сказал Дуайт. — А вот мне предстоит нерво-трепка и работа до самого конца.

— А почему, собственно? — возразил физик. — Вам надо бы взять отпуск. Поездить, посмотреть Австралию.

Американец усмехнулся:

— Не так много от нее осталось, что уж смотреть.

— Да, верно. Хотя есть еще горы. По Маунт-Баллер и по Хотэму лыжники носятся как угорелые. Вы ходите на лыжах?

— Уже лет десять не ходил, отвык. Не хотел бы я сломать ногу и встретить конец прикованным к постели... Послушайте, — прибавил он не сразу, — а там в горах не ловится форель?

Джон Осборн кивнул.

— Рыбная ловля у нас отличная.

— Только в определенное время разрешается или можно рыбачить круглый год?

— В Эйлдон Уэйр окуня берут круглый год. На блесну, с лодки. А в небольших горных речках хорошо ловится форель. — Он слабо улыбнулся. — Но сейчас не время для форели. Ловля разрешается только с первого сентября.

Оба минуту помолчали.

— Да, времени в обрез, — сказал наконец Дуайт. — Я не прочь бы денек-другой поудить форель, но, судя по вашим словам, тогда мы будем слишком заняты другим.

— По-моему, невелика разница, если в этом году вы начнете на две недели раньше.

— Вот этого я не хочу,— серьезно сказал американец.— У себя в Штатах — пожалуй. Но в чужой стране, я считаю, надо строго соблюдать все правила.

Время шло, на «феррари» не было фар, а медленной пятидесяти миль в час его не поведешь. Джон Осборн собрал бумаги, уложил в папку, простился с Тауэрсом и собрался в город. И уходя, в гостиную Дэвидсонов встретил Мойру.

— Как он, по-твоему? — спросила девушка.

— В порядке,— ответил физик.— Разве что свихнулся малость.

Мойра чуть нахмурилась, это уже не о детских игрушках.

— А в чем дело?

— Пока мы еще не отправились к праотцам, он хотел бы день-другой порыбачить,— отвечал двоюродный брат.— Но ловить форель разрешается только с первого сентября, и он не желает нарушать правила.

Мойра ответила не сразу:

— Ну и что тут такого? Он соблюдает закон. Не то что ты со своей мерзкой машиной. Где ты достаешь бензин?

— Она заправляется не бензином. Я добываю горючее из пробирки.

— Подозрительно пахнет твоя добыча,— заявила Мойра.

Она следила, как он уселся на низком сиденье и застегнул шлем, злобно затрещал оживший мотор, и машина умчалась, оставив на клумбе двойную полукруглую вмятину — след разворота.

Спустя две недели, в двадцать минут первого, мистер Алан Сайкс вошел в маленькую курительную клубу «На природе», намереваясь выпить. Обед подавали начиная с часу дня, и в комнате еще никого не было; мистер Сайкс налил себе джину и стоял в одиночестве, обдумывая некую задачу. Будучи директором департамента по делам охоты и рыболовства, он в своих действиях, невзирая ни на какие политические соображения, неизменно соблюдал благоразумные правила и законы. Нынешние смутные времена перевернули

привычный порядок, и теперь он маялся, выбитый из колеи.

В курительную вошел сэр Дуглас Фрауд. Что-то походка у него нетвердая и лицо еще краснее обычного, мысленно отметил мистер Сайкс.

— Доброе утро, Дуглас,— сказал он.— Могу составить вам компанию.

— Спасибо, спасибо,— обрадовался старик.— Выпьем с вами испанского хереса.— Он налил себе и Сайксу, рука его тряслась.— Знаете, я считаю, в нашей клубной комиссии по винам все посходили с ума. У нас больше четырехсот бутылок великолепного хереса, сухой Руи де Лопес 1947 года, и комиссия, похоже, собирается так и оставить все это в погребе. Дескать, члены клуба все не выпьют, слишком высока цена. Я им сказал — не можете продать, говорю, так раздавайте даром. Не пропадать же добру. Так что теперь этому хересу одна цена с нашим австралийским.— И через минуту прибавил: — Дайте я налью вам еще, Алан. Качество выше всяких похвал.

— Я выпью позже. Послушайте, если я не ошибаюсь, вы однажды упоминали, что Билл Дэвидсон вам родня?

Старик закивал трясущейся головой.

— То ли родственник, то ли свойственник. Кажется, свойственник. Его мать вышла за моего... за моего... Нет, забыл. Что-то у меня память стала сдавать.

— А вы знаете его дочь Мойру?

— Славная девочка, только слишком много пьет. Правда, говорят, она предпочитает коньяк, это другое дело.

— У меня из-за нее неприятности.

— Как так?

— Она была у министра, и он послал ее ко мне с запиской. Ей, видите ли, угодно, чтобы мы в этом году пораньше разрешили ловить форель, иначе эта форель вовсе никому не достанется. Полагаю, он уже заботится о будущих выборах.

— Разрешить ловлю форели раньше срока? То есть до первого сентября?

— Вот такая идея.

— Прескверная идея, скажу я вам. Рыба еще не кончит метать икру, а если и кончит, будет еще очень плоха. Если учинить такое, мы останемся без форели на годы. Когда он намерен разрешить ловлю?

— Он предлагает с десятого августа,— сказал мистер Сайкс и, помедлив, прибавил: — Это ваша родственница, девица эта затеяла. Едва ли министру пришло бы такое в голову, если бы не она.

— По-моему, затея дикая. Совершенно безответственная. Бог весть до чего мы докатимся...

Они продолжали это обсуждать, а между тем появлялись еще и еще члены клуба и тоже вступали в беседу. И мистер Сайкс убедился, что большинство — за перенос заветной даты.

— В конце концов,— заявил кто-то,— по вкусу вам это или не по вкусу, если погода хороша и люди могут выбраться в августе, они все равно начнут рыбачить. И вам не удастся ни оштрафовать их, ни засадить в тюрьму: на суд не останется времени. С таким же успехом можете установить более раннюю дату, и неизбежность обернется благоразумием. Конечно,— рассудительно прибавил оратор,— порядок будет изменен только на один год.

— По-моему, прекрасная мысль,— заметил известный врач, специалист по глазным болезням.— Если рыба попадется плохая, не обязательно брать ее; просто выпустим обратно в речку. Если начать пораньше, форель не станет клевать на муху, придется нам ловить на блесну. Но все равно я за ранний лов. Уж если помирать, так я хотел бы умереть в солнечный денек на берегу, с удочкой в руках.

— Как тот матрос, которого потеряла американская подводная лодка,— подсказал кто-то.

— Да, вот именно. По-моему, тот парень поступил очень разумно.

Итак, мистер Сайкс ознакомился с мнением наиболее влиятельных личностей в городе, и на душе у него полегчало; он возвратился к себе в кабинет, позвонил министру и в тот же день набросал для передачи по радио сообщение из тех, что знаменуют быстрые перемены в политике, продиктованные требованиями времени, легко осуществляемые в небольших, высоко-развитых странах и весьма характерные для Австралии. Дуайт Тауэрс услышал новость в тот же день в гулкой безлюдной кают-компании британского авианосца «Сидней» и возликовал, нисколько не подозревая о связи между этим событием и своим недавним разговором с Джоном Осборном. Он тотчас начал строить планы, хорошо бы испытать удочку сына.

Вопрос — как добраться, с транспортом трудно, однако Главнокомандующему военно-морским флотом Соединенных Штатов под силу одолеть трудности.

В той части Австралии, где жизнь в этом году еще продолжалась, на переломе зимы люди как бы расслабились. К началу июля, когда кончились Брокен-Хилл и Перт, в Мельбурне работали только немногие, и лишь там, где без этого не обойтись. Без перебоев действовало электричество, производились основные продукты питания, но, чтобы раздобыть топливо для очага и предметы весьма относительной роскоши, людям, не обремененным другими делами, надо было изловчиться. С каждой неделей все заметнее брала верх трезвость; еще случались шумные пирушки, еще попадались спящие в канаве пьяные, но куда реже прежнего. И, словно гонцы наступающей весны, понемногу появились на пустынных дорогах автомобили.

Сперва трудно было понять, откуда они взялись и откуда взяли бензин, при ближайшем рассмотрении оказывалось, каждый случай — единственный в своем роде. Владелец дома, который арендовал Питер Холмс, явился однажды с фургончиком «холден» забрать на дрова сваленные когда-то деревья и не без смущения пояснил, что сохранил немножко драгоценной жидкости для чистки одежды. Некий родич Холмсов, военный летчик, приехал навестить их с Лавертонского аэродрома на быстроходной военной малолитражке и пояснил, что экономил бензин, а дольше его беречь нет смысла: явный вздор, Билл отродясь ничего не экономил. Один механик с нефтеперегонного завода фирмы Шелл в Корайо уверял, что умудрился купить немного бензина на черном рынке в Фицрое, но решительно отказался назвать негодяя продавца. Точно губка, под давлением обстоятельств Австралия начала по капле выжимать из себя бензин, шли недели — и капли слились в струйку.

Однажды Питер Холмс, прихватив канистру, съездил в Мельбурн навестить Джона Осборна. В этот вечер он впервые за два года услышал, как работает мотор его маленького «морриса», машина извергала клубы черного дыма, и наконец Питер выключил мотор и мудрил над «моррисом», покуда не избавился от такого неряшества. И покатил по дороге, рядом сидела ликующая Мэри, на коленях у нее — Дженнифер.

— Мы как будто только-только заполучили свою

первую машину! — воскликнула Мэри. — Чудесно, Питер! А ты не сможешь достать еще бензина?

— Мы его сберегли, — ответил муж. — Сэкономили. В саду зарыто еще несколько жестянок, но никому нельзя говорить сколько.

— Даже Мойре?

— Боже упаси. Ей — ни в коем случае. — Он задумался. — Теперь еще закавыка — покрывки. Ума не приложу, как с этим быть.

Назавтра он отправился в Уильямстаун, въехал в ворота порта и поставил машину на пристани рядом с почти совсем обезлюдевшим авианосцем. А вечером на машине вернулся домой.

Его обязанности на верфи теперь были чисто символические. Ремонт подводной лодки подвигался черепашьям шагом, и присутствие Питера требовалось не чаще двух раз в неделю, что было очень кстати при том, сколько хлопот доставляла собственная малолитражка. Дуайт Тауэрс проводил в порту почти каждое утро, но и он тоже обрел свободу передвижения. Однажды утром за ним послал адмирал Хартмен, с непроницаемым видом объявил, что Главнокомандующему военноморскими силами Соединенных Штатов не подобает обходиться без личного транспорта, и Дуайт получил в подарок свежеекрашенный в серый цвет «шевроле» и при нем водителя — старшину Эдгара. На этой машине Дуайт чаще всего ездил в клуб обедать, либо в Харкауэй, где шагал за волом, разбрасывая по выгонам навоз, а старшина перелопачивал силос.

Конец июля почти для всех прошел очень славно. Погода, как полагается в эту пору, была неважная — сильный ветер, частые дожди, температура упала почти до сорока, но люди отбросили прежние досадные ограничения. Еженедельное жалованье не стоило большого труда и не имело особого значения: если явишься в пятницу на службу, скорее всего получишь свою пачку бумажек независимо от того, работал ты или нет, а получив, едва ли найдешь им применение. Если сунуть в кассу в мясной лавке деньги, их возьмут, а не сунуть — никто не огорчится, и если мясо есть, попросту возьмешь, сколько надо. Если его нету, пойдешь и поищешь в другом месте. Весь день в твоём распоряжении.

Высоко в горах лыжники катались в будни не меньше, чем по воскресеньям. Мэри и Питер Холмс разби-

ли в своем садике новые клумбы, обнесли забором огород и посадили вокруг страстоцвет: вырастет и обовьет колья сплошной завесой. Никогда прежде у них не находилось столько досуга для работы в саду и для подобных новшеств.

— Будет так красиво,— с удовольствием говорила Мэри.— У нас будет самый красивый маленький садик во всем Фолмуте.

В городском гараже Джон Осборн с кучкой добровольных помощников увлеченно трудился над своим «феррари». В те времена главными автомобильными состязаниями в южном полушарии были гонки на Большой приз Австралии, и в этом году решено было вместо ноября назначить их на семнадцатое августа. Прежде гонки происходили в мельбурнском Альберт-парке, это примерно то же, что Центральный парк в Нью-Йорке или лондонский Гайд-парк. Организаторам хотелось и эти последние гонки провести в Альберт-парке, но они столкнулись с неодолимыми трудностями. С самого начала стало ясно — не хватит ни распорядителей, ни рабочих, чтобы обеспечить простейшие меры безопасности для зрителей, которых, вероятно, наберется тысяч полтораста. Вполне возможно, что какую-нибудь машину занесет, она сорвется с трассы и убьет нескольких зрителей, а на будущие годы разрешение проводить автомобильные гонки в парке, пожалуй, дано не будет, но это никого особенно не волновало. Однако вряд ли наберется достаточно распорядителей, чтобы удержать толпу, готовую хлынуть на дорогу и оказаться на пути мчащихся машин, а сколь ни необычные настали времена, редкий водитель способен врезаться в толпу зевак на скорости сто двадцать миль в час. Гоночная машина быстроходна, но хрупка и при столкновении даже с одним человеком выбывает из состязаний. Итак, с сожалением порешили, что проводить Большие гонки в Альберт-парке непрактично и следует перенести их на трассу в Турадине.

Тем самым гонки становились как бы развлечением только для самих участников: при теперешних трудностях с транспортом едва ли много зрителей сумеют выехать за сорок миль от города. Против ожиданий, желающих участвовать оказалась уйма. Едва ли не каждый житель Виктории и Нового Южного Уэлса, кто владел быстроходной машиной, новой ли, старой ли, вызвался соперничать за обладание главным

австралийским призом, а машин сыскалось около двухсот восьмидесяти. Такое множество немислимо было сразу выпустить на трассу, они лишь помешали бы настоящим гонщикам, и перед великим днем по воскресеньям дважды заранее устраивались отборочные заезды для машин разных классов. Эти пробы устраивались по жребию, и Джону Осборну выпало состязаться с трехлитровым «мазерати» опытного Джерри Коллинза, парочкой «ягуаров», «буревестником», двумя «бугатти», тремя «бентли» давних выпусков и чудищем — метисом, состряпанным из шасси от «лотоса» и авиадвигателя «джипси куин» мощностью почти в триста лошадиных сил, при очень малом переднем обзоре; смастерил и водил эту диковину молодой авиамеханик Сэм Бейли, и слыла она очень резвой.

Из-за дальности расстояния от города зрителей вдоль трехмильной трассы набралось не густо. Дуайт Тауэрс прибыл в служебном «шевроле», прихватив по пути Мойру Дэвидсон и чету Холмс. В этот день намечались заезды пяти классов, начиная с самых маленьких машин, каждый — на пятьдесят миль. Еще до конца первого заезда организаторы спешно вызвали по телефону из Мельбурна две добавочные санитарные кареты — две обеспеченные заранее не справлялись.

Начать с того, что трасса была мокрая после дождей, хотя во время первого заезда с неба еще не капало. Шесть «лотосов» состязались с восемью «куперами» и пятью военными малолитражками «МГ», одним мальшом из этой пятерки управляла молодая девушка, мисс Фэй Гордон. Трасса протянулась примерно на три мили. За длинной прямой с ремонтными пунктами посередине поджидала небольшая извилина, а за нею сворачивала влево дуга ровно в 180 градусов, с широким радиусом, огибая озерко, оно так и называлось — Дуговое. Дальше — Сенной угол, правый поворот градусов на 120 и наконец «Шпилька», крутой изгиб влево, на вершину взгорка, — здесь, казалось, тупик, а на самом деле спуском отсюда начинался обратный путь. Эта обратная дорога, легко проходимая, лишь чуть волнистая, в конце сворачивала влево и тотчас круто сбегала с холма к острому углу поворота вправо, место это называлось Оползень. Отсюда плавный левый поворот выводил назад, на финишную прямую.

С самого начала первого заезда ясно стало — состязания будут необычные. Гонщики так рванули с

места, что не оставалось сомнений: они не намерены щадить ни машины, ни соперников, ни самих себя. Первый круг чудом одолели все, а потом пошла беда за бедой. Одна из «МГ» на Сенном углу завертелась, сорвалась с дороги, и ее понесло по неровной обочине, заросшей низкорослым кустарником. Водитель протаранил кустарник, не останавливаясь, круто повернул и ухитрился вновь выехать на дорогу. Шедший следом «купер», вильнул, чтобы на нее не налететь, на скользкой мокрой дороге его развернуло боком — и тут-то в него, в самую середину, врезался еще один «купер», настигавший сзади. Первого водителя убило мгновенно, обе машины беспорядочной грудой свалились на обочину, второго водителя отбросило прочь со сломанной ключицей и внутренними кровоизлияниями. Водитель малыша, проходя по второму кругу, мельком удивился — из-за чего тут случилась авария.

Во время пятого круга один из «лотосов» обогнал Фэй Гордон на финишной прямой, а потом, в тридцати ярдах перед нею, на мокрой дороге у Дугового озера, его завертело. Другой «лотос» обходил ее справа; ей оставалось только взять левее. На скорости девяносто пять миль в час она сошла с трассы, в отчаянной попытке вернуться на нее пересекла полосу земли подле озера, налетела боком на кусты и скатилась в воду. Когда опали взметнувшиеся тучей брызги и пена, маленькая машина Фэй лежала опрокинутая в десяти ярдах от берега, над водой виднелись только краешки задних колес. Лишь через полчаса спасатели вброд добрались до нее и извлекли тело.

На тринадцатом круге три автомобиля столкнулись на спуске с Оползня и загорелись. Два гонщика почти не пострадали, и, прежде чем пламя разгорелось вовсю, им удалось вытащить третьего, обе ноги у него оказались переломаны. Из девятнадцати вышедших на старт финишировали семеро, и двоих первых сочли достойными участвовать в Большой гонке.

Когда опустился клетчатый флажок, отмечая победителя, Джон Осборн закурил сигарету.

— Наши игры и забавы, — произнес он. Ему предстояло участвовать в последнем заезде этого дня.

— Да, они явно жаждут победить, — задумчиво промолвил Питер.

— Ну конечно, — сказал физик. — Такими и должны быть гонки. А если и утроишься, терять нечего.

— Разве только разобьете свой «феррари».

Джон кивнул.

— Вот это мне было бы очень, очень жаль.

Пошел мелкий дождик, заново смачивая асфальт. Дуайт Тауэрс обратился к Мойре, стоявшей чуть поодаль:

— Садитесь в машину, детка. Вы промокнете.

Она не шевельнулась. Спросила:

— Неужели они станут продолжать под дождем? После стольких несчастий?

— Не знаю,— сказал Дуайт.— Могут и продолжать. Ведь у всех впереди одно и то же. Гонщикам вовсе незачем нестись с такой бешеной скоростью. А если в это время года ждать сухой погоды... понимаете, вряд ли они успеют дожждаться.

— Но это ужасно! — возразила девушка.— В первом же заезде двое погибли и человек семь покалечены. Так дальше невозможно! Что они, римские гладиаторы, что ли?

Минуту-другую Дуайт молча стоял под дождем. Наконец промолвил:

— Нет, тут другое. Нету толпы зрителей. Никто не заставляет гонщиков так рисковать.— Он огляделся.— Если не считать их самих, их механиков и помощников, по-моему, не наберется и пятисот зевак. И делается это не за деньги. Они рискуют головой, потому что им это нравится, детка.

— Не верю, не может это нравиться.

Дуайт улыбнулся:

— Подите к Джону Осборну и предложите ему вычеркнуть его «феррари» из списка и уехать домой.— Девушка промолчала.— Садитесь в мою машину, и я налью вам коньяку с содовой.

— Самую капельку, Дуайт. Если уж смотреть на все это, я хочу оставаться трезвой.

В следующих двух заездах случилось девять аварий, четыре гонщика были ранены, но погиб только один — водитель «остина-хили», оказавшегося в самом низу в гряде четырех машин, столкнувшихся на повороте «Шпильки». Дождь перешел в слабую, застилающую глаза морось, но и это не охладило участников состязания. Перед последним заездом Джон Осборн оставил друзей, теперь, окруженный помощниками, он сидел в своем «феррари» на предстартовой площадке, разогревая мотор. Вскоре, удовлетворенный, вылез из машины,

разговаривал и курил в кучке других гонщиков. Дон Харрисон, водитель «ягуара», стоял тут же со стаканом виски в руке, рядом, на опрокинутом ящике, поблескивали еще стаканы и две-три бутылки; он предложил Джону выпить, но тот отказался:

— Не желаю давать вам козыри против меня, хитрецы,— и усмехнулся. Машина его была, вероятно, быстходней всех остальных, зато сам он — пожалуй, самый неопытный среди гонщиков. Сзади на корпусе «феррари» до сих пор красовались три широкие полоса-наклейки, знак, что водитель — новичок; и он все еще сознавал, что, если занесет на повороте, инстинкт его не выручит. Если машина вдруг волчком завертится на месте, это всегда — неожиданность, застигающая врасплох. Он не подозревал, что на мокрых от дождя дорогах и остальным водителям не легче; ни у кого из них не было опыта езды при таких условиях, и сознание собственной неопытности, пожалуй, могло надежнее уберечь его, чем их — уверенность в себе.

Когда помощники вытолкнули «феррари» к старту, он оказался во втором ряду, перед ним «мазерати», два «ягуара», метис «джипси-лотос», рядом «буревестник». Джон уселся поудобнее, включил, разогревая, мотор, застегнул спасательный пояс, приладил шлем и защитные очки. А в мозгу звучало: вот где меня убьет. Куда лучше, чем мучиться и маяться и меньше чем через месяц изойти до смерти рвотой. Лучше гнать как дьявол и покончить с жизнью, делая то, что хочется. Большая послушная баранка «феррари» ласкает руки, треск выхлопных труб — как музыка. С безоблачно счастливой улыбкой Джон обернулся к помощникам, потом устремил взгляд на флажок в руке распорядителя.

Когда флажок опустился, он стартовал отлично, обогнул метиса «джипси-лотос» и опередил «буревестника». К повороту у Дугового озера пришел по пятам за двумя «ягуарами», но правил на мокрой дороге осторожно — предстоит сделать семнадцать кругов. Рисковать еще успеется на последних пяти кругах. Все так же с «ягуарами» он миновал Сенной угол, Шпильку и осторожно прибавил скорость на волнистом обратном отрезке. Должно быть, прибавил недостаточно: с треском и ревом, обдав его фонтаном брызг, справа пронесся мимо метис «джипси-лотос», Сэм Бейли гнал как сумасшедший.

Джон Осборн, чуть замедлив ход, протер очки и покати́л за ним. Метис вилял то вправо, то влево, на дороге его удерживала только молниеносная реакция молодого водителя. Джон Осборн, глядя всле́д, ощущал: эта машина словно излучает дух немину́чей катастрофы; лучше пока оставаться на безопасном расстоянии, посмотрим, что будет. Джон мельком глянул в зеркало — «буревестник» в полусотне ярдов сзади, его как раз обходит «мазерати». Еще есть время более или менее спокойно спуститься с Оползня, а потом надо нажать.

Выйдя в конце первого круга на финишную прямую, он увидел, что метис обогнал один из «ягуаров». На скорости примерно сто шестьдесят в час Осборн миновал ремонтные пункты и обошел второй «ягуар»; все-таки спокойнее, когда между тобой и «метисом» идет еще машина. Перед озером замедлил ход, глянул в зеркало и убедился, что намного опередил следующие две машины; если удастся сохранить дистанцию, можно два-три круга продержаться четвертым, все еще соблюдая осторожность на поворотах.

Так он и шел до шестого круга. К тому времени метис был уже впереди всех и первые четыре машины оставили за собой один из «бентли». Нажимая после Оползня на педаль акселератора, Осборн мельком глянул в зеркало, и взгляд уловил на углу какую-то дикую неразбериху. «Мазерати» с «бентли» сцепились боками, перегородив дорогу, «буревестник» взвился в воздух. Еще раз оглянуться было недосуг. Впереди головная машина — метис — пыталась обогнать один из «бугатти», на скорости сто сорок миль в час точно повторяла его извилистые зигзаги, но обходные маневры не удавались. Два «ягуара» приотстали от них и держались на безопасном расстоянии.

Подходя к Оползню на следующем круге, Осборн увидел на повороте, что недавняя неразбериха закончилась худо только для двух машин: «буревестник» валялся вверх колесами ярдов за пятьдесят от трассы, «бентли» с разбитым сзади кузовом стоял на дороге в луже бензина. «Мазерати», по-видимому, продолжал гонку. Осборн проехал мимо; начался восьмой круг, и тут-то дождь хлынул как из ведра. А уже пора набирать скорость.

То же подумали все гонщики в передовой группе и на этом круге один из «ягуаров», пользуясь тем, что Сэм Бейли явно занервничал из-за неустойчивости своего ме-

тиса на крутом повороте, обошел его. Оба лидера теперь шли вплотную за одним «бугатти», и сразу за ними «бентли». Второй «ягуар» миновал их на Сенном углу, сразу же за ним — Джон Осборн. Дальнейшее случилось в один миг. На углу «бугатти» завертело, в него врезался «бентли», отброшенный набежавшим «ягуаром», а тот дважды перевернулся и упал на правый борт у обочины уже без водителя. Джону Осборну некогда было останавливаться, он едва успел увернуться; на скорости семьдесят в час «феррари» чуть задел «бугатти» и остановился на обочине, с вмятиной сбоку у переднего колеса.

Джона Осборна изрядно потрянуло, но не ранило. Водитель «ягуара» Дон Харрисон, который перед началом гонок предлагал ему выпить, теперь умирал в кустах от многочисленных увечий: когда машина перевернулась, его выбросило на дорогу и тотчас по нему проехал «бентли». Физик минуту поколебался; но вокруг есть еще люди; а как «феррари»? Он попробовал, мотор заработал, и машина сдвинулась было, но помятое колесо цепляло за раму. Он выбыл из гонок, не видать ему Большого приза; сердце защемило; он переждал, пока проскочит мимо метис, и перешел через дорогу посмотреть, нельзя ли помочь умирающему.

Он все еще стоял тут, когда метис снова промчался мимо.

Еще несколько секунд стоял он под неутихающим дождем и вдруг сообразил — между двумя пробегами метиса больше ни одна машина не появлялась. И, сообразив, кинулся к своему «феррари». Если других гонщиков не осталось, у него еще есть надежда на выигрыш: если «феррари» доковыляет до ремонтного пункта, еще можно сменить колесо и занять второе место. С трудом ворочая баранку, он медленно повернул обратно к ремонтникам, за шиворот сбегали струи дождя, мимо в третий раз промчался метис. Возле Оползня, где громоздились беспорядочной кучей штук шесть машин, лопнула крышка, Осборн поехал дальше на голом ободе, и в ту минуту, как он дополз до ремонтников, мимо еще раз промчался «лотос».

В каких-нибудь полминуты механики заменили колесо, при быстром осмотре никаких серьезных повреждений не обнаружилось, только обшивка помята. Осборн опять выехал на трассу, отставая на целых семь кругов, и тут от неразберихи вокруг Оползня отделился один

«бугатти» и тоже включился в гонку. Но его-то можно было не опасаться, и Джон осторожно поехал дальше, теперь он займет второе место в заезде и завоюет право участвовать в главных гонках. Из тех одиннадцати, кто стартовал с ним в последнем заезде, восемь не дошли до финиша и трое убиты.

Он завел «феррари» на стоянку и выключил мотор, а механики и друзья теснились к нему с поздравлениями. Он их почти не слышал, после той встряски на дороге и пережитого непомерного напряжения дрожали пальцы. Все мысли были об одном: доставить «феррари» обратно в Мельбурн и разобрать передок, машина плоховато повинуется, хоть он и ухитрился закончить гонку. Что-то лопнуло либо сломалось на последних кругах «феррари» упрямо тянуло влево.

За тесным кольцом друзей Осборн увидел опрокинутый ящик, возле которого раньше стоял «ягуар» Дона Харрисона, а на ящике стаканы и две бутылки виски.

— О, господи,— выдохнул он, ни к кому в отдельности не обращаясь,— вот теперь бы я выпил с Доном.

Он вылез из машины и нетвердыми шагами пошел к ящику; одна бутылка была едва начата. Джон Осборн налил себе изрядную порцию, подбавил самую малость воды и тут заметил Сэма Бейли рядом с его метисом «джипси-лотосом». Наполнил второй стакан и, расталкивая окружающих, отнес победителю.

— Хочу помянуть Дона,— сказал он.— Выпейте и вы.

Молодой гонщик принял стакан, кивнул и выпил.

— Как вы выбрались? — спросил он.— Я видел вас в той каше.

— Заезжал сменить колесо,— с трудом ворочая языком, объяснил физик.— Моя машина слушается руля не лучше пьяной свиньи. Не лучше паршивой помеси «лотоса» с «джипси».

— Моя машина прекрасно слушается,— небрежно возразил хозяин метиса.— Одна беда — тут же перестает слушаться. Вы едете в город?

— Если «феррари» на это хватит.

— Я бы взял телегу Дона. Ему она больше не понадобится.

Осборн так и устался на него.

— Вот это мысль...

К старту погибший гонщик доставил свой «ягуар» на старом трейлере, чтоб не повредить его заранее на

скверной дороге. Теперь трейлер стоял неподалеку, всеми брошенный.

— Я бы поскорей его увел, покуда не перехватили.

Джон Осборн залпом выпил виски, ринулся к «феррари», мигом зажег и без того пылких своих помощников новой затеей. Толкая и подпихивая «феррари», его дружными усилиями вкатили на трейлер и закрепили веревками. Мимо проходил один из распорядителей, Осборн окликнул его:

— Есть тут кто-нибудь из механиков Дона Харрисона?

— Наверно, все на месте аварии. Я знаю, жена его там.

Осборн думал уехать с «феррари» на трейлере, потому что Дону тот больше не понадобится, так же как и «ягуар». Но если жене и механикам погибшего не на чем больше возвращаться в город, это меняет дело.

И он вместе с Эдди Бруксом, одним из своих механиков, зашагал по дороге к Сенному углу. Возле груды разбитых машин стояли под дождем несколько человек, среди них женщина. Он собирался поговорить с кем-нибудь из механиков, но, увидев, что вдова не плачет, передумал и подошел к ней.

— Я водитель «феррари»,— сказал он.— Очень сожалею, что так случилось.

Женщина наклонила голову.

— Вы подъехали и наткнулись на них, когда уже все было кончено,— сказала она.— Вашей вины тут нет.

— Знаю. Но мне очень, очень жаль.

— Не о чем вам жалеть,— глухо сказала вдова.— Он этого и хотел. Не хворать долго, не мучиться. Может быть, если б не пил до начала виски... не знаю. Он кончил, как хотел. Вы были друзьями?

— Не совсем. Перед гонками он предложил мне выпить, но я отказался. А только что выпил, помянул его.

— Вот как? Что ж, спасибо. Дон был бы доволен. Там еще осталось виски?

Осборн замялся.

— Когда я уходил, еще оставалось. Выпили по стаканчику Сэм Бейли и я. Но может быть, там парни всё прикончили.

Женщина посмотрела ему в лицо.

— Послушайте, что вам нужно? Его машина? Говорят, она уже никуда не годится.

Джон Осборн мельком глянул на разбитый «ягуар».

— По-моему, тоже. Нет, я хотел другое: отвезти мою машину в город на его трейлере. Рулевому управлению досталось, но к Большим гонкам я все приведу в порядок.

— Вот как, вы завоевали право? Что ж, трейлер — Дона, но он предпочел бы, чтоб трейлер перевозил годные к делу машины, а не железный лом. Ладно, приятель, берите повозку.

Осборн даже растерялся.

— Куда вам потом его привести?

— Мне он ни к чему. Берите его себе.

Джон хотел было предложить денег, но раздумал: время денежных расчетов миновало.

— Вы очень добры, — сказал он. — Для меня этот трейлер большая подмога.

— Замечательно, — сказала она. — Желаю вам выиграть Большой приз. Если нужна любая часть вот этого, — она показала на разбитый «ягуар», — тоже возьмите.

— А как вы доберетесь обратно в город? — спросил Осборн.

— Я-то? Дождусь санитарной кареты и поеду с Доном. Но, говорят, тут полно раненых, сперва их надо свезти в больницу, а мы отсюда выберемся разве что в полночь.

Похоже, больше ей помочь нечем.

— Может быть, я отвезу кого-нибудь из ваших механиков?

Она кивнула и что-то сказала лысоватому толстяку лет пятидесяти. Он отправил с Джоном двух молодых парней.

— Вот он, Элфи, останется со мной и обо всем позаботится, — глухо сказала вдова. — А вы езжайте, мистер, и выиграйте этот приз.

Джон Осборн отошел в сторонку, к Эдди Бруксу, который ждал под дождем.

— Покрышки того же размера, что у нас, — сказал он. — Колеса немного отличаются, но если взять и ступицы тоже... Возле Оползня разбился «мазерати». Можно глянуть и на него. По-моему, в передней части у нас многие детали одинаковые.

Они вернулись к новообретенному трейлеру, в сумерках поехали обратно к Сенному углу и, точно упыри какие-то, принялись отрывать от трупов разбитых машин все, что могло бы пригодиться для «феррари». Кончили уже в темноте и под дождем поехали в Мельбурн.

Первого августа в саду Мэри Холмс расцвели первые нарциссы, и в тот же день радио с нарочитым бесстрашием сообщило о случаях лучевой болезни в Аделаиде и Сиднее. Эта новость не слишком встревожила Мэри: новости плохи всегда, будь то требования повысить заработную плату, забастовки или война, самое разумное не обращать на них внимания. Важно совсем другое: вот этот чудесный солнечный день; зацвели ее первые нарциссы, уже набухли почки и на желтых.

— Такая будет красота! — радостно сказала она Питеру. — Их так много! По-твоему, могут некоторые луковицы дать сразу два побега?

— Сомневаюсь, — ответил муж. — С нарциссами, кажется, так не бывает. Вроде они в земле делятся и дают вторую луковичу.

Мэри кивнула.

— Надо будет осенью, когда они увянут, выкопать их и разделить луковицы. Тогда нарциссов станет гораздо больше, и мы посадим их вот здесь. Через год или через два они будут выглядеть просто изумительно. — Она минуту подумала. — Тогда мы сможем немного высадить в горшки и держать в доме.

В этот прекрасный день ее заботило только одно: у Дженнифер режется первый зуб, а отсюда жарок и капризы. Настольная книга Мэри «Первый год ребенка» разъясняла, что это естественно и волноваться нечего, но молодая мать все-таки тревожилась.

— Наверно, те, кто пишет такие книги, не всё на свете знают, — сказала она. — Ведь дети не все одинаковы. Почему наша маленькая плачет без передышки, разве так должно быть? Может быть, нам вызвать доктора Хэллорана?

— По-моему, незачем, — сказал Питер. — Дочка сама справится.

— Она такая вся горячая, бедняжка моя.

Мэри вынула Дженнифер из кровати, прислонила к своему плечу и стала легонько похлопывать по спинке; девочке только того и надо было, рев сразу прекратился. Питеру показалось — зазвучала сама тишина.

— По-моему, она вполне здорова, — сказал он, — просто ей скучно в одиночестве. — Он чувствовал, что больше не вытерпит, он не выспался, малышка плакала

всю ночь напролет, Мэри то и дело к ней вставала, пытаясь успокоить. — Вот что, родная. Прости, но мне надо поехать в город. На одиннадцать сорок пять у меня назначена встреча с адмиралом.

— А как же с доктором? Может быть, надо ее показать?

— Я не стал бы его беспокоить. В твоей книжке сказано, когда режется зуб, ребенку не по себе дня два. А она проплакала уже тридцать шесть часов.

И еще как, dokonчил он про себя.

— А вдруг тут что-то еще, а никакой не зуб... может быть, рак, мало ли. Она ведь не может сказать, где ей больно...

— Отложим до моего возвращения, — сказал Питер. — Я вернусь к четырем, самое позднее в пять. Тогда посмотрим, как она.

— Хорошо, — нехотя согласилась Мэри.

Питер прихватил в машину канистры из-под бензина и покати́л прочь, радуясь, что вырвался из дому. Встречи в Адмиралтействе ему на это утро не назначали, но не вредно туда заглянуть, лишь бы хоть один человек оказался на месте. «Скорпион» уже вышел из сухого дока и опять стоит бок о бок с авианосцем в ожидании приказов, хотя, наверно, никогда уже их не получит; можно съездить взглянуть на него, а заодно между делом наполнить бак «морриса» и канистры.

В это прекрасное утро кабинет и приёмная коменданта порта пустовали, Питер застал только машинистку, чопорную добросовестную особу в очках. Она объяснила, что с минуты на минуту явится ее начальство, капитан 3-го ранга Мейсон. Питер сказал, что заглянет позже, сел в свою машину и поехал в Уильямстаун. Поставил машину возле авианосца, с канистрами в руках поднялся по трапу, ответил на приветствие дежурного офицера:

— Доброе утро. Капитана Тауэrsa тут нет?

— Он, наверно, спустился на «Скорпион», сэр.

— И я хотел бы взять немного бензина.

— Очень хорошо, сэр. Вы оставьте канистры... Вашу машину тоже заправить?

— Пожалуйста.

Питер прошел через холодный, гулкий безлюдный корабль и спустился по трапу на подводную лодку. Когда он ступил на палубу, Дуайт Тауэрс как раз вышел на мостик. Питер по всей форме отдал честь.

— Доброе утро, сэр,— сказал он.— Я приехал поглядеть, как дела, и взять немного бензина.

— Бензина хоть залейся,— сказал американец.— А дел особых нет. По-моему, их больше уже и не предвидится. А у вас нет для меня новостей?

Питер покачал головой.

— Я только что заходил в министерство. Там ни души, только и сидит одна машинистка.

— Мне больше повезло. Вчера я застал там какого-то лейтенанта. Похоже, завод в часах кончается.

— Да и всё кончается, недолго осталось.— Они стояли рядом, опершись о перила мостика; Питер иска-са глянул на капитана.— Вы уже слышали про Аделаиду и Сидней?

Дуайт кивнул.

— Конечно. Сперва счет шел на месяцы, потом на недели, а теперь, по-моему, уже на дни. Какой срок они там вычислили?

— Не слышал. Хочу сегодня связаться с Джоном Осборном, узнать последние данные.

— На службе вы его не найдете. Он трудится над своей машиной. Говорит, рысак высокого класса.

Питер кивнул.

— А вы собираетесь посмотреть следующие гонки — главные, на Большой приз? Как я понимаю, последние на свете. Вот это будет зрелище!

— Право, не знаю. Предыдущие Мойре не очень-то понравились. Женщины многое воспринимают не так, как мы. Например, бокс и борьбу.— Дуайт помолчал.— Вы сейчас едете назад в Мельбурн?

— Да, если только... Может быть, я вам тут нужен, сэр?

— Не нужны. Здесь делать нечего. А вот, если можно, подбросьте меня до города. Мой шофер, старшина Эдгар, сегодня не явился со служебной машиной; подзреваю, что и его завод кончается. Если можно, подождите десять минут, я переоденусь в штатское и поеду.

Через сорок минут они уже разговаривали с Джоном Осборном в городском гараже. «Феррари» подвешен был на цепях к невысокому потолку, носом кверху, передок разобран. Джон, в комбинезоне, с помощью механика орудовал над машиной; он начистил ее до такого блеска, что и на руках почти незаметно было следов черной работы.

— Здорово повезло, что нам достались части от «мазерати»,— серьезно сказал он.— Одна тяга подвески погнута безнадежно. Но детали тут и там одинаковые; нам надо их только немного обработать и приладить новые втулки. Не хотел бы я вести моего рысака, если бы пришлось нагревать и выпрямлять старую тягу. Понимаете, неизвестно, как она себя поведет после такого ремонта.

— Я бы сказал, вообще неизвестно, что может случиться на таких вот гонках. Когда он разыгрывается, этот ваш Большой приз?

— У меня из-за срока идет перебранка с устройствами,— сказал физик.— Они намечают субботу семнадцатое, через две недели, а я считаю, надо назначить следующую субботу, десятое.

— Дело идет к концу, а?

— Я считаю, да. Уже и в Канберре определенно есть больные.

— Этого я не слышал. По радио сообщали про Аделаиду и Сидней.

— Радио всегда сообщает с запозданием дня на три. Стараются потянуть, ведь начнется паника и общее уныние. Но сегодня отмечено подозрительное заболевание в Олбери.

— В Олбери? Это всего миль двести к северу.

— Знаю. По-моему, суббота через две недели — слишком поздно.

— А мы, по-вашему, скоро подхватим эту болезнь, Джон? — спросил Питер.

Физик коротко взглянул на него.

— Я уже подхватил. И вы тоже. Все мы ее подхватили. Вот этой двери, гаечного ключа — всего, за что ни возьмись, уже коснулась радиоактивная пыль. Она в воздухе, которым мы дышим, в воде, которую пьем, в листьях салата, даже в беконе и яйцах. Теперь все зависит от сопротивляемости организма. У людей наименее выносливых признаки лучевой болезни вполне могут проявиться недели через две. А то и раньше.— Он чуть помолчал.— Я считаю чистейшим безумием откладывать такие важные гонки на две недели. Сегодня состоится заседание комиссии, там я все выскажу. Какое же это состязание, если у половины гонщиков начнется рвота и понос. Тогда просто-напросто выиграет парень, наименее чувствительный к радиации. Так ведь гонки устраиваются не для этого!

— Наверно, вы правы,— сказал Дуайт.

Он оставил Осборна и Холмса в гараже, потому что условился пообедать с Мойрой. Джон Осборн предложил Питеру пообедать в клубе «На природе»; немного погодя он вытер руки чистым лоскутом, снял комбинезон, запер гараж, и они поехали через весь город в клуб.

— Как ваш дядюшка? — спросил по дороге Питер.

— Он со своими приятелями изрядно поубавил клубные запасы портвейна,— сказал физик.— Конечно, он уже не так здоров. Вероятно, за обедом мы его увидим, он теперь бывает в клубе почти каждый день. Конечно, это стало проще, раз он опять ездит на своей машине.

— А бензин где достает?

— Бог его знает. Вероятно, у военных. Откуда теперь у всех берется бензин? Думаю, он продержится до конца, хотя поручиться не могу. Пожалуй, портвейн поможет ему протянуть дольше нас с вами и еще очень многих.

— Портвейн?

Джон Осборн кивнул.

— Видимо, спиртное усиливает нашу сопротивляемость радиации. Вы этого не знали?

— То есть, если хорошенько проспиртоваться, будешь жить дольше?

— На считанные дни. Дядюшку Дугласа, пожалуй, раньше хватит удар. На прошлой неделе я уж думал, портвейн его одолевает, но вчера он выглядел очень недурно.

Они поставили машину перед клубом и вошли. Дул холодный ветер, и сэр Дуглас Фрауд устроился в зимнем саду. Он беседовал с двумя старыми приятелями, рядом на столике ждал бокал хереса. Завидев вошедших, он хотел было встать, но по просьбе Джона отказался от попытки.

— Что-то я становлюсь неповоротливый,— сказал он.— Придвигайте стулья и выпейте хересу. С полсотни бутылок амонтильядо еще осталось. Нажми вон кнопку.

Джон нажал кнопку звонка и вместе с Питером пошел к дядюшкиному столу.

— Как ваше здоровье, сэр?

— Да так себе. Наверно, тот лекарь был прав. Он сказал, если я вернусь к прежним привычкам, мне не протянуть и полгода, и это чистая правда. Но и он протянет не дольше, и ты тоже.— Старик хихикнул.— Говорят, ты добился, чего хотел,— выиграл автомобильные гонки.

— Не совсем, я пришел вторым. Но теперь имею право состязаться за Большой приз.

— Ну, смотри не разбейся. Хотя, в сущности, какая разница. Слушай, тут кто-то рассказывал, что уже дошло до Кейптауна. По-твоему, это верно?

Племянник кивнул.

— Да, верно. У них это уже несколько дней. Хотя радиосвязь еще не прервалась.

— Значит, до них дошло раньше, чем до нас?

— Да, так.

— Значит, вся Африка уже кончилась или кончится раньше, чем это дойдет до нас?

Джон Осборн усмехнулся.

— Ждать недолго. Похоже, примерно через неделю всей Африке конец... Насколько мы могли установить, под занавес темп убыстряется. Трудно сказать, ведь когда в каком-то месте вымерло больше половины населения, связь обычно обрывается и мы уже не знаем толком, что происходит. К тому времени обычно перестают работать электростанции и все прочее, иссякает продовольствие. Видимо, оставшаяся половина жителей вымирает очень быстро... Но, как я уже сказал, что происходит в конце, мы точно не знаем.

— Ну, я полагаю, оно к лучшему,— рассудил генерал.— Скоро мы и сами узнаем.— И прибавил не сразу: — Значит, была Африка, да вся вышла. Когда-то, младшим офицером, еще до первой мировой войны, я там недурно проводил время. Только мне всегда был не по вкусу этот ихний апартеид... Стало быть, мы кончимся последними?

— Не совсем,— возразил Джон.— Но последний из больших городов будет наш. Уже есть случаи заболевания в Буэнос-Айресе и Монтевидео и два-три в Окленде. После нас еще недели две просуществуют Тасмания и южный остров Новой Зеландии. После всех умрут индейцы на Огненной Земле.

— А что с Антарктидой?

Физик покачал головой.

— Насколько нам известно, там сейчас никого нет. Но это не значит, что всей жизни на Земле настал конец. Ничего подобного. Здесь, в Мельбурне, жизнь будет продолжаться еще долго после нас.

Все изумленно уставились на него.

— Какая жизнь? — спросил Питер.

Джон Осборн весело улыбнулся.

— Кроличья. Самое жизнестойкое существо, насколько мы знаем, это кролик.

Багровея от гнева, генерал Фрауд выпрямился в кресле.

— То есть как, нас переживут кролики?

— Вот именно. Примерно на год. Их сопротивляемость радиации примерно вдвое выше нашей. На будущий год кролики расплодятся по всей Австралии и станут поедать все, что растет на полях и в огородах.

— Так, по-твоему, кролики нас обставят? Будут жить припеваючи, когда мы все перемрем?

Джон Осборн кивнул.

— И собаки нас переживут. Мыши продержатся еще дольше, но меньше, чем кролики. Насколько мы понимаем, кролики всех перещеголяют, они сдадутся последними.— Он помолчал.— Разумеется, под конец умрут все. К концу будущего года все живое сгинет.

Генерал снова откинулся на спинку кресла.

— Кролики! Мы их и стреляли, и травили, сколько сил и средств извели, а под конец, не угодно ли, они берут над нами верх! — Он повернулся к Питеру.— Нажмите кнопку, звонок у вас под рукой. Я перед обедом выпью коньяку с содовой. Нам всем сейчас не повредит коньяк с содовой.

Мойра Дэвидсон и Дуайт расположились за столиком в уголке ресторана и заказали обед. Потом она спросила:

— Вы чем-то озабочены, Дуайт?

— Не очень.— Он вертел в руках вилку.

— Расскажите.

Дуайт поднял голову.

— Под моим командованием есть еще один корабль Соединенных Штатов — «Меч-рыба», он стоит в Монтевидео. Сейчас там становится жарко. Три дня назад я радировал капитану, спросил, не может ли он отчалить и дойти сюда.

— Что же он ответил?

— Что это невозможно. Слишком крепки связи с берегом, так он выразился. Иначе говоря, с девушками, то же, что и на «Скорпионе». Он говорит — при крайней необходимости попытался бы, но пришлось бы там оставить половину команды.— Дуайт взглянул на нее.— Это бессмысленно. С половиной команды корабль не смог бы двигаться.

— И вы сказали, чтоб он остался там?

Дуайт ответил не сразу:

— Да. Я приказал вывести «Меч-рыбу» из двенадцатимильной зоны и затопить в открытом море, где глубже.— Взгляд его прикован был к зубцам вилки.— Не знаю, правильно ли я поступил. Мне подумалось, так решили бы наши военно-морские власти — чтоб я не оставлял корабль, битком набитый секретной техникой, болтаться в чужих водах. Пусть даже на нем не будет ни одного человека.— Он мельком вскинул глаза на Мойру.— Итак, численность американских морских сил опять уменьшилась. Было два корабля, остается один.

Долгую минуту оба молчали.

— И вы то же сделаете со «Скорпионом»? — спросила наконец Мойра.

— Думаю, да. Я хотел бы отвести его назад в Штаты, но не получится. Слишком крепки связи с берегом, как сказал мой брат.

Им подали обед.

— Дуайт,— начала Мойра, когда официант отошел,— у меня есть идея.

— А именно, детка?

— В этом году ловить форель разрешается раньше обычного, с ближайшей субботы. Может быть, вы свезете меня на субботу и воскресенье в горы? — Она слабо улыбнулась.— Ловить рыбу, Дуайт, именно ловить рыбу. Ни для чего другого. На берегу Джемисона так славно.

Он замялся.

— Джон Осборн думает, в этот день будут Большие гонки.

Мойра кивнула.

— Я тоже так думала. Вы предпочитаете посмотреть гонки?

Дуайт покачал головой.

— А вы?

— Нет. Не хочу больше смотреть, как гибнут люди. Через неделю-другую мы еще на это насмотримся.

— Вот и у меня такое чувство. Не хочу я видеть гонки, да вдруг еще пришлось бы увидеть, как разобьется Джон. Предпочел бы половить рыбу.— Дуайт посмотрел девушке прямо в глаза.— Только одно, детка. Я не хочу ехать, если эта поездка будет вам тяжела.

— Тяжела не будет,— возразила Мойра.— В том смысле, как вы думаете, не будет.

Дуайт оглядел переполненный ресторан.

— Уже совсем скоро я вернусь домой,— сказал он.— Давным-давно я там не был, но скоро это все кончится. Вы ведь знаете. Дома у меня жена, я ее люблю, и два года разлуки я был перед нею чист. Теперь, когда остались считанные дни, я не хотел бы все испортить.

— Знаю,— сказала Мойра.— Я всегда это знала.— И, помолчав, прибавила: — Вы мне очень помогли, Дуайт. Бог весть, что бы было, не появись вы. Наверно, когда умираешь с голоду, лучше ломтик хлеба, чем вовсе ни крошки.

Дуайт наморщил лоб.

— Не понял, детка.

— Неважно. Неохота мне затевать дрянную интрижку, если через неделю, от силы через десять дней я умру. У меня тоже есть кое-какие понятия о чести — по крайней мере теперь появились.

Он улыбнулся ей:

— Мы можем испробовать удочку Дуайта-младшего.

— Так и думала, что вам этого захочется. Я могу захватить свою удочку для ловли на муху, но рыболов из меня неважный.

— А искусственные мухи и поводки у вас есть?

— Мы это называем нахлыстом. Не уверена. Поищу, может быть, дома найдется.

— Поедем машиной, правда? Это далеко?

— Думаю, нам понадобится бензина миль на пятьсот. Но вы об этом не беспокойтесь. Наверно, папа позволит мне взять его машину, у него исправен стандартный большой «форд», а в сарае в сене припрятано чуть не сто галлонов бензина.

Дуайт опять улыбнулся.

— Вы все обдумали. А где мы остановимся?

— Пожалуй, в гостинице. Конечно, она скромная, места ведь — глушь, но, по-моему, это лучший выбор. Можно снять летний домик, но там, наверно, два года никто не жил, и нам придется все время хозяйничать. Лучше я позвоню в гостиницу и закажу номер. Две комнаты.

— Ладно, а мне придется ловить старшину Эдгара, выясню, можно ли мне обойтись без него, только воспользоваться служебной машиной. Не уверен, что я имею право сам ее водить.

— Разве теперь это так важно? Просто возьмите машину и езжайте.

Он покачал головой.

— Вот этого я не хочу.

— Да почему бы и нет, Дуайт? То есть это неважно, мы оба можем поехать на «форде». Но раз вам предоставили машину, уж конечно вы можете ею пользоваться. Через две недели все мы умрем. Тогда она вовсе никому не понадобится.

— Знаю... Просто я до самого конца хочу поступать как должно. Если установлен какой-то порядок, я ему подчиняюсь. Так я воспитан, детка, и меняться поздно. Если офицеру не положено брать служебную машину, чтобы съездить на субботу и воскресенье с девушкой в горы, я этого не сделаю. На борту «Скорпиона» даже в последние пять минут не будет ни капли спиртного. Вот как обстоят дела, а потому давайте я спрошу для вас еще стаканчик,— закончил он с улыбкой.

— Что ж, видно, поедem на «форде». Трудный вы человек, хорошо, что я не моряк и не служу у вас под началом. Нет, спасибо, Дуайт, пить я не стану. Сегодня у меня первый экзамен.

— Первый экзамен?

Мойра кивнула.

— Надо застенографировать под диктовку пятьдесят слов в минуту. Застенографировать, а потом перепечатать на машинке, и позволяется сделать там и тут не больше чем по три ошибки. Это очень трудно.

— Еще бы. Из вас выйдет отличная машинистка-стенографистка.

Мойра слабо улыбнулась.

— Пятьдесят слов в минуту — это далеко не отличная работа. Более или менее прилично — если умеешь записать сто двадцать слов в минуту.— Она вскинула голову.— Хотела бы я как-нибудь съездить в Америку повидать вас. Я хочу познакомиться с Шейрон, лишь бы она захотела познакомиться со мной.

— Она захочет,— сказал Дуайт.— Думаю, она уже теперь вам благодарна.

Мойра опять слегка улыбнулась.

— Ну, не знаю. Женщины по-всякому ведут себя из-за мужчин. А если мне приехать в Мистик, найдутся там курсы машинописи и стенографии, смогу я доучиться?

Дуайт с минуту подумал.

— Не в самом Мистике. Но в Новом Лондоне сколько угодно учебных заведений по любым специальностям. И это всего миль пятнадцать от нас.

— Я бы приехала только на полдня,— задумчиво сказала девушка.— Хочется посмотреть, как Элен прыгает на «кузнечике». Но потом, наверно, лучше вернуться домой.

— Шейрон очень огорчится, детка. Она наверняка захотела бы, чтобы вы у нас погостили.

— Это вы так считаете. А я сильно сомневаюсь.

— Пожалуй, к тому времени все станет по-другому,— сказал Дуайт.

Мойра медленно наклонила голову.

— Возможно. Хотела бы я так думать. Что ж, скоро мы всё узнаем.— Она взглянула на ручные часы.— Мне пора, Дуайт, не то я опоздаю на экзамен.— Она взяла перчатки и сумочку.— Вот что, я попрошу у папы «форд» и галлонов тридцать бензина.

Дуайт колебался.

— Я выясню насчет моей машины. Не хочется мне так надолго забирать машину у вашего отца, да еще столько горючего в придачу.

— А папе она не нужна. Она уже две недели на ходу, а ездил он, по-моему, только два раза. Пока еще есть время, он старается побольше дел переделать на ферме.

— Чем он сейчас занят?

— Огораживает рощу — ту, где сорок акров. Выкапывает старые столбы, ставит новый забор. Длиной метров триста с хвостиком. Значит, надо выкопать почти сотню ям под столбы.

— В Уильямстауне работы поменьше. Если ваш отец не против, я мог бы приехать и помочь.

— Я ему скажу. Позвоню вам сегодня вечером, около восьми, ладно?

— Прекрасно.— Дуайт проводил ее до дверей.— Желаю успешно сдать экзамен.

Никаких обязательств на сегодня у него не было. Проводив Мойру, он в нерешимости постоял у входа в ресторан — куда податься? Безделье непривычно и утомительно. В Уильямстауне делать совершенно нечего, авианосец мертв, по сути, мертва и подводная лодка. Приказа он не получал, но ясно — в плавание ей уже не выходить; Южная Америка и Южная Африка отпали, а больше идти некуда, разве что в Новую Зеландию. Половину команды он на целую неделю отпускает, следующую неделю свободна другая половина; из дежурной половины заняты на лодке только человек десять — поддерживают чистоту и порядок, остальным разрешается

дневная отлучка на берег. Никакие радиogramмы, требующие ответа, теперь не приходят; раз в неделю полагается подписать несколько официальных заявок на снабжение, хотя все нужные «Скорпиону» припасы и материалы выдаются с портовых складов безо всяких бумажек. Не хочется это признавать, но ведь ясно: подлинная, деятельная жизнь его лодки кончена, как и его собственная жизнь. И нет ничего взамен.

Мелькнула мысль пойти в клуб «На природе», но Дуайт ее отбросил, ему там делать нечего. И он пошел в квартал городских гаражей и автомастерских, там наверняка застанешь Джона Осборна в трудах над «феррари»; пожалуй, там найдется работа и для него. В Уильямстаун надо вернуться к восьми, когда позвонит Мойра, до тех пор он свободен. А завтра поедем помогать ее отцу ставить новый забор, необходимо чем-то занять и голову и руки.

По пути в центр Дуайт зашел в магазин спортивных товаров спросить удочки и искусственных мух.

— К сожалению, сэр, у нас ничего не осталось, — сказал ему продавец. — Могу предложить несколько крючков, если все прочее у вас имеется. За последние дни у нас всё как есть раскупили, ведь начинается сезон ловли, а других уже не предвидится. Что ж, как я сказал жене, это даже приятно. Что перед концом почти весь товар распродан. Бухгалтеры да контролеры остатков не любят, хотя, пожалуй, теперь уже им это без разницы. Чудно, как все обернулось.

Дуайт пошел дальше. В кварталах, где торговали всякой механикой, еще стояли в витринах автомобили, самоходные косилки и прочее, но магазины на замке, витрины запыленные, и все, что в них выставлено, заросло пылью и грязью. И на улицах теперь грязь, мусор, всюду валяется бумага и гнилые овощи — очевидно, мусорщики не работают уже не первый день. Еще ходят трамваи, но в городе ощутима запущенность и дурно пахнет; все это напоминает не достроенный толком город в какой-нибудь восточной стране. Моросит несильный дождь, небо затянуто тучами; в двух-трех местах уличные водостоки забиты, и поперек дороги разлились огромные лужи.

Вот и гаражи, дверь распахнута, Джон Осборн с двумя помощниками поглощен работой; тут же и Питер Холмс, он без кителя, отмывает какие-то безымянные, непонятные части «феррари» в керосине, а керосин сейчас доро-

же ртути. Самый воздух гаража насыщен неутомимой бодростью, и у Тауэrsa теплеет на сердце.

— Я так и думал, что вы заглянете,— говорит ему физик.— Пришли поработать?

— Ясно,— отозвался Дуайт.— На город мне и смотреть тошно. Дадите мне хоть какое-нибудь дело?

— Дадим. Помогите Биллу Адамсу насадить новые покрышки на все колеса, какие отыщете.

И он показал на стопку новеньких гоночных покрышек; кругом везде валялись металлические ободья.

Дуайт с благодарностью снял пиджак.

— У вас много колес.

— Кажется, одиннадцать. Снятые с «мазерати» в точности такие, как наши. И на каждое колесо, сколько есть, я хочу поставить новую покрышку. Билл работает на заводе и знает, как это делается, но ему нужна подмога.

Американец засучил рукава. Спросил Питера:

— Он и вас впряг в работу?

Холмс кивнул.

— Но мне скоро придется уехать. У Дженнифер режутся зубы, и она два дня плачет в голос, просто невыносимо. Я сказал Мэри, извини, мол, мне сегодня надо на службу, но обещал к пяти вернуться.

Дуайт улыбнулся.

— Предоставили ей сносить детский плач?

Питер кивнул.

— Я купил садовые грабли и пузырек укропной воды. Но к пяти надо быть дома.

Через полчаса он простился и поехал в своей маленькой машине в Фолмут. Домой явился вовремя и застал Мэри в гостиной, а во всем доме — вот чудеса! — полнейшую тишину.

— Как Дженнифер? — спросил он.

Мэри прижала палец к губам.

— Спит,— прошептала она.— Уснула после обеда и с тех пор не просыпалась.

Питер пошел к спальне, жена за ним. Шепнула:

— Только не разбуди ее.

— Ни за что на свете,— шепотом ответил он. Постоял над кроваткой, глядя на мирно спящего ребенка. И прибавил: — Не похоже, что у нее рак.

Они возвратились в гостиную, тихонько притворили за собой дверь, и Питер отдал жене подарок.

— Укропной воды у меня — хоть залейся, но Джен-

нифер давно ее не пьет. Ты на три месяца отстал от жизни. А грабли — прелесть. Как раз то, что нужно, наша лужайка вся засыпана сучками и сухими листьями. Вчера я пробовала подбирать их просто руками, но потом очень ломит спину.

Они выпили по рюмочке; немного погодя Мэри сказала:

— Бензин у нас теперь есть, может быть, купим самоходную косилку?

— Они стоят кучу денег, — машинально возразил Питер.

— Разве теперь это важно? А косилка была бы таким облегчением, ведь наступает лето. Конечно, наша лужайка небольшая, но ручной косилкой так тяжело косить, а ты, может быть, опять уйдешь в море. Нам бы совсем маленькую самоходную, чтобы мне самой с ней управляться. Или электрическую. У Дорис Хейнс электрическая, такая совсем легко запускается.

— Дорис по крайней мере трижды перерезала провод, и ее чуть не убило током.

— Надо с машинкой обращаться осторожно, и ничего не случится. Так славно бы ее купить.

Питер не понимал, живет она в каком-то своем воображаемом мире или просто не хочет признавать действительность. Что ж, он любит жену такую, как она есть. Может быть, косилка эта ни разу не пригодится, но Мэри ей порадует.

— В среду, когда поеду в город, я поищу косилку, — сказал он. — Самоходных-то сколько угодно, а насчет электрических не уверен. — Он помолчал, припоминая. — Боюсь, электрическую уже не отыскать. Их, конечно, бросились раскупать, когда не стало бензина.

— Годится и маленькая самоходная, Питер. Ты мне только покажешь, как пустить ее в ход.

Он кивнул.

— Вообще-то с ними управляться не сложно.

— И еще нам бы нужна садовая скамейка, — сказала Мэри. — Знаешь, такая, что можно и на зиму там оставить, а в хороший погожий денек посидеть. Я вот думала, как бы славно поставить такую скамейку в тени в том углу, где земляничное дерево. Лето, видно, будет ужасно жаркое. А на скамейке, наверно, можно будет сидеть круглый год.

Питер кивнул.

— Неплохая мысль.

Когда настанет лето, скамейка уже никому не понадобится, но не будем об этом. Перевозка — вот задача. Маленьким «моррисом» можно везти скамейку только если взгромоздить на крышу, а тогда она расцарапает эмаль; впрочем, можно толстым слоем подстелать что-нибудь мягкое.

— Сперва купим косилку, а там посмотрим, сколько у нас останется денег.

Назавтра Питер повез жену в Мельбурн покупать косилку; Дженнифер взяли с собой, пристроив ее переносную корзинку на заднем сиденье. Мэри несколько недель не бывала в городе, и вид улиц ужаснул ее и расстроил.

— Что случилось, Питер, почему все в таком состоянии? Какая грязь, и пахнет отвратительно.

— Наверно, мусорщики больше не работают,— заметил он.

— Но как же можно было до этого довести? Почему они не работают? Забастовка, что ли?

— Просто всё понемногу останавливается. Вот и я не работаю.

— Флот другое дело. Ты моряк.— Питер засмеялся.— Нет, я хочу сказать, ты на много месяцев уходишь в море, а потом получаешь отпуск. У мусорщиков другая служба. Они работают каждый день. По крайней мере так должно быть.

Питер больше ничего не мог ей разъяснить, и они поехали дальше, к большому магазину металлических изделий. Тут было очень мало посетителей и совсем мало продавцов. Холмсы оставили дочку в машине и прошли в отдел садовых инструментов, не сразу удалось разыскать продавца.

— Самоходные косилки? — переспросил он.— Они в соседнем зале, за аркой. Посмотрите, найдется ли для вас подходящая.

Они последовали его совету и выбрали маленькую, с захватом всего в двенадцать дюймов. Питер посмотрел на ярлык с ценой, подхватил косилку и направился к продавцу.

— Я возьму эту,— сказал он.

— Вот и ладно,— был ответ.— Хорошая косилочка.— Продавец желчно усмехнулся.— Прослужит вам всю жизнь.

— Сорок семь фунтов и десять центов,— сказал Питер.

— По мне, платите хоть апельсиновой коркой. Мы сегодня закрываемся.

Моряк отошел к столу выписывать чек. Мэри осталась, заговорила с продавцом:

— А почему вы закрываетесь? Разве люди больше ничего не покупают?

Он фыркнул.

— Отчего же — и приходят, и покупают. Только продавать-то почти нечего. Но я не собираюсь тут торчать до последнего, и другие служащие тоже. Мы это вчера порешили на собрании, а потом и управляющему так сказали. Осталось-то всего ничего, две недели. Нынче вечером администрация эту лавочку прикроет.

Подошел Питер, подал продавцу чек.

— Ладненько,— сказал тот.— Вот только получать по нему будет некому. В конторе народу никого не останется. Пожалуй, выдам я вам расписку, а то на будущий год потянут вас в суд за неуплату...

Он нацарапал расписку и повернулся к другому покупателю.

Мэри передернуло.

— Пойдем отсюда, Питер, поедем домой. В городе мерзко и запах ужасный.

— А хочешь, где-нибудь пообедаем? — Питер подумал, что ей приятно будет побывать в ресторане или в клубе.

Мэри покачала головой.

— Лучше сейчас же поедем домой, там и пообедаем.

Молча поехали они прочь, в свой маленький, светлый приморский городок. Дома, в их скромном жилище на горе к Мэри отчасти вернулось душевное равновесие: все здесь до мелочей знакомое, привычное, здесь чистота, которой она, хозяйка, так гордится, и заботливо ухоженный садик, и так славно смотреть на просторную, чистую бухту. Здесь ты в безопасности.

Пообедали, и, закулив сигарету, прежде чем приняться за мытье посуды, Мэри сказала:

— Знаешь, наверно, мне никогда больше не захочется в Мельбурн.

Питер улыбнулся:

— Начинает отдавать свинарником, да?

— Просто мерзость! — вспыхнула Мэри.— Все закрыто, и грязь, и вонь. Как будто уже настал конец света.

— До конца света, знаешь ли, уже недалеко,— заметил Питер.

Мэри ответила не сразу:

— Знаю. Ты все время об этом твердишь. — Она подняла глаза, встретила взгляд мужа. — Скоро это будет?

— Примерно через две недели. Это ведь не то что щелкнет выключатель — и всё. Люди заболевают, но, конечно, не все в один день. Некоторые выдерживают дольше других.

— Но под конец погибнут все? — тихо спросила Мэри. — Это никого не минует?

Питер кивнул.

— Под конец — никого.

— А большая разница между людьми? Когда кто заболевает?

Он покачал головой.

— Толком не знаю. Наверно, через три недели всех свалит.

— Через три недели от сегодняшнего дня или после того, как заболеет самый первый?

— Я имею в виду — после первого случая. Но точно не знаю. — Питер помолчал. — Возможно, сперва заболевают в легкой форме и поправляются. Но дней через десять, через две недели заболеешь опять.

— Значит, нельзя ручаться, что мы с тобой заболеем в одно время? Или Дженнифер? Любой из нас может заболеть в любую минуту?

Питер кивнул.

— Так оно и есть. Приходит твой час и надо его встретить. В сущности, мы же всегда это знали, только не думали об этом, потому что молоды. Могло же случиться, что Дженнифер умерла бы раньше нас с тобой или я — раньше тебя. В общем, это не ново.

— Да, пожалуй. Только я надеюсь, что мы все умрем в один день.

Питер взял ее за руку.

— Очень может быть. Но... нам повезет. — Он поцеловал жену. — Давай вымоем посуду. — Взгляд его упал на новую покупку. — А потом можно скосить траву на лужайке.

— Трава совсем мокрая, — грустно сказала Мэри. — Косилка заржавеет.

— А мы ее просушим у камина в гостиной. Я не дам ей заржаветь, — пообещал Питер.

Дуайт Тауэрс провел субботу и воскресенье у Дэвидсонов, и оба дня с утра и дотемна работал — масте-

рил ограду. За тяжелым физическим трудом легчало на душе, на время отпускало неизменное напряжение, но Дуайт заметил — хозяин глубоко озабочен. Кто-то ему рассказал, как упорно организм кролика сопротивляется радиации. Сами по себе кролики не очень его волновали, в Харкауэе, хвала хозяину, они почти не водились; но если эти пушистые грызуны меньше всех подвержены лучевой болезни, спрашивается — а как насчет рогатого скота? Что-то будет с его, Дэвидсона, стадом?

И как-то вечером он поделился с американцем своей тревогой.

— Раньше я про это не думал, — сказал он. — Я думал, мои быки и коровы помрут, когда и мы. Но получается, вроде они протянут дольше. А насколько дольше, ни у кого узнать не могу. Похоже, ученые этого не выяснили. Сейчас-то, понятно, я даю своим и сено, и силос, в наших горах в обычные годы давать корм надо до конца сентября — примерно полкипы сена в день каждой корове. Я по опыту знаю, иначе нельзя содержать скотину в лучшем виде. А если людей на ферме никого не останется, тогда как же? Ума не приложу.

— Ну, а если сарай, где у вас сено, оставить открытым и пускай кормятся, когда захотят?

— Я уж думал про это, но скотине самой прессованную кипу не растрепать. А растреплет, так тут же затопчет и загубит. — Дэвидсон помолчал. — Я все гадал да прикидывал, нельзя ли какую-нибудь механику приспособить с часами да с проволокой под электрическим током... Но как ни верти, а пришлось бы оставить месячный запас сена без крыши, на выгоне, под дождем. Не знаю, что и делать.

Он поднялся.

— Давайте-ка налью вам виски.

— Спасибо, немножко. Задача, конечно, не из легких, — вернулся Тауэрс к разговору о сене. — И даже нельзя написать в газеты и узнать, может быть, кто-нибудь что-то и придумал.

Он пробыл у Дэвидсонов до утра вторника, потом вернулся в Уильямстаун. Несмотря на все старания боцмана и дежурного офицера, команда, что оставалась в порту, начала разлагаться. Два матроса не вернулись из отпуска, об одном говорили, будто он убит в уличной драке, но правда ли это — не доказано. Одиннадцать

матросов вернулись из отпуска пьяными, надо их проучить, а капитан понятия не имел, какая тут возможна кара. Не пускать больше на берег, когда на борту людям делать нечего, а впереди всего-то недели две — разве не бессмыслица? Тауэрс решил поддержать провинившихся на гауптвахте, пока они не протрезвеют, а сам он не подыщет какой-то выход; потом велел привести их и выстроить на юте.

— Придется вам выбирать, — сказал он. — Времени у всех в обрез, что у вас, что у меня. Сегодня вы состоите в экипаже подводной лодки Соединенных Штатов «Скорпион», а это — последнее годное к плаванию судно флота Соединенных Штатов. Либо оставайтесь в команде, либо с позором будете списаны с корабля.

И, выждав минуту, продолжал:

— Впредь всякий, кто явится из отпуска пьяный или с опозданием, на следующий день будет уволен. А когда я говорю «уволен», это значит — уволен в два счета и с позором. Я в два счета велю снять с вас форменную одежду, выставлю из порта в одних трусах, и тогда мерзните и пропадайте в Уильямстауне, воля ваша, флоту Соединенных Штатов больше нет до вас дела. Вы слышали — идите и подумайте. Разойдись!

Назавтра проштрафился только один матрос, Тауэрс выставил его из порта на произвол судьбы в одном белье. На этом подобного рода неприятности кончились.

Рано утром в пятницу со старшиной-водителем за рулем служебного «шевроле» он выехал из доков и отправился в город, к гаражам на Элизабет-стрит. Как он и думал, Джон Осборн уже орудовал там над своим «феррари»; машина стояла сверкающая, в полной исправности, явно готовая хоть сию минуту погнаться за победой.

— Я только заглянул мимоездом, — сказал Дуайт. — Хочу извиниться, завтра я не смогу посмотреть, как вы выиграете гонку. У меня назначено другое свидание, будем в горах удить форель.

Физик кивнул.

— Мойра мне сказала. Удачного вам лова. Завтра на гонках вряд ли будет много народу, только сами участники да врачи.

— А по-моему, зрители должны собраться, ведь это не рядовые гонки, а самые главные.

— Очень может быть, что для многих это последняя

суббота, когда они еще здоровы. И они пожелают заняться чем-нибудь другим.

— А Питер Холмс приедет?

Джон Осборн покачал головой.

— Он весь день будет возделывать свой сад. — И закончил неуверенно: — В сущности, не надо бы мне вступать в эти гонки.

— Но ведь у вас нет сада.

Физик криво усмехнулся.

— Да, но у меня есть старуха мать, а у матери китайский мопс. До нее только сейчас дошло, что крошка Мин на несколько месяцев ее переживет, и теперь она в отчаянии: что же с ним будет... Проклятое время. Буду рад, когда все это кончится.

— Все еще предполагается — в последних числах месяца?

— Для большинства из нас еще раньше. — Он что-то пробормотал еле слышно, потом прибавил: — Помалкивайте об этом. Для меня — завтра.

— Надеюсь, вы ошибаетесь, — сказал американец. — Не прочь бы я посмотреть, как вы выиграете этот кубок.

Осборн с нежностью оглядел свою машину.

— Скорости ей хватает, — сказал он. — Она бы выиграла, будь у нее приличный водитель. Но я и есть слабое звено.

— Буду вас ругать, приносит удачу.

— Ладно. А вы мне привезите рыбки.

Тауэрс вышел из гаража, спрашивая себя, увидит ли он Джона Осборна еще раз. В машине сказал старшине-водителю:

— Теперь поезжайте в Харкауэй, на ферму мистера Дэвидсона, под Бервиком. Вы меня уже однажды туда возили.

Выехали в предместья, Дуайт откинулся на заднем сиденье, вертел в руках детскую удочку, оглядывал при тусклом свете зимнего дня скользящие мимо дома и улицы. Очень скоро, возможно уже через месяц, здесь не останется ни души, ни одного человека, только собаки да кошки — им, по расчетам ученых, дается небольшая отсрочка. А вскорости не станет ни собак, ни кошек; опять и опять будут сменяться лето и зима, и увидят их только эти улицы. Пройдет время, пройдет и радиоактивность; период полураспада кобальта около пяти лет, значит, не позже, чем через двадцать лет, а

пожалуй и раньше, на этих улицах, в этих домах снова можно было бы жить. Человечеству суждено быть стертым с лица земли, и мир опять станет чистым, готовым без долгой проволоочки принять более разумных обитателей. Что ж, наверно в этом есть смысл.

Было еще утро, когда он приехал в Харкауэй; во дворе стоял наготове хозяйский «форд», в багажнике полно канистр с бензином. Мойра уже его ждала, на заднем сиденье лежал небольшой чемодан со всяким рыбацким снаряжением.

— Я думаю, выедем до обеда, а по дороге перекусим сандвичами. Дни такие короткие.

— Мне это подходит,— сказал Дуайт.— Вы и сандвичи припасли?

Она кивнула.

— И пиво тоже.

— Я вижу, вы все предусмотрели.— Он обернулся к фермеру.— Неловко мне вот так захватить вашу машину. Может, лучше мы поедем в «шевроле».

Дэвидсон покачал головой.

— Мы вчера ездили в Мельбурн. И уж больше, наверно, не поедем. Глаза бы не смотрели.

Американец кивнул.

— Все зарастает грязью.

— Именно. Нет, берите «форд». Бензина запасено вдоволь, отчего ж им не воспользоваться, а мне он, надо думать, больше не понадобится. Слишком много хлопот на ферме.

Дуайт перенес свое снаряжение в «форд», а старшину с «шевроле» отослал обратно в порт.

— Сомневаюсь, чтобы он поехал куда велено,— задумчиво сказал он, глядя вслед служебной машине.— Но ритуал мы соблюдаем.

Стали садиться в «форд». Мойра сказала:

— За руль — вы.

— Нет, лучше ведите вы,— возразил Дуайт.— Я не знаю дороги и, пожалуй, еще наскочу на что-нибудь на встречной полосе.

— Я добрых два года не водила машину, но хотите рискнуть головой — дело ваше.

Уселись. Немного осмотревшись, Мойра включила первую скорость, и они отъехали.

Вести машину для нее удовольствие, да еще какое! Чем больше скорость, тем сильнее ощущение свободы, вырываешься из скованности будней. Выющимися по

склонам дорогами проехали Дэнделонгские горы, минуя разбросанные там и сям загородные дома и пансионы, остановились перекусить неподалеку от Долины лилий, на берегу говорливой речушки. Прояснило, светило солнце, в яркой синеве плыли нечастые белые облака.

Уплетая сэндвичи, оба опытным рыбацким взглядом присматривались к речушке.

— Вода мутная,— сказал Дуайт.— Может быть, потому, что время года еще не то.

— Да, наверно. Папа так и говорил, что вода будет слишком мутная для ловли на муху. Он сказал, со спиннингом, пожалуй, что-нибудь и получится, и советовал мне порыскать по берегу, поискать червяков, на червяка, может, и клюнет.

Тауэрс засмеялся.

— Если наша задача — наловить рыбы, совет разумный. Я-то сперва попробую на блесну, хочу испробовать, легко ли управляться с этой удочкой.

— Мне поймать бы одну-единственную рыбку,— не без грусти сказала Мойра.— Пускай даже плохонькую, такую, что мы ее пустим обратно в речку. Если в Джемисоне вода не многим чище, попытаю счастья на червяка.

— Возможно, там, в горах, вода чище, потому что тает снег.

— А рыба тоже проживет дольше нас? Как собаки? Дуайт покачал головой.

— Не знаю, детка.

Поехали дальше, к реке Уорбертон, потом извилистой дорогой, через лес, все выше. И спустя часа два оказались на плато Мэтлок; здесь дорогу и поросшие лесом горы вокруг покрывал снег; все казалось холодным, безрадостным. Спустились по долине к городку Вудс-Пойнт, потом опять вверх, к другой речке. А отсюда через двадцать миль приветливой, мягко изгибающейся долиной Гоулберна, перед самыми сумерками выехали к Джемисонской гостинице.

Американца гостиница удивила: беспорядочное скопище одноэтажных деревянных развалюх, иные, видно, сохранились еще со времен первых поселенцев. Хорошо, что он заказал комнаты заранее, тут оказалось полным-полно заезжих рыбаков. Никогда до войны, в пору пышнейшего процветания этой гостиницы, подле нее не стояло такое множество машин; внутри, в баре, шла бойкая торговля спиртным. Не без труда Мойра с Дуай-

том отыскивали оживленную, раскрасневшуюся хозяйку. Ни на миг не смолкая, она провела их в заказанные комнаты — маленькие, неудобные, дурно обставленные.

— Правда, чудесно, столько народу опять съехалось порыбачить? Вы не представляете, какая тоска была последние два года, никто сюда не заглядывал, пройдут в кои веки погонщики с выючными лошадьми — и все. А нынче прямо как в прежние времена. Вы с собой полотенце не захватили? Нету? Пойду поищу,— может, одно найдется. Но у нас уж так все переполнено...

И все той же радостной суетливостью ее вынесло из комнаты. Тауэрс проводил ее взглядом.

— Что ж, хоть этой сейчас весело. Пойдемте, детка, я вас угощу стаканчиком.

Они прошли в переполненный бар с провисшим дощатым потолком, в очаге жарко пылали поленья, хромированных столов и стульев не хватало, водоворотом кружило многочисленных посетителей.

— Что будете пить, детка?

— Коньяк! — выкрикнула Мойра, иначе Дуайт не расслышал бы ее сквозь шум и гам.— Больше нам с вами здесь сегодня делать нечего.

Он усмехнулся и сквозь толпу стал пробиваться к стойке. Через несколько минут насилу протолкался обратно, принес коньяк и виски. Осмотрелись, заметили два свободных стула у столика, на котором двое мужчин без пиджаков озабоченно раскладывали рыболовную снасть. Оба подняли головы и кивнули подошедшим Дуайту и Мойре.

— Будет к завтраку рыба,— заметил один.

— Встанете спозаранку? — спросил Дуайт.

Второй мельком взглянул на него.

— Попозже ляжем спать. Сезон ловли открывается в полночь.

— И вы сразу пойдете? — с любопытством переспросил Дуайт.

— Если не повалит сильный снег. Лучшее время для ловли.— Рыбак показал большую белую искусственную муху, привязанную к крохотному крючку.— Вот моя наживка. Верное дело. Надо опустить в воду раза два, чтоб намочила и пошла вглубь, а потом забросить по дальше. Действует наверняка.

— А у меня так не ловится,— сказал второй.— Предпочитаю лягушат. Выходишь к знакомой заводи до рассвета, часа в два, с маленьким лягушонком, крю-

чок поддеваешь ему под кожу на спине и забрасываешь, пускай плавает... Вот как я ловлю. Вы сегодня пойдете?

Дуайт взглянул на Мойру, ответил с улыбкой:

— Пожалуй, нет. Мы рыбачим при дневном свете, мы не такие мастера — до вас нам далеко. И улов наш невелик.

Собеседник кивнул.

— Раньше и я был такой. Смотришь на птиц, на реку, да как на воде солнце играет, поймаешь что-нибудь, не поймаешь — неважно. Иной раз и теперь так посижу. Но потом я втянулся в ночной лов — вот это да! — Он вскинул глаза на американца. — Тут в заливишке пониже, за излучиной есть одна рыбина — громадина, я на нее уже два года охочусь. Позапрошлый год я ее поймал было на лягушку, так она размотала половину всей моей лески, а потом оборвала ее и ушла. В прошлом году поздно вечером еще раз клюнула, наживка у меня была вроде искусственного жука, так эта зверюга опять оборвала леску — новенькую, прочнейшую, чистый нейлон. Эта рыбина весит двенадцать фунтов, не меньше. Но уж теперь она от меня не уйдет, хоть бы пришлось сидеть каждую ночь до самого конца.

Тауэрс перегнулся к Мойре.

— Есть у вас желание идти на реку в два часа ночи?

Девушка засмеялась.

— Я хочу лечь спать. А вы ступайте, если хотите. Он покачал головой.

— Я не такой страстный рыболов.

— Вы рыболов из породы выпивающих. Давайте бросим монетку — кому идти и с боем добывать еще выпивку.

— Сейчас я вам принесу, — сказал Дуайт.

Мойра покачала головой.

— Сидите на месте, вникайте в премудрости рыбной ловли. Я сама принесу вам выпить.

Взяв оба стакана, она пробилась через толпу к стойке и вскоре вернулась к столику подле очага. Дуайт встал ей навстречу, спортивная куртка на нем распахнулась. Передавая ему бокал, Мойра сказала тоном строгого судьи:

— У вас на джемпере не хватает пуговицы!

Дуайт оглядел себя.

— Знаю. Она отлетела, пока мы сюда ехали.

— И потерялась?

— Нет, я ее подобрал в машине.

— Отдайте мне вечером пуговицу и джемпер, я ее пришью.

— Пустяки, неважно.

— Еще как важно.— Она мягко улыбнулась.— Не могу же я отослать вас к Шейрон в таком виде.

— Она не будет недовольна, детка...

— Зато я буду недовольна. Отдайте мне вечером джемпер, завтра утром я вам его верну.

Около одиннадцати, прощаясь с Мойрой у ее двери, Дуайт отдал ей джемпер. Почти весь вечер они просидели в людном баре, курили и пили, как все остальные, с удовольствием предвкушая завтрашнюю ловлю, рассуждая, идти ли с удочками на один из ручьев или на озеро. Решили попытать счастья на берегу реки Джемисон, ведь лодки у них нет. Принимая джемпер, Мойра сказала:

— Спасибо вам, Дуайт, что привезли меня сюда. Вечер был чудесный, и завтра будет чудесный день.

Он постоял перед ней, спросил нерешительно:

— Вы правда так думаете, детка? Вы не будете на меня в обиде?

Она рассмеялась.

— Я не обижаюсь, Дуайт. Я знаю, что вы женатый человек. Идите спать. Утром джемпер будет в порядке.

— Хорошо.— Он повернулся, прислушался к гомону и обрывкам песен, еще доносящихся из бара.— Там по-настоящему веселятся,— сказал он.— Мне все еще не верится, что так больше никогда не будет, что эти суббота и воскресенье неповторимы.

— Может, они еще и повторятся,— возразила Мойра.— В каком-то другом измерении, что ли. А пока давайте развлекаться, будем завтра ловить рыбку. Говорят, погода будет прекрасная.

Он улыбнулся.

— А в другом измерении, по-вашему, бывает дождь?

— Не знаю,— сказала Мойра.— Очень скоро мы это выясним.

— Тогда там должна быть вода и реки,— задумчиво промолвил Дуайт.— Иначе какая же рыбная ловля...— Он отвернулся.— Спокойной ночи, Мойра. Давайте завтра отлично проведем время.

Она закрыла за собой дверь и несколько минут стояла, прижав к груди его джемпер. Дуайт есть Дуайт, женатый человек, и сердцем он в Коннектикуте с женой и детьми; от нее он навсегда останется далек. Будь у

нее побольше времени — как знать, возможно, все обернулось бы по-другому, но на это нужны годы. Лет пять, не меньше, должно бы пройти, пока станут блекнуть в его памяти образы Шейрон, и сына, и Элен; тогда, быть может, он и обратился бы к ней, и она создала бы для него новую семью и вновь сделала бы его счастливым. Но ей не дано пяти лет; скорее всего остается каких-нибудь пять дней. Вдоль носа поползла слеза, Мойра сердито ее смахнула; глупо себя жалеть, а может, это виноват коньяк? В сумрачной маленькой спальне с единственной лампочкой пятнадцати ватт, ввинченной в потолок, слишком темно, чтобы пришивать пуговицы. Мойра порывисто разделась, облачилась в пижаму и легла, пристроив рядом на подушке джемпер Дуайта. В конце концов она уснула.

На другой день после завтрака они отправились ловить рыбу на берегу Джемисона, недалеко от гостиницы. Был паводок, и река словно замутилась; Мойра неумело шлепала удочкой с искусственной мухой на крючке по стремительным струям и все без толку, но Дуайту на новенький спиннинг, когда еще и утро не кончилось, попалась двухфунтовая форель, и Мойра помогла ему переправить добычу в садок. Ей хотелось, чтобы он поймал еще одну, но Дуайт, удостоверясь, что удилище и вся снасть безупречны, теперь больше заботился о том, чтобы и Мойра не осталась без улова. Около полудня они увидели одного из вчерашних соседей по столику в баре — он не удил, просто шел вдоль берега и всматривался в воду. Поравнялся с ними и приостановился.

— Недурная рыбка, — сказал он про улов Дуайта. — Поймали на живую муху?

Тауэрс покачал головой.

— На искусственную. Сейчас пробуем на живую. А вам ночью повезло?

— Я поймал пять штук, — ответил тот. — Самая большая потянет фунтов на пять. А потом глаза стали слипаться, и около трех я пошел спать. Только сейчас поднялся. В такой воде ничего вы на муху не поймаете. — Он вынул из кармана пластиковую коробочку, пошуровал в ней указательным пальцем. — Вот, попробуйте это.

И подал им крохотную блёсенку, кусочек блестящего металла величиной с шестипенсовик в форме ложечки, украшенной единственным крючком.

— Попробуйте это в какой-нибудь заводи, откуда выбегает быстрая струя. В такие дни, как сегодня, на нее всегда клюет.

Они поблагодарили, и Дуайт привязал приманку к Мойриной леске. Сперва Мойре не удавалось ее забросить: будто целая тонна свинца тянула удище вниз, блесна падала в воду у самых ее ног. Но вскоре она приноровилась забрасывать приманку подальше, в струю, выбегающую из заводи. На пятый или шестой раз леска дернулась, удище изогнулось, и тонкая прочная нить зазвенела, сбегая с катушки. Мойра ахнула:

— Кажется, одна попалась, Дуайт!

— Ясно, попалась. Держите удище стоймя, детка. И понемногу подводите ее к нам.— Форель прыжком взметнулась над водой.— Неплохая рыбка,— одобрил Дуайт.— Не давайте леске ослабнуть, но если форель будет очень рваться, немного ее поводите. Спокойствие — и она ваша.

Пять минут спустя усталая, измотанная форель лежала на берегу у ног рыбачки, и Дуайт уложил ее в садок. Он прикончил форель, ударив с маху о камень, и оба полюбовались Мойриной добычей.

— Полтора фунта,— сказал Дуайт,— а может быть, и чуть побольше.— Он осторожно извлек изо рта форели хитроумную блесну, крохотную ложечку с крючком.— А теперь поймайте еще одну.

— Эта меньше вашей,— сказала Мойра, но ее переполняла гордость.

— Следующая будет не меньше. Попробуйте счастья еще разок.

Но время близилось к обеду, и Мойра решила отложить попытку. Гордые, они с трофеями вернулись в гостиницу, выпили перед обедом пива и потолковали об улове с другими удильщиками.

Среди дня опять пошли на то же место, и опять Мойра поймала форель, на сей раз двухфунтовую, а Дуайту попались две помельче, и одну он пустил обратно в реку. Под вечер, прежде чем вернуться в гостиницу, довольные и усталые, они отдыхали, разложив подле себя пойманную рыбу. Сидели на берегу, прислонясь к большому валуну, наслаждались последними лучами солнца, пока оно еще не скрылось за горой, покуривали. Становилось холодновато, но очень уж не хотелось уходить от мирно журчащей реки.

Внезапная мысль поразила Мойру:

— Дуайт, а ведь гонки, наверно, уже кончились. Глаза его округлились.

— Фу, пропасть! Я же хотел слушать репортаж по радио. Совсем забыл!

— И я тоже.— Мойра помолчала, потом прибавила: — Жаль, что мы не слушали. Какая же я эгоистка.

— Мы все равно ничего не могли бы поделать, детка.

— Знаю, но... сама не знаю. Надеюсь, с Джоном ничего не случилось.

— В семь передают последние известия. Тогда послушаем,— сказал Дуайт.

— Хотела бы я знать...— Мойра посмотрела вокруг: тихо зыблется река, протянулись длинные тени, золотится вечерний свет.— Тут чудесно. Можете вы поверить, по-настоящему поверить, что больше мы никогда этого не увидим?

— Я возвращаюсь домой,— негромко сказал Дуайт.— Ваша страна — замечательная, и мне здесь очень нравится. Но это не моя страна, и теперь я вернусь в мои родные места, к моим родным и близким. Мне нравится в Австралии, но все равно я рад буду вернуться наконец домой, в Коннектикут.— Он повернулся к Мойре.— Я ничего этого больше не увижу, потому что возвращаюсь домой.

— Вы расскажете про меня Шейрон?

— Конечно. А может быть, она уже знает.

Мойра пристально смотрела на камешки под ногами.

— Что вы ей скажете?

— Много всего,— негромко промолвил Дуайт.— Скажу, что мне пришлось бы худо, если б вы не скрасили мне самое трудное время. Скажу, что вы так поступали, хотя знали с самого начала — вам это радости не принесет. Скажу, что это благодаря вам я возвратился к ней таким же, как был, а не опустившимся пьяницей. Скажу, что вы помогли мне остаться ей верным и далось это вам нелегко.

Мойра встала.

— Идемте в гостиницу,— сказала она.— Вам очень повезет, если Шейрон поверит вам хоть на четверть.

Дуайт тоже поднялся.

— Не согласен,— сказал он.— Я думаю, она поверит всему с начала и до конца, потому что все это правда.

Они вернулись со своим уловом в гостиницу. Привели себя в порядок, переоделись и снова встретились в баре, чтобы выпить перед пятичасовой трапезой; ели быстро, надо было не опоздать к передаче последних известий. Вот она и началась, новости были главным образом спортивные; оба слушали затаив дыхание, и вот диктор объявил:

— На автодроме в Турадине сегодня разыгрывался Большой приз Австралии, победил мистер Джон Осборн на «феррари». Вторым пришел...

— Он все-таки выиграл! — воскликнула Мойра. Оба подались вперед, внимательно слушая.

Гонки омрачило большое количество аварий и несчастных случаев. Из восемнадцати гонщиков после восьмидесяти кругов финишировали только трое, шестеро погибли при авариях; а многие, в разной степени пострадавшие, отправлены в больницу. Победитель, мистер Джон Осборн, поначалу был осторожен и к сороковому кругу отставал от передовой машины мистера Сэма Бейли на три круга. Вскоре после этого мистер Бейли потерпел аварию на повороте под названием Оползень, и с этой минуты «феррари» начал набирать скорость. На шестидесятом круге он был уже впереди всех, к этому времени борьбу продолжали всего пять участников, и у мистера Осборна не осталось серьезных соперников. На шестьдесят пятом круге он поставил рекорд скорости — 97,83 мили в час, замечательное достижение для этой трассы. Затем мистер Осборн сбавил скорость до 89,61 мили в час. Мистер Осборн — сотрудник Британской Организации Научных и Промышленных Исследований, с автомобильной промышленностью не связан, в любительских гонках прежде не участвовал.

Позже Дуайт и Мойра перед сном постояли несколько минут на веранде гостиницы, смотрели на горы, будто вырезанные черным силуэтом в звездной ночи.

— Я рада, что Джон добился, чего хотел, — сказала девушка. — Он так жаждал победить. Наверно, для него это своего рода завершение.

Дуайт кивнул.

— Я бы сказал, в эти часы для всех нас всё завершается.

— Знаю. Осталось совсем мало времени. Завтра я хотела бы вернуться домой, Дуайт. Мы провели здесь

чудесный день, и рыбуловили. Но надо еще очень многое сделать, а времени почти не осталось.

— Ну конечно, детка. Я и сам об этом думал. Но вы рады, что мы сюда съездили?

Она кивнула.

— Это был для меня очень счастливый день, Дуайт. Не знаю почему... не только оттого, что поймалась форель. Я чувствую... наверное, и у Джона такое же чувство... будто я одержала победу. Только сама не знаю, над чем.

Дуайт улыбнулся.

— И не старайтесь разобраться,— сказал он.— Просто почувствуйте себя победительницей и будьте за это благодарны. Я тоже был счастлив. Но я согласен, завтра нам надо вернуться. Возможно, там уже происходит всякое.

— Плохое?

Стоя рядом с нею в темноте, Дуайт наклонил голову:

— Я не хотел испортить вам эту поездку. Но вчера, перед тем как мы выехали, Джон Осборн сказал мне, что к вечеру четверга в Мельбурне несколько человек свалила лучевая болезнь. Думаю, сейчас больных много больше.

9

Во вторник утром Питер Холмс на своей машине отправился в Мельбурн. Дуайт Тауэрс по телефону назначил ему на десять сорок пять встречу в приемной адмирала Хартмена. В это утро радио впервые сообщало о случаях лучевой болезни в городе, и Мэри волновалась — не опасно ли ему туда ехать.

— Будь осторожен, Питер,— просила она.— Как бы ты не подхватил эту заразу. Может быть, не так уж тебе обязательно ехать?

Он не мог заставить себя в который раз повторить ей, что зараза — здесь же, вокруг, в их славной уютной квартирке: Мэри то ли не могла, то ли не хотела это понять.

— Ехать надо,— сказал он.— Но я не задержусь ни минуты лишней.

— Не оставайся обедать. Я уверена, здесь у нас воздух не такой вредный.

— Я сразу вернусь, — пообещал Питер.

Тут ее осенило.

— Придумала! — сказала она. — Возьми с собой формалиновые таблетки, помнишь, которые я принимала от кашля, и время от времени соси. Они замечательно помогают при всякой инфекции. Предохраняют от любой заразы.

Что ж, он послушается, ей будет спокойнее.

— Неплохая мысль, — сказал Питер.

До Мельбурна он ехал погруженный в раздумья. Теперь счет идет уже не на дни, счет идет на часы. Неизвестно, о чем будет речь на совещании у Главнокомандующего военно-морскими силами, но ясно, что его, Питера, служба завершается. Когда он сегодня поедет домой, с моряцкой жизнью, вероятно, будет уже покончено, а скоро будет и вовсе покончено с жизнью.

Он оставил машину на стоянке и прошел в Адмиралтейство. Здание, казалось, совсем обезлюдело; в приемной Питер застал одного только Дуайта в полной военной форме и отлично настроенного.

— Привет, дружище!

— Доброе утро, сэр, — отозвался Питер и огляделся. Конторка секретаря заперта, приемная пуста. — А разве капитан-лейтенант Торренс не приходил?

— Как будто нет. Наверно, взял на сегодня отпуск.

Дверь кабинета распахнулась, на пороге стоял сэр Дэвид Хартмен. Никогда на памяти Питера это румяное улыбчивое лицо не было таким серьезным, поистине адмирал на себя не похож.

— Входите, господа, — сказал сэр Дэвид. — Моего секретаря сегодня здесь нет.

Они вошли, им предложено было сесть в кресла у письменного стола, напротив хозяина.

— Не знаю, касается ли то, что я должен сказать, капитан-лейтенанта Холмса, — заговорил Тауэрс. — Возможно, в порту понадобится кое-какая помощь офицера связи. Может быть, вы предпочитаете, чтобы он подождал в приемной, сэр?

— Незачем, — сказал адмирал. — Если так мы быстрее покончим с делом, пусть он останется. Что именно вы хотите, капитан?

Дуайт чуть поколебался, подбирая слова.

— По-видимому, теперь я — старший по чину во всем военно-морском флоте Соединенных Штатов, — сказал он. — Никогда не думал достичь столь высокого

положения, но так уж случилось. Прошу простить, если я выразил это не в надлежащей форме и не теми словами, сэр. Но я должен сказать, что вывожу свою подводную лодку из-под вашего командования.

Адмирал медленно наклонил голову.

— Очень хорошо, капитан. Угодно вам покинуть территориальные воды Австралии или остаться здесь в качестве нашего гостя?

— Я хочу вывести «Скорпион» из территориальных вод,— был ответ.— Не могу сейчас сказать точно, когда это будет, вероятно, еще до конца недели.

Адмирал кивнул. И обратился к Питеру:

— Распорядитесь в порту, чтобы подводную лодку снабдили всем необходимым и отбуксировали,— сказал он.— Капитану Тауэрсу надо обеспечить наилучшие условия.

— Слушаю, сэр.

— Вот не знаю точно, как с платежами, сэр,— обратился американец к адмиралу.— Прошу извинить, у меня нет опыта по этой части.

Тот слабо улыбнулся:

— Будь у вас такой опыт, капитан, едва ли он был бы нам очень полезен. Пусть сохранится обычный порядок. Общая сумма всех издержек подсчитывается здесь, документы и дубликаты за надлежащими подписями предъявляются военно-морскому атташе вашего посольства в Канберре, и он пересылает их в Вашингтон для окончательного утверждения. Думаю, по этому поводу вам незачем беспокоиться.

— То есть я просто могу сняться с якоря и уйти? — спросил Дуайт.

— Вот именно. Рассчитываете вы еще вернуться в австралийские воды?

Американец покачал головой.

— Нет, сэр. Я намерен вывести свою подводную лодку в Бассов пролив и затопить ее.

Питер и раньше предполагал нечто подобное, и все же... так скоро, так неотвратно, и эти деловитые переговоры... его как громом поразило. Он хотел было спросить, не намерен ли Дуайт вывести лодку на буксире и с ним отправить команду обратно на берег, но промолчал. Пожелай американцы получить лишних день-два жизни, они бы попросили буксир, но едва ли они этого хотят. Лучше пойти на дно, чем умирать от рвоты и поноса, бездомными, на чужой земле.

— На вашем месте я, вероятно, поступил бы так же,— сказал адмирал.— Что ж, остается только поблагодарить вас за сотрудничество, капитан. И пожелать вам успеха. Если до отплытия вам что-либо понадобится, не стесняйтесь спросить — или просто берите, что хотите.— Лицо его исказилось внезапной судорогой боли, он стиснул лежащий перед ним карандаш. Потом перевел дух, поднялся из-за стола.— Прошу извинить. Я на минуту вас оставляю.

Он поспешно вышел, дверь за ним закрылась. При его внезапном уходе капитан и офицер связи встали и, уже не садясь, обменялись беглым взглядом.

— Вот оно,— сказал Тауэрс.

— Вы думаете, и с секретарем то же самое? — вполголоса спросил Питер.

— Думаю, да.

Минуту-другую они стояли молча, невидящими глазами смотрели в окно.

— Продовольствие,— сказал наконец Питер.— На борту «Скорпиона» почти ничего нет. Ваш помощник составляет список всего, что понадобится, сэр?

Дуайт покачал головой.

— Нам ничего не понадобится. Я только выведу лодку из бухты, за пределы территориальных вод.

Тут офицер связи все-таки задал вопрос, который хотел задать раньше:

— Может быть, снарядить буксир, чтобы вышел со «Скорпионом» и доставил команду обратно?

— Не нужно,— сказал Дуайт.

Они стояли в молчании еще минут десять. Наконец появился адмирал, лицо его покрывала пепельная бледность.

— Вы очень любезны, что подождали,— сказал он.— Мне немного нездоровится.— Он больше не сел в кресло, так и остался стоять у стола.— Настал конец нашему долгому сотрудничеству, капитан,— сказал он.— Мы, британцы, всегда охотно работали вместе с американцами, особенно на морях. Не раз и не два нам было за что вас благодарить, думаю, взамен и вы что-то почерпнули из нашего опыта. Всему этому настал конец.— Он мгновение помолчал, потом с улыбкой протянул руку — Мне осталось только проститься.

Дуайт пожал протянутую руку.

— Было очень приятно служить под вашим коман-

дованием, сэр. Говорю это не только от себя, но от имени всей команды.

Дуайт с Питером вышли из кабинета и дальше, через унылое опустевшее здание, во двор.

— Что теперь, сэр? — спросил Питер. — Поехать мне с вами в порт?

Капитан покачал головой.

— Я полагаю, вы можете считать себя свободным. Ваша помощь там больше не понадобится.

— Если я хоть чем-то могу быть полезен, я с радостью поеду.

— Не надо. Если помощь потребуется, я позвоню вам домой. Но теперь ваше место дома, приятель.

Вот и конец их доброму товариществу.

— Когда вы отплываете? — спросил Питер.

— Точно не знаю, — был ответ. — На сегодняшнее утро в команде заболели семеро. Думаю, мы пробудем здесь еще день или два и отчалим, вероятно, в субботу.

— Много народу уходит с вами?

— Десять человек. Я одиннадцатый.

Питер вскинул на него глаза.

— А вы пока здоровы?

Дуайт улыбнулся.

— До сих пор думал, что здоров, а сейчас не уверен. Обедать я сегодня не собираюсь. — Он чуть помолчал. — А как вы?

— Я в порядке. И Мэри тоже... так я думаю.

Дуайт повернул к машинам.

— Сейчас же возвращайтесь к ней. Незачем вам тут оставаться.

— Мы еще увидимся, сэр?

— Не думаю, — отвечал капитан. — Я возвращаюсь домой, домой в город Мистик, штат Коннектикут, и рад вернуться.

Больше нечего было делать и не о чем говорить. Они пожали друг другу руки, разошлись по машинам и поехали каждый своей дорогой.

В двухэтажном кирпичном, старинной постройки доме в Молверне стоял у кровати своей матери Джон Осборн. Он был еще здоров, но старая дама захворала в воскресенье утром, на другой день после того, как он выиграл Большие гонки. В понедельник ему удалось вызвать к ней врача, но врач ничем не сумел помочь и

больше не явился. Приходящая прислуга тоже не появлялась, и теперь физик сам ухаживал, как мог, за больной матерью.

Впервые за последнюю четверть часа она открыла глаза.

— Джон,— промолвила она,— вот эту самую болезнь нам и предсказывали?

— Думаю, да, мама,— мягко ответил сын.— Со мной тоже так будет.

— Доктор Хемилтон так и сказал? Я что-то не помню.

— Это он мне сказал, мама. Едва ли он приедет еще раз. Он сказал, что и у него начинается то же самое.

Длинное молчание.

— Долго я буду умирать, Джон?

— Не знаю. Может быть, неделю.

— Какая нелепость. Слишком долго.

Она опять закрыла глаза. Джон отнес таз в ванную, вымыл его и вернулся в спальню. Мать снова открыла глаза.

— Где Мин? — спросила она.

— Я выпустил его в сад. По-моему, он хотел выйти.

— Мне его так жалко,— пробормотала старая женщина.— Когда нас никого не станет, ему будет ужасно одиноко.

— Ему будет не так уж плохо, мама,— сказал сын, без особой, впрочем, уверенности.— Останется сколько угодно собак, будет с кем играть.

Она заговорила о другом:

— Мне пока ничего не нужно, милый. Ступай, займись своими делами.

Джон поколебался.

— Мне надо бы заглянуть в институт. Я вернусь к обеду. Чего тебе хочется на обед?

Она опять закрыла глаза.

— Найдется у нас молоко?

— В холодильнике целая пинта,— ответил Джон.— Попробую достать еще. Правда, теперь это не так просто. Вчера молока нигде не было.

— Мину хоть немножко нужно. Молоко ему очень полезно. И в кладовке должны быть консервы, три банки крольчатины. Открой одну ему на обед, что останется, сунь в холодильник. Мин так любит крольчатину. Насчет обеда для меня не хлопочи, пока не вернешься. Если захочется есть, я сделаю себе овсянку.

— Ты уверена, что обойдешься без меня? — спросил Джон.

— Конечно.— Мать протянула руки.— Поцелуй меня, пока не ушел.

Он поцеловал увядшие щеки, и мать, улыбаясь ему, откинулась в постели.

Джон Осборн поехал в институт. Там не было ни души, но на его столе лежала ежедневная сводка — доклад о случаях лучевой болезни. К сводке приколоты записка секретарши: она очень плохо себя чувствует и, вероятно, больше на службу не придет. Она благодарит его за неизменную доброту, поздравляет с победой на гонках и хочет сказать, как приятно ей было служить под его началом.

Осборн отложил записку и взялся за сводку. Сообщалось, что в Мельбурне, судя по всему, болезнь охватила примерно половину населения. Семь случаев отмечены в Хобарте (Тасмания), три — в Крайстчерче (Новая Зеландия). Доклад — вероятно, последний, какой ему довелось получить, — был много короче обычного.

Джон Осборн прошел по пустым комнатам, брал и мельком просматривал бумаги то с одного, то с другого стола. Вот и эта полоса его жизни кончается, как все предыдущие. Он не стал здесь задерживаться, мучила тревога о матери. Вышел на улицу и отправился домой в случайном переполненном трамвае, изредка они еще ходили. Вагоновожатый был на месте, но кондуктора не оказалось, времена платы за проезд миновали. Осборн заговорил с вожатым. Тот сказал:

— Я буду водить эту чертову коробку, покуда не захвораю, приятель. А когда затошнит, отгоню ее в Кью, в тамошнее депо и пойду домой. Я там живу, в Кью, понятно? Тридцать семь лет я водил трамвай во всякую погоду и не брошу до последнего.

В Молверне Джон Осборн сошел и пустился на поиски молока. Оказалось, это безнадежно; то небольшое, что еще имелось в молочных, оставляли детям. Домой к матери он вернулся с пустыми руками.

Он вошел в дом, прихватив из сада китайскую собачку, — наверно, матери приятно будет ее видеть. Поднялся на второй этаж, Мин прыгал по ступеням, опережая его.

В спальне мать лежала на спине, закрыв глаза, постель чиста и опрятна, на одеяле ни складочки. Дуайт подошел ближе, тронул мать за руку... мертва. Рядом на

ночном столике стакан с водой, несколько строк карандашом на листке, маленькая красная коробочка и пустой пластиковый пузырек. Дуайт не знал, что у матери это было припасено.

Он взял записку и стал читать:

Сынок мой, было бы слишком нелепо испортить последние дни твоей жизни, цепляясь за свою, она мне теперь так тяжка. Не хлопочи о похоронах. Просто закрой дверь и оставь меня на моей постели, в моей комнате, среди вещей, которые меня окружают. Так мне будет хорошо.

С маленьким Мином поступи как считаешь нужным. Мне его очень, очень жаль, но я ничего не могу поделать.

Я очень рада, что ты победил на гонках.

Нежно любящая тебя *мама*.

Скупые редкие слезы поползли по его щекам и тотчас же иссякли. Мама всегда бывала права, сколько он себя помнил, и сейчас она тоже права. Он вышел из спальни, глубоко задумавшись, прошел в гостиную. Пока он еще не болен, но, возможно, это настигнет его через считанные часы. Маленькая собака шла за ним по пятам; Джон сел, взял ее на руки, ласково потрепал шелковистые уши.

Немного погодя он поднялся, оставил собаку в саду и пошел в соседнюю аптеку на углу. К своему удивлению, он еще застал здесь девушку-продавщицу; она протянула ему красную коробочку:

— Все за ними приходят, — сказала она с улыбкой. — Очень бойкая у нас торговля.

Он улыбнулся в ответ:

— Я предпочел бы в шоколаде.

— Я тоже, — сказала девушка, — но, по-моему, таких не делают. Я свои запью фруктовой водой с мороженым.

Джон Осборн снова улыбнулся и оставил девушку за аптечной стойкой. Вернулся домой, взял из сада в кухню собаку и принялся готовить ей ужин. Открыл банку крольчатины, слегка подогрел в духовке и смешал с четырьмя облатками нембутала. Поставил это угощение перед Мином, который жадно накинулся на еду, оправил его постель в корзинке и поуютней придвинул ее к печке.

Потом из прихожей позвонил по телефону в клуб и

заказал там себе комнату на неделю. Поднялся к себе и стал укладывать чемодан.

Через полчаса он спустился в кухню; Мин, совсем сонный, мирно лежал в своей корзинке. Физик внимательно прочел наставления, напечатанные на картонной коробке, и сделал собаке укол; она и не почувствовала иглу.

Убедившись, что собачка мертва, Джон отнес ее наверх и поставил корзинку на пол возле постели матери.

И вышел из дому.

Вечер вторника в доме Холмсов выдался беспокойный. Около двух часов ночи малышка заплакала и уже не умолкала до рассвета. Молодым родителям было не до сна. Около семи утра девочку вырвало.

День наступал дождливый, холодный. При хмуром свете муж и жена посмотрели друг на друга, оба измучились, обоим нездоровилось.

— Питер... по-твоему, это то самое и есть, да? — спросила Мэри.

— Не знаю. Но очень может быть. Видимо, сейчас все заболевают.

Она устало провела рукой по лбу.

— Я думала, здесь, за городом, с нами ничего не случится.

Питер не знал, какими словами ее утешать, а потому спросил:

— Выпьешь чаю? Я поставлю чайник.

Мэри опять подошла к кровати, посмотрела на дочурку — та как раз притихла. Питер повторил:

— Как насчет чашки чая?

Ему полезно выпить чашечку, подумала Мэри, он почти всю ночь был на ногах. Она заставила себя улыбнуться.

— Чай — это чудесно.

Он пошел на кухню готовить чай. Мэри чувствовала себя прескверно, и теперь ее замутило. Конечно, это бессонная ночь виновата и она переволновалась из-за Дженнифер. Питер хлопочет в кухне; она тихонько пройдет в ванную, он ничего и не узнает. Ее нередко тошнило, но на этот раз он может подумать, вдруг тут что-то другое, и станет волноваться.

В кухне пахло затхлым, а может быть, просто показалось. Питер налил в электрический чайник воды из-под крана, сунул штепсель в розетку, включил; счетчик ожил,

и Питер вздохнул с облегчением: ток есть. Не сегодня завтра электричества не станет, вот тогда будет худо.

Духота в кухне нестерпимая; Питер распахнул окно. Его вдруг бросило в жар, опять в холод, и он почувствовал, что сейчас его стошнит. Он тихо прошел к ванной, но дверь оказалась заперта, значит, там Мэри. Незачем ее пугать; через черный ход он вышел под дождь, и в укромном уголке за гаражом его стошнило.

Он еще постоял здесь. В дом вернулся бледный, ослабевший, но все же ему полегчало. Чайник уже кипел, Питер заварил чай, поставил на поднос две чашки и пошел в спальню. Мэри была здесь, наклонилась над дочкиной кроваткой.

— Я принес чай,— сказал Питер.

Она не обернулась, побоялась, что лицо ее выдаст. Сказала:

— Вот спасибо! Налей, я сейчас.

Едва ли она сможет выпить хоть глоток, но Питеру чай пойдет на пользу.

Он наполнил обе чашки, присел на край кровати, осторожно пригубил; от горячего чая желудок словно бы успокоился. Чуть погодя Питер сказал:

— Иди пей, родная. Твой чай остынет.

Мэри нехотя подошла; может быть, она и справится. Она посмотрела на мужа, его халат был мокрый от дождя.

— Питер, да ты совсем промок! — вскрикнула Мэри.— Ты выходил из дому?

Питер взглянул на рукав халата; он совсем про это забыл.

— Надо было выйти,— сказал он.

— Зачем?

Он больше не мог притворяться.

— Просто меня стошнило. Думаю, ничего серьезного.

— Ох, Питер. И со мной то же самое.

Минуту-другую они молча смотрели друг на друга. Потом Мэри сказала глухо:

— Наверно, это из-за пирожков с мясом, которые были на ужин. Ты ничего такого не заметил?

Питер покачал головой.

— По-моему, пирожки были хорошие. И потом, Дженнифер ведь пирожков не ела.

— Питер... По-твоему, это то самое?

Он взял ее за руку.

— Сейчас заболевают все. И нас не минует.

— Не минует, нет,— задумчиво отозвалась Мэри.—

Видно, никуда не денешься.— Она подняла глаза, встрети-
лась с ним взглядом.— Это конец, да? Нам будет все
хуже, хуже, и мы умрем?

— Думаю, порядок такой,— подтвердил Питер. И
улыбнулся ей.— Я еще никогда не пробовал, но, говорят,
все происходит именно так.

Мэри повернулась и пошла в гостиную; Питер, чуть
помешкав, последовал за ней. Она стояла у застек-
ленных дверей и смотрела на сад, она всегда так его
любила, а сейчас он по-зимнему унылый, обнаженный
ветром.

— Как мне жаль, что мы так и не купили садовую
скамейку,— ни с того ни с сего сказала Мэри.— Она бы
так славно выглядела вон там, у стены.

— Попытка не пытка, съезжу сегодня, вдруг доста-
ну,— заявил Питер.

Жена обернулась к нему.

— Если ты нездоров, не езд.

— Посмотрим, как я буду себя чувствовать через час-
другой. Лучше чем-то заняться, чем сидеть сиднем и
только и думать, ах, какой я несчастный.

Мэри улыбнулась.

— Мне вроде сейчас получше. Ты как, позавтра-
каешь?

— Ну, не знаю,— сказал Питер.— Не уверен, что я
настолько пришел в себя. Какая у нас есть еда?

— Три пинты молока. По-твоему, можно будет до-
стать еще?

— Пожалуй, да. Возьму машину и съезжу.

— Тогда, может быть, позавтракаем овсяными хло-
пьями? На пакете написано, что в них много глюкозы.
Это ведь полезно, когда болеешь, правда?

Питер кивнул.

— Пожалуй, я приму душ. Наверно, он меня подбод-
рит.

Так он и сделал, а когда потом вышел из спальни,
Мэри в кухне хлопотала над завтраком. С изумлением
Питер услышал, что она поет — напевает веселую песен-
ку, в которой спрашивается, кто до блеска начистил солн-
це. Питер вошел в кухню.

— Ты как будто повеселела,— заметил он.

Мэри подошла к нему.

— Это такое облегчение,— сказала она, и теперь он
увидел — напевая песенку, она всплакнула. Озадаченный,
не выпуская ее из объятий, он утер ее слезы.

— Я так тревожилась, совсем извелась, — всхлипнула она. — Но теперь все будет хорошо.

Какое уж там хорошо, подумал Питер, но вслух не сказал.

— Из-за чего ты так тревожилась? — спросил он мягко.

— Люди заболевают в разное время, — сказала она. — Так я слышала. Некоторые на две недели позже других. Вдруг я свалилась бы первая, бросила тебя и Дженнифер, или первым заболел бы ты и оставил нас одних. Мне было так страшно...

Она подняла глаза, встретила с ним взглядом и сквозь слезы улыбнулась.

— А теперь мы заболели все трое в один день. Правда, нам повезло?

В пятницу Питер Холмс поехал в Мельбурн, будто бы на поиски садовой скамейки. Он гнал свой маленький «моррис» вовсю, не следовало надолго отлучаться из дому. Он хотел поговорить с Джоном Осборном, и не откладывая; толкнулся сперва в городской гараж, но там было заперто; потом поехал в НОНПИ. Наконец он разыскал Осборна в клубе «На природе», в спальне; тот выглядел совсем больным и слабым.

— Прости, что беспокою тебя, Джон. Как ты себя чувствуешь?

— Уже заполучил, — сказал физик. — Второй день. А ты?

— Вот потому я и хотел тебя повидать, — начал Питер. — Наш доктор, видно, умер, во всяком случае, он никого не навещает. Понимаешь, Джон, мы с Мэри со вторника совсем разладились — рвота и прочее. Ей очень худо. А мне со вчерашнего дня, с четверга, становится все лучше. Я ей ничего не сказал, но чувствую себя отлично и голоден как волк. По дороге сюда заехал в кафе и позавтракал — уплет яичницу с грудинкой и все, что еще полагается, и опять хочу есть. Похоже, я выздоравливаю. Скажи, может так быть?

Физик покачал головой.

— Окончательно выздороветь нельзя. На время можешь оправиться, а потом опять заболеешь.

— На какое время?

— Пожалуй, дней на десять. Потом опять заболеешь.

Не думаю, что возможно второе улучшение. Скажи, а Мэри очень плохо?

— Неважно. Я должен поскорей вернуться.

— Она лежит?

Питер покачал головой.

— Сегодня утром она ездила со мной в Фолмут покупать средство от моли.

— Средство от чего?!

— От моли. Ну, знаешь, нафталин.— Питер замялся.— Ей так захотелось. Когда я уезжал, она убирала всю нашу одежду, чтоб моль не завелась. Между приступами она еще может этим заниматься и непременно хочет все убрать.— Он опять заговорил о том, ради чего приехал: — Послушай, Джон. Я так понял, что могу прожить здоровым неделю, от силы десять дней, а потом все равно крышка, так?

— Никакой надежды, старик,— подтвердил Осборн.— Выжить никто не может. Эта штука всех выметет подчистую.

— Что ж, приятно знать правду. Незачем трепыхаться и обманывать себя. Скажи, а могу я что-нибудь для тебя сделать? Сейчас мне надо поскорей назад к Мэри.

Физик покачал головой.

— У меня почти все доделано. Надо еще управиться с одной-двумя мелочами, и тогда я, пожалуй, все закончу.

Питер помнил, что у Джона есть еще и домашние обязанности.

— Как мама?

— Умерла,— был краткий ответ.— Теперь я живу здесь.

Питер кивнул, но его уже снова захлестнули мысли о Мэри.

— Мне пора,— сказал он.— Счастливо, старик.

Джон Осборн слабо улыбнулся.

— До скорого,— ответил он.

Проводив глазами моряка, он поднялся с постели и вышел в коридор. Возвратился через полчаса, бледный, очень ослабевший, губы его кривились от отвращения к собственному грешному телу. Все, что надо сделать, он должен сделать сегодня; завтра уже не хватит сил.

Он тщательно оделся и сошел вниз. Заглянул в зимний сад; там в камине горел огонь и одиноко сидел со стаканчиком хереса Осборнов дядюшка. Он поднял глаза на племянника.

— Доброе утро, Джон. Как спалось?

— Прескверно. Я совсем расхворался,— был суховатый ответ.

Багрово-румяное лицо старика омрачилось.

— Грустно это слышать, мой мальчик,— озабоченно сказал он.— Что-то в последнее время все расхворались. Знаешь, я вынужден был пойти в кухню и сам готовил себе завтрак! Представляешь, в нашем-то клубе!

Он жил в клубе уже три дня, после смерти сестры, которая вела хозяйство в его доме в Мейседоне.

— Но Коллинз, швейцар, сегодня явился на работу, он нам приготовит что-нибудь на обед. Ты сегодня обедаешь здесь?

Джон Осборн знал, нигде он обедать не будет.

— Извините, дядя, сегодня никак не могу. Мне надо в город.

— Какая досада. Я надеялся, что ты будешь тут и поможешь нам расправиться с портвейном. Мы приканчиваем последнюю партию, там, по-моему, бутылок пятьдесят. Как раз хватит до конца.

— А как ваше самочувствие, дядя?

— Лучше некуда, мой мальчик, лучше некуда. Вчера после ужина стало немножко не по себе, но это, наверно, бургундское виновато. По-моему, бургундское плохо сочетается с другими винами. В прежние времена во Франции если уж пили бургундское, так из пинтовой кружки или какие там французские меры, и уж ничего другого не пили весь вечер. Но я пришел сюда, спокойненько выпил коньяку с содовой и с кусочком льда, и когда поднялся к себе, уже чувствовал себя совсем хорошо. Нет, я прекрасно спал всю ночь.

Любопытно, надолго ли спиртные напитки поддерживают невосприимчивость к лучевой болезни, спросил себя физик. Насколько ему известно, наука еще не занималась подобными исследованиями; вот подвернулся удобный случай, но изучить его некому.

— Остаться до обеда не могу, не взыщите,— сказал он старику.— Но, может быть, вечером увидимся.

— Ты меня застанешь здесь, мой мальчик, я буду здесь. Вчера вечером со мной ужинал Том Фозерингтон и обещал прийти утром, но что-то его не видать. Надеюсь, он не болен.

Джон Осборн вышел из клуба и как во сне побрел по тенистым улицам. Необходимо позаботиться о «феррари», а значит, он должен дойти до гаража; после

можно будет и отдохнуть. Он миновал было распахнутую дверь аптеки, помешкал немного и вошел. Аптека была пуста и заброшена, за стойкой никого. Посредине на полу раскрытый ящик, полный красных картонных коробочек, и еще куча их громоздится на стойке между таблетками от кашля и губной помадой. Осборн взял одну коробочку, сунул в карман и пошел дальше.

Дошел, отворил раздвижные двери гаража, — и вот он, «феррари», стоит посреди гаража, в точности как Джон его оставил, хоть сию минуту садись за руль и поезжай. Из Больших гонок машина вышла без единой царапинки, ни дать ни взять игрушка, вынутая из подарочной коробки. Он бесконечно дорожит этим своим сокровищем, после гонок оно ему стало еще дороже. Сейчас ему слишком плохо, чтобы вести машину, и, возможно, никогда больше ему на ней не ездить, но нет, не настолько он болен, чтобы не коснуться ее, не позаботиться о ней, не потрудиться над нею. Он повесил куртку на гвоздь и принялся за работу.

Первым делом надо поднять колеса, подложить кирпичи под раму, покрышки не должны касаться пола. От усилий, которые потребовались, чтобы передвигать тяжелый домкрат, орудовать им, подкладывать кирпичи, Осборну опять стало плохо. Тут не было уборной, но позади гаража на грязном, захламленном дворе свалены были черные, в смазке и мазуте останки допотопных брошенных машин. Осборн пошел туда и потом вернулся к «феррари», совсем ослабев, но с твердой решимостью завершить работу сегодня же.

До нового приступа он успел покончить с домкратом. Отвернул краник, слил воду из системы охлаждения, и пришлось снова выйти во двор. Ну, ничего, тяжелая работа позади. Он отсоединил клеммы от аккумуляторной батареи и смазал концы. Потом отвернул все шесть свечей зажигания, залил цилиндры маслом и опять накрепко ввернул свечи.

Потом он немного отдохнул, прислонясь к машине; теперь она в полном порядке. Новый спазм настиг его, опять пришлось идти во двор. Когда вернулся, уже смеркалось, близился вечер. Все, что надо, чтобы оставить дорогую его сердцу машину в целости и сохранности, сделано, но Джон Осборн не уходил, не хотелось с нею расставаться, да и страшновато — вдруг новый

приступ настигнет его раньше, чем он доберется до клуба.

Сейчас он в последний раз сядет за баранку, коснется каждой кнопки, каждого рычажка. Шлем и защитные очки лежали на сиденье; он аккуратно надел шлем, очки подвесил на ремешке на шею и пристроил под подбородком. И забрался на свое место за баранкой.

Здесь спокойно, куда спокойней, чем в клубе. Приятно ощущать ладонями баранку, три маленьких циферблата, окружающие огромный по сравнению с ними циферблат тахометра, — хорошие друзья. Эта машина выиграла для него Большие гонки, подарила ему лучшие в его жизни минуты. Чего ради тянуть?

Он достал из кармана красную коробочку, вытряхнул из флакона таблетки, бросил картонку на пол. Тянуть незачем: вот так лучше всего.

Он взял таблетки в рот и с усилием глотнул.

Из клуба Питер Холмс поехал в магазин на Элизабет-стрит, где не так давно покупал садовую косилку. Тут не было ни продавцов, ни покупателей, но кто-то взломал дверь, и конечно же, отсюда растащили кому что понадобилось. Внутри было темновато, электричество отключено. Отдел садовых принадлежностей помещался на втором этаже; Питер поднялся по лестнице и увидел скамейки, те самые, которые ему вспоминались. Он выбрал совсем легкую, с ярким съёмным сиденьем — наверно, оно понравится Мэри, а сейчас послужит прокладкой, и скамья не поцарапает крышу машины. Немалого труда стоило протащить скамейку по двум лестничным маршам, вынести за дверь, а там Питер поставил ее на тротуар и вернулся за сиденьем и веревками. На прилавке нашелся моток бельевой веревки. Питер вышел, взгромоздил скамейку на крышу «морриса» и, не жалея веревки, множеством петель привязал покупку ко всем пригодным для этого частям машины. И пустился в обратный путь.

Он был голоден, как волк и чувствовал себя как нельзя лучше. Жене он ни слова не говорил о том, что поправился, и не намерен говорить: она только расстроится, ведь теперь она уверена, что они встретят смерть вместе. По дороге домой он остановился у того же кафе, где утром завтракал; тут хозяйничала супружеская чета, оба, судя по виду, пышущие здоровьем вы-

пивохи. На обед Питеру подали жаркое; он уплел две полные тарелки и в довершение солидную порцию горячего пудинга с джемом. Напоследок попросил приготовить ему побольше сандвичей с ломтями говядины — объемистый пакет можно будет оставить в багажнике, Мэри ничего не узнает, а он сможет вечером выйти из дому и втихомолку подзаправиться.

Домой он вернулся среди дня и, не снимая скамью с машины, вошел в свою квартирку. Мэри лежала на кровати полуодетая, укрывшись пуховым одеялом; казалось, в доме как-то холодно и сыро. Питер сел подле Мэри на край кровати.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Ужасно, — был ответ. — Питер, я так беспокоюсь за Дженнифер. Я никак не могла заставить ее хоть что-нибудь проглотить, и у нее все время расстройство.

Она прибавила еще кое-какие подробности.

Питер пошел через комнату к кровати и посмотрел на малышку. Она явно осунулась и ослабела, так же как и Мэри. Похоже, обеим очень плохо.

— Питер, а ты как себя чувствуешь? — спросила Мэри.

— Неважно, — ответил он. — Меня два раза тошнило по дороге в город и еще раз на обратном пути. И несет без конца.

Она тронула его за руку.

— Не надо было тебе ездить...

Он улыбнулся ей:

— Зато я купил садовую скамейку.

Лицо Мэри просветлело.

— Правда? Где она?

— На машине. Ты полежи еще под одеялом. Я затоплю камин, в доме станет уютнее. А потом сниму скамейку с «морриса» и ты на нее посмотришь.

— Нельзя мне лежать, — устало сказала Мэри. — Надо все сменить у Дженнифер.

— Я сам сменю, первым делом. — Питер ласково уложил ее поудобнее. — Полежи еще в тепле.

Час спустя в гостиной пылал огонь в камине, а садовая скамейка стояла у ограды, там, где хотелось Мэри. И Мэри подошла к двери на веранду и любовалась покупкой, яркими красками мягкого сиденья.

— Прелесть, — сказала она. — Как раз то, что нам надо для этого уголка. До чего славно будет посидеть там как-нибудь летним вечером...

Зимний день уже кончался, моросил мелкий дождь.

— Питер,— попросила Мэри,— я посмотрела, а теперь, может быть, ты внесешь сиденье на веранду? Или лучше прямо сюда, чтобы высохло. Мне так хочется, чтобы летом оно было такое же красивое.

Питер так и сделал, потом они перенесли дочкину кроватку в гостиную, где уже стало теплее.

— Хочешь чего-нибудь поесть? — спросила Мэри.— У нас полно молока, пей, если можешь.

Он покачал головой.

— Я совсем не могу есть. А ты?

Мэри молча покачала головой.

— А если я приготовлю тебе подогретого коньяка с лимоном? Может, выпьешь?

Она чуть подумала.

— Попробую...— и плотней запахнула на себе халат.— Мне так холодно...

Огонь в камине пылал вовсю.

— Я пойду принесу еще дров,— сказал Питер.— А потом приготовлю тебе горячее питье.

Сгущались сумерки. Питер подошел к поленице, пользуясь случаем, достал из багажника сверток и съел подряд три сандвича. Когда он вернулся в гостиную с поленьями, Мэри стояла возле дочкиной кровати.

— Как ты долго! — упрекнула она.— Почему ты там застрял?

— Были кое-какие неприятности,— сказал он.— Наверно, опять пирожки с мясом виноваты.

Лицо Мэри смягчилось.

— Бедный мой Питер. У всех у нас неприятности...— Она склонилась над кроватью, потрогала дочкин лоб; малышка теперь лежала вялая, видно, уже и плакать не хватало силенок.— Питер, по-моему, она умирает...

Он обнял жену за плечи.

— И я умираю,— негромко сказал он,— и ты тоже. Всем нам уже недолго осталось. Вот чайник вскипел. Давай выпьем это питье.

Он отвел ее от кровати к камину, где разжег теперь настоящий костер. Мэри села прямо на пол, и Питер подал ей горячее питье: подлил в коньяк кипятка и выжал туда же ломтик лимона. Пристально глядя в огонь, Мэри понемножку отпивала из стакана, и ей стало по-

легче. Питер и себе приготовил такую же смесь, несколько минут они сидели молча. Потом Мэри сказала:

— Почему все это с нами случилось, Питер? Потому что Россия и Китай стали воевать друг с другом?

Он кивнул.

— Ну, примерно так. Но на самом деле все гораздо сложнее. Америка, Англия и Россия сперва бомбили военные объекты. А начала все Албания.

— Но мы-то здесь были ни при чем, правда — мы, в Австралии?

— Мы оказали Англии моральную поддержку, — сказал Питер. — Вероятно, больше ничем мы ей помочь и не успели бы. За месяц все кончилось.

— И никто не мог это остановить?

— Не знаю... Бывает тупоумие, которое ничем не остановишь. Я хочу сказать, если сразу несколько сотен миллионов человек вообразят, будто их национальное достоинство требует сбросить на соседей кобальтовую бомбу... ну, тут и ты и я мало что можем сделать. На одно только можно было надеяться — просветить людей, отучить их от тупоумия.

— Да как же отучить, Питер? Они все давно окончили школу.

— Газеты, — сказал Питер. — Кое-что можно было сделать через газеты. А мы не сделали. Ни одна страна ничего не сделала, потому что все мы были слишком тупы. Нам нравились наши газеты с фотографиями девиц в купальниках и кричащие заголовки сообщений об изнасилованиях, и ни у одного правительства не хватило мудрости помочь нам это изменить. Но будь мы достаточно разумны, возможно, с помощью газет что-то удалось бы сделать.

Мэри толком не поняла его рассуждений.

— Я рада, что газеты больше не выходят, — сказала она. — Без них гораздо приятнее.

Тут ее скрутил новый спазм, и Питер помог ей дойти до ванной. Пока она оставалась там, он вернулся в гостиную и постоял над детской кроваткой. Малышка совсем плоха, и ничем он не может ей помочь; навряд ли она проживет до утра. И Мэри тоже плоха, хотя и не настолько. Он один в семье здоров, и этого нельзя показать.

Мысль остаться без Мэри ужаснула его. Невозможно остаться одному в их квартирке; в считанные дни, что еще выпадут ему на долю, некуда будет идти и не-

чего делать. Будь «Скорпион» еще в Уильямстауне, можно бы присоединиться к Дуайту Тауэрсу и покончить со всем в море, труд моряка был делом его жизни. Но к чему это? Не желает он лишних дней, которые выпадают ему по странной прихоти необычного обмена веществ. Он хочет остаться с женой и дочуркой.

Мэри окликнула его из ванной, и он пошел помочь ей. Опять подвел ее к пылающему камину; она озябла, ее трясло. Питер опять дал ей горячего разбавленного коньяка, укутал ее плечи пуховым одеялом. Она держала стакан обеими руками, силилась справиться с дрожью, сотрясающей все тело.

Немного погодя она спросила:

— Питер, а как Дженнифер?

Он поднялся, отошел к кровати, вернулся.

— Она сейчас спокойна,— сказал он.— По-моему, без перемен.

— А сам ты как?

— Прмерзко.— Он наклонился к ней, взял за руку.— По-моему, тебе хуже, чем мне,— сказал он, ведь она не могла этого не понять.— Пожалуй, я протянул бы день-два лишних, но не больше. Наверно, это потому, что я физически крепче.

Мэри медленно кивнула. Потом сказала:

— Значит, надежды никакой нет? Ни для кого из нас?

Питер покачал головой.

— От этого не выздоравливают, родная.

— Боюсь, завтра мне уже не дойти до ванной. Питер, родной мой, мне хотелось бы покончить со всем этим сегодня же и взять с собой Дженнифер. По-твоему, это гадко?

Он поцеловал ее.

— По-моему, это разумно. И я с вами.

— Тебе ведь не так худо, как нам,— слабо возразила Мэри.

— Завтра будет так же,— сказал Питер.— Не стоит тянуть, ничего в этом нет хорошего.

Она сжала его руку.

— Что нам надо сделать, Питер?

Он минуту подумал.

— Сейчас я приготовлю грелки и положу в постель. Тогда ты наденешь свежую ночную сорочку и ляжешь, тебе будет тепло. Я принесу к нам в кровать Джен-

нифер. Потом запру дом, принесу тебе горячее питье, мы будем лежать рядом в постели и примем таблетки.

— Не забудь отключить электричество. А то вдруг мыши перегрызут провод и начнется пожар.

— Отключу,— сказал Питер.

Она подняла к нему глаза, полные слез.

— Ты сделаешь все, что надо, для Дженнифер?

Он провел рукой по ее волосам.

— Не тревожься,— мягко сказал он,— я все сделаю.

Он наполнил грелки горячей водой и положил в постель, заодно оправил ее, пускай все выглядит чисто и опрятно. Затем помог Мэри пройти в спальню. Вышел в кухню, в последний раз поставил чайник и, пока закипала вода, еще раз внимательно перечитал наставления, напечатанные на трех красных коробочках.

Потом он налил кипяток в термос, аккуратно поставил на подносе термос с двумя стаканами, коньяк, блюдо с половинкой лимона и отнес в спальню. Прикатил из гостиной дочкину кроватку и поставил возле большой кровати. Мэри в постели казалась такой чистенькой и свежей; когда Питер подкатил кроватку, она с усилием села.

— Дать ее тебе? — спросил Питер. Ему подумалось — может быть, ей хочется немного подержать малышку на руках.

Но Мэри покачала головой.

— Она слишком больна.— Посидела минуту, глядя на ребенка, потом устало откинулась на подушки.— Лучше я буду думать о ней, какая она была прежде, когда все мы были здоровы. Дай мне ту штуку, Питер, и покончим с этим.

Она права, подумал Питер, лучше кончать разом, не мучить себя горькими мыслями. Он сделал малышке укол в руку выше локтя. Потом переоделся в чистую пижаму, погасил в квартире все лампы, кроме ночника у кровати, закрыл экраном камин в гостиной и зажег свечу из запасенных на случай аварии на электростанции. Поставил свечу на ночной столик и отключил электричество в доме.

Уже в кровати, подле Мэри, он смешал коньяк с горячей водой и достал из красных коробочек таблетки.

— Мы чудесно прожили все годы с тех пор, как поженились,— тихо сказала Мэри.— Спасибо тебе за все, Питер.

Он притянул ее к себе и поцеловал.

— И для меня это было замечательное время,— сказал он.— На этом и кончим.

Они взяли таблетки и запили приготовленным питьем.

В тот вечер Дуайт позвонил в Харкауэй Мойре Дэвидсон. Набирал номер, не уверенный, соединит ли станция, а если соединит, подойдет ли кто-нибудь к телефону. Но автоматическая станция еще работала, и Мойра почти сразу подошла.

— Смотрите-ка,— сказал Дуайт,— а я сомневался, снимет ли кто-нибудь трубку. Как у вас дела, детка?

— Плохо. По-моему, маме с папой остались считанные часы.

— А вы сами?

— Примерно так же, Дуайт. А вы?

— В общем, так же. Я звоню, чтобы пока попрощаться, детка. Завтра утром мы выйдем на «Скорпионе» и затопим его.

— Вы не вернетесь? — спросила Мойра.

— Нет, детка. Нам не следует возвращаться. Осталось выполнить последнюю работу, и мы со всем закончим.— Он помедлил.— Я звоню, чтобы поблагодарить вас за эти полгода. Мне очень помогло, что вы были рядом.

— Мне тоже это очень помогло,— сказала Мойра.— Дуайт, если только сумею, можно я приеду вас проводить?

Он поколебался, ответил не сразу:

— Ну конечно. Но нам нельзя задерживаться. Люди уже сейчас очень слабы, а завтра будут еще слабее.

— В котором часу вы уходите?

— Отчалим в восемь, как только станет совсем светло.

— Я приеду,— сказала Мойра.

Он попросил поклониться за него отцу с матерью и повесил трубку. Мойра прошла в спальню родителей, они лежали на стоящих рядом кроватях, обоим было много хуже, чем ей; Мойра передала им привет от Дуайта. Потом сказала, что хочет съездить в порт.

— Вернусь к обеду,— пообещала она.

Мать сказала:

— Конечно, поезжай и попрощайся с ним, роднень-

кая. Он был тебе добрым другом. Но если не застанешь нас, когда вернешься, ты должна понять.

Мойра под села к ней на край кровати.

— Так плохо, мамочка?

— К сожалению, родная. И папе сегодня еще хуже, чем мне. Но на случай, если станет совсем скверно, у нас есть все, что нужно.

Со своей постели слабым голосом спросил отец:

— Дождь идет?

— Сейчас нет, папа.

— Пойди, пожалуйста, отвори ворота скотного двора, те, что выходят к сараям, хорошо? Все остальные ворота открыты, но скоту нужен доступ к сену.

— Сейчас же пойду и открою, папа. Может быть, еще что-нибудь сделать?

Отец закрыл глаза.

— Передай Дуайту мой сердечный привет. Жаль, что он не мог на тебе жениться.

— И мне жаль,— сказала Мойра.— Но он не из тех, чьи чувства переменчивы.

Она вышла в темноту, отворила ворота, ведущие в сторону сараев, проверила, открыты ли все остальные; коров нигде не было видно. Мойра вернулась в дом и сказала отцу, что исполнила его просьбу; он явно успокоился. Больше родителям ничего не было нужно. Она поцеловала обоих, пожелала им доброй ночи и пошла к себе; перед тем как лечь, завела свой маленький будильник на пять часов — вдруг уснет.

Но она почти не спала. За ночь четыре раза выходила в ванную и выпила полбутылки коньяку — единственное, что не вызывало рвоту. Когда прозвонил будильник, она поднялась, приняла горячий душ,— это ее немного подбодрило,— и надела красную блузу и брюки, то, что было на ней в день первой встречи с Дуайтом, много месяцев назад. Тщательно подкрасилась, надела пальто. Потом тихонько отворила дверь родительской спальни и, закрыв ладонью свет электрического фонарика, заглянула внутрь. Отец, видимо, спал, но мать, лежа в постели, ей улыбнулась; они оба тоже ночью то и дело вынуждены были вставать. Мойра тихо подошла к матери, поцеловала ее, вышла и неслышно затворила за собою дверь.

Она достала из кладовой непочатую бутылку коньяка, вышла к машине, включила зажигание и выехала на дорогу в Мельбурн. Не доезжая Оукли, в тусклой

предрассветной мгле, остановила машину на пустынной дороге, глотнула прямо из бутылки и поехала дальше.

Она проехала через безлюдный город и дальше, мимо унылых, однообразных заводских зданий, к Уильямстауну. В порт приехала около четверти восьмого; у раскрытых ворот никто не сторожил, и она проехала напрямик к причалу, где стоял авианосец. У трапа не было ни часового, ни дежурного офицера, никто ее не окликнул. Мойра поднялась на корабль, пытаясь вспомнить, как шла с Дуайтом, когда он ей показывал подводную лодку, и вскоре набрела на американского матроса, а он указал ей проход между стальными переборками к борту, откуда спущен был трап на «Скорпион».

Мойра остановила другого матроса, он как раз шел к трапу.

— Если увидите капитана Тауэrsa, может быть, спросите, не поднимется ли он сюда, я хотела бы с ним поговорить.

— А как же, леди,— с готовностью ответил матрос,— прямо сейчас ему и скажу.

Вскоре появился Дуайт и по трапу поднялся к ней. У него совсем больной вид, как у всех нас, подумалось Мойре. Не считаясь с тем, что на них обращены чужие взгляды, он взял ее руки в свои.

— Как славно, что вы пришли со мной проститься,— сказал он.— А что дома, детка?

— Очень плохо. Папе с мамой совсем недолго осталось, и мне, думаю, тоже. Сегодня для всех нас все кончится.— Она замялась, потом вымолвила: — Дуайт, я хочу вас кое о чем попросить.

— О чем, детка?

— Можно мне пойти с вами на «Скорпионе»? — Мойра помолчала, потом договорила: — Думаю, мне незачем возвращаться домой. Папа сказал, я просто могу оставить «форд» на улице. Машина ему больше не понадобится. Можно мне уйти с вами?

Он молчал так долго, что Мойра поняла — ответом будет «нет».

— Сегодня утром меня об этом же просили четыре человека,— сказал наконец Дуайт.— Я всем отказал, потому что дяде Сэму это бы не понравилось. Я командовал этой лодкой, соблюдая все флотские правила, и не отступаю от них до конца. Я не могу вас взять на

борт, детка. Каждый из нас должен принять то, что ему выпало.

— Что ж, пусть так,— глухо сказала Мойра. Потом подняла на него глаза.— Подарки при вас?

— Конечно. Я все это беру с собой, спасибо вам.

— Расскажите обо мне Шейрон. Нам нечего скрывать.

Дуайт коснулся ее руки.

— Сегодня вы одеты так же, как в тот день, когда мы встретились впервые.

Мойра слабо улыбнулась.

— «Пусть он все время будет занят, не давать ему задумываться, не то как бы он не расплакался». Справилась я со своей задачей, Дуайт?

— Прекрасно справились.

Он обнял ее и поцеловал, и на мгновение она прильнула к нему. И сразу высвободилась.

— Не стоит длить пытку. Все, что мы могли сказать друг другу, уже сказано. Когда вы отплываете?

— Очень скоро. Снимаемся с якоря минут через пять.

— А когда потопите «Скорпион»?

Дуайт минуту подумал.

— Тридцать миль по заливу и потом еще двенадцать. Сорок две морские мили. Я не стану терять время. Скажем, через два часа и десять минут после того, как отчалим.

Мойра медленно кивнула.

— Я буду думать о вас.— И, помолчав, прибавила: — Теперь идите, Дуайт. Может быть, когда-нибудь я навещу вас в штате Коннектикут.

Дуайт притянул ее к себе и хотел еще раз поцеловать, но она уклонилась.

— Нет... теперь идите.— И мысленно dokonчила: или расплачусь я. Дуайт медленно кивнул. Сказал только:

— Спасибо за все,— повернулся и стал спускаться по трапу на «Скорпион».

Теперь у трапа стояли, кроме Мойры, еще две-три женщины. Похоже, на авианосце не осталось матросов и некому было убрать трап. Мойра видела, как Дуайт вышел из недр подлодки на мостик и принялся командовать, видела, как отняты были канаты, закрепляющие трап, и нижний конец его свободно повис; как отдали кормовые швартовы; следила, как Дуайт что-то

сказал в переговорную трубу и как вскипела вода под кормой оттого, что медленно заработали винты и лодка развернулась кормой вперед. Серое небо начало сыпать мелким дождиком. Вот отданы носовые швартовы, матросы сложили их, захлопнули стальной люк надстройки, и «Скорпион» задним ходом, медленно описывая широкую дугу, начал отходить от авианосца. Потом люди скрылись внутри, на мостике остались только Дуайт да еще один моряк. Дуайт прощально поднял руку, и Мойра махнула в ответ, глаза ее затуманились слезами, низко сидящий в воде корпус лодки круто повернул за мыс Джеллибранд и скрылся в серой мгле.

Вместе с другими женщинами Мойра отошла от стального левого борта «Сиднея».

— Больше не для чего жить, — сказала она.

— А тебя никто и не заставляет, голубушка, — отозвалась одна из женщин.

Мойра слабо улыбнулась, взглянула на ручные часы. Три минуты девятого. Примерно в десять минут одиннадцатого Дуайт уйдет домой, домой в штат Коннектикут, в городок, который он так любил. А для нее в родном доме ничего не осталось; если сейчас вернуться в Харкауэй, только и найдешь, что коров да грустные воспоминания. Уйти с Дуайтом было нельзя, запрещают морские порядки, это она поняла. Но можно быть очень недалеко от него, когда он отправится домой, всего миль за двенадцать. Если она окажется рядом с улыбкой на лице, быть может, он возьмет ее с собой и она увидит, как Элен весело прыгает на «кузнечике».

Она поспешно прошла по сумрачным, гулким стальным внутренностям мертвого авианосца, отыскала трап и спустилась на причал, к своему «форду». Бак полон бензина из канистр, припрятанных накануне за стогом сена. Мойра села в машину, открыла сумочку, — да, красная коробочка на месте. Откупорила бутылку, жадно глотнула неразбавленного коньяка; хорошее пойло, помогает: с тех пор как она выехала из дому, ей ни разу не пришлось бегать. Мойра завела мотор, развернула машину, проехала по причалу, потом вон из порта и дальше, в объезд и предместьями, пока не выбралась на шоссе, ведущее к Джилонгу.

Здесь она прибавила газу и по свободному шоссе без помех, делая семьдесят миль в час, помчалась к Джилонгу — бледная девушка вся в ярко-алом, с летящими по ветру волосами, немного хмельная, на

полной скорости вела она большую машину. Миновала Лейвертон и тамошний огромный аэродром, Уэррибийскую опытную ферму и понеслась пустынной дорогой дальше на юг. Незадолго до Корайо ее скрутил внезапный спазм, пришлось остановить машину и укрыться в кустах; четверть часа спустя она вышла оттуда блеее полотна и жадно отпила из бутылки.

Потом с той же скоростью помчалась дальше. Слева промелькнула школа, потом унылые заводские кварталы Корайо, и вот уже Джилонг с его величественным собором. На высокой башне звонят колокола, возвещая о каком-то богослужении. Проезжая через город, Мойра немного сбавила скорость, но дорога была пустынна, лишь стояли у обочин заброшенные машины. На глаза попались только три человека, все трое — мужчины.

Прочь из Джилонга, до мыса Баруон и до моря еще четырнадцать миль дороги. Пересекая затопленный дождями выгон, Мойра почувствовала — силы ее иссякают, но теперь уже совсем недалеко. Еще через четверть часа она свернула вправо, на широкую аллею, обсаженную деревьями макрокарпа, — то была главная улица городка. В конце ее Мойра повернула налево, оставляя в стороне поле для игры в гольф и домик, где провела в детстве столько счастливых часов, — никогда больше она всего этого не увидит. Теперь направо, к мосту, до десяти остается еще минут двадцать, через пустую летнюю стоянку для жилых автоприцепов — на вершину мыса. И вот они, бурные мрачные воды, огромные валы катятся с юга и разбиваются о каменистый берег далеко внизу.

Океан пустынен и мрачен под низким серым небом, но далеко на востоке в тучах разрыв, и оттуда на воду падает сноп света. Мойра поставила «форд» поперек дороги, так, что впереди открылась вся водная ширь, вышла из машины, выпила еще коньяку и стала пытливо осматривать горизонт — не видно ли подводной лодки. И когда посмотрела в сторону Лонсдейлского маяка и входа в залив Порт-Филип, в каких-нибудь пяти милях, едва выступая из воды, возникла длинная серая тень и устремилась прочь, на юг.

Мойра не могла ничего различить, но знала — Дуайт стоит сейчас на капитанском мостике, уводя свой корабль в последний рейс. Она знала — он не может ее видеть и не может знать, что она смотрит вслед, но помахала ему рукой. Потом снова села в машину — слиш-

ком резок ледяной ветер, налетающий откуда-то с Южного полюса, а чувствует она себя прескверно, с таким же успехом можно смотреть вслед Дуайту из укрытия.

Так она сидела, держа на коленях бутылку, и тупо смотрела вслед скользящей низко в воде серой тени, уходящей в туманную даль. Вот и конец, всему, всему конец.

Вскоре лодку было уже не различить, она скрылась в тумане. Мойра взглянула на ручные часики — одна минута одиннадцатого. В эти последние минуты ей вспомнилась давняя детская вера; надо что-то сделать, подумала она. И слегка заплетающимся после выпитого языком пробормотала «Отче наш».

Потом достала из сумки красную коробочку, открыла пластиковый пузырек, подержала таблетки на ладони. Вздрогнула, ощутив новый спазм, и слабо улыбнулась.

— На этот раз я улизнала, — сказала она.

Откупила бутылку. Десять минут одиннадцатого. Сказала очень серьезно:

— Дуайт, если ты уже уходишь, подожди меня.

Высыпала таблетки в рот и, сидя за рулем большой машины, запила их коньяком.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Скороденко. Невил Шют, творец бестселлеров .....</i>	5
<i>Крысолов. Роман. Перевод Норы Галь .....</i>	19
<i>На берегу. Роман. Перевод Норы Галь .....</i>	249

Шют Н.

Ш99 Крысолов: Роман; На берегу: Роман/Пер. с англ. Н. Галь; Редкол.: Т. Балашова и др.; Вступ. ст. В. Скороденко; Ил. худож. Ю. Игнатьева.— М.: Худож. лит., 1991.—509 с. ил. (Зарубеж. роман XX в.).

ISBN 5-280-01848-1

В книгу вошли два лучших романа популярного на Западе австралийского писателя Невилла Шюта (1899—1960) «Крысолов» и «На берегу».

Драматические события первого романа происходят во Франции и сопряжены со временем гитлеровской оккупации. Волею судьбы старый англичанин оказывается в ответе за жизнь группы детей различной национальности.

Сюжет второго романа лег в основу прославленного фильма американского режиссера Стенли Крамера «На последнем берегу».

Ш 4703050100-102
028(01)-91 КБ-22-20-90

ББК 84.8

**Невил Шют
КРЫСОЛОВ
НА БЕРЕГУ**

**Зав. редакцией
М. Климова**

Редактор Е. Осенева

Художественный редактор Л. Калитовская

Технический редактор В. Нефедова

Корректоры О. Иванова, И. Шевякова

ИБ № 6501

**Сдано в набор 21.09.90. Подписано к печати 18.06.91. Формат 84×
×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс». Печать высокая.
Усл. печ. л. 26,88. Усл. кр.-отт. 27,3. Уч.-изд. л. 29,01. Тираж
100 000 экз. Изд. № VI-3937. Заказ № 967. Цена 4 р. 50 к.**

**Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художествен-
ная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19**

**Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени
МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета
СССР по печати. 113054, Москва, Валовая, 28**

4р. 50к.

Созданием файла в формате DjVu
занимался ewgeniy-new
(май 2015)